

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
112

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
112

Издательство «ИНДРИК» 2016

ББК 86.372
П 68

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Редакционная коллегия:

С.В. Степашин (председатель),
Д.Д. Васильев, В.Н. Ганичев, С.Ю. Житенёв,
С.П. Карпов, О.А. Колобов, Н.Н. Лисовой (ответственный редактор),
архиепископ Егорьевский Марк (Головков), Е.Н. Мещерская,
А.В. Назаренко, О.Г. Пересыпкин, М.Б. Пиотровский,
М.В. Рождественская, протоиерей Владимир Силовьев,
А.В. Салтанов, П.В. Стегний, С.В. Фатеев

Ответственный редактор

Н.Н. Лисовой

Тексты статей публикуются в авторской редакции

Православный Палестинский сборник. Выпуск 112. —
М.: Индрик, 2016. — 416 с.

ISBN 978-5-91674-424-4

ISBN 978-5-91674-424-4

- © Авторы статей, текст, 2016
- © Императорское Православное Палестинское Общество, 2016
- © Издательство «Индрик», оформление, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

МНОГАЯ ЛЕТА! К 70-летию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла	8
--	---

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

<i>Лисовой Н.Н., Микилева М.А., Смирнова И.Ю.</i> «Дело о Куполе» по документам Министерства иностранных дел Франции	13
--	----

<i>Лисовой Н.Н.</i> К вопросу о «грузинском реферате» архимандрита Антонина (Капустина)	29
--	----

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

<i>Гуминский В.М.</i> «... И я был в Иерусалиме» (Гоголь в Святой Земле)	41
---	----

<i>Балдин К.Е.</i> Мемуары священника Иоанна Рыжановского о паломничестве в Палестину и на Афон (1867 г.)	89
--	----

ИЗ ИСТОРИИ РПО ПРИ АН СССР

<i>Лисовой Н.Н.</i> Сорок лет в Палестинском Обществе (доклад-воспоминание)	111
--	-----

ПАЛЕСТИНОВЕДЕНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ
МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(СПБ., 19–20 октября 2016 г.)

- Житенёв С.Ю.* Современное палестиноведение и научная деятельность ИППО: к вопросу об определениях, составе и перспективах исследований 131
- Грушевой А.Г.* А.А. Дмитриевский — секретарь Императорского Православного Палестинского Общества (1906–1917) 136
- Денисова Е.В.* Кружки для пожертвований на нужды ИППО из собрания ГМИР и кружечный сбор в Российской империи 142
- Карпук Д.А.* Значение и история визита Антиохийского патриарха Григория IV в Россию в 1913 г. 147
- Мещерская Е.Н.* Поиски книг библиотеки Императорского Православного Палестинского Общества 155
- Панях А.В.* Библиотека В.Н. Хитрово в составе библиотеки Императорского Православного Палестинского Общества (в фондах Научной библиотеки ГМИР) 163
- Смирнова И.Ю.* Британское присутствие в Святой Земле во второй трети XIX в. по материалам архивов Великобритании . . 172
- Терюкова Е.А.* История формирования коллекции Императорского Православного Палестинского Общества в Музее истории религии 182
- Федорова И.В.* Восточнославянская паломническая литература в трудах архимандрита Леонида (Кавелина) 193
- Федотов П.В.* Образование как орудие «мягкой силы» «великих держав» на Ближнем Востоке в начале XX века (по материалам отчета М. Перно 1912 года) 205
- Фионин М.В.* К вопросу о черновиках И.Ю. Крачковского к работе «Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского» 213

К 1000-летию Русского Афона

Архимандрит Антонин (Капустин). Письма на Афон и в Афины /
Публикация К.А. Ваха, при участии А.А. Турилова и Л.А. Герд... 217

Смирнова И.Ю. К истории русско-афонских связей
в середине XIX в. (по материалам переписки
митрополита Филарета и А.Н. Муравьева)..... 351

Муравьев А.Н. Записка об иконописании Афонском /
Публикацию подготовили К.А. Вах и И.Ю. Смирнова..... 387

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЕКТА

Негуд Хасан Башир. Памятники христианства
в Нижней и Средней Нубии 397

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Житенёв С.Ю., Калинина Л.Г. Историк Церкви
и Русской Палестины: к 70-летию Н.Н. Лисового 406

ПАМЯТИ ПОЧИВШИХ

Долинина А.А. Ольга Борисовна Фролова (1926–2015) 413

МНОГАЯ ЛЕТА!

20 ноября 2016 г. Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу исполнилось 70 лет. Имя Патриарха давно стало для всех нас символом новой эпохи в служении и сознании Русской Церкви. Его Первосвятительское служение — это не только неустанный подвиг молитвы и учительства, повседневный труд окормления всероссийской паствы и бескрайнего «русского мира», но и сокровенная духовная лаборатория, разрабатывающая новое и строго отеческое богословское видение современного бытия и служения Церкви в мире, в обществе и государстве.

Неслучайно именно он, пред тем как встать у церковного кормила, призван был двадцать лет, в 1989–2009 гг., руководить Отделом Внешних Церковных Связей Московского Патриархата, который называли «штабом церковной стратегии». В трудные годы Отечества, в условиях распада державы и разделения народа, ответом на вызов враждебных сил стал основанный в 1993 г. Владыкой Кириллом Всемирный русский народный собор. В преддверии третьего тысячелетия христианства ему доверено было священноначалием возглавить работу над социальной концепцией Русской Православной Церкви.

Голос Церкви по острейшим проблемам современности — об отношении Церкви и церковной России к так называемым «общечеловеческим ценностям», о праве каждого народа, каждой религиозной и культурной традиции на собственный путь и собственную судьбу в истории, о примате веры, церковного и национального приоритета над бездуховностью и глобализмом — это твердый бесстрашный голос нашего Патриарха.

Императорское Православное Палестинское Общество благодарно помнит неизменно доброжелательное отношение Предстоятеля к нашей работе. Святейший Кирилл еще с 1990-х гг. входил в состав Совета Общества, а последние годы является Председателем Комитета почетных членов Общества. Благословение Патриарха — основа верного направления ИППО в его научных, просветительских и гуманитарных начинаниях в России, в Святой Земле и странах библейского Востока.

Всею душой присоединяемся к общенародному церковному хору поздравлений и пожеланий Святейшему — сил, здоровья, благодатной помощи Божией в трудах и подвигах на благо Родины и Церкви!

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ
В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

«ДЕЛО О КУПОЛЕ» ПО ДОКУМЕНТАМ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФРАНЦИИ

Н.Н. Лисовой, М.А. Микилева, И.Ю. Смирнова

Настоящей подборкой документов мы открываем публикацию французских источников по так называемому «Делу о куполе» — первому совместно-русско-французскому проекту в Святой Земле. Французские источники во многих случаях позволяют существенно дополнить историко-дипломатическую картину, реконструируемую на основании российских документов. Объективный анализ многофакторного сотрудничества двух великих держав с неизбежностью предполагает понимание и учет религиозно-цивилизационных задач, стоявших перед представителями интересов православного и католического мира в Святой Земле и на Ближнем Востоке.

В данном сборнике представлены документы из архива Министерства иностранных дел Франции (Les archives du Ministère des Affaires étrangères de la France) — в той его части, которая хранится в Нанте¹. Речь идет о проекте ремонта Большого Купола храма Гроба Господня, который стал первым шагом к сближению двух держав после Крымской войны. Вопрос о ремонте и реставрации храма с самого начала тормозился и торпедировался межконфессиональными противоречиями трех Церквей, в совместном владении которых находился и ныне находится храм Гроба Господня: православных, католиков и армян.

Прежде всего следует отметить, что «дело о Куполе» возникло еще до обострения Восточного вопроса или, точнее сказать, явилось одним из истоков подспудно и постепенно назревавшего кризиса, связанного со святыми местами Палестины. Проблемный узел вокруг святых мест и прежде всего храма Гроба Господня включал, с одной стороны, внешнеполитические факторы, вызванные с подписанием в 1840 и 1841 гг. Лондонских конвенций, с другой стороны реальным состоянием здания главного христианского святилища. Начало «делу о Куполе» положило землетрясение 1834 г. Казалось бы, стандартная архитектурно-финансовая задача — ре-

монт Большого Купола храма Гроба Господня, главной святыни христианства, — с самого начала воспринимался в международной дипломатии как вопрос политический и конфессиональный: кто будет осуществлять ремонт — православные греки как законные владельцы святых мест в Иерусалиме, турки или те, кому турки его поручат.

Отчаянное взаимное сопротивление конфессий «заморозило» решение вопроса на несколько лет. Между тем, путешественники, посещавшие Иерусалим, свидетельствовали об угрожающем состоянии храма. Когда в 1849 г. в Иерусалим приехал А.Н. Муравьев, он застал плачевную картину: «Совестно смотреть на оборванные листы свинца, и вода проникает во внутрь святилища» — писал он посланнику Титову в Константинополь². За годы Крымской войны ситуация усугубилась. «Храм произвел на меня грустное впечатление, — писал другой русский путешественник, — турок с трубкой, собирающий за вход, недостроенный Купол, завешанный циновками и полотном в лохмотьях, бегающие и ругающиеся монахи разных сект. Все это поражает и глубоко оскорбляет непривычного поклонника»³.

Для русского правительства спасение святыни стало не только вопросом первостепенной важности, но и делом чести. Во всеподданнейшем докладе князя А.М. Горчакова «О преобразовании Иерусалимской Духовной Миссии» от 23 марта 1857 г. заключительным 16-м пунктом программы деятельности Миссии значилось: «Весьма бы желательно было, чтобы до времени взаимное обладание святилищ различными исповеданиями оставалось *in statu quo*, если только уже не завладели ими латины после войны; но без всякого сомнения, вопрос о Куполе над Святым Гробом не может долее оставаться неразрешенным, потому что Купол сей совершенно разрушается»⁴.

Изучение документов по истории восстановления Купола позволяет выделить два различных по характеру периода: первый (1834–1862) был связан преимущественно с дипломатическими усилиями держав защитить или продвинуть интересы своих конфессий в деле ремонта Купола; второй (1862–1869) может быть обозначен, как преимущественно архитектурно-строительный, когда на основе подписанных соглашений архитекторы России и Франции совместно осуществили строительные и художественные работы, завершившиеся торжественным освящением нового Купола в 1869 г.

Каждый из периодов важен и интересен с точки зрения выявления политических и церковно-политических тенденций каждой из конкурирующих сторон и нуждается в особом обсуждении. Публикуемые нами документы, составляющие в Нантском архиве первую из трех объемистых папок с обозначением «Большой Купол», хронологически относятся к первому периоду.

... Странно, что до недавнего времени никто из историков ни в России, ни во Франции не работали с достаточно представительным корпусом документов по данной теме, хранящихся в архивах обеих стран. В особенности это относится к документам на французском языке — не только к переписи

ске французского МИДа, но и российского МИДа, корреспонденция которого с парижским посольством тоже велась на французском языке⁵. Исследование и введение в научный оборот этого огромного пласта неизвестного историкам материала только начинается⁶. Новые архивные открытия будут способствовать более широкому взгляду и более обоснованным выводам. Изучение опыта взаимодействия России и Франции, православной и католической держав на поприще религиозной и гуманитарной деятельности имеет большое значение как модель современного сотрудничества в сложном и неоднозначном регионе Ближнего Востока.

ДОКУМЕНТЫ

1. Письмо посланника в Константинополе Ф. Буркене⁷ к консулу в Иерусалиме графу де Г.Лантиви⁸. Константинополь, Тера*, 20 января 1844 г.

Помета: Смотри письмо Консула Фр<анции> в Иер<усалиме> от 1 октября 1843 г.

Господин граф,

Прошу обратить Ваше внимание на прилагаемое извлечение из депеши, полученной мною от г-на министра иностранных дел. Вы знаете, что я предложил Королевскому Правительству сделать выбор из нескольких различных решений по вопросу о Большом Куполе Храма Гроба Господня. Правительство приняло решение, что отражено в письме г-на Гизо, и на нем мы, Вы и я, должны сосредоточить сегодня все наши силы.

Если, как я хотел бы надеяться, зимняя непогода не доставит срочной необходимости возобновить отложенные восстановительные работы, Вы сможете воспользоваться, господин граф, сим благоприятным обстоятельством, чтобы подготовить в полной мере и со всей возможной осмотрительностью дело примирения, каковое надобно для содействия между соперничающими конфессиями; никто не сделал больше Вас, чтобы предпринять и довести до благополучного завершения сию важную работу; и мне не сыскать тут ни единого практического соображения, что не было бы уже разработано в депеше министра иностранных дел.

Моя позиция по отношению к Порте — сохранение *statu quo*, и несмотря на совокупные усилия наших противников, я вполне в состоянии такое поддерживать. Итак, я не стану вновь поднимать обсуждение сего вопроса пред оттоманскими министрами, пока не узнаю о достигнутых уже

---

* Тера в заголовке письма, здесь и далее в других документах = Therapia (Ферапия) — пригород Константинополя на европейском берегу Босфора, где располагалось посольство Франции.

успехах Ваших действий; возможно, самое малое <? — нрзб> сводится к тому, чтобы позже получить официальную санкцию на те меры, каковые вам удастся заранее предпринять на месте.

Если предписанные королевским правительством меры возымеют успех, на что мы имеем основания надеяться, я оставляю за собой рассмотрение возможности в последний момент запросить у Порты некую дополнительную льготу, могущую в глазах всех окружающих выделить нас как главного партнера по роли и влиянию.

Примите, господин граф, уверение в моем глубочайшем почтении.

Фонд французского консульства в Иерусалиме: шифр 294 РО/1/1-140. Иерусалим, Храм Гроба Господня, Большой Купол I. Папка А. Л. 18-19об.

2. ДОНЕСЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО КОНСУЛА В ИЕРУСАЛИМЕ Э.П. де БАРРЕРА⁹ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФРАНЦИИ ГРАФУ А.Ф. ВАЛЕВСКОМУ¹⁰. ИЕРУСАЛИМ, 27 мая 1858 г.

На 1-м листе аннотация: «Слухи о реконструкции Большого Купола храма Гроба Господня / Отсылка копии проекта перестройки сего Купола и плана приведения его в безопасное состояние / Назначение французского священника генеральным викарием нашей францисканской Кустодии в Святой Земле в соответствии с законодательством Франции; прибытие сего иерарха / О выделении субсидии в размере 12000 франков на содержание французского госпиталя».

Господин министр,

В Иерусалиме распространяются слухи о том, что русские намерены отремонтировать или перестроить Большой Купол на свои деньги или заранее объявив правительству Султана сумму, необходимую для воплощения этого проекта. Отец Бонавентура¹¹, игумен парижского монастыря Братьев Капуцинов, путешествовал по всему Востоку и прибыл теперь из Константинополя; он весьма пространно говорил мне на сей счет, настаивая, что есть серьезные основания испытывать к таким слухам некоторое доверие.

При отсутствии какой-либо точной информации о видах России по сему поводу, я полагаю, однако, должным передать Вашему Сиятельству план** приведения Большого Купола в безопасное состояние и проект его перестройки на основании согласованных с Францией улучшений в рамках исполнения договора от 1740 года.

Мы можем либо в одиночку договориться с Турцией, либо, что мне представляется предпочтительным, получить согласие всех держав, подписавших Парижский договор, на воплощение плана, каковой, наконец, я имею

* Приложение в деле отсутствует.

честь представить на Ваш высокий суд, господин министр. Думаю, что после тщательного и, я уверен, беспристрастного изучения сего вопроса явится практическое решение, средство охранения законных прав наших официальных подопечных, европейского католического духовенства латинского обряда, при соблюдении естественных интересов двух других Церквей, совместных пользователей и долевых совладельцев основополагающих частей Храма, служащих опорой для Купола.

Во всяком случае, если упомянутые слухи имеют какие-либо основания, возможно вести речь о такой перестройке Купола, по крайней мере, в виде собеседования во время парижских конференций. Но Ваше Сиятельство является единственным приемлемым и уместным судьей, способным обсуждать и решить такое деликатное дело; посему (и исключительно в качестве памятной записки для ознакомления в подходящий момент) я имею честь почтительно представить на снисходительное рассмотрение Вашего Сиятельства мои идеи по упомянутому поводу.

Помимо того, имею честь сообщить Вашему Сиятельству благоприятную для нас новость. Генеральный министр францисканцев только что назначил генерального викария нашей Кустодии в Святой Земле¹², и он француз — отец Жозеф Карлотти, уроженец Кальви (Корсика). Таким образом, мы возвращаемся к осуществлению права, пользование коим было приостановлено со времени упразднения во Франции религиозных орденов. Новый французский генеральный викарий прибыл в Иерусалим последним пакетботом. Он тут же представился консульству Франции и выразил искренние и глубокие чувства патриотизма и преданности императору.

Он вступит в должность только через несколько месяцев (может быть, ранее), желая к тому времени войти в курс дел, относящихся к его ведомству. Это первый иерарх нашей Церкви в Святой Земле после преподобнейшего отца Кустода; последний всегда и по праву итальянец, как и генеральный прокурор всегда испанец.

Отец Жозеф Карлотти из Кальви уже отслужил мессу в церкви Святой Анны в честь Императора. Я присутствовал на ней вместе с чиновниками консульства и несколькими французами, пребывающими проездом в Иерусалиме.

Позволите ли Вы мне, господин министр, заканчивая сие послание, снова призвать благожелательное попечение Вашего Сиятельства к нуждам французского приюта в Иерусалиме¹³? Настоятельница, сестра Мари Лапорт (коей я имел случай изъявить свою преданность, как и мой мальтийский коллега), умоляла меня не преминуть засвидетельствовать Вам, господин министр, всю ее признательность за Ваши великодушные намерения в отношении этого учреждения, открытого в силу милосердия наших сестер, столь христианского, столь французского милосердия ко всем несчастным, без различия вероисповедания. Нет ли возможности ускорить выдачу ссуды в размере двенадцати тысяч франков, или трех тысяч в квартал, на ремонт

и содержание приюта? Нельзя ли для выдачи сией ссуды учредить управляющий совет, состоящий из консула Франции, настоятельницы приюта и французского священника от Патриархата, и уладить все сложности, совершенно обеспечив использование указанной суммы полностью на каждодневно возрастающие нужды французского приюта?

Соблаговолите принять... и проч.

Фонд французского консульства в Иерусалиме: шифр 294 РО/1/1-140. Иерусалим, Храм Гроба Господня, Большой Купол I. Папка А. Л.57-59.

3. Письмо министра иностранных дел Тувенеля к консулу в Иерусалиме Э.П. де Барреру. Париж, б.д.

Помета: Ответы на депеши консульства № 97 (26 августа 1862) и 98 (28 августа 1862)

Месье,

Депеши, которые Вы имели честь мне отправить с маркой Политического отдела, дошли до меня вплоть до № 98 включительно. В Вашем отчете от 26 августа я с радостью узнал, что организация по ремонту Большого Купола в целом принимает в Иерусалиме благоприятный характер, и я надеюсь, что переговоры, в которых я был вынужден участвовать с Римским Двором по данному вопросу, смогут лишь подтвердить такое положительное впечатление у католических сообществ.

По данному делу я считаю необходимым довести до Вашего сведения о предложении, которое выдвинул Римский Двор в Константинополе, а именно о просьбе относительно его непосредственного участия в данной реконструкции. В сем письме Вы также найдете копию депеши, которую я отправил по этому вопросу г-ну маркизу де Лавалетту¹⁴ 16 августа. Недавно я получил от г-на герцога де Грамона¹⁵ отчет, в котором он заключает, что Венский кабинет полагает, как и мы, что умысел, воображаемый в Риме не будет иметь никаких шансов в Константинополе. В действительности, чуть позже я узнал, что Аали Паша¹⁶, к которому кардинал Антонелли¹⁷ обратился напрямую, объявил, что Порта будет придерживаться лишь прежнего решения.

Кардинал-государственный секретарь в особенности опасался, что данное решение нанесет ущерб правам католиков, и такое же мнение было высказано нашему послу в Вене [герцогу де Грамону] г-ном графом де Рехбергом¹⁸. Дополнительный пункт, копию которого я прилагаю с данным письмом, и который Аали-Паша предложил нам добавить к данному соглашению, кажется мне достаточно удовлетворительным по данным вопросам.

Я со своей стороны спешу дать свое согласие на предложение министра иностранных дел султана.

Что касается временного защитного покрытия над Кувуклией во время ремонта Купола, этот вопрос должен находиться в компетенции архитекторов¹⁹, которые будут руководствоваться указаниями из Константинополя. Я попрошу Вас сообщать об их докладах императорскому послу в Турции, а также докладывать г-ну де Мутье²⁰ обо всех деталях исполнения работ, в случае, если возникнет проблема на месте ремонта.

Важно, чтобы три державы получили как можно скорее смету ремонтных работ. Я также прошу Вас, как только архитекторы будут на месте, пригласить их немедленно приступить к работе.

Выражаю Вам, месье, свое искреннее почтение.

Приложение. Текст дополнительной статьи к протоколу от 5 сентября 1862 г.

Было решено, что настоящее соглашение не дает никаких новых прав ни одной из различных христианских общин или кому-либо из участников, подписавших этот протокол, и не посягает на какое-либо из прав, которые были получены ими прежде.

Фонд французского консульства в Иерусалиме: шифр 294 РО/1/1–140. Иерусалим, Храм Гроба Господня, Большой Купол I. Папка А. Л.115–117, 122.

4. Протокол о ремонте Купола, подписанный уполномоченными Франции, России и Турции. Константинополь, 5 сентября 1862 г. Пер. с фр.

Е<го> В<еличество> император Франции и Е<го> В<еличество> император России, движимые чувством благородной заботливости о сбережении святилища, в равной мере высокопочтимого различными христианскими общинами, выразили Блистательной Порте желание произвести, за их счет, ремонт купола храма Гроба Господня в Иерусалиме; и Е<го> В<еличество> Султан благосклонно принял их пожелание и, более того, выразил намерение участвовать в деле, близко касающемся значительной части подданных его империи. Нижеподписавшиеся послы Франции и России и министр иностранных дел Турции, надлежащим образом уполномоченные их правительствами, договорились о следующих положениях:

1. Необходимость предотвратить неминуемое разрушение купола храма Гроба Господня совершенно очевидна; Францией, Россией и Турцией без промедления будет проведен ремонт этого сооружения за общий счет и в равных долях.

2. Во исполнение чего два архитектора, назначенные один — французским правительством, другой — русским правительством, и одобренные османским правительством, как можно раньше приедут в Иерусалим, чтобы проверить нынешнее состояние купола, установить характер и объем предстоящих работ, оценить их стоимость и составить приблизительную смету расходов.

Они представят результаты исследования в совместном рапорте, и, как только их предложения будут одобрены тремя соответствующими правительствами, они, по соглашению с консулами Франции и России и с местной властью, примут незамедлительные меры к осуществлению работ. Консулам Франции и России и паше — губернатору Иерусалима будут предоставлены кредиты, чтобы по мере необходимости покрывать расходы.

3. Архитекторам будет предписано избегать в украшении нового купола любой надписи или любой символики, характер которых мог бы спровоцировать обиду какой-либо из христианских общин.

4. Османское правительство предоставит все административные и материальные льготы, которые будут необходимы для быстрого и полного выполнения работ, для чего без промедления будут переданы распоряжения паше — губернатору Иерусалима.

Дополнительный параграф к протоколу о ремонте купола

<5> Было решено, что настоящее соглашение не дает никаких новых прав ни одной из различных христианских общин или кому-либо из участников, подписавших этот протокол, и не посягает на какое-либо из прав, которые были получены ими прежде.

Подписи: посол Франции в Константинополе	герцог де Мутье
Посол России в Константинополе	князь
	А.Б.Лобанов-Ростовский
Министр иностранных дел Порты	Аали-паша

5 сентября 1862 г. (10 реби-уль-евеля 1279 г. Хиджры)

Фонд французского консульства в Иерусалиме: шифр 294 РО/1/1–140. Иерусалим, Храм Гроба Господня, Большой Купол I. Папка А. Л.126–127. *Опубл.:* Французский текст: *Noradounghian G., effendi. Recueil d'Actes Internationaux de l'Empire Ottoman. Paris-Leipzig-Neuchatel. T. 3. 1856–1878. 1902. С. 204; Русский перевод: Россия в Святой Земле: документы и материалы. Т. 1. М., 2015. С. 640–641.*

5. Дополнение 1 к депеше из Министерства иностранных дел за №7 на имя посла в Константинополе маркиза де Мутье от 12 сентября 1862 г. Париж, б.д.

Месье маркиз, я ознакомился с примечанием, которое Вы получили от кардинала государственного секретаря [Антонелли] по поводу реконструкции Большого Купола храма Гроба Господня.

Как был проинформировал Святой Престол, необходимо срочно приступить к ремонту Купола, который находится в разрушающемся состоянии, более того,

который производит на паломников плачевное впечатление и даже угрожает их безопасности. Правительства Франции и России договорились с Портой о приведении здания в нормальное состояние. Различные христианские конфессии, которые спорят за право владения святыней, останутся в стороне от работ, как они и не принимали участия в происходивших переговорах. Более того, договор, который был заключен в Константинополе с подписанием протокола, полностью исключает права, которые были бы предъявлены конфессиями.

Было также формально оговорено, что в украшение нового Купола не будут внесены никакие надписи, никакие эмблемы, которые могли бы затронуть чьи-либо религиозные чувства. В том числе не будет допущено никаких греческих изображений или надписей.

Представители обеих держав, которые заключили данный договор, исходили из искреннего желания уменьшить страсти, бурлящие в Иерусалиме, которые связаны с последней войной на Востоке²¹.

Иными словами, мы имеем самые серьезные политические и моральные основания действовать таким образом. После сказанного мне не нужно говорить Вам, г. маркиз, что мы считаем, что правительству Святого Отца лучше было бы воздержаться от этого дела, в котором мы не видим для него никакого интереса или возможностей. С одной стороны, мы не можем ставить под сомнение в Риме, что Султан, не говоря еще об обязательствах, которые он только что взял на себя, не смог бы ответить на требование Святого Престола. С другой стороны, такие меры бесполезны с точки зрения защиты прав католиков, так как, как я уже имел честь Вам сообщить, три державы не имели никаких споров по данным вопросам.

Мы считаем, что лучший способ для Святого Престола защитить права католиков — это оставаться в стороне от предстоящих событий. Только после ремонта, если они посчитают нужным, можно заявить, что отсутствие латинских эмблем, которые украшали Купол до 1808 года, не означает какого-либо ущерба для прав католической общины.

Фонд французского консульства в Иерусалиме: шифр 294 РО/1/1-140. Иерусалим, Храм Гроба Господня, Большой Купол I. Папка А. Л.119-121об.

6. Письмо посла в Константинополе маркиза Л. Мутье к консулу в Иерусалиме Э.П. де Барреру. Константинополь, Терапия, 26 сентября 1862 г.

Помета: Ответ на депеши консульства № 76 и 78.

Месье,

Я получил Вашу интересную переписку до № 79 включительно.

К данной депеше я прикрепляю копию протокола (от 5 сентября; см. выше), который проясняет, согласно договору, заключенному между Фран-

цией и Россией, с одной стороны, и Турции как территориальной державы, с другой, позиции в вопросе о ремонте Купола храма Гроба Господня. Вы увидите, месье, ознакомившись с данным документом, что представители трех держав в особенности постарались избежать любых инноваций, которые могли бы оскорбить чувства различных христианских конфессий, особенно заинтересованных в сохранении храма Гроба Господня.

В Ваших предыдущих письмах Вы сообщаете мне о выражении всеми христианами Иерусалима чувств признательности с тех пор, как они уверились в осуществлении ремонта Большого Купола. Это дает мне право надеяться, что местные церковные власти также признают справедливость дипломатического решения, реализацию которого Вы проконтролируете.

Инструкции, которые Порта отправила по моей просьбе губернатору Иерусалима и которые я отправляю Вам в данном письме, полностью соответствуют протоколу, и я не сомневаюсь, что архитекторы, избранные правительствами Франции и России, отметят, что [губернатор Иерусалима] Сурейя-паша²² выдвигает очень действенное и ясное предложение.

Так как речь идет только о предварительном изучении объекта, я пока не могу предоставить Вам никаких точных указаний.

Я буду настаивать от российского посланника²³ назначить как можно скорее архитектора и постараюсь, чтобы его выбор пал на г-на Эппингера²⁴, которого Вы рекомендуете как выдающегося специалиста.

Строительство временного убежища кажется мне наиболее срочным делом, и я могу лишь со своей стороны согласиться с г-ном Мауссом²⁵ по этому вопросу. Если бы князь Лобанов, со своей стороны, разделял эту точку зрения, архитекторы могли бы незамедлительно начать подготовительные работы, которые можно было бы проводить без спешки и которые, как Вы могли бы заметить, не доставили бы неудобства для духовенств, осуществляющих богослужения в ротонде храма Гроба Господня. <...>

Выражаю Вам, месье, чувство искреннего почтения.

P.S. Князь Лобанов пишет мне, что г-н Эппингер уже проинформирован, что его выбрали в качестве архитектора от российского правительства, но ему пока не отправили инструкций по поводу сотрудничества с г-ном Мауссом. Князь также сообщает, что не получил из Иерусалима никакого указания насчет проекта двух архитекторов для строительства временного покрытия Кувуклии на время ремонта Большого Купола; идея кажется ему хорошей и практичной, но ему бы хотелось, перед тем, как принять окончательное решение по этому делу, получить доклад от г-на Эппингера, которому будет сегодня отправлен запрос.

Фонд французского консульства в Иерусалиме: шифр 294 РО/1/1-140. Иерусалим, Храм Гроба Господня, Большой Купол I. Папка А. Л.123-125.

7. Копия визириального письма к Губернатору Иерусалима от 27 Раби Аль-Авваля 1279 Хиджры. Константинополь, 21 сентября 1862 г.

Вашему Превосходительству не безызвестно, что Большому Куполу храма Воскресения грозит разрушение с определенного времени и что вопрос о ремонте до сих пор не разрешен из-за несогласованности между различными христианскими исповеданиями. Так как правительство султана не может допустить, чтобы столь почтенное место паломничества для всех христиан оставалось в плачевном состоянии, было принято решение произвести необходимый ремонт на счет казны, но поскольку возникли различные препятствия для проведения работ, было решено по ходатайству Их Величеств императоров Франции и России, что расходы будут общими, и разделены поровну между Турцией, Франции и Россией; и работы будут произведены без промедлений:

1° Два архитектора, назначенные правительствами Франции и России, соответственно, и согласованные с Высокой Портой, будут отправлены как можно скорее в Иерусалим для того, чтобы оценить состояние Купола, необходимость и масштаб работ, которые нужно провести, и составить смету возможных затрат; оба архитектора составят общий отчет результатов своих наблюдений и затем, после утверждения данного отчета правительствами, будут приняты меры по проведению необходимых работ.

2° Высокая Порта выделит необходимые средства, так же как и указанные правительства для своих консулов, для покрытия затрат, которые возникнут по ходу работ.

3° Архитекторам будут даны рекомендации не допускать никаких изображений или орнаментов на Куполе, ни надписей, которые могли бы затронуть религиозные чувства какой-либо из христианских общин.

Таким образом, данное решение не предоставит никакого нового права никакой из христианских общин, ни какой-либо из сторон, ни правам султана, а также не нарушит уже существующих прав.

В данном письме я отправляю Вам копию протокола (*Mazbata*), подписанного османским министром иностранных дел, послами Франции и России.

Данное решение должно быть в точности исполнено, така как Ваше Превосходительство без сомнения, благодаря своему уму и опыту, захочет действовать в духе указаний и, как можно скорее прислав архитекторов в Иерусалим, предоставит им все необходимые условия для выполнения данной миссии; более того, Вам также следует принимать необходимые меры согласно инструкциям, которые будут Вам отправлены с подробным отчетом архитекторов, и в согласии с консулами.

Фонд французского консульства в Иерусалиме: шифр 294 РО/1/1-140. Иерусалим, Храм Гроба Господня, Большой Купол I. Папка А. Л.128-129об.

8. Письмо посла в Константинополе маркиза Л. Мутье к консулу в Иерусалиме Э.П. де Барреру. Константинополь, Пера, 17 декабря 1862 г.

Помета: Ответ [Баррера] 5 января 1863

Месье,

Я получил депешу, которую Вы имели честь отправить мне под номером 81 от 24 ноября; я с любопытством изучил всю информацию и тщательно ознакомился с положением дел. Мне жаль, что архитектор из России еще не был направлен своим правительством для того, чтобы приступить к строительству временного покрытия. Очевидно, ответственность за такое промедление лежит на русской [дипломатической] миссии в Константинополе, так как князь Лобанов находится в длительном отпуске и его сейчас заменяет поверенный в делах²⁶, у которого нет времени войти в курс всего происходящего.

Считаю необходимым донести до Вашего сведения, что реконструкция Купола была поручена руководителям французской и русской дипломатической миссий в Константинополе и что оттуда архитекторы должны получать необходимые указания. Для того, чтобы мы имели возможность эти указания им предоставить, они должны общаться с нами, тогда мы сможем правильно руководить проектом. Тем не менее, до сегодняшнего дня я не получил никакого отчета, даже предварительного, и если г. Маусс считает себя уполномоченным приступить к работам немедленно, к получению материалов и проведению предварительных работ, это может быть лишь согласно инструкциям, которые он получил из Парижа и о которых я не был проинформирован.

Русский архитектор также не получил никаких указаний от русской миссии. Данный проект пришел мне в двойном экземпляре, тогда как архитекторы должны составить один общий идентичный отчет по каждому согласованному вопросу и отправить нам <в каждое посольство> копию. Лишь по трудным вопросам или же в особенном случае они могут отправить нам разные отчеты.

В любом случае, ни Ваша депеша, ни корреспонденция Вашего русского коллеги не содержала до сих пор никакой информации касательно необходимых затрат для строительства временного покрытия над Кувуклией. Это самое необходимое, и поэтому если Вы и располагаете свободным кредитом от департамента, он не такой, как у консула России в Иерусалиме. Это русская дипломатическая миссия в Константинополе должна предоставить фонды, и, перед тем, как просить у Петербурга окончательный кредит, точно все разузнать, что еще до сегодняшнего дня мы не сделали. Как бы то ни было, дабы сделать все возможное с нашей стороне, я попросил российского поверенного в делах испросить у своего правительства первый кредит, который позволит приступить к наиболее срочным работам. Г-н Новиков выразил полную готовность, но спросил меня по поводу временного покрытия, должно ли оно покрывать Купол или же должно

быть под Куполом для защиты духовенства и верующих при проведении богослужений, что Вы также просите пояснить в последней депеше.

Я не смог предоставить объяснений на вопрос Новикова, который желает сначала быть проинформированным перед тем, как писать в Петербург, поскольку затраты, которые потребуются на строительство временного покрытия будут гораздо менее значительными, если необходимо будет строить его внутри, а не снаружи Большого Купола. Прошу Вас предоставить мне некоторые объяснения по этому вопросу. <...>

Что касается хосписа Салах-ад-Дина, осмелюсь предположить, что не говоря о непреодолимом сопротивлении со стороны российского правительства, всех некаатолических конфессий и самого турецкого правительства, будет возможным добиться некоего способа в пользу Франции или религиозных общин, которые ее защищают, все, к чему приводят переговоры, часто прерываемые и возобновляемые между кабинетом Tuileries и Петербургом, то, что мы можем добиться от Порты разрушение гаремов, прилегающих к Храму Гроба Господня, находящихся над монастырем францисканцев.

Мы не обсуждали этого с князем Горчаковым, и я дал понять князю Лобанову, что вопрос о разрушении гаремов поднимет в свою очередь вопрос о реконструкции [францисканского] монастыря, и будет вполне естественным перестроить его в более приемлемой форме и размере, нежели его нынешнее состояние, без дополнительных надстроек. Россия ожидает этого, но такая возможность не кажется ей приятной; Россия опасается претензий со стороны российского и греческого духовенств; я смог констатировать данные опасения, особенно в тот момент, когда мы отправили архитекторам наши инструкции, в которых князь Лобанов ограничился лишь простым ремонтом Купола без идеи о реконструкции прилегающего пространства.

Таким образом, это дело должно выполняться с высокой осторожностью и организацией, и Вам будет необходимо сообщать мне обо все нюансах касательно орнамента, лампад, которые освещают святилище, открытие нейтрализованного входа в храм Гроба Господня. Все это повлечет за собой трудности и должно выполняться с особой осмотрительностью. Не скрывайте от меня деталей.

Возвращаясь к вопросу о хосписе Салах-ад-Дина, согласно планам, которые у меня под рукой, я понимаю под данным названием большой ансамбль зданий и земель, находящихся вокруг и под гаремами, о которых мы говорили выше. Никогда не возникало вопроса до сегодняшнего дня, в моей переписке с министерством иностранных дел Порты о чем-то ином, как только о том, чтобы уничтожить волей султана все эти здания и сделать из этой земли публичное нейтральное место. Это максимум, который можно сейчас предложить русским и туркам. Я сообщил князю Лобанову о такой идее, но не получил положительного отклика со стороны Аали-Паши, и когда я говорил с ним об этом, он сказал мне о невозможности для султана разрушить в христианских интересах здание, которое несет такое большое значение для

ислама как имя Салах-ад-Дина. Вот, в каком состоянии находится данный вопрос, и я полагаю, нужно оставить его до времени.

В целом, месье, я не могу переоценить важность тех вопросов, по которым я получаю от Вас в связи с ремонтом Большого Купола информацию наиболее точную и подробную.

Не забывайте, что все переговоры, касающиеся данного дела должны проходить в Константинополе, именно здесь должны разрешаться все возникающие трудности, и что отсутствие достаточной информации может привести к отсрочке и опозданиям, от которых Вы испытываете все неудобства.

Ваша корреспонденция должна регулярно держать меня в курсе всех инцидентов, которые возникнут; она должна вводить меня в курс дела всех инструкций касательно Купола, которые Вы будете получать непосредственно [из Парижа] от департамента; я должен быть в курсе всех трудностей, с которыми Вы можете столкнуться. У Вас большой опыт в делах Востока, и, в особенности, что касается святых мест, вот почему так важно, чтобы в случае необходимости я не оказывался в недоумении или не имел достаточной информации о трудностях, которые могут возникнуть, и можете быть уверены, что, со своей стороны, в случае необходимости я незамедлительно отправлю Вам все необходимые инструкции.

Я уведомил российского поверенного в делах о сложностях, которые могут возникнуть от вмешательства, в любом размере, различных конфессий в дело, за которое мы возьмемся. Я не утаил от него твердой позиции и абсолютной сдержанности, которые мы встречаем в латинском духовенстве, нашем официальном протееже. Новиков поспешил предоставить мне официальную гарантию, что согласно указаниям Петербургского кабинета российские представители будут действовать таким же образом в отношении к православному духовенству, и обещал мне, что ни константинопольская миссия, ни консульство в Иерусалиме, не нарушат данных принципов до тех пор, пока дело не будет доведено до конца.

Не могу закончить эту депешу, не обратив Вашего внимания на важность наилучших отношений с российскими представителями в Иерусалиме; в остальном, я знаю, месье, что Вы всегда поддерживали хорошие отношения с Вашими коллегами, и, особенно, с русским консулом²⁷. Я же призываю Вас тщательно следить за сотрудничеством архитекторов, чтобы между ними не возникло никаких разногласий, так как им были даны указания немедленно сообщать своим посольствам о любых разногласиях во мнениях. В заключении, следует также контролировать, чтобы никакие размолвки не возникали между латинским и православным духовенством, которые должны оставаться в стороне от дела. По этому поводу мы с моим коллегой из России обменялись самыми точными гарантиями.

Я сожалею, что Вы до сих пор не отправили в Константинополь чертеж, который Вы мне обещали уже несколько месяцев; мне не следует говорить

Вам, насколько мне сейчас необходимо иметь его перед глазами, поэтому буду очень признателен, если Вы его пришлете.

Примите, месье, уверения в моей искренней преданности.

Маркиз де Мутье.

Фонд французского консульства в Иерусалиме: шифр 294 РО/1/1–140. Иерусалим, Храм Гроба Господня, Большой Купол I. Папка А. Л.169–173.

- ¹ Ministère des affaires étrangères / Centre des archives diplomatiques de Nantes / Etat de versement des archives rapatriées du consulat général de France à Jérusalem. Série A. 1840–1914 (Папка А: Фонд французского консульства в Иерусалиме: шифр 294 РО/1/1–140. Иерусалим, Храм Гроба Господня, Большой Купол I).
- ² Письмо А. Н. Муравьева к российскому посланнику В. Н. Титову. Иерусалим, 9 декабря 1849 г. // ОР РГБ. Ф. 188. Картон 4. Ед. хр. 2. Л. 19–21 об.
- ³ Сатин А. Д. Поездка в Палестину в 1857 г. Из записок черноморского офицера // Русский Вестник. 1873. № 8. С. 675.
- ⁴ О преобразовании Иерусалимской Духовной Миссии. Всеподданнейший доклад министра иностранных дел князя А.М. Горчакова. С.-Петербург, 23 марта 1857 г. Копия. // АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 694, л. 74–82. См. также: Архив РДМ, п. 1, д. 1, на 13 л.(листы в деле не нумерованы).
- ⁵ Popoff Alexandre, prot. La question des Lieux Saints de Jérusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIXme siècle. St. Petersburg. P. I. 1910; P. II. 1911.
- ⁶ См.: Лисовой Н. Н., Кроза Д., Смирнова И. Ю., Микелева М. А. Проект двух императоров: у истоков русско-французского союза // Российская история. 2013. № 6. С. 65–86; Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Из архитектурной истории храма Гроба Господня в XIX в.: документальное исследование // ППС. Вып. 109. 2014. С. 27–58; Анисимов О.В. Россия и Наполеон III: борьба за святые места Палестины. М.: Индрик, 2014. С. 257–277; Его же. Французский консул Эдмон де Баррер и проблема ремонта Ротонды Святого Гроба в Иерусалиме (архивные документы) // Иерусалимский православный семинар. Вып. 5. М., 2014. С. 199–216. Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. 1. Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М.: Изд-во «Индрик», 2015. С.627–668.
- ⁷ Буркен Ф.(François-Adolphe de Bourqueney; 1799–1869), барон, французский посол в Константинополе в 1844–1851 гг.
- ⁸ Лантиви Габриэль (Gabriel Marie Jean Benoit de Lantivy de Kerveno; 1792–1866), французский военный и государственный деятель и дипломат. Первый французский консул в Иерусалиме (1843– 1844). Позже генеральный консул в Бремене (1846) и в Дублине (1852). Кавалер Почетного легиона и Храма Гроба Господня в Иерусалиме.
- ⁹ Баррер Эдмон Пьер де (Edmont Pierre de Barre; 1819–1890), управляющий консульством в Иерусалиме с 1 декабря 1844 по 15 декабря 1845 г.), консул в Тифлисе (1847–1854), консул в Иерусалиме (1855–1871).
- ¹⁰ Колонна-Валевский Александр Флориан Жозеф (1810–1868), граф — французский политик и дипломат, сын императора Наполеона I и Марии Валевской. Участник

- Польского восстания 1830–1831 гг.; капитан французской армии (с 1831). С возвышением Наполеона III привлечен к дипломатической работе: полномочный министр в Копенгагене (1848); посол во Флоренции (1849), в Неаполе (1850), Мадриде (1851), позже в Лондоне. С 7 мая 1855 по 4 января 1860 г. министр иностранных дел Франции. Был представителем Французской империи на Парижском конгрессе 1856 г.
- ¹¹ Бонавентура да Солеро — кустод Святой Земли с 29 декабря 1856 г. до 8 января 1863 г. (исполнял обязанности до 16 мая 1863 г.).
- ¹² «Кустодия Святой Земли» более 650 лет «сторожит» Святую Землю. Кустодия в переводе с латинского и значит стража. По обычаю Кустод (Custos Terrae Sanctae) или, как его почтительно называют, Reverendissimus 'достоочтимейший', назначается из итальянцев.
- ¹³ Имеется в виду французский орден сестер милосердия, основанный в XVII в. св. Винсентом де Полем. Монастырь ордена, построенный в 1855–1856 гг., стал первым зданием Иерусалима за стенами Старого Города.
- ¹⁴ Лавалетт **Шарль Жан Мари Феликс, де** (1806–1881), маркиз — французский дипломат. Посол в Константинополе (1851–1853; 1860–1861) и при папском дворе (1861–1863). Министр внутренних дел (1865), министр иностранных дел (1867). Посол в Лондоне (1869).
- ¹⁵ **Грамон Антуан Аженор Альфред, де** (1819–1880), **герцог** — французский военный и государственный деятель. Посол в Риме (1857), в Вене (1861). Министр иностранных дел (15 мая 1870 — 10 августа 1870).
- ¹⁶ **Аали-паша** (Мегемед-Эмин) (1815–1871) — выдающийся государственный деятель Турции; пять раз занимал пост великого визиря и восемь раз — министра иностранных дел. Именно он считается автором знаменитого хатти-хумаюна 1856 года, впервые провозгласившего равноправие вероисповеданий и национальностей в Турции.
- ¹⁷ **Антонелли Джакомо** (1806–1876), кардинал — государственный секретарь Святого Престола с 10 марта по 3 мая 1848 и 6 декабря 1848 по 6 ноября 1876.
- ¹⁸ Рехберг **Иоганн Бернгард, фон** (1806–1899), граф — австрийский дипломат и государственный деятель. Министр-президент Австрийской империи (1859–1861), министр иностранных дел (1859–1864).
- ¹⁹ Имеются в виду русский архитектор М.И. Эппингер и французский архитектор К.Маусс, назначенные для выполнения ремонтных работ на Большом Куполе.
- ²⁰ Мутье Лионель (1817–1869), маркиз — французский политики и дипломат. Посол в Константинополе (1861–1866). Министр иностранных дел (1866–1868). Сенатор (1868).
- ²¹ Имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг.
- ²² Сурейя-паша.....
- ²³ Лобанов-Ростовский.....
- ²⁴ Эппингер...
- ²⁵ Маусс Карл...
- ²⁶ Имеется в виду Е.П. Новиков, и.д. поверенного в делах в Константинополе с 7 ноября 1862 г. до 22 июля 1864 г.; будущий посол в Константинополе (1879–1882).
- ²⁷ Имеется в виду русский консул в Иерусалиме Соколов.....

К ВОПРОСУ О «ГРУЗИНСКОМ РЕФЕРАТЕ» АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА)

Н.Н. Лисовой

28 февраля 1881 г. Предварительный комитет V Археологического съезда обратился к архимандриту Антонину со следующим письмом:

«Ваше Высокопреподобие, милостивый отец архимандрит! В сентябре месяце этого года в Тифлисе соберется Археологический съезд, подготовительные Комиссии которого поставили значительное число вопросов для исследования преимущественно археологии Кавказа. С этим неразрывно связано, конечно, и исследование грузинских памятников. Имея в виду, что грузинское духовенство и цари находились в постоянных отношениях с Св[ятой] Землею, имели там свои храмы и монастыри, делали вклады и пожертвования; а затем хотя и были вытеснены греческим духовенством, — нельзя, тем не менее, сомневаться, что в Иерусалиме и его окрестностях уцелело еще много следов благочестивого отношения грузинского народа к Св[ятой] Земле. Описание и перечисление, хотя и самое краткое, грузинских древностей в Палестине и отношения к ней грузинского народа послужило бы драгоценным вкладом для ознакомления съезда с этой стороною грузинской истории. Ваша известная любовь к археологии и столь основательное знание Палестины побуждают обратиться к Вашему Высокопреподобию с просьбою о принятии на себя труда послужить общему делу составлением монографии этого рода, причем Ваши работы никак не возбуждают известной щепетильности греческого духовенства, которое в случае, если бы это было поручено постороннему лицу, в состоянии приписать нам какие-либо виды, как наследников прав грузинского народа на некоторые святые места, бывшие некогда в его владении»¹.

О. Антонин получил письмо 4 апреля, но заняться описанием грузинских древностей Иерусалима смог лишь в июне-июле. Дневник архимандрита позволяет восстановить летопись его работы день за днем:

12 июня. Выправки о грузинах в Палестине...

13 июня. Грузинские справки. <...> На конь и в Крестный монастырь. Копирование 5–6 надписей...

20 июня. Переписка грузинских или иверийских надписей Крестного монастыря...

22 ч<исла>. Сидение над грузинскими надписями. Безглазие вследствие сего. <...> Выправки разные о грузинах. Еще копировка надписей и незрячество после оной, а за сим и сон от нечего делать.

25 ч<> О. Кирилл ученый, повествующий еще о нескольких старогрузинских надписях в Авраамиевском и Никольском монастырях, в *Καταξι* *ωα* и Бог весть где еще.

29 ч<>. К о. Кириллу. С ним в сад. Списывание Грузинской надписи очень старого пошиба, вырезанной рельефом на белом камне, вставленном в алтарную стену церкви Никольского монастыря. Другая надпись, из *Καταξι* *όνας*, есть в копии у компаньона. Третью надо отыскать в Авраамиевском монастыре... Выправки в Паломниках.

30 ч<>. Переселение в Авраамов монастырь. Списывание сущей на стене церковной двуязычной надписи — греческой и грузинской 1700 года. Осмотр не виденного мною доселе придела Жертвоприношения Авраамом Исаака. Чудное дело. Даже и не знал о существовании сего, живя тут около 16 уже лет. Еще визит на Гефсиманское подворье. Тоже старые (не больно) надписи.

1 июля. Только и успел сегодня приготовить <очередные письма> на почту, а собирался целый реферат послать в Тифлис!

3 ч<> Списывание грузинских надписей с двух омофоров и одного воздуха, пожертвованных ко Гробу Господнему лет 150—200 назад тому. <...> Еще за ту же работу. Описал еще 5 священных облачений и икону Спасителя грузинской работы. Предорогие вещи!

4 июля Надписи. Глаза. <...> Относка Евангелия и др. вещей в кладовую.

9 ч<> Возвращение восвосяи и занятие с “грузинами” <...> Несколько строк надписных, и быстрое строчкотворение в сторону от них на диван, под гнетом неодолимой дремоты.

11 июля. Списывание грузинских каракуль.

12 <>. Надписи. Еще копирование. <...> Тут еще та же работа с периодическим отдыхом глаз.

13 ч<>. Перемещение с своею работушкой в приемную. Конец надписям. <...> Якуб с драгоценностями Св. Гроба. Писание реферата.

14 июля. Первым помыслом моим было не дать покоя фотографу. К счастью, он сам ранее меня явился на дело свое и на делание свое. Устроили кое-как место съемки, отыскали фокус, и — пошла писать. А я принялся со всем рвением за составление реферата. <...> Всенощная... Иосиф с позитивами. Молодец, право. Рефератничанье до 2-х часов ночи.

15 июля. Реферат до самых 3-х часов. Удалось-таки благополучно закончить с ним. От радости прекратилась даже боль в голове».

В тот же день написанный реферат был отправлен организаторам съезда при следующем письме: «В Предварительный комитет Русского пятого археологического съезда в Тифлисе. На благосклонно сделанное мне Комитетом приглашение (от 28 февраля с.г. № 50) принять участие в занятиях предположенного Археологического съезда имею честь отозваться живым желанием быть в чем-нибудь ему полезным, и, если препровождаемая мною при сем в оный записка с приложением относящихся к ней таблиц (имеются в виду фотографии) будет найдена достойною вниманию русских археологов, сочту себя счастливым»².

10 сентября 1881 г. в Тифлисе, в вечернем заседании V Археологического съезда, обозначенном как «Памятники искусств и художеств», под председательством Н.И. Петрова, среди других доложенных рефератов, как явствует из протокола, Д.З. Бакрадзе и А.Д. Ерицов (Ерицян) «доложили сущность записки архимандрита Антонина о грузинских и армянских древностях, найденных в Иерусалиме»³.

И далее в протоколе заседания написано: «Предпослав несколько слов о древнегрузинских монастырях в Палестине и на Афоне, служивших в средние века центром духовного образования грузин, Д.З. Бакрадзе перешел к составленному архимандритом Антонином описанию грузинского монастыря Креста в Иерусалиме и богатств храма Воскресения Христова, пожертвованных благочестивыми грузинами.

Из когда-то богатой при грузинском монастыре библиотеке ныне сохранились три-четыре десятка сильно пострадавших грузинских рукописей церковно-богослужебного и церковно-учительского содержания, в том числе 5–6 книг на пергаменте. Сделав описание современного состояния монастыря Креста, докладчик перешел к снятым отцом Антонином грузинским надписям с монастырей: Креста, Никольского и Авраамского. Разобранные докладчиком надписи показывают, что церковь Святого Креста построена «царем царей» Багратом, расписана при настоятеле монастыря Никифоре, при помощи и издержках «Государя Левана Дадиани в 1644 г.». В фресковой живописи на стенах церкви изображены цари Мириан, Вахтанг и Баграт, а также много других лиц. Эти изображения возбудили в отце Антонине некоторое сомнение относительно вопроса о глубокой древности появления грузин в Иерусалиме. Докладчик согласился, что рассказ о приобретении, сделанном царем Мирианом в Иерусалиме, и о завоевании Палестины Вахтангом в V столетии, передаваемый лишь грузинскою летописью, пока ничем другим не подтверждается. Появление же изображений этих царей в фресках церкви Св. Креста докладчик объяснил тем, что упомянутый рассказ ходил в грузинском населении с давних пор и строители или возобновители церкви воспользовались им. По мнению Д.З. Бакрадзе, ничем не доказывается, чтобы грузины владели сказанным монастырем ранее XI века.

В заключение докладчик возбудил вопрос, есть ли вышеозначенный Баграт абхазо-грузинский царь Баграт одиннадцатого века, или же он — имеретинский царь XVI века. По этому поводу он сделал некоторые исправления исторических имен, вероятно, неправильно снятых с надписей.

А.Д. Ерицов обратил внимание съезда на одну из присланных отцом Антонином четырех армянских надписей, открытых в последнее время в Иерусалиме. Надпись эта на надгробном камне, на котором сверх письма изображены петух, рыба и гусь, писана древним армянским шрифтом ерхатагир. Содержание ее: «Сие есть положение (т.е. могила) благочестивой Шушаники, матери Артавана, месяц Хори 18». Докладчик привел несколько фактов в пользу предположения о принадлежности этой усыпальницы матери Артавана, потомка армянских аршакидов, переселившегося в V веке из Армении в Византию»⁴.

Соответственно, в списке рефератов и речей, упомянутых в протоколах съезда, был означен и реферат «архимандрита Антонина. О грузинских и армянских древностях в Иерусалиме».

..Однако, в «Трудах» V Археологического съезда (М., 1887) реферат о. Антонина напечатан не был. Зато в приложениях к протоколам напечатано под именем Д.З. Бакрадзе сообщение «Грузинский монастырь Креста в Иерусалиме»⁵. Так оно значится и в рукописной копии из библиотеки ИППО — как обычно, в красной картонной обложке, с указанием шифра (И.П.П.О. Н. III. №12) и с экслибрисом Палестинского Общества (переплетающиеся заглавные П и О). Но что же произошло с рефератом Антонина?

В своем предисловии к трудам Тифлисского съезда, изданным с запозданием в шесть лет, графиня Прасковья Уварова подчеркивает, что для V съезда сделано было больше, чем для какого другого, и денег было выделено достаточно, и сам председатель МАО граф А.С. Уваров много сил положил на подготовку мероприятия, сам в три предшествовавшие года возглавлял раскопки на Кавказе и по окончании съезда взялся издавать его труды в Московском Археологическом Обществе.

Но вскоре граф разболелся, его парализовало и он отбыл для лечения за границу. «После кончины графа — продолжает П.С. Уварова, — Московское Археологическое Общество пожелало окончить дело, начатое его бывшим председателем, и обратилось в Тифлис за получением документов и рефератов по Тифлисскому съезду. Только через год, в октябре 1885 г., получились из Тифлиса стенографические отчеты заседаний съезда; рефераты же почти все пришлось собирать у самих авторов, что, к несчастью, не для всех оказалось возможным. Из 86 рефератов, заявленных на съезде, многие не могли быть напечатаны»⁶. Точнее, напечатано было всего 37, почти полсотни бесследно пропали, среди них и интересующий нас реферат архимандрита Антонина.

Неизвестно, обращались ли к нему с просьбой о возобновлении утраченного текста. Копии у него точно не было, еле успел, как мы видели, переписать

и отправить свой реферат. Впрочем, что-то подсказывает, что к нему могли и не обращаться. Слишком вольно обошлись с его текстом два (!) докладчика на самом съезде, легко и произвольно переименовали присланную им работу в реферат «о грузинских и армянских древностях», наконец, слишком странно выглядят отрывки из его работы, по-хозяйски откомментированные и под собственным именем напечатанные Дмитрием Бакрадзе...

Мы сочли необходимым напечатать в приложении эту «статью Д.З. Бакрадзе», цитируемую немногими знающими людьми как «грузинский реферат» архимандрита Антонина⁷ — и во всяком случае единственное, что сохранилось от работы иерусалимского труженика, погибшей в круговерти претензий и амбиций российской академической жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БАКРАДЗЕ ДМ.

ГРУЗИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ КРЕСТА В ИЕРУСАЛИМЕ

К вопросам существенной важности, долженствующим пролить свет на грузинскую церковную археологию, следует, по моему мнению, отнести вопрос о научном исследовании грузинских памятников вне Грузии. Более или менее известно уже, что во многих местах Святой Земли встречаются монастыри, основанные в лучшие эпохи Грузии царями и вельможами ее, заключающие в себе древние грузинские манускрипты, с иконами и утварью, жертвовавшимися из самой Грузии.

По этому предмету у нас имеется следующая литература: независимо <от> грузинских летописей, о монастырях Грузии на Афоне, на Синае, на острове Кипр и в других местах Палестины трактуют в исходе XVII в. Иерусалимский Патриарх Досифей (см. «Послания его в Грузию, извлеченные архимандритом Порфирием из делового кодекса, хранящегося в библиотеке Святогробского подворья в Константинополе ...» в Грузинском Духовном Вестнике за май 1866 г.); в XVIII в. путешественники — русский Барский и грузинский митрополит Тимоте Габашвили, как равно и грузинские церковные гуджары или акты о недвижимых имуществах означенных монастырей в Грузии. В нынешнем столетии с научною целью посетили Иверский монастырь на Афоне Севастьянов, архимандрит Порфирий и покойный Иоселиани, давшие нам факты о несомненном обилии грузинских археологических сокровищ Афона.

Все упомянутые данные служат достаточным основанием для того, чтобы было начато правильное исследование археологических сокровищ грузинских монастырей вне пределов Грузии. Без этого и невозможно, по моему мнению, полное изучение археологии Грузии вообще, ибо грузинская

церковная литература, как известно, в период времени IX-XII вв. создалась преимущественно в грузинских монастырях Афона, Черной Горы (в пределах Антиохии), Синая и Иерусалима. В тот период молодые люди из Грузии стремились в Византию для образования и селились в тех монастырях, где принимались за переводы Священного Писания и творений Отцов Церкви. При этом нужно иметь в виду, что там именно выработался особый церковный грузинский язык; что самые ценные манускрипты, встречающиеся ныне в Грузии, попали сюда из монастырских библиотек Афона, Синая, Иерусалима и Черной Горы, и что во все почти века цари и владельцы Грузии щедрою рукою жертвовали тамошним монастырям населенные места в Грузии, богатую утварь и другие принадлежности церкви.

Все это я говорю по поводу сообщения, сделанного из Иерусалима V^{му} Археологическому Съезду архимандритом Антонином. Сообщение это служит новым доказательством моих слов. Отец Антонин подробно описывает грузинский монастырь Креста в Иерусалиме, богатые и дорогие вещи, «в сосудохранилище Храма Воскресения Христа пожертвованные в разные времена несчетными, по его словам, боголюбцами из благоговейнейшего народа грузинского». Вместе с тем отец Антонин касается «богатой когда-то при грузинском монастыре национальной библиотеки, от которой еще сохранилось десятка три-четыре ветхих, разбитых, источенных червем, пыльных и пренебреженных рукописных книг, сваленных теперь в одной комнате при домашней церкви Креста во имя святого Иоанна Дамаскина. Все эти рукописи церковно-богослужебного и церковно-учительного содержания. Номеров 5–6 писаны на пергамене. В числе последних есть два сборника Синаксарей или кратких житий святых, заслуживающих внимания в историческом отношении». Копии грузинских и греческих надписей и фресков с двумя фотографическими снимками, приложенные к сообщению Антонина, сделаны безукоризненно хорошо.

«Монастырь Креста, — пишет отец Антонин, — состоит из массы зданий, старых и новых, скученных и террасовидно расположенных, обнесенных высокою и крепкою стеною, поддерживаемою по местам контрфорсами. Средину его занимает церковь византийского стиля, закрытая пристройками, над которыми <она> возвышается только своим куполом, окнами которого единственно и освещается. Вся она внутри по стенам, аркам и сводам покрыта иконописными изображениями, теперь в большинстве попорченными, с греческими и грузинскими надписями, сравнительно нехудой, а по местам весьма свежей кисти. Насколько могу судить, не будучи специалистом в деле, расписание церкви принадлежит одному и тому же времени, а именно 1644 г., о котором два раза сделана на стенах церкви заметка. Глубокою древностью веет от мозаичного пола церкви, особенно же в центральной ее части под куполом, где видны изображения птиц и других животных, невысокого, правда, достоинства, но с изящными орнаментами».

Те из надписей Креста, которые разбираются, показывают, по мнению отца Антонина, что церковь построена «царем царей» Баграмом; расписана при настоятеле монастыря Никифоре, «издержками и помощью государя Левана Дадиана в 1644 г. В фресковой живописи на стенах церкви имеются портреты царей Мириана, Вахтанга и Баграта; из других фресков замечательны: какой-то Чолокашила, сын его Мур и жена Барбаре; Паата Цулукидзе и коленопреклоненный старец с надписью Рустаел». «Важнейшую, — по словам отца Антонина, — часть стенных изображений составляет ряд фигур, написанных во весь рост, по южной стене церкви, где она примыкает уже к апсиде алтаря. Всех их числом 4. Ближайшие к алтарю суть: мужчина и женщина в царских (или княжеских) облачениях, с диадемами на головах, держащие церковь с куполом. Под церковью стоит малая, худо различаемая фигура мальчика, тоже одетого по-царски и с диадемою на голове. Это, очевидно, настоящие ктитеры или возобновители церкви. К сожалению, изображения весьма попорчены и надписи, находящиеся при них, почти уже не разбираются. В надписи, идущей поверх изображений, в 1864 г. читалось: «Мы, Богом благословенный, великий царь Леон расписал во спасение души моей и супруги моей царицы Нестара Даржии и пожертвовал монастырю Креста селение Коцхри с 100 домами». При царевиче читалось имя «Константин».

В историческом отделе своего сообщения отец Антонин приводит грузинские предания о появлении грузин в Иерусалиме в ранние эпохи христианства, о приобретении в нем первым христианским царем Грузии Мирианом (265÷342) участка земли и о завоевании Палестины Вахтангом Гургасланом (446÷499); но находит это предание сомнительным и самые фрески монастыря Креста относит к XVII столетию. Сомнение Антонина не лишено основания. Рассказ о приобретении, сделанном Мирианом, и о завоевании Палестины Вахтангом передают лишь грузинские летописи, и он, по нашему мнению, до тех пор будет иметь характер легенды, пока не подтвердится бесспорным фактом. В этом отношении нельзя, конечно, придавать значения портретам Мириана и Вахтанга, если даже допустить, что фрески монастыря Креста гораздо древнее эпохи, указываемой Антонином. Портреты Мириана и Вахтанга, указываемые вместе с портретом автора поэмы «Барсова Кожа» Руставеля и митрополитом Тимоте Габашвили в 1455 г., — существовали бы они ранее XVII в. или нет, это безразлично, — доказывают только то, что легенда об этих царях ходила в грузинском населении еще ранее и возобновитель монастыря Креста лишь осуществил легенду в фресках. Хотя постройки монастыря Креста и относят к V в. (Иоселиани, Древности Тифлиса, 1866, стр. 61), вероятно, на основании жизнеописания сына грузинского царя Вараз-Бакура (379÷393) Мурваноза, или палестинского епископа св. Петра, о подвигах которого упоминает в числе других писатель XII в. Сирийский Патриарх Михаил (Victor Langlois. Chronique de Michel le grand patriarche des Siriens jacobites,

Paris, 1868, ф. 153–154), — жизнеописания, в котором приписывается св. Петру постройка монастырей в Египте, пустыне Иорданской и в Иерусалиме, но свидетельство это, принадлежащее, допустим, современнику, в свою очередь, требует еще проверки другими бесспорными фактами. Бесспорные же факты, пока имеющиеся у нас в руках, относят постройку монастыря Креста к XI в. Так, один из замечательнейших манускриптов X–XI вв., принадлежащий Иверскому монастырю на Афоне, временно попавший в Тифлис в 1846 г. и заключающий в себе как «Жизнеописание основателей Иверского монастыря Иоанна и Евфимия», так равно и весьма интересные синодики, между прочим, об исторических лицах Грузии X–XII вв., признает строителем монастыря Креста по повелению Баграта IV инок Прохоре, подвизавшегося в монастыре святого Саввы в Иерусалиме при царе Баграте IV (1027–1072). Сказание это подтверждает и другой манускрипт, ныне хранящийся в Азиатском музее Академии наук. В записи его, сделанной в 1038 г. собственноручно самим Прохоре, последний благодарит Бога за то, что Он сподобил его быть строителем Креста (*Histoire de la Géorgie*, I, p. 338; *Addit. et Eclairciss. à l’Hist. de la Géorg.*, 1851, p. 194).

В заключение, обращаясь к надписям, снятым отцом Антонином, я должен заметить, что палеографический характер снимка надписи о Баграте я не мог выяснить себе, и потому не могу сказать, упоминаемый в ней Баграт есть ли Баграт IV (XI в.), или имеретинский царь Баграт III, живший в первой половине XVII в., хотя по имеющимся у нас историческим данным, конечно, всякий примет его за Баграта IV, роль которого, как первого строителя, была, конечно, известна живописцу. У меня под сомнением и самый титул Баграта, т.е. действительно ли он назван «царем царей». Вообще некоторые лица надписей отца Антонина переданы неверно; так, вместо Чолокашила должен быть Чолокашвили, вместо Нестара Даржи Нестан Дареджан. Леван и супруга его это, несомненно, Мингрельский владетель Дадиан Леван II со второю женою его Нестан Дареджаною, живший между 1611 и 1658 гг., приобретший печальную известность своим изуверством как в *Летописях Груз.* (*Histoire de la Géorgie*, II, 1 livr., p. 270–275), так и в рассказе французского путешественника Шардена, посетившего Мингрелию при наследнике Левана (*Voyage en Perse*, Paris, 1811, t. I, p. 378–382), наполнивший иконами и длинными надписями церкви Мингрелии и Абхазии в благодарность за успехи его в войнах в Западной Грузии (*Brosset. V. archéol... VII Rapp.*, 29–33; VIII, 99–109). Сама Нестан Дареджан очень часто упоминается в надписях Левана II. Что касается Константина, то сведения о нем отца Антонина или неверны, ибо Константин в числе сыновей Левана неизвестен, или же это должен быть непоименованный сын Левана от первой его жены, отравленный Нестан Дареджаною (*Histoire de la Géorgie*, II, 1 livr., 647). Упоминаемый у отца Антонина Никифор действительно был современником Левана II. Это тот самый митрополит Никифор,

который принимал деятельное участие в сношениях грузинского царя Теймураза с русским царем Михаилом Феодоровичем, который в первый раз явился в Москву в 1636 г., а в 1640 г. подавал Михаилу Феодоровичу грамоту о бедственном состоянии Грузии (Броссе, Переписка грузинских царей с российскими государями, СПб., 1861, стр. XXVII, L).

ИППО, *Н. III. № 12*

- ¹ Архив РДМ. П. 69. Д. 1436. На 2 л. Подлинник.
- ² Архив РДМ. П. 69. Д. 1436. 1 л. Копия.
- ³ Труды V археологического съезда в Тифлисе. 1881. Под ред. графини П.С. Уваровой. М., 1887. С. XXXIV.
- ⁴ Там же. С. XXXIV–XXXV.
- ⁵ Там же. С. 328–331.
- ⁶ Там же. С. <2>. Страницы Предисловия не пронумерованы.

ИЗ ИСТОРИИ
ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛОМНИЧЕСТВА

«... И я был в Иерусалиме» (Гоголь на Святой Земле)*

В. М. Гуминский

В начале 1842 г., получив в Москве благословение от преосвященного Иннокентия, тогда епископа Херсонского, Гоголь объявил семье Аксаковых о решении отправиться к Гробу Господню¹. Реакция Аксаковых на это заявление была неоднозначной. Глава семейства, обеспокоенный таким удивительным желанием, которое явно не соответствовало общепринятым (а также его собственным) представлениям о предназначении писателя, отметил в мемуарах: «Признаюсь, я не был доволен ни просветленным лицом Гоголя, ни намерением его ехать ко Святым Местам. Все это казалось мне напряженным, нервным состоянием и особенно страшным в Гоголе как в художнике...».² Жена С. Т. Аксакова Ольга Семеновна, напротив, заявила Гоголю, «что теперь она ожидает от него описания Палестины». Тот ответил согласием: «Да, я опишу вам ее...»³ Побывав в 1848 г. на Святой Земле, писатель так и не выполнил своего обещания⁴.

Однако паломническая традиция, восходящая к первым векам христианства (латинский «Бордосский путник» датируется ок. 333 г.; первое известное русское литературное паломничество — «Хожение» игумена Даниила относится к началу XII в.), безусловно, сыграла свою роль в жизни Гоголя, в его духовном развитии, в той или иной степени отразилась в творчестве. Об этом свидетельствуют уже «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Иван Федорович Шпонька за обедом у Григория Григорьевича Сторченко познакомился с неким Иваном Ивановичем. Тот, впрочем, помнил Ивана Федоровича, как выяснилось, с малолетства, и «не преминул поместиться возле него, радуясь душевно, что будет кому сообщать свои позна-

---

* Статья выполнена в рамках работы над проектом «Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте» при финансовой поддержке РГНФ (15–34–11069).

ния». Эти многообразные познания включали и сведения по части паломнической литературы. «Читали ли вы... — спросил Иван Иванович после некоторого молчания, — книгу «Путешествие Коробейникова ко Святым Местам»? Истинное услаждение души и сердца! Теперь таких книг не печатают... Истинно удивительно, государь мой, как подумать, что простой мещанин прошел все места эти... Подлинно его сам Господь сподобил побывать в Палестине и Иерусалиме» (I, 263).

Трудно сказать, почему Иван Иванович назвал Трифона Коробейникова «простым мещанином». Почти во всех списках коробейниковского хождения (по разным подсчетам их число колеблется от 200 до 400 и даже более 500)⁵ автора называют «московским купцом», в деловых документах дьяком, иногда его считают подъячим. Ошибся Иван Иванович и, когда сказал, что «теперь таких книг не печатают». Впервые «Трифона Коробейникова, московского купца, с товарищи, путешествие во Иерусалим, в Египет и к Синайской горе в 1583 г.» было издано В. Г. Рубаном в 1783 г. Затем повторено в 1786, 1803, 1810 и т. д. (мы указываем переиздания до 1832 г., когда вышли «Вечера на хуторе близ Диканьки» с повестью «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», всего же таких переизданий было около 40).⁶

Однако, несмотря на неточность, то же определение «мещанин» Гоголь повторил уже «от себя», когда писал рецензию на другое произведение паломнического жанра — «Путешествие к Святым Местам, совершенное в XVII столетии Иеродиаконем Троицкой Лавры», вышедшее в 1836 г. Рецензия предназначалась для пушкинского «Современника», но опубликована не была, да и не была закончена. Она содержала только общую характеристику читательского успеха у «нашего народа» паломнической литературы, представленной также в самом общем виде: «Путешествия в Иерусалим производят действие магическое в нашем народе. Это одна из тех книг, которые больше всего и благоговейнее всего читаются. Почти такое производит на них впечатление путешествие в Цареград, как будто невольная признательная черта, сохранившаяся в русском племени, за тот свет, который некогда истекал оттуда. Нередко русский мещанин, промышленник сколько-нибудь ученый, бросив дела, отправлялся сам в Иерусалим и Цареград, и даже издавал книгу, которую жадно покупали у разносчиков...» (VIII, 490–491). Автор рецензируемого произведения, как следует из его содержания (других сведений о нем не обнаружено), тоже не мещанин и не «промышленник, сколько-нибудь ученый» (Гоголь употребляет слово «промышленник» явно в далевском значении — «промышляющий что или чем-либо», т. е. ремесленник и т. п.), а иеродиакон Свято-Троицкой Сергиевой лавры Иона (Маленький). Он совершил паломничество на Святую Землю по предложению приезжавшего в Москву Иерусалимского патриарха Паисия, которому показывал в Троице-Сергиевой лавре Успенский собор. Получив разрешение от царя Алексея Ми-

хайловича, Иона в 1649 г. вместе с Паисием выехал в Молдавию. В свите Паисия находился и другой русский паломник-писатель — Арсений Суханов, автор замечательного «Проскинитария». В 1651 г., во время Великого поста, Иона, наконец, отправился в Иерусалим. Паисий дал ему в сопровождающие иерусалимского араба-христианина, «старца араба», от которого русский паломник «мало не погибох», ибо тот «мздоимства ради» выдал его османским властям. На Святой Земле Иона пробыл четыре месяца, всю ее «видех очима своима и преходих грешными ногами» (ср. у Даниила: «И то все все видех очима своима грешными»)⁷. В 1652 г. иеродиакон вернулся через Царьград в Москву. Назвать «Хождение» Ионы Маленького популярным народным чтением также нельзя — известны всего лишь 2 списка этого произведения, по одному из которых М. А. Коркунов, преподаватель всеобщей истории в Московском университетском благородном пансионе, и издал в 1836 г. это произведение. Исследователи отмечают типичность путешествия Ионы для паломнической литературы XVII в. и влияние на него «Хожения» игумена Даниила⁸.

Первым, кто опубликовал (частично) «Хожение» игумена Даниила, был Н. М. Карамзин. В примечании 211 к т. II, гл. VI «Истории Государства Российского» (том завершен в 1806, опубликован в 1818) он его отчасти пересказал и привел обширные выдержки: о короле «Балдине», о чуде сошествия св. огня в Великую субботу и др.⁹ «Хожение» игумена Даниила было достаточно популярным чтением — по разным подсчетам, сохранилось, от 120 до 150 списков этого произведения.

В конце 1832 — начале 1833 г. Гоголь читал и делал выписки из «Истории Государства Российского». Гоголевская заметка под названием «Набожность» восходит именно к этому месту в гл. VI истории Карамзина (в заметке Гоголь перепутал имена Святополка и Святослава): «Монахи путешествовали к святым местам: игумен Даниил во время Святослава был в Иерусалиме во время Балдуина» (VIII,47).

Неизвестно, читал ли Гоголь эти произведения древнерусской паломнической литературы (пусть в выдержках и пересказе, как в карамзинском случае с «Хожением» игумена Даниила) или судил о них понаслышке. Но то, что он имел какое-то представление об этой литературе, сомнению не подлежит. Паломничества, хождения — когда-то один из ведущих жанров древнерусской литературы (уступавший по популярности только агиографическим произведениям), к XIX в. оказался на периферии литературного процесса, оставаясь массовым чтением только в простонародной среде, у крестьянства, купечества и мелкого провинциального дворянства¹⁰. Соответствующим образом сокращалась и сама практика паломнических путешествий на Святую Землю, хотя, конечно, именно она во многом определяла развитие жанра.

Между тем именно в 1-й половине XIX в. происходит своего рода возвращение паломничества в литературу, актуализация древнего жанра. Рас-

ширятся и само паломническое движение. Если в конце XVIII в. ежегодное число русских паломников редко превосходило несколько десятков, то в 1820-е гг. оно достигало до 200, а в 1840-е гг. до 400 человек. Причем процесс шел по нарастающей, чему в немалой степени способствовало учреждение в 1839 г. российского консульства в Бейруте, а в 1858 г. и в Иерусалиме, открытие в 1847 г. Русской духовной миссии в Иерусалиме, создание в 1882 г. Православного Палестинского общества (с 1889 г. — Императорское Православное Палестинское общество) и т. д. Постепенно изменялся и социальный состав паломников. И хотя, по-прежнему, подавляющее большинство паломников составляли крестьяне, среди них, начиная с 1830-х гг. все чаще встречаются представители дворянского сословия. 1859 год открыл дорогу на Святую Землю членам императорской фамилии. В этом году совершил паломничество вел. кн. Константин Николаевич, в 1872 — Николай Николаевич, в 1881 и 1889 гг. — Сергей Александрович¹¹. В результате в период с 1800 по 1914 г. в России было опубликовано более 1 200 произведений паломнической литературы, тогда как в XVIII в. их число не превышало 100.¹²

В истории русской литературы изменение отношения к паломническому жанру обычно связывают в первую очередь с именем А. Н. Муравьева. Его «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» (СПб., 1832) имело необыкновенный успех и было переиздано в 1833 и 1835 гг., а затем в 1840 и 1848 гг.¹³. Критика восторженно приветствовала появление «русского Шатобриана» (автора знаменитого «Путешествия из Парижа в Иерусалим...», 1811)¹⁴. Некоторые отзывы замечательны по тем представлениям о литературе, посвященной религиозной проблематике, которые успели сложиться в русском (светском) обществе. Распространялись такие представления и на язык произведения, а вопрос о языке (стиле) муравьевского «Путешествия», как мы еще увидим, нередко вызывал особые споры. Например, критику «Отечественных записок» язык «Путешествия...» «мог бы показаться изысканным и напыщенным, если бы он выражал собой предмет обыкновенный, житейский или выходящий из сферы религиозной». А вот у Муравьева «язык в высшей степени приличный своему предмету»¹⁵. Даже Пушкин начал писать рецензию на эту книгу, но она осталась незаконченной. Упоминал поэт о «путешествии к святым местам» Муравьева, «произведшем столь сильное впечатление», и в предисловии к «Путешествию в Арзрум»¹⁶.

Муравьев, все более осознавая значительность такого успеха, не только для себя как современного автора, но и для будущего развития отечественной словесности, торопится «закрепить» свое произведение в определенной литературной и культурной традиции. Так в 3-м издании «Путешествия...» в качестве вступительной статьи появляется обстоятельный «Обзор русских путешествий в Святую Землю». Он включает рассмотрение полутора десятков памятников русской паломнической литературы XII–XIX вв.,

от «Хождения» игумена Даниила до «Русских поклонников» Д. В. Дашкова. Древнерусские хождения Муравьев цитирует и пересказывает либо по многочисленным в то время публикациям, либо по рукописям.

«Путешествие...» Муравьева действительно «есть одна из тех книг, которые делают переворот в литературе и начинают собою ее новую, живую эпоху»¹⁷. На склоне лет, уже будучи автором огромного количества книг «церковного содержания», писатель так определил свои творческие заслуги: «Я, можно сказать, создал церковную литературу нашу, потому что первый облек в доступные для светских людей формы все самые щекотливые предметы богословские...»¹⁸ Или, по более емкой характеристике А. С. Стурдзы, призвание Муравьева заключалось в том, «чтобы сблизить и сроднить на Руси изящную словесность с духовною»¹⁹. Но, оставляя в стороне споры, что принесло русской литературе и Православной Церкви муравьевское «церковно-беллетристическое» (Н. А. Хохлова) направление, отметим трагические неудачи на, казалось бы, том же самом пути, постигшие писателей, гораздо более значительных, чем автор «Путешествия ко Святым местам», например, Гоголя с его «Выбранными местами из переписки с друзьями» и «Размышлениями о Божественной Литургии».

Нельзя сказать, что Гоголь обошел вниманием творчество Муравьева. Еще в конце 1820-х гг. он собственноручно переписал стихотворение Муравьева «Кто усладит мои страданья...» из сборника «Таврида» (М., 1827. С.102), где оно было напечатано под названием «Забвение».²⁰ По мнению В. Э. Вацура, стихотворение «Русалки» из того же сборника (С. 84) послужило источником «сцены русалок» в гоголевском «Гансе Кюхельгартене» (СПб., 1829).²¹ Как было установлено В. А. Воропаевым и И. А. Виноградовым, одним из основных источников гоголевских «Размышлений о Божественной Литургии» явилась статья Муравьева «О Литургии», напечатанная анонимно в т. 1 «Христианского чтения» за 1841 г.²²

«Путешествие ко Святым местам в 1830 году» фигурирует (в первом разделе «Книги духовного содержания» под № 53) в погодинском «Реестре книг, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года июля 11 дня» (IX,723). В «Записках о жизни Николая Васильевича Гоголя» П. А. Кулиш привел «прекрасный мемуар» товарища Гоголя по службе в университете Ф. В. Чижова, посвященный общению с Гоголем в Риме в 1843 г. В числе прочего мемуарист вспомнил об одном «довольно натянутом разговоре» с писателем: «Не помню, как-то мы, заговоривши о М<уравье>ве, написавшем «Путешествие к Святым Местам» и проч. Гоголь отзывался об нем резко, не признавал в нем решительно никаких достоинств и находил в нем отсутствие языка. С большею частию этого я внутренне соглашался, но странно резкий тон заставил меня с ним спорить. Оставшись потом наедине с Языковым, я начал говорить, что нельзя не отдать справедливости М<уравье>ву за то, что он познакомил наш читающий люд со многим в

нашем богослужении и вообще в нашей церкви. Языков отвечал: «М<уравье>ва терпеть не мог Пушкин. Ну, а чего не любил Пушкин, то у Гоголя делается уже заповеднею (sic! — В. Г.) и едва не ненавистью».²³

В дневнике Чижова этот разговор представлен несколько в иной форме и отнесен к 27 декабря 1842 г.: «Сегодня вечером заговорили мы о Муравьеве. Гоголь говорит, что язык его вял; не знаю, сколько мне кажется, именно у него хорош язык. Гоголь говорит, что теперь трудно писать чистым языком, — да у него самого язык с сильными промахами». На следующий день Ф. В. Чижев записал: «Заходил я к <Н. М.> Языкову; разговорившись о Муравьеве, он говорит: «Ну что Гоголь городит, что язык Муравьева дурен, это все от того, что он Пушкина партии, даже он почти не читал Муравьева». Это к сведению <...> Читаю Муравьева. Действительно, не вяло, а натянуто, и к тому же у него нет умения владеть языком, множество ошибок и недоглядов в языке, множество неясностей, вообще следовало бы сильно его выправить. Ко всему этому у него нет такту...»²⁴

Однако, судя по всему, со временем Гоголь все-таки «отдал справедливость Муравьеву» и по той же причине, по которой отдавал ему справедливость Чижев. По свидетельству А. О. Смирновой, «Андрей Ник<олаевич> позже писал о Православной Церкви, познакомил невежественную публику с сокровищами православия. Гоголь очень уважал его труд и говорил: «Вот человек, который исполнил долг пред Богом, Церковью и своим народом».²⁵

Языков, столь неллицеприятно отозвавшийся о Гоголе из-за его упреков «языку Муравьева», сам в письме Гоголю от 12 июня 1845 г. в ответ на просьбу, высказанную в письме от 5 апреля 1845 г., прислать книгу Норова, трактовал муравьевское «Путешествие» весьма критически. «Путешествие А. Норова в Иерусалим я уже отдал Аксаковым, которые имеют с кем переслать его к тебе: оно мне очень понравилось: это не муравьевское! Книга дельная, ученая и необходимая всякому паломнику» (XIII,137).

До этого Языков пытался прислать в Рим «Путешествие» Норова через П. А. Вяземского (письмо Гоголю от 25 апреля 1845 г.). После этого уже в декабре 1845 г. собирался доставить его с кн. В. П. Голицыным, отправлявшимся в Италию (письмо Н. Н. Шереметевой Гоголю от 22–23 декабря 1845 г.). Но, тот книгу «назад прислал, негде положить», как писала Гоголю 29–30 января 1846 г. уже сама Шереметева, вернувшая «Путешествие» Языкову (XIII,278). Раздосадованный Языков отвечал Шереметевой 29 декабря 1845 г.: «Книгу, которую не взял с собою в Рим князь Голицын, я получил: она уже в другой раз возвращается ко мне тем же образом! Видно не судьба ей доехать [на встречу] к Николаю Васильевичу!...»²⁶

С ним не без грусти согласился и сам Гоголь. Правда, вывод, который он сделал на основании этого житейского казуса, может показаться преувеличенным. Гоголь отвечал Языкову 26 февраля (н. ст.) 1846 г.: «Странная судьба

книги «Путешествие в Иерусалим» Норова, которая никак не может до меня доехать, показывает мне, что в этот <год> еще не судьба ехать и мне в Иерусалим» (XIII, 281). «Путешествие» Норова добралось до Гоголя только через пять месяцев, о чем он извещал Языкова в письме от 21 июля н. ст. 1846 г.

«Путешествие по Святой Земле в 1835 году» (Ч. 1–2. СПб.) А. С. Норова (Гоголь все время неточно пишет его название) впервые увидело свет в 1838 г. Через шесть лет вышло 2-е издание, в 1854 г. — 3-е.²⁷ «Бесспорно лучшее описание Святой земли, которое существует в русской литературе», — так охарактеризовал «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» крупнейший знаток паломнической литературы В. Н. Хитрово²⁸. Неизвестно, разделит ли такую высокую оценку Гоголь. Следов его непосредственного знакомства с норовским путешествием (также, впрочем, как и муравьевским) ни в произведениях, ни в эпистолярном наследии пока не обнаружено.

Правда, о литературных путешествиях на Святую Землю Гоголь все-таки высказался, но уже после своего возвращения из Палестины на родину. По дороге в Одессу в октябре 1850 г. писатель гостил у В. А. Лукашевича, где с ним познакомился А. В. Маркович, сообщивший П. А. Кулишу, в частности, об одном «из тогдашних разговоров Гоголя»: «О Святых Местах он не сказал своего ничего, а только заметил, что Пужула, Ламартин и подобные им лирические писатели не дают понятия о стране, а только о своих чувствах, и что с Палестиной дельнее знакомят ученые прошлого века, сенсуалисты, из которых он и назвал двух или трех».²⁹

В разговоре Гоголь упомянул двух французских авторов известных путешествий по Востоку. Это прежде всего Ж.-Ж.-Ф. Пужула (J.-J.-F. Poujoulat), который вместе с Ж.-Ф. Мишо (J.-F. Michaud) в 1832–1835 гг. выпустил в Париже трехтомные «Письма с Востока» («Correspondance Orient»). Известен анонимный русский перевод отрывка «Писем...», посвященного как раз Святой Земле и вышедшего отдельным изданием: Мишо Ж.-Ф. Очерки Иерусалима и святых окрестностей, Вифлеема, Иордана, пустыни св. Иоанна, монастыря св. Саввы, Хеврона и проч. / Из переписки о Востоке Мишо и Пужула. СПб., 1837³⁰.

В обзоре «Способностей и мнений новейших путешественников по Востоку» О. И. Сенковский (Барон Брамбеус) не преминул заметить по поводу фундаментальных «Писем с Востока», «превознесенных необычайными похвалами»: «Что гг. Мишо и Пужула открыли на Востоке? Ровно ничего. В их письмах нет ни одной вещи, которая бы не была давно известна и тысячу раз описана. Это самая бесцветная, поверхностная книга, какая только была издана в наше время о картине богатой красками и о предмете высочайшей философической важности; авторы, поистине, могли сочинить ее не выезжая из Парижа, потому что она, даже по части описаний наружного вида Востока и общества, не прибавила ни одного нового известия к тем, которые мы уже имели».³¹

Столь же беспощадно Барон Брамбеус анализирует «Путешествие по Востоку» («Voyage en Orient») А. М. Л. де Ламартина, вышедшее в Париже в 1835 г. По мнению Сенковского, «в поступках, разговоре, сочинениях, в прозе и стихах» знаменитого романтика «трудно было заметить что-нибудь доказывающее способность его к наблюдениям». Это подтверждается и его новой книгой. «Он совершенный француз. Он привык действовать в обществе, где много пустого, где много великих слов без смысла, много смешного, приятного и блестящего... Он подходит к Святому Гробу с понятиями и чувствами, восторженными до высочайшей степени. Он ожидал, что причетники, живущие в этой священной ограде, должны быть люди святые, набожные, благочестивые, давно забывшие свет и его суеты, и вдруг видит их корыстолюбивыми, невеждами, развратными». И несколько раньше: «Г. Ламартин видит терпимость и полную достоинства снисходительность мусульман, чувствует их нравственное превосходство, но не смеет сообщить об этом открытии самому себе. Таким образом, он приведен в смущение, обременен ужасной тяжестью. Понятия его жестоко потрясены, но предрасудки остаются непоколебимыми». «Набожный путешественник» создал «странную теорию» о Востоке, не подтверждаемую реальностью. И, вообще (Сенковский ссылается здесь на мнение ведущей турецкой газеты «Оттоманский Монитор» — В. Г.), представления о Востоке Ламартина есть «слабость человека любезного и гениального, но погруженного в мистические созерцания, более близкие к небесам, нежели к земле». ³² Следует заметить, что О. И. Сенковский был фактическим основателем школы русской ориенталистики, свободно владел (помимо основных европейских, включая итальянский и новогреческий) турецким и арабским языками (впоследствии изучил китайский, монгольский и тибетский), в 1819–1821 гг. совершил путешествие по Турции, Сирии и Египту и т. д., словом, являлся вполне компетентным специалистом по Востоку. ³³

Как мы видим, мнения Сенковского и Гоголя о французских путешественниках по Святым местам в целом совпали: оба, в первую очередь, отказывают им в «дельности» сообщаемых сведений о Палестине (ср. с вышеприведенным отзывом Языкова о путешествии Норова). Точно также не доверял этим сведениям и школьный товарищ Гоголя по Нежинской гимназии, а с 1843 г. генеральный консул России в Сирии и Палестине К. М. Базили, сопровождавший Гоголя в его поездке по Палестине в феврале–апреле 1848 г. Он писал Гоголю 25 декабря 1847 г. (6 января 1848 г.) из Бейрута в Неаполь в связи с предстоящим путешествием: «Если приедешь без меня, то сделай милость не хлопочи о конвоях и прочих вздорах, о коих толкуют светские путешественники — шарлатаны в подражание Ламартину» (XV,8). Самого же Базили Гоголь считал как раз дельным автором, о чем свидетельствует его письмо Жуковскому от 28/16 февраля 1848 г. из Иерусалима: «Он написал преудивительную вещь, которая по-

кажет Европе Восток в его настоящем виде, под заглавием «Сирия и Палестина». Знания бездна, интерес силен. Я не знаю никакой книги, которая бы так давала знать читателю существо края» (XV,37).³⁴

Установить имена «двух или трех» «ученых прошлого века, сенсуалистов», оставивших именно «дельные» описания Палестины весьма затруднительно.

Хорошо известно, какую огромную роль отводил Гоголь путешествию на Святую Землю в своих творческих планах, связанных преимущественно с работой над «Мертвыми душами». Еще в 1842 г. в письме С. Т. Аксакову от 18 августа предпринимается попытка объяснить «странность» такого путешествия для «человека, не носящего ни клобука, ни митры, смешившего и смешашающего людей, считающего и доньше важным делом выставить неважные дела и пустоту жизни». Только недавно появился из печати первый том «Мертвых душ», и Гоголь раскрывает «тайную связь» между «сим отдаленным путешествием» и «сим сочинением». Поэма, по мнению Гоголя, «вышла на свет» «не из победоносных триумфальных ворот в сопровождении трубного грома и торжественных звуков», как должно было быть и, возможно, еще будет, а «с погремушками... из темной низенькой калитки». «Лирическая восторженность» (лирические отступления) в «Мертвых душах» и паломничество в Иерусалим объявляются явлениями одного порядка: «И почему знать, что нет глубокой и чудной связи между всем этим и всей моей жизнью, и будущим, которое незримо грядет к нам и которого никто не слышит?» (XII, 112)³⁵.

Осуществление грандиозного замысла поэмы, по мнению писателя, предполагало, в первую очередь, совершенствование души автора. Этому же должно было служить и предстоящее путешествие. Ведь, пообещав О. С. Аксаковой «описать» Палестину, Гоголь добавил: «Но для того мне надобно очиститься и быть достойну»³⁶.

В предисловии к «Выбранным местам из переписки с друзьями» (1846, июль) писатель явно выводит свое паломничество за рамки частного предприятия, необходимого только для его души, и придает ему общественное значение. Даже остатки гонорара за «Выбранные места», предназначавшегося на издержки предстоящего путешествия, он предполагает обратить «в подкрепление» паломникам, которые вроде него «почувствуют потребность внутреннюю» отправиться «к наступающему Великому посту во Святую Землю» (в 1846 г. Великий пост должен был наступить 18 февраля), а также тем, которых он встретит на пути. Непременное условие — помолиться им всем у Гроба Господня за гоголевских читателей. Писатель, хотя и с опозданием, но сдержал обещание: в официальной дипломатической переписке между Санкт-Петербургом и Бейрутом (26 мая 1848 г.) упоминается некая сумма, пожертвованная Гоголем «на пособие бедным поклонникам» — из нее к этому времени уже было издержано 9 рублей серебром (161 пиастр).³⁷

В заключение же Гоголь обещал молиться у Гроба Господня за всех своих соотечественников, «не исключая из них ни единого». И добавлял, что его молитва будет «бессильна и черства» (последнее слово еще не раз встретится в гоголевских письмах 1848–1850 гг., связанных с путешествием на Святую Землю), «если святая небесная милость не превратит ее в то, чем должна быть наша молитва» (VI,8–9).

* * *

В Палестину Гоголь взял с собой записную книжку, подаренную ему Жуковским в 1846 г. На листе 14 этой книжки под заглавием «В Иерусалиме» стоит, в числе прочего: «Купить крестики из перламутра, четки и проч. и образки всех сортов, освятить их на Гробе Господнем» (IX,697).

К середине XIX в. производство разнообразных памятных предметов, сувениров для паломников стало приобретать в Палестине массовый характер. Оно было сосредоточено преимущественно в двух городах: Иерусалиме и Вифлееме, каждый из них отличался своей специализацией. «Крестики из перламутра», так же как и другие изделия из этого материала (четки, образки и т. д.), легче всего было приобрести в Вифлееме, где их изготавливали арабы-католики. Считается, что искусство обработки перламутра было привезено сюда из Италии францисканцами и поощрялось ими. В иерусалимском францисканском монастыре Спасителя находился центр по продаже перламутровых изделий, откуда они расходились по всей Европе. Впрочем, архимандрит Порфирий (Успенский), посетивший в 1844 г. вифлеемскую арабскую мастерскую по изготовлению изделий из перламутра, указывал, что здесь все инструменты «разного рода» привезены из Парижа³⁸. По свидетельству Норова, на Страстной неделе вся площадь перед храмом Святого Гроба и прилегающие улицы «были заняты продающими четки, кресты и перламутровые образа; большая часть этих продавцов — жители Вифлеема».³⁹

В Иерусалиме «духовные изделия для продажи странникам», по определению А. С. Норова⁴⁰ (крестики, четки, образки и т. д.), изготавливались из местных материалов: масличного дерева, кипариса, известковой гальки (иорданского камня), сердолика, светлого рога и т. п.⁴¹

Что именно из всего этого многообразия купил Гоголь мы, конечно, не знаем, но хорошо известно, что из Иерусалима писатель привез «перламутровый ящик с изображением Благовещения Пр<есвятой> Девы Марии... наполненный маленькими крестиками», которые на родине в Васильевке роздал крестьянам, а также «священное мыло из Иерусалимского храма, с печатью Соломона на одной стороне и пальмовой ветвью на другой», различные «образки, иконки и пр.»⁴² Помимо этого сохранились сведения о кипарисовом посохе, подаренном Гоголем сестре Ольге Васильевне, с которым та не расставалась всю жизнь, о сердоликовых крестиках, перламу-

тровых иконках-ящичках с изображением Благовещения и др.⁴³ Подобное стремление привезти на родину что-либо «вещественное» на память о святых местах имеет древнюю традицию.

Один из русских паломников середины XIX в. «со дна Иордана взял немного камней, благословения ради». При этом он заметил: «Сам Бог повелел Иисусу Навину взять двенадцать камней из Иордана, ради памяти — что переходили реку Иордан посуху». А затем добавил: «И я взял того ради, что был и купался в Иордане».⁴⁵

Первый русский литературный паломник рассказал о том, как ключник храма Воскресения, «виде любовь мою сущую к Гробу Господню и ктому ми удвинувъ дощчку, сующую во главах Гроба Господня Святаго, и уять ми того святаго камени мало благословение, и запретив ми с клятвою никому не поведати в Иерусалиме». Игумен Даниил, получив частицу великой святыни, «изидох из Гроба Святаго с радостию великою, обогатився благодатию Божию, и идох, радуясь, яко некако скровище богатства нося».⁴⁷

А. Н. Муравьев собрал в Палестине целую коллекцию реликвий: каменную частицу от Вифанской гробницы воскресшего Лазаря, камушки со дна Иордана, из пещеры Иоанна Предтечи, частицу от гробницы апостола Андрея и т. п. К тому же он получил в подарок от Мелетия, митрополита Петры Аравийской, частицы Гроба Господня и помоста Кувуклии, камня миропомазания и Голгофской скалы. Все эти сокровища он разместил в ковчеге, который был изготовлен здесь же из масличного дерева Гефсиманского сада, и освятил на Святом Гробе.⁴⁸

Не остался без священных даров и Гоголь. Вот документ, удостоверяющий это: «1848. Февраля 23 во Граде Иерусалиме ради усердию которую показывал к живоноснаго Гроба Господня и прочих Святых местам духовный сын наш Николай Васильевич, в том и благословляю ему маленькои (sic! — В. Г.) часть камушка от Гроба Господня и часть дерева от двери храма Воскресения, которая сгорела во время пожара в 1808 се<н>тября 30-го дня. Это частички обе справедливость. Митрополит Петрас Мелетий и наместник Патриарха во святом граде Иерусалиме» (XV,39).

Митрополит Петры Иорданской (Аравийской) Мелетий (Матеос) был, пожалуй, одним из самых ярких представителей греческого духовенства на Святой Земле. Он родился в 1785 г. (по другим сведениям в 1786 г.) в горной деревушке Лемифу на Кипре. После смерти архиепископа Мисаила (1741–1838)⁴⁹ Мелетий был назначен патриаршим наместником в Иерусалиме. Следует заметить, что роль наместников (эпитропов) патриархов Иерусалимских была исключительно велика, т. к. сами патриархи с конца XVII в. почти перестали появляться в Палестине и предпочитали жить в Константинополе, мотивируя это, прежде всего необходимостью отстаивать интересы Иерусалимской Церкви перед Портой. Сразу же после назначения Мелетий стал ежегодно возглавлять священнодействие во

время сошествия Благодатного Огня в Великую Субботу, за что получил от арабов прозвище «епископ Света». Положение не изменилось и после избрания 16 марта 1845 г. на патриарший престол Кирилла II, принявшего решение вернуться в Иерусалим.

Много позже посещения Гоголем Иерусалима в последнюю Великую Субботу своей жизни в 1867 г. митрополит Мелетий, как всегда, вошел в Кувуклию Гроба Господня с тем, что возжечь от Благодатного Огня прежде потушенную (согласно обычному ритуалу) негасимую лампаду. О том, что произошло на Гробе Господнем, епитроп впоследствии рассказал английскому археологу Ч. Уоррену, с которым находился в доверительных отношениях. В книге «Подземный Иерусалим» тот засвидетельствовал: «Чудо совершилось при епископе Петры. Хорошо известно, что плат святой Вероники находится в Европе, по моему мнению, в Ватикане, однако греки убеждены (и это менее известно), что он принадлежит им⁵⁰. Именно этот плат епископ принес в серебряном ковчеге во Гроб и развернул его на гробовой плите. Огонь собрался как раз на плате, и тогда епископ, взяв святыню за четыре угла, завернул пламя в плат и оно как из ковша смогло излиться в лампаду»⁵¹.

Митрополит Мелетий, являясь на протяжении длительного времени духовником русских паломников, был хорошо им известен. Инок Парфений писал о нем в примечании к «Сказанию»: «Сего митрополита русские поклонники обычай имеют называть святой Петр. Также именовали и прежде его бывших наместников Патриарха Иерусалимского, митрополитов Птры или за-Иорданских. Но сие имя Петр несть настоящее их имя, а так называются от страны, в которую они поставляются в митрополиты, и именуемой Птра. Настоящие же имена их — другия: нынешний называется Мелетий, а прежде его был Мисаил»⁵². Инок Парфений прав: скажем, иеромонах Аникита (в миру кн. С. А. Ширинский-Шихматов) называет в «Путешествии по святым местам Востока в 1834–1836 годах» восьмидесятилетнего старца Мисаила, получая от него благословение, «святым Петром».⁵³ Об этом же пишет теперь уже в связи с Мелетием и граф Н. В. Адлерберг, побывавший в Иерусалиме в 1845 г.⁵⁴ 12 мая 1850 г. П. А. Вяземский в «Старой записной книжке» упомянул и «наместника Мелетия, митрополита Петры Аравийской»: «Обыкновенно называют его здесь св. Петр. Титул святой придается здесь всем архиереям»⁵⁵.

Инок Парфений был весьма расположен к митрополиту Мелетию, несмотря на то что тот не разрешил ему вернуться на Афон, т. к. это противоречило бы благословию афонского старца Арсения, пославшего своего духовного сына в Россию. Митрополит говорит с ним по-русски, «утешает и успокаивает» его.⁵⁶ Еще лучше характеризует митрополита Мелетия Н. В. Адлерберг.⁵⁷ Своеобразный итог подобным характеристикам подвел начальник Русской Духовной Миссии с 1865 по 1894 гг. архимандрит Антонин (Капустин) в некрологе наместнику Иерусалимского

патриарха Кирилла преосвященному Мелетию. Этот «престец о Господе», «владыка-духовник» «умел привлечь к себе и благородных и простонародных высокою, апостольскою кротостью, неизменным спокойствием духа, светлым взглядом на жизнь...».

Не забыл архимандрит Антонин и прозвища митрополита: «Русские люди, особенно из простого народа, называли его коротко и просто «Святой Петр»... Впрочем, слово святой принималось в прямом, определенном смысле, и мысль о святом, живом человеке не только привлекала, но как бы приковывала к преосвященному Мелетию простые и добрые сердца». Особую роль играл Мелетий по отношению к русским паломникам: «Когда не было в Иерусалиме ни Миссии русской, ни консульства, преосвященный Мелетий, можно сказать, был все для русских». Запомнил архимандрит Антонин и чудесную деталь, дополняющую образ преосвященного Мелетия сугубо русской чертой: «Вопреки совету врачей, с прибытием русских поклонников он по-прежнему стал принимать их ежедневно на исповедь, чем до крайности истомлял свои немногие силы, так что к концу дня совсем не мог говорить, но на дружеское предостережение продолжал отвечать хорошо заученным им русским словом: «ничего».⁵⁸

Совсем иначе относится к митрополиту Мелетию архимандрит Порфирий (Успенский), неоднократно встречавшийся с ним во время первой поездки в Иерусалим в 1843–1844 гг. и впоследствии. Русский «поклонник», вообще, не жалуящий греков, обвиняет наместника Иерусалимского патриарха в корыстолюбии, защите пороков греческого духовенства в Иерусалиме и т. д.⁵⁹

* * *

18 января (н. ст.) 1848 г. из Неаполя писатель извещал А. А. Иванова, что «полагает выехать на днях» на Святую Землю⁶⁰. После этого он садится на «скверный пароход «Капри» и отплывает на о. Мальту. Отсюда, «по обещанью», он пишет гр. А. П. Толстому 22 января (н. ст.). Гоголь жалуется на морскую болезнь, «плохой отелишко» на острове, сообщает, что «со страхом думает о предстоящем четырехсуточном переезде» и о том, что «пароход раньше 27, кажется, нейдет» (XV,29). 23 января (н. ст.) он пишет С. П. Шевыреву, что «в Мальте» «остаётся немного дней, чтобы дожидаться парохода, идущего в Александрию» (XV,32). 27 января (н. ст.) 1848 г. Гоголь с Мальты извещает Толстого, что пишет ему, «садясь на пароход». Однако он «переменил дорогу и едет через Константинополь, желая избежать двадцатидневного карантина» (XV,34). Последний пункт назначения выглядит странно, т. к. означает движение вспять, точнее, в сторону от главной цели поездки — Святой Земли.

Один из пароходных маршрутов с о. Мальта на Святую Землю проходил через о. Корфу (итал. название греч. о. Керкира) и Смирну. Не так давно было высказано предположение, что Гоголь побывал на о. Корфу⁶¹. Это

предположение опирается на сведения, содержащиеся в письмах двух оптинских старцев. Вот письмо (недатированное) прп. Амвросия Оптинского «О почитании святых мощей», где со ссылкой на рассказ писателя о. Порфирию (Говорову) сообщается о том, что Гоголь «сам видел мощи св. Спиридона (еп. Тримифунтского, чудотворца, ок. 348. — В. Г.) и был свидетелем чуда от оных. При нем мощи обносились около города, как это ежегодно совершается 12 декабря с большим торжеством. Все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы была прорезана и тело набальзамировано; потом однако решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиной. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Этому были свидетелями многие зрители, в том числе и Гоголь, на которого сильно подействовал этот случай»⁶². В несколько иной редакции об этом же чуде, теперь уже со ссылкой на рассказ Гоголя («бывшего в прошлом году в Корфу») «Наталье Петровне»,⁶³ сообщал прп. Макарий Оптинский в письме к духовной дочери А. И. Воейковой от 26 января 1849 г.: «... там есть мощи св. Спиридона Тримифунтского. На открытии английский путешественник, бывший там, желал видеть мощи св. Спиридона без покрова, что и было исполнено. Англичанин осматривал св. мощи (которые, как говорит Гоголь, сохранились совершенно невредимыми, и представляют вид недавно умершего человека) начал рассуждать о том, что это св. мощи набальзамированы, и что это особенно известный род бальзамирования, употребляющийся еще в Египте, и состоит в том, что мертвому вырезают кусок из спины — через отверстие вынимают внутренность и наполняют тело ароматическими веществами. Когда он это говорил и монахи его слушали, может быть, иные и начинали сомневаться, тогда св. мощи вдруг сами собою повернулись в раке и перевернулись к нему спиной! Это так поразило англичанина, что он тут же с ума сошел, а весь город ни о чем не говорил, как об этом происшествии, когда Гоголь туда приехал»⁶⁴.

Тут уместно вкратце изложить драматическую историю нетленных мощей святителя-пастуха, тем более что она имеет определенное отношение к русской паломнической литературе.

Мощи свт. Спиридона до VII в. почивали в Тримифунте (Тримифонто-се, ныне Тримитос) на о. Кипр, где он жил и умер. Считается, что после вторжения на Кипр в 648 г. сарацин⁶⁵ мощи, возможно, по приказу императора Юстиниана II, для сохранения были перевезены в Константинополь. По некоторым сведениям, первоначально они пребывали в монастыре Богородицы Обрадованной по соседству с монастырем Христа-Человеколюбца, затем их перенесли в храм Двенадцати апостолов. Во всяком случае, архиепископ Новгородский Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович) в «Книге паломник», посвященной «сказанию мест святых во Царьграде», уже констатирует в 1200 г., что «у святых же и Апостольских церкви <...>

святого Спиридона глава» лежит и добавляет: «а рука его и мощи у святых Богородицы у Одигитрия въ монастыри подь олтаремъ лежитъ»⁶⁶.

Это первое известное нам свидетельство о пребывании мощей свт. Спиридона в столице Византии и об их «разделении». Но если упоминание о «руке» («деснице») сомнений не вызывает (у «десницы» свт. Спиридона особая история), то слова об отделенной «главе» вызывают недоумение, ведь по сию пору нетленные мощи святителя (за исключением десницы) составляют единое целое. Автор анонимного «Хожения в Царьград» конца XIII — начала XIV в., описывая реликвии Апостольской церкви, уже говорит о «теле нетленномъ» св. Спиридона, которое лежит «с левую руку олтаря в голубци у киворех», т. е. в ковчеге-усыпальнице⁶⁷. Стефан Новгородец в 1348 или 1349 г. «целовахом мощи святого Спиридона» в той же Апостольской церкви.⁶⁸ Игнатий Смольнянин, побывавший в Царьграде в конце XIV в. в свою очередь утверждает, что «святныи Спиридон <...> в тълъ суть» лежит в «придельъ» «церковь мала» «в тойже странъ», что и Апостольская церковь⁶⁹. Дьяк Александр, который был в Царьграде в те же годы, что и Игнатий, ни о какой «малой» церкви не упоминает, но в соответствии с укрепившейся традицией заявляет: «В Апостольской церкви<...>во олтари зазданы (загорожены или замурованы, что менее вероятно. — В. Г.) мощи святого великаго Спиридона»⁷⁰. В «Ксеносе, сиречь страннике» иеродиакона Троице-Сергиевой лавры Зосимы (1419–1422) указано, что «велики Спиридопий» лежит в той же Апостольской церкви⁷¹. К тому же сохранились известия, что нетленные мощи свт. Спиридона ежегодно 11 декабря приносили в Святую Софию, где литургию служил и молился пред ними патриарх в присутствии императора и где мощи оставались для поклонения в течение двух дней.

После падения Константинополя в 1453 г. мощи свт. Спиридона были вывезены сначала в Фесприотийскую Парамифию (совр. Сербия), а в 1456 г. — на о. Корфу, где сохранивший мощи священник Григорий Полиевкт передал их иерею Георгию Калохеретису. Тот завещал нетленные мощи своим детям, через которых святыня попала в собственность семьи Вулгарисов. С 1456 г. мощи хранились в храме св. Афанасия и переходили из храма в храм, пока в 1577 г. венецианские власти не выделили семье Вулгарисов земельный участок, на котором в 1589–1597 гг. и был построен храм свт. Спиридона, где нетленные мощи святителя пребывают по настоящее время (с 1960-х гг. они принадлежат священной митрополии Керкиры).

Десница святителя, если верить свидетельству архиепископа новгородского Антония, уже в 1200 г. сохранялась в Константинополе отдельно от остальных мощей (см. выше). Как указывал Христодул Вулгарис (великий протопоп Керкиры, живший в XVII в.), в 1592 г. она была доставлена из Константинополя в Рим папе Клименту VIII. Тот перед смертью передал святыню кардиналу Чезаре Баронио, который в свою очередь подарил ее Новой церкви

Божией Матери в Риме близ площади Пасквино (Chiesa Nuova или S. Maria in Vallicella), откуда в 1984 г. десница была возвращена в Керкиру.

Эта «константинопольская» версия судьбы нетленных мощей свт. Спиридона, подкрепляемая к тому же многочисленными средневековыми источниками (в том числе свидетельствами древнерусских паломников)⁷², не является единственной. Существует и другая, «кипрская» версия, которую составительница «Путеводителя по святым местам Греции» «Евлогите! Благословите!», вышедшего на русском языке (перевод с англ.) в 2007 г., монахиня Нектария (Мак Лиз) даже считает «в высшей степени правдоподобной»⁷³. По этой версии, мощи святителя оставались на Кипре до 1448 г., когда королева Кипра Элени, наследница византийской династии Палеологов, продала их эмиссарам из Ватикана. Возвращаясь в Рим, эмиссары остановились в г. Арта, где православное духовенство с солдатами отобрали у них мощи, но жена местного венецианского правителя Кароло, принадлежавшая к Римской католической церкви, упростила отдать эмиссарам правую руку святителя, чтобы те отвезли ее в Ватикан в доказательство всего случившегося. Остальные мощи хранились в Арте пока священник Георгий Калохеретис (это имя, как мы видим, присутствует и в «кипрской» версии) «ради сохранности» не перевез их в Керкиру. Но как бы то ни было, в XV в. мощи свт. Спиридона оказались на Корфу.

В апреле 1725 г. этот остров посетил неутомимый «пешеходец» В. Г. Григорович-Барский. С немалыми трудностями ему удалось уговорить служителей керкирского храма открыть и показать ему и его спутнику о. Рувиму мощи свт. Спиридона в неурочное время, «но понеже любими бихомъ ими, яко отъ странъ Российскихъ есми, того ради обещахуся вси». Дело осложнялось тем, что гробница святителя закрывалась на четыре замка, ключи от которых хранились у высокопоставленных лиц, «начальницей» (губернатора, судьи, протопопа и наместника).

«Таже по неколицехъ днехъ, собравши протопопа вся ключи къ себе и в некий день, по святой литургии, воззавши насъ внутрь олтаря и затвори вся двери...». Протопоп, продолжает рассказ Василий Григорович-Барский, «поведе нас на правую страну святаго олтаря, идеже опочиваютъ мощи Святаго и отверзе все четири замки, имиже заключенъ бяше гробъ его, въ нем же другой еще, от камене изсеченъ, бяше, внутрь того еще третья рака, отъ древа кипариса соделанна...» Заметим, что серебряный саркофаг (рака), в котором сегодня почивают нетленные мощи свт. Спиридона, был изготовлен в 1867 г. по специальному заказу в Вене. Он закрывается на два замка, которые открываются двумя ключами одновременно, следовательно, раку можно открыть только вдвоем. «И когда ключик не поворачивается, значит, считается на острове, святитель Спиридон «отлучился»: помогает кому-то».⁷⁴ Но продолжим цитату из «Странствований» русского паломника: «Покровъ же отъ таблицы (пластины; ср. польск.

tablica — В. Г.) чистой, кристалльной, ей же мала часть, в ногахъ Святаго отверзается, лобзания рады».

Паломники «приложитися ногамъ Святаго, и видехомъ сквозь оную таблицу всего его до наименьшей вещи, со одеждою, на главе своей имеютъ подкапок (монашеская шапка или камилавка. — В. Г.) и клобукъ, яже еще въ житии своемъ ношаше⁷⁵, и одеянь в сакошь старинный, крестами истканый, ноги же оболчении въ мягкие зело сандалия⁷⁶; во всемъ нетленень, теломъ и одеждою, опочиваетъ аки живий. Еще же протопопа самъ подиймоваше ризи Святаго, и показоваше голени его, и лобизахомъ и видехомъ тело его бело и чисто, и мацахомъ, и мягко, аки живое»⁷⁷. Протопоп поведал русским паломникам, «яко все таковое тело, токмо тварь (лицо. Ср. укр. и белорус. «тварь». — В. Г.) и рука лева черни суть, правой же несть и не ведаютъ где, тако бо и в Корфус прииде».

О судьбе десницы святителя мы уже знаем, а на вопрос паломников о частичном «почернении» нетленных мощей протопоп ответил, что свт. Спиридон «яко преждними временами не бяше тако затворень, яко нине, но стояше на ногахъ в раце своей, поставлень между намесними образами въ церкви, и приношаху людие ладанъ, смирну и ливанъ и вжигаху, аки предъ образомъ, свечи и лампы, и тако отъ непрестанного, денного и ношнаго, курения и палении лампадъ горения учернися тварь и рука. Видящи убо начальници непочешть такову, отъ того часа затвориша и не открываютъ более, токмо дважды или трижды въ годъ»⁷⁸. Однако вернемся к путешествию Гоголя на о. Корфу и к письмам оптинских старцев об этом.

12 (24) декабря (дата из письма прп. Амвросия) 1847 г. Гоголь не мог быть на о. Корфу — он находился в Италии, а в декабре 1848 г. уже в Москве. Заметим также, что в день памяти свт. Спиридона раку с его мощами на три дня (с навечерия 11 декабря до вечерни 13) выносят из придела и ставят у местного ряда иконостаса т. е. примерно на то же место, где рака находилась в «преждние времена» для поклонения и молебных песнопений (подобная практика утвердилась много раньше середины XIX в.).

Мощи выносят из храма четыре раза в год в ознаменование избавления жителей острова по заступничеству святителя от различных напастей. В Вербное Воскресенье крестный ход (литания) совершается в память избавления от бубонной чумы (1629–1630); в Великую (Страстную) Субботу — от страшного голода начала XVI в.; 11 августа — от нашествия турок-османов в 1716 г.; в первое воскресенье ноября — еще от одной чумной эпидемии последней трети XVII в. По окончании крестных ходов мощи святителя выставляются для поклонения в храме, как правило, на три дня.

Вот как это происходило в первой трети XVIII в. и сохранилось, за исключением некоторых деталей, до сегодняшнего дня: гробницу святителя открывают, «взимають его со ракою, священники, облекшеса въ фелоны, творять процессию, обходяще стогни града и носящее его, аки живаго,

стоящего на своих ногах; таже, по окончании процессии, паки вносят в церковь и поставляют со ракою стояща между намесными образами, лобизания ради народа, и биваеть отворень 7 или 8 дней».⁷⁹

Стоит ли добавлять, что ни в одном из этих крестных ходов Гоголь не участвовал, ибо в 1847 г. писатель до конца мая находился в Италии, затем во Франции и Германии, а с конца ноября по январь — в Неаполе, откуда и выехал после 18 (6) января на Святую Землю. Таким образом, сведения, сообщенные в письме прп. Амвросия Оптинского о пребывании Гоголя на о. Корфу и его участии в крестном ходе с нетленными мощами свт. Спиридона Тримифунтского, едва ли соответствуют действительности⁸⁰. Обратимся к письму прп. Макария Оптинского.

Предположим, что 27 января (н. ст.), т. е. 15 января (ст. ст.) 1848 г. Гоголь все-таки сел на корабль на о. Мальта и отправился пусть и не в Константинополь, а на о. Корфу. Оттуда через Смирну (25 января (ст. ст.) он прибыл на о. Родос 27 января (ст. ст.) 1848 г. Следовательно, плавание от о. Мальта до о. Родоса заняло меньше двух недель, точнее, 12 дней: 15 (27) января 1848 г. — 27(9 февраля) 1848 г. Десяти дней на плавание (о. Мальта — о. Корфу — Смирна) должно было хватить, даже если писатель провел какое-то время на о. Корфу.

В письме прп. Макария речь уже не идет о «свидетельских показаниях» Гоголя, а лишь о том, что писатель, скорей всего, услышал о чуде от очевидцев или от других горожан, а спустя некоторое время рассказал о нем Н. П. Киреевской. Ведь «весь город ни о чем не говорил, как об этом происшествии, когда Гоголь туда приехал». Само чудесное событие произошло, судя по всему, не во время крестного хода, а при «открытии», вероятно, вскрытии раки с мощами св. Спиридона, что, как мы уже знаем, время от времени практиковалось в Керкире. Все это представляется достаточно правдоподобным, хотя, конечно, нельзя исключить и того, что писатель мог услышать о чуде не на о. Корфу, а, например, во время плавания на корабле между островами греческого архипелага от кого-нибудь из уроженцев Керкиры или просто от любого другого из спутников, бывавших на Корфу.

Однако ни в письмах, ни в беседах с современниками Гоголь больше никогда о чуде «с посрамлением англичанина» не вспоминал, как и о самом свт. Спиридоне Тримифунтском⁸¹. Если, конечно, не считать гоголевского рассказа «об одном англичанине», зафиксированного в одесском дневнике Е. А. Хитрово от 9 февраля 1851 г. Этот рассказ можно с определенными натяжками интерпретировать как своеобразное преломление (с переменной знаков на обратные) гоголевского «сюжета» о крестном ходе с нетленными мощами свт. Спиридона Тримифунтского, изложенного в письме прп. Амвросия Оптинского. По крайней мере, ситуативно здесь присутствует некоторое, хоть и весьма отдаленное сходство. Герой рассказа «дошел до духовной жизни не так, как другие, которые с молоком всасывают правила и убежде-

ния и веру, заповеданную родителями, неприкосновенно сохраняют. Он, напротив, сомневался во всем и не знал, что избрать себе незыблемую опору. Погруженный раз в такие думы, он увидел покойника, которого несли мимо. «Да вот, — он подумал, — самое верное! Вернее смерти ничего нет!» И с этой мыслью началось его обращение»⁸².

Остается добавить, что о чуде «с англичанином» у мощей свт. Спиридона не упоминается ни в одном из доступных нам исследований по истории Керкирской митрополии или посвященных жизни и чудесам святителя (имеются в виду работы С. Папагеоргио, И. Скадопулоса, С. Катсароса и др.). Впрочем, отдаленным отзвуком этого предания можно при желании посчитать такие утверждения: «Мощи для поклонения открывают не всем. Например, англичанам, исповедующим протестантизм, раку с мощами святого не открывают никогда»⁸³. Вероятно, для подтверждения или опровержения сведений о посещении Гоголем о. Корфу потребуются дополнительные изыскания.

* * *

Отметим, что с архимандритом Порфирием (Успенским) Гоголь совершил плавание на австрийском пароходе «Истамбул» из Смирны (Измир) в Бейрут в нач. 1848 г. В Смирну о. Порфирий прибыл из Константинополя на пароходе «Махмудиа» той же компании Ллойда. Время — «в январе 1848 года». Об этом мы знаем из воспоминаний священника Петра Соловьева.⁸⁴ О. Петр был тогда послушником и вместе с послушником Николаем Крыловым (оба недавно окончили С.-Петербургскую Духовную семинарию), иеромонахом Феофаном (Говоровым), впоследствии знаменитым богословом и подвижником, причисленным к лику святых Русской Церкви, входил в первый состав Русской духовной миссии в Иерусалиме (указ о ее создании был утвержден Николаем I 11 (23) февраля 1847 г.)⁸⁵. Начальник миссии архимандрит Порфирий о Гоголе в своем дневнике не упоминает, зато отмечает все этапы плавания, попутно делая романтические зарисовки живописных пейзажей.

Январь. «День 25-й. Палящее солнце катится по небу голубому. Смирнские горы смиренно стоят, как Бог их поставил, — одна другой выше, коя лицом, коя бочком, направо толпами, налево грядями, прямо горбами, иная в тени, другая в свете, а все в смурых одеждах на зеленом ковре у соленого моря <...> Пристань у Смирны. День 27-й. Я в Родосе <...> День 30-й. Якорь брошен в пристани Бейрутской. Прощай море! Привет мой Ливану!»⁸⁶ Таким образом, плавание о. Порфирия из Смирны в Бейрут (с заходом на Родос) продолжалось пять дней: с 25 по 30 января 1848 г. Впрочем, возможно, что и четыре дня, если пароход отплыл из Смирны не 25 января, а 26 (дата отплытия в дневнике не уточняется).⁸⁷ Это подтверждается и хроникой первого плавания о. Порфирия из Смирны в Бейрут в 1843 г., расписанной бук-

важно по часам. «17 Октября. Воскресенье. — В 7 ½ часов. Смирна. Порт, горы справа, как изрытый бархат, как пирамиды. 18. Понедельник. Утро. 7 ½ ч. На палубе. Хиос (остров Хиос прикрывает порт Смирны со стороны открытого моря. — В. Г.). — 9½ ч. утра; налево Самос, направо Кария <...> 19. Вторник. — В 6 час. утра в Родосе...» Однако вернемся к Гоголю.

18 января (н. ст.) 1848 г. из Неаполя писатель извещает А. А. Иванова, что «полагает выехать на днях» на Святую Землю (XV,28). После этого он садится на «скверный пароход «Капри» и отплывает на Мальту. Отсюда, «по обещанию», он пишет гр. А. П. Толстому 22 января (н. ст.). Гоголь жалуется на морскую болезнь, «плохой отелишко» на острове, сообщает, что «со страхом думает о предстоящем четырехсуточном переезде» и о том, что «пароход раньше 27, кажется, нейдет» (XV,29). 23 января (н. ст.) он пишет С. П. Шевыреву, что «в Мальте» «остается немного дней, чтобы дожидаться парохода, идущего в Александрию» (XV,32). 27 января (н. ст.) 1848 г. Гоголь с Мальты извещает Толстого, что пишет ему, «сажаясь на пароход». Однако он «переменил дорогу и едет через Константинополь, желая избежать двадцатидневного карантина» (XV,34). Последний пункт назначения выглядит странно, т. к. означает движение вспять от главной цели поездки — Святой Земли.

Но, как бы то ни было, согласно воспоминаниям о. Петра Соловьева, Гоголь оказался на пароходе «Истамбул», отправляющемся в Смирну, вместе с членами первого состава Русской духовной миссии в Иерусалиме. Эти воспоминания считаются вполне надежным источником: мемуарист сообщал живописные подробности о внешности Гоголя, об угощении (по поручению о. Порфирия) «земляков-спутников» (в том числе Гоголя) «превосходными апельсинами», подаренными русскому духовенству на Родосе местным митрополитом, об иконе свт. Николая, которую ему показывал писатель, и т. д. Но тогда встает вопрос: как соотносится хронология плавания на «Истамбуле», отраженная в «Книге бытия моего» еп. Порфирия (Успенского), с датами гоголевских писем? Ведь 27 января 1848 г., согласно дневнику будущего епископа, они были на Родосе, а согласно дате, поставленной Гоголем на последнем письме с Мальты, адресованном Толстому, в этот день писатель только садился на корабль, отправляющийся в Константинополь.

К тому же даты в «Книге бытия моего» приводятся по старому стилю. В этом легко убедиться. Проставив в дневнике число 23 февраля 1848 г., о. Порфирий уточнил: «Чистый понедельник»⁸⁸, т. е. первый день Великого поста. Это соответствует действительности, ибо Пасха в 1848 г. наступила 11 апреля (ст. ст.) или 23 апреля (н. ст.). Но тогда время плавания «Истамбула» сдвигается на 12 дней в сторону увеличения: 25 января (ст. ст.) — это 6 февраля (н. ст.) и т. д.

Хронологическая путаница усугубляется тем, что Гоголь свои письма за границей датировал то по старому, то по новому стилю. Например, письма с

Мальты А. М. Вьельгорской, С. П. Шевыреву, Н. Н. Шереметевой датируются 23 января (н. ст.) 1848 г., а письмо Жуковскому из Иерусалима — 28 февраля по ст. ст. Митрополит Мелетий датировал документ, удостоверяющий подлинность святынь, которыми он благословил Гоголя, 23 февраля 1848 г. Все говорит о том, что дата приведена по ст. ст., ведь Иерусалимская Православная Церковь (также как и Русская, Сербская, Грузинская и монастыри Афона) по сию пору живет по юлианскому календарю т. е. по старому стилю. В отличие, скажем, от Константинопольской Православной Церкви, которая в 1923 г. перешла на новоюлианский, в сущности григорианский календарь (по крайней мере, до 2800 г.), т. е. новый стиль. 23 февраля (ст. ст.) 1848 г. — это 6 марта (н. ст.). Но в последней «Летописи жизни и творчества Н. В. Гоголя» перевод этой даты из старого стиля в новый осуществлен неверно («марта 7»⁸⁹, т. к. составители не учли, что 1848 г. был високосным (т. е. в феврале было не 28, а 29 дней)⁹⁰. Впрочем, вопрос о хронологии нуждается в более тщательном рассмотрении.

В Бейруте Гоголя встретил Базили и, вероятно, писатель пробыл какое-то время в гостях у русского генерального консула (в письме от 25 декабря 1847 г. Базили предупреждал, что по прибытии в Бейрут Гоголь будет жить у него «и здесь и в Иерусалиме»)⁹¹. При этом Гоголю, удалось избежать двенадцатидневного карантина в Бейруте в отличие от паломников, прибывавших сюда из Александрии.⁹² Как сообщал в том же письме от 25 декабря 1847 г. Базили: «Из Смирны сюда карантина нет» (XV,8).

Первый биограф Гоголя П. А. Кулиш в свое время заметил: «Но любопытно было бы проводить Гоголя мыслью по всем посещенным им местам в Палестине».⁹³ Это мы и попытаемся сделать, используя в основном тексты паломнической литературы, более или менее современные гоголевскому путешествию и естественно те немногие биографические данные, которые сохранились в различных источниках.

Когда точно писатель в обществе Базили и отставного генерала М. И. Крутова (с ним Гоголь также плыл на «Истамбуле»)⁹⁴ отправился из Бейрута в Иерусалим, мы не знаем. Но со всей определенностью можно сказать, что путешественники отклонились от обычного для многих паломников морского маршрута в Яффу. Его и предлагал Гоголю вначале Базили: «На лодке <...> это стоит безделицу» (из письма от 25 декабря 1847 г.)⁹⁵ Гоголь и его спутники избрали сухопутную дорогу по берегу Средиземного моря, вероятно, из-за того, что писатель тяжело переносил плавание, «морскую езду» (см., например, его письма Толстому с Мальты от 22 и А. М. Вьельгорской и Шевыреву от 23 января 1848 г.).

Вот как мастерски описал этот явно утомительный путь Гоголь в письме Жуковскому от 28 февраля 1850 г. Монотонность и медленность передвижения, однообразие окружающих пейзажей подчеркивается мерной ритмикой идущих друг за другом, словно длинной вереницей, предложе-

ний. «Подымаясь с ночлега до восхождения солнца, садились мы на мулов и лошадей в сопровождении и пеших и конных провожатых; гусем шел конный поезд через малую пустыню по мокрому берегу или дну моря, так что с одной стороны море обмывало плоскими волнами лошадиные копыта, а с другой стороны тянулись пески или беловатые плиты начинавшихся возвышений, изредка поросшие приземистым кустарником; в полдень колодец, выложенное плитами водохранилище, осененное двумя-тремя оливами или сикоморами».

Некоторое разнообразие в безотрадную картину вносят только краткие остановки и наступающие сумерки. Гоголь продолжает: «Здесь привал на полчаса и снова в путь, пока не покажется на вечернем горизонте, уже не синем, но медном от заходящего солнца, пять-шесть пальм и вместе с ними прорезывающийся сквозь радужную мглу городок, картинный издали и бедный вблизи, какой-нибудь Сидон или Тир. И этакий путь до самого Иерусалима» (XV,304–305).

Этим же маршрутом, «по приморской дороге в Сидон», следовал со своими спутниками и о. Порфирий Успенский, выехавший из Бейрута 7/19 февраля. В дневнике он отметил, что «дорога пролегает по многочисленным каменистым валунам, врезавающимся в море [многочисленными] низкими мысами... Едем вперед тихонько [шаг за шагом], не считая конских шагов, ни о чем не думая и только посматривая на Средиземное море и на Ливанские выси».⁹⁶ В Сидоне духовенство остановилось на ночь «в доме нашего консульского агента Фадула Разгаллы»⁹⁷. Не исключено, что здесь же незадолго до этого останавливался и Гоголь со своими спутниками, в числе которых был, как уже упоминалось, и русский генеральный консул в Сирии и Палестине Базили.

Выразительное описание Сидона (Саида, совр. Сайда), в библейские времена богатейшего и знаменитейшего финикийского города, содержится в «Книге бытия моего» за 11/23 декабря 1843 г. (первое путешествие о. Порфирия на Святую Землю): «Развалины церкви Иоанна Предтечи, обращенной в мечеть и развалившейся<...> Эта церковь была православная <...> Тут были сады, но выжжены в последние годы <...> Крепость полуразрушенная...»⁹⁸ и т. п.

Описание Сидона в «Путешествии по Святой Земле в 1835 году» Норова гораздо подробнее и включает обширную историческую часть: «Сидон древнее самого Тира, который мало-помалу поглотил его славу <...> Омир (Гомер. — В. Г.) говорит уже о роскоши Сидона...» и т. п. Впечатление ученого паломника от современного города в целом совпадает с тем, что пишет о. Порфирий: «Есть и за городом одна христианская церковь, в развалинах <...> Цитадель в развалинах...» и т. п.⁹⁹ Отметим, что Норов полагал Сидон границей Святой Земли: «Сидоном оканчивается Святая Земля! За Сидоном исчезает для христианина утешение лобызать следы

Божественных стоп своего Искупителя!»¹⁰⁰ Имеются в виду евангельские свидетельства о пребывании Иисуса в «пределах Тирских и Сидонских» (Мф 15: 21; Мк 7: 24). А. С. Норов посетил сначала Тир, а затем Сидон на обратном пути из Иерусалима на родину.

Древний Тир (Эс-сур, совр. Сур) о. Порфирий в 1843 г. (12/24 декабря) охарактеризовал предельно лаконично и дословно по-гоголевски: «Приехали в Тир в 6 ч. Бедный городишко».¹⁰¹ Другие русские паломники (Муравьев,¹⁰² Норов¹⁰³) описывали Тир гораздо пространнее и, если так можно выразиться, намного возвышеннее, опираясь на библейские пророчества и т. п. Гораздо сдержаннее в своем описании Адлерберг: «Следы древнего Тира или Сура, столицы Финикийского государства, ныне едва сохранились в немногих развалинах, весьма худо сбереженных, что, впрочем, неудивительно, ибо старинный город был разорен еще за 500 лет до Р. Х. Теперешний Тир совершенно незначителен, ничтожного объема, нечист и некрасив».¹⁰⁴

Никаких подробностей об этих «каких-нибудь» городах, кроме уже нам известного — «картинные издали и бедные вблизи» — Гоголь не сообщил ни в письмах, ни в рассказах на родине по возвращении.

Свой маршрут Гоголь подытожил в письме Шевыреву из Бейрута от 18/30 марта 1848 г.: «С помощью генерального нашего консула в Сирии Базили, моего старого товарища по школе, путь в Иерусалим, через Сидон и древний Тир и Акру, а оттуда через Назарет, совершил» (XV, 39).

Акра, или Сен-Жан д'Акр (библейский Акхор, Птолемаида, Акка, совр. Акко), так же как Сидон и Тир, располагается на берегу Средиземного моря. Муравьев, «избегая чумы», оставил ее «в стороне», но даже издалека сумел рассмотреть «зубчатые стены многобашенной Акры» и «легкие минареты», которые «чуть видными чертами рассекали синюю даль».¹⁰⁵ Драматическую историю Акры, как всегда, обстоятельно, с красочными подробностями изложил Норов в «Путешествии по Святой Земле в 1835 году».¹⁰⁶ Из прибрежной Акры, которую он удостоил только упоминания, путь Гоголя лежал в сторону от моря, в Галилею — землю, где прошли детство и юность Христа¹⁰⁷.

Первым в русской литературе описал святыни Назарета¹⁰⁸ («градок малъ есть в горах на удалне месте») игумен Даниил: церковь «во имя святого Благовещения, построенную крестоносцами совсем незадолго (в конце XI в.) до посещения Назарета русским игуменом над «пещеркой» («мала глубока»), в которой проживало Святое Семейство, и т. д. Не забыл Даниил описать и место, где «бысть пръвее благовещение святей Богородици от арьхаггела», «невидимое, но гласное», по выражению одного исследователя. Рассказ Даниила о первом Благовещении основывается на апокрифических источниках и в первую очередь на Протоевангелии Иакова (не позднее нач. III в.), весьма популярном в Средние века и получившем широкое отражение в православной агиографии, литургике и ико-

нописи. В заключение Даниил добавил: «И есть над кладязем тем создана церкви во имя архаггела Гавриила, и есть кругла образом». ¹⁰⁹

Паломники 1-й трети XIX в. уже не застали той католической назаретской церкви, которую осматривал Даниил, также как игумен не видел первого храма на месте Благовещенья, построенного в 427 г. диаконом Кононом, о чем сообщает сохранившаяся мозаичная надпись. Перед Муравьевым и Норовым предстал храм, воздвигнутый на развалинах прежних церквей францисканцами в 1730 г., и они его с восторгом описали. ¹¹⁰

Не забыли паломники и православную церковь «над кладязем». «Некоторые полагают великое событие Благовещенья на том месте, где теперь Греко-арабская церковь, — заметил Норов, — но общепринятое и достовернейшее мнение — в пользу латинцев». ¹¹¹ Муравьев высказался еще категоричнее: «Греки владеют только одной, очень древней <церковью>, и показывают внутри оной ключ, из которого черпала Св. Дева, неосновательно уверяя, что на том месте было благовещенье». ¹¹²

Однако современные историки уверены: «Единственное, что действительно и несомненно связано с евангельскими событиями в Назарете, — это колодец Пресвятой Девы Марии, из которого Она, по преданию, набирала воду, когда перед ней предстал Архангел». ¹¹³

Об этом колодце Норов рассказал еще и следующее: «Ключевая вода его доселе течет в изобилии и напоет стекающихся туда поклонников; она проходит к наружному водоему». А инок Парфений через десять лет добавил: «И дондесь всего Назарета жены оттуда носят воду, овыя на головах, овыя на плечах, кувшинами». ¹¹⁴

О том, что видел Гоголь в Назарете и пил ли он воду из «святаго кладязя», сказать трудно. Сам он только констатировал местное низвержение другой, небесной влаги, напомнившее о родных дорогах: «...в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дни, позабыв, что сию в Назарете, точно как бы это случилось в России, на станции» (из письма Жуковскому от 28 февраля 1850 г.). В записной книжке 1846–1850 гг. Гоголь также указал: «В Назарете дождь задержал нас двое суток» (IX, 697). Писатель явно торопится к главной цели своего паломничества — Гробу Господню. И, покидая Галилею, пересекая Самарию, въезжая в Иудею (южную часть Палестины), он мало обращает внимания на окружающие достопримечательности, хотя по пути из Назарета в Иерусалим едва ли мог миновать те же Дженин и весьма примечательный Наплус, или Наблус ¹¹⁵ (см. маршрут, предложенный Бейне в письме Гоголю от 1/13 января 1848 г.). Словом, путевые впечатления свелись к тому, что он «где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее другой...» (из письма Жуковскому от 28 февраля 1850 г.).

Впрочем, это не совсем относится к впечатлениям от Иудеи. «Что может сказать поэту-живописцу, — пишет Гоголь Жуковскому 28 февраля 1850 г., — нынешний вид всей Иудеи с ее однообразными горами, похо-

жими на бесконечные серые волны взбугрившегося моря?» (XV,303). Тут необходимо пояснение.

Дело в том, что Жуковский, работая над поэмой «Странствующий Жид», попросил Гоголя в письме от 20 января (1 февраля) 1850 г. из Баден-Бадена помочь ему «весьма значительно в этом поэтическом предприятии»: «Мне нужны локальные краски Палестины. Ты ее видел, и видел глазами христианина и поэта. Передай мне свои видения...» (XV,297).

Гоголь отвечает на просьбу очень по-своему, предварительно воскликнув: «Знаешь ли, какую тяжелую ты мне задал задачу?» И продолжает, вспоминая Евангелие: «Все это, верно, было живописно во времена Спасителя, когда вся Иудея была садом, и каждый еврей сидел под тенью им насажденного древа...» (XV,303). Здесь Гоголь не совсем точен: сравнить с садом можно только, пожалуй, ветхозаветную Иудею, когда Иерусалим был весь окружен садами и представлял собой «прекраснейший сад». В Новом Завете упоминания о садах единичны. Это, конечно, прежде всего, Гефсиманский масличный сад за потоком Кедрон у подножия Елеонской горы, куда Господь часто удалялся со своими учениками для молитвы, где молился о чаше и был предан Иудею Искаротом (Мф 26: 36–56; Мк 14: 32–52; Лк 22: 39–53; Ин 18: 1–12). А также сад «на том месте, где Он распят<...> и в саду гроб новый» (Ин 19: 41).

Правда, по свидетельству русских паломников, средневековая Палестина действительно утопала в изобилии, отличаясь особой красотой и благоденствием явно из-за соседства со святынями.¹¹⁶ Возможно, именно эти или им подобные картины запомнились Гоголю не только при чтении Священного Писания, но и паломнической литературы, где Палестина предстает неким «земным раем».

Однако контраст с тем, что писатель увидел на Святой Земле, оказался разительным. «Но теперь, — продолжает он описывать Жуковскому унылые «локальные краски» современной Палестины, — когда редко-редко где встретишь пять-шесть олив на всей покатости горы, цветом зелени своей так же сероватых и пыльных, как и самые камни гор, когда одна только тонкая плева моха да урывками клочки травы зеленеют посреди этого обнаженного, неровного поля каменьев, да через каких-нибудь пять-шесть часов пути попадется где-нибудь приклеившаяся к горе хижина араба, больше похожая на глиняный горшок, печурку, звериную нору, чем на жилище человека, как узнать в таком виде землю млека и меда?» (XV,303–304).

Гоголь уже не может остановиться и вновь возвращается к ветхозаветному образу земли обетованной, «где течет млеко и мед» (Исх 3: 8 и др.), ближе к концу письма. Теперь он подчеркивает то, что сегодня называется «человеческим фактором». «Повсюду и на всем видел я только признаки явные того, что все эти ныне обнаженные страны, и преимущественно Иудея (ныне всех бесплоднейшая) были действительно землей млека и меда. По всем горам

высечены уступы — следы некогда бывших виноградников, и теперь даже стоит только бросить одну горсть земли на эти обнаженные камни, чтобы показались на ней вдруг сотни растений и цветов: столько влажности необходимой для прозябенья, заключено в этих бесплодных камнях! Но никто из нынешних жителей ничего не заводит, считая себя кочевыми, преходящими, только на время скитающимися в сей пораженной Богом стране» (XV,306).

Надо признать, что в этих инвективах Гоголь не был особенно оригинален, тем более что они основывались на реальном состоянии Палестины в 1-й пол. XIX в. Уже Д. В. Дашков характеризовал горы Иудейские как «бесплодные и населенные малолюдными племенами хищных аравлян».¹¹⁷ Поминает «беспечных арабов» и Муравьев, адресуясь к древним временам и обращаясь, как и Гоголь, к образу «земли обетованной, кипящей млеком и медом». «Сии скалы, сии овраги — Иудея!» — не может удержаться от восклицания романтический путешественник.¹¹⁸ Что уж тут говорить про Норова, для которого тема сбывшихся апокалиптических пророчеств станет одной из основных не только в «Путешествии по Святой земле в 1835 году», но и в «Путешествии к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе» (СПб., 1847), в «Исследовании об Атлантиде», опубликованном в 1854 г. и т. п.¹¹⁹

Подобная оценка Святой Земли, Иерусалима была типична и для французских путешественников по Востоку. Основываясь на наблюдениях Шатобриана, Пужула, Мишо и др., аббат Гро и А. Ергон обобщали: «Исключая Ламартина, который, быв одарен воображением поэтическим, сердцем чувствительным, смотрел на природу и человека всегда с лучшей стороны, тогда как все путешественники и писатели единодушно утверждают, что Иерусалим есть место запустения. «Камни, песок, пепел, несколько колючих растений — вот все, что видели в нем...».¹²⁰

Любопытно, что соученик Гоголя по Нежинской гимназии В. К. Каминский, четырежды побывавший на Святой Земле в сер. XIX в. и умерший в Иерусалиме (погребен на горе Сион), в отличие от большинства паломников, воспринимал современную Палестину вполне в духе средневековых хождений. Для него она изобилует садами и пышной растительностью, отличается здоровым климатом, является «нравственным узлом, связывающим дух христиан всего света».¹²¹

16 февраля 1848 г., возможно, через Дамасские (Галилейские) ворота Гоголь въехал в Иерусалим¹²² и в его записной книжке появилась многозначительная запись: «Николай Гоголь — в Св. Граде» (IX,697). Тогда же из Иерусалима сразу же по прибытии он известил Жуковского: «И я, по примеру многих других, удостоился видеть место и землю, где совершилось дело искупленья нашего» (XV,36). Однако вернемся к началу сухопутного путешествия Гоголя по Ближнему Востоку.

Рассказывая о Сидоне, Норов между прочим заметил: «Сидон находится в постоянном сношении с Дамаском». Будущий профессор архитекту-

ры А.-К. Бейне, совершивший в 1847 г. путешествие по Востоку, где осматривал развалины храмов Бальбека, Дамаска, Иерусалима и Каира и был принят патриархом Иерусалимским Кириллом, для которого снял планы Вифлеемского храма и примыкающих к нему монастырей, в письме Гоголю от 1/13 января 1848 г. в числе прочих предложил и маршрут в Дамаск: «Из Бейрута первый ночлег на вершине Ливана в Хане, второй в Захле (христианский городок) и на третий день в Бальбеке, оттуда в Дамаск два дня езды и ночлег в третий день». О. Порфирий (Успенский) проделал этот путь в 1843 г. несколько быстрее: во вторник 26 октября он покинул Бейрут, а в пятницу 29 октября уже въезжал в «дамасские сады».¹²³ В. Г. Григорович-Барский еще в 1728 г. уверял, что Дамаск «отстоит отъ Иерусалима 10 денми по земли <...> отъ Сидона трема...».¹²⁴ Однако почему Дамаск и при чем здесь Гоголь?

П. В. Анненков вспоминал о последней встрече в Москве с Гоголем осенью 1851 г. и о том, что писатель предложил мемуаристу совершить вечернюю прогулку по городу и «всю ее занял описанием Дамаска, чудных гор его окружающих, бедуинов в старой библейской одежде, показывающихся у стен его (для разбойничества), и проч., а на вопрос мой: какова там жизнь людей, отвечал почти с досадой: «Что жизнь! Не об ней там думается».¹²⁵

Сомнения в том, что Гоголь действительно побывал в Дамаске, уже высказывались в литературе.¹²⁶ Если наши хронологические выкладки верны, тогда, конечно, потратить по дороге в Иерусалим не менее шести-восьми-десяти дней на поездку в Дамаск и возвращение в Бейрут (или из Сидона и обратно, или как-то иначе) писатель никак не мог. Но мы почти ничего не знаем об обратном пути Гоголя из Иерусалима в Бейрут. Судя по всему, он несколько отличался от первоначального маршрута в Иерусалим. По крайней мере, в уже хорошо знакомом нам письме Жуковскому от 28 февраля 1850 г. упоминается Яффа по контрасту с «бесплоднейшей» Иудеей: «Только в Яффе небольшое количество деревьев ломится от тяжести плодов, поражая красотой своего роста»¹²⁷. Таким образом, Гоголь, следуя достаточно традиционному для русских паломников маршруту, из Иерусалима сначала отправился в Яффу, а уже потом в Бейрут, откуда вполне мог «отлучиться» в Дамаск.

Любопытен контекст рассказа Гоголя о Дамаске в передаче Анненкова. «Дамасский» сюжет начался с того, что Гоголь взял с мемуариста «честное слово беречь рощи и леса в деревне» — речь, вероятно, шла о родовом имени П. В. Анненкова Чириково в Симбирской губернии, где тот жил с перерывами в 1848–1851 гг. Такое совершенно неожиданное, ни с того, ни с сего «экологическое» вступление можно объяснить тем, что писатель вспомнил свои впечатления от Палестины — «пораженной Богом страны» и преисполнился тревоги от возможности такой перспективы для России, хотя, конечно, «рощи и леса» в русской деревне — это не сады Ближнего

Востока. А затем опять-таки как об антитезе вспомнил о Дамаске. Ведь именно Дамаск на протяжении веков пользовался репутацией города-сада, одного из самых прекрасных мест на земле.

Еще Василий Гагара в 1-й пол. XVII в. с нескрываемым восхищением писал об этом.¹²⁸ Неутомимый «пешеходец» XVIII в. В. Г. Григорович-Барский, рассказывая о «знаменитом и везде прослутом граде Домаску», даже сравнил дамасские сады с «лесом великомъ», что поневоле заставляет вспомнить о России.¹²⁹ «Повествуется же в народе, — уточнил он в другом месте, — яко всех садов в Дамаске суть числом 300»¹³⁰. А один из анонимных паломников рассказал весьма популярный анекдот, как мусульманский «мнимый пророк Махмет» «узрел той град издалеча» и сказал: «Не хочу земнаго сего рая видети, да не лишен буду небесного»¹³¹. «Царством садов» называл Дамаск и Д. А. Скалон¹³². Ср. выше замечание о «дамасских садах» у о. Порфирия (Успенского). А то, что Анненков запомнил только «людей» (например, бедуинов) и реплику про жизнь из гоголевского рассказа, может говорить лишь об особенностях восприятия мемуаристом «восточных» сюжетов и их передаче в мемуарах. К тому же «описание Дамаска, чудных гор его окружающих» вполне могло включать и оставшееся «за текстом» упоминание о садах.

Помимо всего прочего нужно учитывать, что сомнения в том, что писатели-путешественники действительно побывали в странах, которые описали в своих произведениях или о которых рассказывали, — сопровождают историю этого жанра, по крайней мере, с XVI в. (от Трифона Коробейникова до В. П. Боткина и т. п.). Все это имеет непосредственное отношение, например, к т. н. гоголевскому путешествию в Испанию и Португалию, относительно реальности или вымышленности которого по сию пору не сложилось однозначного мнения¹³³.

По прибытии в Иерусалим Гоголь, вероятней всего, остановился в резиденции Патриарха Иерусалимского (она совмещена с монастырем святых Константина и Елены). По свидетельству Адлерберга, в ней была «предназначена особая квартира для российского консула и для некоторых приезжих по его усмотрению»¹³⁴. В том, что Гоголь относился к числу «некоторых приезжих», сомневаться не приходится, да и Базили еще в письме Гоголю от 6 января 1848 г. предупреждал, что писатель будет жить у него в Иерусалиме. В 1830 г. в той же «патриаршей обители» отвели «прекрасную комнату, обращенную окнами на соседний Храм Воскресения и дальнюю Элеонскую гору», Муравьеву,¹³⁵ там же остановился в 1835 г. Норов¹³⁶ и т. д.

17 февраля 1848 г., т. е. на другой день после Гоголя, в Иерусалим прибыла Русская духовная миссия во главе с о. Порфирием (Успенским) и разместилась совсем неподалеку — в «кельях Святогробского монастыря».¹³⁷ По дороге из Бейрута в Иерусалим духовенство посещало местные достопримечательности (некрополи и т. п.) и монастыри (в частности, арабо-униатский, армянский и латинский), осматривало древности (в том числе «чтилище

финикийской богини Астарты») и т. д. 18 февраля миссию принял Патриарх Иерусалимский Кирилл и в числе прочего благословил «к совершению богослужения в часовне Св. Гроба» на церковнославянском языке. В тот же день «навестил меня наш генеральный консул Базили», — записал в дневнике о. Порфирий и с тех пор будет неизменно отмечать в нем такие встречи.¹³⁸

И. А. Виноградов утверждает, что «на одном из первых богослужений у Гроба Господня на славянском языке Гоголь приобщался Св. Тайн».¹³⁹ Это не совсем так. В дневнике о. Порфирия рассказывается, что вскоре по прибытии в Иерусалим, точнее в «четверток» 19 февраля, члены миссии (они по-прежнему должны были называться «поклонниками», а не «дипломатическими агентами Российской державы») «сподобились поклониться всем святыням в ротонде Гроба Господня и в храме Воскресения Христова»¹⁴⁰. Но и только.

За все время пребывания Гоголя в Иерусалиме (даже считая до 6 апреля, когда он был уже в Бейруте) в «Книге бытия моего...» ни разу не упоминается о совершении литургии у Гроба. Хотя в тех случаях, когда она служилась где-нибудь в другом месте, о. Порфирий не забывал это отметить. Например, на исходе первой седмицы Великого поста, в субботу 28 февраля, он записал: «День моего причащения Святых Тайн в церкви Феодоровского монастыря, где я служил Божественную литургию»¹⁴¹. А 6 марта 1848 г. он вообще выехал в Вифлеем, где произошло «Вифлеемское побоище», и пробыл там до 12 марта. Правда, в «Книге бытия моего...» встречаются и пропуски: например, со 2 по 6 марта. Но дело даже не в этом.

Митрополит Мелетий на своем давно и хорошо известном гоголеведам¹⁴² свидетельстве о подлинности святынь, которыми благословил Гоголя, поставил дату: 23 февраля. Мы уже знаем, что это был первый день Великого поста — Чистый понедельник. В документе духовник всех русских «поклонников», пребывающих в Иерусалим, называет «Николая Васильевича» «духовным сыном нашим» и ясно, что это ни какая-нибудь метафора. Следовательно, писатель уже успел у него исповедоваться. Естественно предположить, что это было незадолго до приобщения Св. Тайн.

О том, как все происходило и могло быть с Гоголем, рассказал Адлерберг в путевых записках 1845 г. Вначале в храме Воскресения он готовился «к раскаянию и принятию благодати Божией» и читал Евангелие «коленипреклоненно перед престолом св. Голгофы». «В полночь митрополит Мелетий, — продолжает титулованный поклонник, — подозвал меня к себе для исповеди. В нескольких шагах от описанного мною места, сидя на старинных архиерейских возвышенных креслах, он снисходительно принял слова моего раскаяния, удостоил меня архипастырского наставления, и, возложив на меня епитрахиль и руки, подал разрешение. Вслед за тем началась обедня в Пещере Святого Гроба...»¹⁴³

Гоголь сообщал в письме Жуковскому из Бейрута от 6 апреля 1848 г.: «Уже мне почти не верится, что и я был в Иерусалиме. А между тем я

был точно, я говел и приобщался у самого гроба святого». С первых слов письма ясно, что главным для Гоголя в его путешествии был по сути дела именно этот момент, а совсем не желание увидеть в реальности Святые места, «идеже Господь наш Иисусъ Христосъ плотию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися имъ»¹⁴⁴. Так сформулировал еще в 80-х гг. XI в. не сбывшуюся мечту «божьствнаго уноши» Феодосия и цель любого паломничества автор «Жития Феодосия Печерского» Нестор.

«Что могу сказать я, — обращается Гоголь к Жуковскому 28 февраля 1850 г., имея в виду как раз многочисленные паломнические (поэтические, прозаические, живописные и т. д.) описания Святой Земли, — чего бы не сказали уже другие? Какие краски, какие черты представлю, когда все уже пересказано, перерисовано со всеми малейшими подробностями?» (XIV, 303).

Поэтому Гоголь и «не замечал» ничего по дороге в Иерусалим, ведь он стремился к другому. В этом состояли «все» его впечатления «из Иерусалима» и по сравнению с великим таинством даже «забытая» исповедь была важна лишь как необходимое приготовление к нему. Поэтому Гоголь так точно и запомнил «устройство» главной святыни христианства и свои переживания при богослужении.

«Литургия совершалась на самом гробовом камне. Как это было поразительно!» Далее в письме Жуковскому из Бейрута от 6 апреля 1848 г. следует достаточно подробное описание Святой Кувуклии. Эта купольная часовня включает, как известно, придел Ангела (Гоголь называет его «преддверием») и саму «гробовую доску», лежащую, по словам Гоголя, в «пещерке или вертепе <...> не выше человеческого роста: в нее нужно входить согнувшись». «Преддверие на это время, — продолжает Гоголь, — превратилось в алтарь. Я стоял в нем один; передо мною только священник, совершающий литургию. Диакон, призывавший народ к молению, уже был позади меня, за стенами гроба. Его голос уже мне слышался в отдалении» (XV, 42).

Вероятней всего, в храме Воскресения в эту ночь служили т. н. «смешанную», на двух языках, литургию, что практиковалось у Гроба Господня в тех случаях, когда большинство паломников не знали по-гречески, а среди них были священнослужители, пожелавшие принять участие в богослужении. Подробнейшее описание подобной литургии, начавшейся «в третьем часу по полуночи», оставил инок Парфений в своем «Сказании...»: «Апостол читали по-русски дневный и святым. Евангелие читали двое: диакон по-гречески, а иеромонах по-русски — то же Евангелие: ибо на Гробе Христовом во весь год ежедневно читаются Воскресные Евангелия...» И далее о том, как «протяжно» пели, естественно, по-церковнославянски, «Святой Боже»; на Великом входе, «громогласно», — «Яко да Царя всех подыдем...» и т. д. Ср. у Гоголя упоминание «соединенного пения русских поклонников, возглашавших «Господи, помилуй» и прочие гимны церковные».

Инок Парфений с большим знанием дела сообщает множество деталей богослужения, естественно, несколько отличающегося от того, которое Гоголь описывал в «Размышлении о Божественной литургии» (Гоголь работал над этой незавершенной книгой, вероятно, с зимы 1843/1844 г.)¹⁴⁵. Например: «На самом Божиим Гробе на камени постилагся пелена, посреди Гроба кладется антиминос. На том же Гробе у главы совершается проскомидия. На антиминосе совершается вся Литургия. В притворе же, на камени, отваленном от дверей Гроба, на котором сидел ангел Господень, кладется серебряная дска, и постилагся пелена, и на нем всю Литургию стоит святое Евангелие...» Что касается достоверности сведений, сообщаемых иноком Парфений, то они едва ли могут вызывать сомнения. «Я сподобился, — пишет он в «Сказании...», — три Литургии внутри у Гроба стоять, и своими очами все видел».¹⁴⁶

Еще в России Гоголь собирался помолиться у Гроба Господня, как и игумен Даниил, за всю русскую землю¹⁴⁷, составил список «Чьи имена вспомнить у Гр<оба> Св<ятого>», а также упомянул, не уточняя, о перечне всего, «о чем хотелось просить» в Иерусалиме (IX, 696–697). Но на деле, судя по письму Жуковскому от 6 апреля 1848 г., вышло несколько иначе: «Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моления не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщенья меня, недостойного...» (XV, 42).

Впрочем, скорей всего, это преувеличение, тем более что писатель вспоминал о литургии на Гробе Господнем все-таки спустя некоторое время. Вскоре же после литургии, по «горячим следам» он писал Жуковскому из Иерусалима 28 февраля 1848 г. о том, что «уже успел произнестъ» его имя у Гроба Господня. Следующая торжественная фраза в этом письме возвращает к уже известному нам письму Аксакову от 18 августа 1842 г., в котором Гоголь устанавливал прямую связь между будущим путешествием по Святой Земле и работой над «Мертвыми душами».

«О! да поможет нам Бог, — восклицает Гоголь в письме Жуковскому из Св. Града, — и тебе и мне, собрать все силы наши на произведеенье творений, нами лелеемых во глубине душ наших, в добро земли нашей, и да просветит нас светом разума святого Евангелия Своего!» (XV, 36). Вопрос о «Мертвых душах» в данном случае может приобрести даже неожиданную «вещественную» конкретность. Хорошо известно, что писатель старался не расставаться с рукописью второго тома поэмы даже во время путешествий, «сберегая» ее в знаменитом портфеле. Предположение о том, что он взял ее с собой и на Святую Землю, выглядит, на наш взгляд, вполне

убедительным. Не мог же он оставить ее где-нибудь в Италии, ведь после Святой Земли Гоголь планировал вернуться в Россию, что и произошло. Другое дело, насколько эта рукопись была готова¹⁴⁸.

Но если в нач. XII в. игумен Даниил не может забыть у Гроба Господня и «во всех местех святых» имен русских князей, перечисляя их по старшинству, т. е. по сути дела освящает политико-юридическую программу своего времени¹⁴⁹, уповая, что с Божьей помощью это должно прекратить междукняжескую борьбу на Руси, то почему Гоголь не мог освятить рукопись главного труда своей жизни на Гробе Господнем в надежде на ту же помощь в работе над поэмой? Прежде всего, потому, что герои «Мертвых душ», по его собственным неоднократным признаниям, должны были по ходу поэмы переродиться, восстановить в себе образ Божий. А для этого самому их создателю необходимо было подняться по лестнице самосовершенствования. Но, разумеется, все это только предположения. А пока в ответ на просьбу Жуковского Гоголь должен был описать свои «видения» Палестины двухгодичной давности.

На этот раз писатель не может не вспомнить один из немногих видов, «особенно поразивших» его «сонную душу». Он открылся «вдруг посреди однообразных серых возвышений, когда, выехав из Иерусалима и видя перед собою все холмы да холмы, я не ожидал ничего...» (XV,305).

В письме Жуковскому Гоголь не назвал имени «путеводителя», который помог ему сделать это открытие. В гостях у Смирновой-Россет в июне 1849 г. он был откровеннее. «Я ехал с Базили... — так классически Гоголь начал свой рассказ в присутствии младшего брата Смирновой Л. И. Арнольди. — Когда мы оставили море (речь идет о Мертвом море. — В. Г.), он взял с меня слово, чтоб я не смотрел назад, прежде чем он мне скажет. Четыре часа продолжали мы наше путешествие от самого берега, в степях (такое словоупотребление не совсем обычно применительно к пустынной местности вокруг Мертвого моря. — В. Г.), и точно шли по ровному месту, а между тем незаметно мы поднимались в гору; я уставал, сердился, но все-таки сдержал слово и ни разу не оглянулся. Наконец Базили остановился и велел мне посмотреть на пройденное нами пространство...»

По свидетельству мемуариста, по ходу рассказа «Гоголь оживился, говорил с жаром, глаза его блестели». Но продолжим сам гоголевский рассказ: «Я так и ахнул от удивления! Вообразите себе что я увидал! На несколько десятков верст тянулась степь все под гору; ни одного деревца, ни одного кустика, все ровная, широкая степь; у подошвы этой степи, или, лучше сказать, — горы, внизу, виднелось Мертвое море, а за ним прямо, и направо, и налево, со всех сторон опять то же раздолье, опять та же гладкая степь, поднимающаяся со всех сторон в гору...»

Эту же, захватывающую дух панораму, Гоголь, спустя год, описывает и в письме Жуковскому. И тут появляются новые живописные подробности:

«Никогда не видал я таких странных гор. Без пик и остроконечий, они сливались вер usernameами <так> в одну ровную линию, составляя повсюду ровной высоты исполинский берег над морем. По ним не было заметно ни отлогостей, ни горных склонов; все они как бы состояли из бесчисленного числа граней, отливавших разными оттенками сквозь общий мгlistый голубовато-красный цвет. Это вулканическое произведение — нагроможденный вал бесплодных камней — сияло издали красотой несказанной» (XV,305–306).

Однако вернемся к воспоминаниям Л. И. Арнольди. «Не могу вам описать, — завершает рассказ Гоголь, — как хорошо было это море при заходе солнца! Вода в нем не синяя, не зеленая и не голубая, а фиолетовая. На этом далеком пространстве не было видно никаких неровностей у берегов; оно было правильно овальное и имело совершенный вид большой чаши, наполненной какою-то фиолетовою жидкостью».¹⁵⁰

Как-то на просьбу старинного друга М. А. Максимовича все-таки описать путешествие в Палестину Гоголь ответил: «Может быть, я описал бы все на четырех листках, но я желал бы написать это так, чтобы читающий слышал, что я был в Палестине».¹⁵¹ В письме Жуковскому от 28 февраля 1850 г. из Москвы примерно столько же «листочков» и это самое развернутое, но буквально вынужденное, описание Палестины, оставленное Гоголем. Плюс два-три гоголевских рассказа, запомнившихся современниками. А для сопоставления — огромное море паломнической литературы.

Из этого паломнического моря в письме Жуковскому опять появился «простой человек, даже русский мужичок» — родной брат «простого мещанина» Трифона Коробейникова и Ионы Маленького, о которых Гоголь уже писал. Этот «мужичок... — обращается Гоголь к Жуковскому, — если только он с трепетом верующего сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку Святой Земли, может рассказать тебе, более всего того, что тебе нужно» (XV, 304)¹⁵². Сам же писатель в письме Жуковскому мог вспомнить в качестве живописного только еще один вид Святой Земли.

Когда-то в уже далеком 1835 г. Гоголь заметил, что «нельзя узнать совершенно город, исходивши все его улицы: для этого нужно взойти на возвышенное место, откуда бы он виден был весь, как на ладони» («О преподавании всеобщей истории») (VI,275–276). Таким местом в Иерусалиме, безусловно, является Елеонская гора, и, следуя своей же рекомендации, Гоголь «всходил» на нее. А через два года написал Жуковскому из Москвы: «Как сквозь сон, видится мне самый Иерусалим с Элеонской горы, — одно место, где он кажется обширным и великолепным: поднимаясь вместе с горою, как бы на приподнятой доске, он выказывается весь, малые дома кажутся большими, небольшие выбеленные выпуклости на их плоских крышах кажутся бесчисленным куполами, которые, отделяясь резко своей белизной от необыкновенно синего неба, представляют вместе с острыми минаретов какой-то играющий вид» (XV,305).

В этой «играющей» панораме писатель явно продемонстрировал свое мастерство поэта-живописца. Но он не забыл о том, что является еще и паломником-христианином. Поэтому вспомнил, что смотрел не только вдаль, но и буквально под ноги, где на «простом камне», как писал Норов, запечатлелась одна из самых почитаемых святынь христианства¹⁵³. «Помню, — продолжает Гоголь, — что на этой Элеонской горе видел я след ноги Вознесшегося, чудесно вдавленный в твердом камне, как бы в мягком воске, так что видна малейшая выпуклость и впадина необыкновенно правильной пяты». Впрочем, и в этом описании, конечно же, сказался внимательный взгляд художника.

С отпечатком стопы Спасителя на Елеонской горе связан любопытный сюжет. В «Путешествии по Святой Земле в 1835 году» Норов привел цитату из «Путешествия из Парижа в Иерусалим» Шатобриана «по этому предмету», где утверждалось, что, «рассматривая следы стоп Иисуса Христа, заключили, что во время вознесения Спасителя лик Его был обращен к северу...»¹⁵⁴ Отсюда Шатобриан делал свои выводы, его русские читатели — другие, а Гоголь, вспоминая Иерусалим, думал совсем не об этом.

Его глубоко поразило несоответствие масштаба происходивших в Иерусалиме событий с действительной топографией Святого Града. Гоголь с его ярко выраженным пространственным мировосприятием не может вместить своего Христа и свое Евангелие в эти безжизненные пространства, тесные улочки, невысокие горы, малые дома, «тощие» реки. «Представь себе Иордан, — обращается он к Жуковскому в 1850 г., — тощий посреди обнаженных гористых окрестностей, кое-где осененный небольшими кустиками ив». Это совсем не похоже на то, что Гоголь представлял себе прежде, читая Евангелие, так же как не похож такой Иордан на реку с буйной растительностью по берегам, которую изображал Александр Иванов в «Явлении Мессии» (как известно, художник писал картину в Италии, «отыскивая в пустынных окрестностях Рима подобия пейзажам Палестины») ¹⁵⁵. «Представь же себе, — продолжает настаивать Гоголь, — посреди такого опустения Иерусалим, Вифлеем и все восточные города, похожие на беспорядочно сложенные груды камней и кирпичей».

Писатель не хочет считаться с тем, что видел воочию, и ему теперь, в 1850 г., кажется, что под «одной крышей храма» Воскресения Христова «собраны» «и Св. Гроб, и Голгофа, и место, где Спаситель показан был Пилатом народу, и жилище архиерея, к которому Он был проводим, и место нахождения животворного креста» (XV,303).

В действительности в храме Гроба Господня находятся, как известно, Святой Гроб и Голгофа, а также придел Обретения Креста Господня. На это есть свои объяснения, причем, в том числе и в Евангелии, на которое постоянно ссылается Гоголь и мимо которого не могли, естественно, пройти и другие паломники. Норов, например, дает в «Путешествии по Святой

Земле в 1835 году» точную справку на этот счет: «В Евангелии святого Иоанна сказано: «Близь же места того, где Он был распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто положен не был» (Ин 19: 41). Это объясняет близость Голгофы от места погребения Спасителя».¹⁵⁶

Что касается «места нахождения животорного креста», то оно представляет собой бывшую цистерну, самую низкую точку храма Гроба Господня: сначала 29 ступеней вниз рядом с Голгофой в подземный храм во имя св. равноапостольной Елены, а затем еще 22 железных ступени вниз. Сюда после Распятия были сброшены кресты и засыпаны мусором. Именно здесь в IV в. византийской императрицей велась раскопки в поисках Креста Господня, и именно здесь он был обретен.

«Место, где Спаситель показан был Пилатом народу» (Мф 27:11–26; Мк 15:2–15; Лк 23: 3–25; Ин 18:29–40), расположено на территории бывшей крепости Антонии, построенной Иродом Великим в 36 г. до Р. Х. в честь своего друга римского полководца Марка Антония. В евангельские времена здесь была Претория римских прокураторов Иудеи. Крепость была разрушена Титом в 70 г. по Р. Х. Сохранились остатки ее стены, возле которой (ныне возле школы Аль-Омарийа, за аркой слева), согласно францисканской традиции, начинается Крестный путь (Via Dolorosa) или, по Гоголю, «скорбный путь Спасителя ко кресту» (XV,303) и находится т. н. 1-я остановка на нем. Описание «части развалин дворца Пилатова» оставил Норов: «Небольшая арка соединяет поверх улицы дворец Пилатов с другими зданиями по ту сторону; сказывают, что из одного окна этой арки Пилат показал народу Иисуса, произнеся: «Се человек!» Там живет теперь дервиш...»¹⁵⁷

«Жилище архиерея», по Гоголю, или дом «беззаконного» (Норов) первосвященника Анны — тестя Каиафы, куда, по свидетельству Евангелия от Иоанна (Ин 18:13), отвели первоначально на допрос Иисуса Христа после того, как взяли Его под стражу в Гефсиманском саду, располагается на горе Сион (ныне район Армянской духовной семинарии). Здесь находится храм Масличного дерева (известен с V в., полностью обновлен в XIV в.) и сама почитаемая маслина. Как рассказывает Норов, «стражи привязали Его к маслине, до введения к нечестивому судье; отрасли этой маслины показывают возле наружной стены церковного алтаря; это небольшое дерево огорожено наглухо решеткою. Здесь наш Искупитель получил ланитное поругание; святые Златоуст и Евтихий говорят, что совершитель этого беззакония был тот слуга архиерейский, Малх, которому урезал ухо Петр и которого исцелил Иисус!»¹⁵⁸

Дом самого первосвященника Каиафы, где затем допрашивали Спасителя (Мф 26:57; Мк 14:53; Лк 22:54; Ин 18:15), находился неподалеку, вне стен Старого города, справа от Сионских ворот. Ныне здесь находится мужской армянский Сионский монастырь.

Но все эти местные подробности Гоголя мало интересуют. «Да и к чему эти бедные черты, — адресуется он к Жуковскому, — когда всякое событие

Евангельское и без того уже обстанавливается в уме христианина такими окрестностями, которые гораздо ближе дают почувствовать минувшее время, чем все ныне видимые местности, обнаженные, мертвые?» (XV,303). Священные реликвии Святой Земли писатель оставляет «тому узкому кругозору, который озирается мертвыми очами ученого исследователя» (XV,307). Подобный «кругозор» не может и сравниться с «неизмеримым кругозором, открывающемся живой душе» в Евангелии. Об этом он в письме Жуковскому от 28 февраля 1850 г. говорит много и с восторгом. «Что могут все эти места, — объясняет он свою точку зрения, — которые привыкли мы мерять расстояниями, произвести другого, как разве только сбить с толку любопытного наблюдателя, если только они уже не врезались заблаговременно и прежде в его сердце и в свете пламенеющей веры не предстоят ежеминутно перед мысленными его очами?» (XV,307).

Гоголь не устает повторять: «Что могут проговорить тебе эти места, если не увидишь мысленными глазами над Вифлеемом звезды, над струями Иордана голубя, сходящего из разверстых небес, в стенах иерусалимских страшный день Крестной Смерти при помрачении всего вокруг и землетрясени или Светлый День Воскресенья, от блеска которого помрачится все окружающее, и нынешнее и минувшее?» (XV,304).

Вывод, к которому приходит Гоголь, едва ли мог полностью удовлетворить Жуковского, очевидно ожидавшего от него все-таки большей конкретики, «локальных красок», описания реальных палестинских святынь. Но Гоголь настойчиво рекомендовал: «Нет, все эти Святые Места уже должны быть в твоей душе. Соверши же, помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествие — и все святыне окрестности восстанут пред тобою в том свете и колорите, в каком они должны восстать» (XV,306)¹⁵⁹.

Поэт ответил почти через год 1 февраля (н. ст.) 1851 г. из Баден-Бадена: «Твое письмо о Палестине <...> чрезвычайно оригинально и интересно, хотя в нем одно, так сказать, негативное изображение того, что ты видел в Земле Обетованной» (XV,396).

Конечно, в гоголевском отношении к Святой Земле можно увидеть, в первую очередь, следы влияния протестантизма с его абсолютизацией Библии как единственного источника вероучения в ущерб Священному Преданию. В связи с этим вспоминается, например, известное признание Гоголя в письме С. П. Шевыреву от 11 февраля (н. ст.) 1847 г. в ответ на его «открытие» в Гоголе «признаков католичества» («религиозных экзальтаций, самоуслаждений и устремлений воли Божией лично к себе»): «Я пришел ко Христу скорее протестантским, чем католическим путем» (XIV,79).

Однако не следует забывать и того, что Русская Православная Церковь, следуя традиции блж. Августина, свт. Григория Нисского, прп. Иеронима Блаженного и др. виднейших представителей христианской патристики¹⁶⁰, в лице Кирика Новгородца, Нифонта Новгородского (XII в.) и других рус-

ских церковных деятелей нередко осуждала паломничества в Палестину. Константинопольский Собор 1276 г. официально одобрил действия епископа Сарайского Феогноста, который «воспрещал своим пасомым путешествовать в Иерусалим и повелел делать добро и жить богобоязненно дома»¹⁶¹. По свидетельству Андрея Курбского, прп. Максим Грек отговаривал Иоанна IV от паломнической поездки в Белозерский монастырь, а архимандрит Фотий долго отказывался благословить о. Аникиту (С. А. Ширинского-Шихматова) на путешествие в Палестину. Да и сам игумен Даниил в начале «Хожения» заявлял: «Мнози бо, дома сущее в местех своих, добрии человеци, мыслию своею (ср. с «внутренним путешествием» у Гоголя. — В. Г.) и милостынею убогих, добрыми своими делы, достигаютъ мечь сих святых, иже болшую мзду примуть отъ Бога Спаса нашео Иисуса Христа»¹⁶².

Возвращаясь в Россию, Гоголь пишет из Константинополя гр. А. П. Толстому 25 апреля н. ст. 1848 г.: «Никогда еще так ощутительно не виделась мне моя бесчувственность, черствость и деревянность» (XV,44). А затем повторит это в письмах о. Матфею Константиновскому от 21 апреля 1848 г. из Одессы и Жуковскому от 28 февраля 1850 г. из Москвы. Нравственный итог паломничеству на Святую Землю Гоголь подвел в том же письме Жуковскому: «... Я не стал лучшим, тогда как все земное должно бы во мне сгореть и остаться одно небесное» (XV,304).

Потом будут опыты познания через летописи, «Домострой» «русского духа», ведь «высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя слово евангельское, возводящее к совершенству человека» (из письма А. М. Виельгорской от 30 марта 1849 г.). Будут поездки в Оптину пустынь, безуспешная попытка поселиться на Афоне и там заканчивать «Мертвые души». Но все это будет потом, уже после Святой Земли.

¹ Судя по письму Гоголя епископу Иннокентию (Борисову) от 22 мая 1842 г., во время московской встречи писатель и архиерей условились увидеться у Гроба Господня, однако эта «полная встреча» не состоялась. См.: Гоголь Н. В. Собрание сочинений и писем в 17 тт. Т. XII. М.-Киев, 2009. С. 49. В дальнейшем все цитаты из произведений Гоголя и его переписки приводятся по этому изданию в тексте (римская цифра означает том, арабская — страницу). Одно время Гоголь собирался совершить паломничество вместе с М. П. Погодиным, художник А. А. Иванов также изъявлял желание сопутствовать писателю, предполагалось, что граф П. А. Толстой приедет в Неаполь с тем, чтобы «выпроводить» Гоголя к Святым Местам, «а, может быть, и сам туда пустится», в числе возможных «попутчиков-земляков» назывался прот. Димитрий Вершинский, такое же предложение Гоголь делал А. О. Смирновой-Россет, но, в конце концов, вынужден был отправиться в Иерусалим один, хотя, по его собственным словам, «необходимо для этой дороги товарищество близких сердцу душ». См. об этом:

- Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое изд. В 3 ТТ. Изд. подг. И. А. Виноградов. Т. 3. М., 2012. С. 603–604. (Далее: Свод).
- ² См.: Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем // Свод. Т. 2. М., 2012. С. 709.
  - ³ Там же.
  - ⁴ Литература о паломничестве Гоголя на Святую Землю в 1848 г. невелика. Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен в кн.: Воропаев В. А. Николай Гоголь. Опыт духовной биографии. М., 2008. С. 115–130; Воропаев В. А. Путешествие ко Гробу Господню // Радуга. №3–4. 2013. С. 224–235; Воропаев В. А. На пути ко Гробу Господню. Из истории паломничества Н. В. Гоголя на Святую землю // Вестник славянских культур. №3 (33). М., 2014. С. 128–138; Манн Ю. В. Гоголь. Завершение пути: 1845–1852. М., 2009. С. 123–130. Гуминский В. М. Путешествие Гоголя по Святой Земле в контексте развития паломнической литературы // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. Материалы конференции. М., 2012. С. 144–175. Обстоятельства получения Гоголем заграничного паспорта и рекомендательных писем для поездки в Палестину см.: Виноградов И. А. Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым местам // Евангельский текст в русской литературе XIII–XIX веков. Петрозаводск, 2008. С. 303–333; Свод. Т.3. С.601–625.
  - ⁵ Seeman K. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München. 1976. S. 448–449, 451–456; Stavrou T.G.; Welsensel P. R. Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. Columbus, 1986. P 1–2; Решетова А. А. Древнерусская паломническая литература XVI–XVII вв. (история и поэтика). Рязань, 2006. С. 230.
  - ⁶ Вопрос об авторстве Хождения Трифона Коробейникова многие годы остается дискуссионным. См.: Белоброва О. А. Коробейников Трифон // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 1. А–К. Л., 1988. С. 490. Ср.: Кириллина С. А. Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010. С. 17–18. Ср. также: Гуминский В. М. Египет и Синай в русской паломнической литературе // От Фив египетских до Александрии. М., 2006. С. 75–76, 90–91.
  - ⁷ [Даниил, иг.] «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. СПб., 2007. С. 14 (здесь и далее все цитаты из «Хожения» даются в упрощенной орфографии).
  - ⁸ См.: Белоброва О. А. Иона Маленький // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И–О. СПб., 1993. С. 88–89.
  - ⁹ См.: Карамзин Н. М. История Государства Российского. Репр. 5-го изд. Кн. I. ТТ. I, I–IV. М., 1988. Примеч. к Т. II. С. 86–87 (раздельная пагинация).
  - ¹⁰ См. об этом: Гуминский В. М. Открытие мира, или путешествия и странники. М., 1987. С. 151–172; Гуминский В. М. Русские паломники на Святой Земле в XII–XX вв. (литературный жанр и сакральное пространство) // Русская Палестина. Россия в Святой Земле. СПб., 2010. С. 157–182.
  - ¹¹ См.: Бутова Р.Б. Паломничества членов царской семьи в контексте русской дипломатии на Ближнем Востоке // Российская история. 2010. № 2. С. 91–111; Константин Николаевич вел. кн. ; Александра Иосифовна вел. кн. Августейшее паломничество на Святую Землю в 1859 г. М., 2009; Великий князь Константин Николаевич и русское

- паломничество в Святую Землю. М., 2011; Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. М., 2007.
- ¹² Stavrou T.G.; Welsensel P. R. Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. P. XLV.
- ¹³ Впрочем, следующее переиздание вышло только в 2006 г. в «Индрике» в серии «Востоčnoхристианский мир». До этого в 1995 г. «Школа Пресс» издала существенно сокращенный текст муравьевского «Путешествия» в сб. «Святые места вблизи и вдали. Путевые заметки русских писателей. 1 половина XIX века».
- ¹⁴ См.: De Chateaubrian. Itineraire de Paris a Jerusalem. ТТ.1–2. Paris, 1811. По некоторым сведениям, за три года это произведение было переиздано двенадцать раз. Имелись и русские переводы, причем вышедшие одновременно в Москве и Петербурге: Шатобриан, де, Ф. Р. Путешествие (в 1806) из Парижа в Иерусалим чрез Грецию и обратно из Иерусалима в Париж чрез Египет, Варварию и Испанию Шатобриана / Пер. с франц. священника И. Грацианского. Ч. 1–3. СПб, 1815–1817. VI. 298, 361 и 239 с.; Шатобриан Ф. Путевые записки из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж / Пер. с франц. с изд. 3 кн. П. Шаликова. Ч. 1–3. М., 1815–1816. СХIV. 282, 396, 240 с.
- ¹⁵ Отечественные записки. 1840. Т. XI. С. 11 (Раздел «Библиографическая хроника. Русские книги»).
- ¹⁶ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 ТТ. М., 1964. Т. VI. С. 639; Т. VII. С. 262–263.
- ¹⁷ Отечественные записки. 1840. Т. XI. С. 11.
- ¹⁸ Муравьев А. Н. Мои воспоминания (неопубликованная часть). Музей А. С. Пушкина (Москва). Отдел рукописей. Ф. 2. Оп. 6. Р. 190. Л. 158. Ср.: Хохлова Н. А. Андрей Николаевич Муравьев — литератор. СПб., 2001. С. 188.
- ¹⁹ Стурдза А. С. Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I. И мои воспоминания // Арзамас. Сб. В 2 кн. Кн. 1. М., 1994. С. 58.
- ²⁰ См.: Неизданный Гоголь. М., 2001. С. 352.
- ²¹ Вацуро В. Э. Незамеченные источники идиллии Гоголя «Ганц Кюхельгартен» // Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко. Сб. статей, воспоминаний и документов. СПб., 2000. С. 125.
- ²² См.: Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 9 ТТ. Т. 6. М., 1994. С. 530–531.
- ²³ Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. В 2 ТТ. М., 2003. С. 365. Ср.: Свод. Т. 3. С. 46. Согласно записи в дневнике Ф. В. Чижова, 30 ноября 1842 г. он поселился в том же доме на Via Felice, №126, что Гоголь и Н. М. Языков. — Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чижова // Лит. наследство. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 778. Ср.: Свод. Т. 3. С. 50. О взаимоотношениях Пушкина и А. Н. Муравьева см.: Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 13. Л., 1989.
- ²⁴ Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чижова. С. 780. Ср.: Свод. Т. 3. С. 53.
- ²⁵ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 193. О несостоявшейся встрече Гоголя с А. Н. Муравьевым см.: Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев. 1871. С. 32.

- ²⁶ Цит. по первой публикации в кн.: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М., 2001. С. 132. Ср.: Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем в 17 ТТ. Т. XIII. С. 526 (комментарии И. А. Виноградова и В. А. Воропаева).
- ²⁷ См. об этом: Гуминский В. М. Норов на Святой Земле // Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М., 2008. Гоголь познакомился с А. С. Норовым, вероятно, в 1842 г. в Гастейне (см. его письмо А. С. Данилевскому от 23/11 октября 1842 г.).
- ²⁸ См.: Хитрово В. Н. Египет и Синай. Библиографический указатель русских книг и статей о святых местах Востока, преимущественно палестинских и синайских. СПб., 1876.
- ²⁹ Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя... С. 579.
- ³⁰ Ж.-Ж.-Ф. Пужула позже написал также «Путешествие в Константинополь» («Voyage a Constantinopol», Paris, 1841) и «Историю Иерусалима» («Histoire de Jerusalem», Paris, 1842).
- ³¹ Библиотека для чтения, 1835. Т. XIII. С. 114.
- ³² Там же. С. 121.
- ³³ О нем см.: Каверин В. А. Барон Брамбеус. М., 1966; Pedrotti L. J.- J. S kowski. The Genesis of a Literary Alien. Berk.-Los Ang., 1965. О Сенковском-востоковеде см.: Крачковский И. Ю. Сенковский и его ученики // Избр. соч. Т. 5, М.- Л., 1958; Алексеев П. В. Сирия в мифопоэтике О. И. Сенковского // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2014. № 1 (27).
- ³⁴ См.: Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях. Одесса. Т.1–2. 1861–1862. Изд. 2, т 1–2. СПб., 1875; Изд. 3 (в одном томе, с сокр.). М., 1962. Новое изд. с восстановлением авторского текста: М.- Иерусалим, 2007. Гоголь читал книгу в рукописи, Базили смог издать свое сочинение лишь после ухода в отставку.
- ³⁵ См. подр.: Гуминский В. М. Гоголь // Православная энциклопедия. Т. XI: «Ге–Го». М., 2006. С. 658–664; Гуминский В. М. Жизнь и творчество Гоголя в контексте православной традиции // Гоголевский вестник. М., 2007. С. 20–38.
- ³⁶ См.: Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем // Свод. Т.3. С. 709.
- ³⁷ См.: Виноградов И. А. Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым местам. С. 333, 307. Ср.: Свод.
- ³⁸ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего: Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. СПб., 1894. Т. I. С. 433.
- ³⁹ Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М., 2008. С. 66.
- ⁴⁰ Там же. С. 113.
- ⁴¹ Многие из этих предметов можно было видеть в 2009 г. в Государственном историческом музее на выставке «Тысяча лет русского паломничества». См. каталог выставки (М., 2009): №№ 87–88, 92, 100–106 и др. См. там же (С. 24–33) статью Юхименко Ю. М. «Для памяти и благословения»: вещественный мир русского паломника».
- ⁴² См.: Чаговец В. А. На Родине Гоголя // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца. Киев, 1902. Отд. V. С. 36, 68.
- ⁴³ См.: Гиляровский В. А. На родине Гоголя (из поездки по Украине). М., 1902. С. 32. На выставке «Тысяча лет русского паломничества» в ГИМе (см. примеч. 35) экспонировалась перламутровая коробочка-реликварий с изображением Благовещения (кат.

- №67) и перламутровый же образок «Распятие с предстоящими» (кат. №68) 1840-х гг., поступившие в ГИМ из сейфа бывшего коммерческого банка Юнкера в 1928 г. (собрание П. М. Мальцева). По преданию, обе эти реликвии были привезены Гоголем из Иерусалима. См.: Тысяча лет русского паломничества. М., 2009. С. 56 (здесь же приведены их изображения).
- 45 Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. В 2 тт. Т. 2. М., 2008. С. 241.
- 47 «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII века. М., 2007. С. 132. Здесь и в дальнейшем все цитаты из «Хожения» даются в упрощенной орфографии.
- 48 См.: Муравьев А. Н. Описание предметов древности и святыни, собранных путешественником по Святым местам. Киев, 1872. С. 6.
- 49 О нем см.: Муравьев А. Н. Записка о жизни архиепископа Петры Мисаила, эпитропа Пресвятого Гроба. Публ. И. Смирновой // Иерусалимский Православный семинар. Вып. 5. М., 2014. С. 171–188.
- 50 О плате св. Вероники см., напр.: Бельминг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М. 2002 (по предм. указателю).
- 51 Warren C. Underground Jerusalem. London, 1976, p. 436.
- 52 Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии ...Т. 2. С. 181.
- 53 Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. М., 2009. С. 76. Ср.: Муравьев А. Н. Письма с Востока. Ч. II. 1849–1850 гг. М., 2005. С. 127.
- 54 Адлерберг Н. В. Из Рима в Иерусалим. Сочинение графа Н. Адлерберга. М., 2008. С. 126–127.
- 55 Вяземский П. А. Старая записная книжка. Ч. 2. М., 2003. С. 16.
- 56 Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии ...Т. 2. С. 84, 170. Ср.: Там же. С. 105–106.
- 57 Адлерберг Н. В. Из Рима в Иерусалим... С. 127.
- 58 Антонии (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891. М., 2010. С. 371–372. Ср.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем в 17 тт. Т. XV. С. 483 (примечание к №1452).
- 59 Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. I. С. 362, 453, 635; Т. II. С. 260–263 и т. д. (по указателю собст. имен). Ср.: Каптерев Н. Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством. Глава 10. Сношения патриарха Афанасия с русским правительством // Каптерев Н. Ф. Собр. соч. Т. II. М., 2008. С. 444, 446, 449–450.
- 60 Гоголь Н. В. Собрание сочинений и писем в 17 тт. Т. XV. М.-Киев, 2009. С. 28. В дальнейшем все цитаты из переписки Гоголя приводятся по этому изданию в тексте (римская цифра означает том, арабская — страницу).
- 61 См.: Захарченко С. О. Гоголь на Корфу // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2012. Август. №5. С. 72–74.
- 62 Собрание писем блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. Ч. I. Сергиев Посад. 1908. С. 82. Ср.: Воропаев В. А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. М., 2008. С. 152.
- 63 Речь идет о Наталье Петровне Киреевской, жене (с 1834) И. В. Киреевского, урожденной Арбенева (1809–1900).

- ⁶⁴ Это письмо впервые полностью, без купюр издала С. О. Захарченко. См.: *Собрание писем Макария Оптинского к мирским особам*. В 3 т. Т.1. Петрозаводск, 2010. С. 298.
- ⁶⁵ Епископ Порфирий Успенский полагал, что речь идет о «полчищах магометан-арабов, предводимых Мавией. Сей полководец<...> в седьмой год царствования Константа (648 по Р. Х.) предпринял войну морем против Кипра, а было у него 1700 судов, и покорил весь остров...» «Книгу бытия моего» цит. по: Порфирий (Успенский), еп.: *Святыни земли Италийской (из путевых записок 1854 года)*. М., 1996. С. 46.
- ⁶⁶ Малето Е. И. *Антология хождений русских путешественников XII–XV века*. М., 2005. С. 228–229.
- ⁶⁷ Там же. С. 243.
- ⁶⁸ Там же. С. 256.
- ⁶⁹ Там же. С. 288.
- ⁷⁰ Там же. С. 293.
- ⁷¹ Там же. С. 298. Ср.: С. 313.
- ⁷² См. об этом, напр.: Порфирий (Успенский), еп.: *Святыни земли Италийской (из путевых записок 1854 года)*. С. 46.
- ⁷³ Нектария монахиня (Мак Лиз). *Евлогите! Благословите! Путеводитель по святым местам Греции*. М., 2007. С. 470.
- ⁷⁴ См.: <http://travelergrim.blogspot.ru>
- ⁷⁵ Иконографию свт. Спиридона Тримифунтского отличает необычный головной убор — пастушья шапочка из овечьей шерсти, указывающая на то, что до избрания на святительскую кафедру св. Спиридон был пастухом, не оставив этого занятия и после избрания. См., напр., грузинскую икону св. Спиридона Тримифунтского IX в. или изображения различных икон на сайте syrigidon-trimifuntsky.narod.ru
- ⁷⁶ Ср.: «Чудом является и то, что покровитель странников св. Спиридон Тримифунтский сам по сей день не перестает «странствовать», помогая всем, кто с верой в молитве к нему обращается. В Православном мире он почитается как «ходящий» святой — бархатные башмачки, одетые на его ступни, изнашиваются, и несколько раз в год их заменяют новыми. А изношенные башмачки разрезают на части и как великую святыню передают верующим. По свидетельству греческих священнослужителей, во время «переобувания» чувствуется ответное движение» — <http://simvol-veri.ru>
- ⁷⁷ Григорович-Барский В. Г. *Странствования по Святым местам Востока*. Ч. I. М., 2004. С. 215 (текст цит. по упрощенной орфографии). Ср. с тем, что писал о мощах святителя еп. Порфирий Успенский: «Они нетленно почивают в правом отделении алтаря церкви, называемой его именем. Все тело сего великого угодника Божия цело так, что даже глаза, к общему удивлению, не вытекли и сохранили тусклый блеск; нос немного приплюснут, кожа на лице смугла, но не черна; на ногах же, ниже колен, она отстает от костей. Я приподнимал ее тут. Нетленный святитель лежит в простой раке, облаченный» («Книгу бытия моего» цит. по: Порфирий (Успенский), еп.: *Святыни земли Италийской (из путевых записок 1854 года)*. С. 45) и с современным описанием нетленных мощей свт. Спиридона Тримифунтского, напр., на сайте: syrigidon-trimifuntsky.narod.ru

- ⁷⁸ Там же. С. 216. Ср. с распространенной ныне в среде русских паломников версии, что нетленные мощи свт. Спиридона почернели из-за проводившихся в XVII в. патриархом Никоном церковных реформ. По свидетельству тех же паломников, сегодня мощи свт. Спиридона открывают чуть ли не ежедневно (кто говорит, что после утреннего богослужения, кто — в 5 часов вечера).
- ⁷⁹ Там же. С. 216. Ср. с фотографиями современных крестных ходов в Керкире, помещенными, напр., на сайте spyridon-trimifuntsky.narod.ru
- ⁸⁰ Между тем не критический пересказ этого письма с добавленными «от себя» совсем уж недостоверными подробностями (например, утверждением о том, что свт. Спиридон Тримифунтский «был дружен» с Николаем Чудотворцем) кочуют по различным православным сайтам. См., напр., материал А. А. Верда «Чудо святого Спиридона Тримифунтского» — Татьяна день // today.ru
- ⁸¹ В гоголевских «Выписках из служебной Минеи», содержатся «каноны и песни церковные», посвященные в том числе «преподобному <отцу нашему> Спиридону Чудотворцу, Епископу Тримифийскому (sic! — В. Г.). 12/24». И. А. Виноградов и В. А. Воропаев предполагают, что этот сборник «выписок» был составлен «в Ницце зимой 1843/1844 г.». (см.: IX, 192, 839).
- ⁸² <Хитрово Е. А.> Гоголь в Одессе. 1850–1851 // Русский архив. 1902. №3. С. 554. Незадолго до этого — 1 февраля 1851 г. в Одессе в том же доме Репниных Гоголь высказался по поводу всех англичан, точнее, всех и каждого: «Странно, как у них всякий человек особо и хорош, и образован, и благороден, а вся нация — подлец; а все потому, что родину свою они выше всего ставят» (там же. С. 553). Следует также заметить, что имя свт. Спиридона Тримифунтского, вероятно, было знакомо Гоголю, по крайней мере, с юности. Вот что вспоминал Г. И. Высоцкий, гоголевский соученик по Гимназии Высших наук: «Охота писать стихи высказалась у Гоголя по случаю его нападок на товарища Б<орозди>на, которого он преследовал за короткую стрижку волос и прозвал расстригою Спиридоном. Вечером, в день именин Б<орозди>на, 12 декабря...» (Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М., 2003. С. 105). Далее Г. И. Высоцкий приводит сочиненный Гоголем акростих, начальные буквы которого образуют имя Спиридон. 12 декабря, в числе прочих, отмечаются именины Спиридона, Ферапонта и Александра. У Федора Бороздина, о котором идет речь в этих воспоминаниях, именины могли приходиться на 12 декабря только в том случае, если при крещении он получил имя Ферапонт (тогда Федор было его обиходное, светское имя). С другой стороны, мемуарист мог перепутать день именин Федора Бороздина с днем именин его брата Александра, который также учился в Нежинской гимназии. Указано И. А. Виноградовым.
- ⁸³ См., напр.: www.ABC-people.com
- ⁸⁴ Соловьев П., священник. Встреча с Н. В. Гоголем в 1848 г. // Русская старина. 1889. №9, С. 553–554.
- ⁸⁵ Лисовой Н. Н. Русская духовная миссия в Иерусалиме: история и духовное наследие // Богословские труды. — Сб. 35. К 150-летию РДМ в Иерусалиме (1847–1997). М., 1999. С. 36–51.
- ⁸⁶ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. III. С. 191–192.

- ⁸⁷ Ср.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем в 17 тт. Т. XVI. М.—Киев, 2009. С. 68 (Летопись жизни творчества Н. В. Гоголя).
- ⁸⁸ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. III. С. 221.
- ⁸⁹ См.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем в 17 тт. Т. XVI. С. 609.
- ⁹⁰ По этой же причине затруднительно пользоваться известным «Хронологическим справочником (XIX и XX века). (Л., 1984), ведь, например, в таблице 3 (С. 13) также не учитывается, что 1848 г. был високосным.
- ⁹¹ Это подтверждает и о. Петр (Соловьев): «В Бейруте Гоголь поместился у нашего генерального консула Базили». — Соловьев П., священник. Встреча с Н. В. Гоголем в 1848 г. С. 553.
- ⁹² Напр., графа Н. А. Адлерберга, прибывшего в Бейрут из Александрии 23 апреля 1845 г. См.: Адлерберг Н. А. Из Рима в Иерусалим. С. 89–92.
- ⁹³ Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. С. 514.
- ⁹⁴ См.: Соловьев П., священник. Встреча с Н. В. Гоголем в 1848 г. С. 553.
- ⁹⁵ А. К. Бейне в письме Гоголю от 1/ 13 января 1848 г. в числе «сведений о дороге в Иерусалим через Бейрут и Яффу» сообщил, что «на парусном судне можно приехать из Бейрута в Яффу в 24 часа, и то с попутным ветром, но это риск» (XV, 36). Ср. описание такого рискованного плавания во время шторма на «каком-то двухмачтовом ботике, в виде баркаса» в кн.: Адлерберг Н. А. Из Рима в Иерусалим. С. 92–94. Большинство русских паломников, начиная с игумена Даниила, прибывали морем из Константинополя (а потом из Одессы) прямо в Яффу. Но высадка на берег в таком случае была сопряжена с немалыми трудностями. Вот как об этом рассказывал еще В. Г. Григорович-Барский, прибывший в 1726 г. в «градь Иопею, юже именують тамо Яфа» из Солуня (Фессалоник): «Корабле великие тамо не припливають близъ грады, несть добра, но идеже би корабле имеяху приставати, тамо суть жестокое и остро камене, иппие въ воде, другие же више воды стоящие; сего ради, да не поразими будутъ, обикоша стати вне, издалече» (Григорович-Барский В. Г. Странствования по Святым местам Востока. Ч. I. М., 2004. С. 281). Через сто с небольшим лет ничего не изменилось и монах Серапион, приплывший из Константинополя в 1830 г., отметил: «Стали на якорь в виду города Яффы, на открытом море, версты за две от берега: поелику оный не имеет гавани по причине мелководья и огромных камней около берега» (Путешествие во Святый Град Иерусалим Патриаршего Иерусалимского монастыря монаха Серапиона, именовавшегося прежде острижения Стефаном 1830 и 1831 годов // Румановская Е. Л. Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 годах. М., 2006. С. 45). Ср. с описанием драматической высадки на берег в «Яффе, древней Иоппии» во время шторма в кн.: Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии ...Т. 2. С. 166–167. Отметим, что в 1889 г. Яффу и Иерусалим связало железнодорожное сообщение.
- ⁹⁶ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. III. С. 199.
- ⁹⁷ Там же. С. 200. В дневнике 1843 г. о. Порфирий оставил описание и семейства Фадула Разгаллы. См.: Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. I. С. 333.
- ⁹⁸ Там же. Т. I. С. 332–334.

- ⁹⁹ В 1839 г. Сидон посетил В. Г. Тепляков. В «Записках о Сирии и Палестине» он отмечал: «Несколько гранитных колонн, разбросанных по побережью, да полуразрушенный замок с башней — вот остатки древнего Сидона, владыки морей, в котором впервые были открыты искусства письма и мореходства». См.: Тепляков В. Г. Книга странника. Тверь, 2004. С. 339.
- ¹⁰⁰ Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. С. 251, 253.
- ¹⁰¹ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. I. С. 335.
- ¹⁰² См.: Муравьев А. Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. М., 2007. С. 246. Ср., напр.: Иез 26: 2–5.
- ¹⁰³ См.: Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. С. 242. Ср.: Иез 27: 32–34.
- ¹⁰⁴ Адлерберг Н. В. Из Рима в Иерусалим. С. 96. Ср. о Тире в «Записках о Сирии и Палестине» В. Г. Теплякова: «В настоящее время это — небольшое бедное селение, которое настолько пододвинулось к морю, что как бы угадываешь его затаенное желание продолжать по-прежнему властвовать над морской стихией» // Тепляков В. Г. Книга странника. С. 340.
- ¹⁰⁵ См.: Муравьев А. Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. С. 244.
- ¹⁰⁶ См.: Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. С. 233–237.
- ¹⁰⁷ В своем путешествии Гоголь в основном придерживался маршрута, предложенного ему А. К. Бейне в письме из Флоренции от 1/13 января 1848 г.: «Самая же прямая дорога (из Бейрута в Иерусалим. — В. Г.) идет через Сидон, Тир, Кармель, Дженин и Наплус. Но будучи на Кармеле, неужто вы не заедете в Назарет, который только в расстоянии семи часов оттуда?» Впрочем, писатель, судя по всему, отправился в Назарет прямо из Акры, немного не доехав до мыса и горы Кармель (Кармил), на которой пророк Илья обратил «к истинному Богу поклонников Ваала». См. описание Кармеля и католического (кармелитского) монастыря на нем в кн.: Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. С. 229–232.
- ¹⁰⁸ Интересно, что в Нежине, где Гоголь учился в гимназии, был Благовещенский монастырь, основанный в 1702 г. и называвшийся гоголевскими земляками «Назарет Пресвятыя Богородицы». — См.: Сребницкий И. Нежин // Гимназия высших наук и лицей кн. Безбородко. СПб., 1881. С. 23.
- ¹⁰⁹ См.: [Даниил, иг.] «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. С. 114, 116.
- ¹¹⁰ См.: Муравьев А. Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. С. 240. См. также: Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. С. 197, 198. Норов упомянул о цветочной атмосфере, царящей в этой церкви, имея в виду стоявшие на «священном престоле» «хрустальные вазы с белыми лилиями — символом небесной чистоты, — которые удостоились быть прославлены самим Спасителем (Мф 4: 28–29)», Не пропустил он и рассыпанные на помосте цветы, которые «беспреданно заменяются свежими, а прежние собираются и разносятся набожными поклонниками по всем странам света». И тут же добавил: «Белые лилии растут в большом изобилии вокруг Назарета». В свою очередь, Муравьев обратил внимание на надпрестольный образ Благовещенья, где архангел Гавриил был изображен «с лилией в руке». Современные паломники не смогут увидеть и церкви Благовещенья 1730 г. Она была разобрана в 1955 г. и на ее месте выстроена новая базилика (освящена в 1969 г.).

- ¹¹¹ Там же. С. 203.
- ¹¹² Муравьев А. Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. С. 241. Православный храм Архангела Гавриила и Святого источника совсем не так древен, как полагал Муравьев. Он был построен в конце XVIII в. на месте более ранней церкви.
- ¹¹³ См.: Святая Земля. Исторический путеводитель. М., 2000. С. 124.
- ¹¹⁴ Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии ...Т. 2. С. 227.
- ¹¹⁵ Наблус, который «есть Библейский Сихем, один из первобытных городов Земли Обетованной» подробно описал А. С. Норов. См.: Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. С. 181–187.
- ¹¹⁶ См., напр.: [Даниил, иг.]«Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. С. 94, 68, 74, 46. Об этом см.: Гуминский В. М. Русские паломники на Святой Земле в XII–XX вв. С. 166–167. Об образе Палестины как земного рая см.: Рождественская М. В. Образ Святой Земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 11–12.
- ¹¹⁷ Дашков Д. В. Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей I половины XIX века. М., 1995. С. 19–20.
- ¹¹⁸ Муравьев А. Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. С. 140, 143.
- ¹¹⁹ См. об этом: Гуминский В. М. Авраам Сергеевич Норов и его путешествие по Святым местам Востока // Норов А. С. Путешествие к семи церквям, упоминаемым в Апокалипсисе. М., 2005. С. 326–327.
- ¹²⁰ Гро аб., Ергон А. Палестина и места, освященные учением и страданиями апостолов. Пер. с фр. Н. Бобылева. Ч. I. СПб., 1838. С. 24.
- ¹²¹ См.: Каминский В. К. Воспоминания поклонника Святой Земли. СПб., 1855. С. 132–134, 68 и др. Эта книга была дважды переиздана (в 1856 и 1859 гг.) и, по мнению А. Ф. Хойнацкого, «в свое время имела немалое влияние на умы и сердца своих читателей». Он же соединял Гоголя и Каминского, как отличавшихся «выдающимся религиозно-мистическим направлением» писателей. — См.: Хойнацкий А. Ф., проф., <протоиерей>. К истории философской науки в России в начале XIX века // Древняя и новая Россия, 1879. №6. С. 176.
- ¹²² Не исключено, что Гоголь подъезжал к Иерусалиму через Вифанию и Елеонскую гору, т. е. следовал маршрутом, по которому в 1872 г. двигался вел. кн Николай Николаевич со свитой, также из Бейрута отправившийся в Дамаск (9–11 октября), а затем через Назарет, Наблус (здесь он, правда, отклонился от прямого маршрута и решил посетить Иордан и Иерихон) и т. д. — в Иерусалим. См.: Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. С. 69–141.
- ¹²³ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. I. С. 215–218.
- ¹²⁴ Григорович-Барский В. Г. Странствования по Святым местам Востока. Ч. II. 1728–1744 гг. М., 2005. С. 81.
- ¹²⁵ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 514.
- ¹²⁶ См.: Манн Ю. В. Гоголь. Завершение пути: 1845–1852. М., 2009. С. 125.

- ¹²⁷ О «богатеиших садах» Яффы писал Норов (Путешествие по Святой Земле в 1835 году. С. 177), архим. Леонид (Кавелин) в «Старом Иерусалиме и его окрестностях. Из записок инока-паломника» (М., 2008. С. 17) и мн. др. русские паломники.
- ¹²⁸ См.: [Василий Гагара] Хождение Василия Гагары в Иерусалим и Египет // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988. С. 70.
- ¹²⁹ Григорович-Барский В. Г. Странствования по Святым местам Востока. Ч. II. С. 81.
- ¹³⁰ [Григорович-Барский В.] Пешеходца Василия Григоровича-Барского-Плаки-Албова, Уроженца Киевского, Монаха Антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723, и оконченное в 1747 году. Им самим писанное. Изданное вторым тиснением. СПб., 1785. С. 314. Ср.: Кириллина С. А. Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. С. 124–125.
- ¹³¹ См.: Анонимное Иерусалимское Хождение XVIII века: Сказание путешествия от Константинополя до святого града Иерусалима, колицеми денми преходится и котории тамо гради на пути обретаются и колико от града до града разстояния, и о градех о Египте и о Александрии и о прочих. // СИППО. СПб., 1911. Т. 23, вып.3–4. С. 522. Ср.: Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. С. 85.
- ¹³² Там же. С. 96.
- ¹³³ См. об этом: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 34–35. См. также: Гуминский В. М. Открытие мира, или путешествия и странники. С. 136–138.
- ¹³⁴ Адлерберг Н. В. Из Рима в Иерусалим. С. 126.
- ¹³⁵ См.: Муравьев А. Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. С. 145.
- ¹³⁶ См.: Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. С. 44.
- ¹³⁷ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. III. С. 212.
- ¹³⁸ Там же. С. 214.
- ¹³⁹ Виноградов И. А. Документы о паломничестве Н. В. Гоголя... С. 308.
- ¹⁴⁰ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. III. С. 215.
- ¹⁴¹ Там же. С. 222.
- ¹⁴² Впервые напечатано: Гиляровский В. А. В Гоголевщине (Из последней поездки) // Русская Мысль. 1902. №1. <Паг. 2>. С. 76.
- ¹⁴³ Адлерберг Н. В. Из Рима в Иерусалим. С. 161.
- ¹⁴⁴ Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. М., 1978. С. 310.
- ¹⁴⁵ См.: Гоголь Н. В. Собрание сочинений и писем в 17 ТТ. Т. VI. С. 488–489 (вводная статья И. А. Виноградова к комментариям).
- ¹⁴⁶ Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии ...Т. 2. С. 184–185. О нем см.: Гуминский В. М. «Сказание» инока Парфения и русская литература // Парфений (Агеев), ин. Странствия по Афону и Святой Земле. М., 2008. С. 239–271.
- ¹⁴⁷ Ср.: Воропаев В. А. Николай Гоголь. Опыт духовной биографии. С. 122.
- ¹⁴⁸ И. А. Виноградов даже считает, что «в Иерусалим в январе 1848 года Гоголь отправился, как и предполагал, с завершённым (может быть, начерно) вторым томом «Мертвых душ». — И. А. Виноградов. Документы о паломничестве Н. В. Гоголя... С. 305.

- ¹⁴⁹ Он даже записывает их «в лавре у Святого Савы» во поминовение «во октении с женами и детьми». В последовательности списка В. Л. Янин увидел изображение «в самой концентрированной форме... всей системы княжеского старшинства, возникшей в результате активного юридического творчества и по инициативе Владимира Мономаха». См.: Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // ТОДРЛ, XVI. М.-Л., 1960, С. 130.
- ¹⁵⁰ Арнольди Л. И. Мое знакомство с Гоголем // Гоголь в воспоминаниях современников. С. 473–474.
- ¹⁵¹ Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя... С. 93.
- ¹⁵² Впрочем, не исключено, что на этот раз Гоголь имел в виду вполне конкретного «русского мужичка», а именно автора книги «Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Киrom Бронниковым» (М., 1824), фигурирующей в Записной книжке 1846–1850 гг. (IX, 694). Об отражении паломнической литературы в художественных произведениях Гоголя см.: Гуминский В. М. Гоголь и паломническая традиция (предварительные заметки) // Гоголевские чтения. Вып. 11 (в печати)
- ¹⁵³ Камень, на котором отпечаталась стопа вознесшегося Христа, находится в часовне Вознесения (традиционное русское наименование — «Стопочка»).
- ¹⁵⁴ См.: Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. С. 54. А. С. Норов побывал и в закрытой для христиан мечети Эль-Акса (Аль-Акса), где хранится осколок того же камня с отпечатком второй стопы Спасителя. См.: Там же. С. 92.
- ¹⁵⁵ См. об этом: Машковцев Н. Г. Гоголь в кругу художников. М., 1955. С. 93–94. А. А. Иванов, как известно, хотел осуществить в своей картине «синтез мирового искусства» и вполне в духе Гоголя отразить «смысл всего Евангелия». См.: Виноградов И. А. Предисловие // Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М., 2001. С. 13.
- ¹⁵⁶ Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. С. 64.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 57–58.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 76–77.
- ¹⁵⁹ Вряд ли могла помочь Жуковскому в работе над поэмой и «замечательная книжка», присланная Гоголем, «в дополненье к письму <...> о местностях Палестины, означенных стопами Спасителя», — «Иисус Христос на Голгофе, или Семь слов на Кресте», автором (неназванным в книге) которой был инспектор Казанской духовной академии архим. Антоний (Шокотов), впоследствии еп. Вольский, Старорусский и т. д.
- ¹⁶⁰ Интересно, что именно на их мнение ссылается С. П. Шевырев в примеч. 57 к восьмой лекции (ч. II) в «Истории русской словесности, преимущественно древней» (М., 1846), где, в числе прочего, идет речь о «Хожении» иг. Даниила. В письме автору от 18 декабря 1847 г. из Неаполя т. е. совсем незадолго до отправления на Святую Землю Гоголь сообщал: «Я прочел вторую книжку твоих лекций» (XIV, 479).
- ¹⁶¹ См. об этом: Гуминский В. М. Открытие мира, или путешествия и странники. С. 155.
- ¹⁶² См.: [Даниил, иг.] «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. С. 16.

МЕМУАРЫ СВЯЩЕННИКА ИОАННА РЫЖАНОВСКОГО О ПАЛОМНИЧЕСТВЕ В ПАЛЕСТИНУ И НА АФОН (1867 г.)

К.Е. Балдин

Некоторые русские паломники, посещавшие Святую Землю, своими путевыми заметками вносили свой посильный вклад в отечественную литературу. Начало жанру «хождений» положил еще в XII в. широко известный игумен Даниил. В условиях Средневековья эти литературные памятники были настолько редкими, что каждый из них становился событием в российской словесности. В первой половине позапрошлого столетия и в начале XX в. таких воспоминаний стало заметно больше, а во второй половине XIX века они насчитывались уже десятками. Однако качество этих литературных произведений в целом несколько снизилось, т.к. за перо брались не только высокообразованные поклонники-дворяне или представители ученого духовенства, но и приходские священники, за плечами которых было лишь семинарское образование. Некоторые из этих «хождений» публиковались на страницах всероссийских повременных изданий — «Богословского вестника», «Душеполезного чтения» и др. Но больше всего их появилось в «Епархиальных ведомостях». Абсолютное большинство этих источников личного происхождения прочно забыты и не вводились в научный оборот исследователями, занимающимися историей российского православного паломничества в Палестину и на Афон. Вместе с тем, эти воспоминания вносят свой вклад в почти неисчерпаемую тему, расцвечивая ее новыми красками личного восприятия. Среди таких мемуаров свое достойное место занимает «Описание путешествия священника Подольской епархии Иоанна Рыжановского в Иерусалим, его окрестности и на св. гору Афон, 1867 года».

Об авторе мемуаров известно очень немного. Он служил священником в селе Полянецкое, которое располагалось в восточной части Балтского уезда Подольской губернии. В настоящее время этот населенный пункт территориально входит в состав Савранского района Одесской области Украины.

Удалось найти в электронных ресурсах свидетельство о том, что в 1867 г., т.е. сразу же после паломничества о. Иоанн передал в местный храм села Полянецкого привезенную с Афона икону Божьей Матери «Достойно есть»¹.

О дате рождения автора можно только догадываться. В мемуарах он называет себя «многогрешным стариком», т.е. во время паломничества он находился в преклонном возрасте. Прочитированное выше вряд ли являлось авторским кокетством, т.к. паломнические записки не относятся к жанру, в рамках которого такое кокетство возможно. В самом конце воспоминаний есть еще одно свидетельство о возрасте мемуариста. Когда он поделился с афонскими монахами своими планами о подъеме на вершину Святой Горы, то один из них заявил, что русскому паломнику это не удастся сделать «при такой старости»².

Мемуары И. Рыжановского увидели свет на страницах «Подольских епархиальных ведомостей». Последние представляли собой типичный пример местного церковного журнала и начали выходить ранее, чем многие другие аналогичные издания. Самыми первыми в этой линейке стали «Ярославские епархиальные ведомости», их начали издавать в 1860 г. Только на два года отстал от них журнал Подольской епархии, который стали печатать в губернской и епархиальной столице — городе Каменец-Подольске³. Всего до революции такие церковные печатные органы имелись в 63 епархиях.

Рассматриваемые нами «Подольские епархиальные ведомости» выходили сначала раз в две недели — 1 и 15 числа каждого месяца. С 1901 по 1904 г. они стали еженедельником, а с 1906 г. вместо них читатели стали получать журнал «Православная Подолия» и газету «Подолия». Как и любой другой журнал такого рода, «Подольские епархиальные ведомости» были разделены на официальную и неофициальную части. В первой из них публиковались указы самодержца, распоряжения Святейшего Синода и епархиального архиерея, сведения о рукоположении, поставлении, перемещении и уходе на покой священнослужителей, а также многое другое. Более содержательной и интересной с точки зрения широкой читательской аудитории представлялась неофициальная часть, в которой печатались образцовые проповеди, статьи богословские и нравственно-религиозные, церковно-исторические публикации и информация о религиозной жизни в России. В этой части и увидели свет воспоминания о хождении в Святую Землю и на Святую Гору о. Иоанна Рыжановского.

Его путевые записки были напечатаны в 1868–1869 гг. по свежим следам поездки, состоявшейся в 1867 г. В 1868 г. три отрывка мемуаров были опубликованы в номерах с 5-го по 7-й, затем текст воспоминаний печатался с перерывами в №№ 10, 13, 17, 22 и 23 за тот же год. Можно предположить, что у автора в это время не было готового к печати полного текста, поэтому публикация осуществлялась, что называется, «с колес». Затем, с декабря 1867 г. по апрель 1868 г., последовал довольно длительный пере-

рыв и в №№ 8, 10 и 11 за 1869 г. было опубликовано окончание путевых записок о. Иоанна⁴. Общий объем текста составил 3,9 печатных листов. Текст в последнем отрывке (№ 11 за 1869 г.) резко оборван, какое-либо внятное завершение его отсутствует. Что помешало завершить публикацию, сказать трудно, при том что информация об авторе минимальна. Вместе с тем, можно с большой долей уверенности предположить, что большая часть объема воспоминаний была напечатана.

Текст не представляет собой дневника. Автор явно писал по памяти уже после путешествия, либо используя беглые наброски, сделанные в ходе поездки. Поэтому записки структурированы не по датам, а по тематическим главам, а точнее (с учетом их небольшого размера) главкам. Каждая из них носит свое название. Путешествие к берегам Палестины описано в разделах, носящих название городов или островов, где останавливалось перевозившее паломников судно: «Константинополь», «Смирна», «Родос». В описании странствий по Святой Земле главки названы по священным достопримечательностям: «Гроб Господень», «Елеонская гора», «Вифлеем», «Пещера пророка Иеремии и гробницы царей иудейских» и др. Путешествие по Афону описывается по разделам, носящим название святогорских монастырей: «Котломуш», «Ватопед», «Пантократор», «Ставроникита» и др.

В тексте воспоминаний содержится довольно много архаической лексики и церковнославянизмов. Причиной этого, безусловно, является принадлежность мемуариста к духовному сословию, а также недостаточный опыт письменного изложения своих впечатлений. В тексте встречаются такие слова, как «отверз» вместо «отворил», «облобызать» вместо «поцеловать», «генваря» вместо «января», «осьмнадцать» вместо «восемнадцать», «соседственные» вместо «соседние». Эти примеры можно было бы при желании многократно умножить⁵. По тексту заметно, что автор пользовался возвышенным и архаическим стилем преимущественно тогда, когда он рассказывал об особенно чтимых христианских святынях.

Для о. Иоанна характерна некая провинциальность, проявлявшаяся, том числе в простоте и неискушенности. Местом его пастырского служения было село в Подолии, расположенное далеко от крупных экономических и культурных центров. Общекультурный кругозор автора был не очень широким. Судя по всему, его круг чтения ограничивался богослужебными книгами. В тексте упоминается лишь одна книга о Палестине. Это считавшиеся тогда почти классикой жанра «Странствования по святым местам Востока» В.Г. Григоровича-Барского⁶. Характерно, что автор этих паломнических записок являлся земляком И. Рыжановского: Барский был родом из подольского города Бар.

Для сравнения обратимся к другим мемуарам, которые написаны посетившим Палестину в 1890-х гг. священником из Вятской губернии Александром Трапицыным, они называются «Из впечатлений паломника в Св.

Землю». Эти воспоминания снабжены многочисленными ссылками на источники личного происхождения и на научную литературу, прочитанную им. Он часто цитирует «Хождение» игумена Даниила⁷, обращается к известной в то время двухтомной книге профессора Киевской духовной академии А.А. Олесницкого «Святая Земля»⁸, к журналу «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества»⁹ и даже к публикациям во французской прессе. Вятский паломник познакомился и с воспоминаниями о путешествии в Палестину его предшественников, в частности А.С. Норова¹⁰ и др. А.И. Трапицын, в отличие от А. Рыжановского, имел высшее образование, будучи выпускником духовной академии, он преподавал Закон Божий в Вятском женском епархиальном училище и местном реальном училище, соответственно его общекультурный и богословский кругозор был значительно шире, чем у сельского иерея.

Провинциальность И. Рыжановского проявлялась, как нам представляется, также и в явно выраженной в мемуарах робости по отношению к начальству. Вскоре по прибытии в Иерусалим автор явился к Патриарху для того чтобы испросить благословения на служение в храмах Палестины совместно с греческим духовенством. XIX век относится к синодальному периоду в истории РПЦ, и в русской иерархии в то время не было Предстоятеля Церкви с патриаршим титулом, поэтому паломник отнесся к Иерусалимскому Патриарху не просто с пиететом, а с неким трепетом. В это время Иерусалимскую Церковь возглавлял Патриарх Кирилл II (на кафедре с 1845 по 1872 гг.). Он спросил через переводчика у подольского клирика, есть ли у него камилавка и, узнав, что такого головного убора он не имеет, сказал, что даст благословение на службу, если о. Иоанн купит ее или сошьет. Когда через два дня о. Иоанн с крайней робостью снова явился к Патриарху, держа в руках камилавку и не дерзая одеть ее сам, Патриарх поднялся с дивана, сам возложил его на русского священника, произнеся: «Теперь пускай служит, где Бог его приведет». Этот эпизод паломничества стал одним из самых запомнившихся для о. Иоанна¹¹.

По тексту записок легко проследить маршрут паломничества и можно более или менее точно восстановить хронологию этого путешествия. В отличие от дневника, авторы мемуаров не всегда регулярно фиксировали точные даты пребывания в том или ином месте, но в «хождении» о. Иоанна эти хронологические опорные точки изредка встречаются и служат ориентирами для внимательного читателя.

Автор вступил на палубу парохода, отправлявшегося из Одессы, 28 января 1867 года. На несколько дней он задержался во время стоянки парохода в Константинополе, затем последовали более краткие остановки в Смирне и на острове Родос. 7 февраля судно вышло из Эгейского в Средиземное море. Затем последовала стоянка в Бейруте, а в Яффе из-за шторма пароход не стал высаживать паломников и проследовал в Египет. 15 февраля путеше-

ственник отправился из Александрии в Каир, а потом обратно. Только после этого, 22 февраля, он через Яффу прибыл в Иерусалим. Следующие два с лишним месяца священник путешествовал по Святой Земле.

Он побывал в большинстве святых мест, которые традиционно посещали российские паломники. Это были Иерусалим с его ближайшими окрестностями, Вифлеем, Горняя, Хеврон, Наблус, река Иордан, Лавра св. Саввы Освященного. Многие паломники из-за недостатка времени успевали побывать только в Иудее и Самарии, а на Галилею, расположенную значительно севернее Иерусалима, у них времени не хватало. Однако отпуск, который выхлопотал о. Иоанн у своего владыки, был длительным, поэтому он имел возможность в Галилее посетить Назарет, Кану, Тивериадское озеро и гору Фавор, которых многие российские паломники так и не видели во время своих путешествий. Вообще поездка подольского иерея отличалась тщательностью осмотра священных достопримечательностей, в том числе и тех, которые не считались первостепенными. На те два с лишним месяца, которые о. Иоанн провел в Святой Земле, пришлось значительная часть Великого поста и празднование Воскресения Христова, которое он провел в Иерусалиме. В этом отношении он не отличался от основной массы российских паломников, которые направлялись в Палестину на Пасху или на Рождество Христова. В целом, на Ближнем Востоке о. Иоанн посетил большинство христианских святых мест, куда заглядывали российские паломники. Не побывал он только в Сирии, а также на Синае, но такие путешественники составляли скорее исключение, чем правило.

26 апреля 1867 г. автор отбыл из Иерусалима в Яффу для того, чтобы следовать оттуда морем на Афон. Далеко не всем русским паломникам удавалось совместить в одном путешествии посещение Святой Земли и Святой Горы. Увидеть за одну поездку и то и другое удавалось только тем, кто располагал достаточным временем.

8 мая отец Иоанн прибыл на Афон и, по нашим предположениям, провел на полуострове около месяца. В его записках о путешествии по Святой Горе мы нашли только одну опорную дату — 14 мая он поднимался на вершину Афона. За время пребывания в монашеской республике он побывал в очень многих монастырях и скитах, как русских, так и греческих. Разумеется, пристальное его внимание привлекли такие обители как Пантелеймоновский русский монастырь и лавра св. Афанасия. Также он посетил и описал более или менее подробно Карею, Котломуш, Серай, Ватопед, Пантократор, Лак, Дионисиат, Григориат, Симонопетр, Ксиропотам, Дохиар. Зограф, Эсфигмен, Хиландарь и другие обители. Повествование прервано, что называется, на полуслове, и заканчивается перечислением христианских реликвий Хиландаря. В дальнейшем, как отмечалось выше, публикация мемуаров не возобновилась.

Как видно, автор, еще находясь в родной для него Подолии, составил некий маршрут путешествия по святым места и старался придерживаться его. Но в двух случаях его планы нарушились. Первый раз это произошло в самом начале путешествия, когда пароход направлялся к главным морским воротам Палестины — Яффе. Во время перехода из Бейрута на море началось волнение, перешедшее в нештучный шторм. Поэтому капитан парохода в нескольких милях от заветной для паломников цели резко повернул прочь от берега. Удивленный отец Иоанн спросил капитана, куда они направляются. Оказалось, что судно взяло курс на египетский порт Александрию. Это означало длительную отсрочку свидания паломников со Святой Землей. В целом изложение событий в мемуарах о. Иоанна ведется без особого накала эмоций, но здесь сдержанность изменяет автору. Он так описывает свои чувства: «Смотря на палестинскую землю и не имея никакой возможности выгрузиться на онаю, я рыдал как малое дитя, считая себя окаянным грешником, не могущим за грехи удостоиться поклониться Святому Гробу Господню!»¹². В Яффу, а затем и в Иерусалим ему удалось попасть только через несколько дней.

Второй раз страстно желаемое не удалось осуществить во время пребывания на Афоне. Отец Иоанн планировал подняться на вершину горы Афон и отслужить там литургию, однако, получил от одного из афонских монахов краткую отповедь: «не Вам там служить». Из дальнейших расспросов выяснилось, что на вершину очень тяжело подняться даже молодым людям. Однако, о. Иоанн в горах никогда не был, о трудностях подъема на большие высоты не знал и поэтому наивно верил в успех своего намерения, заранее приготовив все необходимо для богослужения. Как ему и предсказывали, уже на половине высоты афонского пика престарелый русский паломник выдохся и, несмотря на помощь своего спутника — помещика И.А. Попова, так и не добрался до вершины. Правда, он был вознагражден фантастическими по красоте видами, которые открывались с высоты на полуостров и окружавшее его море¹³.

Рассматриваемые нами мемуары названы «Описанием путешествия...», поэтому автор добросовестно рассказывал обо всех встреченных им объектах сакральной географии. При этом время от времени он, стремясь помочь потенциальным паломникам, снабжал их полезной бытовой информацией. Например, он сообщал, что в Каире остановился на христианском подворье Джувания, где обитали монахи. Относительно подходящего места для остановки в Яффе о. Иоанн указывает на греческое православное подворье (Метох), наряду с которым в качестве пристанищ есть аналогичные постоялые двory для католиков и приверженцев армянской церкви. Что касается Иерусалима, то здесь, по словам автора, лучшим вариантом приюта являются так называемые Русские Постройки, «в которых, — по словам автора, — я два с половиной месяца жил преспокойно»¹⁴. Таким об-

разом, можно констатировать, что автор так или иначе в своих мемуарах осуществлял организационное сопровождение потенциальных паломников из России, давая им маршрутную информацию не только о том, какие священные достопримечательности необходимо посетить, но и о том, где паломник может найти временный приют.

Паломники уезжали из родных мест за тысячи верст и их поездки по святым местам продолжались при кратком варианте маршрута — несколько недель, а при посещении всех основных святых мест, как в Палестине, так и на Афоне — по несколько месяцев, порой — в течение года. Хотя в паломничество ездили чаще всего, не по одному, а за компанию, тем не менее, за столь длительный период поклонники успевали соскучиться по родине. Тем более ценными были для них встречи с памятками о родине на чужбине. Несколько таких эпизодов особо акцентировал в своих воспоминаниях о. Иоанн.

Напоминания о родине порой оказывались совершенно неожиданными. Одно из них встретилось о. Иоанну в далекой Александрии. Ни один из предстоятелей Восточных Церквей не имел такого громкого титула как Патриарх Александрийский (тогда эту кафедру занимал Никанор): «Блаженнейший, Величайший, Святейший Господин, Князь и Владыка, Папа и Патриарх великого града Александрии, Ливии, Пентаполя, Эфиопии и всей земли Египта, Отец Отцов, Пастырь Пастырей, Архиерей Архиереев, тринадцатый из Апостолов и Судия Вселенной». Патриарх считался преемником св. евангелиста Марка, который стал первым епископом Александрийским. Каково же было удивление русского паломника, когда Патриарх заговорил с ним на русском языке, почти насильно усадил растерявшегося волынского батюшку рядом собой на диван, спросил его о том, из какой он губернии и кто у них архиерей. Еще более о. Иоанн был удивлен тем, что Никанор знал волынского архипастыря Леонтия и просил передать ему свой поклон¹⁵.

Большим утешением во время поездки в Палестину стало для Иоанна Рыжановского общение с начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустиным), который уже около двух лет возглавлял это зарубежное учреждение РПЦ. Прибыв в Иерусалим, о. Иоанн первым делом явился к о. Антонину и получил разрешение занять комнату в недавно построенном доме для паломников на Русских Постройках. Через несколько дней он слушал в храме Гроба Господня литургию, которую о. Антонин служил соборно со святогробским духовенством¹⁶.

Как дома чувствовал себя о. Иоанн среди православной русской монашеской братии на Афоне. При этом он обратил внимание на то, что в ризнице Пантелеймоновского собора в одноименном русском монастыре хранятся церковные сосуды и Евангелие — дар великого князя Константина Николаевича в память пребывания его в 1845 г. на Святой Горе¹⁷.

На то и существует путешествие, чтобы отвлечься от повседневной рутины. Если же это не просто путешествие, а паломничество, то смена привычного алгоритма жизни происходит для того, чтобы прикоснуться к святыням. В воспоминаниях Иоанна Рыжановского можно отыскать на его маршруте десятки христианских хронотопов, расположенных в Восточном Средиземноморье. Автор путешествовал по различным священным местам и в тексте излагал соответствующие ветхозаветные, новозаветные и церковно-исторические предания, которые у него были тесно привязаны к определенным местам на карте Палестины, Афона, Египта и др. Эти хронотопы входили в состав того неофициального списка священных достопримечательностей, который настоятельно рекомендовали посетить паломнику различные путеводители, а вместе с ними и изустная традиция, бытовавшая среди бывалых поклонников, неоднократно путешествовавших по святым местам Вселенского Православия.

Наиболее древние хронотопы относились к священной истории Ветхого Завета. Повествуя о том или ином святом месте, автор приводил более или менее пространное изложение соответствующего сюжета из Священного Писания. Так, посещение Мамврийского дуба сопровождалось рассказом о том, что под ним Авраам принимал в гостях и угощал Господа в лице трех ангелов. Повествуя об очередном хронотопе, автор воспоминаний описывал его состояние, т.е. насколько хорошо сохранилось данное место. Про Мамврийский дуб он говорил, что его ветви с листьями раскинулись плотным шатром в окружности около 120 шагов¹⁸. Это свидетельство представляется весьма ценным, учитывая то, что лиственный покров этого дерева в XIX–XX в. неуклонно уменьшался, а фотографии дерева, относящиеся к позапрошлому веку, немногочисленны. Относительно города Хеврона говорится, что в нем погребены библейские патриархи Авраам, Исаак и Иаков со своими женами. Ездрелонская долина напомнила автору происшествие с Иосифом Прекрасным, который был продан своими братьями в рабство в Египет¹⁹.

Второй после библейского по временной очередности слой хронотопов — евангельский. Особенным изобилием таких священных опорных точек отличался Иерусалим. Иоанн Рыжановский особенно подробно останавливается на святынях внутри храма Гроба Господня, крестного пути Спасителя и др. Большое внимание автора привлек Гефсиманский сад. Восемь ветвистых маслин он посчитал за современников тех событий, которые происходили здесь без малого два тысячелетия назад. На примере этого места видно, что хронотопы для автора есть как положительные, так и отрицательные. Иногда то и другое может сочетаться в одном объекте. Так, в Гефсиманском саду происходило моление Спасителя о чаше, и почти в то же время он был здесь предан Иудой. Рядом с Каной Галилейской автор увидел место, где, согласно Евангелию, Иисус Христос

насытил пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек. Здесь обычно паломники останавливались и вкушали пищу в честь чудесной трапезы, устроенной Спасителем. При этом автор не удержался от того, чтобы добавить в канву повествования личный штрих: он говорил, что «и мной недостойным были благословлены пять хлебов и розданы странникам». После этого в примечании говорится, что во время этой церемонии мемуарист почти как наяву представил, как два тысячелетия назад Иисусом Христом было насыщено множество народа²⁰.

Такие своеобразные видения, воспроизводившие события Священной Истории в определенных местах, с ними связанных, посещали не только Иоанна Рыжановского. Его земляк протоиерей Н. Карашевич из Волынской губернии, находясь в Иерусалиме и прислушавшись к звуковому фону Святого Града, явственно представил сцену распятия Иисуса Христа и двух разбойников на Голгофе: «Гул и шум торгашей-турок казался мне криком неистовых распинателей и воинов, деливших одежды, а мольбы множества нищенствующих арабов откликались отчаянными воплями висевших на крестах разбойников»²¹.

Часто встречались на Ближнем Востоке хронотопы, связанные с историей первых веков христианства. Многие из них хранили память о св. равноапостольной царице Елене. Она не только организовала раскопки, в ходе которых были обретены Гроб Господень и Его Животворящий Крест, но и основала целый ряд храмов на месте важнейших событий библейской и евангельской историй. В частности, о. Иоанн Рыжановский побывал в храме, основанный св. Еленой на месте погребения патриархов Авраама, Исаака, Иакова и их жен в Хевроне. Аналогичный хронотоп встретился мемуаристу на Фаворе. Здесь по приказу св. Елены был построен храм Преображения Господня, которое произошло на этой горе. Старый храм не сохранился, и на месте его в XIX в. стоял новый, воздвигнутый стараниями Патриарха Иерусалимского²².

В Александрии хронотопы первых веков христианства были представлены местами, где св. апостол и евангелист Марк обратил в христианство многих язычников, здесь же святитель Афанасий Великий, Патриарх Александрийский, боролся против арианской ереси²³.

Хронотопы Афона в хождении о. Иоанна Рыжановского — это монастыри и скиты Святой Горы вместе с их святынями и различными чудесами, которые здесь происходили в Средние века и в Новое время. Пространно рассказывая о своем пребывании в русском монастыре св. Пантелеймона, автор приводил перечень чудотворных икон, имевшихся в обители и чудес, произошедших от этих образов. В частности, он называет икону покровителя монастыря, которая исцеляет болящих, икону св. Иоанна Предтечи, которая не сгорела в неоднократных пожарах, икону Божией Матери Иерусалимской²⁴.

В лавре св. Афанасия, которая являлась главным хронотопом Святой Горы, хранились частицы мощей: главы Василия Великого, св. Михаила Синаидского, св. Иоанна Кукузеля, частицы мощей св. муч. Минодоры, великомуч. Дмитрия, св. муч. Кириака и др.²⁵ В Иверском монастыре прославлялись следующие подвижники православной церкви: грузинский царевич Иоанн, основавший эту обитель в X в., сын его Иоанн, внук Георгий, придерживавшийся безмолвного образа жизни преподобный Гавриил и др.²⁶

В мемуарах абсолютного большинства паломников, путешествовавших по Палестине и Афону, подсознательно для авторов присутствует категория «другого». В социологических исследованиях различаются два ее вида. Во-первых, это значимый «другой», о котором у рефлексирующего субъекта имеется определенная информация. Во-вторых, этот обобщенный другой, о котором сведений нет или они не очень достоверны, будучи основаны не на точном знании, а на слухах. Категория «другого» может быть, как со знаком плюс, так и со знаком минус. Сначала обратимся к тому, перед чем паломники в своих мемуарах однозначно ставили знак плюс, т.е. христианские церемонии, обряды, обычаи, которые не практиковались в Русской Православной Церкви, но воспринимались российскими паломниками с глубоким пиететом. В частности, автор подробно описывает таинство схождения благодатного огня на Гроб Господень перед Пасхой, происходящее ежегодно накануне Христова Воскресения. О. Иоанн лично присутствовал в храме Воскресения Христова в тот момент, когда на куполе здания появился, как он пишет, «как будто туман и исходящие искры, похожие на зимний мороз при восходе солнца в ясный день». От этого огня были зажжены сначала факелы, которые держал Иерусалимский Патриарх, а затем тысячи свеч в руках богомольцев. Описание этого таинства у И. Рыжановского отличается подчеркнутой сдержанностью. Он только упоминает, что «исполнились сердца всех и каждого — верных и неверных неизъяснимою духовною радостью и веселием, описание коих не доступно слову»²⁷.

Категория «другого» — положительного особенно ясно присутствует в тех разделах мемуаров, которые посвящены Афону. В России все, что было связано со Святой Горой, считалось особенно благодатным: афонские иконы были особо чтимыми, монахи-святогорцы почитались образцами праведной жизни, а священные сувениры, привезенные с Афона, становились семейными реликвиями. Автор мемуаров сразу обратил внимание на то, что призыв к церковной службе делают на Афоне не так как в российских храмах. Сначала монахи колотили в подвешенную деревянную доску, потом в металлическую плиту, и только затем следовал колокольный звон. Всенощное бдение в русском Пантелеймоновом монастыре продолжалось двенадцать с половиной часов(!) Автор честно признается в том, что во время этой службы «по немощи человеческой, а также и по непривычке, отягощаем был несколько раз сном, но всякий раз, как будто единственно за

мною следящий монах пробуждал меня, не назначая впрочем епитимьи, как это делается другим за дремоту». Для того, чтобы не заснуть, автор громко читал задравный синодик монастыря. К «другой», хотя и нелегкой для исполнения традиции, автор относится с глубоким пиететом и, сравнивая русскую службу с афонской, говорит, что один только псалом «Благослови душе моя Господа» в монастыре пели час с четвертью, а в России за то же время «не терпящий медленности» священник (подразумевалось — поверхностно относящийся к своим обязанностям) может отслужить всю утреню или даже всенощную²⁸.

Афон и все связанное с ним отличалось не только благодатностью, но и строгими порядками в местных монастырях. Однажды автор обратил внимание на монаха, который лежал на полу при выходе из трапезной и просил прощения у каждого, проходившего мимо его. И. Рыжановскому объяснили, что если кто-либо из братии запоздает на богослужение или разобьет какую-либо вещь из монастырской утвари, то он должен лежа на полу просить прощения у каждого члена братии. Это делалось, не принимая во внимание ни возраста провинившегося, ни его заслуг перед обителью. Как оказалось, провинившийся в тот день монах пролил лампадное масло. Обычай этот произвел большое впечатление на автора, и оно было положительным, еще больше укрепив его глубокое уважение к Святой Горе и ее насельникам²⁹.

В мемуарах наряду с «другим» положительным встречается также «другое», перед которым автор затруднялся поставить знак плюс, как, впрочем, и минус. Вместе с тем, это нейтральное «другое» вызывало большой интерес мемуариста, и он считал его достойным помещения на страницах своих записок. Нужно учитывать, что поклонники из России попадали в Восточном Средиземноморье не только в иную этно-конфессиональную среду, но и в совершенно другой климатический пояс. В Палестине и на Синае они путешествовали по пустыне или полупустыне с разбросанными в ней оазисами, а на Афоне и на Кипре обнаруживали себя в субтропиках с их непривычной и буйно-разнообразной растительностью.

Относительно Кипра в путевых записках И. Рыжановского говорилось, что «растительность здесь роскошна, пальмы величественны, жители гостеприимны и разговорчивы», автор также замечает, что остров изобилует виноградниками и славится своим виноделием. Однако в целом, флора и фауна далеких земель мало интересовали мемуариста. Он, вероятно, считал эту тему слишком мирской и приземленной для того, чтобы обращать на нее пристальное внимание. Вместе с тем, о. Иоанн не мог пройти мимо «неувядаемого цвета Божией Матери» — цветка, который встречался в скалах на вершине горы Афон. По его словам он «похож на трилистник, цвета розового и приятного». Афонские монахи собирали его для того, чтобы продать паломникам в качестве священного сувенира, при этом

сбор цветка был очень опасен. Некоторые монахи, не искушенные в скалолазании, разбивались, упав в глубокие пропасти³⁰.

В мемуарах автор остановился на никогда не виденном им природном явлении — горячих минеральных источниках, которые находились в горах рядом с Тивериадским озером и привлекали немало людей своим целебными свойствами. Отец Иоанн упоминает, что в таком источнике ему удалось сварить завязанную в платочек рыбу. Считая этот факт явно третьестепенным в паломнических записках, автор скромно убрал его в подстрочное примечание³¹.

Автор путешествовал по Востоку с февраля по июнь. Естественно, что он застал нестерпимую для обитателя умеренного климатического пояса жару, которая характерна для полупустынь Ближнего Востока. Весьма показательной деталью его мемуаров является то, что на их страницах мы находим только одну, довольно скромно сформулированную жалобу на невыносимую температуру — во время посещения лавры св. Саввы³². Нужно учитывать, что о. Иоанн был не туристом, который думал о своем комфорте, а паломником, готовым терпеть лишения ради того, чтобы лицезреть святые места.

С удивлением был воспринят мемуаристом «другой», т.е. необычный для российской действительности афонский обычай выкапывать из земли через три года после смерти останки захороненных здесь монахов. Автор пишет, что «с удовольствием» поспешил для того, чтобы посмотреть на эту процедуру. Однако то, что произошло позже, его скорее не порадовало, а удивило. Кости очередного монаха были изъяты из земли, обмыты водой с вином и затем их отнесли в общую для монастыря усыпальницу (так называемую костницу), где череп поместили отдельно от скелета на особую полку, написав на нем имя его бывшего владельца и дату его кончины³³.

Отличия в обрядах, деталях богослужения и устройства храмов в России и на православном Востоке замечал не только о. Иоанн Рыжановский, но и другие паломники — представители духовенства. Первое что сразу бросалось им в глаза — отсутствие в православных греческих храмах иконостаса, который в России отделял алтарь от основного пространства церкви. Например, священник В. Крючков из Олонецкой губернии сразу обратил внимание на то, что в храме Гроба Господня в Иерусалиме пространство алтаря было скрыто от богомольцев завесой из ткани, в Вифлееме же в храме Рождества Христова не было даже этой преграды. При богослужении в Святой Земле русские клирики в алтаре во время священных действий чувствовали себя дискомфортно, будучи открыты взглядам богомольцев³⁴.

Многих мемуаристов удивляло и даже разочаровывало совершенно непривычное для славянского слуха «другое» греческое пение во время церковной службы. Орловский протоиерей М. Вуколов писал, что «пение греков, унисонное, крикливое, да еще русскому богомольцу непонятное, не совсем приятно русскому уху»³⁵.

Направлявшиеся в Святую Землю паломники из российского духовенства знали, что Палестина — край многоконфессиональный, что здесь, помимо местного мусульманского населения, есть православные верующие Иерусалимского Патриархата, а также католики, армяне, абиссинцы и другие христиане. Поэтому для них не было неожиданностью то, что многие святыни Вселенского Православия принадлежали католикам. Об этих местах тоже идет речь в рассматриваемых нами мемуарах. В частности, о. Иоанн Рыжановский осматривал католический монастырь, расположенный в Горней, на месте жилища Иоанна Крестителя. О главной церкви этой обители автор пишет, что она «отделана привлекательно». Еще большей похвалы автор удостоил католический храм в Назарете, стоявший на месте, где произошло Благовещение Божией Матери, он называет его «великолепным»³⁶.

При этом ни одного слова против Католической Церкви в мемуарах не сказано, хотя наверняка у автора были поводы для этого в связи с той западной экспансией в Палестине, которая осуществлялась после Крымской войны. Это объясняется скорее не миролюбивым характером автора и его веротерпимостью, а особенностью эпохи, в которую он жил.

Как мы видим, Иоанн Рыжановский не являлся нетерпимым ортодоксом, как, впрочем, и большинство российских паломников. Он посещал священные места, которые принадлежали не только католикам, но и другим христианским конфессиям. В Иерусалиме подольский священник с интересом осмотрел армянскую Патриархию, без зависти констатировав, что «церковь ее богатейшая», стены ее украшены кафелем, пол устлан роскошными коврами, а с потолка свисает множество золотых и серебряных лампад. Он также добавляет, что на дворе патриархии имеются около тысячи келий для армянских паломников³⁷. При этом он не сравнивает эти возможности размещения богомольцев с теми, что имелись в Святом Граде для русских поклонников, а они в 1860-х гг. выглядели гораздо скромнее, чем у армян.

Для сравнения укажем, что в более позднее время круг посещаемых русскими паломниками достопримечательностей расширился, в него на рубеже XIX–XX вв. входили не только инославные, но и иноверные религиозные объекты. Священник Е. Мерцалов, побывавший в Палестине в 1899 г., посетил в Иерусалиме, помимо всего прочего, еще и Стену Плача, наблюдая молившихся рядом с ней евреев, а также мечети Омара и Аль-Акса³⁹.

В том случае, если перед «другим» автор совершенно однозначно ставил жирный знак минуса, то «другое» превращается в «чужое», которое мемуарист воспринимал негативно, даже при всей его сдержанности в оценках. Первый раз эта категория появляется, когда автор повествует о стоянке парохода в турецкой столице на пути в Палестину. Попад в огромный многоязычный город, мемуарист обращает внимание читателей на то, что «Константинополь — город контрастов». С одной стороны он признает,

что вид Царьграда с моря просто очарователен, а расположение на берегу Босфора придает ему особую прелесть. С другой стороны, при высадке на берег сразу бросаются в глаза «его узкие, кривые, наполненные сором, грязью и страшной вонью улицы, обстроенные высокими, неопрятными домами...» Мемуарист обращает внимание на то, что православные церкви в османской столице есть, но власти запрещали им иметь колокола, и соответственно церковного звона не было слышно. В то же время он с обидой замечает, что в католическом костеле колокола есть, «а по какому праву — неизвестно»⁴⁰.

Столкновения с «чужим» продолжились в Египте, куда паломники попали по дороге в Палестину. Здесь автор даже не упоминает египетские древности; пирамиды как языческие памятники не интересовали православного паломника, хотя он наверняка знал об их существовании. В Египте было достаточно святых мест для христианина, и их русские поклонники не преминули посетить. Хотя автор обычно избегал бытовых деталей, но, очевидно, в стране пирамид житейские неурядицы оказались настолько серьезными, что попали на страницы воспоминаний. При возвращении из Каира в Александрию пришлось ехать на подножке переполненного сверх всякой возможности железнодорожного вагона (и это при преклонном возрасте автора), так что «одно только Провидение Божие спасло меня, что я не упал от сильного кружения головы с летучего вагона». В Александрии перед отплытием в Яффу пришлось ночевать на чердаке импровизированной турецкой гостиницы, где автор чуть не погиб от печного угара, «и не будь со мной товарища, который меня стянул по лестнице вниз, я, наверное, удушился бы до смерти». Именно на этом постоялом дворе автор познакомился с самым употребительным на Востоке словом «бакшиш», которое означало в разных обстоятельства «взятку», «подарок» или «подавание». Бакшиш турки и арабы требовали от русских паломников везде — при входе в святые места, на улицах, на постоянных дворах в качестве платы за реальные или мнимые услуги⁴¹.

С назойливыми просьбами и даже требованиями денег сталкивались практически все паломники, путешествовавшие по Ближнему Востоку. Вятский священник Н. Гусев заметил, что особенно грубо и откровенно выпрашивают бакшиш в мечетях, которые посещали русские. У автора сложилось впечатление, что местные жители хорошо знали из русских слов только «дава...», которое произносили, протягивая руку за деньгами⁴².

Во время путешествий по Востоку о. Иоанн постоянно сталкивался с тем, как «чужое» наступает на православную религию. Он убедился в этом воочию еще в Константинополе, когда увидел собор св. Софии, превращенный турками в мечеть, но сохранивший «и поныне прежнее свое величие и красоту»⁴³. Аналогичные примеры русские паломники наблюдали и в Святой Земле. Посетивший город Хеврон о. Иоанн увидел здесь со-

хранивший свое великолепие храм, воздвигнутый по приказу св. царицы Елены, но превращенный в турецкую мечеть. Вход в нее христианам был строго воспрещен. Очень расстроило И. Рыжановского то, что на месте храма Соломона, в котором неоднократно бывал Иисус Христос, была построена мечеть Омара⁴⁴.

Свидетельства религиозной агрессивности османских властей на страницах мемуаров довольно многочисленны. Автор явно недоволен тем, что без турецкого присутствия не обошлось даже такое ежегодно повторявшееся чудо как сошествие Благодатного огня в храме Гроба Господня перед Пасхой. Автора явно коробило участие турецких военных в этой церемонии. Сначала в Страстную пятницу турецкий офицер запирает и запечатывал часовню, где появлялся огонь. Автор не указывает причины этого, но знающим людям было понятно, что османские власти не доверяли православным христианам, они предполагали, что в Кувуклию могут пронести накануне церемонии спички или огниво. В субботу офицер отпирал эту часовню перед входом в нее Патриарха. При этом в храме Гроба находилось около 200 турецких солдат. Автор не упоминает, что они присутствовали для поддержания порядка, который мог быть нарушен, скажем, столкновением приверженцев православной и армянской Церквей или же слишком бурным ликованием православных арабов, что случалось регулярно⁴⁶.

Наверное, подольский паломник предполагал избавиться от преследовавшего его на Востоке «чужого», попав на Афон. Однако и здесь, в крепости вселенского православия, оно все же присутствовало и неожиданно появилось на страницах мемуаров, когда о. Иоанн рассуждал о той широкой власти, которую на Святой Горе имел Протат — афонский синод. Из дальнейшего повествования оказывалось, что здесь в монашеской республике есть еще назначенный из Константинополя турецкий ага — «представитель внешней власти и полицейских мер для Афона»⁴⁷.

Если в мемуарах о. Иоанна Рыжановского Католическая Церковь в Палестине воспринимается им всего лишь в качестве «другого», то в более поздних воспоминаниях русских паломников отчетливо видно, что они очень обеспокоены расширявшейся экспансией западного христианства, и «латинство» (католичество) превращается у них уже в «чужое». Вятский паломник А. Трапицын обратил внимание на то, что католики постоянно стремились расширить сферу своего влияния в храме Гроба Господня, принадлежавшем одновременно православными, католикам и армянам. Они применяли для этого поистине иезуитские приемы. Упомянутый автор сетовал: «Где-нибудь в стене незаметным образом вбивался гвоздь, и на него помещалась еле заметная иконка; к этой иконке захватители начинали прикладываться при поклонниках. Через некоторое время на этот гвоздь захватители помещали уже большую икону, и начинался спор, переходивший нередко в кулачную расправу, которую прекращали турецкие солдаты».

После Крымской войны представители разных христианских конфессий договорились о том, чтобы соблюдать статус-кво. Но тот же А. Трапицын в 1890-х гг. увидел рядом с ротондой Гроба Господня портрет римского папы Льва XIII, попавший туда явно «контрабандным» путем. Комментируя эту ситуацию, автор замечал, что она «оскорбительна для религиозного чувства» (православных), тем более что у латинян есть в том же храме свой придел, куда можно было поместить портрет их понтифика⁴⁸.

Католики вели целенаправленную прозелитическую работу среди местного населения с целью перехода его из православия и других христианских конфессий в католичество. Как справедливо считал путешествовавший по Палестине А.В. Елисеев, эта иноверная пропаганда «заботится не столько об образовании молодых арабов, сколько об уловлении в свои сети многочисленных несториан, друзов, сириан и других христиан Востока, не исключая и православных». Ту же цель преследовали и социальные учреждения — больницы и приюты. Социокультурная деятельность «латинян» велась со знанием дела, при этом денег для нее не жалели. Елисееву после обозрения многочисленных больниц, приютов и школ в Бейруте стало страшно за судьбу православия в этом регионе, тем более что он увидел в городе только около десятка православных церквей и одну небольшую греческую школу. По подсчетам Елисеева, за 30–40 лет после Крымской войны католики совместно с протестантами обратили здесь в свои исповедания около 1,5 тыс. православных арабов. В мемуарах Елисеева, который отличался большой откровенностью и нелицеприятностью суждений, католичество однозначно выступало для русского путешественника как агрессивное «чужое»⁴⁹.

Собираясь в Святую Землю и общаясь с бывалыми паломниками во время путешествия по ней, автор наверняка впитывал в себя различного рода слухи о том, что его ждет во время поездки. Слухи представляли собой народную информацию, неизбежную при слабо развитых средствах массовой коммуникации. В слухах даже правдивая информация в результате многократного прохождения через разнообразных трансляторов приобретала весьма причудливые формы. «Слухообразующими» элементами, т.е. блоками народной информации, становились из ряда вон выходящие события, непривычные по обычаям и менталитету люди, которые жили в дальних землях. По степени экспрессии В.В. Латынов делил слухи на три вида: слух-желание, слух-пугало и агрессивный слух⁵⁰.

Слух-желание связан с коллективным стремлением к какой-либо благой цели. Например, среди русских паломников долгие годы циркулировал слух о том, что когда-либо в будущем крест снова будет водружен в Царьграде на храм св. Софии. Наиболее распространенными слухами-пугалами были передававшиеся устным путем неофициальные сведения о жестоких штормах, которые ждали паломников на их пути на Восток, о

населении Святой Земли — агрессивном и фанатичном. Вариации экспрессивности этих слухов были многочисленны — от меланхолично-пессимистических до откровенно панических. Что касается агрессивных слухов, то для православных паломников как для людей сугубо мирных они были не характерны. Обычно агрессивные слухи активизировались при крупных стихийных бедствиях, обострении социальных конфликтов. Слухи как устная народная информация на страницах мемуаров И. Рыжановского обретали печатную форму. Чаще всего это были слухи-пугала, т.к. бывалые паломники любили рассказывать своим неискушенным в паломнических делах спутникам различные «страшилки». В связи с этим слухи довольно быстро превращались в страхи, в частности по поводу агрессивности местного иноверного населения.

По страницам мемуаров разбросаны отдельные упоминания о потенциальных опасностях, например, о том, что в городе Дженин «нравы его жителей свирепы». Относительно Назарета говорится, что он не защищен стеной, но имя Богоматери охраняет его от «буйного населения»⁵¹. Описывая свое посещение лавры св. Саввы, автор приводит печальную историю о том, как «пустынные арабы» не раз разрушали эту христианскую обитель и о том, что наглядным свидетельством бедствий монастыря являются хранившиеся в нем около 14 тысяч черепов отшельников, многие из которых погибли от рук врагов христианской веры⁵².

Страхи были связаны не только с враждебной этно-конфессиональной средой, но и с природными катаклизмами. Иоанн Рыжановский был типичным сухопутным человеком и наверняка в первый и последний раз в своей жизни оказался в открытом море. На беду, ему и его спутникам не повезло с погодой, и на пути от острова Родоса к Бейруту в Средиземном море разыгралась нешуточная буря. Паломники, составлявшие большинство пассажиров, были очень напуганы, они просили друг у друга прощения перед возможной гибелью, некоторые обращались к о. Иоанну с просьбой выслушать их исповедь. Мемуарист сначала крепился и честно исполнял пастырские обязанности, несмотря на приступы морской болезни, «пока не потерял и сам присутствия духа, и не упал на пол, закачавшись окончательно. В таком состоянии пролежал более 3 часов...»⁵³. Впечатления о пребывании в море были одними из самых неприятных во время путешествия.

Мемуары Иоанна Рыжановского, как и воспоминания других российских паломников, являются весьма информативным источником. В них современный исследователь может найти материал о положении различных религиозных институтов в Палестине, об их отношениях между собой, о маршрутах передвижения православных паломниках и о сакральных хронотопах, с которыми они встречались во время путешествия. В источниках личного происхождения можно прочесть, порой — между строк, о личном отношении российских богомольцев к ближневосточным проблемам.

Особенностью мемуаров, вышедших из-под пера духовенства, являлось то, что они обращали большее, чем миряне, внимание не только на посещаемые ими вселенские христианские святыни, но и ритуальную сторону религиозного культа, на обрядовые различия православных, католиков, армян. По сравнению с мемуаристами-мирянами, поклонники из духовной среды не останавливали подолгу свой взгляд на красивых пейзажах, пище, одежде местного населения, средствах передвижения, почти не упоминали об изнурительной жаре зоны полупустынь. Авторы считали, что в воспоминаниях о паломничестве к святым местам такие детали несущественны или даже неуместны.

- ¹ 14–15 ноября состоялся крестный ход с чудотворной иконой Божией Матери «Касперовская» URL: [http:// missia.od.ua/page,3,1153–14–15-pouabrya](http://missia.od.ua/page,3,1153-14-15-pouabrya) (дата обращения 07.10.2016).
- ² Подольские епархиальные ведомости (далее ПЕВ). 1868. № 7. С. 190; 1869. № 8. С. 350.
- ³ Указатель Подольских Епархиальных Ведомостей. 1862–1905 гг. (за все время издания их). Каменец-Подольск: Типография Свято-Троицкого Братства, 1907. С. V.
- ⁴ ПЕВ. 1868. № 5. С. 139–145, № 6. С. 166–172, № 7. С. 190–198, № 10. С. 298–303, № 13. С. 391–397, № 17. С. 513–525, № 22. С. 716–728, № 23. С. 765–778; 1869. № 8. С. 347–352, № 10. С. 441–447, № 11. С. 489–495.
- ⁵ Там же. 1868. № 5. С. 139; № 6. С. 171; 1869. № 11. С. 492.
- ⁶ Григорович-Барский В. Г. Странствования по святым местам Востока. Ч. 1. 1723–1727. М.: ИИПК «Ихтиос», 2004.
- ⁷ Вятские епархиальные ведомости. 1896. № 13. С. 684.
- ⁸ ПЕВ. 1895. № 17. С. 720; № 21. С. 887 и др.
- ⁹ Там же. 1895. № 6. С. 236; № 21. С. 1026.
- ¹⁰ Там же. 1896. № 6. С. 238.
- ¹¹ Там же. 1868. № 7. С. 190.
- ¹² Там же. 1868. № 5. С. 144–145.
- ¹³ Там же. 1869. № 8. С. 350–352.
- ¹⁴ Там же. 1868. № 6. С. 169–171; № 7. С. 190.
- ¹⁵ Там же. 1868. № 6. С. 169.
- ¹⁶ Там же. 1868. № 7. С. 190, 192.
- ¹⁷ Там же. 1868. № 22. С. 721; История Ильинского скита на Афоне URL: [http:// pravlife.org/content/istoriya-ilinskogo-skita-na-afone](http://pravlife.org/content/istoriya-ilinskogo-skita-na-afone) (дата обращения 07.10.2016).
- ¹⁸ Там же. 1868. № 10. С. 300–301.
- ¹⁹ Там же. 1868. № 10. С. 300; № 13. С. 393.
- ²⁰ Там же. 1868. № 7. С. 192, 194; 1868. № 13. С. 396.
- ²¹ Волынские епархиальные ведомости. 1874. № 20. С. 736.
- ²² ПЕВ. 1868. № 10. С. 300; № 13. С. 393.
- ²³ Там же. 1868. № 6. С. 167.

- ²⁴ Там же. 1868. № 22. С. 718–720.
- ²⁵ Там же. 1868. № 23. С. 776.
- ²⁶ Там же. С. 772–773.
- ²⁷ Там же. 1868. № 17. С. 524–525.
- ²⁸ Там же. 1868. № 22. С. 717, 720.
- ²⁹ Там же. С. 721.
- ³⁰ Там же. 1868. № 17. С. 525; 1869. № 8. С. 350.
- ³¹ Там же. 1868. № 13. С. 396.
- ³² Там же. 1868, № 17. С. 515.
- ³³ Там же. 1868. № 22. С. 717.
- ³⁴ Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 7. С. 151.
- ³⁵ Орловские епархиальные ведомости. 1913. № 13. С. 398.
- ³⁶ ПЕВ. 1868. № 7. С. 197; № 13. С. 394.
- ³⁷ Там же. 1868. № 17. С. 519.
- ³⁸ Там же. С. 520.
- ³⁹ Мерцалов Е., священник. От Петрозаводска до Иерусалима и обратно. Путевые записки и впечатления паломника. М.: Индрик, 2014. С. 184–185, 210–213.
- ⁴⁰ ПЕВ. 1868. № 5. С. 140–141.
- ⁴¹ Там же. 1868. № 6. С. 170.
- ⁴² Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 465.
- ⁴³ ПЕВ. 1868. № 5. С. 140.
- ⁴⁴ Там же. 1868. № 7. С. 193; 1868. № 17. С. 517.
- ⁴⁵ Там же. 1868. № 7. С. 193.
- ⁴⁶ Там же. 1868. № 17. С. 524–525.
- ⁴⁷ Там же. 1868. № 22. С. 726–727.
- ⁴⁸ Вятские епархиальные ведомости. 1896. № 6. С. 247–248.
- ⁴⁹ Елисеев А.В. По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света. В 4-х т. Т. II. Изд. 2-е. СПб., 1904. С. 286, 346–348.
- ⁵⁰ Латынов В. Слухи: социальные функции и условия появления. URL: [http:// psyfactor.org/lib/gumors3htm](http://psyfactor.org/lib/gumors3htm) (дата обращения: 13.11.2014).
- ⁵¹ ПЕВ. 1868. № 13. С. 393–394.
- ⁵² Там же. 1868. № 17. С. 514.
- ⁵³ Там же. 1868. № 5. С. 142.

ИЗ ИСТОРИИ РПО
ПРИ АН СССР

СОРОК ЛЕТ В ПАЛЕСТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ДОКЛАД-ВОСПОМИНАНИЕ)

Н.Н. Лисовой

15 января 2014 года исполнилось 40 лет с того дня, когда меня приняли в Палестинское Общество.

Но мне хочется начать не с этой даты, чтобы объяснить как и при каких обстоятельствах я пришел а Палестинское общество, сказать и о почивших и о живых ещё наших ветеранах, с кем я пришел в Общество. И, конечно, объяснить — куда я пришел, потому что сейчас мало кто представляет себе, что такое Палестинское общество и что такое Палестинское общество 1974 года.

РПО при АН СССР. Палестинское Общество, с самого своего создания в 1882 году было на службе своего Государства, интересов Империи, Православия, русских интересов на Ближнем Востоке, русского присутствия в мире. Скрывать нам здесь нечего. Это нормально, это и есть форма служения своему государству, своему народу, своей стране.

С 1918 г. Общество было вынуждено отказаться от именованя «Православным», как отказалось оно раньше от титула «Императорское». Оно называлось с тех пор Российским Палестинским Обществом, признавало за собой характер исключительно научный и надеялось в таковом качестве не вызвать особых подозрений у новой власти. 25 сентября 1918 г. в Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Рождественского района Петрограда были направлены новая редакция устава Общества и документы, необходимые для его регистрации. Академику В.В. Латышеву было поручено представить новый устав также и общему собранию Академии наук. К уставу была приложена записка академика Б.А. Тураева, где он, характеризуя путь, пройденный Палестинским Обществом, и намечая его дальнейшие задачи, писал: «Уделяя внимание научной деятельности по вопросам палестиноведения в пределах России, Общество в то же время зорко следит за развивающимися на Ближнем Востоке мировыми со-

бытиями и с нетерпением ожидает окончания жестокой кровавой борьбы (Первой мировой войны. — Н.Л.) и того счастливого момента, когда, наконец, наступит братское общение среди всех народов мира, и Палестина вновь делается ареною для мирной деятельности и научной работы. Палестинское общество сознает, что ему предстоит огромный труд по восстановлению прерванной на время войны деятельности: прежде всего придется позаботиться о дальнейшей судьбе находящихся на местах — в Сирии и Палестине — многочисленных служащих Общества как русских, так и туземцев, а затем домогаться, при содействии Советской Федеративной Республики, признания за Обществом прав на принадлежащие ему в Палестине земельные имущества и ценные здания»¹.

24 октября 1918 г. на имя Непременного Секретаря РАН академика С.Ф.Ольденбурга поступило предписание наркома просвещения, заместителя Председателя Совета Коммун Северной области А.В.Луначарского. Нарком просил Академию наук «немедленно принять меры к ограждению научного имущества Палестинского Общества». Затем следовала немаловажная приписка: «Революционные власти благоволят оказывать содействие Академии наук при исполнении этого поручения»². Непременный Секретарь выдал охранную грамоту: «Сим удостоверяется, что дом № 10 по Мытнинской улице, принадлежащий Российскому Палестинскому Обществу (бывшему Православному Палестинскому Обществу), а равно библиотека и все имущество этого Общества, находятся в ведении Российской Академии наук, которой предписано Заместителем председателя Сов<ета> Ком<мун> Сев<ерной> обл<асти> отношением от 24 октября с.г. № 1463/1 принять все меры к ограждению этого имущества, причем в том же отношении содержится просьба ко всем революционным властям оказывать содействие Академии при исполнении ею поручения Правительства»³.

Согласно определению Подотдела Гражданских дел Отдела Управления Петроградского Совета от 29 августа, Общество внесено в «Реестр обществ и союзов» под названием «Российское Палестинское Общество». В архиве РПО имеется также выписка из протокола заседания Правления Российской Академии наук от 31 декабря 1921 г., которая гласит: «п. 1. Слушали: выписку из протокола общего собрания от 10/XII (отнош. 28/XII № 1781) с постановлением одобрить предложение вице-президента — приравнять председателя Палестинского общества к академикам, заведующим учреждениями, а ученого секретаря Общества — к ученым секретарям научных учреждений Академии. Постановили: исполнить»⁴. Но ходатайство о том, чтобы включить РПО непосредственно в структуру Академии наук, было отклонено — «исключительно по принципиальным соображениям»⁵. С той поры на 70 лет вперед утвердилась удобно найденная бюрократическая ниша: Российское Палестинское Общество при АН, позже АН СССР. Не «непосредственно в структуре», но «при АН СССР».

Понятно, что в вопросе о выживании Общества в самый трудный для него период решающую роль сыграли два фактора. Во-первых, РПО, несмотря на смену названия и косметические изменения в уставе, оставалось преемником ИППО по отношению ко всей совокупности его зарубежных учреждений и недвижимостей. С этим не могли не считаться ни в Наркомате иностранных дел, ни в НКВД. Во-вторых, ограничив по необходимости свою уставную деятельность областью научных исследований, Общество смогло реализовать на этом направлении чрезвычайный научный потенциал. Его членами (и членами Совета) состояли почти все крупнейшие востоковеды и византинисты Академии наук, не эмигрировавшие из Советской России⁶. И с этой интеллектуальной силой тоже нельзя было не считаться.

Возрождение РПО в годы после Второй мировой войны было связано с радикальным изменением ситуации на Ближнем Востоке. 14 мая 1948 г. было провозглашено государство Израиль, а 30 ноября 1948 г. в Иерусалим прибыл первый состав Русской Духовной Миссии (Московского Патриархата). 25 сентября 1950 г. было издано распоряжение Совета Министров СССР за № 15175-РС о возобновлении деятельности Палестинского Общества и утверждении штатов его представительства в государстве Израиль. Академия наук СССР принимает экстренные меры к реанимации РПО, работа которого тихо угасла за 16 лет до того со смертью последнего Председателя Общества академика Н.Я. Марра (1934). Из старого, дореволюционного состава ИППО к середине XX в., за исключением академика И.Ю. Крачковского, никого, кажется, не осталось. Да и ученых, членов РПО 1920-х — 1930-х гг., оставались единицы. В срочном порядке осуществляется сбор новых заявлений на вступление в Палестинское Общество.

Очевидно, неслучайно первым по времени было заявление митрополита Крутицкого Николая (Ярушевича): оно датировано 10 октября 1950 г. Тем же числом помечено первое заявление от представителя академической науки, доктора филологических наук С.И. Соболевского⁷. Первое общее собрание нового состава РПО состоялось 16 января 1951 г. Главный ученый секретарь Академии наук академик А.В. Топчиев во вступительном слове сказал: «В силу целого ряда обстоятельств деятельность Российского Палестинского Общества фактически прервалась в начале 30-х гг. Учитывая усилившийся в последнее время интерес советских ученых, и прежде всего востоковедов, к странам Ближнего Востока, а также возросшие возможности советской науки, Президиум Академии наук СССР признал необходимым активизировать деятельность Общества как организации, помогающей советским ученым заниматься изучением этих стран⁸. Всем было понятно, что инициатива активизации РПО исходила не от Президиума АН СССР, а от инстанции более высокой — непосредственно от И.В. Сталина.

С восстановлением Общества возобновились и его заседания с обсуждением научных докладов. В 1954 г. вышел первый выпуск возобновленного

«Палестинского сборника»⁹. Ответственным редактором этого и последующих выпусков была Нина Викторовна Пигулевская (1894–1970). Я ее не застал, но достаточно сказать, что редактировавшийся ею «Палестинский сборник», не являясь периодическим изданием, выходил с поразительной регулярностью: с 1954 по 1971 г. вышло 23 выпуска. Вокруг сборника группировались ленинградские востоковеды (А.В. Банк, И.Н. Винников, Е.Э. Гранстрем, И.М. Дьяконов, А.Г. Лундин, Е.Н. Мещерская, А.В. Пайкова, Б.Б. Пиотровский), к московской секции РПО «Литературные связи Востока и Запада» принадлежали А.Е. Бертельс, В.Г. Брюсова, Г.К. Вагнер, Л.П. Жуковская, О.А. Князевская, Р.А. Симонов, Б.Л. Фонкич.

Жаркое лето 1972 года. А для меня начиналось так. Лето 1972 года, жара больше 40° С. Мы все молодые люди, еще красивые и умные, с полетом мысли. Молодые люди всегда смелее, они много чего не знают, но им этого и не надо знать. Я работал тогда в Институте прикладной математики Академии наук на Миусской площади, напротив, через площадь, находится Политиздат. Раздается звонок, звонит неизвестный мне человек, Евгений Семенович Евсеев, предлагает встретиться, ссылается на писателя, ныне покойного Дмитрия Анатольевича Жукова. Хороший писатель, писал преимущественно на исторические темы, один из создателей Общества охраны памятников и культуры, в те времена, в семидесятые годы, нередко заходил и в Палестинское общество. Жукова я знаю, понимаю, почему он может меня рекомендовать, и мы встречаемся с Евсеевым, не помню, в тот же день или в другой, в стеклянном двухэтажном АПН, впритык к кинотеатру Россия.

Тогда, после выхода известной книги Юрия Иванова «Осторожно, сионизм»¹⁰, во многих московских редакциях стало актуальным писать на эту тему. Каждый всплеск активности Палестинского Общества в XX в. так или иначе был связан с изменением положения на Ближнем Востоке. Новый этап в жизни Общества намечается в начале 1970-х годов. После Шестидневной войны (июнь 1967 г.) Советский Союз прервал дипломатические отношения с государством Израиль. Советские представители, в том числе представитель РПО, размещавшийся с марта 1951 г. по июнь 1967 г. в иерусалимской штаб-квартире Общества в Сергиевском подворье, покинули страну. Для РПО это имело двойственный результат. Во-первых, оставленное тогда представительство в Сергиевском подворье восстановлено лишь в наши дни. Во-вторых, государственно-партийная установка требовала развертывания антиссионистской пропаганды. В Институте философии АН СССР, где Евсеев работал старшим научным сотрудником (а я учился в заочной аспирантуре, писал диссертацию совсем в другом секторе — философских вопросов естествознания), неслучайным образом возникла идея издания то ли сборника, то ли коллективной монографии под названием «Сионизм: теория и практика». Об этом и пошел разговор. Есть редколлегия, сказал Евсеев, есть авторы, уже почти весь сборник

составлен... А ему меня рекомендовали на предмет главы о философских основах сионизма. Хорошо, отвечал я, давайте попробуем.

Начинаем работать. Я привлек в соавторы своего друга Валерия Ивановича Скурлатова, он тоже был связан и с ВООПИКом, и с Палестинским Обществом. Написали мы статью, сдали материал. Начинается обсуждение и редактирование в Политиздате — том самом, что напротив моего Института прикладной математики.

Сейчас трудно представить себе, что такое было тогда редактирование, да еще в Политиздате, да еще на такую острую тему. Понятно, что после редактирования не остается ничего — по известной поговорке о телеграфном столбе, который и есть «хорошо отредактированная сосна». Это делается очень просто, красным карандашом вычеркиваются целые абзацы и страницы, снимаются наиболее важные комментарии, максимально прореживается весь научный аппарат, вместо слов «концепция» или «теория» прописываются «догмы» и «измышления» и т.д..

Но, оказывается, можно и проще. Написать не то рецензию, не то донос в «инстанции» с призывом убрать целиком главу, а то и всю книгу. Сопредседателями редколлегии у нас были академик Минц по истории и академик Митин по философии. Мне показывали потом рецензии, читать было невозможно. Два достойнейших человека, академика, которые возглавляли редколлегию этой книги, чего они только не написали о «своей» книге: что она антинаучная, антисоветская и вообще анти-«такая».

Но больше всего досталось нашей главе. Тут уж академики стояли на смерти. Ладно, пускай сборник будет, но вот первую статью — о философских основах сионизма, её надо снять непременно. Если бы не упорство и смелость Евгения Семеновича, ни книги не было бы, ни статьи. Мало того, что он решительно шел на все возможные редактирования, сокращения и т.д. (напр. вместо «философские основы сионизма» до невозможности урезанная глава теперь называлась «реакционная сущность философских концепций и догм сионизма»)¹¹. Я, может быть, и не пошел бы на эти сокращения и искажения, сказав, что мне не нужна эта публикация. Но Евсееву она была нужна, и он шел на любые жертвы.

К тому же у него была хорошая поддержка. Вспомним, что в те времена не только в Институте философии, но и в Палестинском Обществе, и любых других идеологических учреждениях какие-либо проекты и прорывы были невозможны без контроля и четкой поддержки сверху. Она то ли была, или ее не было. Интересный вопрос для историка, как эта поддержка осуществлялась и на чем строилась. Но закончим о книге.

Книга вышла в 1973 году. С книгой наперевес, мы уже могли что-то из себя представлять. Первым из нас вступил в Палестинское общество Е.С. Евсеев¹², где вскоре основал новую секцию «Современные проблемы Палестины». Затем пришел в Общество Богословский, тоже один из на-

ших авторов, и другие. Следующий, 1974 год был год «великого урожая», нас очень много пришло в Палестинское общество. Пришел я, пришел, ныне покойный, наш бывший председатель Ярослав Николаевич Щапов, пришел Олег Колобов, ныне декан созданного им факультета международных отношений Нижегородского государственного университета. Нас принимали на одном заседании 15 января 1974 года¹³.

Люди пришли разные. И академического, и полуакадемического, и журналистского пошиба и интересов, которые хотели заниматься научными проблемами, встречаться, обсуждать, делать доклады, рефераты и т.д. Было создано две научные секции, одна из них, по искусству Древнего Востока, кажется, никогда не работала, а активно работала секция Лидии Петровны Жуковской¹⁴ «Литературные связи Востока и Запада», которую она потом мне передала в 1987 году. И была секция Евсеева, которая была посвящена современным проблемам Палестины.

Первые председатели возрожденного РПО. Переходим к другому вопросу — куда мы пришли. Вспомним, что такое Российское Палестинское общество при АН СССР к 1974 году. Начать придется издали.

В 1934 году умер последний председатель Палестинского общества из дореволюционных еще его деятелей — академик Н.Я. Марр. Он последние годы почти не занимался Обществом. Это был старый, больной человек, он и своей лингвистической наукой уже не занимался. Но, тем не менее, Общество дышало. Именно на авторитете имен наших стариков: академик Ф.И. Успенский, который до 1928 года был председателем Общества, а в дореволюционное время, до 1914 года директор знаменитого Русского археологического института в Константинополе, после него Марр и его заместитель Игнатий Юлианович Крачковский, — на их авторитете держался престиж столь старорежимного ученого учреждения.

Кстати, о Крачковском. В 2013 г. исполнилось, и мы отметили в нашем Палестинском Сборнике¹⁵, 90 лет со дня рождения Анны Аркадьевны Долиной, одной из старейших членов нашего Общества, петербургской ученой, востоковеда. Двадцать лет назад, в 1994 году, у неё вышла книга об академике Крачковском¹⁶. В книге рассказывается о сотрудничестве будущего великого востоковеда с ИППО в дореволюционные годы, прежде всего в период его пребывания в Ливане и поездки в Палестину, которую Крачковский назвал тогда «единственной страной, где приятно себя чувствовать русским», — между прочим, благодаря именно деятельности Палестинского Общества. Зато о Палестинском Обществе в советские годы в упомянутой книге не упоминается вообще, как будто Игнатий Юлианович никакого отношения к РПО ни в двадцатые, ни в тридцатые годы не имел. Как будто не планировалось сделать его председателем в реанимированном в 1950–1951 гг. Обществе.

С другой стороны, во многих статьях по истории РПО или в публикациях интернета, можно прочесть, что И.Ю. Крачковский после смерти Марра, с

1934 года, был председателем Палестинского Общества. Нет, председателем Палестинского общества не был он никогда. При Марре он был его заместителем, а после смерти Марра автоматически стал и.о. председателя РПО, но, очевидно, никаким собранием Общества не избирался и не утверждался. Дело в том, что после смерти Николая Яковлевича Марра Палестинское общество на семнадцать лет замирает в своей деятельности. Его никто не закрывал, просто, как масонскую ложу, «усыпили». Когда Общество, наконец, воскресает, по «высочайшему» указанию 1950 года, Крачковский не дожид до его открытия (он умер через две недели после учредительного собрания РПО в январе 1951 года). Что более странно, в подробной биографической книге Долининой никаких документов о Палестинском Обществе не упоминается вообще. Идет война с Толстовым за позиции в Институте востоковедения, кто должен быть директором, кто должен быть зам. директора, какие сектора надо закрывать, какие надо открывать. А палестинскую тему нигде не вспомнили ни Игнатий Юлианович, ни его биограф.

Как, почему? А очень просто, очень многие люди не любили и не ценили нашего первого послевоенного председателя С.П.Толстова. И это тоже было в истории нашего Палестинского Общества. Когда в 1949 году, за два года до того, как он стал председателем РПО, Сергей Павлович делал доклад «Родина арийцев, где она?», в зале сидела вполне интеллигентная публика, академики, члены-корреспонденты, доктора и кандидаты, и шипели из углов: «фашист, мракобес, мы только что победили фашистскую нечисть, а он опять нам про родину арийцев». Так относились многие среди коллег-историков к С.П. Толстову, который верховной волей в 1951 году станет первым председателем возобновленного Российского Палестинского Общества при АН СССР.

Почему же он занял этот пост? Это тоже интересный вопрос. Потому что был один из ученых, уважаемых лично И.В.Сталиным.

Когда Иосифу Виссарионовичу в 1948 году подали список лауреатов Сталинской премии, там были в списке среди историков (накануне, в 1947 году, премию получил Д.С. Лихачев) Б.А.Рыбаков — на премию первой степени и С.П.Толстов — на вторую степень. В один год список с их фамилиями лег на стол И.В.Сталина. И в этом списке сине-красным двойным карандашом вождем была зачеркнута вторая степень С.П.Толстова и написана первая.

Так в 1949 году советским историкам дали сразу две Сталинские премии 1-й степени, но вполне естественно, что Сергей Павлович получил ещё одного врага. Это не значит, что Б.А.Рыбаков раньше к С.П.Толстову относился хорошо, он не относился хорошо. Они оба были археологи, почти одного возраста: С.П. 1907 года рождения, а Б.А. 1908 года рождения, параллельно достигали командных высот в академическом руководстве — кому быть директором института, а кому заместителем института археологии, кому быть академиком-секретарем в Отделении истории...

Все в институте знали, что С.П.Толстов должен был получить вторую степень Сталинской премии, а ему дали первую степень.

Но совсем уже С.П.Толстову не могли простить, что его в 1943 году, еще совсем молодым, в 36 лет, сделали деканом истфака МГУ. Сергей Павлович — вообще фигура интереснейшая, жаль, что его не знает никто и не помнит, в том числе у нас, в Палестинском обществе. Это был настоящий казак, посмотреть фотографии его, его дяди и его деда — это сказка. В своей папаше набекрень, он выглядит, как Гришка Мелехов из «Тихого Дона», или как В.И.Чапаев. Его дядя, генерал Владимир Толстов, был последним командующим Уральской казачьей армии и после разгрома белых уехал за границу и до 1956 года жил в Австралии. Иосиф Виссарионович вообще любил такие «весы истории», когда дядя живет в Австралии, белый генерал, ветеран и глава белого казачества, а родной племянник живет и работает в Москве, именитый историк, советский археолог.

Факт есть факт. Сергей Павлович колоритен был чрезвычайно, такого удальца больше не было. Борис Александрович Рыбаков по-своему тоже был колоритен, но они были совсем разные. Один — русский мужик-старообрядец, другой — то ли уральский, то ли донской казак...

О Толстове кто-то остроумно сказал, что в 1941 году он защищал Москву, а в 1942-м — докторскую диссертацию. В 1941 году он был один из трех представителей Академии наук, которые отказались выполнить приказ и добровольно уйти с фронта. Был приказ, мол, нечего вам, ребята, сражаться в окопах, вы должны идти обратно в университеты и институты и обучать студентов. Только три человека остались на фронте. Двое из них погибли, третий был наш председатель С.П.Толстов.

После ранения и госпиталя, его все-таки вернули к научной деятельности. Докторская диссертация, защищенная на заседании Ученого совета Института истории АН СССР 31 августа 1942 г., обобщила важнейшие результаты Хорезмской археологической экспедиции, проводившейся под его руководством в предвоенные годы. Когда его в 1943 году Сталин делает деканом истфака МГУ, сразу начинаются слухи и домыслы, а почему и зачем. Есть такая версия, которой я не могу ни опровергнуть, ни подтвердить, что одновременно, в том же 1943 году, на истфак поступила Светлана Аллилуева. Говорят, Сталин и назначил Толстова деканом факультета, чтобы у него под крылом дочка совершала своё исторические воспитание. Так или не так, но с 1943 по 1945 год С.П.Толстов был деканом истфака.

Еще одна интересная черта. С 1937 года Толстов возглавлял основанную им Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию АН СССР, которая считалась самой мощной за советское время археологической экспедицией. Она просуществовала до 1991 года и погибла вместе с Советским Союзом. До 1969 года её возглавлял С.П.Толстов.

Вот такой человек был наш первый председатель — человек правильный со всех точек зрения — и с точки зрения своего белоказачьего происхождения, и с точки зрения безусловного своего патриотизма во всех позициях и взглядах. Образно говоря, человек поднял из глубин археологии, как град Китеж, целую хорезмскую цивилизацию, и не просто поднял, а сказал: вот там, на западе, есть европейская культура, там, на Востоке, есть Китай, Ханьская империя, а посередине, образно говоря, мы, русские, со своей древнейшей хорезмской цивилизацией. А почему мы, русские? Потому, что Хорезм, по толстовской мифологеме, это еще и родина иранцев, родина древних арийцев. Как было не поприветствовать такого ученого, который решался на такое в 1945, 1948, 1951, 1953 годах? Довольно естественно, что он пришелся ко времени.

Более того, откройте и полистайте современные работы по археологии — и Вы увидите, что с точки зрения научной классификации культур древней Азии, классификация С.П.Толстова остается действительной и сегодня. Конечно, не все гипотезы пережили своё время. Конечно, Сергей Павлович порой «перебарщивал», как всякий увлекающийся человек. Но и сегодня никто не станет отрицать, что добротная научная основа для археологии Средней Азии была им заложена. К тому же, в 1949 году, в год получения им Сталинской премии, начинаются работы по строительству знаменитого тогда Главного Туркменистанского канала через Каракумы — в тех самых местах, которые в археологическом отношении поднял С.П.Толстов. Другой вопрос, что потом будет эпоха Хрущева и канал начнут рыть уже в другом месте. Я хочу лишь подчеркнуть, лишний раз обратить внимание, что кандидатом на пост председателя Палестинского общества был в 1951 г. действительно достойный человек — не просто блестящий ученый, великолепный, мужественный тип, не побоявшийся в 1949 году ставить вопрос о «подлинной родине арийцев», но и человек, следуя интуиции которого решались государственные вопросы, определялось направление канала, принимались стратегические решения. Таким был С.П.Толстов. К сожалению, я его уже не застал. Он был председателем нашего Общества до 1969 года.

Кто-то скажет, что академическое Палестинское Общество следовало бы и возглавлять профессиональному палестиноведа. Что касается «профпригодности» наших председателей — в том непосредственно смысле, чтобы возглавлять именно Палестинское общество, да еще вчерашнее Православное Палестинское, — ни у кого не было этой профессиональной пригодности. Конечно, Сергей Павлович, как мы видели, при всей моей к нему симпатии и уважении, был археолог Средней Азии. Он никогда не интересовался проблемами Палестинского общества и вообще проблемами Ближнего Востока. Это была не его область. В 1968 г., когда ему исполнилось 60 лет, он махнул рукой и отовсюду ушел — ушел из своей Экспедиции, из Академии наук, из Палестинского общества. Я подробностей не знаю. Конечно, надо

было бы поинтересоваться, как, что, почему. Может быть по состоянию здоровья, может, что-то другое. Во всяком случае, если посмотреть его биографию (и библиографию), то в последнее время он ничего не печатал.

Вместо него сделали председателем Палестинского общества Александра Андреевича Губера. Он тоже был уважаемый востоковед, 1902 года рождения, почти ровесник века. Но профессионально он вообще Юго-Восточной Азией занимался. У него одна монография была про Индонезию, кандидатская диссертация. Докторская диссертация была о Филиппинах. А потом он занимался историей Германии. Все прекрасно. Но никакого отношения не имеет ни к Палестине, ни к Палестинскому обществу. А учитывая, что и у С.П.Толстова, и у А.А.Губера была масса других академических обязанностей... А.А.Губер одновременно был и главным редактором журнала «Новая и новейшая история», и председателем Национального комитета историков. В 1960 году именно он председательствовал на Всемирном конгрессе историков, который проходил в Москве. Это был его звездный час. А потом его избрали председателем Международного комитета историков. Так что о Палестинском обществе — он едва ли помнил, что является его председателем. Я не видел в наших архивных папках документов, им подписанных. Обычно работали его заместители и секретари.

РПО: идеологические и не только «войны» в нем и вокруг. После него пришел замечательный историк-востоковед, лучший знаток новейшей истории Китая, ныне живущий, дай Бог ему здоровья, Сергей Леонидович Тихвинский. Я пришел в Палестинское общество при нем, чем могу гордиться. С.Л.Тихвинский был первый из председателей, который пришел в РПО прямо из недр КГБ, оставаясь важным и успешным функционером ведомства. Конечно, С.Л. был на своем месте. Он отлично работал в Китае, в 1953–1955 годах был в Лондоне советником посольства. Делал все параллельно: занимался научной работой, писал кандидатскую и докторскую диссертации, у него шел научный стаж и он был полковником. В 1971 году его назначают в Палестинское общество. Наши ленинградские коллеги после смерти А.А.Губера написали ходатайство, что единственным человеком, кто способен возглавить наше Палестинское общество, — это Б.Б.Пиотровский¹⁷. Но Борис Борисович так и остался заместителем, а председателем был назначен С.Л.Тихвинский.

Стоит особо отметить, какая эта была эпоха. 1967 год — Шестидневная война, очередной разрыв отношений СССР с Израилем. И соответствующая активизация антиссионистской пропаганды. В том же 1967 году — реорганизация Комитета госбезопасности. В руководство ведомством приходит Андропов, и одновременно в Комитете создается 5-е (идеологическое) управление — для разборки с идеологическими врагами, прежде всего. В том числе, в уставе управления был пункт 4, в который входила борьба с сионизмом, с запрещенными сектами и зарубежными религиозными организациями (имелась в виду РПЦЗ). Затем

из идеологического управления выделяется 8-е управление, которое специально посвящено подрывной сионистской работе. Оно создается в 1971 году, когда к нам, в РПО, приходит С.Л.Тихвинский. А во главе 5-го управления был, люди старшего поколения, наверное, помнят, Филипп Дмитриевич Бобков, он на протяжении двадцати лет руководил всей идеологической работой в КГБ¹⁸. Сейчас, когда говоришь о нем с ветеранами Палестинского общества или ЦК КПСС, — человек был на своем месте. Он и был, как я сказал выше, ангелом-хранителем Е.С.Евсеева. Бобков понимал, что на рубеже семидесятых происходит поворот корабля: в КГБ пришел Андропов, в пятое управление Бобков, к нам в Палестинское общество — в 1971 г. Тихвинский, в 1973 г. — Евсеев.

А вообще, как мы уже говорили, в Общество приходит множество самого разного народу. Я сам не знаю, по какой линии пришел. Я пришел одновременно с Я.Н. Щаповым в секцию Жуковской, а с другой стороны — мы пришли вместе с Е.С.Евсеевым, с которым перед этим вместе книгу делали и т.д. На самом деле тогда мы все были вместе.

И вот здесь очень важный момент, о котором я хотел бы сказать. Антисионистская борьба рассматривалась как вещь очень серьезная, вопрос огромной государственной важности и вопрос трудный. Мы эту борьбу, как всю холодную войну, проиграли. И мы не могли её выиграть. Теперь, много лет спустя, это всем понятно. Тогда, в семидесятые, это тоже становилось многим постепенно ясно. При том, что у меня оставались дружеские отношения со всеми членами секции «Современные проблемы Палестины» и с самим Е.С.Евсеевым, до самой его гибели в 1990 г., но становилось ясно, что борьба безнадежна.

В секции было много замечательных ребят. Был Боря Баннов, Борис Германович, тоже наш друг, мы вместе были в Обществе, почти вместе и пришли в Общество. Я точно не помню, пришел он вместе со мной, или на год раньше, вместе с Е.С.Евсеевым. Добрейший человек, на него смотришь, и у тебя на лице возникает улыбка. Он был очень неплохой журналист. Кончил журфак МГУ, потом всю жизнь работал в АПН, ТАСС, за границей международным журналистом — под прикрытием. Он был полковником КГБ. Добрее человека я не встречал. Это был замечательный парень, с которым можно в разведку пойти, и просто дружить, и чай пить, и говорить о чем угодно, и о культуре и о литературе. Он писал хорошие книги, которые, конечно, выходили все под псевдонимом. У него ни одной книги не вышло под его фамилией, все под псевдонимами. Был Дима Соколов, замечательный человек. Он работал в Институте Африки. Был В.Н. Семанов, востоковед, двоюродный брат известного историка Сергея Семанова...Тогда шутили, что весь Совет РПО помещался на одном диване. Это был огромный черный диван, он потом переехал вместе с штаб-квартирой Палестинского Общества на Козловский, в новую резиденцию, во флигеле Дипакадемии. Так мы жили. Никто не поверил бы в те времена, в 1970-е — 1980-е, что мы когда-либо сможем поехать в Святую Землю. Хотя всю жизнь на это работали, этим занимались, этим интересовались.

Характерной особенностью было своеобразное расслоение Палестинского Общества почти во все времена — то в этнорелигиозном, то в социальном, то в политическом плане. С этой точки зрения, внутренняя ситуация в Палестинском обществе в семидесятые годы не является исключением. В 1882–1884 годах Общество, причем в высшем своем эшелоне, было расколото на грекофилов и грекофобов, в 1915-м, когда группа петроградских ученых поставила вопрос о создании «своего» Палестинского комитета при Академии наук — только вне Императорского Православного Палестинского общества, в 1992 году уходит из Общества, восстановившего свое историческое имя — Императорское Православное Палестинское — большое число его членов, ученых и не очень, советских и антисоветских. Что же им не нравилось?

...1990 год. Мы приезжаем во главе с нашим председателем О.Г.Пересыпкинским впервые в Иерусалим. Происходят встречи в муниципалитете города, в израильском министерстве юстиции... Был в Иерусалиме профессор Теодор Липпель, который был заместителем Рабина по религиозным вопросам. Рабин, когда стал премьер-министром, оставил за собой два кабинета — военное министерство и министерство культов. По Маяковскому — «к штыку приравнял перо». Так как Рабину, естественно, самому некогда было религиозной стороной заниматься, у него был то ли заместитель, то ли ведущий консультант профессор Липпель, известный историк, один из лучших знатоков древнего ветхозаветного Иерусалима. Когда наша делегация пришла к нему, он прямо сказал: ничего, ребята, у вас не получится у нас в Израиле. Вы неправильно называетесь. Во-первых Вы назвали свое общество Императорским — это сразу вызывает ассоциации с имперскими намерениями и поползновениями. Во-вторых, вы назвали его Православным, а у нас Израиль — иудейское государство. И, наконец, вы назвали его Палестинским. Для нас это практически синоним со словом террорист. С таким названием вам в Иерусалиме будет трудно.

Олег Герасимович сказал в ответ: что ж, нам все эпитеты убрать и называться просто «общество»?

Этот разговор относится к 1990 году. А теперь вернемся на 75 лет назад. На дворе 1915 год, и вот, как я сказал, большая группа профессоров и академиков Петрограда, еще при живом Императоре, еще при живом ИППО, отмежевывается от него — по тем же самым соображениям, которые сформулировал Липпель. «Мы не хотим быть императорским, не хотим быть православным — поскольку намерены исследовать и иудейские, и мусульманские древности, так что нам не с руки называться православными». Если отступить еще лет на пятнадцать, к концу XIX — началу XX века, они и тогда не хотели быть православными, быть в Обществе во главе с «негодяем» великим князем Сергием Александровичем.

...История учит только одному. Она учит, что ничего не меняется. Что было в 1915 году, то же в 1990 году, то же в 2017 году. Ничего не меняется.

Вернемся к тому, с чего мы начинали. Во всяком случае, к 1954 году. Это первый год после смерти Сталина, и сразу начинаются изменения. Прежде всего, меняется отношение к С.П.Толстову. Вся зависть и ненависть, которые накопились, вылезли наружу мгновенно. Это был все тот же, по сути, «раскол» по вопросу о Палестинском обществе, который так ярко проявился с 1915 года. Поэтому вряд ли правильно было бы говорить, что в этом Сталин виноват, или Толстов, или кто. Просто...

Раньше было так, что общие собрания Палестинского Общества проходили два раза в год, не реже собирались расширенные заседания Совета, ставились доклады, рефераты, приглашались все желающие. Из Ленинграда Б.Б.Пиотровский приезжал на Совет, поскольку он был членом Совета, успевал приехать на Совет, выступить с докладом или сообщением, а вечерним поездом в 23 часа уехать обратно в Ленинград... Из Еревана Мурадян Паруйр Мамбреевич приезжал, редактор ежегодника «Кавказ и Византия», ученый секретарь армянского отделения Палестинского общества (было и такое)...

На общих собраниях, а порой и на советах, не то чтобы велась серьезная «идеологическая борьба», но конфликты и противостояния вспыхивали по разным вопросам. Например, очень просто, кому и как печататься в Палестинском сборнике. У нас, кроме Палестинского сборника, ничего не было. Он был возобновлен с 1954 года. Н.В. Пигулевская была на протяжении 16 лет до самой своей смерти ответственным редактором сборников. Палестинский сборник выходил только в Ленинграде. Естественно, что и публиковались в нем только «ленинградцы». «Москвичей» печататься не пускали, — до такой степени, что, когда, уже при В. Г. Солодовникове в 1984 году, мы издали отдельным выпуском Палестинского сборника работу Олега Колобова «США — Израиль и арабский мир» (соответственно, было нормальное номерное издание: «Палестинский сборник» № 29 (92), в Ленинграде, три года спустя (сборник выходил отнюдь не регулярно), выходит под тем же номером их «Палестинский сборник», естественно с другим содержанием. Ленинградских коллег даже арифметика не остановила. Должен был быть «30-й» номер. Нет, они ставят номер «29-й», а то, что вышло в Москве, для них не существует. Вот о чём шла речь, вот как был поставлен вопрос.

...Скажу по секрету, мне не удалось поймать за хвост и найти какого-либо документа, который впрямую говорил бы об активизации антисионистской борьбы в начале семидесятых годов. Может быть, такого документа и не было. Хотя покойный Чальян мне говорил, что в 1972 году было то ли одно, то ли два каких-то решения, то ли постановления. Не знаю, может быть, это делалось на уровне устных указаний, телефонного права. Во всяком случае Палестинское Общество, на своем уровне, от Академии Наук соответствующие установки получало. Помню, Зинаида Владимировна Удальцова (наш председатель в 1975–1980 годах) призывала Евгения Максимовича Примакова, тогда директора Института востоковедения АН СССР, активнее при-

влекать сотрудников его института к «борьбе с реакционной идеологией сионизма и извращением истории Ближнего Востока».

Вопрос в другом. Я уже сказал, что в этой войне мы заведомо не могли победить. Почему? Много причин. Культуры не хватало, не хватало исторического знания. Если открыть писания наших тогдашних авторов, которые занимались профессионально антиссионистской борьбой, первое, что бросается в глаза, это низкий профессиональный уровень: человек не знает истории, человек ничего не понимает в религии, человек не знает, что такое иудаизм, христианство, и как Ветхий Завет и Новый Завет связаны. Он ничего этого не знает. Что может получиться из такой антипропаганды? Ничего не может получиться.

Это первое, это общая проблема, она и сейчас существует. Почему никто и сегодня не может грамотно написать про Палестинское Общество? Да потому что нашим журналистам не хватает элементарного исходного знания. Ни знания, ни культуры, ни понимания. Из того, что у нас тогда издавалось, я назвал только один сборник, с которого начался приход мой и Евсеева в Палестинское общество. На самом деле в те годы был издан целый ряд книг, начиная с упомянутой книги Юрия Иванова. И все грешили. Первое: не хватало исторического знания и умения повернуть это историческое знание, применить к той проблематике, о чем собирались писать. Историческое знание оставалось на одной полочке, религиозное и энциклопедическое знание на другой полочке, а наперед выпирало лишь одна идеология. Второе: качество самой идеологии. Мешала боязнь называть вещи своими именами. Если уж ты берешься обсуждать такую серьёзнейшую тему, как проблему Израиля и Палестины, евреев и арабов, сионизма и антиссионизма, то уж будь любезен не обходить острые места, а говорить все по правде. До самой Библии. Почему в Библии можно рассказать, как спустился с Синая Моисей — и приказал перерезать всех поклонявшихся золотому тельцу, так что у левитов к вечеру были руки по локти в крови. Библия может на полном серьёзе, почему же ты не можешь? А мы не можем.

В результате получается, что наша большевистская, наша коммунистическая пропаганда проигрывала даже на собственном поле. Элементарный пример. У Карла Маркса, еще совсем молодого, как к нему не относиться, автора гениального, есть серьезнейшая работа 1843 год «К еврейскому вопросу». Её никогда не использовали в нашей пропаганде. Почему? Да потому, что там все названо своими именами. Маркс говорит не о сионистах, а о евреях, не об антиссионистах, а о необходимости преодолении еврейства. Маркс говорит о том, что вообще капитализм есть порождение еврейского духа. Напомню пару цитат: «Эмансипация евреев в ее конечном значении есть эмансипация человечества от еврейства»; «еврей уже эмансипировал себя еврейским способом — не только тем, что присвоил себе денежную власть, но и тем, что через него и помимо него деньги стали мировой властью, а практический дух еврейства стал практическим духом христианских народов. Евреи настолько эмансипировали

себя, насколько христиане стали евреями»; «Еврей, в качестве особой составной части гражданского общества, есть лишь особое проявление еврейского характера гражданского общества. Гражданское общество из собственных своих недр постоянно порождает еврея». Не говорю уж об известном: «Деньги — это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога. Бог евреев сделался мирским, стал мировым богом. Вексель — это действительный бог еврея. Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека».

И не могли использовать такого идеологического багажа? Не нашлось ни одного историка — потому что наше советское историческое образование имела такую зияющую лауну, как полное отсутствие понимания религиозного смысла, и христианства, и иудаизма и вообще религиозного смысла истории.

И, наконец, последнее, почему война была проиграна. По очень простой причине, что во внешней политике (МИД, конечно, с этим не согласится) настоящей национальной концепции русской внешнеполитической деятельности, русского присутствия в мире, да как угодно, советского присутствия в мире не было. А в том числе, особенно, в таком узком и тонком месте, как Ближний Восток.

Ведь на самом деле Палестинское общество и было в свое время создано для этого. И задумано было, как очень тонкий политический инструмент, использующий все каналы влияния, в том числе особенно, религиозный канал влияния. Сталин, в первые годы, пытался использовать методы церковной политики — когда посылал митрополита Григория (Чукова) в Иерусалим и давал ему с собой соответствующую сумму долларов, для вручения лично Патриарху. Потому что так положено. Так делали при царе батюшке. Так делается всеми другими на Ближнем Востоке. Потому что Православие на Ближнем Востоке нуждается и нуждается в деньгах, а не в идеологических играх. А потом этого не стали делать, и была полностью переориентирована вся внешнеполитическая концепция.

Как только выяснили, что Израиль от нас требует открытия выезда для евреев, так мы не только закрыли этот выезд, но и полностью переориентировали всю свою внешнюю политику на арабские режимы Ближнего Востока. Независимо от того, были ли они действительно социалистическими или псевдосоциалистическими, как мы тогда понимали, но все было переориентировано на них.

В результате получилось, что у нас в Палестинском обществе было много специалистов по Ближнему Востоку, но специалистов по Православному Востоку, специалистов, как ни странно звучит, по истории самого Палестинского Общества не было. Палестинское общество, вопреки тому, что говорил нам в 1990-м году Липпель, оно же Православное Палестинское общество. Какой же историк в советское время мог об этом написать, конечно, нет. Какой же востоковед, арабист, мог написать, что Палестинское общество основывалось

и работало прежде всего для православных арабов, в которых видели основную силу арабского просвещения, а значит, и национального возрождения? А если в Святой Земле турецкое управление сменилось в 1917 г. Британским мандатом, а в 1948 государством Израиль, нужно работать не только с арабами, но и с евреями, и государством Израиль, а мы тоже не научились этому. До сих пор боимся, как бы нас в чем-то не обвинили. Вдруг арабы скажут, что мы за евреев. А евреи скажут, что мы антисемиты. Надо определиться. Если ты — Императорское Православное Палестинское, нужно и отвечать этим требованиям и этим принципам, которые на своем знамени провозгласил. А мы тогда, в 1974 году, как ни грустно вспоминать, ничего не могли сделать — ни слова православный произнести, ни на Маркса не могли опереться...

Лишь в 1992 году мы смогли, дай Бог здоровья Р.И.Хасбулатову, восстановить историческое название и «Императорскому Православному Палестинскому Обществу», и «Православному Палестинскому сборнику». Когда и в «Православном Палестинском» ленинградские коллеги начали печатать статьи со специфической лексикой (типа «Шлема» вместо «царя Соломона», «Иеремиаху» вместо «пророка Иеремии»), мы, с покойным ученым секретарем ИППО Владимиром Афанасьевичем Савушкиным, написали письмо в редакцию палестинского сборника о том, чтобы не было больше никаких «царей Шлем», что в русской научной и языковой традиции есть только «царь Соломон» и только «пророк Иеремиа». Поставить об этом вопрос мы не могли до самого 1992 года, пока сборник не стал снова православным.

И очень быстро, обратите внимание, наши прежние ленинградские коллеги перестали публиковаться в сборнике — они не могли печататься в Православном Палестинском сборнике. И не надо было ничего доказывать, просто мы восстановили традицию.

Конечно, это произошло не в одночасье, по постановлению Верховного Совета. Практически мы к этому шли. Если вернуться, например, к судьбе Евгения Семеновича Евсеева, он явно эволюционировал в эту сторону. Начинал он как типичный советский человек, который ничего не знал, не понимал и не хотел понимать в религии вообще — не только в еврейской или христианской, но и вообще в какой-либо религии. Постепенно он духовно менялся. Когда я в Политехническом музее читал цикл лекций про Палестинское Общество, на одну из лекций я его пригласил. Мы с ним вместе, «дуэтом», прочитали лекцию уже про современные проблемы Палестинского Общества, это был 1987 год. В 1988 году он выступал на конференциях в Патриархии с докладами, посвященными тысячелетию Крещения Руси. Но при этом он до конца оставался на своих позициях, когда он возглавил комитет против восстановления отношений с Израилем. И конечно в этой борьбе он оставался на своем, отступить он не мог. И его сбили машиной...

Скажу в заключение: наше поколение призыва 1970-х годов, несмотря на трудности, выстояло. Мы пришли в Палестинское Общество, мы дела-

ли что могли, мы дожили, а отчасти способствовали тому, что с 90-х годов оно стало опять «Императорским» и «Православным». Слава богу, что это так было. Я своей судьбе и Богу только благодарен. Хотя повторяю, что, конечно, ситуация была достаточно сложной. И делать по настоящему что-либо было трудно. И если кто внимательно смотрел наши материалы по Палестинскому Обществу, наверное, заметил, что совсем по-другому у нас стала поворачиваться жизнь только с 90-х годов.

Был во всем этом общий исторический парадокс. Мы пришли в Палестинское Общество, как «реакционеры» — но мы тоже были шестидесятниками, только в другую сторону. Не антинациональные, а национальные, не антирелигиозные, а религиозные. Тем не менее, парадокс заключается в том, что без весны и оттепели 60-х мы ничего не смогли бы сделать в 70-х. И точно также потом. Мы действительно в 1992 году восстановили наше историческое название, а с ним и призвание. Но если бы не было 1990 и 1991 годов, вряд ли мы что-либо получили бы в 1992 году. Вот в чем парадокс истории. Вот как она крутит нами.

Можно сказать и по-другому. Что те катастрофы, катаклизмы, исторические перемены, которые происходят, человек должен уметь использовать в правильную сторону. Да, в этом крушении, да, над этой бездной, — надо успеть использовать и повернуть в свою сторону. Когда-то В.Н. Хитрово сказал, что главное достоинство Палестинского Общества было в людях. Не то, что они гениальные, не то, что они так здорово всё придумали, а в том, что они всегда были настороже и наготове и не упустили ни одной исторической возможности, ни одного исторического шанса.

Продолжение следует.

- ¹ Цит по: Юзбашян К.Н. Палестинское Общество. Страницы истории // Исторический Вестник. 2000. № 3–4 (7–8). С. 134–135.
- ² Копия, заверенная Конференцией РАН 27 июля 1921 г. // АВР РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/6. Д. 10. (на папке заголовок: «Руссийское (sic!) Палестинское Общество». Л. 9.
- ³ Документ подписан замещавшим С.Ф. Ольденбурга академиком А.А. Шахматовым.
- ⁴ Цит. по: Юзбашян К.Н. Палестинское Общество. Страницы истории. С. 136.
- ⁵ Частное сообщение С.Ф. Ольденбурга. Цит по: Юзбашян К.Н. Палестинское Общество. Страницы истории. С. 136.
- ⁶ В число членов Палестинского Общества входили в 1920-е гг. академики В.В. Бартольд, А.А. Васильев, С.А. Жебелев, П.К. Коковцов, И.И. Мещанинов, С.Ф. Ольденбург, А.И. Соболевский, В.В. Струве; профессора Д.В. Айналов, И.Д. Андреев, В.Н. Бенешевич, А.И. Бриллиантов, В.М. Верюжский, А.А. Дмитриевский, И.А. Карабинов, Н.П. Лихачев, М.Д. Приселков, И.И. Соколов, Б.В. Титлинов, И.Г. Троицкий, В.В. и М.В. Фармаковские, И.Г. Франк-Каменецкий, В.К. Шилейко. Членами Общества стали также многие выдающиеся ученые в области естествознания: академики В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман,

- Н.И. Вавилов. Не потому, что они сильно вдруг увлеклись историей и филологией, просто ученые готовы были использовать свои имена и авторитеты, чтобы спасти Общество и его научное наследие. См. подробнее: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке. М., 2006. С. 429.
- ⁷ Документы из архива РПО. Ч. 1. 1950–1976 гг. / Публ. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский Сборник. Вып. 109. М., 2014. С. 309–310.
- ⁸ Цит. по: Юзбашян К.Н. Палестинское Общество. Страницы истории. С. 144.
- ⁹ Он был ошибочно помечен: Вып. 1 (63), хотя 63 выпуск вышел еще в 1917 г. Для исправления ошибки в нумерации следующий сборник был сделан сдвоенным: Вып. 2 (64–65).
- ¹⁰ Иванов Ю.С. Осторожно, сионизм. М., Политизда., 1969.
- ¹¹ Сионизм: теория и практика. М., 1963. С. 15–25.
- ¹² См.: Заявление о приеме в РПО кандидата исторических наук, ст. научного сотрудника Института философии АН СССР Евсева Е.С. Москва, 20 марта 1973г. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 109. М., 2014. С. 345. Рекомендовал Евгения Семеновича в члены РПО советник МИД Дро Самсонович Чальян. Принят на собрании 20 июня 1973г.
- ¹³ Кроме уже названных, в 1974 г. была принята большая группа ленинградцев (А.В. Банк, О.А. Белоброва, В.Н. Залеская, И.П. Медведев, А.В. Пайкова, сестры-близнецы Милена и Татьяна Рождественские, И.Н. Стеблин-Каменский) и ряд москвичей (В.В. Беляков, А.Г. Кузьмин, В.Н. Малов, Н.В. Степанова, Н.Б. Тихомиров, К.И. Ходова и др.). В тот же день, 15 января, членом РПО вместе с нами стал состоявший уже его ученым секретарем В.И. Иваненко.
- ¹⁴ Научная деятельность Лидии Петровны Жуковской (1920–1994), выдающегося слависта, археографа и источниковеда, лучшего в мире специалиста по русским и славянским Евангелиям, на протяжении почти сорока лет (в 1950-х — 1990-х) была тесно связана с Палестинским Обществом. Еще по приглашению Н.В. Пигулевской Жуковская публиковала свои работы в «Палестинском Сборнике», в 1965 году стала членом РПО, много лет являлась руководителем секции «Литературных связей Востока и Запада», возглавляла Ревизионную комиссию Общества. Она умерла под Рождество 1994 года — образно говоря, «на пути в Иерусалим» (паломническая группа ИППО, в которую включена была Лидия Петровна, должна была отправиться в Святую Землю к Крещению). 26 марта 2014 г. Палестинское Общество провело научную конференцию: «У истоков и источников славянской и русской книжности. К 20-летию со дня кончины Л.П. Жуковской». Участниками конференции стали видные ученые — коллеги и ученики Л.П. Жуковской (Е.М. Верещагин, А.М. Камчатнов, В.М. Кириллин, М.С. Крутова, Н.Н. Лисовой, О.В. Лосева, Т.Г. Попова, Т.В. Рождественская, М.И. Чернышева и др.).
- ¹⁵ Пумпян Г.З. К юбилею профессора Анны Аркадьевны Долининой // Православный Палестинский Сборник. Вып. 109. М., 2014. С. 411–415
- ¹⁶ Долинина А.А. Невольник долга. СПб., 1994.
- ¹⁷ Обращение кафедры арабской филологии Восточного факультета ЛГУ к академику-секретарю Отделения истории АН СССР В.Н. Хвостову от 24 июня 1971 г. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 109. М., 2014. С. 341.
- ¹⁸ См. его воспоминания: Бобков Ф.Д. Как готовили предателей. Начальник политической контрразведки свидетельствует. М., 2016.

ПАЛЕСТИНОВЕДЕНИЕ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ
МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(СПБ, 19–20 ОКТЯБРЯ 2016 Г.)

СОВРЕМЕННОЕ ПАЛЕСТИНОВЕДЕНИЕ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИППО: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ, СОСТАВЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С.Ю. Житенев

Развитие палестиноведения на протяжении всей истории Императорского Православного Палестинского Общества (далее ИППО) являлось одним из важнейших направлений научной деятельности и уставным положением Общества. Это положение было закреплено как одно из основных задач Общества, но после изменений в Уставе ИППО в 2008 г., оно выпало из текста и в современный Устав в редакции 2014 г. также не входит. Понятие «палестиноведение» было заменено обобщающим пунктом в Уставе Общества № 2.2.2. «Осуществление научно-исследовательской и культурно-просветительской деятельности в области истории, духовности и культуры стран Ближнего Востока и в странах Средиземноморского региона» и пунктом 2.2.3. «Проведение научных исследований, конференций, экспедиций в области общественных и гуманитарных наук», практически повторивший предыдущий пункт. Таким образом, ИППО признало, что в старом понимании это научное направление не является актуальным и отвечающим современным научным и практическим реалиям. Для того, чтобы понять причину такого подхода, необходимо представить современное прочтение понятия «Палестина» и рассмотреть изменения, которые произошли в содержании термина «палестиноведение».

Как известно, Палестина — это историческая область на Ближнем Востоке, между Средиземным морем на западе, Мёртвым морем и севером Аравийского полуострова на востоке. Территория Палестины является одним из древнейших очагов человеческой цивилизации. В настоящее время в результате сложных и противоречивых процессов сложилось независимое государственное образование, которое называется Государство Палестина. В 1988 г. в Алжире было провозглашено Государства Палестина во время проведения сессии Палестинского национального совета — высшего совещательного органа Организации освобождения Палестины (ООП). В 1994 г.

по соглашению между Израилем и ООП была создана Палестинская национальная администрация (ПНА). 29 ноября 2012 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ООН) большинством голосов предоставила ПНА статус государства-наблюдателя при ООН. В январе 2013 г. был издан указ председателя ПНА Махмуда Аббаса, предписывающий впредь вместо названия «Палестинская национальная администрация» использовать в официальных целях исключительно название «Государство Палестина». Однако ряд государств, в том числе Израиль, это решение не признали. При этом государственность Палестины в настоящее время существует независимо от признания тех или иных стран.

В настоящее время отношение к палестиноведению как современному научному направлению среди российских исследователей достаточно противоречивое и по-разному понимаемое. В этой связи нам необходимо представить определение понятия «палестиноведение», а также круг проблем и исследований, которыми должны проводиться в рамках этого научного направления, а также внести ясность в современные реалии научной деятельности ИППО. Приведу размышления Н.Ю. Суховой о неразработанности в настоящее время этой научной дисциплины: «Палестиноведение <...>, несмотря на вполне устоявшийся термин, не успело окончательно оформиться в научном отношении: очертить круг изучаемых научных проблем, сформулировать основные задачи и выработать методы исследования. Так как вопросы, связанные с Палестиной, интересовали специалистов из разных областей духовно-академической науки, связи нащупывались постепенно, иногда случайно»¹.

Итак, палестиноведение это научное направление, в рамках которого до середины XX в. проводились междисциплинарные теоретические и прикладные исследования в гуманитарных и естественных науках на территории Библейского региона². Традиционные научные исследования в палестиноведении включали многие научные дисциплины и их разделы, такие как: историю (археологию), политологию, филологию, культурологию, искусствознание, архитектуру, философию, право, религиоведение, богословие, педагогику, географию, биологию, ботанику, медицину, экономику и другие. Сформировались такие направления научных исследований, как Библейская история и её составляющая часть — Библейская археология. По мнению некоторых исследователей, в основном работавших в конце XIX — начале XX вв., палестиноведение является составной частью востоковедения, потому что в географическом плане весь Ближний Восток и Северная Африка являются предметом этой научной дисциплины.

Во второй половине XX в. из палестиноведения выделилась такая страноведческая научная дисциплина, как израилеведение. «В последние годы исследователи пытаются подвести некоторые итоги развития постсоветского израилеведения в России, как отдельной отрасли, так и в контексте

еврейских исследований. При этом значение самого термина «израилеведение» остается невыясненным. Мало того, процессы, которые протекали в израилеведении на рубеже XX-XXI вв., во многом сходны с процессами в смежной области — палестиноведении»³. Также образовалось научное направление, которое стало называться «арабистика». Оба этих направления политически ангажированы. Израилеведение доказывает, исконность проживания евреев на палестинских землях и отсутствие оснований у арабов для пребывания Палестине. Специалисты, которые занимаются арабистикой, доказывают, что арабы исконные жители Палестины, а современные евреи, прибывшие сюда в XIX–XX вв. не имеют корней на этой земле.

В настоящее время в состав Библейского региона входят следующие государства: Греция, Египет (Синай), Израиль, Иордания, Кипр, Ливан, Палестина, Сирия, Турция. Именно поэтому во второй половине XX столетия в регионе Ближнего Востока в связи с появлением новых государств развивалось страноведение, образовывались новые научные дисциплины, такие как: иорданиеведение, сириеведение, ливановедение, палестиноведение, израилеведение и другие. Например, современные исследователи считают, что «под израилеведением подразумевается исследование истории, социально-экономического и политического состояния Государства Израиль»⁴. Эти научные дисциплины исследуют литературные языки и их разговорные диалекты, собственно национальные литературы, а также историю, экономику, культуру, искусство, религию, философию, право, этнографию, географию, объекты материальной и духовной культуры, образовавшихся стран и народов их населяющих. В рамках научных исследований развивается источниковедение, проводятся локальные исторические, географические и политические исследования. Получило развитие религиоведение, в том числе исламоведение и изучение христианства в этих странах. Развиваются исследования в сфере туризма и паломничества. Все эти направления присутствуют в современной российской науке, которая изучает государства Ближнего Востока. В нашей стране давно работают известные научные центры по этим направлениям в:

Институте востоковедения РАН и его СПб отделении;

Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова;

Восточном факультет Санкт-Петербургского государственного университета;

Государственном Эрмитаже;

Институте изучения Израиля и Ближнего Востока,

Российском институте стратегических исследований и ряде других.

Таким образом, многие исследователи считают, что палестиноведение в настоящее время представляет собой страноведческую научную дисциплину, занимающуюся комплексным исследованием вопросов и проблем территорий Государства Палестины и палестинских арабов в целом. Поэ-

тому Научная секция ИППО, обсудив вопрос о содержании исследований в Библейском регионе, пришло к выводу, что это научное направление было бы правильно называть не палестиноведением, а Наукой о Святой Земле⁵ и окружающих её территорий. Здесь важно подчеркнуть, что это направление, безусловно, включает российское научное присутствие в Святой Земле. Есть также такое научное понятие как «православное востоковедение», которое, безусловно, значительно шире, чем Ближний Восток, поэтому, скорее всего, не может рассматриваться как наименование научного направления, занимающегося исследованиями именно Библейского региона.

Научная деятельность ИППО связана, прежде всего, с православным наследием в Святой Земле, в историческом, географическом, литературном, филологическом, философском, правовом, социокультурном, искусствоведческом, религиоведческом отношении и других направлениях. Научная деятельность Общества, которая шла непосредственно в Библейском регионе, прерванная более ста лет назад, до сих пор не воссоздана. Поэтому важнейшей задачей ИППО является полномасштабное восстановление российского научного присутствия в Святой Земле, эту работу нельзя откладывать на будущее, а начинать её уже необходимо в настоящее время. В современной России в рамках ИППО сложилась группа учёных во главе с известным отечественным историком Н.Н. Лисовым, которые занимаются научным изучением Святой Земли, истории ИППО и Библейского региона, а также другими исследованиями. В состав этой научной группы входят учёные и специалисты различных направлений: О.А. Белоброва, Л.А. Беляев, М.В. Бибиков, Р.Б. Бутова, К.А. Вах, Л.А. Герд, С.В. Гнутова, Р.К. Гультяев, В.М. Гуминский, священник Димитрий Сафонов, С.Ю. Житенёв, Д.В. Зубов, Е.И. Малето, Л.В. Мельникова, И.В. Моклецова, А.В. Назаренко, А.Н. Панин, М.В. Рождественская, И.Ю. Смирнова, Н.Д. Сухова, И.В. Фёдорова, Н.А. Хохлова, М.И. Чернышёва, М.И. Якушев и другие.

К сожалению, в научной деятельности ИППО до сих пор существует разобщённость — Совет МОО ИППО и московская Научная секция Общества практически не знают, какую работу проводят исследователи в региональных отделениях ИППО. А специалисты и исследователи региональных отделений, в свою очередь, имеют мало информации о научной деятельности, которая ведётся в Москве и Санкт-Петербурге. Поэтому координация при планировании и проведении научно-исследовательских работ и просветительской деятельности, которые ведут учёные, члены ИППО, становится необходимым условием восстановления научной деятельности Общества в Святой Земле. Также необходимо объединять усилия научных, общественных и государственных структур вне Общества, привлекать интеллектуальные, финансовые и материальные ресурсы в целях продолжения исследований в Святой Земле.

Научная секция Общества предполагает раз в год собирать учёных из региональных отделений ИППО и других научных центров для обмена информацией и координации научно-исследовательской деятельности.

В наших планах на ближайшую перспективу стоит большая работа по воссозданию Русского археологического института в Константинополе, работавшего под эгидой ИППО до 1917 г. Может быть, он будет восстановлен под другим названием и с иной научной программой. Также в наших планах создание в Святой Земле Русского исторического института на базе Сергиевского подворья в Иерусалиме. Научная секция ИППО считает, что это наша общая работа, в которой могут принять участие учёные из региональных отделений Общества. Российское научное присутствие в Библейском регионе и развитие Науки о Святой Земле является задачей государственной важности, поэтому Научная секция предполагает в ближайшее время внести предложения в Президиум РАН и Министерство образования и науки РФ о развитии научных исследований в этой сфере.

Научный потенциал ИППО в настоящее время остаётся достаточно высоким, но, к сожалению, невостребованным. Поэтому учёным, связавшим свою жизнь с исследованиями Библейского региона и ИППО, жизненно важно оказать поддержку, чтобы они смогли продолжать работу по развитию Науки о Святой Земле, истории нашего Общества, изучению культурного и духовного наследия Российской Федерации, стран Ближнего Востока и Средиземноморского региона.

¹ Сухова Н.Ю. Палестиноведение в Казанской духовной академии (1880–1910-е гг.) // Научная конференция «Богословие и светские науки — 2014» в Казанской духовной академии, декабрь 2014 г. <http://www.ippo.ru/ipporu/article/palestinovedenie-v-kazanskoj-duhovnoy-akademii-188-202736>

² Библейский регион, территории, включающие в свой состав страны, связанные с событиями, описанными в Священном Писании, прежде всего в Евангелии и деяниях святых апостолов.

³ Шевелёв Д.Л. Израилеведение и палестиноведение в современной России (к вопросу о дефинициях и состоянии отраслей). // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность («Oriens»). М., № 5. 2007. С. 216.

⁴ Шевелёв Д.Л. Там же. С. 216.

⁵ Святая Земля, места в Библейском регионе, связанные с евангельской историей и включающие исторические области, находящиеся ныне на территориях нескольких государств Ближнего Востока.

А.А. ДМИТРИЕВСКИЙ — СЕКРЕТАРЬ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА 1906–1917

А.Г. Грушевой

Общее количество биографических очерков об Алексее Афанасьевиче Дмитриевском в настоящий момент велико. Достаточно много писал о нём Н.Н. Лисовой, прежде всего, в своих вступительных статьях к собранным и изданным им в серии «Библиотека Русской Палестины» сборникам работ А.А. Дмитриевского¹, С.Ю. Акишин и Л.А. Герд являются авторами статьи, изданной в «Православной Энциклопедии»². С.Ю. Акишин снабдил также краткой статьёй электронное издание собрания сочинений Дмитриевского³. Общей, подробной истории его жизни и деятельности в настоящий момент не существует, хотя все основные события его жизни известны и периодизацию его жизни можно считать устоявшейся.

Однако многие акценты в настоящий момент не расставлены и многое в его деятельности с современной позиции не оценено, что и позволяет вновь снова сегодня говорить о наследии А.А. Дмитриевского и о его роли в истории русской науки. Основной научный период деятельности А.А. Дмитриевского связан с его преподаванием в Киевской Духовной академии (1884–1907 гг.).

За эти годы он объездил все основные библиотеки Ближнего Востока, хранящие древние рукописи. В итоге им были изданы три тома Описания Литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. (Два тома изданы не были вследствие краха Российской империи). Первый том издания был представлен в Казанскую духовную академию как докторская диссертация. А.А. Дмитриевского подготовил целую школу литургистов — специалистов по истории богослужения в России.⁵

В связи с характеристикой научных заслуг А.А. Дмитриевского, как ни странно никто не отмечает одного очень существенного фактора, касающегося архива А.А. Дмитриевского. Большое количество единиц хранения в этом архиве (РНБ ОР Ф. 253) занимают рукописи, переписанные

рукой главным образом самого ААД. Здесь хотелось бы напомнить, что при жизни А.А. Дмитриевского не было ни компьютеров, ни какой-либо множительной техники. Одного этого факта достаточно для того, чтобы понять — каким энтузиазмом надо было обладать для переписывания пером сотен страниц рукописного текста.

Во всех имеющихся в настоящий момент публикациях о жизни А.А. Дмитриевского период 1907–1917 рассматривается либо кратко и бегло, либо не рассматривается вовсе. Судя по всему, эти годы практически не интересовали тех, кто стремился увидеть в нем исследователя академического типа. Некоторые основания для такого подхода есть, ибо после 1907 года, А.А. Дмитриевского лишь изредка писал научные статьи, обращаясь к накопленным источникам. В эти годы основное время у него было занято административной работой

1) До 1917 года А.А. Дмитриевского — Секретарь Императорского Православного Палестинского общества, то есть являлся фактическим руководителем повседневной работы ИППО. Несколько лет после Октябрьской революции 1917 года А.А. Дмитриевский был проректором Астраханского университета (1919–1922).

2) Затем пять лет (1923–1928) А.А. Дмитриевский был профессором Высших богословских курсов, существовавших в те годы в Петрограде-Ленинграде.

В годы существования Российской империи, А.А. Дмитриевский на должности чиновника показал себя прекрасным администратором, способным решать весьма сложные задачи мирного и военного времени. Сохранился документ, показывающий каким образом администрации Императорского Православного Палестинского общества приходилось переправлять в годы войны деньги Православной духовной миссии и некоторым русским служащим, остававшимся в Палестине.

Начало деятельности А.А. Дмитриевского в ИППО приходится на период Первой русской революции 1905–1907 гг. В это время, вследствие общественных катаклизмов, положение ИППО заметно ухудшилось. Общество существовало прежде всего за счёт многочисленных пожертвований и кружечного сбора: сбора денег на нужды Общества во всех церквях. После революции заметно уменьшилось количество жертвователей как среди состоятельных, так и среди бедных, что незамедлительно привело к ухудшению финансового положения всех институтов Общества, в том числе — школ.

Обучение в школах было бесплатным, количество школ ИППО в Сирии и Палестине в начале XX в. достигало 102 и в общей сложности в них училось 11 тысяч детей арабов-христиан. Кризис с финансированием в какой-то момент был настолько серьёзным, что и в самом ИППО, и в Министерстве иностранных дел серьёзно обсуждался вопрос о закрытии русских школ в Сирии и Палестине.

Положение осложнялось также неумелым хозяйствованием в предыдущие годы и общим разладом в Обществе в связи с революционными событиями. В 1908–1909 годах шла интенсивная переписка между ИППО, МИДом и всеми заинтересованными сторонами для выработки решения, и в начале января 1910 года А.А. Дмитриевский отправился в командировку на Ближний Восток с предписанием проведения комплексной ревизии всех структур Общества на Ближнем Востоке.

В ревизии, помимо Дмитриевского, принимал участие главный бухгалтер ИППО, инспектора школ ИППО, а также профессиональные дипломаты — российские консулы, среди которых особо выделяется Н.В. Кохманский — своего рода особый представитель по урегулированию взаимоотношений государства и христианских церквей Востока.

Комплексная ревизия всех институтов ИППО на Ближнем Востоке была призвана решить, как пишет сам А.А. Дмитриевский, несколько взаимосвязанных задач:

- 1). Отчёты по командировке должны были стать основой общегосударственной политики на Ближнем Востоке в вопросах о школах и школьных программах Общества; о платности или бесплатности образования и в целом о судьбе школ, о судьбе Общества в целом, так как укреплению православия посредством образования среди арабов-христиан придавалось первостепенное значение в деятельности Общества.

2). Отчёты по командировке на Ближний Восток должны были также указать меры по улучшению обеспечения российских паломников. В начале XX-ого века по разным причинам, как объективным, так и субъективным, в этой сфере накопилось множество нерешённых проблем.

В той мере, в какой это было возможно в условиях того времени, проблемы быта паломников и школьной деятельности Общества были решены. По итогам ревизии первых месяцев 1910 года были написаны три отчёта, из которых в настоящий момент опубликовано два: Н.Н. Лисовым — отчет Дмитриевского по инспекции школ Общества и автором настоящих строк — отчёт сопровождавшего его Кохманского. Не опубликован в настоящий момент отчёт за подписью А.А. Дмитриевского и главного бухгалтера Общества о состоянии подворий ИППО в Иерусалиме, Хайфе и Назарете.

Первые два документа создают настоящую базу для исследования школ Общества ввиду того, что оба отчёта очень подробны и сообщают много ценной, хорошо систематизированной информации. В качестве отчёта документ за подписью А.А. Дмитриевского несколько хуже отчета Н.В. Кохманского, так как А.А. Дмитриевский был склонен к литературным украшениям и стилистической красивости. Н.В. Кохманский же писал несколько суше и несколько более по делу, без отвлечений на посторонние детали.

В данной аудитории хотелось бы особо подчеркнуть, что отчёты участников этой командировки остались недооцененными в качестве источников по истории ИППО и в целом по истории региона.

Особого внимания заслуживает отчёт о состоянии подворий. Документ завершается двумя подписями — А.А. Дмитриевского и старшего бухгалтера Канцелярии ИППО В.И. Бельнского. Последний, судя по всему, поверял подсчёты, каковых в документе много, а текст написал Алексей Афанасьевич. Документ недооценен по нескольким причинам. (Он хранится в ОР РНБ и АВ ИВ РАН). У документа нейтральное название, не вполне отражающее суть. Кроме того, от заглавия «Отчёт о состоянии подворий» невольно ждёшь под влиянием современных бюрократических отчётов скучнейшего изложения, но это впечатление обманывает.

В документе девять разделов, но, по сути, в нем рассматриваются только две проблемы: 1) Описывается хозяйство подворий ИППО и характеризуется их состояние; 2) Подробное описание всего того, с чем сталкивается российский паломник, оказавшись в Палестине.

Столь пристальное внимание именно хозяйству подворий было вызвано тем, что управляющий подворьями Н.Г. Михайлов жил на широкую ногу, тратил деньги на себя и семейство, не задумываясь о последствиях. Любовь Н.Г. Михайлова к современной на тот момент зарубежной технике вела к постоянной и значительной по объемам закупке западноевропейских технических усовершенствований и машин, но использовать её не было никакой возможности, так как на ней некому было работать. Кроме того, отличаясь авторитарным характером, Михайлов был в подворьях своего рода удельным князем, что делало внутреннюю атмосферу среди русских служащих тягостной.

Некоторые проблемы жизни паломников в Иерусалиме и в целом на подворьях Общества вызывают у А.А. Дмитриевского справедливое возмущение. Именно так он описывает своё впечатление о том, как он обнаружил в красивом здании одного из подворий в Иерусалиме грубо сколоченные многоэтажные деревянные нары для размещения паломников. При виде их А.А. Дмитриевский сразу подумал о том, что может произойти, если здесь вспыхнет пожар. По словам А.А. Дмитриевский, серьёзным недостатком этой конструкции была её многоярусность. Ввиду того, что чаще всего паломники питались сухарями и чаем, крошки от постояльца верхнего уровня неизбежно должны были сыпаться на постояльцев нижнего уровня.

Сегодня хотелось бы особо отметить ещё одну особенность этого документа. Пересказать сейчас содержание Отчёта не представляется возможным, ибо А.А. Дмитриевский описал все стадии паломнического путешествия — от погрузки в Одессе, до посадки в Яффе на корабль, плывущие обратно. Хорошие литературные способности самого А.А. Дмитриевского

делают этот текст очень ярким и запоминающимся. Поэтому здесь будут приведены лишь некоторые моменты из этого весьма важного документа.

Обращает на себя внимание неоднозначное отношение А.А. Дмитриевского к паломникам. Он составил и издал целую серию очерков о праздновании паломниками церковных праздников в Святой Земле, полных эмоционального подъема от возможности видеть соотечественников, празднующих в Святой Земле важнейшие христианские праздники. В отчете же А.А. Дмитриевский не без нотки снисходительности пишет о паломниках (в основном крестьянах) как о «наших простачках», изображает караваны паломников как большую и плохо организованную толпу, иногда агрессивную и склонную в Палестине не к самым благочестивым поступкам.

Автор подробно описывает паломнический маршрут от Иерусалима до Назарета, который прошёл сам вместе с одним из паломнических караванов. В этом описании обращают на себя внимание сложности передвижения по дорогам Палестины в плохую погоду, а также характеристика непростых взаимоотношений с греческими монастырями, которые были готовы принять русских паломников на ночлег, но особенно заботились о получении денег за услуги и вполне внятно намекали и даже требовали жертвовать на нужды монастыря.

На основе отчёта о состоянии подворий А.А. Дмитриевский и его коллеги из Совета Общества предложили вполне реальные и осуществимые меры по решению накопившихся проблем и в том, что касалось школ, и в том, что касалось паломников.

К периоду 1903–1917 относится также разработка идеи создания Русского Археологического Института в Иерусалиме. Впервые она была высказана Дмитриевским в работе 1903 года. Позже, активно отмежевываясь от Палестинского Общества, Е.П. Ковалевский превратил идею о Русском Институте в Иерусалиме в чисто академическую концепцию, которая получила одобрение в Академии Наук в самом начале 1917 года. Но, судя по всему, сто лет назад ученые мужи Российской империи очень плохо представляли, насколько государство близко к распаду. Никаких действий по реализации идеи о русском институте в Иерусалиме ни Палестинским Обществом, ни Академией наук уже не могло быть предпринято. Кажется, лишь сейчас появился шанс вернуться к этой идее. Остаётся напомнить, что первым заговорил о Русском Археологическом Институте в Иерусалиме именно А.А. Дмитриевский.

Приведённый материал позволяет сформулировать определённые выводы по заявленной теме.

А.А. Дмитриевский показал себя прекрасным администратором, справившись со всеми основными проблемами деятельности ИППО и предложив пути решения сложных проблем.

К этому же периоду относится написание важнейшего источника по истории паломничества — центральных разделов отчета о состоянии подворий в Иерусалиме, Хайфе и Назарете в 1910 году. Судя по всему, основная причина того, что документ не используется, заключается в том, что его не заметили, а нейтральное заглавие отчёта никак не дает возможности предполагать, что содержание документа может оказаться настолько значимым.

- ¹ Лисовой Н.Н. Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: четыре секретаря (М.П. Степанов — В.Н. Хитрово — А.П. Беляев — А.А. Дмитриевский) // Православный Палестинский сборник. Вып. 102. М., 2005. С. 6–35; *он же*. А. А. Дмитриевский и его труды по истории Русской Палестины // *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907 / Вступит. ст. и послесл. Н. Н. Лисового. М., СПб. 2008. С.5–72; *он же*. Люди Русской Палестины в изображении А. А. Дмитриевского // *Дмитриевский А. А.* Деятели Русской Палестины / Сост. и автор предисловия Н. Н. Лисовой. М., СПб. 2010. С. 5–18; *он же*. А. А. Дмитриевский и русская просветительская работа в Святой Земле // *Дмитриевский А. А.* Палестинское Общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчёты. М., СПб. 2014. С. 5–16; *он же*. Вечный праздник (о книге и её авторе) // *Дмитриевский А.А.* Праздники Святой Земли // Сост., вступит. ст. и науч. редакция Н. Н. Лисового. М. СПб. 2013. С.5–13.
- ² Герд Л.А. Акишин С. Ю. Дмитриевский А.А. 186–1929// ПЭ. Т. 15 М. 2007, С. 429–438.
- ³ Акишин С.Ю. Биография профессора А.А.Дмитриевского и характеристика его научной деятельности (специально для диска) // А.А. Дмитриевский (1856–1929). 259 электронных книг и статей. СПб., Аксион эстин, 2009.
- ⁴ Лисовой Н. Н. Люди русской Палестины
- ⁵ А.А. Дмитриевский занял должность Секретаря Императорского Православного Палестинского Общества по рекомендации Председателя ИППО великой княгини Елизаветы Фёдоровны — с 1906 г. в качестве исполняющего обязанности, с 1907 г. утвержден в должности. Подробно: *Лобовикова К.И.* А.А. Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Фёдоровна (несколько штрихов к биографии учёного) // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. Спб., 2004. С. 241–244.

Кружки для пожертвований на нужды ИППО из собрания ГМИР и кружечный сбор в Российской империи

Е.В. Денисова

Знакомясь с последними новостями о деятельности Императорского Православного Палестинского Общества, я обратила внимание на заметку о раритетной церковной кружке для жертвования на быт православных паломников в Палестине, которая была обнаружена в одном из храмов Максатихинского округа Тверской епархии. В такие жестяные кружки клали свои пожертвования на цели Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) крестьяне Тверской губернии. Действительный член Тверского отделения ИППО протоиерей Виталий Мартынюк торжественно передал эту кружку для изготовления точных копий сохранившегося раритета. Копии исторической кружки будут размещены в храмах Тверской епархии РПЦ по благословению архиепископа Тверского и Кашинского Виктора, для сбора средств на нужды Императорского Православного Палестинского Общества.¹

Если обратиться к истории вопроса о пожертвованиях, то кружечный сбор как вид массового сбора денег на благотворительные цели в России был введен Сенатским Указом от 20 апреля 1781 года «О мерах к доставлению пропитания нищим». При помощи кружечного сбора Приказы общественного призрения, губернские учреждения, созданные в 1775 году по велению императрицы Екатерины II, собирали средства для организации помощи бедным устройства больниц, школ, богаделен и сиротских домов. Указ, в частности, устанавливал: «Приказ общественного призрения, имея попечение о прокормлении неимущих, обязан учредить кружки для собирания в них подаваний, чинимых доброхотными дателями».² С конца XVIII века кружечные сборы стали устраивать частные лица, а с 1870-х годов — и благотворительные организации. И те, и другие действовали по согласованию с Министерством внутренних дел. В каждом случае обговаривалось место установки кружек, порядок изъятия, подсчета и регистрации собранных сумм. Кружки, как правило, были жестяными, имели крышку с замком

и прорезью для монет. Поначалу такие кружки (официально именуемые «общественными» или «сборными») обычно ставились при входе в храмы. В XIX веке, их также стали размещать в местах оживленной торговли, в гостиных дворах, а также в помещениях железнодорожных вокзалов, в государственных и общественных учреждениях. Как правило, кружки намертво крепились к каменной стене здания, а рядом, в пяти-шести шагах, обязательно находился охранник или полицейский, чтобы оградить их от воров. Во второй половине XIX века кружечные сборы стали в России повсеместными. Люди охотно участвовали в сборах, поскольку эта форма филантропии была доступна каждому, имела строгую отчетность и была прозрачна: о собранных суммах сообщали газеты.

О кружечных сборах для Императорского Православного Палестинского Общества пишет Н.Н.Лисовой: «Сбор средств на нужды русской Палестины проводился круглый год, кружки в храмах были выставлены постоянно, но главным был массовый всероссийский тарелочный сбор, установленный в 1886 году, проводившийся в Вербное воскресенье и потому получивший название «Вербного»». ³ В преддверии праздника Входа Господня в Иерусалим во все епархии Русской Православной церкви направлялось воззвание, начинавшееся словами из псалма: *Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя* (Пс. 136,5). Это воззвание обязательно публиковали и местные «Епархиальные ведомости». Из епархий документ направляли в благочиния, а оттуда рассылали по всем храмам. За неделю до «Вербного сбора» его вывешивали в храмах, и духовенство знакомило паству с целями этого мероприятия, призванного содействовать развитию российского паломничества в Святую Землю и поддержать православных жителей Палестины. В праздник Входа Господня в Иерусалим духовенство во время богослужения обходило прихожан, собирая их доброхотные пожертвования. О сумме собранных средств составлялся акт в присутствии священника, церковного старосты и нескольких именитых прихожан. Через местного благочинного деньги направляли в духовную консисторию, а оттуда в Совет Императорского Православного Палестинского Общества в Санкт-Петербурге, который распределял средства на нужды российского паломничества и социальных и просветительских проектов среди палестинских христиан. Ежегодно в губерниях Вербный сбор составлял по несколько тысяч рублей, и складывались они в основном из копеек и иногда гривенников, которые жертвовали крестьяне. Состоятельные же прихожане в городах жертвовали по несколько рублей. Также собирались средства по квитанционным книжкам. ⁴

Секретарь ИППО Василий Николаевич Хитрово, строго ведущий финансовую документацию организации, составил структуру доходов Общества: «В каждом рубле прихода: членских взносов — 13 коп., пожертвований (в том числе Вербный сбор) — 70 коп., проценты с ценных бумаг — 4 коп., от продажи изданий — 1 коп., от паломников — 12 коп.». Очевидно, русское дело в Палестине

по-прежнему осуществлялось, прежде всего, самоотверженной помощью простых верующих людей. Соответственно, структура расходов ИППО (в процентах, или, как любил говорить Хитрово, «в каждом рубле расхода») выглядела так: «на поддержание православия (т. е. на содержание русских школ в Сирии и Палестине.— Н. Л.) — 32 коп., на пособие паломникам (на содержание русских подворий в Иерусалиме, Иерихоне и др.— Н. Л.) — 35 коп., на ученые издания и исследования — 8 коп., на сбор пожертвований — 9 коп., на общие расходы — 16 коп.». Или, округленно, основные расходы Общества сводились «к 1 паломнику и 1 ученику: каждый паломник обошелся в 1899/1900 году в 16 р. 18 коп., за исключением полученных с каждого 3 р. 80 коп.— 12 р. 38 коп. Каждый ученик русских арабских школ — в 23 р. 21 коп.»⁵

Источником поступления также служили кружечные сборы в церквях и при кладбищах. Сооружались даже специальные часовни, где и выставлялись кружки. Активизировать сбор пожертвований в пользу Русской Палестины были призваны епархиальные отделы Палестинского Общества. В среднем каждый отдел приносил Обществу 1500–1700 руб. в год. Говоря объективно, это была неплохая добавка к другим статьям дохода ИППО. Так, например, ежегодный Вербный сбор давал от 50 до 70 тыс. руб.

Стоит отметить, что деятельность ИППО пользовалась особой благосклонностью со стороны российских императоров, которые также делали пожертвования, а 14 представителей дома Романовых (по спискам 1901г.) являлись почетными членами Общества. 21 мая 1907 года в Петербурге и Иерусалиме торжественно праздновали 25-летний юбилей ИППО. Государь почтил Председателя Общества Великую Княгиню Елизавету Федоровну рескриптом, в котором был подведен впечатляющий итог четверти века работы.

Кружки для сбора пожертвований на нужды русской Палестины, из коллекции нашего музея, разительно отличаются от общеизвестных. В фонде «Православие. Декоративно-прикладное искусство» хранятся две кружки. Одна выставлена в экспозиции «История русского Православия», в разделе «Паломничество в Святую Землю». В учетной документации музея зафиксировано следующее: «Выполнена в форме креста, на обороте дверца с замком, наверху выступ с отверстием для монет. В центре — < знак Палестинского Общества:> овальный щит, на белом фоне которого хризма — монограмма Христа, состоящая из двух скрещенных начальных букв его имени. По обе стороны хризмы буквы — А (альфа) и (омега). В основе употребления этих букв — текст Апокалипсиса: «Аз есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр.1:8; см. также Откр.22:13). Надпись по овалу щита: «НЕ УМОЛКНУ РАДИ СИОНА И РАДИ ИЕРУСАЛИМА НЕ УСПОКОЮСЬ» (Ис. 62:1). Металл, краска, золочение. 15,8x19,1x5,4 см». Хранящиеся кружки выполнены в виде знака членов ИППО.

Знаки для членов Православного Палестинского Общества были установлены еще при его создании в 1882 году: для почетных членов — золо-

той, для действительных членов — серебряный, для членов-сотрудников — бронзовый. На знаке изображена монограмма Иисуса Христа, первая и последняя буквы греческого алфавита — альфа и омега, и написана цитата из Ветхого завета: «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь» (Книга Исаии, 62.1) Этот стих из Исаии секретарь ИППО В.Н. Хитрово сам выбрал когда-то в качестве девиза Палестинского Общества.

Источники поступления этих музейных предметов различны: один предмет поступил из закрытого Центрального антирелигиозного музея, второй — из Феодоровского Государева собора.

Собор строился в течение 3-х лет, по поручению императора Николая II, как церковь для Собственных Его Величества Конвоя и Сводного пехотного полка. Освящение собора состоялось 20 августа 1912 года протопресвитером военного и морского духовенства Георгием Шавельским (1871–1951), а 26 января 1914 года храм был переименован в Феодоровский Государев собор — в честь древнего списка Феодоровской иконы Божией Матери был освящен его главный престол. Феодоровский Государев собор считался полковым храмом Сводного пехотного полка и Собственного его императорского величества конвоя, а также был «приходом семьи императора». Во время пребывания в Царском Селе семья императора посещала храм в праздничные и воскресные дни.⁶ В пещерном храме император молился в дни говения. Простые миряне допускались в собор по пригласительным билетам, которые могли получить только у дворцового коменданта. Император посещал службы в соборе довольно часто. Как правило, в таких случаях соблюдался этикет: на боковом подъезде императора с семьёй встречал ктитор — полковник Д.Н.Ломан, а у входа — дворцовый комендант. Далее императорская семья входила через боковую дверь на правый клирос; дворцовый комендант следовал за ними и занимал место около клироса, впереди команд казаков и нижних чинов, стоявших во всю ширину собора. Иногда императрица проходила в отдельную молельню, отделенную от алтаря аркой. Николай II и члены его семьи традиционно присутствовали в Феодоровском соборе перед важными делами. В 1917 году собор стал приходским храмом, в 1922 году произошло самое крупное изъятие имущества. Официально собор был закрыт решением ВЦИК 27 декабря 1933 года.⁷

Н.Н.Лисовой констатировал, что «церковные денежные сборы, проводившиеся в России в пользу Палестинского Общества, имели немалое число конкурентов».⁸ Он приводит таблицу тех сборов, кружки для которых в храмах стояли круглый год. Можно предположить, что необычная форма кружек, хранящихся в фондах нашего музея, должна была привлекать внимание прихожан. Возможно сделать другое предположение: заказанные небольшим тиражом подобные кружки выставлялись в храмах, которые посещали представители дома Романовых и высшая знать, являвшиеся членами ИППО. Наконец, имеет право на существование и версия о заказе

необычных кружек к 25-летию юбилею Императорского Православного Палестинского Общества. Все эти версии требуют дальнейшей работы.

Несомненно, одно — именно собранные таким образом деньги помогали простому православному люду Российской империи совершать паломничество в Святую Землю, что становилось одним из важнейших моментов в их жизни.

Об этом написал в своих воспоминаниях известный ливанский писатель Михаил Нуайме (1889–1988), учившийся в Назаретской учительской семинарии ИППО: «Мы видели, как толпы их шли пешком в Назарет — сотни и тысячи, юноши и старики, бородатые и безбородые, мужчины и женщины; в основном это были крестьяне. Нам было интересно разглядывать их странные костюмы и ветхую одежду. У каждого на плече или за спиной висел жестяной чайник, в руках длинные палки, на которые они опирались при ходьбе. Интересно было слушать, как они рассказывали о своих впечатлениях <...>. Мне нравились в этих паломниках крайняя наивность, отражавшаяся на их лицах, и богобоязненность, сквозившая во всех их движениях. Они были большими детьми. Тому, кто смотрит на них, трудно поверить, что страна, которая породила их, породила гениев, имена которых повторяют во всем мире. Но, может быть, она не породила бы этих гениев, если бы не породила этого народа. < > Не знаю почему, мое сердце сжималось всякий раз, когда я воображал себе этих паломников в их далекой стране, как они работают, терпят лишения, отказывая себе в еде, питье, одежде, чтобы годами копить деньги для посещения Святой Земли. Какое волшебство поднимало миллионы людей в различных городах — особенно бедняков, заставляло их покидать свою родину и подвергать себя различным тяготам путешествия, и все это не ради земной наживы, а для приобретения богатства небесного?»⁹

¹ http://nicolor.org/russia/ippo/9/20_07_2010/

² <http://www.rusfond.ru/encyclopedia/2872>

³ Н.Н.Лисовой «Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на ближнем Востоке в XIX начале XXвека. М. «Индрика»,2006,С.171

⁴ Цысь В.В., Цысь О.П. Финансовые основы функционирования западно-сибирских отделов Императорского Православного Палестинского общества в конце XIX — начале XX в // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 0 (65). С. 112–124.

⁵ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на ближнем Востоке в XIX начале XXвека. М. «Индрика»,2006,С.176.

⁶ <http://anashina.com/fedorovskij-sobor-v-fedorovskom-gorodke-carskogo-sela/>

⁷ Мещерский М.Ю. Храмы Царского села, Павловска и их ближайших окрестностей. СПб,2007 С.63.

⁸ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на ближнем Востоке в XIX начале XXвека. М. «Индрика»,2006,С.181.

⁹ Нуайме М. Мои семьдесят лет / Пер. с арабского С.М. Бациевой. М., 1980.

ЗНАЧЕНИЕ И ИСТОРИЯ ВИЗИТА АНТИОХИЙСКОГО ПАТРИАРХА ГРИГОРИЯ IV В РОССИЮ В 1913 г.

Д. А. Карпук

В 1913 г., впервые за 250 лет, Россию посетил один из предстоятелей восточных православных церквей — патриарх Антиохии и всего Востока Григорий IV (Хаддад). Официальная цель визита заключалась в участии в торжествах, посвященных 300-летию Дома Романовых, чтобы «лично принести Государю Императору приветствие от Антиохийской церкви и вместе с сим выразить признательность этой церкви Царствующему Дому за оказываемое ей высокое и мощное покровительство»¹.

Первая информация об этом приезде в виде секретных телеграмм посла в Константинополе М. Н. Гирса и консула в Дамаске князя Б. Н. Шаховского поступила только в конце 1912 г. — 25 декабря. Учитывая, что времени до юбилейных празднеств оставалось немного, а патриарху еще надо было получить разрешение на поездку султана, в январе 1913 г. завязалась активная межведомственная переписка на предмет согласования всех деталей визита. Император свое согласие на визит высокого гостя дал 17 января².

Патриарх прибыл в Россию во второй половине февраля. В состав его свиты входили 14 человек. Среди них можно выделить архиепископа Триполийского Александра (Таххана), выпускника греческой богословской школы на о. Халки и обучавшегося с 1897 по 1900 гг. в Киевской духовной академии, впоследствии патриарха Антиохийского. Патриарха сопровождала в Россию его сестра Сусанна Хаддад. Позже к ним присоединилось еще 4 человека: из Москвы — настоятель Антиохийского подворья архимандрит Антоний и студент Московского университета Абдо Жазира-Снеж, из Киева — студенты Киевской духовной академии священник Афанасий и Гавриил Хабиб, племянники патриарха³.

Предстоятеля Антиохийской церкви в столице на Варшавском вокзале 20 февраля встречали первенствующий член Св. Синода митрополит

С.-Петербургский Владимир (Богоявленский) с сонмом духовенства и обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер с главами различных синодальных учреждений. Патриарху «были отведены покои в роскошном обер-прокурорском доме. Петербургские арабы, различные мелкие торговцы и ремесленники — простые люди, в большом числе посещали патриарха, довольно шумно держали себя, часто оставались обедать и вносили в обер-прокурорский дом утомительную суету»⁴.

Визит высокого гостя «из недр Азии»⁵, как патриарх сам себя однажды назвал, активно освещался на страницах церковной и светской периодической печати. Насколько повышенным было внимание можно судить по тому, насколько подробно корреспонденты даже церковных изданий описывали не только богослужения, но и праздничные обеды и трапезы. Так, в официальном печатном органе Св. Синода «Церковных ведомостях» при описании праздничных приемов митрополита Владимира и обер-прокурора Саблера, которые состоялись 22 и 23 февраля, дословно приводились не только приветственные слова, но также тосты и застольные речи. Указывались не только имена высокопоставленных гостей, но и по какую сторону, в какой очередности они сидели рядом с Патриархом. Особое внимание уделялось меню: «Стол был рыбный. После разных закусок подавались блины с свежую икрою. Затем — подана была разварная стерлядь, уха, спаржа, жаркое из осетрины с свежими огурцами и сладкое. Стол был уставлен бутылками разных фруктовых вод и графинами квасу. Крепких напитков, вина и шампанского за столом не было»⁶. Для участия в торжествах прибыл еще один высокий гость — митрополит Сербский Димитрий (Павлович)⁷.

Патриарху Григорию IV во время праздничных торжеств было отведено одно из самых почетных мест. Именно он встречал императора и императрицу и возглавлял службу в Казанском соборе в самый день празднования юбилея 21 февраля. 23 февраля Патриарх посетил министра иностранных дел С. Д. Сазонова, председателя Государственной Думы М. В. Родзянко, членов Св. Синода⁸. Григорий везде заявлял о своей любви к России. Более того, однажды он уверенно высказался о том, что в XX в. наступит очередь для торжества славянских православных народов с первенствующей ролью православной России: «В эту высокую миссию православной России непоколебимо верует Восток и славянский и греко-русский, и всякий православный на Востоке горячо любит Россию, как свою великодушную покровительницу»⁹.

По окончании торжеств митрополит Димитрий вернулся в Сербию, а патриарх Антиохийский остался в Петербурге. 28 марта в газете «Колокол» было дано разъяснение: «На запрос, сколько еще времени пробудет Патриарх, сообщаем, что отъезд Патриарха зависит от того, насколько

успешны будут хлопоты пособия Антиохийскому Патриарху на уплату долгов, получившихся от постройки Белемендской семинарии, которая является единственным духовным учебным заведением для всего Антиохийского патриархата»¹⁰. К этому следует добавить, что в течение 1913 г. на страницах «Сообщений Императорского Православного Палестинского общества» печаталась в нескольких номерах статья известного знатока Востока профессора Петербургской Духовной Академии И. И. Соколова «Антиохийская церковь. Очерк современного ее состояния», в которой говорилось о бедственном положении древней Церкви и о необходимости помочь ей материально¹¹.

27 марта 1913 г. Патриархом была подана докладная записка на имя Императора Николая II «О современном состоянии и нуждах Антиохийского Патриархата». Патриарх ходатайствовал о предоставлении единовременного пособия в 140 000 руб. а также ежегодной субсидии в 49 300 руб. (сверх ежегодной «Высочайшей милости» в 30 тыс.руб.). «Великий Государь, Ты один можешь оказать мне помощь, — заканчивал Патриарх свою записку. — К Тебе обращены взоры всего моего народа, как к единственному Столпу Церкви и Покровителю всех православных»¹². Однако выделение крупной суммы из государственной казны должно было быть санкционировано Государственной Думой, поэтому Патриарх и оставался в России — ждать скорейшего разрешения своего вопроса. Он даже посетил Государственную Думу, где выступил с проникновенным словом, что, впрочем, делу не помогло.

Пока вопрос решался, Патриарх посещал различные церковные и светские учреждения, совершал богослужения в монастырях, соборах и храмах Санкт-Петербурга. Так, например, патриарх совершил богослужения в Исаакиевском, Лаврском Свято-Троицком, Петропавловском, Казанском соборах, Новодевичьем и Иоанновском монастырях¹³. Святитель нанес визиты матери-императрице Марии Феодоровне, губернатору и градоначальнику Санкт-Петербурга, министру народного просвещения Л. А. Кассо¹⁴. Кроме того, предстоятель Антиохийской Церкви посетил Сиротский институт императора Николая I, Свято-Владимирскую женскую церковно-учительную школу, где совершил литию об упокоении основателя школы бывшего обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, Общество религиозно-нравственного просвещения, Императорскую Публичную библиотеку, редакцию «Церковных ведомостей», Мариинскую больницу, Синодальную типографию, Александро-Невское общество трезвости и др.¹⁵

Неоднозначную реакцию в обществе вызвало служение патриарха Григория в Никольской единоверческой церкви. И это несмотря на то, что сам настоятель храма священник Симеон Шлеев (впоследствии епископ Симон, священномученик) восторженно отзывался об этом богослужении. Дело в

том, что патриарх во время службы «двуперстно молился, двуперстно одной рукой благословлял», а в конце литургии «говорил проповедь по старому обычаю не с амвона, а посередине церкви, сидя на кафедре»¹⁶. Как известно, Большой Московский собор 1666–1667 г. во главе с патриархами Александрийским Паисием и Антиохийским Макарием наложил клятвы на старые обряды, находя их не православными, однако теперь один из преемников Антиохийского патриарха сам «двуперстно молился и благословлял! Его блаженство своим служением у единоверцев сделал то, чего не могут сделать целые тома сочинений. Своим служением он признал равночестность старого и нового обряда»¹⁷. По мнению же старообрядцев, если патриарх крестился двумя перстами, то согласно решению, принятому на соборе 1667 г. и не отмененному на тот момент времени (отмена клятв состоялась на Поместном соборе только в 1971 г.), то он автоматически подпадал под клятву, которую наложил его же предшественник: «Если проклятия восточных патриархов законны, то они обязательны и для патриарха Григория. Преступая их, он подпадает под анафему своих восточных предшественников. Служение его не есть спасение, а самоосуждение»¹⁸.

Во время своих визитов патриарх часто оставлял записи в книгах для почетных посетителей. Церковная печать потом дословно воспроизводила эти записи. Зачастую там не было ничего примечательного, что могло бы поразить искушенного читателя. Патриарх всегда писал достаточно просто. Впрочем, это относится и к его речам и проповедям, что неоднократно подчеркивали, ставя, конечно, это в заслугу Патриарху, журналисты и авторы разного рода заметок. Однако иногда Патриарх поражал своих слушателей весьма смелыми сравнениями и аллегориями. Например, во время визита в Петербургскую Духовную Академию Патриарх, чтобы подчеркнуть ее значение, сказал, обращаясь к профессорам и студентам следующее: «Если бы вашу академию перевести из Петербурга в Дамаск, то у жителей этого города ослепли бы глаза от блеска этой школы»¹⁹. Уже через несколько дней после посещения академии²⁰ он был избран ее почетным членом во внимание к «высокой религиозно-просветительной деятельности и выдающимся архиерейским трудам в пользу святой Церкви»²¹. При вручении диплома делегация профессоров особо подчеркивала, что патриарх Григорий является первым почетным членом именно Императорской академии²².

В Петербурге патриарх Григорий установил дружеские отношения с архиепископом Волынским Антонием (Храповицким). Именно этим объясняется тот факт, что из столицы предстоятель Восточной Церкви отправился в Почаевскую лавру. Владыка Антоний прибыл в Петербург еще к началу праздничных торжеств, т.к. сопровождал Почаевскую икону Божией Матери, специально доставленную в столицу для поклонения на период празднования 300-летнего юбилея²³.

При отъезде из Петербурга патриарх Григорий поблагодарил В. К. Саблера за гостеприимство и за организацию своей поездки следующими словами: «Вы были для меня вторым Моисеем в моем более безвыходном положении, чем израильтяне в пустыне, — в каком я, пришелец из недр Азии, оказался бы без ваших забот в столице великой России. Но вы больше для меня сделали, чем первый Моисей для израильтян. Тот не довел их до земли обетованной, а вы довели меня, доказано нынешним днем (выездом в Царское)»²⁴. Действительно, патриарх лично несколько раз встречался с царем Николаем II²⁵, был награжден орденом святого благоверного князя Александра Невского²⁶.

В Почаевской лавре Патриарх Григорий принял участие в хиротонии епископа Кременецкого Дионисия (Валединского), впоследствии глава Польской Православной Церкви, а тогда викария Волынской епархии²⁷. После этого по приглашению архиепископа Арсения (Стадницкого) Патриарх посетил Новгородскую епархию²⁸. В Новгороде Патриарх 27 и 28 апреля также принял участие в хиротонии викария Новгородской епархии епископа Алексия (Симанского), впоследствии патриарха Московского и всея Руси Алексия I²⁹. Для чествования Патриарха в Новгород прибыл обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер. Божественную литургию 28 апреля в Софийском соборе совершали с патриархом Григорием IV пять русских архиереев, двенадцать архимандритов, протоиереев и иереев. Архиерейская молитва Призри с небесе Боже возглашалась трижды: по-арабски, по-гречески и по-славянски³⁰. 1 мая патриарх Григорий прибыл в Москву для участия в прославлении святителя Гермогена³¹. Здесь предстоятель посетил Кремль, храм Христа Спасителя, Марфо-Мариинскую обитель³², Московскую духовную академию³³. Патриарх Григорий был избран почетным членом Московской Духовной Академии «во внимание к высокой религиозно-просветительной деятельности и выдающимся архипастырским трудам на пользу Церкви»³⁴. 14 мая Патриарх отбыл в Киев, где посетил древние обители и соборы³⁵. После этого высокий гость вернулся к себе в Дамаск.

Во время посещений тех или иных учреждений патриарху вручались памятные подарки и денежные суммы в качестве пожертвований на нужды церкви. Решением Св. Синода было принято решение пожертвовать Антиохийской церкви по просьбе ее предстоятеля 50–60 пудов мира³⁶. Во время посещения синодальной типографии высокому гостю подарили по экземпляру всех изданий³⁷.

Как писал впоследствии консул в Дамаске князь Шаховской, некоторые «митрополиты были очень недовольны патриархом, что он ничего не привез им из России и не выхлопотал им орденов»³⁸. Более того, в конце августа — в начале сентября 1913 г. возникла реальная угроза смещения патриарха Григория. И только благодаря непосредственному вмешатель-

ству русского консула удалось избежать «церковной революции» в Дамаске. По настоянию князя Шаховского к началу 1914 г. Антиохийскому патриархату было выделено 30 тыс. руб.³⁹ К слову сказать, согласно официальным данным Св. Синод из своих специальных средств израсходовал на прием Антиохийского патриарха 19.005 руб. 26 коп.⁴⁰ Также Св. Синод постановил выделять ежегодно по 2 000 руб. на открытие и содержание в Диарбекирской, Хауранской, Тиро-Сидонской и Алеппской епархиях школ⁴¹. Таким образом, Патриарху удалось использовать свой визит для частичного улучшения материального положения своей Церкви.

Что касается России, в связи с приездом Антиохийского патриарха многие ожидали, что в год 300-летия Дома Романовых царь решится восстановить патриаршество. Церковная периодическая печать была переполнена подобного рода статьями, отражавшими чаяния и надежды⁴². Отрицательный исход дела разочаровал очень многих⁴³. Патриаршество было вскоре восстановлено, но уже после свержения династии Романовых.

- ¹ Ожидаемое прибытие в Россию патриарха Антиохийского Григория // Прибавления к Церковным ведомостям (далее — ПЦВ). 1913. № 4. С. 199–200.
- ² РГИА. Ф. 797. Оп. 83. 2 отд. 3 ст. Д. 46. Л. 2–3, 7.
- ³ Там же. Л. 30; Антиохийский патриарх Григорий IV // Странник. 1913. Ч. 1. Февраль. С. 300.
- ⁴ Никон (Рклицкий), архиеп. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время (1863–1936). Книга первая. Нижний Новгород, 2003. С. 677.
- ⁵ Э. Я. К пребыванию патриарха. Патриаршие прощальные слова // Колокол. 1913. № 2099. 20 апреля.
- ⁶ Прибытие и пребывание в С.-Петербурге блаженнейшего патриарха Антиохийского Григория IV // ПЦВ. 1913. № 9. С. 407. См. также: Трапеза в честь патриарха // Колокол. 1913. № 2063. 5 марта.
- ⁷ К 300-летию царствования Дома Романовых // Церковный вестник (далее — ЦВ). 1913. № 6. Стлб. 173–174.
- ⁸ Торжественное празднование в С.-Петербурге 300-летия Дома Романовых // ПЦВ. 1913. № 9. С. 389–391.
- ⁹ Прибытие и пребывание в С.-Петербурге... С. 409.
- ¹⁰ К отъезду патриарха // Колокол. 1913. № 2082. 28 марта. С. 4.
- ¹¹ Соколов И. И. Антиохийская Церковь. Очерк современного ее состояния // Сообщения ИППО. 1913. Т. XXIV. Вып. 2. С. 145–184; Вып. 3. С. 305–332; Вып. 4. С. 442–469.
- ¹² Полный текст доклада: АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 517. Л. 79–82об. Цит. по Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М. 2006.
- ¹³ Торжество Православия // ПЦВ. 1913. № 10. С. 446–447; Торжество православия // Колокол. 1913. № 2063. 5 марта; В Александро-Невской Лавре // Колокол. 1913.

- № 2081. 27 марта; Посещение патриархом Иоанновского монастыря // Колокол. 1913. № 2062. 3 марта.
- ¹⁴ Высочайшая аудиенция // Колокол. 1913. № 2074. 17 марта; Патриарх в Свято-Владимирской церковно-учительской школе // Колокол. 1913. № 2061. 2 марта.
- ¹⁵ Служение блаженнейшего патриарха Григория в Сиротском институте // Колокол. 1913. № 2063. 5 марта; Посещение патриархом Антиохийским Григорием IV Свято-Владимирской женской церковно-учительской школы // ПЦВ. 1913. № 10. С. 448; Ф. О. Патриарх Григорий у трезвенников // ПЦВ. 1913. № 12. С. 547–549; Патриарх в Публичной библиотеке // Колокол. 1913. № 2081. 27 марта; К портрету патриарха Антиохийского // ПЦВ. 1913. № 12. С. 554–556; Посещение патриархом Антиохийским Григорием IV С.-Петербургской Марининской больницы // ПЦВ. 1913. № 13. С. 619–620; Посещение патриархом Антиохийским Григорием IV Синодальной типографии и Иоанно-Предтеченского братства трезвости // ПЦВ. 1913. № 14. С. 678–680.
- ¹⁶ Шлеев С., свящ. Служение Антиохийского патриарха Григория IV в единоверческой церкви и значение его // Колокол. 1913. № 2071. 14 марта.
- ¹⁷ Шлеев С., свящ. Служение Антиохийского патриарха Григория IV в единоверческой, что на Николаевской ул. г. СПб., церкви и значение его // ПЦВ. 1913. № 11. С. 502.
- ¹⁸ Фита. Демонстрируемый патриарх // Церковь. 1913. № 20. С. 484.
- ¹⁹ Н. Посещение Спб. дух. академии патр. Антиохийским Григорием IV // Колокол. 1913. № 2060. 1 марта.
- ²⁰ Б. К. Посещение Императорской Спб. Духовной Академии Блаженнейшим патриархом Антиохийским Григорием IV // ЦВ. 1913. № 10. Стлб. 308.
- ²¹ С.-Петербургская академия // ЦВ. 1913. № 13. Стлб. 401–402.
- ²² Дело в том, что императорскими стали все четыре русские духовные академии как раз в дни празднования 300-летия Дома Романовых согласно указу императора Николая II. См.: Высочайшая аудиенция Преосвященным Ректорам Православных Духовных Академий // ЦВ. 1913. № 13. Стлб. 385–386.
- ²³ РГИА. Ф. 797. Оп. 83. II отд. 3 ст. Д. 125. Л. 1–6.
- ²⁴ Э. Я. К пребыванию патриарха. Патриаршие прощальные слова // Колокол. 1913. № 2099. 20 апреля.
- ²⁵ Высочайший прием патриарха Антиохийского // Колокол. 1913. № 2066. 8 марта; Высочайший прием в Царском Селе блаженнейшего патриарха Антиохийского Григория IV // ПЦВ. 1913. № 11. С. 506–507; Э. Я. Проводы блаженнейшего патриарха Григория IV // Колокол. 1913. № 2097. 18 апреля.
- ²⁶ Высочайшие награды // Колокол. 1913. № 2067. 9 марта.
- ²⁷ Наречение и хиротония архимандрита Дионисия во епископа Кременецкого // ПЦВ. 1913. № 20. С. 917; Алексей, иером. Патриарх в Почаеве // Колокол. 1913. № 2101. 23 апреля;
- ²⁸ К пребыванию патриарха Антиохийского в Новгороде // Колокол. 1913. № 2111. 4 мая.
- ²⁹ Наречение и хиротония архимандрита Алексия во епископа Тихвинского // ПЦВ. 1913. № 18–19. С. 821; Наречение и хиротония // Колокол. 1913. № 2105. 27 апреля.

- ³⁰ Казем-Бек А.Л. Жизнеописание святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I // Б.Т. Юбилейный сборник. К 120-летию со дня рождения Святейшего Патриарха Алексия I. К 80-летию восстановления Патриаршества. М., 1998. С. 62.
- ³¹ Дни светлого торжества в Москве // ПЦВ. 1913. № 21. С. 961–974; № 22. С. 1055–1057.
- ³² К пребыванию патриарха в Москве // Колокол. 1913. № 2111. 4 мая; № 2112. 5 мая; № 2113. 7 мая.
- ³³ И. Л. Патриарх Антиохийский в Московской духовной академии (Письмо студента) // Колокол. 1913. № 2125. 22 мая.
- ³⁴ Избрание патриарха Григория в почетные члены Императорской Московской духовной академии. Хроника // ПЦВ. 1913. № 27. С. 1287.
- ³⁵ Отбытие патриарха из Москвы в Киев // Колокол. 1913. № 2119; Пребывание в Киеве патриарха Антиохийского Григория IV // ПЦВ. 1913. № 23. С. 1094–1096.
- ³⁶ Отпуск мира для Антиохийской патриархии // ПЦВ. 1913. № 12. С. 556.
- ³⁷ К пребыванию патриарха // Колокол. 1913. № 2088. 4 апреля.
- ³⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 197. 6 отд. 1 ст. Д. 16. Л. 64об.
- ³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 199. 6 отд. 1 ст. Д. 4. Л. 1–3.
- ⁴⁰ Церковные вести // Церковный вестник. 1913. № 40. Стлб. 1245.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 83. 2 отд. 3 ст. Д. 46. Л. 47–47 об.
- ⁴² Приезд Антиохийского патриарха Григория IV в Россию // ЦВ. 1913. № 9. Стлб. 267.
- ⁴³ Русская церковная жизнь в 1913 г. // ЦВ. 1914. № 1. Стлб. 10–11.

ПОИСКИ КНИГ БИБЛИОТЕКИ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Е.Н. Мещерская

В статье будут представлены результаты работы, проделанной М. М. Елизаровой (1938- 1978) и мною в 1976 г. М. М. Елизарова в это время была м.н.с. Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и на общественных началах выполняла обязанности ответственного секретаря редколлегии издания «Палестинский сборник», которое выпускалось тогда в г. Ленинграде. Я также являлась м.н.с. того же Института и ученым секретарем Ленинградского отделения Российского Палестинского общества. Нами были сверены инвентарные данные БАН СССР, ее филиалов и МИРА (Музея истории религии и атеизма) с печатным каталогом библиотеки ИППО. Уже после наших совместных разысканий, в основном, в последние годы появился ряд статей, посвященных библиотечному фонду ИППО и его перемещениям. Первая из этого ряда — статья С. Е. Клещука была опубликована в 1992 г.¹ хотя была написана за 10 лет до этого. Ее автор имел подробную беседу со мной об истории библиотеки ИППО и читал документ, подготовленный нами по результатам проверки, однако нигде в статье об этом не упомянул, тем самым показал, что руководство РПО не беспокоилось о судьбе своей библиотеки и бездействовало по этому вопросу. Статью он принес мне для публикации в Палестинском сборнике, но вскоре забрал по каким-то причинам и напечатал только в 1992 г. В его публикации на архивных материалах освещается период, когда происходило перемещение библиотеки из Государственной Академии истории материальной культуры сначала в Институт востоковедения, а затем в Музей истории религии в г. Ленинграде. В период с 2013 по 2015 гг. вышел ряд статей сотрудников различных научных учреждений Санкт-Петербурга, посвященных истории библиотеки ИППО.²

Одними из главных задач ИППО с момента его создания в 1882 г. были научное изучение сиро-палестинского региона и его древностей и

просветительская работа. В число членов общества уже в дореволюционной России входила большая группа ученых, известных своими трудами в разных областях знания. Кажется, то одному из них академику Павлу Константиновичу Коковцову (1861–1942) принадлежит введение в научный оборот термина «палестиноведение», дисциплины, предусматривающей всестороннее изучение региона, священного для трех религий. Хотя сам П.К. Коковцов ратовал прежде всего за источниковедческое и археологическое исследование Палестины, его соученик по 1-й петербургской гимназии и друг на всю жизнь академик Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) уже в 1917 г., когда встал вопрос о выведении научной работы по палестиноведению за рамки ИППО и создании Палестинского комитета при АН, настаивал на комплексном естественно-научном и этно-культурном изучении региона.³

Первым классическим палестиноведом следует, конечно, признать основателя ИППО и его многолетнего секретаря Василия Николаевича Хитрово (1834–1903), который не только сформулировал для общества задачу всестороннего изучения Палестины и ближневосточного региона, но и сам включился в эту работу. Он начал с того, что составил библиографический указатель научных работ и источников по изучению Палестины, с сожалением отметив, что может представить в нем только «до 200 русских наименований».⁴ Развернувшаяся впоследствии активная издательская деятельность ИППО была призвана заполнить этот пробел. В дальнейшем при написании своих научно-просветительских трудов В. Н. Хитрово пользовался помощью известного библиографа того времени Владимира Измайловича Межова (1830–1894, автор справочника «Русская историческая библиография»), книгами из собрания своего товарища по учебе в Александровском лицее и коллеги по работе в Министерстве финансов Дмитрия Фомича Кобеко (1837–1918, член ИППО) и коллекцией книг и других материалов начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида (Кавелина), (1822–1891).⁵ Вскоре В. Н. Хитрово пришел к необходимости формирования собственной коллекции книг и документов по палестиноведению. Он собирал все, не только книг, но и брошюры, газетные вырезки, весь документальный материал, посвященный интересующему его вопросу. Так, в конце XIX — нач. XX вв. было положено начало книжному собранию, составившему затем ядро библиотеки ИППО. Алексей Афанасьевич Дмитриевский, ставший секретарем ИППО в 1912 г., в докладе, посвященном 25-летию общества в 1907 г., рассказал о судьбе библиотеки В. Н. Хитрово. Еще до своей кончины в 1903 г. В.Н.Хитрово выразил желание, чтобы его собрание не было распылено и перешло к ИППО. Оно было оценено в 10 000 рублей, ИППО выплатило В.Н.Хитрово 3000 рублей, а от остальной суммы он отказался.⁶ После смерти В. Н. Хитрово, его библиотека продолжала пополняться, но при

этом стали учитываться интересы научного сообщества, сплотившегося вокруг ИППО, и подборка литературы вышла за рамки палестиноведения, включив публикации по истории христианства, богословию и т.д. Так, постепенно библиотека ИППО стала одной из самых полных специализированных библиотек России. В 1907 г. к юбилею Общества был выпущен 2-х томный каталог библиотеки, насчитывающий около 10 тысяч наименований.⁷ Впоследствии было напечатано дополнение к нему (1913 г.), куда были включены поступления за 1908–1912 гг.⁸ Согласно 3-м выпускам Каталога библиотека насчитывала около 20 000 тысяч единиц хранения русских и иностранных изданий, представляющих собой тематически подобранное собрание по палестиноведению и смежным дисциплинам. Книжный фонд расширялся также за счет успешной издательской деятельности ИППО — «Православного Палестинского сборника», «Сообщений ИППО» и «Приложений» к ним, изданий научных результатов работ ученых-членов ИППО, проводимых на средства общества. Этой работой успешно занимались издательство и типография известного литератора и издателя Владимира Федоровича Киршбаума, которые находились при Министерстве финансов на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге.⁹

Поскольку долгое время ИППО располагало только представительским помещением на Вознесенском пр. 36, в котором не было возможности разместить книги и другие коллекции, то книжное собрание В.Н. Хитрово оставалось какое-то время у его наследников. После того, как в 1915 г. на 2-ой Рождественской ул. был возведен храм ИППО во имя св. Николая Чудотворца и св. Александра Невского, поблизости от него в Рождественской части, автор проекта храма — архитектор С. С. Кричинский (1874–1923) спроектировал и в 1916 г построил для общества дом по адресу Мытнинская ул., д.10 / 47–49. В нем в 3-х комнатной кв.10, вход со двора, были размещены музейные фонды ИППО, в этом же доме находились библиотека и товарный фонд нераспроданных изданий. Здесь также проходили научные заседания и «Чтения по Святой земле» — просветительские, популярные лекции. После Октябрьского переворота 1917 г. ИППО стремилось продолжить библиотечное направление своей деятельности. Новый Устав, разработанный в 1918 г., включал следующий пункт: «Общество, (которое теперь называлось (Русское) Российское Палестинское общество) стремится к приобретению редких книг, древних рукописей, географических карт и прочих научных пособий по вопросам палестиноведения, допуская к пользованию ими как самих членов, так и всех желающих извлечь из них пользу для своих занятий».¹⁰ В 20-ые гг. библиотека продолжала пополняться, ведя книгообмен с рядом известных зарубежных издательств и переписываясь с редакциями христианских журналов на Востоке.¹¹ Происходила и выдача книг читателям и исследователям. Однако надежда на продолжение дела в полном объеме не осуществилась, хотя руководство РПО упорно

боролось за легализацию своей деятельности и пыталось защитить от расхищения свое имущество. Первое изъятие имущества произошло в июне 1921 г., когда Чрезвычайная комиссия арестовала многолетнего делопроизводителя РПО и директора его библиотеки Владимира Дмитриевича Юшманова (1870—?) и изъяла часть книг, а также связок архивного материала и текущих дел. Помещение РПО было опечатано.¹² У нас нет списка изъятого имущества. Возможно, документальных свидетельств не сохранилось по тому, что все было сделано незаконно. Декрет Совнаркома о реквизициях и конфискациях имущества частных лиц и обществ в пользу государства появился только в 17 октября 1921 г. Хотя печати с помещения РПО были впоследствии сняты, а В. Д. Юшманов выпущен из тюрьмы за отсутствием состава преступления, изъятое в 1921 г. так и не было возвращено. Следует предположить, что именно тогда библиотека РПО лишилась многих ценных и антикварных изданий, отсутствие которых было выявлено в процессе нашей работы. После того, как в 1923 г. снова опечатали 2 комнаты РПО на ул. Мытнинской, для того, чтобы уберечь имущество общества от новых посягательств, член РПО, академик Н. Я. Марр (1864—1934), который в это время возглавлял Российскую Академию истории материальной культуры (с 1919 г.), объявил о том, что книжное собрание, архив и музей общества находятся в ведении руководимого им учреждения.¹³ Затем, поскольку дом ИППО был реквизирован государством, все имущество общества переместилось в Мраморный дворец (Дворцовая наб., д.6), где располагалась в то время Академия истории материальной культуры. На все имущество РПО была составлена опись, из которой известно, что все его собрания насчитывали около 30 000 единиц, (не понятно, включала ли эта цифра тиражи изданий РПО — товарный фонд). Все было упаковано в пачки. В таком виде коллекции ИППО несколько лет находились в Мраморном дворце. После смерти председателя РПО академика Ф. И. Успенского (1845—1928), в сентябре 1928 г. общество возглавил Н. Я. Марр. Поскольку Российская Академия истории материальной культуры не располагала своим библиотечным фондом, то формирование ее библиотеки было произведено, в том числе, и за счет книжного собрания РПО. В брошюре, изданной в 1926 г. представлен список из 120 наименований, большую часть которых составляют издания ИППО, а также 9 наименований книг, альбомов, планов и карт, которые принадлежали собранию ИППО.¹⁴ Академик Н. Я. Марр все время надеялся, что хотя нет возможности вернуть реквизированный в пользу государства дом на ул. Мытнинской 10, РПО получит какое-то новое помещение, где сможет разместить свои собрания и начать активную работу. Предпосылки для этого были, поскольку РПО привлекло внимание советской власти возможностью получить его зарубежное имущество. Первый секретарь ВКПб Ленинграда С. М. Киров, незадолго до смерти их обоих в декабре 1934 г., вызывал к себе для беседы академика Н.Я. Марра

и обещал всячески способствовать активизации деятельности РПО.¹⁵ Однако опять все планы оказались нарушенными, когда после Академического дела в результате реорганизации Академии наук СССР были закрыты старые научные учреждения (например, ИКДП) и созданы новые академические институты (ИИМК, Институт востоковедения, МИР). Фонды и коллекции закрытых учреждений были сосредоточены в помещении БАН СССР и оттуда стали распределяться по новым институтам.

Известно, что в послевоенное время при инвентаризации всех фондов сети БАН СССР были выявлены не только книги, но и архивные материалы ИППО. Часть книг в 1952 г. была упакована и перевезена в Москву. Мы не располагаем списком вывезенных тогда книг. Но в Москве у РПО не было подходящего помещения для расстановки всего книжного фонда ИППО, хранящегося в БАН. Общество занимало 2 комнаты в помещении Института философии АН СССР на ул. Волхонка д. 14. В одной из комнат стояли книги, которые поступили в 1952 г., собрание пополнялось покупкой для представительских целей выпусков новой серии «Палестинского сборника». Когда в 1976 г. мы приступили к работе по выявлению книг собрания общества, нам в Москве ученый секретарь РПО Василий Иванович Иваницко выдал из московского собрания книг экземпляр 3-томного Каталога, в котором мы должны были отметить карандашом на полях отсутствие или наличие конкретной книги. Теперь перейду к нашей работе 1976 г. и процитирую выдержки из Докладной, составленной по ее итогам для Совета РПО в марте 1976 г.: «Библиотека РПО, а также товарный фонд, содержащий издания Общества, поступили в распоряжении БАН СССР, но на баланс приняты не были, В начале 50-х гг. часть библиотеки РПО были переданы в распоряжение библиотеки МИРА, являвшейся в то время филиалом БАН. Оставшиеся в БАН книги РПО были проинвентаризированы, на них составили топокаталог. Сами же книги были увязаны в пачки и сложены в одном их хранилищ БАН и до сих пор недоступны для использования. Согласно инвентарным книгам общее число названий книг РПО, хранящихся в БАН — 7 975 единиц на сумму 9 441 руб. 84 коп.

Книги РПО, поступившие в распоряжение библиотеки МИРА, были проинвентаризированы и влиты в общий фонд. Инвентаризация фонда РПО в составе библиотеки МИРА происходила в 1954–1956 гг. Всего было зарегистрировано 10 804 единицы на общую сумму 6 193 руб. 47 коп. В результате переинвентаризации в 1971 г. было списано 323 пропавших единицы на сумму 345 руб. 62 коп. В настоящее время в библиотеке МИРА значится 10 481 единица из фонда РПО на сумму 5 847 руб. 85 коп.»¹⁶

Также было установлено, что в ЛО ИВ АН СССР находится 428 книг, которые влиты в общий фонд библиотеки, а в ЛО ИИ АН СССР — 15 книг. Таким образом, в 1976 г. было установлено местонахождение более 18 тысяч книг (18 342), зарегистрированных в печатном каталоге ИППО.

По итогам нашей работы председатель РПО академик Сергей Леонидович Тихвинский направил 16 апреля 1976 г. письмо вице-президенту АН СССР академику Петру Николаевичу Федосееву, в котором говорилось о восстановлении библиотеки РПО при АН СССР. После этого ученый секретарь РПО В.И.Иваненко несколько раз приезжал в Ленинград и вел переговоры в Ленгорисполкоме о выделении помещения для РПО, поскольку библиотеку решено было восстановить у нас. Но эти планы не осуществились.

В 1982 г. Редакционно-издательский совет Московской Патриархии, который тогда возглавлял митрополит Питирим (Нечаев), обратился в Совет Министров СССР с просьбой передать им хранящую в БАН часть библиотеки ИППО. Заявление совета было поддержано Комитетом по делам религий. Мы написали очередную докладную в Совет РПО с просьбой сохранить остатки библиотеки в нашем городе, поскольку это библиотечное собрание известно как у нас в стране, так и за рубежом, а в БАН продолжают поступать заявки, составленные на основе печатного каталога.¹⁷ Кроме того, в записки обращалось внимание на наличие в БАН большого товарного фонда изданий ИППО, который также представлял большую научную ценность. На эту нашу докладную не последовало никакой реакции из Москвы, и книги были вывезены. Их численность по моим данным составляла 7 928 наименований, хотя в статье С. Е. Клещука фигурирует другая цифра — 8 626, причем там упоминается о передаче не только книг, но и каталогов и инвентарных описей. Последнее заявление кажется сомнительным и нуждается в проверке. Дальнейшая история показала, что, возможно, вывоз тогда в Москву книг стал благоприятным обстоятельством в их судьбе, поскольку неизвестно, пережили ли бы они февральский пожар 1988 г. О дальнейшем местонахождении книг нам пока ничего не известно. Но их следует искать в Москве.

В последующие годы началась черед смен и Председателя, и ученого секретаря РПО. И только во второй половине 80-х гг. к решению вопроса о библиотеке пытались вернуться новый ученый секретарь РПО Владимир Афанасьевич Савушкин и заместитель председателя РПО Евгений Семенович Евсеев. Когда они приехали в Ленинград, я отдала Е.С.Евсееву 3 тома Каталога с нашими пометами, указывающими, где находились книги из библиотеки ИППО в 1976 г. Где сейчас эти тома Каталога, я не знаю. Если их нет в библиотеке ИППО в Москве, их следует искать у наследников Е. С. Евсева.

Изучение истории библиотеки ИППО должно быть продолжено. Здесь ключевую роль должны сыграть поиски в архивах академических институтов Санкт-Петербурга, архиве БАН РАН, архивах внешней политики и московского отделения ИППО, в которых находятся документы, позволяющие проследить перемещение книг в довоенный и послевоенный периоды. В БАН есть сотрудники, наши ученики, готовые взяться за такую работу.

- ¹ Клещук С.Е. Как разоряли библиотеку: из истории современности. // Научные и технические библиотеки. 1992. № 8. С. 62–67.
- ² Матвеев М. Ю. Библиотеки общественных организаций в дореволюционной России // Вест. СПб ГУКИ. № 4 (17). С. 27–44: в этой статье библиотека ИППО лишь упомянута в перечне книжных собраний различных обществ дореволюционной России и дается ссылка на печатный Каталог библиотеки ИППО. Панях А.В. Из истории библиотеки Императорского Православного Палестинского общества в собрании Научной библиотеки Государственного Музея истории религии // Вест. СПбГУ. Сер. 17. Религиоведение. 2014. Вып. 4. С. 144–149: воссоздает историю передачи большей части библиотеки ИППО в библиотеку МИРА в 1952–1955 гг. и публикует переписку этого времени директора МИРА В. Д.Бонч-Бруевича с сотрудниками музея. Терюкова Е. А., Чумакова Т. В., Шахнович М. М. Коллекции Императорского Православного Палестинского общества в собрании Государственного музея истории религии // Вест. христианской гуманитарной академии. / Российская христианская гуманитарная академия. Т. 16, № 4. С. 284–289. Статья содержит данные о передаче в МИР не только библиотеки, но и коллекций ИППО.
- ³ Институт восточных рукописей РАН. Архив востоковедов, ф. 120. оп. 1. № 7, л. 12. См.: Юзбашян К. Н. Палестинское общество — страницы истории // Исторический вестник. Научный журнал. № 3–4 (7–8). Издание исторической подкомиссии юбилейной комиссии Русской Православной церкви по подготовке и проведению 2000-летия Рождества Христова. Москва — Воронеж: Издательство Воронежско-Липецкой епархии. 2000. С. 152, сн. 105.
- ⁴ Лисовой Н. Н. В. Н. Хитрово — основатель Императорского Православного Палестинского Общества // Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. Издание Императорского Православного Палестинского общества. М.: Паломнический центр Московского Патриархата. 2003. С.30.
- ⁵ Там же. С. 31.
- ⁶ Дмитриевский А. А. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества 1907 г. Т. XVIII. Вып. 3, 4. СПб. Тип. В. Киришбаума. 1907. С. 223.
- ⁷ Систематический каталог библиотеки Императорского Православного Палестинского Общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума. Т. 1-2. 1907.
- ⁸ Дополнение к т. 1–2 систематического каталога библиотеки Императорского Православного Палестинского Общества (1908-1912). Отделы А–Н. СПб. Тип. В. Киришбаума. СПб., 1913.
- ⁹ Каталог изданий Императорского Православного Палестинского Общества. Вып. 1-5. СПб.: Тип. В. Киришбаума. 1898–1908.
- ¹⁰ Институт восточных рукописей РАН. Архив востоковедов, ф. 120. оп. 3 (доп.), № 1, л.278–321. См.: Юзбашян К. Н. Палестинское общество — страницы истории // Исторический вестник. Научный журнал. № 3–4 (7–8). Издание исторической подкомиссии юбилейной комиссии Русской Православной церкви по подготовке и проведению 2000-летия Рождества Христова. Москва — Воронеж: Издательство Воронежско-Липецкой епархии. 2000. С. 134.

- ¹¹ Институт восточных рукописей РАН. Архив востоковедов, ф. 120. оп. 1, № 13. *Грушевой А. Г.* Императорское Палестинское общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. / И. П. Медведев. СПб.: «Дмитрий Буланин». 1995. С. 143–144.
- ¹² Институт восточных рукописей РАН. Архив востоковедов, ф. 120. оп. 3 (доп.), № 6, .л. 8–9.
- ¹³ Институт восточных рукописей РАН. Архив востоковедов, ф. 120. оп. 3 (доп.), № 5, .л. 10.
- ¹⁴ Список изданий Государственной Академии истории материальной культуры, Археологической комиссии, Русского археологического общества, Росс. Палестинского общества и Русского генеалогического общества. Л.: Изд-во Гос. Академии истории материальной культуры. 1926. С. 13–20.
- ¹⁵ *Юзбашян К. Н.* Палестинское общество — страницы истории // Исторический вестник. Научный журнал. № 3–4 (7–8). Издание исторической подкомиссии юбилейной комиссии Русской Православной церкви по подготовке и проведению 2000-летия Рождества Христова. Москва — Воронеж: Издательство Воронежско-Липецкой епархии. 2000. С. 153, сн. 111.
- ¹⁶ Копия докладной записки, подписанная мною, хранится в личном архиве автора статьи.
- ¹⁷ Копия докладной записки, подписанная К. Н. Юзбашяном и мною, хранится в личном архиве автора статьи.

БИБЛИОТЕКА В.Н. ХИТРОВО В СОСТАВЕ БИБЛИОТЕКИ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА (В ФОНДАХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ГМИР)

А.В. Панеях

В Научной библиотеке Государственного музея истории религии хранится самая большая часть библиотеки Императорского Православного Палестинского Общества. Ее удалось получить в 1952 г. благодаря усилиям тогдашнего директора Музея В.Д. Бонч-Бруевича в количестве около 11000 единиц. Остальное собрание оказалось рассредоточенным по разным библиотекам, часть утрачена. Известно, что около 6000 ед. находится в Институте восточных рукописей РАН¹, какое-то небольшое количество, очевидно, — в Институте материальной культуры РАН. Из архивных материалов известно также, что часть библиотеки ИППО изымалась из Библиотеки АН СССР, где она хранилась неразобранной на складе, и пересылалась в Московскую патриархию. В перечисленных учреждениях она оказалась влита в общие книжные фонды, в библиотеке же нашего Музея библиотека ИППО с самого начала была принята как цельная коллекция, записана в отдельные инвентари и в самостоятельный каталог. В отличие от всего остального фонда библиотеки ГМИР, расставленного по форматно-хронологическому принципу, библиотека ИППО сохранила свою первоначальную систематическую расстановку, о чем свидетельствуют сохранившиеся на книгах шифры, которые соответствуют схеме классификации, принятой в изданном в 1907–1913 гг.

3-хтомном печатном каталоге Общества².

Из доклада, посвященного 25-летию образования ИППО, историка церкви, выбранного в 1907 г. секретарем ИППО, А.А. Дмитриевского, было известно, что личная библиотека основателя, почетного члена и секретаря ИППО Василия Николаевича Хитрово была передана в библиотеку Общества. В 1887 г. В. Н. Хитрово обратился с просьбой купить у него за половину стоимости собранную им личную библиотеку, поскольку он опасался, что после его смерти она может быть разорена. Это книжное

собрание по истории и топографии Святой Земли, которое он в течение 15 лет собирал, представляло большую ценность и в дальнейшем прирастало. Известно также, что библиотека была оценена в 10000 рублей, Хитрово сразу выдала 3000 рублей, а в дальнейшем он совершенно отказался от денег. Библиотека же его сразу стала неотъемлемой частью Общества³.

Личная библиотека В.Н. Хитрово при передаче не была сохранена как его коллекция, а была расставлена согласно тематическим разделам, принятым для описания всей библиотеки ИППО. Сотрудниками Научной библиотеки Государственного музея истории религии была проделана большая работа по сплошному просмотру всей книжной коллекции ИППО, в ходе которой выявлялись экслибрисы, автографы, дарственные надписи и редкие книги. К настоящему времени удалось выявить 860 книжных единиц с экслибрисом-наклейкой В.Н. Хитрово, на котором изображены две заглавные буквы «В» и «Х», соединенные между собой и заштрихованные внутри. Кроме того, имеется ряд изданий с дарственными надписями В.Н. Хитрово от авторов, переводчиков, издателей.

Анализ личной библиотеки В.Н. Хитрово показывает, что в нее входили разнообразные виды изданий: монографии, отписки статей из журналов, в основном богословских, издаваемых в Москве, Петербурге, Киеве, Казани. Также собраны статьи из епархиальных ведомостей, газетные заметки, извлечения из Трудов Духовных академий и Сообщений научных обществ, рецензии. Особенно много исследований из Трудов Киевской духовной академии, старейшего высшего учебного заведения, чьи преподаватели сыграли ключевую роль в становлении высшего образования в России в середине XVII века. Преподавательский состав был очень сильный, из Академии вышло значительное число известных людей. Среди них были и предстоятели Поместных Православных Церквей, и выдающиеся иерархи Русской Церкви, и политические, и общественные деятели. Были среди них также и представители церковной науки.

В собрании В.Н. Хитрово собраны публикации на европейских языках, греческом латыни, старославянском. Тематический состав также весьма разнообразен. Из анализа его библиотеки, хранящейся в ГМИР (см. табл. №1) видно, что больше всего литературы было собрано по богословию, особенно книг Священного писания и исследований по библейской истории, а также трудов по церковной истории христианских и русских церквей. И, конечно, самую значительную часть коллекции составили исследования по палестиноведению. Сюда входило изучение истории Палестины и Сирии, археологии, истории искусств, географии и естествоведения, праздников и богослужений на Святой Земле, жизни иноземцев в Палестине, а также периодические издания. Но самый большой раздел составляет литература о путешествиях в Палестину, включающая паломничество и описание святых мест.

ТАБЛИЦА №1

Индексация разделов	Разделы систематического каталога библиотеки ИППО	Количество печатных ед. в личной библиотеке В.Н. Хитрово
А.	Богословие	150
Б.	Церковная история	211
В.	Всеобщая история	36
Г.	Русская история	4
Д.	Археология и история искусств	24
Е.	География	32
Ж.	Языкознание и словесность.	8
З.	Философия и педагогика	2
Л.	Полиграфия (периодические издания, сборники)	13
М.	Справочный отдел	18
Н	Палестиноведение	363
	ВСЕГО	860 ед.

В.Н. Хитрово собрал Библии на арабском, китайском, армянском, венгерском, сербском, чешском языках, а также Библии на других европейских языках. У него имелось редкое издание Торы и Псалмов с параллельными текстами на иврите и русском языке в переводах гебраиста Л.И. Мандельштама. Последний был назначен в 1846 г. графом

С. Уваровым на должность ученого еврея, которая официально существовала в Российской империи с 1844 по 1917 гг. На запросы правительства относительно еврейских проблем представители общин отвечали, что у евреев нет духовенства в принятом у христиан смысле слова, но есть ученые-богословы — специалисты по религиозно-духовным делам. Вскоре такие люди фактически стали работать при Министерстве народного просвещения, где в то время были сосредоточены духовные дела евреев, и их стали называть «учеными евреями». Мандельштаму было поручено осуществление школьной реформы для евреев России и руководство созданными казенными еврейскими училищами⁴. В 1862 г. он издал в Берлине первый выполненный евреем перевод Пятикнижия на русском языке (2-е издание 1872 г. было дополнено переводом книги Псалмов). Этот экземпляр является редкостью, так как он не был допущен к обращению в России из-за запрета пользования книгой Священного Писания на русском, а не церковнославянском языке, и лишь в 1869 г., на основании повеления императора Александра II, был разрешен с условием, что русский перевод будет напечатан параллельно с еврейским текстом.

В.Н. Хитрово собирал и отдельные книги Священного Писания: Книги пророков в переводах с арамейско-еврейского языка, Старые и Новые За-

веты, а также труды по исследованию Священного Писания. Среди них большой библейско-исторический труд Г. Властова в 6-ти томах под заглавием «Священная летопись первых времён мира и человечества, как путеводная нить при научных изысканиях» (СПб., 1876—1893). Представлены работы православного богослова, палестиноведа и гебраиста

А. А. Олесницкого; профессора Киевской Духовной Академии, епископа Сарапульского Палладия (в миру Н. К. Добронравов), православного богослова, библеиста, гебраиста и профессора Петербургской духовной академии И.С. Якимова и других. По Ветхозаветной библейской истории имеются труды архимандрита Антонина, А.А. Олесницкого, многотомный труд немецкого протестантского богослова и востоковеда Г. Эвальда

(Ewald H. Geschichte des Volkes Israel. G ttingen: Dieterichschen Buchhandlung, 1864—1867).

В библиотеке имелись труды Д. Ф. Штрауса — германского философа, историка, теолога и публициста, в частности его знаменитые исследования «Жизнь Иисуса» и «Новая жизнь Иисуса». (Strauss D.F. Das Leben Jesu, kritisch bearbeitet. T bingen: Verlag von C.F. Osiander, 1835—1836; Strauss D.F. Nouvelle vie de Jesus / Traduite de l'allemand par A. Nefftzer et Ch. Dollfus. Paris J. Hetzel et A. Lacroix, [1864]). Собрано большое количество трудов Ж. Э. Ренана, французского философа и писателя, историка религии, семитолога. Наиболее значимое произведение Ренана — «История происхождения христианства» («История первых веков христианства», 1864—1907), состоящая из семи книг: «Жизнь Иисуса» (1863), «Апостолы» (1866), «Святой Павел» (1869), «Антихрист» (1873), «Евангелия» (1877), «Христианская церковь» (1879), «Марк Аврелий» (1882). В библиотеке Хитрово много работ епископа Порфирия (в миру К. А. Успенский), востоковеда, византолога, переводчик Библии и путешественника по странам Востока. Вернувшись в Россию в 1846, Порфирий поднял вопрос о необходимости учредить Русскую духовную миссию в Иерусалиме, и в 1847 г. был назначен ее начальником. Он участвовал в трех экспедициях и в общей сложности пробыл на Востоке 15 лет, оставив обширные записки о своих путешествиях. Русскую Духовную миссию поочередно возглавляли: Преосвященный Порфирий (Успенский, 1847—1854), Преосвященный Кирилл (Наумов, 1857—1859), архимандрит Леонид (Кавелин, 1863—1865), архимандрит Антонин (Капустин, 1865—1894). Их научные изыскания были собраны в библиотеке Хитрово.

Среди книг по церковной истории много трудов русских историков церкви, византинистов А.П. Лебедева, кстати, с дарственными надписями В.Н. Хитрово, и доктора богословия Н. А. Скабалановича. Особенно интересна судьба одной книги — «Сокращенная церковная история на арабском языке / Автор-переводчик Антиохский архимандрит Рафаил. Казань: Лито-тип. Имп. Университета, 1849». На форзаце дарственная надпись: «Его Высокопревосходительству Глубокоуважаемому Василию Николаевичу

Хитрово в знак глубочайшей благодарности от переводчика-автора Антиохского Архимандрита Рафаила состоящего при кафедре Арабского языка в Казанской Духовной Академии в Казани. 6-го января 1895 г.». Епископ Рафаил (в миру Рафла Хававини или Ававини) родился в Сирии в 1860 г. от православных родителей. В бытность в Сирии в качестве проповедника Антиохийского Престола произнес много проповедей и поучений, которые печатались в единственном тогда в Бейруте арабском духовном журнале «Аль-Гидия» («Подарок»). Позднее он испросил благословения у Патриарха Герасима поступить на курсы аспирантуры в богословскую школу в России, обещая вернуться и служить Патриархии секретарём со знанием русского языка. Патриарх дал своё благословение, и иеродиакон Рафаил был принят студентом в Киевскую духовную академию, а в 1889 г. был назначен главой подворья Антиохийской Церкви в Москве. После окончания Киевской духовной академии, он был направлен в Казанскую духовную академию преподавать арабский язык. В 1895 г. по приглашению Сирийского православного благотворительного общества Нью-Йорка он переехал в Америку, где с начала 1905 г. стал издателем и редактором журнала «Аль-калимат» («Слово») для сирийских арабов. Почти все статьи для него составлял сам архимандрит Рафаил⁵. Свои труды, опубликованные в Америке, он также присылал В.Н. Хитрово с дарственными надписями.

В книгу «Сокращенная церковная история на арабском языке» из личной библиотеки В.Н. Хитрово, хранящуюся в библиотеке ГМИР, оказалось вложено рукописное письмо на 4-х страницах. Оно озаглавлено «Перечень содержимых в сокращенной Церковной истории глав и предметов», и в нем дается пространный перевод на русский язык названий частей, глав и параграфов. Часть из них отмечены красными и синими крестиками. Автор-переводчик дает пояснения: «Красный крестик означает, что эта глава переделана и дополнена мною, а синий, что эта глава вся составлена мною». Из этого списка следует, что из 40 глав «Церковной истории» 24 отмечены красным крестиком, то есть переделаны и дополнены, а 6 глав, отмеченные синими крестиками, полностью составлены архимандритом Рафаилом, то есть первоначальный труд протоиерея В.Я Михайловского почти полностью переработан и дописан переводчиком на арабский язык. Это рукописное письмо, проливающее свет на содержание книги, является впервые обнаруженной находкой и нигде не опубликовано.

В библиотеке В.Н. Хитрово собраны труды профессора Киевской духовной академии М.Ф. Ястребова, преподававшего догматическое богословие, работы Д.В. Цветаева, российского историка, возглавлявшего Архив Министерства юстиции и участника создания Центрального гос. архива древних актов. Только в библиотеке ГМИР более пятидесяти книг по истории русской церкви. Среди авторов много выдающихся историков и религиозных деятелей, цвет академической и церковной науки. Например, были собраны кни-

ги профессора Киевской духовной академии Ф.А. Терновского, специально ездившего в Афон для научных разысканий. Имеются также исследования, написанные совместно с его братом, доцентом Казанской духовной академии С.А. Терновским. Есть книги с дарственными надписями археографа, историка и библиографа Н. П. Барсукова, который в 1870-х гг. был помощником заведующего Архивом Святейшего Синода Русской православной церкви, а затем заведовал архивом Министерства народного просвещения Российской империи. Он подписывал свои труды: «В библиотеку Василия Николаевича Хитрово усердное приношение Николая Барсукова»

В личной коллекции В.Н. Хитрово много и других книг с дарственными надписями. Например, свои труды преподносил ученый-ориенталист, арабист и религиозный деятель арабского происхождения. Г. А. Муркос. Он был вторым арабом в России, возглавившим в звании профессора кафедру арабской словесности в Лазаревском институте восточных языков. Он печатался также под псевдонимом «Русский паломник», рассказывая о своих многочисленных поездках в Сирию и Палестину. Есть книги, подаренные В.Н. Хитрово издателями, например «Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками и письма преосвященнейшего к близким ему лицам: с приложением портрета преосвящ. Игнатия. СПб.: Тип. 2-го Отд. собственной Е.И.В. Канцелярии, 1881» была преподнесена архимандритом Русской православной церкви, настоятелем Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом Игнатием (в миру И.В. Малышев), сменившим на этой должности своего учителя архимандрита Игнатия (Брянчанинова). Есть несколько книг с дарственными надписями историка, литературоведа и языковеда, члена Русского географического общества, Русского археологического общества и Общества любителей древней письменности и искусства П.А. Сырку, который был направлен С.- Петербургским университетом в ряд стран, в том числе в Константинополь и на Афон. В разделе «Агиография» имеются также несколько книг с дарственными надписями от иеромонаха Антония, от Х. М. Лопарева, византиноведа и литературоведа, члена Общества изучения Сибири и улучшения её быта при Музее этнографии и антропологии Академии наук и с 1886 г. члена ИППО. Он 20 лет трудился в Императорской Публичной библиотеке Санкт-Петербурга, и открыл много новых списков рукописей. С научной целью он совершил командировки в Константинополь, Геную, Рим, Флоренцию, посетил Афон. Д. В. Айналов, историк искусств, член-корр. Петербургской АН, член ИППО также преподносил свои труды с дарственными надписями.

В собрании В.Н. Хитрово книги по истории, географии, христианскому искусству, труды по языкознанию и словесности, много исследований, опубликованных в серии «Памятники древней письменности, издаваемые Императорским Обществом Любителей Древней Письменности», среди них большое количество трудов архимандрита Леонида с дарственными

надписями. Архимандрит Леонид (в миру Л. А. Кавелин), русский богослов, историк, археограф, библиограф, переводчик, почётный член ИППО. В 1863 г. он был возведён в сан архимандрита и назначен начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Особенно много книг по палеографии, среди которых большим блоком выделяются путешествия и паломнические поездки. Среди них можно назвать работы В.Г. Григоровича-Барского (Беляев), печатавшегося также под псевдонимами: Василий Киевский, Василий Киево-Российский, Василий Рос, Василий Плака, Василий Плака-Альбов, Беляев Плака-Альбов. Считается, что по богатству материала, подробности и тщательности записок им нет равных в отечественном востоковедении. В 1725 г. он побывал на Афоне, в 1726—1728 гг. странствовал по Палестине, посетил Иерусалим, Иордан, побывал на Мертвом море, затем направился в Каир, осмотрел Синайский монастырь и через Суэц, Дамьетту, Бейрут и Триполи добрался до Дамаска, а затем вновь отправился на Синай и в Палестину. В 1734 г. в Дамаске он был пострижен Патриархом Антиохийским Сильвестром в монахи под именем Василия. Григорович-Барский владел латынью, греческим, арабским, турецким языками, хорошо знал естествознание, географию, историю, этнографию, статистику, архитектуру, геологию, коммерцию, живопись, музыку⁶. В 1743 г. русский посол в Константинополе А. А. Вешняков вызвал его в турецкую столицу и предложил должность священника при посольской церкви и референта при дипломатической миссии. Через год он был направлен на Афон для изучения православных монастырей и их библиотек. Работа Григоровича-Барского над путевыми записками началась в 1723 г. и продолжалась до самой его кончины. Современники высоко ценили этот историко-литературный труд. Знакомясь с историческими достопримечательностями, древними городами, архитектурными памятниками, он приводил их подробное описание, ссылаясь не только на рассказы современников, но и на материалы исторических хроник, летописей, хронографов, работы античных и средневековых авторов.

В.Н. Хитрово собирал труды государственного деятеля, писателя, ученого и путешественника А. С. Норова, совершившего поездку в Святую землю в качестве паломника, побывавшего в Палестине, Малой Азии и Иерусалиме. Норов оставил подробнейшие описания этих мест, руководствуясь текстом Библии и дополняя ее открытиями историков. Результатом этих путешествий, длившихся с 1834 по 1840 гг., стали книги «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» (1838) и «Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг.» (1840). А. С. Норов по праву считается зачинателем русской библейской археологии. Описания всех его путешествий были собраны в пять томов и изданы в 1854 г. в Санкт-Петербурге. В 1861 г. Норов предпринял второе путешествие на Святую землю, которое он описал в книге «Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Вос-

ток», вышедшей в свет в 1879 г. уже после смерти автора, под редакцией В.Н. Хитрово. Норов иллюстрировал свои дневники рисунками. Собранные им материалы до сих пор сохраняют свою ценность, поскольку многие памятники из тех, что он видел, на сегодняшний день утрачены. В коллекции Хитрово собраны также описания святых мест, составленные архимандритом Антонином, епископом Порфирием (Успенским), Серафимом Святогорцем и другими. Представлены памятники древнерусского паломничества и путешествия иностранцев по Святой Земле в XIV и XV веках. В библиотеке Хитрово имеются некоторое количество редких книг XVI и XVII вв. иностранных путешественников на немецком, английском и французском языках. Много статей о русских паломниках и, естественно, работы самого В.Н. Хитрово.

Особе следует отметить, что среди книг нами обнаружены несколько рукописей. Иногда они переплетены как оттиски, имеют систематический шифр и отражены в печатном каталоге библиотеки ИППО, но встречаются и рукописи в конце печатных изданий, приплетенные к ним или просто вложенные в книги. Такова, например,

рукопись, написанная чернилами на 48-ми страницах в клетку и вложенная в конце печатной книги священника церкви Покрова Пресвятой Богородицы в г. Москве И. Лукьянова «Путешествие в Святую Землю московского священника Иоанна Лукьянова, 1710–1711 / Примеч. П.И. Бартенева. М.: Тип. Лазаревского Института восточных языков, 1862». Книга заканчивается словами: «Тут оканчивается наша рукопись; дальнейшего возвратного пути своего до Москвы священник Лукьянов не описывает». Рукопись же начинается словами: «(1700 г.) Отрывки из путевых записок старца Леонтия. Глухов, Кролевец, Батулин, Борзна, Нежин, Киев, Хвастов, Паволочь, Степи, Немиров. Заметки на возвратном пути». (С.1–17.) То есть эта рукопись, по сути, является продолжением Путешествия в Святую Землю. Далее переписаны статьи из «Библиографических записок. 1859. №9», еженедельной московской газеты «День. 1865. №33», газеты «Современная летопись. 1863. №15», Калужских Епархиальных Ведомостей. 1862, «Русского архива». Они посвящены публикациям этого путешествия в разных редакциях. Эта и другие рукописи и рукописные вставки, имеющиеся в разных книгах, требуют дополнительного изучения.

Подводя итоги, можно сказать, что и сама библиотека ИППО, и личная коллекция В.Н. Хитрово, вошедшая в ее состав, еще недостаточно изучены. Между тем, кроме большого количества источников и исследований, не потерявших актуальности до сих пор, она таит в себе некоторые загадки, которые еще предстоит раскрыть. Кроме того, это прекрасно подобранное собрание литературы по палестиноведению дает широкие возможности современным исследователям продолжить в разных аспектах научные изыскания о Святой Земле.

- ¹ СПФ АРАН. Ф.158. Оп.3 (1945). Д.29. Л.70.
- ² Систематический каталог Императорского православного палестинского общества. — Т.1: Отделы А-М; Т.2: Отдел Н. — СПб., 1907; Дополнение к 1 и 2 тт. (за 1908–1912 годы). Отделы А-Н. — СПб., 1913
- ³ Дмитриевский А. А. Доклад, посвященный 25-летию юбилею ИППО // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. СПб., 1907. Т. 13. Вып. 3–4.
- ⁴ <http://www.eleven.co.il/article/14234> (дата обращения 26.10.2016); КЕЭ, том 8, кол. 1310–1311.
- ⁵ Открытая православная энциклопедия «Древо» <https://drevo-info.ru/articles/17123.html>
- ⁶ Морозов П. Василий Киевский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. 1892. Т. Va. С.580–581.

БРИТАНСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX в. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ*

И.Ю. Смирнова

История британского церковного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке в целом связана с деятельностью английских миссионеров и прежде всего с учреждением в 1841 г. англо-прусской епископии в Иерусалиме, что явилось ключевым событием не только для церковно-дипломатического присутствия Великобритании, но и других великих держав в ближневосточном регионе. Так, известно, что прозелитическая активность британских миссионеров в Святой Земле послужила одним из главных факторов для активизации русского присутствия в регионе. Материалы британских архивов позволяют проследить работу британских дипломатов и миссионеров в Святой Земле в 1830-е — 1860-е гг. — период, когда формировалась стратегия британского проникновения в Сирию и Палестину и вырабатывались основные принципы и механизмы взаимодействия дипломатических и церковно-миссионерских институтов не только Великобритании, но и других великих держав.

Еще в 1838 г. американский миссионер и исследователь Э. Робинсон обратил внимание руководителей Лондонского миссионерского общества на сильные стороны российской и французской дипломатии, оказывавшей покровительство православным и католикам в Святой Земле, и подсказал англичанам мысль создать в Сирии протестантскую общину и дипломатическим влиянием Англии добиться для нее британского протектората. Робинсон был уверен, что английскому правительству понадобится сделать для этого лишь «один шаг, не представляющий ни затруднения, ни опасности»², однако время показало, что события развивались не так быстро, как предполагалось.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-61-01005 а/П.

С этого момента стратеги британской политики на Ближнем Востоке лорд Пальмерстон³, посол при Порте сэра Стрэтфорд Каннинг, влиятельный член Лондонского еврейского общества лорд Эшли (впоследствии известный граф Шефтсбери⁴) начинают активно прорабатывать вопрос об учреждении официального церковного представительства Великобритании в Иерусалиме и Святой Земле. В октябре 1838 г. лорд Эшли записал в своем дневнике: «Можем ли мы не устанавливать протестантский епископат в Иерусалиме и не дать ему (sic!) юрисдикцию над всем Левантом, Мальтой и какими-либо капелланствами, возможно, на берегу Африки?»⁵

В 1841 г. эта мысль была успешно реализована на практике, чему активно содействовал тесть Эшли лорд Пальмерстон. Задачами иерусалимской епископии, учрежденной с целью укрепления политического влияния Великобритании в Османской империи, было создание протестантской общины и распространение религиозного покровительства на местное население Османской империи, остававшееся вне протектората Франции или России — друзов и членов нехалкидонских христианских общин (абиссинской, коптской, несториан, ассирийцев и евтихиан).

Материалы, необходимые для изучения деятельности протестантской епископии в Иерусалиме при первых двух епископах — Михаиле Соломоне Александре и Самуиле Гобате, которая охватывает почти четыре десятилетия (1841–1879) — содержатся в важнейшем британском архиве по ближневосточной и палестиноведческой проблематике — Центре Ближнего Востока при Колледже св. Антония в Оксфорде⁶. В его фондах хранятся документы и материалы по церковной и миссионерской деятельности Великобритании от начала XIX в. до настоящего времени.

Фонд епископа Михаила Соломона Александра составляют его переписка с другими миссионерами, биографические материалы, собранные его внучкой для книги о жизни епископа, которые так и остались неопубликованными, и многое другое⁷. Особый интерес представляет переписка епископа Александра с послом при Порте сэром Каннингом, а также с другом епископа сэром Ричардом Стиллом, где он сообщает о жизни в Иерусалиме, об обстоятельствах строительства первой протестантской церкви, об первых обращениях евреев в протестантизм.

Александр описывает свои отношения с Иерусалимским и Армянским Патриархами, с французским консулом. Высказывает озабоченность о состоянии восточного духовенства, которое, по его мнению, «очень подвержено опасности со стороны папства». Он также выражает надежду, что твердая позиция Великобритании на Ближнем Востоке «будет иметь благоприятное воздействие на Восточные Церкви»⁸. В целом обращает внимание оптимистичный тон писем с явной надеждой на успешность английского дела в Святой Земле.

Фонд епископа Самуила Гобата, возглавившего епископию после скоропостижной кончины Александра в ноябре 1845 г., также представляет собой объемный корпус документов. Среди них много печатного материала, газетных статей и заметок, относящихся к памятным датам в истории иерусалимской епископии.

В целом же фонды духовной миссии в Иерусалиме охватывают несколько периодов британского миссионерского присутствия в Святой Земле: 1-й период — в составе объединенной англо-прусской англикано-лютеранской епископии при епископах Александре и Гобате; 2-й период начался спустя два года после смерти Гобата в 1879 г., в 1881 г., когда произошло разделение иерусалимской епископии на два отдельных церковных представительства Великобритании и Германии. Но прошло шесть лет бездействия, до тех пор, когда в 1887 г. иерусалимская епископия была восстановлена на чисто англиканской основе и 25 марта 1887 г. архидиакон Фрэнсис Попхэм Блит был посвящен в епископа и стал первым «чисто» англиканским епископом Иерусалима, к юрисдикции которого относились Сирия, Египет, Малая Азия, Кипр, область вокруг Красного моря, и, позже, Судан и Иран.

Важным событием этого периода стало создание в 1889 г. т. н. «Иерусалимской и восточной миссии» (Jerusalem and East Mission), которая была учреждена Блитом после того, как он понял, что не может придти к соглашению с Церковным Миссионерским обществом (Church Mission Society, *сокр.* CMS). Для поддержания и развития деятельности епархии был создан Иерусалимский епархиальный фонд. Новая структура полностью контролировалась Англиканской Церковью (в отличие от CMS, которое было финансово независимым). Собственно, главным образом бумаги этой организации и отложились в Центре Ближнего Востока при колледже Св. Антония.

Помимо документов, относящихся к иерусалимской епархии и сооружению англиканской церкви св. Георгия, в архиве представлены документы до 1976 г. по истории капелланств, здравоохранения и образования в Палестине Сирии, Иордании, Ираке, Иране, в Персидском заливе, Египете, Судане, Кипре и Северной Африке. Коллекция также содержит переписку, относящуюся к политической ситуации в Палестине под британским мандатом и после. В архиве также находится богатая фотоколлекция.

В связи с тем, что миссионерская деятельность иерусалимской епископии была с самого начала организована представителями дипломатии не без участия высшего духовенства Церкви Англии в лице архиепископа Кентерберийского и епископа Лондона, важные документы, относящиеся к церковному присутствию в Святой Земле отложились в библиотеке Ламбетского дворца — резиденции архиепископа Кентерберийского в Лондоне.

В Фонде епископа Михаила Соломона Александра⁹ большой интерес представляет переписка главы иерусалимской епископии с архиепископом Кентерберийским и английским духовенством; материалы к биогра-

фии епископа Александра, собранные Вольфом; переписка супруги епископа Деборы Мэри Энн Александер с Элизабет Анной Финн, супругой консула в Иерусалиме Джеймса Финна, в которой содержатся сведения о положении протестантской общины во время Крымской войны, об участии женщин в миссионерской работе и проч.

В фонде епископа Самуила Гобата¹⁰ помимо переписки и биографических материалов, которые отчасти дополняются материалами собрания рукописей Британской библиотеки¹¹, содержатся ежегодные архипастырские энциклики, в которых отражена откровенная прозелитическая направленность деятельности протестантской епископии под управлением Гобата¹². Там же удалось обнаружить документ, определивший успех церковно-дипломатической активности Великобритании в Святой Земле — фирман, изданный в ноябре 1850 г. по настоянию британского посла сэра Стрэтфорда Каннинга¹³. Этим указом Порты признала за протестантами те же права, которыми пользовались остальные туземные христианские общины Османской империи. Долгожданный фирман 1850 г. развязал руки Гобату и протестантским миссионерам, которые могли обещать арабам, перешедшим в протестантизм, покровительство британского консульства в Иерусалиме.

Издания этого фирмана британские дипломаты добивались на протяжении 10 лет. И это является одной из характерных черт британской политики не только в Святой Земле и на Ближнем Востоке, но и в других регионах — планомерно, терпеливо, настойчиво проводить в жизнь однажды поставленные цели. Преследуя прежде всего собственные интересы на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, Китае и других регионах, британское правительство «никогда не теряло из виду того правила, что для успеха в будущем необходимо пользоваться всяким благоприятным случаем, в какое бы время он и не представлялся»¹⁴. Говоря о дальних видах британской политики, долгосрочных проектах и планах Англии как о главном принципе ее дипломатической работы, барон Торнау отмечал тот факт, что действенность и эффективность долговременной стратегии Великобритании заключались в том, что, преследуя «раз и навсегда начертанную» цель, британское правительство «не щадило издержек, зная, что расходы временные вознаграждаются вполне той пользой, которая предусматривалась в будущие времена, на десятки лет вперед, от преследования с систематическим постоянством главной идеи об азиатской политике»¹⁵. Тот же принцип можно наблюдать в осуществлении британского политического и церковного проникновения в Сирию и Палестину. И наглядным примером тому может служить проект иерусалимской епископии, задуманный в 1838 г. британскими политиками и миссионерами¹⁶.

Для понимания механизма взаимодействия британских дипломатических и церковных структур в Османской империи потребовалось обратиться к архиву Форин Офиса, входящего в состав Национального архива

Великобритании, где отложилась переписка между британскими послами в Константинополе, консулами в Иерусалиме и министрами иностранных дел. Особый интерес для историков-востоковедов представляет фонд лорда Редклиффа-Каннинга, где содержится его переписка по Ближнему Востоку, в том числе иерусалимским делам, с лордом Пальмерстоном, консулами, адмиралом В. Паркером¹⁷. Обширный корпус документов представляет собой фонд иерусалимского консульства, где особый интерес представляла переписка с Лондоном и Константинополем консула Джеймса Финна, работавшего в Иерусалиме с 1845 г.¹⁸

Материалы переписки сэра Каннинга с подчиненными ему консулами и консульскими агентами свидетельствуют о том, что церковные вопросы имели первостепенное значение в дипломатической работе на Ближнем Востоке. Так, в статье из аугсбургской газеты «Allgemeine Zeitung» за 1851 г., сохранившейся в фонде Каннинга в архиве Форин Офис, приводились факты, напоминавшие о том, как в 1840-е гг., задолго до издания фирмана 1850 г., посол, несмотря на неприязнь, а подчас и ненависть турецких министров, добивался решений Порты в защиту христиан Турции¹⁹.

В той же статье упоминался и другой этнорелигиозный конфликт, во время которого ассирийские несториане подверглись жестокому избиению со стороны курдов в провинции Джуламерк²⁰, одном из наиболее удаленных вилайетов Османской империи на границе с Персией. Здесь также не обошлось без дипломатического вмешательства Каннинга, «по решительной просьбе которого несторианам было позволено вернуться в их прежние жилища, Патриарх был восстановлен в своем сане, большинство детей несториан, которые были похищены и силой обращены в магометанство, были выпущены на свободу»²¹.

В другом документе — адресе американских миссионеров на имя Каннинга — отмечалась роль посла в создании протестантского сообщества и официальном признании его Блистательной Портой, благодаря чему «положение христиан и иудеев Порты», как говорится в адресе, «во многом улучшилось»²².

Показательна переписка Каннинга с адмиралом В. Паркером, под командованием которого в 1850 г. осуществлялась блокада Афин с тем, чтобы оказать давление на греческое правительство. Например, в письмах к Паркеру Каннинг описывал свое плавание на Афон с секретарем посольства и членами их семей²³.

В последнее время все чаще появляются работы, где на материалах фондов Форин Офиса показано, что для продвижения британских политических интересов использовались прежде всего церковные каналы, и одним из наиболее действенных и распространенных приемов была тонкая закулисная игра с целью избрания на Константинопольский престол греческих Патриархов, которые могли служить марионетками в руках бри-

танской дипломатии²⁴. Так, в работе Дж. Фаирея документально прослежена роль лорда Понсонби в удалении с кафедры Константинопольского Патриарха Григория VI в 1840 г.²⁵ Достоверно известно об аналогичных усилиях британских послов в отношении Патриарха Констанция. Недовольство британских послов при Блистательной Порте вызывали, разумеется, те Патриархи, которые были заподозрены в симпатиях к России. То есть политическая конкуренция великих держав распространялась и на церковные сферы. Особый интерес в этом направлении представляют усилия Каннинга на протяжении 1840-х — 1850-х гг., как когда игра британских дипломатов на церковном поле являлась важнейшим элементом в ходе подготовки к военному конфликту.

Документы из фондов Форин Офис, поднятые Л.А. Герд, свидетельствуют о тесном взаимодействии британской консульской службы и протестантских миссионеров — и не только на Ближнем Востоке, но и в Центральной Азии²⁶. В статье «Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в.» автор показывает, что общей задачей британских консулов и миссионеров «было помешать переходу несториан в Православие и присоединению их к Русской Церкви»²⁷. В британских донесениях усилия русских и британских дипломатов и миссионеров называются «борьбой за политические души», а задача Великобритании видится в том, чтобы воспрепятствовать России в ее продвижении в Персию²⁸.

Таким образом документы из фондов Национального архива красноречиво свидетельствуют о том, что соперничество великих держав проявляло себя и в религиозной сфере. Благодаря этим материалам мы имеем возможность проследить историю внешнеполитического и экономического проникновения Великобритании в различные регионы, и убедиться в том, что оно осуществлялось с учетом церковно-политической ситуации при активном использовании церковно-миссионерских институтов в качестве эффективного инструмента политического влияния.

Для историков, научные интересы которых связаны с палестиноведением, полезны и других архивы, связанные с историей Палестины. Так, например, в архиве Кингс Колледжа в Кембридже хранятся материалы одного из первых капелланов иерусалимской епископии — Джорджа Вильямса²⁹.

В 1841–1843 гг. Вильямс провел два года в качестве капеллана при епископе Александра в Иерусалиме, в 1844–1845 гг. служил капелланом в Кронштадте, вернувшись в Великобританию, он занимал ряд должностей в Кингс Колледже в Кембридже. В течение двух лет, проведенных в Палестине, Вильямс занимался историей Святой Земли, святых мест и архитектуры Иерусалима, изучением восточного православия и историей Восточных Патриархатов. В архиве Кингс Колледжа, членом которого он был с 1835 по 1870 г., а в 1846–1850 деканом и 1850–1852 гг. проректором

колледжа, отложились собранные им материалы и записи, которые впоследствии послужили основой его книг об Иерусалиме³⁰.

Переписка Вильямса с высшим англиканским духовенством, а также с лордом Абердином³¹, премьер-министром в 1852–1855 гг., частично отложилась в библиотеке Ламбетского дворца. Письма Вильямса свидетельствуют о неприятии им прозелитической направленности деятельности иерусалимской епископии. Конфликт на этой почве привел к отъезду его из Иерусалима и возвращению в Англию, после чего он был назначен капелланом в Кронштадт. (К слову сказать, в личном фонде А.Н. Муравьева хранится неопубликованная переписка с Вильямсом и др. британскими церковными деятелями, в том числе Пальмером, Блэкмором, Гладстоном и др. В полном собрании сочинений А.С. Хомякова опубликовано одно из писем писателя к Вильямсу³²). Эти материалы позволяют проследить развитие англикано-православных контактов, в которых активное участие с российской стороны принимали такие известные представители Церкви и дипломатии как митрополит Московский Филарет, граф Е.В. Путятин, А.Н. Муравьев и др.

Пастор Вильямс интересен для нас не только как историк Иерусалима и Святой Земли, но и как инициатор ряда совместных российско-британских церковных проектов — ему принадлежат попытки организовать обучение в Кембридже православных студентов из России и Греческого Востока, он был одним из организаторов и деятельных участников британской Греко-Восточной Ассоциации, учреждение которой в 1864 г. предполагало сближение Церкви Англии с Российской Церковью и Восточными Патриархатами. Вильямс был одним из тех кто подписал декларацию британского духовенства против объявления войны России в 1877 г. С этой деятельностью Вильямса и целого ряда оксфордских богословов, представителей так называемого оксфордского движения, которые участвовали в работе Ассоциации, можно ознакомиться в Доме-музее одного из основателей оксфордского движения Эдуарда Бувери Пьюзи в Оксфорде «Пьюзи-Хаус». Отмечу, что об этом движении и его связях с Православным Востоком уже в начале 1840-х гг. было хорошо известно русским дипломатам на Ближнем Востоке³³. В своей книге «Сирия и Палестина», написанной в 1848 г., генеральный консул Базили называл Вильямса пьюзиистом³⁴. В архиве Пьюзи-Хауз находится большая фотоколлекция, некоторые снимки которых были опубликованы в статье о Дж. Вильямсе в «Иерусалимском православном семинаре»³⁵.

Хотелось бы упомянуть еще об одной оксфордской библиотеке, а именно научной библиотеке имени Рэдклифа при Бодлианской библиотеке (The Radcliffe Science Library, RSL), один из отделов которой называется Департаментом западных рукописей (Department of Western Manuscripts).

В фонде лорда Селборна³⁶ содержится переписка братьев Пальмеров, в том числе известного церковного деятеля Вильяма Пальмера из Магдален-Колледжа, который оказал заметное влияние на развитие англика-

но-православного диалога и сыграл видную роль в русско-британских и русско-греческих отношениях в Святой Земле и на Ближнем Востоке накануне Крымской войны³⁷. В связи с тем, что в Великобритании сохраняется особое отношение к архивам и хранению личных документах, в различных городах Соединенного Королевства в библиотеках при университетах, аббатствах и колледжах могут обнаружиться фонды частных коллекций тех деятелей, которые имели отношение к исследованиям святых мест Палестины.

Материалы британских архивов во многом восполняют те сведения, которые можно почерпнуть в российских архивах, что помогает составить более глубокое и более объективное представление об истории британского присутствия в Святой Земле. Изучение этих документов позволяет говорить не только о противостоянии двух держав на Ближнем Востоке, но и об их взаимодействии и взаимовлиянии в гуманитарной и церковно-миссионерской сферах. Без обращения к фондам британским архивов невозможно объективно оценить степень участия тех или иных лиц и целых институтов и объективно реконструировать те процессы, которые имели место в Святой Земле и на Ближнем Востоке в целом как регионе, входящем в сферу геополитических интересов великих держав.

¹ Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле. СПб., 2011. С. 133.

² Пальмерстон Генри Джон Темпл, (*Henry Temple, 3rd Viscount of Palmerston*, 1784–1865), государственный деятель Великобритании, виконт, лидер вигов; министр иностранных дел в 1830–1834, 1835–1841 и 1846–1851 гг.; премьер-министр в 1855–1858 и в 1859–1865 гг. Правительство Пальмерстона участвовало в инициировании Крымской войны.

³ Эшли Антон Купер, 7-й граф Шефтсбери (1801–1885), британский политик, филантроп и реформатор; в 1811–1851 лорд Эшли, затем, после смерти отца в 1851 г., граф Шефтсбери.

⁴ *Tibawi A.L. British Interests in Palestine. 1800–1901. A Study of Religious and Educational Enterprise.* Lnd, 1961. P. 36.

⁵ St. Anthony's College. Middle East Centre Archive. GB 165–0161.

⁶ E. W. Willson and M. Ransom, *Life of Michael Solomon Alexander First Anglican Bishop of Jerusalem* [typescript] // Ibid.

⁷ Письмо епископа М.С. Александра к сэру Р. Стиллу. Иерусалим, 29 декабря 1843 г. // Ibid.

⁸ Alexander, Michael Solomon (1799–1845), Bishop in Jerusalem // GB/NNAF/P140291. Papers: MSS 3393–97.

⁹ Gobat, Samuel (1799–1879, Bishop in Jerusalem // GB/NNAF/P161905 (1844–1878: corresp and papers) MS 2338.

¹⁰ Manuscript Collection, British Library.

¹¹ Extracts from an encyclic of bishop Samuel Gobat, printed in the Jewish Intelligence of January, 1849–1852 // Lambeth Palace Library. Papers of J.E.M.F. MS. 2338.

¹² Обращение Решид-паши. Константинополь, 1847 г.; Отношение министра иностранных дел Мехмеда Эмина Аали-паши к губернатору Иерусалима. Константинополь,

- 1847 г.; Сопроводительное письмо султана Абдул Меджида к великому визирю Решид-паше о фирмане, изданном в защиту его протестантских подданных. Константинополь, ноябрь 1850 г. // Lambeth Palace Library. Papers of J.E.M.F. MS. 2338. P. 7–10.
- ¹³ Записка барона Н.Е. Торнау. Август, 1854 г. // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 587. Л. 5–5об.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Смирнова И.Ю. Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. М., 2015.
- ¹⁶ The National Archives (GB, Kew), FO. 352/32–35.
- ¹⁷ FO 78/1521.
- ¹⁸ Allgemeine Zeitung. [1851] // FO. 352/33. Part 2/9.
- ¹⁹ Джуламерк — бывшее армянское, курдское и айсорское название современной турецкой провинции Хаккяри на границе Турции и Ирака.
- ²⁰ Allgemeine Zeitung. [1851] // FO. 352/33. Part 2/9.
- ²¹ Адрес американских миссионеров на имя посла Великобритании сэра Стрэтфорда Каннинга по поводу его возвращения в Англию. Константинополь, 27 мая 1852 г. // FO 352/35. S1401. P. 27.
- ²² Письмо сэра Стрэтфорда Каннинга к адмиралу В. Паркеру. Константинополь, 24 сентября / 5 октября 1850 г.; Письмо сэра Стрэтфорда Каннинга к адмиралу В. Паркеру. Дарданеллы, 4/16 октября 1850 г. // FO 352/33A. См. подробнее: Смирнова И.Ю. Поездка британского посла в Константинополе Стрэтфорда Каннинга на Афон (1850 г.) в документах Архива внешней политики Российской империи // Отечественные архивы. 2013. № 4. С. 53–60.
- ²³ См., например: *Fairey J. Discord and Confusion ... under the Pretext of Religion: European Diplomacy and the Limits of Orthodox Ecclesiastical Authority in the Eastern Mediterranean* // *The International History Review*. Vol. 34, No. 1, March 2012, 19–44; Герд Л.А., Смирнова И.Ю. Константин I, Патриарх Вселенский. Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 37. С. 515–518; Смирнова И.Ю. Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. М.: Изд-во «Индрик», 2015.
- ²⁴ *Fairey J. Discord and Confusion ... under the Pretext of Religion: European Diplomacy and the Limits of Orthodox Ecclesiastical Authority in the Eastern Mediterranean* // *The International History Review*. Vol. 34, No. 1, March 2012, 19–44.
- ²⁵ Герд Л.А. Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 137–157.
- ²⁶ Там же. С. 140.
- ²⁷ Там же. С. 152.
- ²⁸ King's College Archive Centre, Cambridge GBR/0272/PP/GW.
- ²⁹ *Williams G. The Holy City (1845)*. Williams G., Willis R. The Holy city: Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem. Vol. 1–2. London., Cambridge, 1849; Williams G. The Orthodox Church of East in the eighteenth century. London, Oxford, Cambridge. 1868.
- ³⁰ Джордж Гамильтон-Гордон, 4-й граф Абердин (*George Hamilton-Gordon, 4th Earl of Aberdeen*; 1784–1860), английский политический деятель; министр иностранных дел

(2 июня 1828 – 22 ноября 1830 и со 2 сентября 1841 г. до 6 июля 1846 г. 34-й премьер-министр Великобритании (19 декабря 1852 — 30 января 1855).

- ³¹ Письмо А.С. Хомякова к Дж. Вильямсу. Москва, 14 января 1846 г. // Хомяков А.С. ППС в 8 тт. Т. VIII. С. 450–462.
- ³² См.: Докладная записка неизвестного автора (Николаю I) об учреждении протестантского епископства в Иерусалиме. Санкт-Петербург. Б. д. [декабрь 1841/январь 1842] // РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Ед. хр. 495.
- ³³ *Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством. М.-Иерусалим, 2007. С. 532–533.
- ³⁴ *Смирнова И.Ю.* Англо-американское миссионерское присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в сер. XIX в. (англикано-православный аспект) // Иерусалимский православный семинар. Вып. 6. М., 2016. (под ред. К.А. Ваха). С. 61–91.
- ³⁵ Рондел Пальмер, 1-й лорд Селборн (Roundell Palmer, 1-st Earl of Selborn; 1812–1895), британский юрист и политик. Дважды избирался лордом-канцлером Великобритании (1872–1874 и 1880–1885).
- ³⁶ Письмо В. Пальмера к Эдвину Пальмеру, архидиакону Оксфорда. Афины, 25 января 1852 г. // Bodleian Library University of Oxford. Department of Western Manuscripts, Mss. Eug. Lett. f. 432.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА В МУЗЕЕ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ¹

Е.А Терюкова

В собрании Государственного музея истории религии хранится уникальная коллекция предметов, связанных с историей Императорского Православного Палестинского Общества. Эта коллекция включает в себя фотографии, негативы, книги, паломнические сувениры, так называемые «туманные картины», произведения русских художников и графиков, датированные второй половиной XIX — началом XX в². На протяжении многих лет она пользуется неиссякаемым интересом у российских и зарубежных исследователей, предметы из этой коллекции экспонируются на временных выставках и на постоянной экспозиции Музея.

В последние годы история формирования коллекции стала предметом специального научного исследования. К сожалению, в связи с непростой судьбой Палестинского общества в первые годы советской власти, документы, отражающие судьбу самого Общества, а так же судьбу его книжных и вещевых коллекций, оказались рассредоточены по различным архивам Москвы и Санкт-Петербурга. Их поиск и исследование позволили реконструировать историю передачи в Государственный музей истории религии двух наиболее полно уцелевших коллекций ИППО — коллекции фотографий и библиотеки. Первая из них сегодня насчитывает более 9000 единиц хранения, является частью фонда «Фототека» и входит в состав Музейного фонда Российской Федерации. Вторая составляет жемчужину Научной библиотеки Музея. Оба собрания — фотографическое и книжное — были сформированы усилиями членов Императорского Православного Палестинского Общества. В 1907–1913 гг. Императорским Православным Палестинским Обществом были выпущены в свет «Систематический каталог Императорского Православного Палестинского общества», а еще ранее в 1894–1900 гг. «Собрание фотографических снимков...»³.

Отправной точкой для реконструкции истории коллекции послужило письмо исполняющего обязанности председателя Общества В.В. Латышева на имя неперменного секретаря Российской Академии Наук С.Ф. Ольденбурга, датированное 1920 г.. Он писал: «Вступив в 1882 г. на поприще научной и культурно-просветительской работы в Палестине и сопредельных с нею странах Библейского Востока, Российское Палестинское Общество в течение уже первой четверти века своего существования ... собрало весьма ценную в научном отношении библиотеку, насчитывающую вместе с планами, рисунками и фотографическими снимками до 30 000 названий»⁴. Это письмо является одним из наиболее ранних и достоверных документальных свидетельств, позволяющих оценить количественный и качественный состав коллекций Императорского Православного Палестинского Общества на начало 1920-х гг.

Известно, что после 1917 г. деятельность Палестинского общества оказалась под угрозой. Политическая и финансовая нестабильность ранее всего сказалась в области имущественных отношений. Еще «в начале 1916 г. при содействии и материальной помощи близких ему лиц» Палестинское общество «озабоченное наилучшим размещением и охранением своих научных собраний... приобрело в Петрограде, по Мытнинской улице, вблизи Николаевского вокзала, в собственность небольшой дом, предполагая приспособить его для помещения Канцелярии и устройства зала для заседаний, библиотеки, архива, музея и книгохранилища, а так же и общежития для проезжающих через Петроград на Ближний Восток научных сотрудников и экскурсантов; остающиеся свободными помещения в доме Общество предполагало предоставить своим сотрудникам и служащим»⁵. Затянувшаяся война, а так же принятый в августе 1916 г. закон о закреплении квартир за проживающими в них жильцами без права выселения, внесло коррективы в планы Общества. Оно было вынуждено приспособить три свободных квартиры под канцелярию, библиотеку и архив, в подвале дома оборудовать книгохранилище, все остальные 15 квартир закрепить за проживавшими в них и не имевшими никакого отношения ни к научной деятельности вообще, ни к Палестинскому обществу в частности, жильцами. Тем самым, Общество оказалось в чуждой для него роли домохозяина и занималось сдачей квартир в наем. Однако в 1919 г. расходы по содержанию дома значительно превысили доходы от аренды.

«Не теряя надежды осуществить когда-нибудь свои предположения относительно приспособления дома Общества для вышеперечисленных научных целей и придать ему характер и значение «Палестинского» дома, который совокупностью своих учреждений послужил бы для развития в России науки Палестиноведения», Совет Общества в декабре 1920 г., «в исключительно тяжелое время, когда дому угрожала опасность быть отчужденным наравне с прочими частными домами в распоряжение Ко-

миссариата городского хозяйства, который мог использовать его для посторонних Обществу целей и даже лишить само Общество занимаемого им помещения» увидело для себя «единственный благоприятный выход из столь затруднительного положения в передаче дома (*на Мытницкой — прим. авт.*) Российской Академии Наук», которая, как указывалось в письме за подписью и.о. председателя Общества В.В. Латышева на имя неперменного секретаря Российской Академии наук С. Ф. Ольденбурга, еще в 1918 г., «вследствие предложения заместителя Председателя Совета коммун Северной области⁶ тов. Луначарского, приняла живое и заботливое участие в охране научного имущества Палестинского Общества⁷. Помимо защиты имущественных интересов, Совет Палестинского общества руководствовался при принятии такого решения беспокойством о судьбе «находящейся ныне при Обществе и содержимой в образцовом порядке научной библиотеки по Палестиноведению». Российской Академии наук предлагалось признать ее в качестве филиального отделения «с допущением для занятий всех желающих извлечь необходимые материалы для своих научных работ по востоковедению». Свободную часть помещений канцелярии Общество так же было готово предоставить в распоряжение Академии наук для проведения «возникающих при Академии различных ученых Комиссий». Кроме того, как указывалось в том же письме, по закреплению дома за Академией наук часть квартир, после освобождения их жильцами, могли быть переданы научным сотрудникам Академии, а также сотрудникам Палестинского общества. Ввиду вышеуказанного Совет Российского Палестинского Общества «убедительно просил» Российскую Академию Наук принять экстренные меры «к закреплению, через Комиссариат народного просвещения, находящегося по Мытнинской улице под № 10 дома Палестинского Общества за Российской Академией Наук», а также «признать принадлежащую Палестинскому обществу научную библиотеку по Палестиноведению филиальным отделением Библиотеки Российской Академии Наук»⁸.

Из Отчета о деятельности Российского Палестинского общества за 1922 г. мы узнаем, что в 1922 г. «Обществу удалось закончить работу по созданию Музея Палестиноведения, куда вошли все те предметы искусства и археологии, которые имеют ценность для характеристики исторических судеб и современного Востока, особенно Палестины». Ценность этого музейного собрания была подтверждена охранным удостоверением, выданным Государственным музейным фондом⁹ 12.01.1922 за №1551. В Отчете так же подчеркивалось, что Музей, равно как и «богатая Библиотека Общества могут быть открыты для обозрения и общественного пользования по получении средств на отопление помещения, в котором они находятся. Общество проявило достаточную жизнеспособность в самые тяжелые времена ценою героических усилий и жертв со стороны своих членов»¹⁰.

В 1923 г. Обществу было объявлено, что, в соответствии с декретом об отделении церкви от государства и в связи с не утверждением при перерегистрации Устава Общества оно подлежало ликвидации решением Наркомата внутренних дел от 20 июня 1923 г.¹¹. Все имущество Общества в России и за рубежом объявлялось собственностью государства. Принадлежавший ему дом на Мытнинской улице был национализирован, а «движимое имущество (библиотека, склад изданий, музей, канцелярское оборудование и пр.) передано в другие учреждения. Архив Общества был принят на учет Ленинградского Отдела Центрархива, текущая переписка изъята Исполкомом Володарского района»¹².

Как бы предчувствуя надвигающуюся угрозу, еще в январе 1923 г. Совет Общества счел необходимым обратиться в Акцентр с просьбой «оказать содействие в укреплении юридического положения Общества ... и, в частности, зарегистрировать в качестве научных учреждений, открытых для обозрения и научной работы, Музей Палестиноведения и Библиотеку Общества; первый может быть открыт по воскресеньям 12–14 ч., вторая по вторникам от 5–7 и пятницам 2–4»¹³.

Так как положительного решения на ходатайство не последовало, а существование уникальных собраний находилось под реальной угрозой, Совет общества был вынужден обратиться за поддержкой в Академию Наук. 4 февраля 1923 г. в Российскую академию истории материальной культуры за подписью Председателя Российского Палестинского общества академика Ф.И. Успенского и Секретаря Общества профессора В.Н. Бенешевича поступило письмо, из которого следует, что после личных объяснений руководства Общества с Заведующим научными учреждениями Академического центра стало очевидно, что «Российское Палестинское Общество, не состоя в объединении с какими-либо научным учреждением Акцентра, лишено возможности с достаточной авторитетностью охранять свою исключительную по богатству и специальному подбору книг библиотеку, а так же музей, содержащий редкие неизданные материалы по археологии и искусству Ближнего Востока. Посему Совет Российского Палестинского общества имеет честь просить Российскую академию истории материальной культуры, которая ставит своей задачей изучение и охрану памятников древности и искусства, не отказывать принять в свое ведение организованные Обществом для публичного пользования библиотеку и музей Ближнего Востока»¹⁴.

Ответ не заставил себя ждать и 8 февраля 1923 г. ученый секретарь Российской академии истории материальной культуры Б. В. Фармаковский уведомил Российское Палестинское Общество: «Совет Академии, заслушав в заседании 5 сего февраля отношение Общества от 4 февраля с.г., за № 32, с ходатайством о принятии в ведение Академии организованных Обществом библиотеки и Музея Ближнего Востока, постановил означенное ходатайство Общества удовлетворить»¹⁵.

Во исполнение этого решения уже 5 июля 1923 г. председатель Российской академии истории материальной культуры академик Н.Я. Марр направил в Административный отдел Губисполкома запрос с просьбой в срочном порядке снять печати с опечатанных 4 июля 1923 г. заведующим столом регистрации Обществ и других объединений Володарского района на основании ранее выданного Отделом Управления за № 902 мандата двух принадлежащих Палестинскому обществу комнат (библиотеки и зала заседаний) в помещении по адресу Мытнинская д.10, кв.10., ввиду того, что в этих двух комнатах, как и в третьей, не опечатанной, находилось книжное собрание, архив и музей Востока, находящийся, по постановлению Совета Российской академии истории материальной культуры в ведении Академии¹⁶.

9 июля 1923г. Административный подотдел Отдела Управления Петроградского губернского исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов направил в Отдел музеев Академического центра ответ, с предложением «немедленно принять меры к изъятию библиотеки и музея бывшего Палестинского общества (Мытнинская ул, д.10, кв.10)». При этом указывалось, что «о времени приемки и вывоза упомянутого имущества следует заблаговременно известить Отдел Управления Володарского района, т.к. помещение библиотеки и музея опечатано, согласно предписанию НКВД от 20 июня с.г. о ликвидации деятельности Российского Палестинского общества. Имеющийся у Общества инвентарь, поскольку не представляет художественно-исторического значения, подлежит сдаче в Собес через Отдел Управления Володарского отдела»¹⁷.

Итогом этой переписки стало решение Академического центра Петроградского Управления научных и научно-художественных учреждений Наркомпроса от 30 августа 1923 г. о передаче «библиотеки, архива и музея, со всеми инвентарем последних, а так же склада изданий бывшего Палестинского общества» в ведение Российской академии истории материальной культуры, в виду чего последней предлагалось незамедлительно приступить к приему названного имущества Общества и его перевозке из дома по адресу на Мытнинской д.10 в помещение Академии¹⁸.

Российская академия истории материальной культуры безотлагательно приступила к решению поставленной задачи. О том, как именно это происходило, свидетельствует сохранившаяся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей записка, направленная в Петроградское Управление научных учреждений и датированная 1 ноября 1923 г., которая приводится без сокращений: «Вследствие отношений от 30 августа с.г. за № 6388 и 18 сентября с.г. за № 6939, Российская Академия Истории Материальной Культуры уведомляет, что 18 сентября в присутствии следователя Г.П.У. тов. Виноградова, представителя Комитета по охране и реставрации памятников искусства и старины Н.В. Купцова и представителя РАИМК библиотекаря В.Н. Бенешевича и завед. административно-хозяй-

ственной частью М.М. Гирса, завед. столом регистрации обществ и союзов Отдела Управления Володарского Райисполкома А.И. Леопольдовой были изъяты печати с опечатанных помещений б. Палестинского общества (библиотека и архив) представителем Г.П.У. были изъяты портреты лиц б. царской семьи и представительницей Райисполкома — предметы церковного обихода, после чего ключи были переданы представителю Академии, а означенные помещения, равно как помещающийся отдельно во дворе склад изданий и кладовая в подвале были опечатаны печатью Академического Центра, о чем и был составлен соответственный акт за подписью всех перечисленных лиц.

Произведенным тогда же В.Н. Бенешевичем и М.М. Гирсом тщательным осмотром всего переходящего в ведение Академии имущества б. Палестинского общества было установлено, что библиотека, архив и музей с относящимся к ним инвентарем могут быть переедены из помещения б. Палестинского общества в помещение Академии немедленно по получении необходимых на то средств, склад же изданий, как по составу своему, так и по тому плачевному состоянию, в котором находится, нуждается предварительно перевозки в тщательной и довольно продолжительной разборке...

Отношением от 10 сентября с.г., за № 2498, РАИМК сообщила Петроградскому Управлению Научными Учреждениями, что перевозка библиотеки, архива и музея б. Палестинского общества поручена Академией Транспортно-экспедиционной Конторе НКП, как предложившей наиболее выгодные условия, и что к перевозке будет приступлено 13 сего октября.

По снятии 13 октября печатей, наложенных 3 октября, было приступлено под руководством и наблюдением особо уполномоченного на то библиотекарем Академии лица к вязке и упаковке библиотеки, архива и музея, причем попутно с упаковкой музея была произведена подробная опись всего музейного имущества и относящегося к библиотеке, архиву и музею инвентаря. Упаковка была закончена 20 октября, а с 22 по 26 октября была произведена перевозка из помещения б. Палестинского общества в помещение Академии поступившего в ведение Академии имущества, о чем того же 26 октября за подписями представителя Комитета, библиотекаря Академии и зав.хоз.-адм. частью Академии был составлен акт с подробным перечислением всего поступившего в распоряжение Академии имущества.

Того же 26 октября представителем Комитета было произведено в помещении б. Палестинского общества изъятие шести самоваров, ценных в художественно-бытовом отношении и переданных того же числа в Историко-бытовой отдел Русского музея, о чем составлен соответствующий акт.

Наконец, того же 26 октября зав. столом регистрации обществ и союзов Отдела Управления Володарского района совместно с представителем Комитета Н.В. Купцовым и Академии М.М. Гирсом в присутствии проживающего в помещении бывшего Палестинского общества А.Н. Акимова

была произведена опись имущества, остающегося в распоряжении означенного Отдела Управления, и подписан заключительный акт о ликвидации имущества б. Палестинского общества.

О времени перевозки означенного имущества был поставлен в известность подлежащий следователь ГПУ.

Печать б. Палестинского общества и текущая переписка об его деятельности и личном составе затребована и заведующим Столом регистрации А.И. Леопольдовой от последнего председателя названного Общества академика Ф.И. Успенского.

Таким образом, научная часть имущества Палестинского Общества, помещавшаяся в кв. № 10 по Мытнинской ул. д.10, получает полное сохранение для исследовательских целей в ожидании разрешения вопроса о самом Обществе, в каком бы виде ни была организована дальнейшая работа над его чрезвычайно важными задачами, входящими весьма существенно в интересы самой Академии Истории Материальной Культуры.

В отдельном опечатанном подвале находятся еще склад изданий б. Палестинского общества и в кладовой в другом подвале три опечатанных ящика с клише к этим изданиям.

Председатель Академии Н. Марр.

Управляющий делами В. Миханкова.

Завед. адм.-хоз. частью М. Гирс».

21 января 1927 г. за №375/212 в Академию истории материальной культуры из Ленинградского хранилища Государственного музейного фонда в связи с перерегистрацией всего состоящего на учете Фонда имущества поступил запрос, «сообщить состоят ли перечисленные в прилагаемом при сем списке материалы в общем составе имущества Академии или числятся за Палестинским обществом, как особым учреждением». В запросе указывалось, что имущество возобновившего свою работу Палестинского общества по охранному удостоверению за № 1551 от 12.X.22 г. продолжает числиться на учете Государственного музейного фонда и находится в ведение Академии истории материальной культуры¹⁹. К запросу прикладывалась опись «имеющих научно-историческое и художественное значение» предметов, принятых на учет Государственного музейного фонда и находившихся ранее в помещении Палестинского общества на Мытнинской ул., дом № 10, кв. 10.

Из Описи следует, что по указанному адресу находились:

«- Библиотека Общества, состоящая из книг, планов, альбомов, рисунков и фотографий, специально относящихся к истории, археологии, этнографии и искусства Палестины и сопредельных с нею стран библейского востока, всего в количестве 30 000 т. Библиотека имела систематический каталог в 3 т.

- Рельефная карта Палестины в подвижном станке, единственная в России²⁰.

- Разборная модель храма Воскресения, с прилегающими к нему древними зданиями, улицами и кварталами. Модель поставлена собственноручно известным исследователем подземного Иерусалима — архитектором-археологом Шиком.

- План древнего Иерусалима, исполненный красками на полотне знаменитым Брюсом, начала 18 в.

- Коллекция древних монет, собранных в Палестине известным археологом Антонином Капустиным, описанная профес. И.Б. Помяловским.

- Собрание картин масляной красками и акварели, изображающие древности Иерусалима и других Палестинских и Сирийских мест. Картины принадлежат кисти русских художников: Волкова, Кошелева, Кившенко, Навозова и Айвазовского.

- Научные издания Палестинского общества, альбомы и фотографии.

- Собрание мелких вещей, вывезенных из Палестины.

- Портреты деятелей Общества.

- Различные виды.

- Планы»²¹.

В ответ Государственная академия истории материальной культуры подтверждала присутствие означенного имущества на своей территории и просила Ленинградское отделение Государственного музейного фонда уведомить ее, предполагает ли Общество принять от Академии имущество Общества, переданное в свое время Академии и состоящее на учете Музейного фонда, обратно или же Палестинское общество считало предпочтительным оставить означенное имущество в составе имущества Академии²².

На запрос Ленинградского отделения Государственного музейного фонда Российское Палестинское Общество за подписью председателя Ф. И. Успенского 9 февраля 1927 г. проинформировало Государственную академию материальной культуры, «что хотя библиотека, музей и склад изданий Российского Палестинского Общества распоряжением Ленинградского отделения Главнауки от 9 апреля 1924 г., за № 2804, переданы обратно Обществу из ведения ГАИМК, однако Общество вынуждено просить об оставлении этого своего имущества в помещении Академии, куда оно было перевезено по распоряжению Главнауки, впредь до тех пор, пока Обществу не будет возвращен принадлежавший ему дом /на Мытинской ул./, или не будет предоставлено другое помещение»²³.

Новый этап в истории передач коллекций Российского Палестинского общества приходится на 1937–1939 гг.. Согласно выявленным в архивах документам, именно в этот период библиотека бывшего Императорского Православного Палестинского Общества поступила из ведения Государственной академии истории материальной культуры²⁴ в Институт востоковедения²⁵. Есть основания полагать, что одновременно в Институт востоковедения из ГАИМКа были переданы частично и другие материалы,

касающиеся деятельности Общества, включая, его вещевые коллекции, архив и фототеку. В связи с этим Музей истории религии АН СССР, открывшийся в Ленинграде в 1932 г., обратиться в декабре 1938 г. в Президиум Академии наук с просьбой в числе коллекции культовых предметов по буддизму и собрания миниатюр по исламу «разрешить передачу из Института востоковедения в Музей истории религии коллекции вещей б. Палестинского общества (иконы, грамоты, макет Иерусалимского храма и т.д.). Вышеуказанные коллекции необходимы как для экспозиционной, так и для научно-исследовательской работы Музея»²⁶.

Как видно из ответа, направленного в Президиум Академии 7 декабря 1938 г. директором Института востоковедения профессором А.П. Баранниковым, данная просьба полностью соответствовала стремлениям самого Института: «В Институт востоковедения поступило отношение Архива АН от 28.11.38 г. За № А-7, в котором Архив АН предлагает от имени Управления Центральными Государственными Архивами Ленинграда передать хранящиеся в Рукописном Отделе ИВ'а делопроизводственные материалы б. Православного Палестинского общества в Управление Центральными Государственными Архивами Ленинграда. Что же касается коллекционного собрания (планы, макеты Иерусалима, иконы, гравюры, негативы, диапозитивы, фотоснимки и т.п.), то Архив АН считает более целесообразным передать их в Музей истории религии, который в них крайне заинтересован по роду своей работы и который неоднократно обращался по этому вопросу также в Институт востоковедения. Ввиду того, что указанные материалы не представляют непосредственного интереса для ИВ Институт востоковедения не имел бы возражений против передачи их в МИР при наличии распоряжения Президиума. При разрешении настоящего вопроса Институт востоковедения просит иметь в виду ранее сообщенное распоряжение Президиума о необходимости концентрации всего имущества б. Палестинского общества в одном учреждении. Таким учреждением до сих пор был Институт Востоковедения, где хранится вся библиотека названного общества»²⁷.

15 декабря 1938 г. Секретариат Академии наук направил академику-секретарю Отделения общественных наук АН СССР А.М. Деборину просьбу «дать заключение по прилагаемому отношению Директора Музея истории религии о передаче в Музей коллекции б. Палестинского общества, коллекцию культовых вещей по буддизму и собрание миниатюр по исламу»²⁸, на основании которого месяц спустя 15 января 1939 г. Президиум АН СССР принял постановление: «Ходатайство Музея истории религии АН о передаче ему из Института востоковедения коллекции вещей б. Палестинского общества (иконы, грамоты, макет Иерусалимского храма и т.п.), коллекции культурных вещей по буддизму и собрание миниатюр по исламу удовлетворить»²⁹.

3 июня 1939 г. научному сотруднику Музея К.Ф. Воронцову была выдана доверенность на получение «из Института Востоковедения АН СССР материалов Палестинского общества»³⁰. На ее основании, согласно сохранившемуся в отделе Учета фондов Государственного музея истории религии Акту передачи от 5 июня 1939 г., ученым секретарем Рукописного отдела Института Востоковедения Академии Наук А.М. Мигуновым и заведующим отделом фондов Музея истории религии АН СССР К.Ф. Воронцовым, в Музей в числе абиссинских икон (4 ед.), буддистских икон (648 ед.) и культовых предметов (82 ед.) были переданы «материалы бывшего Палестинского общества и папка с фотографиями археологических памятников по христианству в Малой Азии (Малая Азия, Никея, Никомедия, Хиос)»³¹. Впоследствии в 1954 г. благодаря усилиям директора Музея истории религии В.Д. Бонч-Бруевича в Музей поступила и уцелевшая часть библиотеки ИППО (более 10 000 наименований)³². Так спустя много лет уцелевшие фрагменты научной коллекции, созданной и сохраненной усилиями членов Палестинского общества в России, воссоединились в стенах Музея истории религии, который уже в наши дни занимается ее активным изучением: в постоянной экспозиции Музея, посвященной истории Русской Православной церкви, представлен раздел, повествующий о деятельности ИППО, регулярно проводятся тематические выставки, посвященные истории Императорского Православного Палестинского Общества, организуются научные семинары и конференции.

- ¹ Исследование было проведено при поддержке гранта РГНФ № 14-63-01001 «Библиотека Императорского православного палестинского общества в составе книжного собрания научной библиотеки Государственного музея истории религии».
- ² Терюкова Е.А., Чумакова Т.В., Шахнович М.М. Коллекции Императорского Православного Палестинского Общества в собрании Государственного музея истории религии // Вестник РХГА. Т. 16. Вып. 4. С. 284–290.
- ³ Систематический каталог Императорского православного палестинского общества. СПб., 1907. Т.1: Отделы А-М; Т.2: Отдел Н; Систематический каталог Императорского православного палестинского общества. Дополнение к 1 и 2 тт. (за 1908–1912 годы): Отделы А-Н. СПб., 1913. 216 с.; Собрание фотографических снимков, принадлежащих ИППО (Палестина и Синай). Привел в порядок и описал В.Д. Юшманов. СПб., 1894, 1900.
- ⁴ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.117.
- ⁵ Архив востоковедов ИВР РАН Ф.120. Оп.1. Д.117. Б/н.
- ⁶ Совет коммун Северной области — областное объединение Советов, существовавшее в период с мая 1918 г. по февраль 1919 г., после переезда партийных и советских органов государственного управления в Москву.
- ⁷ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.117. Б/н.
- ⁸ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.117. Б/н.

- ⁹ Государственный музейный фонд - основан в 1918 г. как особое структурное подразделение органов управления музейным делом, осуществляющее хранение, инвентаризацию и перераспределение предметов музейного значения между музеями.
- ¹⁰ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.71. Л.2
- ¹¹ Спустя короткое время стала очевидна ошибочность данного решения. Выяснилось, что декрет об отделении церкви от государства не должен был иметь применения к Палестинскому обществу, ибо в основе его деятельности лежали исключительно научные интересы.
- ¹² Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.71. Л.27.
- ¹³ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.31. Л.1.
- ¹⁴ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.69.
- ¹⁵ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.103.
- ¹⁶ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.6. Л.10.
- ¹⁷ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.6. Л.12.
- ¹⁸ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.104.
- ¹⁹ Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 78. Л.1
- ²⁰ О Рельефной карте Палестины см. подробнее: Екатерина Терюкова. Из истории одного экспоната. (Рельефная карта Палестины из собрания ГМИР // Иерусалимский Православный семинар. Вып. 6. Москва, 2015. С. 159–166.
- ²¹ Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф.2. Оп.1. Д.78. Л.2.
- ²² Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф.2. Оп.1. Д.78. Л.3.
- ²³ Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Стр.4
- ²⁴ Государственная академия истории материальной культуры — переименована в 1926 г. из Российской академии истории материальной культуры. В 1937 г. преобразована в Институт истории материальной культуры в составе Академии наук СССР.
- ²⁵ Институт востоковедения АН СССР образован в Ленинграде в 1930 г.
- ²⁶ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д. 13. Л. 1.
- ²⁷ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д.13. Л.2.
- ²⁸ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д.13. Л.3.
- ²⁹ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д.13. Л.6.
- ³⁰ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.152. Оп.1а. Д.658. Л.20.
- ³¹ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.152. Оп.1а. Д.658. Л.19.
- ³² См. подробнее: См. *Панеях А.В.* Из истории библиотеки Императорского православно-го палестинского общества в собрании Научной библиотеки Государственного музея истории религии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014 (а). Вып.4. С.144–149; *Панеях А.В.* Научная библиотека Государственного музея истории религии: Страницы истории // Труды Государственного музея истории религии. СПб: Типография СПГУТД, 2014 (б). Вып.14. С.95–105; *Панеях А.В.* Библиотека ИППО в фондах Научной библиотеки Государственного музея истории религии: состав, структура, систематизация// Иерусалимский Православный семинар. Вып. 6. Москва, 2015. С. 201–224.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ТРУДАХ АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА (КАВЕЛИНА)

И. В. Федорова

Систематическое изучение описаний паломничеств в Святую Землю эпохи русского Средневековья началось в XIX в. Трудami целой плеяды исследователей того времени — А. Н. Муравьева, А. С. Норова, В. Н. Хитрово, М. А. Веневитинова, С. О. Долгова, Х. М. Лопарева — создана надежная источниковая база как для изучения феномена восточнославянского паломничества, так и для реконструкции литературной истории отдельных памятников жанра «хождений».

Особое место в изучении этого пласта русской книжности принадлежит наместнику Троице-Сергиевой лавры Леониду (Кавелину), вклад которого в изучение отечественной истории и палестиноведение оценили уже современники, называя его «строгим иноком и неутомимым тружеником науки», «ученым монахом» и «мужем науки».¹ Сам архим. Леонид, по воспоминаниям тех же современников, предпочитал скромно именовать себя «русским ветхословцем».² Представление о богатом наследии архимандрита передают существующие библиографии и ретроспективные обзоры его научной деятельности.³ Однако вклад исследователя в изучение восточнославянской паломнической литературы до сих пор еще не осмыслен.

Если прибегнуть к языку статистики, то почти за тридцать лет активной научной деятельности архим. Леонидом было изучено и подготовлено к публикации одиннадцать описаний паломничеств в Святую Землю XII пер. пол. XVIII столетий. Помимо научных исследований, предваривших публикации текстов «хождений» и комментариев к ним, написано семь статей соответствующей тематики.⁴ Много это или мало? Чтобы ответить на вопрос, перейдем от статистики к аналитике, т. к. язык цифр не отражает многоплановой работы, предшествующей написанию статей и изданию текстов памятников, и не характеризует научного метода исследователя.

Основной научной лаборатории архим. Леонида была камеральная археография. Благодаря целенаправленному разысканию средневековых памятников им было выявлено и опубликовано по списку ГИМ, Синод. собр., № 420⁵ Хождение гостя Василия,⁶ выделяющееся на фоне других паломнических рассказов описанием нетрадиционного маршрута через Малую Азию, Палестину, Египет. Им же опубликован текст путеводителя под названием «Сказание Епифания мниха о пути к Иерусалиму»,⁷ содержащего описание пути от Великого Новгорода до Иерусалима, известного исследователю в шести списках XVI–XVII в.,⁸ включая список, по которому его впервые издал И. Е. Забелин.⁹ Корпус русской паломнической литературы архим. Леонид пополнил и двумя переводными памятниками с греческого языка. Это древнерусский перевод «Проскинитария» Арсения Каллуды, осуществленный в конце XVII в. известным книжником Чудова монастыря Евфимием.¹⁰ И «История и описание Святой Земли и святого града Иерусалима», составленная на греческом языке иерусалимским патриархом Хрисанфом в 1728 г. и тогда же переведенная на русский язык:¹¹ список перевода этого Описания и его греческий оригинал ученый обнаружил в Публичной библиотеке.¹² Оценивая археографические находки архим. Леонида, обратим внимание и на рукопись из собрания М. П. Погодина, № 1539 (РНБ), содержащую полный текст «Хождения в Иерусалим и Царьград», предпринятого и описанного диаконом Троице-Сергиевой лавры Ионой Маленьким.¹³ До архим. Леонида это Хождение дважды было опубликовано И. Коркуновым и И. П. Сахаровым¹⁴ по спискам, которые архим. Леонид находил «неполными и неисправными».¹⁵ Поэтому, как признавался ученый, он надеялся найти полный список Хождения, который позволил бы этому памятнику «занять почетное место в ряду русских паломников XVII в.».¹⁶

Все опубликованные ученым Хождения, независимо от того, вводил он памятник в научный оборот или тот уже был известен в науке, архим. Леонид предварял комплексным исследованием, включавшим археографическое описание списков, установление времени богомолья и его описания; при возможности реконструировалась биография писателя-паломника, предпринималось источниковедческое изучение текста. Многие выводы и предположения архим. Леонида, сделанные в ходе такого типа исследований, и в наши дни не утратили своей актуальности.

Так, современной наукой не оспаривается установленное исследователем время паломничества гостя Василия в период между 1456–1466 гг.,¹⁷ а к 1415–1417 гг., вслед за архим. Леонидом, и сегодня в науке относят «Сказание о пути к Иерусалиму» Епифания.¹⁸ В результате источниковедческого анализа этого памятника исследователь установил, что при составлении путеводителя часть текста была заимствована из другого произведения, «Хождения в Святую Землю» архимандрита Агрефения.¹⁹

Для «Православного Палестинского сборника» ученый подготовил критическое издание Хождения Агрфефия, увидевшее свет уже после его смерти, в 1896 г.

Устойчивость предложенных архим. Леонидом датировок памятников паломнической литературы следует объяснить научным методом, применяемым им: исследователь всегда шел за содержанием текста, внимательно изучая и оценивая отмеченные в нем реалии паломничества, особенности архитектуры иерусалимских святынь и сведения о городах, через которые проходил «иерусалимский путь» писателя-паломника. Показателен в этом отношении анализ содержания Хождения архимандрита Агрфефия.

Паломничество Агрфефия архим. Леонид датировал 1370 г., обратив внимание на то, что в Хождении отсутствует упоминание о турках, но названы иерусалимский митрополит Герман и епископ Марк II, что, как заметил ученый, было актуально до 1378 г., времени смерти епископа. Учел исследователь и сообщение паломника о святых местах, которыми во время его богомолья в Иерусалим владело армянское духовенство.²⁰ Особой гордостью архим. Леонида стало то, что его исследование, сместившее датировку произведения с XV на XIV столетие, позволило именно ему назвать имя второго древнерусского паломника в Святую Землю после игумена Даниила — Агрфефия — и установить, что этот писатель-паломник был архимандритом смоленского Богородичного монастыря.²¹

Изученные исследователем памятники и подготовленные статьи, среди которых выделим две, новаторские по типу исследования, — «Обозрение цареградских памятников и святынь XIV и XV веков по русским паломникам» и «Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV–XVI веков: сводные тексты оных с объяснительными примечаниями, основанными на местных исследованиях»²² — отражают эрудицию исследователя, его знание топографии Константинополя и Иерусалима, исторической географии, местной легенды и библейской археологии, полученные не только из книг, но и на месте.²³ Напомним о том, что в 1858–1859 г. архим. Леонид находился в составе Иерусалимской миссии под началом епископа Кирилла (Наумова), с 1863 г. уже сам был ее начальником, а в 1865 г., сдав дела архим. Антонину (Капустину), «ученый монах» стал настоятелем церкви при российском посольстве в Константинополе.²⁴ Обе статьи ученого являются первым опытом сравнительно-аналитического изучения содержания «хождений» разного времени и составления реального комментария к текстам, опубликованным И. П. Сахаровым под заголовком «Путешествия русских людей».²⁵ Такого типа исследования-комментарии являются трудоемкими и кропотливыми, и именно их не хватает современному изучению отечественной паломнической литературы.²⁶

Свой опыт пребывания на Святой Земле, у Гроба Господня, и исследования восточнославянской паломнической литературы архим. Леонид обобщил и в

книге «Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника»,²⁷ уже современниками признанной лучшим путеводителем по Святой Земле. Этот труд архим. Леонида заслуживает специального изучения и с точки зрения содержания, и для установления круга использованных автором источников, а также для осознания роли этой книги в истории развития паломнического текста и формирования такого явления, как научное паломничество.

Интерес ученого к паломничеству по Святой Земле также отражает состав личной библиотеки архим. Леонида, использованной при подготовке его трудов, — «Опись личной библиотеки архим. Леонида» (РГБ, ф. 304/ II (доп. собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры), № 361). Показателен состав шестого раздела «Описи», названного «Восток, его святыни и древности» (РГБ, ф. 304/ II, № 361. С. VI, 247–282) и демонстрирующего круг интересов владельца библиотеки к этой теме. По нему видно, что архим. Леонид собирал научные исследования, посвященные паломнической литературе,²⁸ архитектурным памятникам Палестины, карты и планы Святой Земли, путеводители по ней; описания паломничеств на русском и иностранных языках средневековых авторов и XVIII–XIX столетий, опубликованные и сохранившиеся в рукописях.

Отметим одно из таких сочинений — «Описание святого града Иерусалима» Симона Симоновича. Этот путеводитель по Палестине имел широкое бытование среди русских паломников XVIII–XIX столетий как практическое руководство, о чем свидетельствует большое количество его изданий, украшенных гравюрами Христофора Жефаровича.²⁹ Одно из таких изданий 1771 г. находилось в библиотеке архим. Леонида (РГБ, ф. 304/ II, № 361. С. 249, № 19. (53 стр.)).³⁰ Как отмечают исследователи, рукописных копий, сделанных с цельногравированных изданий, известно мало.³¹ Одна из них, выполненная в XIX в. с издания 1781 г.,³² сохранилась в архиве «ученого монаха» (РГБ, ф. 148, к. 11, № 4). Интерес исследователя к этому памятнику был не случайным: Стоит напомнить о том, что архим. Леонид пытался пересмотреть время составления текста «Описания Иерусалима» Симоном Симоновичем, считая, что произошло это не в XVIII в., а в XIV столетии.³³ Однако в науке его гипотеза поддержки не получила.³⁴

Даже ретроспективное знакомство с трудами архим. Леонида, посвященными русской паломнической литературе, создает впечатление, что удача благоволила разысканиям исследователя, поэтому рукописи сами «шли» к нему в руки, а он не только обнаруживал новые тексты, но и щедро делился с коллегами неизвестными списками «хождений». Как это было, к примеру, при подготовке к изданию в «Православном Палестинском сборнике» Хождения Василия Гагары.³⁵ Архим. Леонид не только обнаружил неизвестный список этого произведения в собрании МГАМИД, № 401/853 (РГАДА), который был скопирован для публикации на страницах «Православного Палестинского сборника», но и подготовил небольшое исследо-

вание о нем. С. О. Долгов частично опубликовал эту работу,³⁶ сообщив об этом архим. Леониду в письме от 24 декабря 1890 г.: «Мне выпала счастливая возможность обнародовать Ваш труд, давно уже приготовленный Вами для Православного Палестинского Общества — Хождения Василия Гагары — по сообщенному Вами списку. Издание это уже печатается и в будущем году появится на свет. Вы увидите, что я не отступил от пути, Вами проложенного в изучении этого паломника, и в своих дополнениях следую по Вашим стопам. Дай Господь, чтобы мой труд заслужил Ваше одобрение. Это будет моей лучшей наградой!» (РГБ, ф. 148, к. 12, № 13, л. 5 об. — 6). Говоря о «проложенном» пути, С. О. Долгов, очевидно, понимал впервые высказанное архим. Леонидом предположение о существовании нескольких редакций текста памятника:³⁷ в «Православном Палестинском сборнике» его литературная история представлена двумя опубликованными полнотекстовыми редакциями. К сожалению, подробнее о рассуждениях архим. Леонида на эту тему говорить не приходится, т. к. об этом ничего не сказано в издании Хождения и в письмах к архимандриту С. О. Долгова. Для нас участие архим. Леонида в изучении Хождения Василия Гагары интересно тем, что представляет его еще и как исследователя рукописной традиции древнерусских «хождений», т. к. все изученные и изданные архим. Леонидом описания Святой Земли сохранились в единичных списках, а потому передают текст одной редакции и не дают возможности обращаться к этому аспекту бытования «хождений» в русской книжности.

Большую часть своей жизни архим. Леонида посвятил трудоемкой работе с рукописями, их изучению и описанию, знакомству с существовавшими в то время описаниями рукописных собраний. Многие его находки стали для науки знаковыми. К таковым относится издание паломнических описаний первой половины XVIII в.

Корпус паломнической литературы этого времени в современной науке, вслед за архим. Леонидом, называют «паломниками-писателями Петровского и послепетровского времени».³⁸ До сих пор о нем известно по произведениям, впервые опубликованным архим. Леонидом: «Путешествие» 1704 г. Макария и Селиверста, «Описание Святой Земли» 1707 г. Андрея Игнатъева, «Путники» иеромонаха Варлаама 1712 г. и инока Серапиона 1749 г., а также Хождение Иоанна Лукьянова³⁹ и Перепригания Ипполита Вишенского.⁴⁰ Опубликовав эти произведения, ученый «закрыл» лакуну, существовавшую в исследовании русского паломничества первой половины XVIII в., т. к. кроме Василия Григоровича-Барского и Матвея Нечаева отечественное палестиноведение XIX в. других писателей-паломников не знало. Прошло более ста лет со времени обнародования архим. Леонидом названных произведений, а науке XX столетия так и не удалось добавить в репертуар паломнической литературы раннего Нового времени хотя бы еще одно произведение и назвать имя нового писателя-паломника.

По замечаниям архим. Леонида, сопровождавшим публикации текстов «хождений», можно представить и тот «идеальный», или «правильный» паломнический текст, который «ученый монах» так ценил в обнаруженных памятниках. По его словам, это должен быть рассказ «простой и обстоятельный», повествующий о том, что видел паломник «своими очима», с критическим отношением к «рассказам местных вожей» и «без вставочных рассуждений и мудрствований», т. е. произведение, которое «может быть прочтено с удовольствием как теми, кто лично знаком со св. местами, так и теми, которые знают о них лишь по описаниям наших паломников». ⁴¹ Под эту «формулу» паломнического текста архим. Леонида идеально подходит Хождение игумена Даниила. Из всего репертуара русской паломнической литературы, известного ученому, именно его он вспоминал на страницах своей книги «Старый Иерусалим и его окрестности», «поверяя» им собственное описание Святой Земли и впечатления от нее. И это неслучайно. Памятник XII в. наш «ученый монах» знал прекрасно. Об этом позволяет говорить исследование архим. Леонида, не опубликованное при его жизни, но сохранившееся в составе архива А. С. Норова (РНБ, ф. 531, № 859). Очевидно, из-за названия «Исследования и объяснения Даниилова Паломника Оптиной пустыни иеромонаха Леонида», помещенного на обложке рукописи, при обработке архива А. С. Норова «иеромонах Оптиной пустыни» Леонид не был отождествлен с наместником Троице-Сергиевой лавры, т. к. «Исследование и объяснение Даниилова Паломника» относится к тому времени, когда будущий архимандрит был иеромонахом Козельской Введенской Оптиной пустыни. Этот труд ученого можно считать первым опытом в исследовании архим. Леонидом паломнической литературы. ⁴² Но уже в ней иеромонах Оптиной пустыни показал себя состоявшимся ученым, поэтому А. С. Норов пригласил его к участию в издании Хождения игумена Даниила, в то время подготавливаемого Археографической комиссией. От столь лестного приглашения архим. Леонид отказался, деликатно сославшись на «монашеские дела». Но весь предиздательский период Хождения отразился в переписке А. С. Норова с архим. Леонидом. ⁴³ В переписке обсуждались проблемы, рассмотренные ранее архим. Леонидом в его «Исследовании и объяснении Даниилова Паломника» и ставшие традиционными в историографии этого памятника XII в.: классификация списков и выбор списка для публикации его текста; определение времени паломничества; толкование «темных мест» текста и составление к нему реального комментария. ⁴⁴ Своей первой работой о Хождении игумена Даниила 1860 г. архим. Леонид предопределил направления в его исследовании почти на век вперед. Так, ученый считал, что текст нашего древнейшего Хождения нужно издавать параллельно с его переводом на русский язык. И такой перевод памятника архим. Леонидом был выпол-

нен, однако до его публикации дело не дошло.⁴⁵ Замысел исследователя издать древнерусский текст Хождения игумена Даниила параллельно с его переводом на современный русский язык был осуществлен только в 1970-х гг., в серии «Памятники литературы Древней Руси».⁴⁶

Обнаруженное в архиве А. С. Норова «Исследование и объяснение Даниилова Паломника», подготовленное архим. Леонидом, подтверждает предположение, высказанное после смерти ученого, о том, что часть трудов исследователя так и осталась не опубликованной, в рукописях.⁴⁷ К этому можно добавить, что некоторые задуманные исследователем работы тоже не осуществились.

Так, из письма Х. М. Лопарева к архим. Леониду, датированного 9 октября 1891 г., узнаем о намерении почтенного исследователя написать рецензию на публикацию в «Православном Палестинском сборнике» Хождения Трифона Коробейникова.⁴⁸ Х. М. Лопарев писал: «...гр<аф> С. Д. Шереметев передал мне, что Вы собираетесь написать разбор Путешествия Трифона Коробейникова, изд<анного> Прав<ославным> Палест<инским> Обществом. Мне очень лестно, что моя работа обращает на себя внимание такого знатока в палестиноведении как Вы, и я наперед уже благодарен Вам за критику» (РГБ, ф. 148, к. 6, № 90, л. 1). Мнение архим. Леонида о первой научной публикации текста Хождения Трифона Коробейникова было бы интересно не только его издателю, но и актуально в наши дни,⁴⁹ т. к. архимандрит, судя по письму к нему уже С. О. Долгова от 24 декабря 1889 г., считал, что Хождение Трифона Коробейникова является самостоятельным памятником, отражающим реальное посещение Святой Земли царским посланником в 1582–1584 гг.⁵⁰

Разыскивая, изучая и публикуя восточнославянские «хождения», архим. Леонид надеялся, что описания Святой Земли старшей традиции когда-нибудь станут доступными для паломников XIX в., выходцев из народа. Поэтому свои знания ученый готов был реализовать в издании «паломников для народного чтения», возможность которого он оговорил в преамбуле к изданию Хождения Ионы Маленького. И хотя такого издания не осуществилось, сама идея заслуживает внимания. Ученый считал, что это должно быть издание «с пояснительными примечаниями того, что есть в тексте ошибочного по вине самого паломника или переписчиков его сказания».⁵¹ Репертуар издания должен был охватить историю русского паломничества с XII до первой половины XVIII в., от игумена Даниила до Василия Григоровича-Барского,⁵² а значит, должен был обобщить и его труды в этой области науки. Служа ей, архим. Леонид (Кавелин) буквально реализовал слова 62 главы Книги пророка Исайи, ставшие девизом Императорского Православного Палестинского общества, почетным членом которого был ученый: «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь».

- ¹ *Субботин Н.* Воспоминание об о. архимандрите Леониде // Памяти отца наместника Леонида, А. А. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревского. Императорское Московское археологическое общество. М., 1893. С. 307.
- ² *Корсунский И.* Наместник Сергиевой лавры архимандрит Леонид // Там же. С. 316; Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона Ионы по реклому Маленького 1649–1659 гг. / Под ред. С. О. Долгова. СПб., 1895. С. IX. (ППС. Вып. 42).
- ³ *Иннокентий (Просвирнин), свящ.* Труды архим. Леонида (Кавелина) (1822–1891) // Богословские труды. М., 1972. Сб. 9. С. 169–170; *Смирнова И. Ю.* Леонид (Кавелин Лев Александрович) // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 40. С. 467–473. Здесь же см. библиографию о наследии ученого: С. 472–473.
- ⁴ В настоящей статье рассматриваются исследования архим. Леонида, посвященные русскому паломничеству в Святую Землю и Константинополь. Богомолье на Афон и его описания, обладающие своей жанровой и содержательной спецификой, остались за пределами настоящей работы.
- ⁵ Этот шифр, как отмечал исследователь, был обнаружен у П. М. Строева (Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882. С. 36–37), об этом см.: Хождение гостя Василья. С. III. В настоящее время этот памятник известен в двух списках, см.: *Seemann K.-D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur: (Theorie und Geschichte der Literaturen und der schönen Künste). Хождение гостя Василья / Под ред. архим. Леонида. СПб., 1884. (ППС. Вып. 6). С фрагментами этого Хождения ученый познакомился еще в 1868 г. по публикации А. Н. Муравьева (Путешествие по святым местам в 1830 г. СПб., 1848. С. XXXV), но тогда произведение не вызвало интереса исследователя: «...оно вполне не издано, а судя по изданным отрывкам, не заслуживает особого внимания» (*Леонид (Кавелин), архим.* Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV–XVI веков: сводные тексты оных с объяснительными примечаниями, основанными на местных исследованиях // ЧОИДР. М., 1871. Кн. 1. Отд. 2. С. 4, примеч. 5. Издание Хождения гостя Василья получило доброжелательную оценку современников, откликнувшихся рецензиями на его выход в свет: «Православный Палестинский сборник», 6-ой выпуск. СПб., 1884 г. // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. 1884. (Май). С. 428–431; Старинные русские паломники в издании Православного Палестинского Общества // ЖМНП. СПб., 1884. (Июль). С. 115–118.
- ⁷ Сказание Епифания мниха о пути к Иерусалиму / Под ред. архим. Леонида. СПб., 1887. (ППС. Вып. 15).
- ⁸ Современная наука располагает четырнадцатью списками памятника (см.: *Seemann K.-D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur. S. 450).
- ⁹ Сказание Епифания мниха о пути из Российского царства до святого града Иерусалима, изд. И. Е. Забелиным // ЧОИДР. М., 1884. Кн. 1. Отд. 2. С. 32.
- ¹⁰ Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима на греческом языке написал критянин иеромонах Арсений Каллуда и напечатал в Венеции в 1679 году, с греческого на славянский диалект перевел Чудовский монах Евфимий в 1686 году (из Синодальной рукописи, № 543) / Под ред. архим. Леонида // ПДПИ. СПб., 1883. Т. 46.

- Сегодня памятник известен в четырех списках (*Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. S. 459*).
- 11 История и описание Святой Земли и святого града Иерусалима, сочинение блаженнейшего Хрисанфа, патриарха Иерусалимского, 1728 года / Под ред. архим. Леонида // ПДПИ. СПб., 1887. Т. 67.
  - 12 Там же. С. V–VI, примеч. 1. Текст Описания патриарха Хрисанфа, как следует из предисловия архим. Леонида, опубликован по списку из собр. А. С. Уварова (Там же. С. VI).
  - 13 Хождение в Иерусалим и Царьград черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького. 1648–1652 (издаваемое впервые по полному списку) / Под ред. архим. Леонида // ПДПИ. СПб., 1882. Т. 35.
  - 14 *Коркунов И.* Путешествие к святым местам, совершенное в XVII столетии иеродиаконном Троицкой лавры. М., 1836; *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Кн. 8. С. 159–168.
  - 15 Хождение в Иерусалим и Царьград черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького. С. I. (ПДПИ. Т. 35).
  - 16 Там же.
  - 17 Хождение гостя Василья. С. I; *Белоброва О. А.* Василий (Гость) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 116.
  - 18 Сказание Епифания мниха о пути к Иерусалиму. С. I–II; *Прохоров Г. М.* Епифаний // Словарь книжников и книжности Древней Руси. С. 210.
  - 19 Хождение архимандрита Агреевья обителя пресвятыя Богородицы около 1370 г. / Под ред. архим. Леонида. СПб., 1896. С. V. (ППС. Вып. 48).
  - 20 Там же. С. VIII–IX. Следует напомнить о том, что первоначально исследователь датировал паломничество Агреевья 1375 г., см.: *Леонид, архим.* Три статьи к русскому палестиноведению. СПб., 1889. С. 6–11. (ППС. Вып. 16).
  - 21 Там же. С. 4–5; Хождение архимандрита Агреевья обителя пресвятыя Богородицы около 1370 г. С. VII–X.
  - 22 *Леонид, архим.* 1) Обзорение цареградских памятников и святынь XIV и XV веков по русским паломникам // ЧОИДР. М., 1870. Кн. 4. Отд. 2. С. 19–62; 2) Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV–XVI веков. С. 1–122.
  - 23 Как следует из предисловия к статье «Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV–XVI веков», она была подготовлена во время «двухгодичного постоянного пребывания в св. граде» (Там же. С. 4).
  - 24 Об этом, к примеру, см.: *Смирнова И. Ю.* Леонид (Кавелин Лев Александрович). С. 468–470.
  - 25 *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Т. 2. Кн. 8. С. 1–224. Комментарии, которыми архим. Леонид сопроводил описания наших паломников, можно рассматривать и как продолжение работы, предпринятой А. С. Норовым при публикации текста Хождения игумена Даниила (Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века / Под ред. А. С. Норова. СПб., 1864).
  - 26 В этой связи кажется необоснованной оценка названных статей современной исследовательницей Е. И. Малето как «не имеющих научного значения» «обзоров справочно-

практического характера» (*Малето Е. И.* Антология хождений русских путешественников XII–XV века: Исслед., тексты, коммент. М., 2005. С. 12). То что эти две статьи архим. Леонида выполнены в форме «обзора» не может служить показателем их «ненаучности». В XIX в. такая форма как тип научного исследования была востребована, а в случае с работами архим. Леонида мотивирована спецификой выбранного ученым аспекта анализа памятников паломнической литературы. Их «справочный» характер только подчеркивает уровень проделанной работы и установку автора на реальный комментарий текстов.

- ²⁷ [*Леонид, архим.*] Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 1873.
- ²⁸ На конец XIX в. (время составления «Описи») в библиотеке ученого значатся выпуски «Православного Палестинского сборника», «Устав» общества (СПб., 1882), «Отчеты» организации за 1882–84 гг.
- ²⁹ Об этом см.: *Хромов О. Р., Топурия Н. А.* Описание Иерусалима Симона Симоновича и Христофора Жефаровича в русских лубочных изданиях. М., 1996. С. 7.
- ³⁰ Подробнее об этом издании проскинитария см.: Там же. С. 8, 12, 19.
- ³¹ Там же. С. 10.
- ³² Исследователи это издание «Описания Иерусалима» относят ко II типу, I варианта по классификации русских перегаверировок венского издания «Описания Иерусалима» (Там же. С. 52).
- ³³ Аргументом ученого в пользу ранней датировки проскинитария стало сообщение об этом, содержащееся в «Письмах о Египте, Сирии и Палестине» митрополита Закинского Дионисия Латы, который относил «оное определенно к 1322 году», см.: *Леонид, архим.* Три статьи к русскому палестиноведению. С. 2. Под этим названием опубликован цикл статей ученого, посвященных «Описанию Иерусалима» Симона Симоновича и Хождению архимандрита Агрефения и объединенных в статье с говорящим заглавием «Два православных славянских паломника XIV века, доселе еще не занявших надлежащего им места в нашей паломнической литературе» (Там же. С. 1–11), и «Очерк Обетованной Земли. Из Хроники Георгия Амартола, греческого писателя IX века» (Там же. С. 13–38).
- ³⁴ По мнению современных исследователей, встреча Симона Симоновича, архимандрита Архангельского монастыря в Иерусалиме, с известным гравером-издателем Христофором Жефаровичем произошла в Иерусалиме в 1745 г., тогда же «оформилась идея и план издания “Описания Иерусалима”» (*Хромов О. Р., Топурия Н. А.* Описание Иерусалима Симона Симоновича и Христофора Жефаровича в русских лубочных изданиях. С. 7).
- ³⁵ Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары (1634–1637 гг.) / Под ред. С. О. Долгова. СПб., 1891. (ППС. Вып. 33).
- ³⁶ Об этом С. О. Долгов писал, предваряя издание памятника: Там же. С. I–II.
- ³⁷ Там же. С. I.
- ³⁸ *Леонид (Кавелин), архим.* Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени или Путники во святой град Иерусалим // ЧОИДР. М., 1873. Кн. 3. Отд. 2. С. 1–129. (Отд. оттиск.: М., 1874).

- ³⁹ В 1862 г. архим. Леонид опубликовал небольшой отрывок из этого произведения по списку из библиотеки Оптиной пустыни, где не было указано имя паломника (Записки инока, уроженца г. Калуги, о его странствии в святой град Иерусалим из Москвы через Молдавию, Турцию и Египет в самом начале прошедшего столетия // Прибавление к Калужским епархиальным ведомостям. 1862. № 2. С. 344–357). Это позволило современным исследователям предположить, что первая публикация текста Хождения Иоанна Лукьянова выполнена по дефектному списку, см.: *Ольшевская Л. А., Решетова А. А., Травников С. Н.* Археографический обзор списков «Хождения в Святую землю» // Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703 / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова, С. Н. Травников. М., 2008. С. 482.
- ⁴⁰ Пелгримация или путешественник честнаго иеромонаха Ипполита Вишенскаго, постриженца св. страстотерпец Бориса и Глеба кафедры Черниговской, во св. граде Иерусалиме, 1707–1709 гг. / Под ред. архим. Леонида // ЧОИДР. М., 1876. Кн. 4. С. 16–142. Это первая публикация памятника по единственной рукописи, сохранившей его текст (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1544), о которой ученый узнал из «Библиографического указателя русских книг и статей о святых местах Востока, преимущественно палестинских и синайских» В. Н. Хитрово (СПб., 1876. Стб. 23–26). В библиотеке архим. Леонида сохранилась копия рукописи (РГБ, ф. 148, к. 11, № 17), сделанная для него А. Ф. Бычковым. При издании памятника архим. Леонид позволил себе поделить текст описания на главы, интерполируя в него многочисленные маргиналии рукописи. Такое произвольное членение текста на сегменты снижает научную ценность первой публикации Peregrination для современной науки, но отражает точку зрения на него издателя, его знакомство с рукописной традицией восточнославянского паломнического текста, структурированного на главы со времен Хождения игумена Даниила, а также современный ученому уровень эдичионной практики. Подробно первое издание Peregrination и его недочеты проанализированы С. П. Розановым (Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709 гг.) / Под ред. С. П. Розанова. СПб., 1914. С. XLVIII–LI. (ППС. Вып. 61).
- ⁴¹ Хождение в Иерусалим и Царьград черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького. С. IV. (ПДПИ. Т. 35).
- ⁴² Публикацию см.: *Федорова И. В.* «Исследования и объяснения Даниилова Паломника Оптиной пустыни иеромонаха Леонида»: неизвестные страницы изучения «Хождения» игумена Даниила // Текст и традиция: Альманах / Отв. ред. Е. Г. Водолазкин. СПб., 2015. Вып. 3. С. 324–358.
- ⁴³ Письма исследователей хранятся в их архивах: РНБ, ф. 531 (А. С. Норова) и РГБ, ф. 148 (архим. Леонид (Кавелин). Также см.: *Федорова И. В.* «Исследования и объяснения Даниилова Паломника Оптиной пустыни иеромонаха Леонида». С. 309–323.
- ⁴⁴ Свое участие в издании Хождения игумена Даниила Археографической комиссией архим. Леонид обозначил в предисловии к другому своему труду: Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV–XVI веков. С. 4.
- ⁴⁵ Черновик перевода Хождения Даниила вместе с копией текста его Оптинского списка, выполненной архим. Леонидом, хранятся в его архиве — РГБ, ф. 148, к. 3, № 1 (38 л.).

- ⁴⁶ Хождение игумена Даниила / Подг. текста, пер. и ком. Г. М. Прохорова // ПЛДР: XII век. М., 1978. С. 24–115, 627–645.
- ⁴⁷ *Корсунский И.* Наместник Сергиевой Лавры архимандрит Леонид. С. 348.
- ⁴⁸ Хождение Трифона Коробейникова / Под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1889. (ППС. Вып. 27).
- ⁴⁹ Напомним о том, что изучение литературной истории памятника до сих пор не завершено.
- ⁵⁰ Обращаясь к архим. Леониду, С. О. Долгов писал: «Порадуйтесь со мною: из Академической библиотеки я вывез описание, важное не только для истории наших анонимных описаний Иерусалима и Святой Земли, но и для текста наших путешественников. Василий Поздняков пользовался этим описанием или подобным, как оказывается при сличении, для одной части своего Хождения, именно для Сказания о граде Иерусалима. Опираясь на это, и с помощью Ваших указаний, постараюсь на предстоящем съезде восстановить непоколебимый авторитет Трифона Коробейникова» (РГБ, ф. 148, к. 12, № 13, л. 1 об. (Курсив мой. — И. Ф.)). Можно думать, что в рукописном собрании Библиотеки Академии наук С. О. Долгов обнаружил список «Поклонения св. града Иерусалима», переведенного с греческого языка на русский в 1531 г. и, как убедительно было доказано М. А. Голубцовой, заимствованного Василием Поздняковым при описании Иерусалима, текст которого позднее «перешел» в Хождение Трифона Коробейникова (*Голубцова М. А.* К вопросу об источниках древнерусских хождений во Св. Землю. «Поклоненье св. града Иерусалима» 1531 г. М., 1911). Таким образом, С. О. Долгов на двадцать лет раньше М. А. Голубцовой нашел источник двух наших Хождений XVI в. Добавим, что «Поклонение св. града Иерусалима» до сих пор известно в одном списке, происходящем из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря (Там же. С. 35).
- ⁵¹ Хождение в Иерусалим и Царьград черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького. С. IV. (ПДПИ. Т. 35).
- ⁵² Там же.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОРУДИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» «ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЕТА МОРИСА ПЕРНО 1912 ГОДА)

П.В. Федотов

Для европейских стран конца XIX — начала XX вв. Ближний Восток стал местом конкуренции за влияние на местное население. Образование стало своего рода инструментом борьбы, орудием «мягкой силы». Европейские державы и США поддерживали католические и протестантские школы на Ближнем Востоке, попутно стараясь привлечь в лоно своих церквей также православных арабов. Россия включилась в этот процесс сравнительно поздно, однако, сумела добиться вполне ощутимых результатов — российское Императорское Православное Палестинское общество (ИППО) за 25 лет (с 1889 по 1914 гг.) сумело создать сеть учебных заведений для православных арабов, состоящую из 102 школ с 10000 учеников¹. Соперниками России были англичане, американцы, немцы, итальянцы, а также французы, оказывавшие на Ближнем Востоке поддержку сотням школ. Информация о школах российского Палестинского общества (количество учеников, имена учителей) ежегодно публиковалась в «Сообщениях ИППО», по результатам инспекций издавались подробные отчёты о деятельности учебных заведений. Несколько статей в «Сообщениях ИППО» было посвящено обзору деятельности католических и протестантских организаций, занимавшихся (по словам одного из авторов статей) инославной пропагандой². В то же время документы, содержащие подробные отчёты о деятельности католических и протестантских школ, в России почти не известны. Нет упоминаний о таких отчётах и в работах современных российских исследователей.

Таким образом, документ, исследуемый в настоящей работе — *«Отчет об ознакомительной поездке в Константинополь, Египет и Турецкую Азию (январь-август 1912 г.)»*, имеет особую ценность для сопоставления работы российских и европейских (в частности, французских) школ на Ближнем Востоке. Данный документ, в част-

ности, раскрывает намерения французской политической элиты использовать образовательные учреждения для укрепления и усиления влияния Франции на Ближнем Востоке. Объём доклада вместе с введением и таблицами составляет более 350 печатных страниц (сброшюрованных в отдельную книгу).

Для данного исследования был использован отсканированный экземпляр этой книги, хранящийся в библиотеке Института исследований в области образования Онтарико Университета Торонто. Документ был опубликован после завершения поездки французского представителя в 1914 году (по другим данным в 1913). Согласно докладу, в декабре 1911 г. состоялось заседание Комитета французских интересов на Востоке, образованного представителями так называемой «колониальной партии». В Комитет входили десятки влиятельных общественных и политических деятелей Франции — министры, сенаторы, депутаты (в т.ч. Александр Рибо, Леон Буржуа, Раймонд Пуанкаре, Поль Дешанель, в разное время занимавшие пост президента Республики). Прежде чем планировать и осуществлять какие-либо серьёзные проекты, было решено провести исследование современного состояния французского влияния на Ближнем Востоке. Наибольший интерес вызывала деятельность учебных заведений, получающих поддержку от Франции. Также было решено собрать информацию о важнейших французских финансовых, промышленных, коммерческих и сельскохозяйственных учреждениях. Комитет получил пожертвования от ряда банков, а также от армян, живущих в Париже. Часть этих средств была использована для финансирования миссии Мориса Перно, французского писателя и публициста, который по поручению комитета отправился в вояж по учебным учреждениям на Ближнем Востоке, созданными, управляющимся или субсидируемыми французами. Миссия Перно продлилась 7 месяцев — с января по август 1912 года. Для Комитета французских интересов на Востоке исследование Перно стало, вероятно, крупнейшим проектом — вскоре он прекратил своё существование, и большая часть его членов продолжила работу в Комитете Французской Азии.

Не удивительно, что мероприятие, инициированное политиками, имело политические цели. Во вступительной части, предваряющей доклад, указывалось, что регион Восточного Средиземноморья имеет для Французской колониальной империи первостепенное значение. Комитет был намерен использовать все свои ресурсы, чтобы помочь здесь Франции сохранить и расширить влияние. В отличие от Западного Средиземноморья, где для французской экспансии в это время наряду с дипломатическим принуждением использовалась «жёсткая» военная сила (в частности, был установлен протекторат над частью Марокко в 1912 году), в восточной части Средиземного моря, в Леванте, французы планировали использовать

«мягкую» силу, оказывая влияние с помощью многочисленных благотворительных организаций.

В введении к докладу Морис Перно даёт хвалебные оценки благотворительной деятельности Франции на Ближнем Востоке в течение нескольких столетий. По словам Перно, Франция занимает исключительное место среди других стран, благодаря соглашениям с Османской империей о покровительстве христианам Ближнего Востока. Особое значение он придаёт цивилизаторской миссии Франции и распространению французского языка. По словам Перно, Левант заполнен французскими учреждениями: больницами, приютами для престарелых, детскими садами и детскими домами. Французы трудятся на благо местных жителей, которых Перно называет клиентами Франции³. Во французских школах на территории Османской империи учатся более 100 000 учеников, больше 100 000 человек получает помощь в медицинских учреждениях, в том числе христиане различных Церквей и мусульмане. По словам Перно, многие жители Ближнего Востока говорят: «Только Вы (французы) приезжаете сюда, чтобы заботиться о нас, представители же других стран преследуют здесь свои собственные интересы⁴». Перно выражает озабоченность тем, что в последние годы на территории Леванта активизировались различные иностранные благотворительные организации, предназначенные для распространения влияния своих стран (преимущественно, с помощью образования) — «конкурирующие державы, вдохновленные нашим примером и, пользуясь плодами нашей долгой работы⁵» (по словам Перно), начинают оспаривать французское лидерство на Ближнем Востоке. Основными конкурентами Перно называет немцев, итальянцев, англичан, русских и американцев, представленных частными благотворительными организациями. После введения следует основная часть доклада Перно — описание различных французских учреждений на Ближнем Востоке, замечания и комментарии. В докладе шесть основных глав — «Константинополь» (современный Стамбул), «Египет», «Палестина», «Месопотамия» (Ирак и юго-восточная Турция), «Сирия» (Сирия и Ливан) и «Малая Азия» (Турция). К докладу прилагается подробная таблица с перечислением учебных заведений, поддерживаемых Францией, с указанием количества учеников (с разделением их по национальному, религиозному и гендерному принципу). Наибольшее представительство среди учебных заведений имели религиозные школы — католических конгрегаций и восточнокатолических Церквей (мелькитов, маронитов и армян). Светские школы были немногочисленны. К французским школам также были отнесены учебные заведения Всемирного еврейского союза, включающие около 14 тысяч учеников. Наибольшее количество учеников числилось в Сирии и Ливане — более 40000, в Стамбуле и Малой Азии — больше 25000 (8400 и 17300 соответственно), больше 20000 — в Египте, 13000 — в Месопотамии (Ираке) и 9000 — в Палестине.

Перно получал информацию от представителей Франции на Ближнем Востоке — государственных служащих и представителей частных компаний, посещал как французские, так и иностранные благотворительные учреждения. Одной из важнейших частей доклада являются подробные комментарии о конкуренции «великих держав» на Ближнем Востоке в сфере благотворительности. Страны-конкуренты Франции обладали различным уровнем влияния в отдельных регионах Османской империи. В Стамбуле особый интерес Перно вызвали немецкие и английские школы. Упоминает он также несколько иностранных больниц (в т.ч. российскую). В Малой Азии французское влияние не было преобладающим за исключением Смирны (современный Измир), во французских школах которой обучалось 5000 учеников (в остальных иностранных школах Смирны вместе взятых обучалось также 5000 человек)⁶.

Согласно наблюдениям Перно, наибольшую активность в Малой Азии проявляли американские, немецкие и итальянские организации (упоминаются также австрийцы). Французское влияние в сфере образования было очень значительно в Египте. В Александрии четверть всех учеников этого города ходили во французские школы (7000 из 28000). Для сравнения, школы египетского правительства посещали 12000 детей, а в итальянские, немецкие, английские, греческие, еврейские и армянские школы — 9000 в общей сложности⁷. Ещё большее преимущество над своими иностранными конкурентами французы имели в Каире — в их школах здесь числилось 12000 учеников⁸. Однако, американцы, немцы и, особенно, итальянцы постепенно сокращали этот отрыв, увеличивая своё влияние с помощью своих инструментов «мягкой силы» — школ и больниц.

Одной из самых серьёзных проблем для Франции в Египте и, в целом, на Ближнем Востоке, Перно видел в существовании своеобразной «пятой колонны» среди католических организаций, поддерживаемых французами. Так Кустодия Святой Земли, подразделение францисканцев, находилась под официальной защитой Франции и получала от неё денежную поддержку, однако, относилась к французским представителям враждебно и действовала в интересах Италии. Большие проблемы для Франции создавали напряжённые отношения с Ватиканом. Итальянец Аурелио Брианте, апостольский делегат в Египте, использовал своё положение, чтобы ограничить влияние Франции⁹. Применение «мягкой силы» для увеличения своего влияния Перно тесно связывал с экономическими выгодами Франции. Он откровенно замечал, что «поскольку мы не поддерживали школы в Верхнем Египте, там покупают не наши товары, а британские и немецкие»¹⁰. Говоря о местном населении, Перно замечает, что египтянам не хватает национального чувства, а египетское правительство только фасад, за которым стоят британцы¹¹.

Особенно интересны разделы доклада Перно, касающиеся Палестины и Сирии, в которых одним из основных конкурентов Франции была Россия в лице Императорского Православного Палестинского общества. В главе «Иерусалим» русским учреждениям (которые Перно посетил лично) посвящён отдельный раздел. Французский представитель даёт высокую оценку деятельности ИППО — по его мнению, эта организация ориентирована на реальные потребности местных жителей и в этом смысле является образцом для других европейских благотворительных организаций на Ближнем Востоке. Перно упоминает приюты для русских паломников, больницу, соответствующую всем требованиям современной науки, и две русские школы в Иерусалиме. Все эти учреждения, по его мнению, были безупречно организованы¹². В главе «Назарет» один из разделов также посвящён российскому учебному заведению — мужскому педагогическому училищу. Перно описывает устройство Назаретской семинарии ИППО, отмечая, что она готовит отличных школьных учителей¹³. Среди учреждений ИППО в Палестине в докладе также упоминается женская семинария в Бейт-Джале и паломнический приют в Иерихоне¹⁴.

В заключение главы, посвящённой благотворительным учреждениям в Палестине, Перно констатирует, что Франция теряет здесь своё влияние, а её конкуренты — итальянцы, немцы, русские и англичане, напротив, приобретают¹⁵. Также как и в некоторых других регионах Османской империи, Франция была вынуждена поддерживать францисканцев, действовавших, однако, в интересах Италии. Немцев и итальянцев Перно критикует за бесполезные траты — строительство огромных больниц в Иерусалиме¹⁶. Серьёзной проблемой Перно считал некомпетентность французских консулов в Палестине, вызванную частой сменой дипломатов (за пять лет сменилось семь человек). В качестве примера для подражания он приводит Россию и Англию, которые за последние семнадцать лет лишь несколько раз меняли консулов в Палестине¹⁷.

В главе, посвящённой Сирии и Ливану, русские школы в некоторых городах упоминаются в качестве основных конкурентов французов. Перно пишет о процветающих школах ИППО в Хомсе, Дамаске, Триполи, Латакии и в Бруммане (Горном Ливане). Бейрутские школы ИППО он называл греко-православными учреждениями, субсидируемыми Россией¹⁸. Количество учеников в православных школах ИППО в Хомсе примерно соответствовало числу учеников в католических и протестантских школах этого города вместе взятых¹⁹. В Дамаске Перно отмечает в школах ИППО интересные методики, хорошую атмосферу и чистоту. По его словам, между французскими и русскими школами здесь шла жесткая конкурентная борьба, сопровождающаяся обоюдными жалобами и упрёками²⁰. В Латакии и Триполи школы, поддерживаемые Францией, вели трудную и упорную борьбу с учебными заведениями России и США²¹. Перно

серьёзно недооценивал численность русских школ в Ливане и Сирии (по его мнению их посещали 2000–3000 учеников²² — по отчётам ИППО их числилось около 9000). Протестантские школы в Ливане и Сирии Перно считал несколько более влиятельными, чем школы ИППО — по его данным учебные заведения Американской Пресвитерианской Миссии насчитывали здесь 5000 учеников, а англиканские школы — 3000. Однако самыми опасными и яростными оппонентами Франции в этом регионе он называл итальянцев²³.

Интересны замечания Перно, касающиеся ориентации средств массовой информации. 18 мусульманских газет поддерживали Германию, 2 — Англию. Среди христианских газет пророссийской тенденции придерживались 6 изданий, пронемецкой — 5, профранцузской — 4 и проанглийской — 3. Серьёзную проблему Перно видел в доминировании в Сирии, Ливане и Палестине двух информационных агентств — британского Рейтер и пронемецкого Османского телеграфного агентства²⁴.

Можно констатировать, что доклад Перно даёт достаточно объективную картину при описании благотворительных учреждений, использовавшихся «великими державами» в качестве орудий «мягкой силы». Кроме подробного рассказа о функционировании французских заведений, он даёт точные характеристики наиболее значимым иностранным учреждениям и организациям, работавшим на Ближнем Востоке (в том числе и Палестинскому обществу). «Мягкое» (не военное) присутствие в этом регионе было для «великих держав» элементом престижа, принадлежностью к элитному клубу, большое значение имели и экономические интересы.

Палестинское общество также видело в образовании орудие «мягкой силы». В Объяснительной записке к смете по содержанию сирийских школ ИППО, составленной в 1910–1911 гг., отмечалось, что «благодаря обширному штату своих служащих, Общество связано бесчисленными нитями служебных и частных сношений с высшими и низшими членами духовенства, сирийской администрации, общества, православных и инославных общин и осведомлено относительно всех сколько-нибудь заметных течений и изменений в различных сферах сирийской жизни. В этом смысле оно представляет собой сильный и вполне организованный аппарат, всегда готовый служить видам и намерениям русского правительства и интересам русского народа и русской церкви²⁵». Однако, в отличие от французского представителя, составитель записки о русских школах говорит о местном населении не как о клиентах, а скорее как о партнёрах, а задачу Палестинского общества видит в ведении «культурной работы над сближением двух православных народностей»²⁶.

В России были осведомлены о желании представителей французской политической элиты использовать школы на Ближнем Востоке в качестве инструмента влияния. В «Сообщениях ИППО» была проанализирована

статья в авторитетном французском журнале, посвящённом политике («Revue politique et parlementaire»)²⁷. Российский автор, ученый и публицист П.В.Безобразов, обратил внимание на некоторое двуличие французских политических деятелей, враждебно относившихся к религии во Франции, но соглашавшихся поддерживать католических миссионеров на Востоке. В этом смысле позиция Палестинского общества, представившего Россию, была более последовательной и убедительной — в том числе и для местных жителей. Несмотря на то, что деятельность дореволюционного Палестинского общества на Ближнем Востоке практически прекратилась в 1914 году, эта деятельность оставила «след в истории» в лице представителей арабской интеллигенции, воспитанных в учительских семинариях ИППО на произведениях великой русской литературы XIX — начала XX вв.

- ¹ См. Список должностных лиц ИППО // Приложение СИППО. 1910. Т. 21. С. 5–55. А.А.Дмитриевский в «Отчете о ревизии учебных заведений ИППО в Сирии и Палестине» также упоминает 102 школы ИППО — см. А.А.Дмитриевский. Палестинское общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчеты. М., 2014. С. 262.
- ² См., например: П.В.Безобразов. Инославная пропаганда на Востоке// СИППО. 1909. Т. 20. С. 71–84, 405–431, 619–633.
- ³ Maurice Pernot. Rapport sur un voyage d'étude a Constantinople, en Egypte et en Turquie d'Asie (Janvier-Aout 1912). P. XI.
- ⁴ Там же. P. XIV (эта же мысль повторяется на P.280).
- ⁵ Там же. P. VIII.
- ⁶ Maurice Pernot. Rapport . P. 266.
- ⁷ Там же. P. 48.
- ⁸ Там же. P. 64.
- ⁹ Maurice Pernot. Rapport . P. 83–85, 128–129.
- ¹⁰ Там же. P. 79.
- ¹¹ Там же. P. 82.
- ¹² Там же. P. 104.
- ¹³ Там же. P. 120–121.
- ¹⁴ Там же. P. 108.
- ¹⁵ Maurice Pernot. Rapport . P. 123–125.
- ¹⁶ Там же. P. 104.
- ¹⁷ Там же. P. 133–134.
- ¹⁸ Там же. P.190.
- ¹⁹ Там же. P.212–213.
- ²⁰ Там же. P.210–211.
- ²¹ Там же. P.203–204.
- ²² Там же. P.225.

- ²³ Maurice Pernot. Rapport . P.224–225.
- ²⁴ Там же. P.229–230.
- ²⁵ Архив РАН СПб. Филиал. Фонд 110, Латышев В.В., опись 1, дело 101. Л.210 (Объяснительная записка к смете по содержанию сирийских школ ИППО)
- ²⁶ Архив РАН СПб. Филиал. Фонд 110, Латышев В.В., опись 1, дело 101. Л.210 (Объяснительная записка к смете по содержанию сирийских школ ИППО)
- ²⁷ Безобразов П.В. Инославная пропаганда в Палестине и Сирии // СИППО. Т.20. 1909. С.419–426. (Речь идёт о статье «Протестантские миссии в Турецкой Азии» французского экономиста Эрнеста Лемонана)

К ВОПРОСУ О ЧЕРНОВИКАХ И.Ю. Крачковского к работе «АРАБСКИЕ РУКОПИСИ ИЗ СОБРАНИЯ Григория IV, патриарха антиохийского».

М.В. Фионин

В нашем кратком сообщении речь пойдет о ранее неопубликованных черновиках И.Ю. Крачковского к работе «Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского», обнаруженных нами в Архиве востоковедов ИВР РАН.

Широко известны другие черновики, хранящиеся в СПбФ АРАН, которые будущий академик начал в Петербурге весной 1914 г., затем он взял их с собой в Европу, а в Лейдене в августе 1914 г. приостановил работу, поскольку был вынужден срочно уехать на родину из-за начавшейся Первой мировой войны¹. Этот ранний каталог находился в Лейдене до 1925 г., когда черновики вместе с другими документами и книгами были отправлены Ван Вейком в Петроград².

Однако, И.Ю. Крачковский в предисловии к опубликованному в виде оттиска в 1924 г. краткому каталогу «Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского», а также своей поздней работе «Над арабскими рукописями», повествует о том, что им было составлено два описания рукописей коллекции³.

Коллекция рукописей Григория ал-Хаддада была передана из бывшей Собственной Его Величества библиотеки Зимнего дворца в феврале 1919 г., по ходатайству в Академию наук И.Ю. Крачковского. В те годы оставшиеся в Лейдене черновики еще не были отправлены в Петроград, поэтому И.Ю. Крачковскому пришлось заново составить описание коллекции. Судьба черновиков 1919 г. долгое время была неясной, исследователи даже высказывали предположения об их утрате⁴.

Важно отметить, что именно записи 1919 г. стали основой публикации оттисков работы «Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского», вышедших в 1924 г., а позднее в 1927 г. они были воспроизведены в Известиях Кавказского историко-археологического общества⁵.

Черновики 1919 г. были обнаружены нами в Архиве востоковедов ИВР РАН. Дело в том, что изначально они были не в фонде И.Ю. Крачковского СПбФА-

РАН (ф. 1026), а фонде 152 (документация Азиатского музея и Института востоковедения) этого же архива. Позднее в 1980-е материалы этого фонда были переданы на временное хранение в ИВР РАН (в те годы Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР), где и находятся по сей день.

Единица хранения Архива востоковедов «Список рукописей патриарха Григория IV» ф. 152, оп. 2, ед.хр. 121 представляет собой автограф И.Ю. Крачковского, выполненный простым карандашом. Листы разного формата (в основном 14x22 см.), а оборотах можно встретить записки или фрагменты писем известных востоковедов. На некоторых листах гриф Российской Академии Наук. Иногда на оборотной стороне некоторых листов можно прочесть фамилии академиков и востоковедов, они написаны рукой Крачковского: Freumann (академик Александр Арнольдович Фрейман), von Stackelberg (специалист по осетинскому языку), Massignon (Луи Массиньон арабист), Windisch (санскритолог), Коковцев (семитолог), Rosen (барон Розен) и др.

По содержанию рассматриваемые документы представляют собой краткое описание коллекции рукописей патриарха Григория IV ал-Хаддада. И.Ю. Крачковский приводит краткую информацию о каждой из 42 рукописей коллекции. К сожалению, отсутствует предисловие, которое можно видеть в публикации оттиска 1924 г., это позволяет сделать вывод, что перед нами черновой вариант описания, а чистовой, возможно, так и остался в издательстве «Христианский Восток».

Найденные нами черновики, несомненно следует ввести в научный оборот. Эта публикация, поможет уточнить некоторые аспекты деятельности И.Ю. Крачковского по описанию коллекции Антиохийского патриарха Григория IV ал-Хаддада.

¹ Долинина А.А. Как формировалась коллекция христианско-арабских рукописей Института востоковедения РАН // Арабски: избранные научные статьи. СПб.: Нестор История. 2010. С. 346–348.

² Там же. С. 347.

³ См. Крачковский И.Ю. Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского // Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Т. II. (1918–1925). Л. 1924. С. 6–7, Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях / Избранные сочинения в 6 т. Т. 1. М., Л. 1955. С. 45.

⁴ Полосин Вал.В. Старейшая рукопись полной Библии на арабском языке (возвращение к давнишней дискуссии) // Христианский Восток (новая серия). Т. 5 (XII). М., Индрик. 2009. С. 73–74. Все же заметим, что, по-видимому, Вал.В. Полосин скорее всего имел в виду не второй — поздний каталог, опубликованный в 1924 г., а первоначальный 1914 г., присланный в 1925 г. Ван Вейком из Лейдена, но А.А. Долинина убедительно доказала, как мы уже писали выше, что хранящийся в СПбФ АРАН каталог, является первоначальным 1914 г. См. Долинина А.А. Как формировалась коллекция христианско-арабских рукописей Института востоковедения РАН // Арабски: избранные научные статьи. СПб.: Нестор История. 2010. С. 346–348.

К 1000-ЛЕТИЮ
РУССКОГО АФОНА

Архимандрит Антонин (Капустин)
ПИСЬМА НА АФОН И В АФИНЫ*

Публикация К.А.Ваха, при участии А.А.Турилова и Л.А.Герд

К личности архимандрита Антонина (Капустина) по необходимости обращаются все, кто по тем или иным причинам обращается к истории русского присутствия на Православном Востоке. В Иерусалиме Антонин сопровождает российских паломников везде. Колокольня «Русская свеча» венчает вершину Елеонской горы, доминируя над хаосом мусульманской застройки, храм-памятник св. равноапостольной Марии Магдалины давно стал визитной карточкой современного города, а Горненский монастырь в России воспринимают как русский монашеский Иерусалим. Но деятельность о. Антонина отразилась не только в монументальных постройках и земельных приобретениях. Он задавал, выражаясь языком нашего времени, тренд, создавал те формы, которые образуют русскую православную идентичность в Святой Земле. Поэтому, совершенно естественным выглядит тот неподдельный интерес, который испытывают исследователи, пытаясь понять фундаментальные основания самой личности Антонина, его мотивацию и его ментальность, прекрасно сознавая, что в данном случае личность Антонина явным образом превалирует над окружавшими его обстоятельствами. С этой точки зрения неоценимую помощь представляют его многочисленные личные письма. Часть их уже опубликована¹, но в целом эпистолярное наследие архимандрита Антонина еще ждет своего исследователя.

Публикуемые письма сохранились в архиве Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне² общим объемом 89 листов. К ним приложены семь фотографий. Четыре стереоскопических вида и три портрета. Автор публикации познакомился с этим материалом несколько лет назад, когда принимал участие в подготовке к изданию материалов для 25-ти томной «Истории Русского Афона»³, занимаясь транскрибированием и набором писем о. Антонина.

---

* Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 14-01-00419

Собрание писем можно разделить на три самостоятельных части: письма к руководителям Руссика, в основном к о. Макарию (Сушкину), с которым Антонина связывала личная дружба, возникшая еще при первом посещении Антонином Афона в 1859 г.; письма о. Антонина к руководителю монастырской канцелярии, историку обители и археографу о. Азарии (Попцову), и письма к афонским инокам о. Виссариону (Картамышеву) и Мартирию (Волчанскому), в судьбе которых о. Антонин принимал живое участие и для которых, по-видимому, о. Антонин выступал в роли духовного руководителя. Последняя часть переписки не имеет прямой связи с Афоном, поскольку Виссарион и Мартирий находились в Афинах при русской посольской церкви и Антонин обращался к ним то из поездок по Греции, то из Константинополя, а потом и из Иерусалима. По всей видимости они оказались на Афоне вместе с одним из корреспондентов. Нам известно, что о. Виссарион приезжал на Афон по пути в Палестину и возможно именно он оставил там свою переписку с о. Антонином. Но именно в этих письмах можно встретить ранее совершенно неизвестные сведения о том, как формировались нумизматические коллекции о. Антонина, о его постоянной и неусыпающей грусти по оставленным Афинам, о его восприятии монашеского делания и т.д.

Вообще содержательная часть писем довольно обширна. От общих церковно-политических событий как на Святой Горе, так и на Ближнем Востоке, до специфических научных вопросов по археографии и даже глубоко индивидуальных взглядов на суть человеческих взаимоотношений с Богом и властями. Поэтому не удивительно, что письма попали когда-то в поле зрения нашего энергичного исследователя русского дела на Православном Востоке, первого биографа о. Антонина А.А. Дмитриевского. Однако подготовленная им с учетом материалов писем о. Антонина к о. Азарии статья так и не увидела свет при жизни автора и стала известной лишь много десятилетий спустя⁴.

В настоящем издании все письма сгруппированы по трем указанным разделам и распределены в хронологическом порядке. Для многих писем на основе данных Дневника о. Антонина были уточнены датировки, отсутствовавшие в оригинале. Сокращения, обычные в эпистолярном жанре, раскрыты без указания. Проведена унификация в указаниях места, даты и подписи. Комментарий значительно расширен. Вместе с тем мы рассматриваем настоящую публикацию как необходимый шаг в подготовке отдельного издания переписки о. Антонина с Афоном, с привлечением нового эпистолярного материала и подготовкой научного аналитического исследования.

**ПИСЬМА К ОТЦАМ ИЕРОНИМУ (СОЛОМЕНЦЕВУ), МАКАРИУ (СУШКИНУ)
И АНДРЕЮ (ВЕРЕВКИНУ)**

Афины

9 марта 1860 г.⁵

Высокопреподобнейший и боголюбивейший о. Иероним!

Чувствую на совести долг свой и боюсь, чтоб Вы невыполнение его не сочли непризнательностию. Трогательное радушие Ваше, о. Макария и всего братства Вашего присно памятно мне. Духовные удовольствия, полученные мною в обители Вашей, еще памятнее⁶. Не писал же я Вам столько времени сперва потому, что по возвращении в Афины погрузился во множество текущих дел, естественно скопившихся в мое отсутствие, а потом по причине некоторых искушений, постигших неожиданно церковь мою и остановивших на себе все мое внимание⁷. С великою отрадою я вспоминаю время, проведенное мною на Святой Горе. Много, недоученное мною в разных школах науки и жизни, я доучил в сей богоучрежденной школе христианского подвига и радуюсь, что давнее желание сердца моего видеть сей рассадник добродетелей исполнилось наконец.

Прошу доброй памяти святой обители о недостойном посетителе ее, в частности же Ваших святых и богоугодных молитв.

Вашей святыни глубокий и благоговейный читатель и слуга низайший архимандрит Антонин.

Τοῦ σεβαστοῦ καὶ ἀγαπητοῦ μοι Γέροντος ἀπλάζομαι τὴν ἀγίαν δεξιάν.⁸

Почтеннейших старцев Макария, Серафима, Азария и прочих прошу не отвергнуть братского моего им приветствия.

Иерусалим

30 октября 1873 г.⁹

Ваше Высокопреподобие,
досточтимейший о. архимандрит, возлюбленный о Господе брат.

Дорогой гость мой о. протоиерей Платон Иванович Капустин¹⁰ доставил мне, по поручению Вашего высокопреподобия, почтенное письмо Ваше от пятого июля и при нем два ящика книг, изданных святою и просветительною обителию Вашею. Книги оказались в нерушимой целости и том самом количестве, как означены в приложенном к письму каталоге, а именно по два экземпляра каждого отдельного издания. Приношу за дорогой и прекрасный подарок этот Вашему Высокопреподобию и всей не менее дорогой мне и прекрасной обители святого великомученика живейшую благодарность, а за лестное внимание ее к моему смиренному, но несколько навязчивому желанию личную мою глубочайшую признательность. В нем я вижу

знак продолжающейся ко мне благосклонности святого и досточтимейшего братства, которой столько трогательных свидетельств я видел в счастливое время двукратного пребывания моего на Святоименной Горе¹¹.

Не знаю, какому счастливому (для меня) стечению обстоятельств я обязан тем, что, кроме двух вышеупомянутых ящичков с книгами Вашего издания, я не так давно получил с одною поклонницею из Константинополя от заведывающих подворьем Вашим, отцов Владимира и Илариона, еще один ящик с двадцатью семью разными изданиями обители Вашей, каждого в двух тоже экземплярах. Если это и по ошибке случилось, то да благоволит святая и щедроподательная обитель зачесть случайную ошибку в ряд намеренных деяний своей благотворительности, в уверенности, что сия новая жертва ее найдет себе место и употребление, достойные ее великодушия.

Досточтимейший и христоробивейший поклонник святых мест, Василий Иванович Сушкин¹², Ваш дорогой братец, доставил нам несказанное утешение своим глубочайшим благочестием и горячим сочувствием всему благому и благопотребному в Земле Святой. Кроме общего уважения к досточтимому характеру человека Божия, я имею особые побуждения относиться к братцу Вашему с полнотою сердечного чувства. Благодаря его боголюбивому почину Миссия имеет теперь в древнем и евангельском Иерихоне участок земли, на котором со временем может устроиться и поклоннический приют, в котором имеют крайностную нужду бывающие на Иордане соотечественники наши. Господь да благословит дела благотворящих!

Сгораю мирским любопытством узнать, что творилось недавно за пределами суетного мира, т.е. у Вас на пустыннолюбческой Горе по поводу приезда на оную цареградской пресловутой комиссии¹³. Поручите преподобнословеснейшему о. Азарии уведомить меня, что и как происходило у Вас. Пора великому старцу, почившему на лаврах после издания «Актв», говоря мирским языком, перевернуться на другой бок¹⁴.

Прошу засвидетельствовать мою братскую и сыновнюю любовь богознаменанным старцам Геронде (ὁ Ζήση!)¹⁵ и о. Иерониму.

Испрашивая Ваших и всего досточтимого братства святых молитв, с глубочайшим почтением и братскою преданностию честь имею быть Вашей святыни нижайший послушник

Антонин.

Иерусалим

17 марта 1875 г.¹⁶

Ваше Высокопреподобие,
высокопреподобнейший о. архимандрит, возлюбленный о Господе брат.

Приношу Вам глубокую благодарность за Ваши почтенные и любезные письма от 17 января и 6 февраля текущего года. Спешу уведомить Вас, что

по последнему из них добрый старец о. Виссарион¹⁷ немедленно уплатил мне причитающиеся деньги, сто рублей. О получении их уведомлены уже не только его превосходительство Н.В.Елагин¹⁸, но и пожертвовавший их христороубец. Кое-как оттуда да отсюда набирается небольшая копейка на сооружение поклоннического приюта в Иерихоне, место для которого приобретено на великодушную жертву досточтимейшего Василия Ивановича. Теперь заготавливаем известь для постройки дома. Камня навезли уже столько, что может быть достанет на весь нижний этаж. Помолитесь, чтобы непостыдно кончить начатое дело.

Помоги Вам Бог в Вашей тяжелой и непосильной борьбе с ослепленным фанатизмом и с бесстыдной ложью. Слежу я с большим вниманием за Вашим делом пресловутым, получившим всеевропейскую известность, и очень жалею, что оно возникло в самую неблагоприятную для успеха его минуту. Жаль, что вы напрасно стеснялись тем да этим соображением да уважением, и лет с десять назад тому, вместо некоего безыменного Саввы¹⁹, не провозгласили преемником Геронде старца Иеронима. Нечего было смотреть на его смирение и отнекивание от всякого начальства. Уж если раз заявлено всему свету, что *Рoubicko* значит «Русский», то тут нечего укрываться за пальцем, а идти было в те благополучные и благонадежные времена прямо напролом. Геронда вдруг взял бы (подражая здешнему Прокопию²⁰) да и уволился от управления монастырем, по преклонности лет, и передал бы бразды правления своему наземанному преемнику... Все же Иларионы и другие старцы получили бы по сто (и менее) златниц. И «русское дело» на Афоне давно бы уже считалось не подлежащим никакому пререканию и совопрошению... Впрочем, спешу оговориться. Так я рассуждаю, смотря издали на дело Ваше. Вам, конечно, виднее, как что было и шло там у Вас, и почему вышло так, а не иначе. Как же далее-то пойдете? Кто-то в Turquie²¹ от непомерного усердия старается выставить афонских русапетов как преданнейших и вернейших слуг Вселенского престола, тогда как единоплеменные ему монастыри бунтуют против него... А следовало бы умолчать о сей сыновней преданности Вашей отцу, не признающему Вас за чад своих, и всячески стараться держать свой ранг в ряду прочих афонских монастырей, не выставляя их бунтовщиками против законной (!) власти. Но — это мелочь. Вот бы Вам взять да затеять судебный процесс с «Фаром Босфорским»²² за то, что он взвел на клевету, якобы снова развязавших свои кошельки. Ведь уже все равно кому-нибудь надобно платить деньги. Пусть их съест адвокат, да покажет эллинскому миру настолько смелыми и сильными в своем правом деле, что заставит завзятых софистов усесться и поджать хвост. Поверьте, сей род ничем же изгоняется, токмо страхом и посрамлением. Вам известно из греческой мифологии, что самый любимый и паликарный из богов эллинских изображался всегда с палкою, да еще какою! Палка есть верховный и безапелляционный судия отличного друга нашего эллина...

Тутошные дела наши начинают исправляться благодаря Ираклову ропалу... Предвидятся, впрочем, в близкой будущности еще раз немалые смуты по случаю выбора нового Патриарха. Претендентов на престол Брата Господня больше, чем он поместить может. Молитвами Вашими да воссядет на него тот, кто всех менее ищет его!

Соскучились Вы, верно, сидеть у моря да ждать погоды в непроглядном тумане Византии. Воображаю, с каким благодушием богоглаголивый отрок Азария ходит в седмерицей разженной печи эллинонеистовного служения, и как с минуты на минуту ожидает, что пламень пещный попалит злочестивого Навуходносора! Да будет сие. Γένοιτο!²³

Испрашивая св. молитв Ваших, с глубочайшим почтением и братскою преданностью честь имею быть Вашего высокопреподобия низжайшим послушником

архимандрит Антонин.

Передайте мой земной поклон батюшке о. Иерониму. А что подельвает и где поживает экс-митрополит Пилусийский?²⁴ Не собирается ли к нам в Патриархи? А бывший Вселенский Анфим опять ли уединился в Эсфигмене?²⁵ И куда девался многоводный Нил?²⁶ Не продают ли в Царе-граде где-нибудь... овса? Удружили бы, прислали нам с пудик сюда для разведения сего российского продукта на полях иерихонских.

P.S. У французов есть пословица «oeuf pour boeuf», т.е. в переводе на русский язык как бы «яичко за теличку». Благоволите принять для библиотеки Вашей св. обители от моего духовного убожества сие «яичко», посылаемое в особом тюке, в память оказанного мне щедрого даяния ее.

P.S. Человек, на которого рассчитывал я, отказался взять и доставить в Константинополь мой тюк. Придется дожидаться другого случая. Письмо же это отправляю по почте.

P.S. Сию минуту получил печальную телеграмму от почтенного Василия Ивановича из Петербурга от двадцать седьмого числа сего месяца. Поручает молиться о упокоении рабы Божией Ироиды. Господь да пошлет ему крепость перенести горе!

Иерусалим

5 июля 1875 г.²⁷

Ваше Высокопреподобие,
высокопреподобнейший о. архимандрит, возлюбленный о Господе брат и сослужитель.

Почтеннейшее письмо Ваше от двенадцатого июня сего года и при нем деньги сто рублей я получил двадцать второго числа того же месяца. О постигшей Вашего досточтимейшего брата новой скорби он известил меня в

свое время телеграммой, на которую я и не замедлил ответить ему словом утешения. С получением письма Вашего я снова буду писать ему.

Приношу Вам сердечное поздравление с совершившимся выбором святыни Вашей на игуменство честной и царской обители Св. великомученика Пантелеймона. Дай Бог, чтобы Вы поскорее водворились на месте, где Вам предстоит столько сделать добра и столько побороть зла.

Благодарю Вас за фотографическое изображение в Бозе почившего геронды, о котором, согласно Благой воле Вашей, будет совершаться в церкви нашей постоянное поминовение²⁸.

Испрашивая св. молитв Ваших, с братскою любовью честь имею быть Вашего высокопреподобия нижайший послушник

Антонин.

Платим от убожества своего за Ваши сто рублей двумя... Шлет их на Святую Гору некий купец Хрипин (Феодор Ефимович) для поминовения о здравии Александра и Анны. На тот же предмет он прислал через миссию и ко Гробу Господнему три рубля.

Иерусалим

15 ноября 1875 г.²⁹

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший о. архимандрит, возлюбленный о Господе брат.

С сердечною скорбью следил я за пресловутым и до чрезмерности раздутым недобросовестностию и недоброжелательством партизанов филетизма делом отселе славного на весь свет монастыря Св. великомученика Пантелеймона. С сердечною радостью осведомился сперва из газет, а потом и из почтенного известительного письма святыни Вашей от одиннадцатого октября сего года о благополучном окончании его, согласно с историческою, каноническою и логическою правдою. Чем более встретилося затруднений при выборе и утверждении нового духовного вождя честной и досточтимой обители, тем прочнее и важнее, надеюсь, будет положение его на горе святоименной. Слава имени Вашего на ней и долголетняя духовная и административная опытность, приобретенная Вами под руководством двух знаменитых старцев, как бы и без того уже ручались за прочность упомянутого положения. Но нельзя скрыть того, что русское дело на Афоне отселе вступило на новый путь и должно встретить на нем много нового, не выясненного до сих пор, неопределившегося, неустановившегося и поневоле шаткого. Многого придется Вам достигать исподволь, но, несомненно, есть вещи, которые должны быть решены сразу, так сказать, с одного размаха. Всякое колебание в такого рода предметах будет непоравимую ошибкою — с последствиями на целые десятки лет... Но мне ли

рассуждать об этом с Вами, мне — не управлявшему никакой обители и даже не бывавшему под управлением, Вам — столько лет уже стоящему во главе управления самую многолюдную и разноплеменную из обителей афонских? Одно только братское желание да позволено будет высказать мне, старому чителю приснопамятной и близкой сердцу моему обители. Похвальный во многих отношениях, и мне лично весьма любезный, дух строиться и обстраиваться да уступит на несколько времени место в начальственных сферах обители духу устраиваться и настраиваться в один общий тон святогорской жизни. Я с удовольствием представляю, как новое начальство русской обители водворится в старых покоях игуменских, не дотронувшись в них пальцем ни до чего, оставшегося от времен греческих, и как чистая и полная жизнь русская начнет раскрываться в формах греческих, досточтимых уже по одной своей древности и весьма пригодных для иноческого жительства... Бог да будет неотступным заступником и помощником Вашим отныне и до века!

Испрашивая святых молитв Ваших, досточтимого старца о. Иеронима и всей святой обители, с глубочайшим почтением и братскою о Господе любовью честь имею быть Вашего высокопреподобия нижайшим послушником
архимандрит Антонин.

Иерусалим

14 февраля 1877 г.³⁰

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший и во Христе Иисусе возлюбленный о. архимандрит.

Приношу святыне Вашей сердечную признательность за благосклонную память Вашу о мне, свидетельством коей служит Ваше любезное новолетнее приветствие нашей духовной скудости, посланное со Святоименной Горы от десятого января текущего года и исполненное ласкового внимания Вашего к малым и убогим делам нашим в Земле Святой, которых единственное достоинство есть доброе намерение, с которым они совершаются. В действительной пользе их убедятся может быть уже потомки наши. Современность вообще туга на справедливость и еще более на признательность, что и Вам известно.

До сей минуты, несмотря на грозу военных действий, мы пользуемся в затишном углу своем полным спокойствием.³¹ Что дальше будет, ведает один Всеведец. Не менее критическим надобно считать и Ваше положение. В крайнем случае мы с своей Миссией уедем куда-нибудь, и тем дело кончится. А вы что будете делать? Впрочем, ведь уже пережили под покровом Божиим одну войну (Крымскую). Бог даст, вынесете и настоящую невзгodu. Опасность всегда страшнее, когда еще стоит вдали и грозит на разные лады. Не совсем пропала еще надежда на мир. Ни о чем, конеч-

но, столько не молитесь и вы — всем множеством денно-нощных молитвенников, сколько о мире. Будем надеяться, что Бог мира услышит общее желание людей мира и внушит заправляющим судьбами Европы способ уладить дело без пролития неповинной крови множества тысяч, невольно попавших в политический водоворот.

Не нарадуюсь водворившемуся в дорогой обители Вашей вожделенному порядку. Пошли ей Господь всякое преспеяние, а всего более духовное процветание.

Испрашивая святых молитв Ваших и таковых же великого старца и началовождя досточтимого братства Вашего, с душевным почтением и братскою о Господе любовью честь имею быть Вашего высокопреподобия покорнейшим слугою

архимандрит Антонин.

Преподобнейшему и мудрословеснейшему отцу Азарии низжайше кланяюсь.

Вон какой-то тайновидец византийский отпечатал недавно в Константинополе книжку (по-французски), в которой уверяет, что Русик Ваш служит гнездом русской политической пропаганды для всей Македонии, получая за то ежегодно от русского правительства пятьдесят тысяч рублей и пр. Пусть-ка его преподобнословесие сочинит ответ на такую сикофантию³². А то давно уже ничего не издает в свет нового. Вот ему и работа!

Пирей

1 августа 1877 г.

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший и во Христе Иисусе возлюбленный о. архимандрит.

Прошу извинения в том, что не отвечал Вам в свое время на письмо Ваше и на поручение Ваше. С отъездом всех русских (служащих) из пределов Турции, я не надеялся, чтобы кто-нибудь из Вашей обители мог оставаться в Константинополе, а потому и не рискнул послать Вам через о. Владимира или другого кого расписки святогробского начальства и честной Лавры Св. Саввы Освященного в получении ими по пятьсот рублей от жертвователя г. Зубова. Деньги переданы мною по принадлежности в то и другое место вскоре после Пасхи. Оба ведомства я просил отправить надлежащие квитанции по почте прямо к жертвователю, помимо меня и Вашего Высокопреподобия, согласно с указанием Вашим. Но за непривычностью дела они просили распорядиться им меня. Квитанции их таким образом остались вместе с делами Миссии в Иерусалиме. Вместо них я теперь могу только дать заверение в том, что деньги действительно мне доставлены Вашею обителию и мною переданы, куда следует. Каковое заверение я и передал уже в руки о. Пантелеймона (Сапожникова) для

доставления Вам, осведомившись о предстоящем отбытии его в отечество.

Вседушевно рад продолжающемуся на Святой Горе спокойствию. Точно такие же сведения получаем мы и из Святого Града. Здесь пока тоже все спокойно. Народ копошится. Но от разговоров, речей публичных и статей газетных до самого дела далеко.

Благодарю за дружеские чувства к моей худости и прошу святых молитв Ваших и всей обители.

С душевным почтением и братскою во Христе Иисусе любовью честь имею быть Вашего Высокопреподобия низжайшим послушником
архимандрит Антонин.

Досточтимейшему и высокопреподобнейшему старцу о. Иерониму земно кланяюсь.

Также свидетельствую братский поклон о. Азарии. Подгоняйте его, чтобы он «не засиживался в девках», а продолжал рождать словесных чад на пользу обители, науки, отчизны и Православной Церкви.

Мы тут живем всей Миссией вместе, нанимая один большой дом при самом море. Иногда служим, по приглашению, в приходских церквях города. В редкость бываем в Афинах. Жить пожалуй и хорошо, да только...

Адрес наш: Pirée. Grèce. Его превосходительству архимандриту Антонину. Дом Манина.

Приложение

Иерусалимская духовная миссия.

Пирей,

26 июля 1877 г.

№ 39.

Удостоверение.

Начальство Иерусалимской Духовной Миссии сим свидетельствует, что деньги одна тысяча рублей кредитными билетами, препровожденные Русским монастырем Св. великомученика Пантелеймона на Афоне начальнику Миссии архимандриту Антонину для передачи, по завещанию покойного Луки Моисеевича Зубова, по равной части в храм Гроба Господня и в монастырь Св. Саввы Освященного, переданы по принадлежности под надлежащие расписки.

Начальник Иерусалимской Духовной Миссии
архимандрит Антонин.

Иерусалим

1 августа 1879 г.³³

Ваше Высокопреподобие,
высокопреподобнейший и во Христе Иисусе возлюбленный о. архимандрит.

Пользуюсь благоприятным обстоятельством поклоннического странствования на Святоименную Гору возлюбленного брата и сослужителя, преподобнейшего о. Виссариона, чтобы загладить свою давнюю вину перед Вами, вину молчания, служившего обыкновенно ответом на Вашу лестную и благосклонную память обо мне, свидетельствуемую нередко ко мне письмами. Напрасно было бы непщевати³⁴ мне какие-либо вины о таком грехе моем. Просто покройте его милосердием, и делу конец.

Сердечно радуюсь, получая добрые и желанные известия с Святой Горы, всего же более рад я вожденному исходу пресловутого дела обители Вашей, которое когда-то и мне не чуждо было, по моей солидарности с императорским посольством нашим в Константинополе. Бог да поможет Вам Ваш Руссик окончательно сделать русским, а сделавши русским, обратить в греческий по духу, силе, значению и действиям на общую пользу Христовой Церкви, какою была некогда Лавра Св. Афанасия и другие греческие обители Святой Горы, у которых и мы в лице преподобного Антония Печерского учились истинному иноческому жительству. Γένοίτο. Αμήν.³⁵

В бытность мою в Греции, я помню, Ваше Высокопреподобие обращались ко мне с вопросом о тысяче рублей, препровожденных ко мне Вами по распоряжению г. Александра Лукича Зубова и предназначенных для раздачи по разным святым местам Палестины. Полагаю, что я отвечал тогда Вам, что деньги передал в Патриархию перед выбытием из Иерусалима Духовной Миссии, и что Патриархия, по указанию моему, выслала надлежащую квитанцию в получении переданной ей суммы прямо в Россию, на имя г. Зубова. Более точных и подробных сведений я не мог тогда сообщить Вам. По возвращении моем вместе с Миссиею в Иерусалим, я не преминул навесь справки о том, что и как сделано Патриархией относительно расписки в получении сказанной суммы. Оказалось, что надлежащие расписки все были заготовлены в свое время, но отсылка их в Россию по военным обстоятельствам не могла состояться. Патриархия передала их мне с просьбою поступить с ними, как я нахожу лучше. Я же, памятуя Ваше желание успокоить себя и г. Зубова насчет взятой Вами на себя порученности, предпочел при верном случае переслать их в Ваши честные руки, что и исполняю теперь, пользуясь отправлением к Вам о. Виссариона. Сколько могу припомнить теперь, пятьсот рублей были мною переданы тогда в руки Патриарха, с указанием, как он по желанию жертвователя должен распорядиться ими, а пятьсот рублей вручены прямо о. архимандриту и игумену лавры Св. Саввы, Анфиму, потому что передача их в Патриархию была бы равнозначительна потере их для обители.

Глубоко опечалила меня неожиданная и как бы преждевременная кончина приснопамятного труженика о. Азарии. Я многого еще надеялся от его учено-археологических занятий и даже давал ему кое-какие поручения с своей стороны, имеющие церковно-исторический интерес. Господь да упокоит дух его!

Старцу Божию о. Иерониму земно кланяюсь, испрашивая его святых молитв.

Таковым же Вашим поручая себя и свои малые дела, с глубоким почтением и братскою о Господе любовью честь имею быть Вашего Высокопреподобия нижайший послушник

архимандрит Антонин.

Старанием блаженной памяти брата Азарии когда-то был доставлен в Иерусалим целый ящик с молодыми леторослями афонских елей (ёлок попросту). Из всех их нашлось в живых только две. Не оказалось ли бы возможным повторить подобное дело милосердия в имеющую наступить зиму? Вероятно, не один послушник афонский, по обычаю, прибудет в Св. Град на поклонение и в настоящем году. Вот бы случай святыне Вашей подарить сухую и голую почву Палестины вечнозеленеющими прозябаниями обильной на все благое пустыни афонской.

Иерусалим

20 марта 1880 г.³⁶

Ваше Высокопреподобие,

высокопреподобнейший о. архимандрит, возлюбленный о Господе брат.

С радостью и признательностью я имел честь получить братское приветствие Ваше от восемнадцатого декабря истекшего 1879 года. Благодарю Вас от всей души за Вашу дорогую память обо мне и Ваши благие пожелания, которые да сбудутся по святым молитвам Вашим. Святыне Вашей небезызвестно, что в истекшем году Иерусалимская Духовная Миссия перешла через целый ряд искушений, естественно тревоживших паче других меня, призванного стоять за нее и отражать ни за что ни про что наносимые ей обиды. А дело заходило даже далее всякой обиды, проектировалось прямо ее закрытие или уничтожение, как учреждения излишнего, бесполезного, почти прямо вредного. До сей минуты ясных и положительных сведений о том, что там дееется, и чем все кончится, Миссия не имеет. Хвальный Ваш г. Иларионов³⁷, поставивший себе задачу истребить миссию и в частности — меня, по милости Божией отозван из Иерусалима. Весы правосудия Божественного наклонились как бы в нашу сторону, но верного все еще ничего нельзя сказать.

По примеру о. Виссариона и честнейший старец Стефан одушевился желанием еще раз повидать свою духовную отчизну — Святую Афонскую

Гору. Примите его с любовью и благостию, яко своего от своих. Удастся ли мне еще раз побывать в блаженных местах Ваших, не знаю, преклонность лет, неотвязно напоминающая мне о фатальной цифре шестьдесят три, как будто совсем не позволяет думать о том.

Испрашивая святых молитв Ваших, а равно и великого старца Иеронима, с любовью и братскою преданностию честь имею быть Вашего высокопреподобия нижайший послушник
архимандрит Антонин.

Как поживает глубокочтимый Василий Иванович? Пусть бы еще раз побывал в Святой Земле и полюбовался на наш иерихонский приют, которому великодушие его положило «благое начало», по выражению святой молитвы.

В преподобных скоморох, послушник-самодур и иных титл заслуженный носитель, некто Афанасий Федорович Чернышов³⁸, известный палестинскими статьями газеты «Восток», пробирается, как слышно, на Святоименную Гору... Не обратит ли его Ваше Высокопреподобие в настоящее иноческое православие — без шик и без лаку, и без скрипу, и без всякого гвалту?

Иерусалим
№ 44.

28 апреля 1880 г.

Ваше Высокопреподобие,
высокопреподобнейший о. архимандрит, возлюбленный о Господе брат.

Один из русских поклонников св. мест Палестины, Василий Петрович Артюх из Харьковской губернии, скончавшийся здесь двадцать пятого числа текущего апреля месяца, по завещанию своему оставил для обителей Святой Горы Афонской сто тридцать восемь рублей кредитными билетами на помин души своей, перечислив поименно, в какую обитель что следует передать. Вследствие сего честь имею покорнейше просить Ваше Высокопреподобие благоволить взять на себя труд получить препровождаемую при сем к Вам с высокопреподобнейшим о. архимандритом Савватием сказанную сумму денег и раздать по св. обителям афонским, соответственно приложенному при сем расписанию, составляющему точную копию относящегося к делу места завещания покойного В.П.Артюха.

Взаимно приветствуя Вас с светлыми днями праздника Пасхи, с пожеланием Вам и святой обители Вашей всякой радости о Духе Святе, в чувствах глубокого уважения и братской преданности о Господе, честь имею быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою
архимандрит Антонин.

Приложение

К № 44.

Расписание св. обителей афонских, в которые по завещанию покойного Василия П. Артюха следуют ниже показанные суммы денег.

«На монастыри, что на Святой Горе Афоне:

Св. Великомученика Пантелеймона	10 рублей
Св. Афанасия	4
Ксеропотама	4
Симон-Петра	4
Григориятский	4
Денисиат	4
Св. Павла	4
Филофей	4
Каракал	4
Иверский	4
Староникита	4
Пантократ	4
Вадопед	4
Исигмен	4
Холендарь	4
Зограф	4
Костоманит	4
Духияр	4
Ксеноф	4
В скиты:	
Св. Пророка Или	30
Св. Апостола Андрея Первозванного	10
В келии:	
Св. Артемия	4
Честнаго и животворящего Креста Господня	4
Св. Тихона Задонского	4
Св. Василия Великого	4
Итого	138 рублей.

С подлинным верно:

Начальник Иерусалимской Духовной Миссии архимандрит Антонин.

Иерусалим

24 апреля 1881 г.³⁹

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший о. архимандрит, во Христе Иисусе возлюбленный брат.
Христос воскрес!

Прошу великодушного прощения за мое ничем не оправдываемое молчание на толикокрратные любвеобильные приветствия Ваши. Божиим долготерпением вступаю в период жизни, когда трудным представляется то, что в былое время счел бы игрушкой. Хотя еще и не пришли те дни злобы, и не приспели лета, в них же изрекает человек, по Соломону: «несть ми в них хотения», но уже многое, что составляло радость дней и заботу лет, ощутительно теряет для души свое прежнее значение, в том числе и переписка с своими присными и знакомыми. Боюсь назвать это обленением души, но дело весьма похоже на то. Одна любовь Ваша может подобрать смягчающее выражение.

Приношу Вашему высокопреподобию сердечную благодарность за присылку последних изданий всечестной обители Вашей. В пресловутой пустыне палестинской приятное зрелище составит духовный цветник Ваш. Я все помышляю тут о «Патерике палестинском» с присовокуплением и «Мартиролога», но несомненно, что дело кончится одним помыслом. Не достанет ни сил, ни средств, чтобы, подобно Вам, вдруг удовлетворить и взору, и слуху боголюбца, усадив его в «цветнике» и заиграв перед ним на десятиструнной «псалтири», или даже хоть на какой-нибудь духовной «цевнице». Деятельность Русика давно уже обратилась в поговорку. Лениность же заснувшей Миссии Иерусалимской со всеми ее исчадиями разыгрывается теперь услужливой печатью русской на ста десяти струнах, и все-таки не пробудит ее от глубокого сна! Конечно в благом намерении расшевелить нас святыня Ваша проявляете передо мной желание Ваше иметь в своих руках такую ветошь, как моя покойная «Поездка по Румелии»⁴⁰, по отзывам знатоков — вроде Афанасия Нововеликого Чернышова, стоящая «ниже всякой критики» и наполненная одною никому не нужною болтовней, да еще и самохвальной⁴¹. Остается автору смиреннейше просить Вас не давать в руки братьям святой обители Вашей читать такое произведение, чтоб не заразились от него духом празднословия и самовосхваления. Ах, как справедливо слово премудрого: «Сыне мой, хранися творити книги многи»!⁴²

Простите, всечтимейший отче, за... все ту же болтовню. Испрашивая св. молитв Ваших и великого старца и молитвенника Божия, о. Иеронима, с душевным почтением и братскою о Господе любовью честь имею быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою
архимандрит Антонин.

Прошу не поставить в труд передать сохранно разные письма, полученные мною здесь на имя честного старца о. Стефана.

Что́, если бы св. обитель Ваша оказала мне одну благосклонность? В библиотеке Вашей есть томик проповедей безыменного некоего ниже критики автора, надписанный «Круг подвижных праздников церкви», первого, киевского издания⁴³. Крайне желательно бы мне иметь его в своей библиотеке. Я прислал бы Вам вместо него целый ворох того же творения самохвального, второго издания.

Иерусалим

5 февраля 1883 г.⁴⁴

Ваше Высокопреподобие,
всечестивейший о. архимандрит, возлюбленный в Господе брат.

Податель сего, Ваш старый знакомый, из отличных отличных юноша, отправляющийся на Вашу святоименную гору, доставил мне случай приветствовать святыню Вашу неколикими словесы. Для многих-то не осталось мне времени. Г. Покровский⁴⁵ вчера сказал мне, что отъезжает отсюда в воскресенье. Я и дал себе льготу на нынешний день от письменной работы, а он сию минуту пришел и объявил, что уже и «лошадь у крыльца» у доброго молодца. Приношу Вам сердечную благодарность за продолжающуюся лестную память Вашу о нашей архихудости, свидетельствуемую нередкими поздравительными грамотками честной руки Вашей. Да укрепит Вас на нелегком посту Вашем Святой Крепкий и на сей, вновь наступивший, год благодати, во благо многих!

Нежданно-нечаянно получил я сегодня книжную посылку от преподобнословеснейшего и древлесловнейшего аввы Леонида из Троицко-Сергиевой лавры, заключающую в себе несколько брошюр, им изданных и мне пожертвованных, в память — конечно — нашего давнего знакомства⁴⁶. Раскрываю их, и что зрю и вижу? Две книжицы, содержащие в себе «Сказание о Святой Афонской Горе игумена Иоакима»⁴⁷, надписываются одна Вашей святыне, а другая «досточтимому о Господе старцу о. Иерониму»... Конечно, надписанную Вашим честным именем, я всячески обязан передать Вам, что я и исполняю при сем случае. Другую же... Припадаю к стопам «досточтимого о Господе старца» и прошу его, памятуя слово писания о двух срачицах, считать пожертвованною на мое убожество. Авва-издатель обделил меня ею, забывши, конечно, что и я кое-что маракую в афонском древлесловии и тоже могу интересоваться сказанием блаженной памяти игумена Иоакима о Святой Горе, столько мне памятной и сердцу близкой. А Вашей обители на что оба экземпляра? За то я уделяю в пользу ее «Житие и чудеса св. Николая Мирликийского»⁴⁸, изданное тем же неутомимым тружеником и высланное мне в двух экземплярах. Кни-

жицы сии доставит Вам любезный вручитель строк сих... Ах! Чуть ли он не шлет гонца с вестию, что, говоря его языком, уже якорь поднят, и все готово к отплытию в тихое пристанище Горы Афонской. Простите потому и благословите благословением неисчетных подвижников, украшавших и украшающих доселе святоименное место.

Испрашивая святых молитв Ваших, с братским расположением души честь имею быть Вашего Высокопреподобия низжайшим послушником архимандрит Антонин.

Глубокочтимому старцу Божию и духовному отцу авве Иерониму земно кланяюсь, испрашивая святых и богопослушных молитв его.

Не поставьте в труд доставить прилагаемое при сем писемце по его адресу.

Иерусалим

30 апреля 1884 г.⁴⁹

Ваше Высокопреподобие,
высокопреподобнейший, всечестнейший и возлюбленнейший о. архимандрит.

Неисчетнократно любовь Ваша приветствовала мою худость с тем или другим праздником христианским, и на все дорогие приветствия Ваши я всегда отзывался немотою, но — ей — не глухотою. Простите недостаткам моим. Кроме громадной, деловой и бездельной, рассеянности, стал не в меру стареть, а в последнее время еще и страшный недуг постиг меня — открылись нервные боли в обеих руках от плеч до локтей, возобновляющиеся при всяком усиленном движении моем и даже просто при ходьбе. Боюсь, как бы это не было началом чего-нибудь горшего и неисцельного. Помолитесь о недужном.

При великодушном пособии великокняжеском⁵⁰ иерихонский поклоннический приют наш надстроен вторым этажом и теперь красит своим величественным видом всю преименитую долину Иорданскую. Так как досточтимейший братец Вашей святыни Василий Иванович был одним из первоначальников сего достохвального и в высшей степени полезного дела, то я счел долгом своим утешить боголюбивое сердце его фотографическим снимком (насколько хватает мастерства нашего в сем деле) сказанного приюта. Благоволите передать ему таковой, с засвидетельствованием ему моей братской преданности. Я не знаю, куда и как адресоваться к нему. Пытался не раз писать к нему, по подсказу признательности, адресуя писания свои в Петербург на Биржу, но находили ли там его мои письма, не знаю.

Для любознательности Вашей прилагаю к сказанным фотографиям еще снимки наших здешних двух церквей: Богоматери — в Горней и Воскресения Господня на святой горе Элеонской. Последняя обещает быть великолепною и по внешности, и по внутреннему убранству. Копеек

хватит на то, чтобы довести ее до желанного освящения. Но я совершенно нищим оказываюсь ввиду основанной мною на самой высшей точке святой горы колокольни, которая по плану должна подняться на столько, чтобы быть видимой с великого моря и указывать собою поклонническому миру, еще на воде существу, местность Святого Града. Не поможете ли мне, возлюбленный авво, вывести хотя первый этаж ее (восемь метров в квадрате и десять в высоту), чтобы упрочить за нею право существования в будущем. Здесь ведь не то, что у Вас на Святом Афоне — строй, что хочешь, были бы средства. Тут, откуда не ожидаешь, возникают препятствия, которые я до сих пор всегда побеждал именно тем, что вдруг выводил желанную постройку на столько, что потом уже не было возможности остановить ее, причем обыкновенно высматривал самые благоприятные моменты. Таковым представляется и настоящий. Тонкий фанатик паша местный на прошлой неделе уехал в Константинополь в отпуск на три месяца. Хотелось бы, чтобы к своему возвращению он утешен был зрелищем русской благовонницы на самом видном месте Святого Града. Вашей святыне ведь известны не десятки, а сотни христоробцев по всему пространству земли родной, которые может быть ждут только случая привязать свое имя к Земле обетованной. Мой боголюбивейший земляк, г. А.В. Резанцев⁵¹ из Соликамска, выслал уже и колокол для элеонской церкви нашей, а у нас и места нет ему. Стыдненько мне здесь перед разномастным светом сего ради...

Испрашивая святых молитв Ваших и великого старца и богомольца о. Иеронима, с чувством братской преданности и глубокого почтения честь имею быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою
архимандрит Антонин.

Иерусалим

3 февраля 1886 г.

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший о. архимандрит, возлюбленный в Господе брат.

Спасайтесь и утешайтесь в постигшем Вас невознаградимом лишении. Святая Церковь учит нас «благодарить Бога» за приключаящуюся при-
стным нашим смерть. Тяжело и невыполнимо повидимому такое как бы совсем неестественное внушение, особенно когда дело идет о человеке глубоко любимом. Но на то мы — бедные — и зовемся ушедшими из мира, чтобы не разделять с оным его естественных влечений и чувствований. Особенно приурочиваетесь к этому трудному по́сту вы, жители Святоименной Горы, горняя мудрствующие, и еще более Вы лично, дорогой отец и брат, руководящие сотни боголюбцев, ищущих указания, помощи, примера, как суметь отрешить любовь к Богу от любви к себе подобному,

а всего более к самому себе. В Бозе почивший был великий искусник сего дела.⁵² Мир духу его и — Вашему!

Часто Вы утешаете меня честным рукописанием Вашим, на которое я не умею отвечать исправно. Привыкшие ко всякому терпению, Вы, надеюсь и верю, не ставите мне в грех сего моего невежества. И без переговора мы присущи друг другу памяти минувшего, у старика заменяющего часто все на свете. Присовокупите к сему хотя малое молитвенное общение, для которого еще менее значит земное расстояние, чем для той уму непостижимой силы, которая дает нам возможность мгновенного разговаривания по телеграфу. Довольно сего в оправдание моей виновности.

Я совершенно позабыл приводимое в Вашем ноябрьском письме обстоятельство — посылки к Вам античного хлама. Пожалуйста, и не требуйте от меня объяснений на оное. Знать не знаю и ведать не ведаю, что Вам доставил вселюбезный авва Мартирий. Билетики синие тут не при чем, их тут наклеивала целая компания людей, желавших убить чем-нибудь вечерний досуг, а больше ничего!

Светильник с надписанием $\Phi\Omega\Xi$ Χ(ριστο)Υ ΦΑΙΝΕΙ ΤΙΑΣΙΝ⁵³ не есть редкость в здешних местах и говорит собою без сомнения о первых временах христианства, когда верующие укрывались во мраке пещер, при свете этих самых христосиянных лампадок. Фраза эта какими-то судьбами вошла в состав литургии преждеосвященных даров и доселе торжественно произносится всею Православною Церковию, вероятно в память того, что момент, когда она слышится за литургией, принадлежал уже наступающей ночи. Если Вас интересуют подобные антики, я готов поделиться ими с Вашею всечестною обителию еще и еще.

Не сомневаюсь, что светопись не пропустила благоприятного момента увековечить образ почившего великого старца Святой Горы в разных фазах его переселения в свойственный ей мир света. Ваша же святыня конечно не поспеет доставить его читателям утешение думать, что тоже и они были там же и видели то же, что подвигло целую Святую Гору к Вашей обители.

Покорная просьба к Вам, дорогой батюшка. Недавно (тринадцатого января сего года) скончалась тут поклонница Вера Ивановна Седельникова. Перед кончиною своей она завещала переслать на Афон в Андреевский скит шестьдесят рублей кредитными билетами о. Антонию некоему. Посылаю при сем к Вам эти деньги и прошу Вас усердно, благоволите отыскать сего Антония и передать ему под расписку завещанные деньги, приказав ему непременно уведомить о получении их брата покойной Феодора Ивановича Седельникова, в село Донское, волости Фоминой, Землянского уезда, Воронежской губернии. А расписку, при случае, переслать ко мне.

Что подельывает у Вас Александр Захарович?⁵⁴ Надобно, чтобы он светописью снял животворящее древо ксиропотамское, ватопедский пояс Богоматери, руку Златоуста, чашу царицы Пульхерии и пр. и пр. Что сидеть даром?

Полюбуйтесь на русскую колокольню елеонскую. Ваша великодушная помощь ей, так ко времени пришедшая, пусть высмотрит на Вас из каждого ряда ее камней. Теперь, надеюсь, уже никакие сопротивные силы не помешают ее росту.

Испрашивая взаимно святых молитв Ваших с братскою преданностью и неизгладимою признательностию честь имею быть Вашим нижайшим послушником

архимандрит Антонин.

А.А.Гирс⁵⁵ со дня на день ждет своего преемника Д.Н.Бухарова⁵⁶. Где водворится потом, и сам не ведает. И сравнения быть не может между ним и г. Н.А. Ларионовым.⁵⁷ Дорогой памяти братцу Вашему Василию Ивановичу низкий поклон со всякими благими пожеланиями.

Иерусалим

24 февраля 1886 г.

Ваше Высокопреподобие,

всечестнейший о. архимандрит, возлюбленнейший во Христе Иисусе брат.

Приветствую Вас с наступлением святой четырёхдесятницы. Молитвами Вашими да сподобит Господь нас встретить и светлый праздник Пасхи.

Нежданное одно обстоятельство заставляет меня, против обычая, вскорости за посланным Вашей святыне письмом прибегнуть опять к устной беседе с Вами. Одна из недавно прибывших сюда поклонниц доставила члену нашей Миссии письмо от некоей Ольги Дим. Дубровской из Оренбурга, в коем последняя уведомляет старца нашего, что посылает с сказанной поклонницей священные сосуды для нашей елеонской церкви. На осведомление о сей посылке поклонница заявила, что ее взял для афонской обители Св. Пантелеймона начальник одесского той обители подворья, неизвестно по какому поводу и побуждению, выдав ей и законную расписку в получении. Что дело таково и так происходило, доказательством тому служат прилагаемые при том документы. Все равно, конечно, где ни будет исполняться желание жертвовальницы священных сосудов (поминование имен усопших...), на Афоне и на Елеоне, и ни означенный член миссии (иеромонах о. Парфений⁵⁸), ни я ничего против распоряжений начальствующих Вашими подворьями не имеем. Но поклонница доставительница пожертвования чуть не слезы льет при одном представлении, как она явится назад домой, и что скажет в свое оправдание г-же Дубровской. Посему не соблаговолите ли Вы, дорогой о. архимандрит, уведомить жертвовальницу о получении ее жертвы, прописав ей в успокоение ее, что разницы нет в том, куда поступит боголюбивое приношение добрых дателей? Я же с своей стороны присовокуплю, что у нашей елеонской церкви, хотя

еще и не освященной, есть уже два прибора жертвованных священных сосудов, и особенной надобности в таком приношении она не имеет.

Другая история. В прошлом письме моем к любви Вашей вложена была сумма денег шестьдесят рублей кредитными билетами, которая, по завещанию умершей здесь поклонницы Веры Седельниковой следовала к передаче некоему о. Антонию Афоно-Андреевского скита. Сегодня тоже исполнительница завещания покойной пришла ко мне крайне встревоженная. Оказалось, что она ошиблась в имени скита святоафонского, и что деньги следуют к передаче ильинскому, а не андреевскому о. Антонию, именно тому, кто заведывает в Царе-граде Ильинским подворьем. Если можно поправить еще ошибку, будьте благосклонны, сделайте то в успокоение бедной женщины, оплакивающей свое беспамятство или — вернее — полное незнакомство с обстоятельствами дела.

Как идут дела Ваши, после великого старца-батюшки. Если кто будет писать житие его (или по-светски биографию), пусть бы упомянул, что по признанию в Бозе почившего, он видел д и а в о л а чувственными очами, вышедши раз от заутрени и спокойно сидя в своей комнате на лавочке. Так он мне сам рассказывал.⁵⁹

Прошу святых молитв всечестной обители Вашей с ее присно мне памятным вождем и молитвенником о заматоревшем в недостатках молитвенных, и всяких других, убогом старце Антонине.

Иерусалим
№ 70.

18 апреля 1886 г.

Расписка

Сим честь имею удостоверить, что мне передан поклонником св. мест Капитоном Сергеевичем Заикиным ящик, содержащий в себе многочисленные издания афонской обители Св. Великомученика Пантелеймона, предназначенные для библиотеки Иерусалимской Духовной Миссии.

Начальник Иерусалимской Духовной Миссии
архимандрит Антонин.

Иерусалим

23 июня 1886 г.⁶⁰

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший архимандрит, возлюбленный о Господе брат и сослужитель.

Поздравляемый всеми и отовсюду в последнее время по случаю совершившегося освящения своей элеонской церкви, я и сам настроился в тот же поздравительный дух и желал бы поздравить с чем-нибудь святыню

Вашу, да не знаю с чем. Нового ничего на святоименной горе не слышится. Что творится выходящего из ряда изрядных дел всечестной обители Вашей, до наших пределов не доходит. Итак, примите поздравление со всем, в том числе и с появлением доброй и интересной книжки об Абхазии⁶¹ и просветительной деятельности в сей последней неутомимой на доброе дело обители Вашей.

После сей прелюдии позвольте сразу ударить перед Вами всенародно челом и принести Вам нижайшую просьбу о великодушной помощи. Податель сего письма моего, досточтимый Яков Иванович Ансара есть самовидец того, о чем идет дело. Почтив своим присутствием наш элеонский храм в день его освящения, он видел, что в настоящее время наш дом молитвы блеснит и славится только двумя предметами, мальцовскими⁶² хрустальными люстрами (действительно превосходными) и однозолотным иконостасом. Заказывая сей последний (в Пензе у известного там иконостасного мастера И.Г.Сабурова), я просил снабдить его иконописью в строго византийском стиле, но вместе и с безупречным художеством. Более подробных объяснений отсюда невозможно было иметь с подрядчиком мастером. Заказанный предмет был получен здесь, пролежал года два в ящиках и, когда был вскрыт, затмил собою... все мои надежды. Весь византизм святых икон ограничился их золотым фоном или полем. Но делать было нечего. Оставалось довольствоваться тем, что есть — до времени. В самый день освящения церкви (восьмого числа сего июня месяца) мне пришлось быть самослышцем весьма неблагоприятных отзывов местной благочестивой публики даже о местных иконах Спасителя и Богоматери, что и побудило меня ускорить свое намерение заменить по крайней мере главнейшие сии св. иконы другими, лучшего, совершеннейшего письма. Поелику же таковым прославилась на весь свет Ваша всечестная обитель, то не только естественно, но и простиительно обратиться мне с моею докукою к Вам именно, благосклоннейший к сердечной памяти отец архимандрит. В полном уповании, что Вы не минете своим благоволением места Вознесения Господа нашего паки и паки, я посылаю Вам через подателя сего, иерусалимита, и мерку обеих местных икон иконостаса нашего, подлежащих замене. Писаны они вместе со всеми другими на дереве и имеют кругом себя узенький бордюру, тоже однозолотный, как и все поле, везде ровно исполненное без всяких узоров. О технической стороне желаемых священных изображений да станет с моей стороны всяк глагол, ученого учить запрещает народная мудрость России. Зато о «металлической» стороне дела, я думаю, не мешает изнести некоему слову. Я не имею ни малейшего желания ввести в ущерб любезную мне обитель Вашу и прошу Вас оказать мне добрую услугу за достодолжное вознаграждение, тем более, что, как разблагостили газеты наши, мы теперь стали богаты, получивши от щедродательного Палестинского Общества субсидию на свою церковь в четыре тысячи рублей.

Процветает ли Ваша фотография? Где теперь находится г. Осколков?⁶³ Выполнил ли он палестинскую задачу Вашу? А кстати. Вот бы Вы безмерно обязали меня, если бы оказалась возможность сообщить мне сведения, где теперь находится когда-то проживавший на Афоне (у г. Севастьянова)⁶⁴ художник, Михаил Феофанович Грановский⁶⁵, украшавший собою немалое время и Палестину и потом разъезжавший с своими иерусалимскими панорамами по всей России? Мне бы очень хотелось зазвать его опять в Святую Землю, расписывать нашу элеонскую церковь, а не знаю, куда адресоваться к нему. Может быть как-нибудь случайно кто-нибудь из Ваших афонцев знает его место жительства.

Испрашивая святых молитв Ваших со всею всечестною обителию Вашей — с душевною преданностию и всякими благими пожеланиями честь имею быть Вашего высокопреподобия нижайшим послушником
архимандрит Антонин.

Как поживает и что поделявает бывший поклонник святых мест о. архимандрит Иосиф московский?

Был тут недавно один именитый археолог киевский — г. Олесницкий⁶⁶, познакомившийся в Константинополе с Вашим о. Паисием⁶⁷, снабдившим его брошюрою о своем обращении от омута заблуждения. Считаю долгом своим передать Вам его мнение о свершенной непригодности подобной исповеди почтенного отца в печати, скорее помогающей злу, нежели отвращающей от зла, по его убеждению. Да и занимать подобному обращеннику видное и бойкое место в Константинополе он находит делом совсем неказистым. Тому, кто прочитал книжку, говорит он, неловко делается при встрече с о. Паисием. Лучше сему последнему сидеть, по его мнению, где-нибудь в затворе.

Иерусалим

29 декабря 1886 г.

Высокопреподобнейший и всечестнейший о. архимандрит
возлюбленный о Господе брат и сослужитель, милостивый государь.

Примите взаимно от меня сердечное поздравление с наступающим Новым Годом, который, подобно всем минувшим, да будет полон до избытка благословениями Божиими над делами многотрудных и неустанных рук Ваших всечестных — во славу Святой Церкви нашей и в честь имени русского!

До того привязали Вы к себе боголюбивейшего Александра Захаровича,⁶⁸ что он, можно сказать, с первого же дня прибытия в Святую Землю возгорел желанием возвратиться к Вам. Уговаривал я его Христом да Богом погостить тут у нас, предлагал ему сподручное для него занятие в Горней и на Елеоне — ничто не помогло! Вот Вы снова видите его перед собою, истаевающего от желания быть с Вами. Не в первый раз мне приходится

убеждаться в своем неумении привязывать к себе людей. Покойный Иван Иванович Стахеев⁶⁹ заявлял это, не обинуясь. Да и один ли он? В этом самом году еще один именитый боголюбец московский, тоже бывший здесь на поклонении святым местам, заявил сюда письменно, что я даже «обидел» его, и через то отвратил поток его милостей от себя совсем в иную сторону... Легко, впрочем, понять причину таких неудач моих. Глубоко благочестивые люди, направляя стопы свои в землю Библии и Евангелия, мечтают встретить тут одно совершенство, а наталкиваются повседневно на то, чему имя гроб повапленный... Помолитесь братски, всечестнейший отче, чтобы наисвятейшее место земли было наижеланнейшим для всякой души христолюбивой.

Испрашивая святых молитв всечестной обители Вашей, с пожеланием ей всяких в Господе успехов и сердечную к Вам любовь честь имею быть Вашего Высокопреподобия нижайшим послушником
архимандрит Антонин.

Препровождаю к святыне Вашей фотографические копии разных древних документов обители Вашей, доставшиеся мне от блаженной памяти о. Азарии. Александр Захарович говорит, что полного собрания таких копий нет в обители. Я доволен буду перекопировкой их на бумагу особенного химического приготовления, коей образчик прилагаю при сем.⁷⁰

Благоволите заставить принять от меня Александра Захаровича прилагаемую при сем лепту за поправленные им здесь для меня священные изображения.

Св. Град Иерусалим

20 января 1887 г.⁷¹

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший и возлюбленный в Христе Иисусе о. архимандрит.
Ὁ Χριστὸς ἐν μέσῳ ἡμῶν⁷².

Пишу Вам сие красное приветствие от красной радости, которою Вы наполнили мою душу, выслав мне желанные и всекрасные святые иконы Господа Вседержителя и Его пречистой по плоти Матери. Вчера мы их поставили на подобающее им место, и могу сказать, что вся церковь наша светлосиянная как будто озарилась при том еще особенным неким светом, свыше сходящим и ублажающим душу. Я хотел увеличить торжественность передачи этой обновки нашему храму, избравши день, в который вы предположительно празднуете память тезоименного Вам великого подвижника египетского⁷³. Попал ли в цель, не знаю. Будь тут досточтимый и достопамятный Александр Захарович, он конечно просветил бы меня насчет неведомого мне обстоятельства, яко всепреданный поклон-

ник святыни Вашей, памятующий не только дни и лета Ваши, а и всякое слово, но... ищи ветра в поле!

Что же касается того, почему мое красное приветствие вышло не по-русски, а по-эллинически, то этому причиной оставшееся у меня от св. икон глубокое впечатление. Оба образчика художества Святой Горы, завещанные ею Святому Граду, оказались ἔργον τῶν χειρῶν⁷⁴ и пр. Как? В русской обители греческие художники! Что случилось с именитою и славною по всей России иконописною школою русскою на Святом Афоне? Иссякли единоплеменные нам искусники на нем? Не могли сего быть! Заместо наших объявились там некие иасаффеи — народ, что ли, какой, не известный ни истории, ни географии, звание ли какое, титул, должность... Остается успокоить себя тем, что в церкви Божией нет ни скифа, ни эллина, и что кто бы ни написал превосходное изображение, предназначенное для благоговейного чествования, цена ему та же самая. В качестве скифо-эллина говорю: Евхаристоῖ! Μαλακῶδαριῶ!⁷⁵

Сердечно благодарю Вас, дорогой о. архимандрит, за новогодние благопожелания Ваши. Да будет по слову Вашему, и долготерпеливый Владыка дней наших да продлит таковые и мои, и Ваши — еще на известный Ему термин.

С братскою любовью и преданностию честь имею быть Вашего высокопреподобия нижайшим послушником
архимандрит Антонин.

Некий Кирилл Коциба, бывший поклонник святых мест, столько надождавший тут всем своим убожеством и своим сторублевым процентным билетом, обратился ко мне с Св. Афона с прилагаемым при сем письмом, которое я не замедлил предъявить в здешнее консульство наше, сделавши на нем надлежащую отметку для сведения г. Кацибы. Окажите благосклонность, отыщите автора письма и передайте ему таковое вместе с денежным на его имя письмом, не заставшим его здесь.

Если не будет нескромностию (по правилам не от мира сего сущего жительства) спросить о стоимости высланных сюда по заказу моему священной обители Вашей икон, да будет мне позволено обратиться к святыне Вашей с сим вопросом.

Св. Град Иерусалим

5 октября 1887 г.⁷⁶

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший и возлюбленный о. архимандрит.

Скорбное писание Ваше от шестнадцатого августа, извещавшее меня о приключившейся дорогой обители Вашей напасти, не было для меня в день получения (четвертого сентября) неожиданностию. Еще двадцать второго

августа прибывшими сюда новыми поклонниками нашими сообщена была печальная весть о случившемся у Вас пожаре, преувеличенная по обыкновению, насчитывавшая до восьмидесяти погоревших келлий. Когда именно случилось это несчастье, не говорилось прямо, и многое другое оставалось невыясненным. Двадцать четвертого числа встретившись и разговорившись с боголюбивейшею Татьяною Захаровною, сестрою А.З. Осколкова, видевшею самолично Вашу обитель незадолго перед тем во всей богохранимой целости, я было усомнился в распространившемся горестном слухе, но вскоре константинопольские газеты подтвердили его, хотя и не могли сообщить никаких подробностей случая. Благодное письмо Ваше, при всех его тревожных сообщениях, успокоительно подействовало на меня. Грозное посещение Божие коснулось, значит, только одной части монастыря, а именно руской по некоей фатальности, которую несомненно усердные недоброжелатели русского имени и дела на Святой Горе постараются истолковать по-своему, а как именно, излишне, думаю, говорить. Случай весьма благоприятный для самозванных исследователей путей Божиих почесать языки насчет нас, московитов, забирающих будто бы в свои руки весь Афон. Конечно, Вас не смутят подобные злонамеренные и злорадные суждения иномудрствующих собратий наших, и Вы труд на труд приложите, чтобы не осталось и следа в обители от постигшего ее несчастья.

Боюсь, а желал бы и я в ответ на дружеские сообщения и сердечные болезнования Ваши заявить по поводу случившейся у Вас беды какое-нибудь свое соображение. Я бы думал, что при новых условиях именитого монастыря Вашего, по милости Божией действительно ставшего Русиком, т.е. русским, «русский» в нем корпус с своею соборною церковью сделался, как говорится, уже анахронизмом. К чему теперь особая русская церковь, сторона, половина, как бы своя отдельная обитель в русской обители? Вот случай представляется Вам, дорогой и прелюбезнейший о. кафигумен, покончить совсем с прежними порядками, теперь уже ненужными. Покровская церковь была временною потребностью в смешанной обители Вашей. Теперь у Вас на руках собор великомученика, коего именем зовется обитель. Не возобновляйте Покровской церкви, обративши весь корпус в иноческие келлии. Было бы это очень кстати. Древние обители Востока обыкновенно имели одну и единственную церковь, насколько можно разъединенную с жилищами человеческими, по естественному желанию видеть дом Божий изъятым из среды всего, к чему относимся как к недостатку естества своего. Параклисы монастырские несомненно есть нововведение в жизни монашества, которому, по образу мира, наскучать стало одно да одно ежедневно и захотелось разнообразия, развлечения, разброда чувств и мыслей. А тут на помощь тенденциям новшества явилась еще благая мысль угодить тому или другому святому молитвеннику нашему постройкою в честь его особой молельни. Особенно падкими

на такой способ богоугождения оказались мы — русские, наполнявшие издревле наши небольшие вообще храмы приделами и даже просто притолами, где только находили возможным это сделать, даже на хорах! Вашей всечестной обители, стоящей в ряду восточных, древних, царских учреждений иноческих, весьма бы кстати возвратиться к древнему порядку. У Вас и без того есть совершенно излишние церкви, отдельно стоящие, — Успения, Св. Митрофана и др. Достаточно их для того, чтобы не отказать человеку-иноку по временам в удовольствии потешить дух (а больше глаз) свой разнообразием. Отчего не стать Вашей учительной для России обители выше наших рутинных понятий о богоугождении? За стенами ее пусть множатся храмы Божии везде, где окажется надобность в них. Внутри же стен нет совсем вызывающей причины уменьшать славу Божию малыми и тесными размерами посвящаемых ей чтилищ.

Что поделявает на Святой Горе святейший бывший Вселенский Патриарх Иоаким III?⁷⁷ Понравилось, видно, ему там у Вас. Мне он прислал карточку из Иверского монастыря, на которой воспроизвел любимое им властное слово «не хочу»... Бедовый святитель.

А Александр Захарович где процветает теперь и что поделявает? Ужели не раскаивается, что оставил сиротой мою церковь в евангельской Горней? Неудача мне с художниками. Помню, приехал сюда из Вашего Афона живописец, кажется Гринев по фамилии, с такими причудами, что не знаешь, как подойти к человеку. В это лето кажется тоже с Афона пожаловал некий Стефан Григорьевич, не припомню фамилии, которого я пригласил расписывать (вместе с одним настоящим художником итальянцем) свою элеонскую церковь. Мастер, как следует, но ни гласа, ни послушания от него. Недавно поручил мне передать ключ от его комнаты на Элеоне и — был таков! Вероятно объявится опять у Вас на Афоне! Уму непостижимые — русские люди!

Наговорил я Вам в письме своем всякой всячины, к которой и отнеситесь благоснисходительно, на что уповая, с глубоким почтением и сердечным расположением честь имею быть Вашего высокопреподобия нижайшим послушником

архимандрит Антонин.

Иерусалим

17 апреля 1889 г.⁷⁸

Боголюбивейший, великий авво,
всечестнейший о. архимандрит и кафигумен, милостивый государь.
Воистину воскресе.

Приношу Вам сердечную благодарность за Вашу неустанную в братском приветствовании любовь и неиссякаемую благую память о нас, здешних и Божиим долготерпением держимых на страже русского дела в

Земле обетований. Надобно нам подкреплять друг друга общим сочувствием и соучастием — особенно в период умяляющихся сил жизненных и слабеющей деятельности души.

Немало тревоги доставило мне тут известие, что в Русике совершился акт избрания нового игумена. А с старым-то что случилось? Удаляется, подобно блаженной памяти старцу Иерониму на безмолвие, отвечали вестники неожиданной вести. Но Ваше пасхальное приветствие, датированное позднейшим сообщенного акта числом, успокоило меня. Когда мы, помню, в детстве изучали науку числ, то мне вдолбилось в память выражение учебника: «и продолжать действие, пока в остатке ничего не останется». Мне кажется, что это же самое арифметическое правило приложимо к нашему с Вами положению. Надобно держаться на посту, так или иначе Божиим изволением нам предоставленном, до тех пор, пока в нас еще дает себя знать остаток пригодных для него сил. Настоящее «безмолвие» ожидает нас только на смертном одре. Выбор преемника, заранее обещанный, может быть в известных случаях полезным и благотворным, но он не свидетельствуется общею практикою монашеского жительства. Мне припоминается при сем, что в самой обители Вашей в 1859 г. слышался уже нареченный преемник старцу Герасиму (некто келлиот Савва), но преемником-то оказался, как Вашей святине известно, совсем иной старец... Впрочем, никакое суждение стороннее тут не уместно. Вам виднее, что и как следует делать. Я же рад видеть, что все у Вас там в богохранимой обители пока остается по-старому.

Взаимно испрашивая святых молитв Ваших, в чувствах братского расположения честь имею быть Вашим нижайшим послушником
архимандрит Антонин.

Благоволите раздать келлиотам обители Вашей прилагаемое при сем изображение терноносное Христа Спасителя, замечательное своим выражением.

Фотографические снимки актов обители Вашей исправно получил, и хранятся, для справки, в архиве Духовной Миссии.

Иерусалим

20 октября 1890 г.⁷⁹

Иерусалимская Духовная Миссия.

№ 189.

Его Высокопреподобию,

о. архимандриту Андрею,

всечестному игумену афонского

Св. мученика Пантелеймона монастыря.

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший о. архимандрит и кафигумен, милостивый государь.

Пользуюсь случаем возвращения на святоименную гору бывшего здесь на поклонении святым местам Палестины боголюбивейшего инока о. Алексия, чтобы братски приветствовать святыню Вашу, почтившую меня в свое время уведомлением о свершившемся факте преемства Вашего блаженной памяти возлюбленному и досточтимейшему старцу о. архимандриту Макарию, которого преждевременную — по нашим земным соображениям — кончину я не перестаю оплакивать вместе с столькими другими его почитателями. Веря, что пути Божественного провидения, как бы ни казались иногда темными и непонятными, всегда направляются во благо преданных Богу душ и душеполезных учреждений, каковыми по преимуществу признать надобно иноческие обители, я не могу сомневаться, что перешедшие к Вам от блаженной памяти предместника Вашего достоинство и сопряженная с ним многообразная и многозаботливая деятельность были взвешены мироправительного промысла⁸⁰ и найдены соответствующими прежде, еще при жизни в Бозе почившего старца, павшему на Вашу досточтимую личность выбору, и успокаиваюсь подобным умозаключением.

Пользуясь столько лет милостивым расположением к своей худости Вашей великой и славной обители, я желал бы и под Вашим мирным и счастливым управлением оною оставаться в том же братски близком, сочувственном и взаимно благожелательном общении с нею, в чем и полагаюсь на благосклонное содействие Ваше.

Поручая себя и вверенное мне учреждение молитвам св. обители Вашей, с глубоким почтением и братскою о Господе преданностью честь имею быть Вашего высокопреподобия покорнейшим слугою
архимандрит Антонин.

Его Высокопреподобию
всечестивейшему о. архимандриту и кифигумену
обители Св. великомученика Пантелеймона
Андрею, милостивому государю.
На Св. Горе Афонской.
Св. Божий Град Иерусалим
1892 г. Апреля 20 дня.

Ваше Высокопреподобие,
всечестивейший о. архимандрит, возлюбленный о Господе брат и сослужитель.
Воистину воскрес.

Взаимно приношу Вам сердечные поздравления с всепразднственными днями Пятидесятницы, моля Господа, да будет Вашим помощником и споспешником в управлении великою обителию, на которую устремлены взоры многие миллионы христоробцев в отечестве нашем, как славному и преименитому питомнику иноческого подвига, посылающему свои благие рассадки по всему миру земли русской. Да не слабеет вера ее в ангеложительство Святой Горы Афонской!

Перед Вами боголюбивейший поклонник святых богоспешственных мест Палестины, о. архимандрит Мефодий⁸¹, настоятель Никандровой пустыни в пределах Псково-града, руководитель и пестун стольких делателей Винограда Господня. Дай Бог почаще видеть единовверному Востоку таких предстоятелей русского благочестия!

Взаимно испрашивая молитв священной обители Вашей, с пожеланием ей и Вам всякого успеха в общем всем нам деле Божиим, честь имею быть Вашего высокопреподобия нижайшим послушником
архимандрит Антонин.

ПИСЬМА К О. АЗАРИИ (ПОПЦОВУ)

Константинополь

25 января 1862 г.⁸²

Боголюбивейший и преподобнейший о. Азария!

Приношу Вам живейшую благодарность за Ваше обязательное внимание к моим поручениям. Вы не только порадовали меня своими спешными ответами, но поистине удивили. Я не привык к такому скорому выполнению своих не поручений только, но смиреннейших просьб, жарчайших молений. У меня немало насчитывается таких, коим минуло уже несколько лет со времени адресования их в разные концы мира, оставшихся без всяких последствий. Если Ваша ἡ ἐκούσιος ὑπακοή⁸³ так точна и безответно-усердна, воображаю, какой вы добрый послушник должны быть по слову и приказу старческому.

Сообщенная мне Вами выписка из жития преподобного Феофила окончательно уверила меня в моем торжественном посрамлении пред о. Порфирием. Не остается сомнения, что церковь протатская расписана при протее Серафиме в XVI веке, если верить житию преподобного Феофила. А есть ли какой повод не верить ему, я не знаю, ибо самой рукописи не видел. Egrave humanum est.⁸⁴ Вам это известно. Но как убедить самому себя, что стенопись протатская новее ватопедской, хиландарской и стольких других, когда первый взгляд на нее говорит Вам о противном? Выписку, подобную Вашей,

получил я с прошлым пароходом и от самого о. Порфирия из Петербурга. Он говорит, что и самое имя Мануила Панселина ему удалось прочесть на стене в жертвеннике протатской церкви. Следовательно и пресловутый Панселин жил тоже в XVI веке. Хорошо все это, только дай Бог, чтоб было правда. Я в своих археологических исследованиях сбиваюсь более всего тем предположением (чуть не утверждением), что иконы Иисуса Христа, на коих нет букв ΟΥΝ, суть произведения VII–XIII века, никак не далее. У Вас на Святой Горе существует какое-то предание о сих буквах. Желательно бы услышать мне оное из уст Ваших. Верю, что Вы мне передадите его в чистейшем виде, не стесняясь ничьим авторитетом.

Но как Вам передать тот восторг, с которым я встретил свиток Ваш с великолепною работою почтеннейшего Михаила Феофановича? Честь Вам обоим и слава, и хвала, и воздаяние, конечно там, где за все воздают сторицею! Господин посланник восхищен был блестящим выполнением снимка и просил меня передать Вам его глубокую признательность, равно как не менее глубокое уважение к таланту и искусству художника. Он затруднялся принять снимок как дар и желал заплатить за него, что следует. Но так как это следующее есть предмет самый неясный, то я и отказался поддерживать его в его намерении, предоставляя Вам решить трудную задачу. Если Михаил Феофанович непрочь от возмездия, пусть скажет Вам «по секрету», чего стоит труд его. Вы мне об этом напишете тоже по секрету. А я, тоже по секрету, объявлю о том князю⁸⁵. Секретничая таким образом неизвестно перед кем и невесть для чего, мы достигнем какого-нибудь «явного» результата. Его сиятельство желал бы, чтобы на условиях приличного возмездия Михаил Феофанович снял для него копии со всех изображений императоров византийских и царей сербских, существующих где бы то ни было на Святой Горе. Возможно ли это?

А я бы желал, чтобы снята была копия с иконы пр. Афанасия, в уменьшенном, конечно, виде, той самой, которая сделана была вскоре по смерти его, как пишется о сем в житии его, и хранится доселе в Лавре. Не известно ли также на Святой Горе каких-нибудь сочинений (например «Слов») преподобного, кроме известных Τυλικόν и Διατύλοση. Ваше «священномудрословесие» уверяете в своем «Патерике», что в Ивере есть рукописное сказание о ктиторах обители. Если бы можно было мне иметь верную копию с него?

Прошу поклониться земно старцам Божиим о. Герасиму, о. Иерониму, о. Макарию и о. Серафиму и попросить святых молитв их о мне.

Если где услышите о существовании рукописной литургии с указаниями, как действовать в том или другом случае служащим, приклоните ухо Ваше к такому слуху. Если бы также нашелся где-нибудь церковный устав или хотя требник X века!

Поручая себя Вашей благосклонности, емь Ваш преданнейший слуга
Антонин.

Спускаясь⁸⁶ от Русика к Сераю, встречаешь в правой руке келью. В ней есть, разумеется, и церковь. В сей церкви я видел два круга греческих Миней, один употребляемый, другой, старый и разбитый, давно порученный любопытному исследованию мышей. Он ни в каком случае не есть ценность для кельи, и тот, кто бы приобрел его, не согрешит более того, чем сколько грешат крысы, читающие его. Я бы дал убогим старцам по рублю за книгу, если только все двенадцать книг есть в наличности. Мне нужен подобный круг для сличения разных изданий греческой Минеи. У меня на руках есть теперь такой круг, взятый из Серая. Но его нужно возвратить.⁸⁷

Если бы можно было приобрести также весьма нередкие на Св. Горе старопечатные славянские книги Служебник, Требник, Праздничную Минею, Октоих, Псалтирь. Цена у меня та же в отношении этих книг, как и в отношении греческих.

+⁸⁸

Получил я письмо боголюбивейших старцев Ваших, относящееся к григориатскому делу. Прошу простить меня за уклонение от прямого участия в нем. Святопавловская история научила меня не мешаться в подобные дела⁸⁹. Кроме того, я думаю, что можно бы нам, русским, и пожалеть иногда свое бедное отечество. По России уже собирают пособие хиландарцы, ксенофцы, кастамонитцы, ...цы, ...цы и пр. и пр. Не надобно слишком натягивать струны. А то, пожалуй, испортится весь инструмент. Полагаете ли Вы, что непрерывные сборы не надоели России, что не опротивели сборщики, не опостытели монастыри, не кажется тяжелою и неприятною сама вера святая, во имя коей делаются все поборы. Ей, нам, духовным, и в частности калогирам, стоит подумать об этом. Верьте, недалеко то время, когда скажут монахам, что источник их содержания в их телесном труде, а не в молитве за мир (истинной или мнимой). Надобно быть готовым к этому протесту общества против привилегии монастырей жить милостыней. Если же мы упрямся и будем отстаивать заведенный порядок, то сделаемся посмешищем и своим упорством охладим в народе чувство к вере. Есть еще и третье обстоятельство, удерживающее меня от участия в делах подобного рода, это мысль, что отправляющиеся в Россию за сбором разочаровываются насчет ее, возвращаясь из России. Воображение сулит им золотые горы, а действительность дает нередко горсточки меди... А сколько слабостей наших высмотрят сборщики?

И пр. и пр.

Константинополь

22 февраля 1862 г.

Боголюбивейший и преподобнейший о. Азария!

Продолжаю благодарить Вас от души за продолжаемые Вами обязательные исполнения моих поручений.

Рукопись о св. Василии и о видениях Феодоры пусть пока останется у меня⁹⁰. То же и «Разговор» Григентиев.⁹¹ Эллинский подлинник первой книги желалось бы приобрести. По совету Вашему я посылаю при сем письмо к ксенофскому о. игумену, которое не поставьте в труд переслать по адресу. Есть на Святой Горе во многих экземплярах и эллинский подлинник второй книги. Например в Лавре и Филофее, но в последнем рукопись неполна и разбита). Со временем мне понадобится и он.⁹²

За эсфигменскую Проскомидию особенное спасибо. Если в Литургии самой есть тоже какие-нибудь частные указания и наставления священнодействующим, то и вся она мне нужна. Если же текст ее ограничивается одними молитвами, эктениями и возгласами, то особенной нужды в ней нет.

Келлии оной не знаю ни имени, ни прозвания. Она есть первая (шагов двести в сторону) на правой руке, которую вы встречаете, идучи из Русика в Серай и перевалившись за хребет. Впрочем уже и совесть укоряет за намерение лишить келлию ее старого наследия. В той же келье есть и старопечатная праздничная Минея славянская, только не знаю, вся ли? О славянских книгах побеспокойтесь, отче преподобнейший, да вчинит Вас за то в лик преподобных Господь — воздаятель трудов праведных.⁹³

С совершенным почтением, любовью и преданностью есмь Ваш нижайший слуга

Антонин.

Вкратце писах. Ибо столько осталось времени между часами и вاپором⁹⁴. Не браните убо.

Константинополь

4 апреля 1862 г.⁹⁵

Боголюбивейший и всечестнейший о. Азария!

Не нахожу слов довольно к восхвалению Вас, да к тому же и не знаю, станете ли Вы слушать от меня похвалы себе. В смирении Вы столько утверждены, что Вас можно хвалить безбоязненно, это правда, но еще безбоязненнее предоставить Вас хвалить Господу. Поручения мои, одно за другим, Вы выполняете с такою ревностью, что это просто на диво мне! Чуть я ублажил себя мыслию, что могу иметь в библиотеке своей старые минеи, как добрый старец Никон уже и приносит их мне, и не их только, а еще с ними и две славянские книги! Итак, помимо похвал, спасибо Вам самое задушевное за Ваше внимание к моим просьбам.

Напрасно Вы спрашиваете, приобретать ли и оставшиеся на полочке книги? Еще бы не приобретать! Приобретать непременно! И всякие другие в том

же роде вышедшие из употребления вещи собирать в мою убогую археологическую житницу, из которой со временем они поступят в библиотеки русских духовных академий — на просвещение русских пастырей Церкви. О старопечатных славянских книгах я просил Вас приложить особенное изыскательское тщание и, по-видимому, говоря о том, их только и имел в виду. Но — беда с Вами, учеными! Привыкши говорить в совершенный образ, вы и тут нашли неопределенность и вопрошаете: печатные ли книги разумел я или рукописные. Нечего делать, надобно поправиться. Во-первых, я разумел вообще книги славянские, а во-вторых, в частности, старопечатные. Нравится Вам такой ответ? Теперь Вы, пожалуй, возьмете да и спросите, какие я разумел под старопечатными? Екатерининские, например, или петровские? Ибо и те, и другие равно уже старые. Но — отче мудрословеснейший! И те, и другие слишком молоды для меня. Мне хочется иметь собрание славянских книг XVI века, т.е. от **а.ф.** года до **а.х.н.**⁹⁶, например, т.е. до появления нашего раскола, чтобы ими замыкать невежественные уста, хулящие Церковь Божию. Таких книг есть десятка два, по крайней мере наиболее известных археологам. Они печатались наиболее в Венеции (**оу бнецѣхъ**)⁹⁷, в Цетинье и других славянских городах. Таковы например Евангелие, Апостол, Псалтирь, Октоих (две отдельные части), Пентикостарь, Триодь, Праздничная Миняя (по милости Вашей уже имеется), Служебник, Требник и пр. в этом роде. Те, при которых есть летосчислительное указание, разумеется должны быть предпочитаемы, но если и нет его, не беда. Лишь бы только книга была вся. Наконец если она и не имеет совершенной целости, но есть книга редкая, то опять имеет полное право на поступление в ученый кабинет. Да скажем уже проще: всякая старопечатная книга славянская (да зауряд уже и греческая) смело может быть приобретаема в счет казны моей. Ибо вспомните, что у нас четыре академии да пятьдесят семинарий... Но если бы Вы расширили круг своей деятельности и за пределы старопечатности, т.е. переступили в область старописности, то в этом случае также не погрешили бы против моего желания, хотя, по совести говоря, мне не хочется посягать на рукописи. Я приобретаю только те, которые продаются, и, следовательно, непременно будут проданы если не мне, так другому. Этим правилом может руководствоваться и Ваша всечестность. Приобретая, сделайте одолжение, не смотрите в зубы карбовалам⁹⁸... Сколько бы их не разошлось, ни один из них, будьте уверены, не пожалеет о кошельке, в котором покоился до тех пор. Мои карбовалы отличаются великою бесчувственностью. В конце сего месяца их будет у меня не один десяток, так я их гуртом отправлю к Вам. А Вы до того времени возьмите великодушие — потерпите долг Ваш на моем убожестве.⁹⁹

Отчего мои письма блуждают иногда без нужды по свету? Господь их знает. Я их отдаю на почту и затем ведать не ведаю, что с ними делается. Протатский Панселин отметил себя на стене жертвенника, что к алтарю, так:

ΑΝ' Ὁ ΝΗΔΙΝ

Если Вы в этой заметке читаете что-нибудь другое, а не имя Мануила Панселина, то Вы имаете судящего Вам о. архимандрита Порфирия, а с ним сцепиться нелегко. Я уже посрамился в борьбе с ним, как Вам известно. Впрочем, Вы — особь-статья! Опасение Ваше, равно как о. Даниила и всего Афона, за целость выпускаемых из отеческих объятий монастырских рукописей конечно справедливо. Колхида не одна на свете... Я сам предпочитаю поручать списывание рукописей на месте и впредь буду следовать этому правилу. Благодарю Вас от души за хлопоты с жизнеописанием Св. Василия Нового. Я нарочно не сказал Вам ничего о святогорском предании о буквах о ω υ, чтобы вы имели возможность с полною свободою сообщить мне таковое, если оно есть. Предание якобы гласит, что старые старцы Ваши крепко недовольны были Панселином за то, что он не писал в сиянии ΙΧ. сих букв... Теперь решите Вы, может ли быть дана какая-нибудь вера такому преданию? За выписку эсфигменскую великое спасибо. Более, думаю, нет нужды выписывать из литургии. Что касается до книги *Μεγα Εὐχολόγιον*, то я ее знаю чуть не наизусть. Ради сей-то разницы новопечатных книг одних с другими и с старопечатными я и произвожу свои исследования. Простите, устал сегодня до крайности.

Прошу засвидетельствовать мое глубочайшее почтение отцам предстоятелям обители Вашей и поздравить их с грядущими праздниками.

Ваш преданнейший слуга и послушник
Антонин.

Либо 30 апреля, либо 1 мая 1862 г.
достоверно не знаю.

Боголюбивейший и словеснейший отче!

В хлопотах о переселении из Перы в Буюкдере не имею времени писать Вам протяженно-сложенно. Спешу только уведомить Вас, что Гордиево толкование Апокалипсиса с письмом Вашим я получил от о. Никона в исправности. Не думаю, чтобы в сочинении сем содержалось что-нибудь особенно важное. Но при всем том о возврате Вам рукописей стоит подумать...¹⁰⁰

Получил, получил — будьте совершенно спокойны — «Проскинитарий» иверский. Но ужели не сказал Вам о нем ни слова? Это поистине оказия! *Oblivisci* так же, как и *errare humanum est, sancte pater*.¹⁰¹ Во имя сего человечества Вы, конечно, и простите меня. Один из экземпляров мною, по желанию обители, вручен князю. Но он ведь не читает по-гречески. Притом же о ктиторах иверских имеет сведение из Вашего «Патери-

ка». Меня же собственно удивило в «Проскинитарии» то обстоятельство, что жизнеописание ктиторов написано на языке новогреческом. Ужели в обители нет другого, древнего сказания о них?

Исполняя приказание Ваше, передаю о. Никону пенязи — в числе двадцати пяти карбованцев. Рассчитываю при сем на Ваше милостивое обещание поискать для меня еще каких-нибудь старых книг.

Прошу молитв святой обители и земно кланяюсь ей.

Усерднейший слуга Ваш и нелицемерный почитатель

Антонин.

Прошу принять и раздать по экземпляру брошюрки сей русским обителям Святой Горы.

+¹⁰²

Знаю, что у Вас никаких секретов нет и быть не может. Но умоляю Вас сделать для меня исключение из общего правила — на том основании, что я ведь человек мирской и под Ваш устав не подхожу, и сообщить мне следующие секретные сведения.

В 1839 и 1840 годах проживавший в Руссике при своем дяде ὁ πρῆβοίτης κυρ Κωνστανίνος Σιμωνίδης¹⁰³ занимался ли перепискою Библии на пергаменте для поднесения от имени монастыря государю покойному, Николаю Павловичу? Ваш геронда должен знать в подробности это дело. Да без сомнения и кроме геронды найдутся еще люди в монастыре, жившие там в 1839 и 1840 годах и знавшие Симонида и все дела его. От них же не могло укрыться такое важное предприятие, как переписка всей Библии, приготовляемая для поднесения императору.

Изволите видеть, его милость κυρ Κοστανδῆς недавно напечатал в европейских газетах, что знаменитый Синайский кодекс, о котором ученый Тишендорф (и еще прежде его о. Порфирий наш) наделал столько шума, есть произведение руки его, сделанное им у Вас в Руссике назад тому с небольшим двадцать, а не полторы тысячи лет, как предполагает Тишендорф¹⁰⁴. Разница лет, как изволите усмотреть, немалая. Мне же, как археологу, поистине дивною кажется такая оказия, и весьма-весьма хочется знать, на сколько правды есть в беспримерном этом публичном заявлении Симонида.

Дознайтесь, высокочтимейший отче, как было дело, и поспешите удовлетворить моему алчному любопытству, возбужденному в самой высшей степени.

Буюкдере

10 июня 1862 г.

Боголюбивейший и всечестнейший отче и сомолитвенниче!

И паки Вам моя глубочайшая признательность за рукопись. Она весьма меня интересует. Жаль, что в начале ее недостает тетрадей четырех. Да и с конца также кое-что откушено всеядцем-временем. Вы глаголете сущую правду-истину, утверждая, что ловителям рукописей в монастырях не может быть уже более поживы, и слава Богу, что это так. Пора обителям понять, что всякое старье имеет цену, а книжное — тем паче. Я никогда и не посягал на сокровища монастырей. И в Афинах, и здесь мне доставались старые книги всегда от частных лиц. Уж где они их берут, этого я не знаю и знать не имею охоты. Руководствуюсь при этом я всегда правилом: «что́ продается или может быть продано, то приобрести не только можно, но и должно».¹⁰⁵

Но Ваша строгая и осторожная логика опять поймает меня и спросит: это что́ есть ли все или ничто́? Я более клонюсь на сторону всего старого.

Вижу, как вы усиливаетесь поставить себя в тупик перед словом старого. Напрасное усилие, отче святыи! Вы наилучшим образом понимаете, что́ такое старое, и что́ новое. Все, чему сто лет, уже начинает быть старым. Двухсотлетнее ни в каком случае не новое. Трехсотлетнее есть старое. Чему четыреста лет, то старина почтенная. С пятисот лет начинается древность: 1) так себе (шестьсот), 2) нешто (семьсот), 3) почтенная (восемьсот), 4) редкая (девятьсот). А за этим пределом начинается уже древность глубокая, которой также много степеней и названий, но к книжной древности Св. Горы она мало приложима. Само собою разумеется, что эта лестница древлесловного восхождения составлена по моему личному усмотрению. Святыня Ваша весьма может составить иной разрядный список.

Видите ли, что вследствие вышесказанного, оные четыре рукописные (новые по Вашему мнению) книги могут быть приобретены в качестве старых или по крайней мере не новых.¹⁰⁶

Теперь слово о «Гордии». Он был учителем где-то во Фракии и/или Македонии и в свое время конечно слыл человеком умным и многосведущим. Его толкование на Апокалипсис есть детская игрушка. Ни султан, ни папа не суть Антихрист. Усилие доказать это делает Гордия смешным. Уже одно то, что к двум лицам вместе не может быть отнесено пророческое сказание об Антихристе, делает толкователя невольно сбивчивым и как бы растерянным. Фантазия и более ничего! И только с этой точки зрения имеет занимательность книга. Много преувеличений, неправильных понятий, ошибочных сведений и намеренного искажения фактов. В старые времена это сходило с рук, но теперь из рук выходит... не из моих, впрочем. Простите!¹⁰⁷

Возможно ли, чтобы я не отправил с первою же почтою письма о. архимандрита Даниила к о. архимандриту Порфирию? Успокойте почтеннейшего старца. Письмо отправлено.

Поручаю себя по-прежнему Вашей благосклонности и св. молитвам обители.
Ваш преданнейший слуга и послушник
Антонин.

Свидетельствую глубочайшее почтение о. игумену, о. духовнику, о. Макарию, о. Серафиму, о. Иезекиилю и прочим св. старцам и испрашиваю молитв.

Буюкдере

22 июля 1862 г.

Боголюбивейший и мудрословеснейший отче!
Спасайтесь.

Все, какие Вы знаете ублажительные слова в языке нашем, представьте, что я сказал в похвалу Вашей ревности служить своим ближним. Переговаривать все их долго, да и не припомнить всех сразу. Чуть успеешь порадоваться на одно исполненное поручение, как уже обещается другое, за другим третье и так далее.

Я думаю, что по причине своей крайней распущенности я до сих пор еще не извещал Вас о получении старопечатных книг славянских, Триоди и Служебника. Та и другая книга весьма важны для славянского филолога, а частью и археолога. Важно и то, что в них сохранились начальные и конечные листы, а следовательно и хронологическая дата книг не подлежит сомнению. Третьего дня мне доставлено было письмо Ваше от семнадцатого числа с рукописью ксенофскою. Благодаря Вашему посредству дело сделано как нельзя лучше. Переписано точно и разборчиво и даже в некоторой степени изящно. Остается только обозначить, с какого места, т.е. какими словами начинается ксенофская рукопись, чтобы знать, что в копии принадлежит ей, а что списано с иверской. Хорошо бы кроме того описать ксенофскую рукопись палеографически, т.е. сказать, в какую долю она листа, какого примерно века, сколько в ней тетрадей; нет ли где-нибудь в ней заметок на полях или на досках, какой она сохранности? и пр. и пр. Те же самые сведения требуются и относительно иверской рукописи. Если случится издать в печать книгу, то потребуются непременно дать читателям наивозможно большие сведения о рукописях. Так уж заведено в ученом свете. Сегодня получил известие, что в квартиру мою, что в Пере, доставлены и остальные шесть книг, о которых Вы пишете в письме Вашем. Благодарю, стократ благодарю Вас за Ваше поистине обязательное рачение о моем деле. Книг этих я еще не видел, но верю, что они доставят мне великое удовольствие. Славянские я еще довольно живо помню. Правда, что они не очень старые, но ученое беспристрастие требует не брезговать ничем, что имеет значение памятника минувшей религиозной жизни наших единоверцев.¹⁰⁸

Святыня Ваша спрашивает меня, желаю ли я только славянской старописьменности или вместе и греческой? Всякой, отче, всякой, исключая одной турецкой. Греческая подчас еще более занимает меня, чем славянская. А Гордия возвратить Вам или нет? Рцыте слово твердо относительно

предмета сего. Отпечатать его я никак не берусь, ибо не могу рассчитывать на чье бы то ни было сочувствие ему. Быть же ему праздным гостем где лучше — у меня или у Вас, это уже Вы потрудитесь пожалуйста решить.

Чуть попаду в Перу, постараюсь переслать Вам *μερικὰ καρπόβολα*¹⁰⁹ для продолжения закупок книжных во имя мое.

Прошу молитв Ваших и прощения за причиняемое Вам беспокойство.

Ваш преданнейший и покорнейший слуга

Антонин.

Кланяюсь земно святым старцам.

Константинополь

13 февраля 1863 г.

Боголюбивейший и преподобнейший и почтеннейший о. Азария!

Снова приношу Вам живую и глубокую благодарность за присылку старых книг. С Новым Заветом точно трудно что-нибудь сделать. Он и без начала, и без середины. Но и Псалтирь недалеко ушла от него. Ей недостает в начале ни много, ни мало — пятьдесят шесть страничек. Какой-нибудь старых времен боголюбец видно зачитал их до смерти. Справедливо вы восписываете столько похвал древлерусским книгам. Они в самом деле весьма замечательны. С одной из них я был знаком, когда еще учился в академии. И тогда экземпляр ее считался редкостью академической библиотеки. Итак — еще раз благодарю за отыскание стародавних соотечественниц, имеющих теперь возвратиться на давно покинутую Родину.¹¹⁰

Засим позвольте мне выразить свое удивление перед Вашим неумолимым отвращением от чужих денег (о своих конечно не может быть и речи с Вами — вследствие Ваших киновиатских правил). Что это они Вас так тяготят? И пускай бы были сотни или хоть десятки рублей, а то ведь просто единицы! Читая письмо Ваше, я так и припомнил того великого и поистине блаженного пустычника, который, нашедши на дороге оброненный червонец, перепрыгнул через него и побежал вперед без оглядки, боясь, чтоб искусительный металл как-нибудь не пристал к нему или не погнался за ним. Хорошо, хорошо! Бежите — только не отказывайтесь от своих добрых и весьма обязательных услуг моей непотребности. Побольше шлите мне старья. Я давно уже переселился в царство мертвых и живу отжившим, вследствие чего и называю себя непотребным — не по смирению, а по существу дела.

С ученейшим и почтеннейшим о. Порфирием у нас продолжается соисследование о Панселине. Слышна ли где-нибудь на Святой Горе какая-нибудь старая *Ἐρμηνεία τῆς Ζωγραφικῆς*?¹¹¹ Напечатанная в Афинах в 1853 году свидетельствует о подлиннике 1458 года. О. Порфирий говорит, что

это бессовестная ложь издателей, подсказанная пресловутым Симонидом, и что сочинитель «Ерминии» Дионисий Фурноаграфиот жил в прошлом веке. Уверяет также ученейший отец, что кроме собора карейского Панселином расписана восточная часть кладбищенской церкви монастыря Котломушского. Если послушание или произволение занесут стопы Ваши во оные места, не откажите в милости, разглядите со свечкой хорошо темный потолок сказанной церкви и скажите, имеет ли сходство стенопись ее с карейскою, и нет ли где-нибудь какой-нибудь в той церкви заметки ктиторической с именем Панселина или другого кого?

Прошу взаимно святых молитв Ваших и усердно кланяюсь Вам. Ваш покорнейший слуга

Антонин.

Кланяюсь смиренно старцам Вашим, прошу их молитвенной памяти.

Помета: 1863. Особого ничего.

Константинополь

10 апреля 1863 г.

Воистину воскресе.

Сими скудными строками имею честь в самократце ответить Вам, любезнейший и честнейший отче, что доброе письмо Ваше исправно получено, что деньги два рубля и пятьдесят копеек, причитающиеся в добавок за вновь приобретенное старье, о. Иосифу прекрасному уплачены, что Ваше писание о Симониде в «Православное Обозрение» давно отправлено, что не видится никакого страха для св. обители Вашей от брошюры почтеннейшего о. Порфирия, что никакие сребреники мною на Святой Горе не потеряны, ни моими спутниками, а если оказались где таковые, так это уже не наше дело разбирать, как, когда, зачем и почему они там явились, что на наши мирские молитвы Вам полагаться не следует, а лучше запастись побольше своими неложными и непустоименными, что забыть Вас в «том крае», равно как и во всяком другом, было бы непростительно, да едва ли и возможно, но что из незабвения ничего еще не выходит. Вот же г. Благовещенский стал печатать (в журнале «Русское Слово») свои воспоминания об Афоне, да право, для Афона лучше бы было, если бы писатель забыл о нем совсем в «том крае».

Умоляю Вас, боголюбивейший отче, не считать дела о приобретении «старых книг» поконченным. Всякую попадающуюся под руку смело берите, памятуя, что рука для того и создана, чтобы брать. К осени, надеюсь, вы мне приготовите с десятков червоточин, а теперь — простите!

Ваш нижайший и преданнейший слуга

Антонин.

У святых Божиих старцев прошу святых и богопослушных молитв о благополучном странствовании моем и восвоеси возвращении. Завтра думаю отправиться в дорогу.¹¹²

Константинополь

7 ноября 1864 г.

Честнейший и преподобнейший и боголюбивейший о. Азария!

Благодарю Вас душевно за Ваши добрые письма. Не оставляйте и напредки вниманием Вашим. Берете вы у нас великолепного о. Иосифа, а не подумаете о ком, «на кого же вы нас оставляете»? Разве что пришлете о. Никона или сами приедете укрепить нас во благой жизни своим присутствием и своим примером. Приношу живейшую благодарность за цветы Богоматери. Не имея чем достойно отблагодарить Вас за то, посылаю Вам несколько прозябаний своей фотографической лаборатории. Примите их с обычною Вам благосклонностию.

Новый посланник наш¹¹³, стяжавший такую бессмертную славу на поприще политическом, отличается и истинно христианскими качествами, чем весьма утешает Вашего нижайшего слугу. Такого же духа и все, прибывшие с ним. Не нарадуюсь, смотря на них.

Сорадуюсь избавлению Вашему от таможенного чиновника. С гостями, конечно, весело, но без гостей еще лучше

У нас в Царе-граде все обстоит благополучно. Погода сегодня так хороша, что хоть бы летом такую, так впору.

Трудитесь, пишите, печатайте, перетрясайте пыль библиотек. На то Вы призваны есте.

Прошу молитв святых старцев святой обители и поручаю себя Вашей благосклонной памяти

Вашего высокопреподобия покорнейший слуга
архимандрит Антонин.

Иосиф прекрасный не берет денег за камилавку. Что же мне с ним делать? Вы тоже отреклись, уверяя, что это не Ваше дело. Таким образом вы, пожалуй, отречетесь и молитесь за нас, сущих в мире, ссылаясь один на другого? Справедливо ли это?

Константинополь

7 января 1865 г.

Боголюбивейший и во Христе Иисусе возлюбленный о. Азария!

Поздравляю Вас с текущими праздниками. Так как для Вас, вне мира сущих, не существуют времена и лета, то я и удерживаюсь от пожеланий

Вам в новый год новых благ и тому подобного добра, ценимого миром. Желал бы я стать на Вашу, истинно иноческую, точку зрения на жизнь сию привременную, чтоб быть совершенно равнодушным и к многим, и к малым летам... Но увы! Далеко мне до такого бесстрастия. Помолитесь об укреплении моего духа.

Приношу Вам живейшую благодарность и за доброе письмо Ваше, и за *ὄρολόγιον μέγα*,¹¹⁴ и за препряду, уготованную благообразным советником, сиречь отцом Иосифом. О письме излишне говорить. Книжка доставляет мне немалое удовольствие и вместе занятие, хотя против последнего подчас и возносится слезный протест моего истомленного зрения. Где Вы можете еще доставать такое добро? Уж какими похвальными венцы готов я увязать главу Вашу за такую услугу! Надеюсь, что ни одно из подобных приобретений моих не останется для ученого мира совершенно бесплодным. Этим я утешаю и себя, и Вас, почтеннейший отче.

А счетец-то? Пожалуйста, не оставьте уведомить о том, чего стоит присланное, это нужно знать-ведать. Препряда так хороша, что я сомневаюсь, чтоб она могла быть устроена за один златник. Мне крайне тяжело было бы жить в довольстве на счет чужих убытков. Если Иосиф прекрасный приплатил что-нибудь за нее, что должно пасть тяжестью на корван обители, то припомните ему его давний сон о кравах, добрых видом и избранных телесы, изъяденных кравами злыми и недобрыми видом и худыми телесы... Сии прозорливые семь крав суть семь министров князя Кузы. Придет время, в которое они изъядут все добрые видом корваны святогорские, вследствие чего Святой Горе не мешает приберегать копейку и не приплачивать своего там, где платить обязан другой.¹¹⁵ Я и то уже наделен от прекрасного отца шапкой — ни за что, ни про что.

Взятое Вами из путешествий Григоровича¹¹⁶ известие об основании Вашей обители великим князем Ярославом и меня крепко занимает. К сожалению у меня решительно нет ничего, в чем бы можно было найти доказательство или опровержение сего в высшей степени любопытного известия. Напишу ужо в Москву и справлюсь о деле.

От имени церкви своей благодарю святую обитель Вашу за фимиам. Укажите ей случай ответить Вам прилично благодарностию.

Убоялись Вы зимы константинопольской. Да приезжайте прямо ко мне на дом. Поместиться есть где. Мне хоть напомните о давно забытом монастыре...

Прошу святых молитв святых старцев святой обители и свидетельствую им глубочайшее почтение и братскую преданность, с коими честь имею быть, нижайший и покорнейший

Антонин.

Константинополь

8 апреля 1865 г.

Честнейший и преподобнейший отче!
Хритос воскресе!

Во исполнение ежедневно и не раз поемого «простим вся воскрешением» надеюсь, что Вы простите мне мое нескорое исполнение Вашего благого поручения. Много было обстоятельств, отвлекавших и доселе продолжающих отвлекать мое внимание от всякого серьезного дела. А тут еще глаза побаливают. Документ же Ваш переписан так мелко и тонко, что после каждой строки чтения оно требовался с моей стороны и отдых.

Не знаю, хорошо ли я выдержал экзамен Ваш. Греческое красноречие вообще трудно передается нашим бесхитростным языком. Если узрите какие-нибудь неточности, исправьте их рукою властною. Есть несколько мест в копии, по-видимому не разобранных переписчиком. Я их подметил киноварью. Слово *ὑπομερον* не существует в моих лексиконах, хотя бы оно и могло значить «сгибаю спину», т.е. попросту «тружусь».

Относительно имени *αἰγῆς* не может быть сомнения, что его надобно читать *Ἀθανασίου*, а не *Αἰθαλῆ*. Я решительно признаю чтение «Заметок» ошибочным, и Вам, доброму иноку, грешно потакать ошибкам ближнего своего. Ваше *fac simile* убеждает совершенно, что никакому *Αἰθαλῆ* тут нет места. Я думаю, что «Заметки» подпали такой оплошности только в уважение того, что между подписями Акта и без того уже есть имя монастыря господина Афанасия (см. последнюю подпись), и что всего страшнее, того же самого *Melenis*, который зрится и возле слова *αἰγῆς*. Тогда обстоятельство это вело меня к заключению, что было два Меления, один Афанасиев, а другой Аифалион. Теперь же, напротив, я думаю, что это же самое имя Меления и служит доказательством того, что в обоих случаях надобно читать *τοῦ Κυρ Ἀθανασίου*. А зачем дважды подписался игумен Афанасиевой обители, про то лучше всех знает он сам, да можете знать еще Вы, имеющие на руках своих подлинный (?) документ. Сличите руку обоих Мелетиев. Одно ли это и то же лицо? Мне отсюда этого не видно. Если рука одна и та же, то тем же ли самым способом начертано имя *Ἀθανασίου*? Предпоследняя подпись у меня списана так: *ὁ τις Βαρηξίτις ταχα μοναχος Ιωσηφ (или Βασιλ...) υπ(εγραψα)*¹¹⁷.

Совершенно согласен с Вами относительно замечания Вашего о важности собственных имен в актовых подписях Святой Горы. Но как же соблюсти *точность* в них? Перекликаться нам с Вами из-за нескольких морей неудобно. Остается или факсимилировать Вам все собственные (по крайней мере — сомнительные) имена, или приехать сюда со всеми документами, или как-нибудь мне ехать к Вам. На последнее нет в настоящее время надежды. Убо, избирайте любое из первых двух средство.

Относительно значения приписки Τὸ παρὸν Εκδο...ριον¹¹⁸ и пр. Вы напрасно требуете позаочно моего мнения. Чтобы произнести суждение об ней, непременно нужно видеть ее в подлиннике. При том же — покайтесь — ведь Вы списали только часть существующих на документе приписок. Подобной приписки я видел на Акте два экземпляра. Под первым подписался прот Дорофей, а под вторым Митрофан. Переписчик Ваш скопировал только последний экземпляр, но и его он передал неточно. Индиктион α под подписью не обозначен, а взамен того указано «5 сентября», что едва ли зрится в подлиннике. Неверно также списано весьма важное место подписи *υπογεγραμμένον παρ' εμου του Прωτου*. Всмотритесь покрепче в подлинник, и Вы увидите, что там стоит *παρα του παρ' εμου Прωτου*...¹¹⁹ Разница безмерная. Списчик Ваш (человек, как видно, ученый) хотел передать подпись в исправленном виде. А он не имел на это никакого права. Он даже не имел права счесть нижнюю подпись подлинною и истинною, а верхнюю, что сделана редкими строками, помарочною. Напротив, нижняя и представляется в виде чьей-то помарки, а она, редкая, имеет документальное значение. Что же читаем в ней?

Το παρων εκδοτριον επιγραφων. Пронωμειθεν υμην παρα του τυμοιωττα του καθογουμενου των ρουσων της νω(νης) θεσσαλονηκαιου υπογεγραμμεναν *παρα του* ΠΡΟ ΕΛΛΟΥ πρωτου¹²⁰ и пр. Несмотря на ее ужасающую безграмотность, из нее становится ясно, что дело тут не о том же самом протее (Иоанне), который подписал документ, а о некоем другом, который о первом говорит, как о бывшем перед ним или прежде его. Недоумение Ваше относительно приписки (пиши: приписок) таким образом решается весьма просто. По смерти прота Иоанна старцы Вашей честной обители, наветуемые, может быть, каким-нибудь врагом-завистником, восхотели иметь на своем Акте скрепу нового прота и усердно просили его о том. Протом был тогда некий старец Дорофей (вероятно славянин¹²¹, ибо только нашему племени свойственна такая страшная безграмотность), который и согласился без труда скрепить драгоценный акт. Происходило же все это в июне месяце десятого индиктиона. Так как самый акт был составлен второго индиктиона, то скрепа могла быть произведена или через восемь лет, т.е. в 6685 (1177) году, или в 1192, 1207, 1222, 1237 и т.д., так как год под скрепою не означен. Теперь Вы спросите меня, откуда я взял имя Дорофея, так как на самом документе приписка не упоминает о нем и даже не закончена по-видимому, а остановилась на словах *υπωγραφι και παρ' εμι?*...¹²² Имя Дорофеево Вы отыщите на суше у Вас копии (или вернее сказать дубликаты) Акта.

Положивши, что дело с Дорофеем кончено, перейдем к Вашему Митрофану. Надобно думать, что прот сей управлял Святою Горою спустя еще некоторое время после Дорофея. Какие-нибудь обстоятельства тяжелые вынудили опять старцев Ваших искать протовой скрепы *εις τελειαν ασφαλεια*.¹²³ Митрофан сей был не много грамотнее Дорофея и, составляя скрепу, видимо

копировал слова своего предшественника, только никак не мог разобрать слов *παρὰ τοῦ πρὸ ἐμοῦ πρώτου* и вместо них написал (Бог да простит его) *παρὰ τοῦ παρ' ἐμοῦ πρώτου*¹²⁴, мало думая о том, в какое крепкое недоумение введет он своим рукописанием свое духовное потомство, и какую муку ученую причинит ученейшему исследователю древностей о. Азарии. Как бы то ни было, вторая сия скрепа последовала в сентябре месяце, индиктиона первого. Если из каких-нибудь других святогорских актов, освещенных хронологией, не откроется, когда жил прот Митрофан, то на основании одного сего первого индиктиона мы никогда не определим времени второй скрепы Вашего Акта.

Есть и третья скрепа Акта, существующая на его дубликате и подписанная не только протом того времени Герасимом, но и его предшественником Мартинианом, назвавшим себя *πρωῖν* (т.е. *πρῶην πρῶτος*) *τοῦ ἀγίου ὄρους*.¹²⁵ Учинена сия скрепа в марте месяце шестого индиктиона. Так как шестых индиктионов было без числа, то и нельзя определить времени, когда была учинена сия третья заверительная приписка. Составом своим она отличается от обеих скреп вышеприведенных. Подписавшийся прот (Герасим) уверяет, что он сделал это по великой просьбе (*πολλὰ παρακλ*), и при том уже не *εἰς τέλειαν*¹²⁶, а *ἀσφάλειαν διὰ τὴν ἀξίωσιν αὐτῶν*, т.е. просто по их (отцов Русов) требованию, и больше ничего.

Наконец видится на том же дубликате и четвертая, гораздо позднейшая скрепа, не видно чья, сделанная в августе месяце второго индиктиона.

Итак, боголюбивейший отче, надеюсь, не остаётся более в недоумении насчет значения задних пометок Вашего Акта. Но также надеюсь, что Вы убедитесь из сего, что для уразумения всего, что содержится в старых актах, необходимо видеть их глазами и даже осязать их руками. Основываясь на одной присланной Вами копии пометки, да еще искаженной поправкой слов *παρ' ἐμοῦ τοῦ*¹²⁷, я бы не был в состоянии произнести никакого относительно ее суждения. Но к счастью, у меня есть копия всех подписей акта (не *fac simile*, однако же) и всех пометок его. Видите, что необходимо Вам прибыть сюда и захватить с собою всю свою шарבורу...

Но — прибыть не ранее июня, а в августе еще лучше. В мае, может быть, я отлучусь из Константинополя. Хочется размыкать горе. У меня есть большое горе. В минувшую зиму весь мой дом родной представлял повальный лазарет. Престарелые родители мои постоянно хворали. Брат, занявший место отца на приходе, также с сентября занемог. Жена его зачахла. Все предвещало грозу. Действительно, тринадцатого февраля скончался любезный брат, а двадцать второго марта и мой бесценный родитель. Остались недужные матушка и невестка — одни-одинешеньки с сиротами! Такое горе, что и сказать нельзя. Прошу помолиться о вечном покое иереев Иоанна и Николая и о здравии двух Марий.

С скорбью осведомился от о. Никона, что о. духовник был недужен. Господь да сохранит дорогую жизнь его!

А за рукописи примите мою глубочайшую благодарность. И печатная книжка — для меня весьма нелишнее приобретение. Только все вы секретничаете насчет цены за присылаемое старье. Напрасно. Деньга счет любит.

А вот и о. Никон за письмом пришел. Итак простите.

Ваш Антонин.

Прошу молитв обители.

Иерусалим

4 ноября 1866 г.

Преподобнейший и честнейший и во Христе Иисусе возлюбленный отче!

Спасайтесь и молитесь о спасении нашем. Давно бы уже следовало ответить мне на любезное письмо Ваше от двадцать четвертого августа, да разные недуги да недосуги совсем сбили с толку. Просто, говоря тертым языком, уму непостижимо, что со мною делается. Эта ночная упорная борьба сна с бдением решительно подкашивает мои силы. Чуть подойдет момент забытья, в голове раздается выстрел, и пошел опять бодрствовать до новой таковой же операции. Мука да и только! Не знаете ли Вы, как помочь горю. Лекаря предлагают одно и единственное средство для поправки здоровья — мясную пищу. У Вас на Святой Горе чем поправляются в подобных случаях? Я не сомневаюсь, что от трехсот земных поклонов перед отхождением ко сну напасть минула бы если не навсегда, то временно, но для нас, мирских людей, положить триста поклонов — задача нелегкая, особенно когда знаешь, что это делается собственно для моциона, а не от молитвы.

Писал я к Вам в первый раз о свидетельствах для афинских отцов еще в апреле месяце. Письмо было послано с андреевским послушником Фотием (когда-то Филаретом), жившим здесь время немалое и отличившимся делами не весьма потребными. Надобно сказать правду-истину, с Святой Горы Вашей залетают сюда нередко такие птицы, что только смотри да любуйся! Здесь положили уже не принимать на русские постройки афонских иноков. И Вы за это пожалуйста не сердитесь. Нет способу с ними. В греческих монастырях они теряются между столькими, им подобными, а у нас все на виду, и всякое неподобство их отзывается на целой массе поклонников. Это, впрочем, говорится все мимоходом. Итак плутишка оный не доставил Вам моего письма. Но ведь и опричь моего письма афинцы писали в монастырь Ваш, прося себе от него свидетельства. Напрасно монастырь не поспешил удовлетворением их невинной и законной просьбы. Затем вышла странная история о затерянии выданных свидетельств. Какой недобрый ветер подхватил их с дороги и унес в небесные пространства, не знаю. По крайней мере покорно прошу поспешить высылкою просителям вторичных свидетельств, и вернее уже через Константинополь, откуда Алексей Михайлович Зубарев перешлет их верным путем в Афины.

Акты Ваши лежат в затишном и безопасном месте, т.е. в ящике. Немощи не позволяют мне приняться опять за них. Летом я просидел над ними около месяца, живя в Яффе, и все поджидал Вас, чтобы в течение какого-нибудь другого месяца покончить дело совсем. Но Вы пустились в разные поездки да болезни и оставили меня одного трудиться. Вот теперь и пожинайте плод своего посева. Разве уж не подъедете ли сюда (если заживусь долго здесь) Великим постом? Или дождетесь моего возвращения в Царьград.

Прошу молитв геронды, о. Иеронима и о. Макария и низко всем кланяюсь. Ваш преданный слуга и недостойный богомолец
Антонин.

Иерусалим

29 декабря 1866 г.

Честнейший и боголюбивейший отче!
С праздником!

Итак, Вы доселе не едете ко мне для принятия участия в актовой работе! Вследствие сего и работа стоит неподвижно на том пункте, на котором остановилась в июле месяце. Что же последует далее? Вы будете гневаться на мое бездействие, а я буду выставлять Вам на вид Ваше упорное нежелание поклониться св. местам. В извинение себе Вы ссылаетесь на разные недуги, приключившиеся Вам в самый момент отправления Вашего с Свяой Горы. Да недуги-то эти потому и приключаются, что Вы все норовите в Константинополь по разным житейским делам, а оставляете в стороне Святой Град с его высокими духовными утешениями. Попробуйте, решитесь плыть вместо Востока на Юг, и увидите, что все пойдет как по маслу.

Не многословлю. Приезжайте, пока я здесь. Все-таки лучше вместе сделать ту или другую экскурсию по Святой Земле, а во время отдыха подремать над Актами. Ведь мне и самому хотелось бы поскорее покончить это дело.

Затем простите. Ваш слуга нижайший
Антонин.

Прошу святых молитв геронды, о. Иеронима, о. Макарии и всего боголюбивого братства.

С кануна Рождества до сей минуты идет почти непрерывный дождь с ветрами и туманами. Зато к приезду Вашему будет благодать.

Решитесь ли Вы приехать, или узнаете, что кто-нибудь собирается ехать сюда, так или иначе, но окажите τῆν ἀγίαν ὑπακοήν¹²⁸ — доставьте сюда для построек наших две-три малейшие елки или пихты, в обилии растущие на хребте Афонском, выкопав их бережно с корнем и даже с землю. Пожалуйста.

Ужели в Зографе в самом деле есть акт X века с с л а в я н с к о ю подписью¹²⁹? Не подделка ли это?

Некто поклонник (из Рязани) Григорий Коровкин, отправляясь отсюда на Афон, оставил на руках моих малые серебряные сосуды в залог занятых им шести полуимпериалов, обещаясь возвратить деньги через два месяца и взять сосуды. Дело было в апреле. До сих пор г. Коровкин не дал о себе знать ни одним словом. Не найдете ли возможным навести справку о нем. Деньги выданы ему церковные, а сосуды церкви нашей не нужны.

Иерусалим

23 июля 1867 г.

Боголюбивейший и во Христе Иисусе возлюбленный отче!

Радуюсь Вашему благополучному переезду до Константинополя. Я желал-таки услышать такое слово о Вас и от Вас. Всю Вашу одиссею я слушал с достоподобным умилением, так сказать неся с Вами по волнам Великого моря и ублажал Вас за толико вождеденное для меня видение Царя-града. Только вот это не понравилось мне, что Вы не успели осмотреться на месте, да и поспешили захворать. Хворость худое да, пожалуй, и нечестное дело. Она отнимает человека от труда и полезного занятия и заставляет его втуне есть хлеб Божий. Но где же Вас учить ученых, да еще и аскетов? Я, помню, читал в одной доброй книжке, как один из Ваших взывал к Богу: «Господи! Да за что же Ты меня оставил? Когда же это я заболел?» Знаю я Вас, толстосукменников!

Нуте-с? Так денежки мои пошли, значит, в путь-дорогу. Спасибо Вам великое за Ваши хлопоты о сем. Что перемешаны хронологические полуимпериалы, это не беда, а вот если вместо новеньких с иголки золотых в Москве получатся старые, жидорезные¹³⁰, то это не будет вполне казисто. Ибо я уже, по неумеренному усердию, разблаговестил, что посылаемое золото горит таким жаром, что страх прикоснуться к нему. Впрочем, какое бы то ни было, но все оно золото, и мир ему вместе со мною и с Вами! Я рад-радехонек, что деньги придут к брату как раз вовремя. Он уже отпечатал первую часть моего маранья.

Остается у Вас моих «несколько» копеек, и Вы вопрошаете, как Вам поступить с ними. Трудно придумать вскорости надлежащий ответ. Кажется мне, поступить по всей правде надобно так, чтобы и интересу моему не приключилось от сего никакого ущерба. Высмотрите самые выгодные и самые безопасные процентные учреждения Европы (и Америки), и в то из них, которое наиболее дает доходу, положите оное «несколько» на вечные времена. Говорят, что через шестнадцать лет капитал удвоится. Итак, на шестьдесят шестом году жизни моей у меня будет уже два «несколка»! А на восемьдесят втором году, как раз к смерти, я буду располагать уже тремя несколькими... Восторгаюсь от такого благополучия!

Из самого писания сего заключить изволите, честнейший отче, что я есмь жив и здоров. Впрочем, здоровьем не вполне могу похвалиться. Заболел нос, да так, что дотронуться нельзя. Что с ним случилось, постичь не могу.

Все, что следовало мне, по письму о. Владимира, уплатить здесь, мною уплачено. При сем препровождаю для вручения ему и надлежащие расписки, числом — три.

Поклоны Ваши Ал. Егоровичу и Михаилу Феофановичу переданы аккуратно. Первый уже уехал в Петербург жениться, а последнему, как известно, негде и незачем более искать жены, отчего он и сидит спокойно дома.

Что Вы из Александрии в Каир не съездили, этим нечего хвалиться. Напротив, да будет за это Вам стыдно! Вот что.

Засим прошу Ваших святых молитв и, если Вы теперь уже превитаете на Святой Горе, прошу поклониться от меня Вашим пречестным старцам.

Завтра или послезавтра получу выверочную книгу хронологии, выписанную из Франции. Если увижу, что она годится для Вас, порекомендую ее Вам.

Простите. Ваш покорный слуга и пр.

Антонин.

Иерусалим

23 ноября 1867 г.¹³¹

Достопочтеннейший и во Христе Иисусе возлюбленный отче!

Мир Вам, здравие и всякая благодать от Господа.

Знаю, что Вы давно ожидаете весточки с Святой Земли и искушаетесь в терпении, которым, впрочем, уже давно и немало запаслись, живя и подвизаясь на учительной горе. Что делать? И потерпите. Как, по известной пословице, масло каши не портит, так и терпение никогда не портит иноческого подвига...

Видите, и мы тут тоже пускаемся в герондические афоризмы. А кстати, отчего бы Вам там на просторе да на свободе не заняться приведением в ясность и общеизвестность того, что у греков называется Γερωνδικόν, а у старых славян переводилось неудачным словом «старчество», известным нам из Пролога? Τα γερωνδικά бывали и суть различного рода, различной, так сказать, редакции, и хорошо бы Вам залучить их к себе в руки штук десять, да и описать все подробно, а пожалуй и издать что-нибудь вроде τοῦ Εὐερεῦετινοῦ.¹³² Неверующее время наше имеет нужду в таких чисто духовных и непоколебимо стойких в вере книгах. Ну, вот Вам и еще один урок терпения! Зато уж теперь будете отдыхать и только слушать, как я буду отвечать на столько вопросов, запросов и допросов Ваших.

Начнем по порядку. Что июльские письма некоторых лиц доходят до некоторых же лиц только в августе, это совсем не диво. Так тому и быть подобает, ибо август стоит за июлем, и кто пойдет куда-нибудь в июле, тот

наипростейшим образом может дойти куда-нибудь в августе. Вот диво было бы, если бы например это ноябрьское письмо мое дошло до Вас в минувшем октябре. Иное дело, когда письмо, адресованное в Константинополь, оказывается в Солуне например. Тут есть уже небольшой casus (падение). Но и это меня, старого, так сказать, воробья сих дел, не дивит нимало. Ко мне однажды в Афины послана была «Русская Беседа». Она шла ко мне из Москвы через Триест. Достигнув Пирея, она отдохнула там и отправилась в... Константинополь, а оттуда в княжества или Одессу, а затем и след ее простыл! Видите, какое странствование совершают пакеты иногда, казнитесь и не дивитесь.

Приснооплакиваемый А.М.Зубарев мог быть брыскуном, во сколько ему того хотелось, и отказываться от заслуженной благодарности, но этим нисколько не ослабляется истина того, что письма свои к Вам я поручал иногда его вниманию и попечению, о чем, впрочем, τρανῶς¹³³ свидетельствует и упомянутое Вами письмо с микроскопической припискою... Итак полагаю, что и сей пункт обследован достаточно.

Теперь дело о французской книге. Напрасно Вы приписываете мне непогрешимость и верите потому от чистого сердца, что «пустого я не порекомендую». А вот и вышло, что рекомендовал почти совершенную пустоту. Я поверил книге по заглавию ее. С таким заглавием у меня в Константинополе есть большой фолиант, и точно содержит в себе много весьма дельных вещей, зато и обошелся мне чуть ли не в семьдесят франков... А эта тезоименная ему книжка есть только экстракт из него, сделанный с целью чисто спекулятивную. Впрочем, за недостатком лучшего чего-нибудь, годится для справок (далеко не всех) и эта компиляция. Так как Вы уже потрудились списать оную тетрадь для себя, то для Вас, пожалуй, и не нужна французская книжица. Нуте-с?

Спрашивается мое мнение о «Службе иконе Достойно есть»... Легко запросить мнение, а извольте-ка изнесть оное! Книжка как книжка, ничего себе. Песнословства ее я не касаюсь и готов вместе с нею светло праздновать Гавриилу божественному яко виновному (в чем?). Но насчет исторических ее сказаний конечно иное что можно бы промолвить. Так, например, какой Косма (стр. 21) некогда воспе богородичную песнь (разумеется Честнейшую херувим), Маяумский или Ваш Зографский? (Извините. Недосмотрел. В сказании (стр. 23) объяснено, какой именно Косма). А что Вы скажете, если я раскрою одну большую греческую книгу, напечатанную в 1733 году и составляющую XXIII том большого издания «Corpus scriptorium Byzantinorum», и прочту в ней на одной странице следующее: Αὐτοῦ εἶναι καὶ τὸ κελλίον τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ. Αὐτοῦ ἔγραψε τὸ ἌΞΙΟΝ ἜΣΤΙ ΩΣ ἈΛΗΘΩΣ... ὁίμοως καὶ τὸν ὀκτοῦρον...¹³⁴ Некто неизвестный описывает вкратце святые места Палестины и говорит вышеприведенное, рассказывая о лавре Св. Саввы. Конечно, он не древний

писатель, что видно и из языка его, но все же говорит, конечно, не наобум, а сообщает то, что слышал или знал о песни Достойно есть. Честь Вам и спасибо, что Вы не обвиняясь указали на время царей Василия и Константина, при которых случилось чудо святогорское. Но желательно бы при этом видеть ссылку на источник, из коего взято это положительное уверение. Например, есть ли оно хотя в приводимом месте τοῦ νέου Μαρτύρου ἁγίου?¹³⁵ Равно и о перенесении праздника с одиннадцатого июня на тринадцатое июля есть ли где-нибудь (кроме Венедиктовой Аколуфии) положительное свидетельство? Вам бы при случае справиться у болландистов (Acta Sanctorum), имеющихся, по сказанию Вашему, в Ватопеде, есть ли у них под тринадцатым июля что-нибудь об архангеле Гаврииле?

На память о Вашей «убогой» фотографии Вы мне пожертвовали три произведения ее. Полно-те Вы скромничать и под предлогом смирения говорить сущую неправду! Да Ваша фотография поспорит с любой столичной и даже, если позволите, с любой из любой столицы! Ведь просто — совершенство в своем роде! Пришлите-ка мне свой портретик, а также и почтенный образ редчайшего из старцев, геронды Вашего. А за присланное уже — истинное и великое спасибо! Что кому следовало, все роздано по принадлежности. Дозде — Ваше первое письмо, полученное два месяца назад тому, с тетрадкою и службою. Теперь перехожу к Вашему второму письму, полученному пятнадцатого ноября, то есть девять дней назад тому. Из него видно, что вы наконец после долгого отсутствия возвратились в стены своей мирной обители, с чем и поздравляю Вас.

Затем следуют филологические запросы, возбужденные в Вас неким сих дел творителем г. Савваитовым¹³⁶. Я полагал бы, чтобы господин сей вместо допрашивания соблаговолил лучше заняться ответствованием на то, о чем его иной раз спрашивают... Но пусть будет и так! Вы можете ответить ему, что если бы слова τζαλοτάς, χημευτάς с К° были известны Вам, то Вы, верно, не оставили бы их без перевода. В том-то и дело, что мы их не можем знать до поры до времени. Ведь я нарочно за ними, помню, отправлялся в Терапию (или Неохори) к покойному В. Логофету, чтобы в книгах его доискаться их значения, но и ни тако поспеялся. Вот что! Впрочем, я теперь почти не сомневаюсь, что вместо διαζυγίου надобно читать δια...ου¹³⁷ Διαβασου, что будет значить «железные щиты». Присмотритесь хорошо к акту и оправдайте мое предположение. Ζητία — верно должны означать кувшины (στάμνα) или вёдра (ύδρία), ύλογραφία¹³⁸ — воскомастичная иконопись. (заметка карандашом: Уж не ύελογραφία¹³⁹ ли?)

С 24 октября по 10 ноября я был в отсутствии, путешествуя по Палестине. Видел при этом Хеврон, древний Элевферополь (развалины), Газу, Аскалон (развалины), Адот (ничего) и Кесарию (развалины). Везде фотографировал, сколько позволяли солнце, ветер и дождь. Много, конечно, видел любопытного, но и поплатился за то карманом весьма изрядно.

С отбытием А.М.Зубарева из Константинополя ужели дело о Пасхальном каноне надобно считать навеки погибшим? Оно Вам известно. Отбывший обещался, помню, навести справки, кому именно он отправил на Святую Гору тетрадки мои, если уж не Вам. Справок, разумеется, он не навел, а я остаюсь без канона. Не усмотрите ли Вы как-нибудь той нити, которая может вывести это дело из его лабиринта? А Ваш Пасхальный канон будет выслан с первым поклонником, отправляющимся отсюда на Афонские Горы. Спасибо Вам большое за книжку и за приложенные к ней виды Русика. Однако же я не встретил в ней Вашей (помните) полемической заметки о известном предании эсфигменском¹⁴⁰? Ужели она бережется к седьмому изданию книги? Ну, а акты Ваши когда выйдут в свет? Пишите Вы сами предисловие к ним. Я не горазд стал на это. А вы все более и более сказываетесь мастером сих дел. Доказательство о том в Вашей же книжке. Если бы даже все старые монастыри вселенной «сошли со сцены» для протеста сему, я не перемену своего убеждения.

Простите. Ваш преданный слуга
Антонин.

Прошу святых молитв геронды, о. Иеронима, о. Макария и всего братства святой обители Вашей.

Иерусалим

19 января 1868 г.

Отче боголюбче и во Христе Иисусе возлюбленне!

С неизвестным у Вас, внемирных, новым годом поздравляю Вас и желаю Вам отселе и впредь не болеть ничем. Прочее же все, что стоит сзади здоровья, можете сами себе пожелать и достать.

Все Ваши письма и посылки получены в свое время цело и хорошо. Ни одной буквы из них не выпало дорогой и не пропало. Того же надеюсь я от судьбы милостивой и для сей моей посылки. И жаль было бы, если бы случилось противное сему. Сколько трудов положено Вами над листами Вашими! Не говорю уже о моем маранье, испестрившем оные с угла на угол. Надобно, однако, сказать правду: достался мне соком, как говорят, поверочный пересмотр их. Самописные копии старых актов, сами в себе совершенство *nes plus ultra*¹⁴¹ сущи, приходилось не по одному разу разбирать и перечитывать при помощи увеличительного стекла и большей частью вечером при тусклом свете свечки. Можете представить, каково все это было для глаз! Но, как бы то ни было, дело с ними теперь покончено. То, что осталось неразобраным, надеюсь, останется таковым если не навеки, то надолго. Всех более досады причинила мне Асинкритова «Перепись». Ведь этакой короткоумный человек (Бог да простит его!), поду-

маешь! Знал, что пишет бумагу на множество будущих лет, а выражался такими крючками и недописками, что просто из рук вон! Его времени деловые люди, конечно, понимали, что значит сорочий хвост // или хоть вот такая штука , а для нас, теперешних, это неразгаданные иероглифы. При печатании в этих местах надобно сделать что-нибудь вроде *fac simile*. Относительно же я решительно не знаю, что придумать и сказать. В хронологию акта, по мнению моему, оно никак не может пойти, ибо и не там стоит, где нужно, и с индиктионом не совпадает. Но и суммой чего-нибудь оно также не кажется быть. Ибо впереди не было ничего считанного. Я уже думал раз, не значит ли оно (*εντιζη*), но и на этом не мог остановиться. Потом, все эти фоллы, корзины, курицы и пр... тьма крошечная — просто! И какой это то Фускул, то Сфренция, то как будто две разные вещи, то входящие одна в другую? Оставил недоконченным слово и тут же присоединил *μονῆς!*¹⁴² Уму непостижимо. Не могу равнодушно смотреть на этот преисполненный чуши акт. В такое озлобление меня приводит один вид его. А ведь еще писал языком официальным и переписал четко!

Насчет подписей под патриаршими грамотами надеюсь вскорости сообщить Вам более удовлетворительные сведения. Лучший пособник в разборе их, нам говорят, есть сам Патриарх, а его не всегда можно заловить на подобную работу. Иверскую подпись (на двух актах, одного и того же игумена) прочитали живущие теперь здесь наши грузинские иеромонахи, обещающиеся быть и у Вас после Пасхи.

Что сказать о фотографических снимках Ваших? Поддаюсь грешному чувству зависти — фотограф бо есмь. Просто — лучше требовать нельзя. Поистине можно Вас поздравить с этим редким и неоцененным приобретением. Если Вы успеете (при помощи нескольких *σταμενων ολοτραχων ηλιο σελυνατων*...) ¹⁴³ сфотографировать пресловутого «Козла» ¹⁴⁴, то Вы будете достойны памятника на земле и на небе. Проложите дорогу к нему через Ивер, т.е. сфотографируйте наперед тамошних козликов с автографом св. Афанасия и поднесите снимок протатским властям, подъехавши с своей машиной под их святыни всяческими путями... Достигните, пожалуйста, сего, во что бы то ни стало! Право, ведь берет сомнение, наконец, в существовании таинственного документа. Также и ксиропотамский хрисовул Романа Лекапина весьма бы хотелось узреть лицом к лицу. Вы на Святой Горе свой человек. Вам доверят то, в чем откажут отцу родному, из «мира» грядущему. Как бы обрадовался весь православный мир, если бы увидел фотографический снимок дископотира, кадила, фелони и пр. X века! Ведь есть же в какой-нибудь сокровищнице афонской такие невиданные предметы?

От предисловия я решительно отказываюсь и не имею ни права, ни долга писать оное. Извольте строчить сами. Каждый документ списывайте вдоль и впоперек, так, чтобы ученому читателю решительно не с чем было

обратиться потом к Вам, исключая одной глубокой благодарности. Подстрочные примечания пичкайте как можно более, на всякое собственное имя, вызывающее Вас, афонцев, на размышление. Обойдите с документом в руках весь Ксенофский скит и убедитесь рукоосязательно, что он есть именно Кацари. Тоже разыщите и об Апанавсе и о келлиях Димитрия Ковача. Одним словом, покажите ученому миру и неучам всем, как надобно издавать древние документы.

Живу здесь все еще на прежнем положении, скучаю о константинопольских книгах, болю зубами, кое-что пишу изредка, по ночам смотрю на новый телескоп — ростом больше Вас и немного разве тоньше — на небеса, ища там, где помещается христианское «царство небесное» и пр.

Прошу святых молитв геронды, о. Иеронима, о Макария, всей обители и Ваших, отче.

Податель сего — отличный малый. Пел у нас на клиросе около года. Возвращается восвояси. Напойте его чашею студеной воды во имя Христова. Простите.

Ваш Антонин.

Иерусалим

7 апреля 1868 г.

Христос воскрес.

Приветствуя Вас, боголюбче, сим красным словом, желаю Вам красоваться и ликовать о восстании Христа Спасителя в ненарушимом мире духа.

Господи, когда это у Вас достает времени писать такие неизмеримые листы и так часто? Четырнадцатого марта я получил от Вас два листа, а семнадцатого снова один лист. Блаженны Вы, имеющие столько свободы и охоты писать. Я, как видите, пробавляюсь только малыми страничками, и то с тяжестию в руке и голове... Кто это выдумал такое несносное занятие! Посадить бы его на хлеб и воду или, что то же, отправить жить в Руссике, вместе с Вами!

Ну те-с? Чтоб я стал спорить с Вами о виновности или невинности Вашего перевода службы иконе «Достойно есть», этого Вы и не ждите. Я уже до бесконечности доволен тем, что Вы ни в чем не вините Архистратига Господня. А поправлять Вас мне не приходится. Ибо «кто есмь аз» и проч.? А все-таки Вы прочтите тропарь оный на свежую мысль, так, как бы Вы вовсе не переводили его, и скажите, кроме меня не придет ли еще кому охота также спросить: в чем бы это виновным оказался божественный Гавриил?.. Что же касается слова πρόξενος,¹⁴⁵ то несомненно оно переводится у нас «консул»... Удержитесь кланяться мне в землю за открытие в *Coprus*'е известия о песни «Достойно есть». С высоты Вашей кельи до земли немало расстояния, и есть опасность, что после такого поклона Вашего мне не с кем уже будет доискиваться правды-истины о песни «Достойно есть».

В Типице св. Саввы не дивно не отыскать Вам праздник Вашей иконе. Но рассмотрите его хорошенько, может быть найдете где-нибудь указание петь эту песнь. В таком случае будет ясно, что она старше типиконной рукописи. Отыскивая сии (старые литургии — то же) рукописи одну старше другой, можем, так сказать, ощупью добратся до времени ее составления. Одному же Вашему заверению, что чудо оное случилось при патриархе Николае Хрисоверге (кроме меня) кто еще поверит? Вы решительно говорите затем, что τὸ ἄδειν¹⁴⁶ находится на Афоне. Смотрите крепко, чтобы это не было мудрованием Венедикта. Удол, в котором находится келья «Достоинно есть», называется, сколько мне помнится, просто Капсала. Если же в Капсале есть известная местность точно называемая адом, то потрудитесь отыскать свидетельство о сем названии в старых святогорских книгах. Венедикту одному пожалуйста не верьте. Помните, что он был дядя Симониду... Корпуса теперь у меня нет на руках. Отыщу и напишу Вам все, что ведать надлежит. Помните, что повествователь — поклонник тож, есть аноним некий.

Канон пасхальный с благодарностию получен и поется. А свой Вы получили ли?

Расписки все посланы давно в Царьград, еще осенью. Отчего и как они не дошли до о. Владимира, не знаю и не понимаю. Других теперь взять мне негде. Преосвященный Мелетий уже давно переселился в вечные обители.

Покаяние — отличное дело, а особенно — публичное. Оно нужно и для души Зографского старца Макария. Узнав о Вашем (с о. архимандритом Леонидом) поклепе на себя, в Бозе почивший, конечно, встревожился... Успокойте его поскорее. «Путеводитель», по прибытии его к Вам, разумеется, придется и в Иерусалим. Тако вы вещаете. Но слово разумеется едва ли имеет право стоять тут. В иерусалимской библиотеке нет ни одного из Ваших изданий. Sapienti sat.¹⁴⁷ «Написать предисловие»... Ох уж мне это письмо! Вспомните, что пишется на первой странице...

Следует второе письмо Ваше от второго марта. Принес оное о. Леонтий вместе с портретом геронды, за который при сей okazji и приношу Вам большую благодарность. Радуюсь, что Вы получили в целости посланные мною тетради. Возитесь с ними на здоровье.

Идея «Сборника» и по моему мнению заслуживает всякого одобрения. Но если в нем не окажется образа и подобия «убого инока», то в нем будет не доставать целой половины. Вы скажете, конечно, что инок-то тогда не обретался на Святой Горе, да для меня это все равно. Был он или не был, а подай его!

В Вифлееме точно видятся старые изображения на колоннах, но воскописные ли они, не знаю¹⁴⁸. При первом удобном случае займусь этим делом. Афинский Парфенон в христианские времена также изнутри весь был расписан по мрамору, но никто там (в Афинах) не думает, по крайней мере не говорит, что до сих пор еще видимые отчасти черты и лики суть воскописные.

Простите, отче и во Христе Иисусе друже. Прошу святых молитв святых старцев Ваших и низжайше им (и Вам) кланяюсь. Ваш преданный слуга и сороботник

Антонин.

Податель сего имеет передать честной обители Вашей сто сорок три рубля серебром.

Иерусалим

15 ноября 1868 г.

Достопочтеннейший о. Маркеллин!

Чсть имею уведомить Вас, что тюк с книгами, о котором Вы благоволили уведомить меня от двадцать второго октября сего года, получен мною вчерашнего числа в целости. Покорнейше прошу Вас переслать это самое письмо о. Азарии и принять от меня уверение в моем неместном почтении, с коим чсть имею быть Вашим покорнейшим слугою.

архимандрит Антонин.

Не поставьте в труд отправить прилагаемое при сем письмо в Одессу.

Иерусалим

Ноябрь 1868 г.¹⁴⁹

Отче честнейший и всепреподобнейший!

С постом. Бог в помощь!

Спешу успокоить Вас насчет Сахарова¹⁵⁰. Он достиг святых мест благополучно и появлением своим доставил мне немалое удовольствие.

Вчера я получил и черниговский тюк¹⁵¹. В этом случае удовольствие мое распалось на два периода. К первому относится блаженное видение или созерцание тюка принесенного, распарываемого, развертываемого и раздающего одну за другою серые, сивые и белые книги и книжки... Счастливое это время скоро прошло и минуло невозвратно. Настал второй период. Пересматриваю книги. 1. «История русской церкви» — две книги — сивая и розовая¹⁵². Вече¹⁵³. 2. «Обзор русской духовной литературы» — две книги: белая и зеленая¹⁵⁴. Полѹ калѹ¹⁵⁵. 3. «Святые южных славян» — четыре книжки — все серого цвета¹⁵⁶. Зачем четыре, а не две? Ужели я выписывал это сочинение в двух экземплярах? Не помню. Никакой заметки о том, что я выписывал и о чем никогда не думал не гадал, при мне не оказалось. Но не беда! Лишний экземпляр хорошей книги не в наклад. А вот что беда: 4. «Русские святые и пр.»¹⁵⁷ — шесть книг — две большие серые и четыре тоненькие беленькие. Сейчас мне приходит на память преслову-

тый сон фараонов¹⁵⁸. В серых мне видятся кравы добры видом и избранны телесы, в белых — злы видом и телесы худы... Страх мой, впрочем, как бы худые не пожрали добрых, был напрасен. Случилось нечто обратное... Одна из толстых книг несомненно пожрала четырех тощих. Говоря иносказательно, прислали мне два экземпляра первого тома (месяцы январь, февраль, март и апрель) и недослали месяцев сентября, октября, ноября и декабря. Выпивши, что ли, был выславший, не знаю и знать не охочусь, а спрашиваю только Вас: *τῶρα, τὶ ποιητέον?*¹⁵⁹ Выслать едунюю обратно в ее хлев и требовать досылки остальных книг? Или уже доплатить выпившему деньги за другой экземпляр «Русских святых» (например для посольской константинопольской церкви) и требовать, чтобы он (проспавшись) дослал в двух экземплярах месяцы сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь и в одном май, июнь, июль и август. Сделайте, что́ следует.

Прошу молитв отеческих и Ваших.

Ваш преданнейший и покорнейший

Антонин.

Иерусалим

12 апреля 1869 г.

Отче христолюбче!

Велико Ваше терпение. Я думал, что, не получая столько времени документов оных, Вы (говоря мирским языком) озлитесь на меня, и в первом же письме оттреплете мою леность или неспособность на все бока, так сказать. А Вы вдруг, паче всякого чаяния, являетесь агнцем незлобивым, и даже самого агнца незлобивее. Ибо он по естеству есть бессловесен, Вы же... Да что и говорить про Вас? За словесами вы никогда не лазили в карман, и я очень хорошо знаю, что греческий мир не иначе и глашает Вас, как только *с л о в е с н е й ш и*, с прибавкою или мудро-, или преподобно-, смотря по тому, сочиняете ли Вы что-нибудь преподобное (службу, акафист) или только мудрое (неподобное — тож?), например исследование историческое и тому подобное. Как бы то ни было, в письме своем Вы даже ни единым словом не упомянули об актах, а уж конечно о них-то Вы более думаете, чем о книгах черниговских.

Получите награду за великое терпение, сиречь уведайте, что акты уже месяца два, как лежат готовые к отправке в Царь-град, и конечно давно были бы уже там и может быть на Святой Горе, если бы Александр Егорович не собирался вот уже два месяца отплыть с каждым первым пароходом нашим, получивши обещанные прогонные деньги. Денег-то сих ему до сей минуты и не позаботились выслать. Как бы то ни было, в первый день Пасхи он непременно решил выехать отсюда. К неделе св. мироносиц акты таким образом будут в Константинополе. Там Вы их и ловите.

А насчет книг вот что: в ноябре или декабре я писал Вам о них подробно. Ужели Вы не получили письма моего? Содержания его я теперь, пожалуй, уже и не припомню. Так как по словам о. архимандрита Леонида другой экземпляр «Южных святых славянских»¹⁶⁰ выписан был для него, то я и вышлю его к хозяину с тем же Александром Егоровичем, а Вы уже там ведайтесь с ним, как знаете. Что же касается «Русских святых», явившихся в двух неполных экземплярах¹⁶¹, то, конечно, вместо лишних (генварь, февраль, март и апрель) продавец обязуется прислать недостающие (октябрь, ноябрь, декабрь). Но так как при этом предстоит возвратить ему оные лишние, сие же хлопотно, то уж лучше выпишите Вы еще другой экземпляр «Русских святых» для своей или константинопольской библиотеки, заказавши продавцу прислать непременно месяца: май, июнь, июль, август, сентябрь, два октября, два ноября и два декабря. Из них потом мне вышлете: октябрь, ноябрь и декабрь, а я Вам вышлю генварь, февраль, март и апрель.

Не так ли?

Хотя я и сказал выше, что лишний экземпляр «Южных святых» я вышлю к о. архимандриту Леониду, но, собственно говоря, это был форс один. Сии святые в наличности не оказываются все вполне. Есть только второе отделение их. Ума не приложу, куда делось первое отделение... Пойду, еще поищу... И тут нет, и там нема...

Нашел. Посему считайте эти восемь строк как бы не писанными вовсе.

Не знаю, писал ли я Вам, что мне брат из Москвы тоже прислал «Русских святых», и тоже неполный экземпляр. Вообразите, оказалось три генваря и ни одного октября, например!

Нездоров я с самой первой седмицы Великого Поста. Привязался страшный кашель. Много раз приходил в отчаяние от него. Помолитесь, да исцелею. Хотелось бы еще пожить и поработать головою и рукою на пользу Церкви.

Есть многотомное издание in folio под названием HISTORIA BYZANTINA.

XX-й том его (Венеция. 1733) содержит летописи: Iosephi Genesisii, Iohannis Antiocheni (Malala), и Σύμμεκτα Льва Алляция. В числе сих симмиктов напечатано и некоего Ἀωνύμου «Ἀπόδειξις περὶ τῶν Ἱεροσολύμων»¹⁶², будто бы XIV века. В сей Аподикее на странице сороковой читается следующее:

«Αὐτοῦ (там) ἔναι καὶ τὸ κελλίον τοῦ ἀγίου Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ. Αὐτοῦ ἔγραψε τὸ, Ἄξιόν ἐστι ὅτι ἀληθῆ*** ὁμοίως καὶ τὸν ὀκτὸν ἄχον...»¹⁶³

Совершенно то же читается и в одном рукописном сборнике Лавры Св. Саввы, где замечено, что Ἐπίδειξις... есть πόνος Βενιαμὶν ἱερομονάχου¹⁶⁴. 1620 г.

Ну, что Вам еще более нужно?

Прошу святых молитв святых старцев Ваших и поздравляю Вас с Пасхою. Простите. Ваш преданный и покорный и недостойный

Антонин.

Когда бы Вам удалось отыскать в кожаных панигириях афонских "Ἐτερον βίον τοῦ ἁγίου Νικολαίου"¹⁶⁵, начинающийся так: Ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκεῖναις εὐδόκησεν ὁ Θεὸς ἀνακεφαλαιεῦσθαι τὰς γραφὰς...¹⁶⁶ Отыщите-ка. Поклонюсь Вам в ножки.

Иерусалим

13 июля 1869 г.

Боголюбивейший и мудрословеснейший отче!

Писем-то, писем от Вас! Девятого июня одно, двенадцатого — другое, седьмого июля — третье. Первое из них упредило собою получение Вами бумаг иерусалимских. Ради сего обстоятельства я и оставляю его в покое. Во втором письме (с книжкою при нем) святыня Ваша обличает меня в утаении одной из снятых Вами для меня кож. Приношу повинную голову. Точно, я отыскал и вторую копию документа 6556 года, коего подлинником я считаю помещенный фотографом на одной доске с Кирилловой грамотою 1752 года, в чем и Вы согласны со мною. Но и отыскавши таковую, я должен исповедать перед Вами, что ни «нового рассмотрения, ни проверки» оной я не могу теперь учинить, ибо совсем не знаю, в чем состояло прежнее рассмотрение и прежняя поверка. Ведь никаких черновых с посланных Вам бумаг у меня здесь не осталось. Да и нет нужды нам еще раз возвращаться на свои... Довольно и того, что сказано там у Вас об акте сем.

2. Виноват и в том, что возымел вторичную претензию на присылку «Нынешнего Русского на Афоне монастыря». Я все думал, что прежде присланная Вами книжка принадлежит к одному из стародавних Ваших изданий. Получив теперь от Вас последнее издание, я вспомнил, что действительно в бытность мою в Цареграде вы мне уже дали точно такую. Но что ж? Св. обитель не до конца разорится, надеюсь, уделив меня двумя экземплярами.

3. О сербских актах я вовсе не думал экзаменовывать Вас, а только спросом своим давал Вам повод в издании своем заговорить о том, что вот де Барский видел в свое время в обители или именно те же самые акты, какие мы печатаем, или и других несколько, теперь уже несуществующих. Вот и все!

4. Заметку, учиненную в Цареграде о деспоте и деспине акта 1407 года, Вы утверждаете, что я завез с собою в Иерусалим... Если сей грех и случился, то изгладить его даже истинным раскаянием с тремьями земными поклонами нельзя. Ибо в заметной книжке моей не обретается совершенно ничего деспотического. Видно придется оставить г. Стефана без всякого подстрочного примечания, да и владычицу Елену также лучше не беспокоить примечанием, чтобы не налгать чего-нибудь на покойников. Впрочем Елена, очевидно, есть жена императора Мануила. Довольно и сего за недостатком иного прочего.

5. В мечети Кахрие на южной стене южного притвора вверху (повидимому над местом погребения Торкиния) высечены по белому мрамору стихи, отпечатанные в одном из номеров «*Τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει φιλολογικοῦ Συλλόγου*»¹⁶⁷. Постараюсь прислать их Вам в верной копии.

6. Не потребный более проект предисловия моего я ни за какие благополучия не стану Вам переписывать. Кто разберет теперь тогдашнее маранье, да еще писанное карандашом?

Довлеет о втором письме Вашем.

В третьем письме Вы задаете мне некую славянскую задачу без решения, забывая, как видно, что я самый плохой знаток славянской. Нет, уж с этим Вы обратитесь к о. архимандриту Леониду. Ибо сказано: попу и книги в руки. Что касается до иероглифической подписи Иова иеромонаха, то как будто он себя именует тут патриарховым.¹⁶⁸ Число же сентября, всего вероятнее, есть восьмое. Манассия настолько же может быть здателем Виры, насколько и Вашей Вятки. Не во гнев будь сказано блаженнейшему Патриарху великого Търнова.

Жития Св. Николая иной редакции следует искать не в славянских, а греческих панегириках. Вот что!

А об ἄξιὸν ἔστι¹⁶⁹ свято-саввинского происхождения что Вы речете и что возглаголете?

Первые четыре месяца «Русских святых» вышлю при первейшем верном случае или в Константинополь, или на Афон.

Простите. Прошу св. молитв честной и святой обители. Пишу спеша, ибо боюсь опоздать на почту.

Ваш усердный и преданный слуга

Антонин.

Иерусалим

19 сентября 1869 г.

Отче боголюбивейший и всечестнейший!

Напали Вы на бедного человека ни за что, ни про что. Что хочешь делай, а три кожи оные сличи между собою! Уж я писал, что теперь для меня это вещь нелегкая, ибо при мне не осталось никаких памятников моих занятий Вашими актами, и я, по совести, не знаю, что и как мною было делано и сделано, так как решительно не обладаю Митридатовой памятью...¹⁷⁰ Ничто не помогло! Сличи, да и только! Ну вот Вам, возьмите, сличил обе копии (кожи — тож) между собою. Не зная, как их отличить и поименовать каждую, я назвал одну двучастною, а другую тричастною, так как один из фотографированных листов имеет два акта рядом, а другой три. По сему признаку Вы их сейчас сыщете. Затем в Вашей воле дать им печатную кличку, какую хотите. Двучастная копия очевидно имеет большее

значение, чем ее товарка. Я тоже, согласно с Вами, готов отдать предпочтение третьей коже (что вместе с Кирилловой грамотой), но кажется и на ней подписи черчены одною и тою же рукою. Вам это обстоятельство виднее, ибо Вы обладаете самую кожу.

Вопрос. Почему именно семьдесят две монеты полагается штрафных, ни более, ни менее?

Ответ. Вероятно потому, что семьдесят две золотые монеты составляли один фунт золота. Известно, что в Византийской империи был закон, по которому из фунта золота повелевалось бить и чеканить семьдесят две златницы. Доказательство сему теперешние ученые нумизматы видят на самих монетах византийских, где после букв CON (т.е. Constantinopoli) всегда следует непосредственно OB, т.е. семьдесят вторая часть фунта. Очевидно, что все это только догадка.

Приказываете Вы мне произнести суждение о русских актах Ваших, напечатанных в «нынешнем (?) Русском» и пр. Повинуюсь. Ужели так-таки и написано в русских грамотах Федор Иванович и Михайло Федорович?¹⁷¹ Мне кажется, что в XVI и XVII веке русские лучше знали орфографию, чем в XIX веке. После сего толико важного замечания что еще сказать Вам? Разве удивиться тому, что Барский не досмотрелся грамоты Феодора Ивановича.

Книги мои цареградские имеете позволение перерыть все, но при всем том сомнительно, чтоб Вы отыскиали в них желаемое о деспоте и деспине. Да право, дело не стоит труда.

Стихи с именем Торникия находятся в правом приделе бывшей церкви Спаса на селе (еще вопрос, так ли она называлась), теперь мечети Кахрие, на правой (южной) стене на высоте полуторых сажен по беломраморной плите. Читаются же тако:

Ὅστους ἀν ἀθρόοιζοι τις ἐνθάδε κρῶτους
 Некρῶς ο ταφεῖς ἐξελεγεῖ Торνίκης,
 Ο τρισαριστεῦσασ κοντόσταυλος μέγας
 Ὡδπερ μίμοις Βέλτιστε πιθήκουσ λέων.
 Οσ βασιλικῶν ἀποτεχθεις αιμάτων
 Παρέοχεν αυτοῖς προσφυῆ και τὸν τροπον.
 Ποῖον γὰρ οὐκ ἦν ἀρετῆς εἶδος φέρων
 Ὡс ο πρέπον ἐκοῖστον ἐζήτει χρόνος
 Βουλευφορος δ' οὖν και πρὸ τῆς ἡλικίας
 Καὶ δημαγωγὸς και κριτῆς ἦν ἀγχίνους
 Και πρὸς μὲν εχθροῦс такτικην ἐπνει φλόγα
 Κεραυνὸс ων ἀφукτος αυτοῖс ἀθρόοιс
 Τῆ δὲ στρατιᾷ πατρικῶс ἐπεστάται
 Φρουρων τὰ κοινὰ μὴ κλαυῆ τὸ συμφέρον.
 Κήδουс δὲ τυχῶн εὐγενοῖс και κοσμίου

Καὶ βασιλικὸν προσλαβὼν αἰθις γένος
 Καὶ λαμπρὸν ὑπο δειγµα παρεις τὸν βίον
 Κεῖται μοναστῆς εὐτελῆς ἐν οστέοις.
 Ἦλιε καὶ γῆ καὶ τελεοταιοι κρότοι
 Πενθεῖ δὲ μικροῦ πᾶν τὸ ρωµαίων γένος.
 Ὅσον περ αὐτὸν ἄγγο οὐν οὐ τογχανει.
 Ἄλλ ὦ μόνε ζῶν καὶ μεθιστῶν τὰς φύσεις
 Εἰ που τι καὶ πεπραχθὲν αὐτῷ µη πρέπον
 Λύσιν παρασχῶν τὴν Εδὲμ κλῆρον διδου.

(ο ἐν Κοωνσταντινούπολε ελληγικὸς φιλολογικὸς Σύλλόγος. Ἐτος Γ. Σελιδ. 83 84.)¹⁷²

Черниговское житие¹⁷³ св. Михаила-воина конечно следует исправить со слов панегирика¹⁷⁴. Царь Михаил (по черниговскому житию) не Михаил ли Палеолог? А Кало-Ян болгарский? Не сам ли Шишман?¹⁷⁵ Напечатайте оба Евфимиевы слова в каком-нибудь журнале. Дело стоит того. Чтобы я Ваших писем от двенадцатого марта и двадцать второго апреля не получил, такой клеветы в другой раз не извольте произносить. Если Вы мне не отыщите ΕΤΕΡΟΝ βίον¹⁷⁶ св. Николая, я Вам ни одного слова не сообщу из существующей тут рукописной «Ἱστορία τοῦ ἁγίου ὄρους»¹⁷⁷. «Южных славян» получите и разделяйтесь за них как знаете с о. Леонидом. О. Виссарион обещался по выезде из Афин быть в Иерусалиме мимоездом на Св. Гору. Больше сего ничтоже вем. Прошу св. молитв обители. Ваш преданный слуга

Антонин.

Иерусалим

28 марта 1870 г.

Боголюбивейший и всепреподобнейший отче.

Письмо это найдет Вас, конечно, уже празднующими светлое Христово воскресение. Итак примите воскресное лобызание о Господе: Χριστὰς ἀνέστη.¹⁷⁸

За сим преддверием позвольте постучаться в двери внимания Вашего и, когда они отверзутся, изрещи Вам следующую историю: это вы с какой стати напали на меня за Торникия? Что он мне — брат, или сват, или друг что ли? Вы же сами там (в Ивере) показываете нам, профанам, его кольчугу и изображение в притворе церковном. Мы ни душой, ни телом не виноваты в сем показании. Вы, так сказать, заварили историческую кашу с именем Торникия, ну так вы же сами и расхлебывайте ее. А меня-то зачем тянете в суд не то как доносчика, не то как свидетеля?.. Что я отыскал некоего Торникия в Константинополе, Вам что до этого за дело? Моя находка, я и распоряжаюсь ею и кому хочу свидетельствую о ней. Но Вы свидетельства моего не приемлете... Вот беда-то в чем! И расходился мой

историко-словеснейший собрат о Господе по поводу моего неприемлемого свидетельства! И взвалил на меня обвинение в ложном показании, точно я выпустил фальшивую монету или обнаружил хрисовул с надписью: «Лев премудрый, самодержец ромеев». Ох, отче, не скор буди усты твоими... Мечеть Кахрие, во-первых, весьма может не быть Спасом на селе, но из этого не следует, что я погрешил ἐν τῷ ὁμοούσιον¹⁷⁹ и повинен сонмищу. Во-вторых, хотя Вы и думаете, что на Вашей стороне оказался праздник, но все же не для чего Вам всходить на трибуну и возглашать победоносно: слушайте же! Но уже когда сказано слушать, давайте слушать... Указал я, горемычный, на восемьдесят третью и восемьдесят четвертую страницы Σύλλογος¹⁸⁰, где якобы находится спасо-сельская надпись с именем Торникия. Нуте-с? Имя Торникия не обретается на восемьдесят третьей странице, и начинается вслед за тем нагонка лживому показателю... О Господи! Куда мне укрыться от дружеской головомойки? Разве спрятаться на странице восемьдесят четвертой той же книжки? Ведь недаром же я указал на нее в горестной ссылке своей на Σύλλογος. На странице восемьдесят четвертой действительно имя Торνίκης читается, и кроме того говорится, что чтение это взято из копии πανομοιότη¹⁸¹ной сказанной надписи. Если бы на эту страницу с Торникием кто-нибудь обратил достоподобное внимание прежде, нежели написал мне победоносное письмо, верно бы он не счел нужным выезжать против меня на соломенном коне и поражать меня тупым концом (как говорится в сказках) копия своего, т.е. рассуждениями о том, в каком году вышла в свет моя и Ваша книжка τοῦ Σύλλογου... О, отче! Солома не прочный материал. Ее, по пословице, и сила ломит. А бессилие, вроде Вашей ссылки на страницы Силлога, стирает ее в пыль и прах. Но довольно о Торникии. Верьте мне, что имя его истинно и действительно начертано в кахрейской эпитафии. Пустословие Констанция обходите мимо. Это долг Ваш.

«Что город, то норы». Разве Вы этого не слышали? Верно не слышали, когда требуете, чтобы Вам кто-нибудь списал «Историю Св. Горы», обретающуюся в Иерусалиме, на том основании, что кто-то что-то списал для Вас в Москве, по ходатайству Капитона Ивановича¹⁸². Иное дело Москва, иное — Иерусалим. Тут переписывать старые рукописи некому, и никакие Капитоны не помогут делу. Вот что! Впрочем я даю честное слово, что переписчик найдется и здесь, если только Вы отыщете мне τὸν ἕτερον βίον¹⁸³ св. Николая. Вы требуете, чтоб я не был жесток к Вам, если Вам не удастся отыскать ἕτερον βίον. Нет! Жестокости моей не будет пределов, ибо и желанию дознаться истины тоже нет пределов. В Ватиканском кодексе конец τοῦ ἐτέρου βίου кем-то подскоблен, и на означении числа декабря месяца, в которое почил великий чудотворец, существует gasura profonda¹⁸⁴, поверх которой начертано **Σ**. Мне нужно отыскать рукопись без разуры. В саввинской библиотеке я нашел вожденное житие, но к сожалению целая вторая половина его

не существует. На Святой Горе непременно должно быть полное житие. Я уже думаю летом поехать отыскивать его в синайскую библиотеку. Спасибо Вам за добавку жития четвертого св. Николая. Только не очень я лаком до тех житий, в которых не означается ни место, ни время жительства святого, и в которых преобладает одна пустомельная риторика. Кстати, надобно потрудиться собрать из панигириков всякие жития св. великомученика Георгия, чтобы добраться до истины. Никакой Диоклетиана жены Александры не было. Место страдания святого определить также весьма нужно нам, палестинцам, показывающим гроб его в Лидде. Недавно мне сказали, что св. Варвара пострадала близ г. Амания, где показывается и раздвинувшаяся для спасения ее гора... Что Вы скажете на это?

Слышали Вы звон, да только не знали, откуда он. Посему и вообразили, что я открыл в Крестном монастыре собственноручную подпись Плаки Барского. Не Барский там упражнялся в чистописании, а отец Константин Politanse или Полэтанск, новый Ваш священномученик, которого житие перевел с греческого и издал о. архимандрит Леонид¹⁸⁵. Паломник записал, что он литургисал в Крестном монастыре семнадцатого августа 1738 г. Больше ничего.

Г. Григорович¹⁸⁶ утащил из Зографа несколько листков известной Миinei XIII века¹⁸⁷. В этом он сам печатно сознался. Чего ж еще нужно. Покойный П.И.Севастьянов сказывал мне, как ему г. Григорович хвалился, что он всегда выходил из библиотек афонских с полными карманами. О Евангелии без первого листа, возвращенном в русиковскую библиотеку¹⁸⁸ г. Григоровичем перед самым отъездом его с Св. Горы мне сказывали у Вас в Русике... А глаголическое Евангелие как и откуда достал счастливый археолог¹⁸⁹? Эх-ма!

Простите. Прошу св. молитв св. обители Вашей и всем земно кланяюсь.
Ваш преданный слуга и брат
Антонин.

Иерусалим

9 апреля 1871 г.¹⁹⁰

Боголюбивейший и всечестивейший отче.
Христос воскрес!

Вы поздравляли меня с Новым годом, а я отвечаю Вам поздравлением с Пасхою. Как видите, не могу похвалиться корреспонденциальною спешностью. Впрочем, грешно было бы заключать из сего, что я, по пословице, уже совсем отбилса от рук, и добрым людям остается только рукой махнуть на меня. Нет, возлюбленне. А дело в том, что меня решительно не хватает на переписку с таковым и толиким светом. Скоро, может быть, придется и совсем затворить лавочку словесного товара и объявить себя

во всех отношениях несостоятельным негодяем мысли. Я начинаю погружаться в непрерывную дремоту. Спал бы, кажется, с утра до вечера. Вот что! Помолитесь, отче, да не поникну совсем во прах главою.

Вопрошаете Вы меня о Вашем письме от первого мая минувшего года, на которое я якобы не ответил Вам. Но кто же на свете в состоянии припомнить, что происходило почти год назад тому? У Вас там, на блаженной горе, верно есть целая канцелярия бумажная со всеми номерами входящих и исходящих бумаг, с архивом и архивариусом, пылью и гнилью, пауками и крысами. А мне где взять подобное заведение? Бумаги как получаются, так и остаются, иная на столе, иная на окошке, иная ускользает в шкаф, а иная, пожалуй, угодит и под лавку, откуда уже недалек путь ей и до печки. Но — так и быть! Дай справлюсь с пачкою прошлогодних бумаг. Вот он — май месяц. Двухлистное письмо Ваше сияет на все тридцать один день оно же солнце некое. Помечено оно двадцать четвертым мая. Чего же Вам еще более? Значит оно своевременно получено, с поклоном вскрыто, благоговейно прочитано и в умилении сердца... сдано в архив, сиять положено в столик. Повторяю: чего же еще более? Но... учинил я непростительный грех — не уведомил Вас о получении письма Вашего? Не так ли? В сем пункте я вижу себя совершенно безответным, ибо решительно не знаю, отвечал я Вам на майское письмо, или нет. Никаких доказательств ни pro, ни contra у меня не имеется. Но мне кажется, что я именно вследствие письма сего Вашего посылал Вам *fac simile* автографной записки печальной и блаженной памяти о Константина Полетанского, существующей на алтарной стене церкви Крестного монастыря здешнего. Но пусть будет, что и не так было дело. Теперь Вы уведомлены, что письмо Ваше майское не пропало. Пойдем далее. По неизреченной благосклонности Вашей Вы препроводили мне в копии вновь открытое Вами житие преподобного Евфимия Нового, полное ученого интереса. Примите за оное земной поклон. Прочитать его и иметь при себе я весьма рад. Но тут бы Вам и остановить свою изливающую на меня елей милости руку. Так нет же! Припомнили свои прежние неумолимые нападки на мою беззащитность и беспомощность и давай опять тянуть в кабалу неключимого раба! Помилосердитесь. Где у меня время для перевода такой большой рукописи? Где глаза для чтения, руки для письма, голова для соображения?.. Да и на что тут я? Да и с какой стати — я? «Моя хата с краю, ничего не знаю» — по пословице. Мало у меня своего иерусалимского и палестинского дела, чтобы мешаться еще в Ваше святогорское и македонское? То совсем другой Патриархат... Одним словом: избавьте меня, возлюбленне, от сего нового труда. Вы в состоянии сами перевести житие оное почище моего. Поверьте, что я не напрасно так отнекиваюсь от любезного в иные былые времена труда. Я даже при одном простом чтении жития к стыду моему неоднократно засыпал. Что же будет, когда возьмусь переводить? Вы будете ожидать, а я стану спать. Лучше с первого раза отказаться от сей трагокомедии.

Теперь кстати и о пресловутом «Траге» Вашем. Вошел в честь и славу сей двурогий и четвероногий. Рогами он бодает всякого пытливого исследователя афонских древностей, а ногами убегает от всякой погони за ним. Что же с ним делать и как быть? Утешили Вы немало меня известием, что некто поверенный Ваш видел сего любопытнейшего из зверей земных, осязал, даже читал его. Но — отче! Кто сей поверенный? Да не допускаем мы, проученные жестоким опытом, оплошности отцов наших, довольствовавшихся при указании исторической истины ссылкой на некоего, одного, знакомого (подобно Вашему лавриоту и оному недавно скончавшемуся бессистематическому копателю старых рукописей) и проч. Не верят теперь таким безыменным свидетелям. Нареките имя человека, обозначьте дату его той или другой деятельности, укажите место, прибавьте еще что-нибудь личное и случайное, современное или совместное передаемому факту, и тогда только ученый мир согласится обратить на Вас серьезное внимание и почесать свой затылок. Для примера: снимая копию с эллинского жития преп. Евфимия Нового и препроводя для перевода к кому-нибудь, Вы не считаете нужным заикнуться и одним словом о подлиннике, с которого снята копия. А это — статья перво-степенной важности. Нужно предварительно видеть подлинник, убедиться в его подлинности, описать его во всей подробности до facsimilного снимка его начала и конца и тогда уже, вполне успокоившись насчет прочности основания, начать строить на нем здание. Говорю это Вам вот для чего. Сказав, что поверенный Ваш осязал «Трагоса», Вы ставите для меня NB. А Вы, вместо нотабени, отправьтесь-ка сами в Протат и добейтесь, во что бы то ни стало, возможности самим видеть, осязать и читать пресловутое «козлогласование» афонское. Тогда Вам будет «и честь, и место, и красна ложка». Поверенным Вашим редко кто поверит, не исключая и меня. Не дивитесь таковой продерзости людей. Поверенные (вроде Вашего) обыкновенно бывают люди некомпетентные вверяемом им деле. И вот доказательство тому. Ваш поверенный читал «Трагоса», а не сказал Вам, читанное им то ли самое, что сообщено Вам в копии (и Вами переписано для меня) или разнится с ним? Вы, с своей стороны, тоже не допросили поверенного своего о сем капитального значения вопросе. По крайней мере не видится это из письма Вашего. А взглянуть на предмет с этой точки зрения весьма и весьма стоит. Ходят по рукам разные списки «Трагоса». Как они могли выйти разными, один Господь ведает. Ведь не хамелеон же сей таинственный зверь афонский, что один переписчик видит и читает его так, а другой — иначе! Для примера: в присланной Вами копии глава третья начинается так: Δεον ἡμῖν πάντας τοὺς προσερχομένου¹⁹¹ и пр. А в известной филофеевской «Истории Св. Горы» та же глава читается (99) на первой строке иначе, а именно: Προσῆκει πάντας τοὺς πρὸς ἡμᾶς ἀφικνουμένου ...¹⁹² Ведь такая разница в чтении одного и того же подлинника до того несообразна, что сам бессловесный «Трагос» должен возопить против подобного злоупотребления его именем... Не правда ли? А что сказать о хроноло-

гии под Вашею копиєю? Во-первых, год обозначен христианским летосчислением, решительно не употреблявшимся в Константинополе до XIV или даже XV века. Во-вторых, какой же Иоанн царствовал в 984 году? Цимисхий умер за восемь лет перед тем, т.е. в 976 году... Нет, отче. Идите и сами повидайтесь с сим «козлом отпущения». Иного спасения нет Вам.

Все три копии, присланные мне Вами, никоим образом не возвратятся к Вам. Свидетель тому сам золотой царь Юстиниан Великий, который тоже остается здесь безвозвратно. Хотя у меня и есть пара Юстинианов, но ведь Вы знаете, что никакая древность, попавшая в руки антиквария, не избудет их, донде же есть жизнь в них. Урок Вам напередки.

Итак «печатание Актов устроилось»... Хм! А скоро ли оно начнется? Генерал Иванович Савваитов, конечно, редкий человек и на электричестве очень скор. Таковым ли окажется на бумаге, особенно в корректуре, да еще греческой, это вскорости будет видно.

Вопреки Вашему неверию в поклонников книжку «Душеполезного чтения» я выслал Вам за неделю перед сим с знаменитым о. Парфением Гуслицким¹⁹³. Утешал меня здесь немалое время препочтенный сей старец. Снимите с него фотограмму и пришлите мне. Человек он исторический и стоит того, чтобы потомство присно зрело черты лица его. Скупы Вы вообще на фотографии. У меня только и есть, что миниатюрная группа великого князя с окружающею его свитою... Обо мне разглашают, что я преследую тут афонцев, но и Афон тоже, думаю, не похвалится нежным расположением ко мне?.. А ведь мы с ним старые знакомые.

А Ваша богохранимая обитель к каким принадлежит, клерикальным, т.е. безбрачным, или монашеским, т.е. ...? Чудные монастыри создаются иногда... в голове нашего брата. Благодарю Вас за присылку известия об этих новых явлениях в монашеском мире. Моя миссия тоже входит в род клерикальных учреждений. Монах в ней только один, это регент, не восхотевший жить в безбрачии. Простите, отче! Досиделся за письмом до полночи. Если бы Вы знали, сколько раз дремал над ним! Прошу святых молитв обители. Ваш преданный послушник

Антонин.

Уведомьте меня, как поживает бывший повар мой, преподобный о. Жорж? Научился ли говорить по-русски?

Иерусалим

26 июня 1871 г.¹⁹⁴

Честнейший и преподобнейший отче боголюбче.

Знаю я, что Вы не любите калякать по-пустому и, когда беретесь за перо, то пишете дело и одно дело. Возревновав Вам в сей добродетели, и я коротко и ясно уведомлю Вас, что оба письма Ваши — большое и малое — получены,

приложенная к ним фотографическая группа блаженных старцев Ваших рассмотрена и выучена наизусть, жалобы Ваши оплаканы, оправдания Ваши выслушаны, просьбы Ваши дошли до сердца, и я дал обет — при первом досуге приняться за перевод жития преп. Евфимия. Чего же Вам еще более?

«А статья рукописная о Святой Горе?» — спросите Вы. Она давно переписана, но оказывается не стоящею и медного гроша, содержит в себе все то же, что Вам и всем, подобным Вам исследователям, давно известно. Впрочем, какова она ни есть, я не замедлю выслать ее Вам. А Вы мне до сих пор не отыскали τὸν ἕτερον βίον¹⁹⁵ св. Николая. Да будет Вам за это стыдно. Я нашел его — к несчастью в урывках — и у Св. Саввы, и на Синае. На Афоне ли ему не быть? Дай Бог, чтоб Ваш Савваитов¹⁹⁶ оказался савваитом и оказал надлежащее послушание Вам в деле Вашем.

На монетах византийских золотых и полных (т.е. настоящих солидах, а не половинах или четвертях их) выбивали обыкновенно и год царствования императора. На юстиниановой монете Вы найдете буквы Г. Δ. Η. АВ и т.д. Почему и уразумеваете, в какой год от Р.Х. та или другая монета чеканена. Кроме того, после слова CON..., что значит Constantinopoli, всегда выбивалось ОВ. Этот ОВ до сих пор не исследован хорошо. Думают, что этим обозначалось то, что монета составляет семьдесят вторую часть фунта. Но против этого говорит то обстоятельство, что и на полусольдах видится то же самое ОВ. Думают еще, что это значит officina Βασιλική¹⁹⁷ или оффицина вторая, т.е. Β., и мало ли еще что думают? Мое же мнение более склоняется к тому, что буквы те знаменуют: оx вы, ищущие узнать все на свете!

О святопавловских хирографах¹⁹⁸ уже заводима была раз история при покойном П.И.Севастьянове. Дело почему-то тогда не пошло вперед. Старцам кто-то что-то наговорил про русов, выставив их пампонирами, а тех будаладами. Они взяли да и попятись, и порешили вместо всех славянских рукописей поднести Св. Синоду какое-то русское же Евангелие, около двухсот лет назад тому писанное. Разумеется, тем все и покончилось. Дай Бог теперь лучшего исхода делу.¹⁹⁹

Боголюбивейшего подателя сего, возвращающегося в отечество по выслуге урочных семи лет, примите с братскою любовью и покажите ему вся благая своего Иерусалима.

Затем простите. Прошу святых молитв честной обители и великим старцам земно кланяюсь.

Ваш преданный слуга и послушник и недостойный собрат
Антонин.

Боголюбче отче²⁰⁰.

Имею нужду снести письменно с честнейшим во иноцех иеромонахом казанского Зилантова монастыря о. Стефаном, надеюсь Вам хорошо

известным. Молю Вас посему, доставьте ему влагаемое при сем письмо ἀσφαλῶς.²⁰¹ Если бы он в момент сей (или оный) не оказался в честной обители великомученика Георгия, то всячески потрудитесь узнать, где он находится, и переслать, ими же весте путями, письмо мое к нему.

Присылали-то Вы, конечно, присылали ко мне в разные времена разные изделия Вашего фотографического заведения, да все не то, чего бы желалось, или, точнее сказать, не все из того, что желалось. Так, например, фотографического снимка старого Русика отчего бы не прислать? Да и нового — тоже? Отдельный портрет (визитка) о. Иеронима будто бы не обретается у Вас? Таковой же издателя стольких и толиких писаний об Афоне — ? Да кстати, нет ли у Вас большого портрета о. Леонида здешнего? Мне бы нужен он для составления коллекции портретной здешних именитостей.

Τὸν βίον...²⁰² скоро примусь переводить. Испрашивая святых молитв Ваших, с братским чувством любви и преданности честь имею быть Вашего преподобнословесия нижайший слуга

Антонин.

Кругом да около все ходит наша Миссия, ища для своего хора заливного тенора. Пришлите нам такового. У Вас, верно, их без счета. Право, не погрешите, если поделитесь с нами своими сокровищами. Хотя Вы и не знаете, «какого рода монастырь представляет Миссия наша», все же можете быть уверены и уверить других, что если мы сами и далеки от подвига, то это не мешает нам любить подвижников.

Иерусалим

9 января 1876 г.

Всечестнейший и во Христе Иисусе возлюбленный отче.
С Новым годом! С новым счастьем!

Для нас, стариков, всякий новый год пахнет чем-то очень-очень не новым, так что и поздравлять-то с ним, кажись, уж не стоило бы. Иное дело — новое счастье. Это такой лакомый кусочек или, говоря Вашим иноческим языком, такое «утешение велие», что кому оно достанется, того непременно следует поздравить. Я еще не поздравлял Вас с старым счастьем, доставленным Вам старым годом. Помучил-таки он Вас сначала, когда еще был новым, а потом, ослабевши в силах, махнул на все рукой, приказав Вам, так сказать, долго жить, да Бога хвалить. Молодцы вы, право. Стоит Вас поздравить с победою. Выиграли дело, в сущности пустяковое, но уже крепко расходившееся и нашумевшее на весь свет. Только не знаю, во что Вам обошлась эта Пиррова победа. Припоминается мне одна карикатура, изображающая конец судебного процесса двух тягавшихся соперников. Проигравший представлен выходящим из суда совершенно голым,

а выигравший тоже вышел голый, но держал под мышкою свою рубашку. Баснь показывает... но что именно показывает, это Вам известнее. Ну, зато теперь уже не зевайте и держите ухо востро, по пословице. Уразумели хорошо, с какою силою имеете бороться отныне и до века. Впрочем... ученого учить — только портить. Ограничусь одним замечанием: теперь хотя и можно иногда Вам ударить в большой колокол, но благополучнее почаще клепать в било. Полезно также неопустительно кадить, где положено, а свеч ставить поменьше перед образами... Да и голосить на восемь гласов тоже можно поудержаться... Октоих положен для буднего богослужения, а у Вас теперь праздник. Еще одно словечко: предки Ваши — жившие в 1875 году и раньше — выносили дым из избы решетом, оттого он им и чуть не выел глаза, а Вам лучше бы зараз пустить его весь в трубу...

Но — возвратимся от «нового счастья» к «новому году». Желаю Вам обновиться в оный, честный отчет, и отстать от некоторых старых привычек, в том числе и от постоянно обдергающего Вас страха о том, получил ли я то или другое письмо Ваше или ту или другую посылку Вашу. Еще бы не получить! Не имейте ни малейшего сомнения в том, что все, что Вы благоизволяете препровождать ко мне в мое утешение или назидание, достигает моих рук и даже глаз, хотя и не похваюсь, что последние пробегают от доски до доски все, что выпадает по их части. Такой подвиг свыше сил моих. От безмерной щедрости Вы например возьмете, да и пришлете мне свое пресловутое «Пантелеймоновское дело», писанное письмами эллинскими, еврейскими и римскими. Ну где же мне прочесть его на всех сих языках, да еще и в нескольких экземплярах? Необходимо для сего иметь три головы. А знаете ли, что значит и одну носить на таких слабых плечах как мои, избитые разными наездниками вроде Ушинских²⁰³, Незабитовских и tutti quanti?²⁰⁴ Но, если прочесть всего нельзя, то ответить на нечто несомненно было возможно, возразите Вы, верный своим старогодным привычкам. О, отчет! Мало ли что есть на свете возможного, но ведь известно, что a posse ad esse consequentia non valet²⁰⁵. А недосуги? А недуги? А разные не-други? Все это разве не препятствия к исправной переписке? Главное же препятствие — физическое отяжеление, разрешающееся какою-то постоянною спячкою. Не поверите, вот и сию минуту, написав слово «не-други», я так глубоко клюнул, что чуть не сшиб головою лампы. До переписки ли в такие дремотные лета? Вот как подумаю, что к завтрашней почте нужно еще, кроме сего, приготовить пять или шесть писем, так волосы встают дыбом, и я... засыпаю сею же секунду!

Спасибо Вам за память о нас, ту сущих. Не переставайте навещать нас Вашим вниманием и, пожалуйста, напишите мне поподробнее, какие пошли в Русике чивые порядки. Весьма интересует меня статья сия.

Летом болел я крепко. Теперь, по милости Божией, как будто здоров, если не считать хворостию распухшую десну и ноющий остаток зубов.

Удружите, честнейший и возлюбленнейший старче, еще раз, в течение сей же зимы накопайте для наших садов здешних десятка с два самых молоденьких елок да с охапку жиденьких каштанов афонских и вышлите ко мне с каким-нибудь поклонником, которых завсегда бывает немало у Вас там, на перепутье сюда. Ежели же Вы все еще проживаете в Царе-граде, то попросите своего авву (поклон до сырой земли) принять на себя заботу о том. Больно хочется развести здесь нашу северную флору. Семь березок растут у меня тут в разных местах. Одна удержалась рябинка. Черемухой не мог нигде разжиться. Знаю, что «и сие суета», но...

Засим простите. Еще раз повторяю: все получено, будьте спокойны. А то от многой думы — чего доброго? — развлекётесь на молитве еще, пожалуй, и будете приговорены к отбиванию поклонов. Вот что!

Прошу святых молитв Ваших и всех отцов и братьев честной обители Вашей.

Нижайший слуга
Антонин.

Иерусалим

9 апреля 1876 г.

Боголюбивейший и преподобнейший и священнословеснейший отче.

Χριστὸς воскрес!

Великое письмо Ваше от двадцать восьмого февраля, полученное мною двадцать шестого марта, исполнило душу мою самыми благими чувствами. Видно, что Вы, а с Вами и вся досточтимая обитель Ваша, вошли в блаженный покой, обещанный труждающимся и обремененным. Уж чем-то Вы, в самом деле, не были обременены? И завистию, и ненавистию, и несправедливостию людскою, и хлопотами, и заботами, и читаньем, и писаньем, и напастями, и пакостями. От всех сих избавих вы есть Бог. Да уж если любовь Ваша позволит вымолвить, то и еще от одной тяжбы облегчил Вас, не знаю, кто больше, Бог или враг, от так называемого презренного металла... Златоуст любил говорить: слава Богу за все. Повторите и Вы с ним те же благие и блажащие слова и простите врагам своим. Да зауряд простите уже и друзей своих, вроде нашей худости, тоже совавшихся с разными взглядами, советами и проектами не в свое дело, и если не мешавшими, то уж верно не помогавшими ему.

Нуте-с? Откуда начну восписовати Вам похвалы за ту беспримерную готовность, с какою вы исполнили мою нижайшую просьбу о живых деревьях для русских садов Палестины? Получены они двадцать пятого марта в Благовещение. Я принял это за благовестное знамение того, что они примутся. На счастье погода стояла дождливая и просто холодная. Елочки видимо

чувствовали себя, как у себя дома, и так ярко зеленели, что просто радость была смотреть на них. Чуть дожди перестали, мы посадили елки в горшки, а каштаны просто в землю в своем садике, что внутри дома миссии. Первые дают надежду, что бóльшую часть будут жить — на общее утешение палестинского люда русского. Самые большие из них, впрочем, завяли. Вторые же до сих пор стоят одинокими прутьями, голыми и невеселыми. Может быть еще не настал период развития их. Посмотрим. Во всяком случае примите от меня и от всей Миссии вседушевную признательность за этот прекрасный и желанный подарок Афона Палестине. Вы справедливо говорите, что раз уже посылали мне елок. Из тридцати, что ли, их принялась только одна, которую и видели Вы здесь в свою бытность в Святой Земле. Я берег ее яко зеницу ока. Но что же вышло? В отсутствие мое из Палестины (на Синай — должно быть) поступил тут на постройки к нам новый садовник. Обозревая в первый раз наш садик, велемудрый человек принял елку (никогда им не виданную) за бурьян и вырвал с корнем из земли. Теперешний, надеюсь, не сделает этого. Да и чуть деревья окажутся принявшимися, мы их разошлем по разным местам — на Элеон, к Дубу, в Горнюю и особенно в Яфу, где мне хочется сделать панспермию древесную. Даже имею в виду выписать кофейное, и чайное, и хинное дерево. Молитвами Вашими да будет сие!

Не нарадуюсь усилиям Вашим обрусить Русик. Помогите Вам Бог в том. Я думаю, что если решиться Вам еще малую толику сбросить с себя бремени, означенного последним в вышеприведенном списке, то в скором времени повеет в обители одним русским духом. Ἐν τῇ παλάμῃ, καὶ βοήσωμεν²⁰⁶, бает одна поговорка греческая. А пожалуй, ее можно переладить и так: Ἐν τῇ παλάμῃ, καὶ ἀναχορήσωμεν...²⁰⁷

А что, если бы случилась у Вас в Покровской церкви какая-нибудь поправка, которая бы затянулась на целый год например — по непредвиденным обстоятельствам, и во все это время Вам пришлось бы по необходимости постоянно служить в соборе? Ведь плакать и сокрушаться о такой напасти, на мой взгляд, не стоило бы. Случиться даже может, что заезжий какой-нибудь архитектор возьмет да и заявит от имени науки или своей опытности, что Покровская церковь по своей высоте (или другому чему) грозит опасностью молящимся, и что лучше не рисковать обители дорогою жизнью братий. Опять, хотя и неприятно, пришлось бы служить Вам постоянно в соборе. Какой взгляд имеете Вы на подобные «случайности»? Игумену, конечно, не пора еще жаловаться на трудность подъема по лестницам, но тоже, яко человек, он может иногда быть подвержен и подагре, и ревматизму, лишь бы только не филетизму.., и оттого предпочитать молиться в соборе. А обитать-то ему всячески полезнее внизу, чем вверху. Горний воздух для нас, русских, не свычен — развивает чахотку.

Поуспокоившись и поладивши со всею Горою, Вы, отче, таки примитесь за старое дело, за отыскивание τοῦ ἐτάρου βίου τοῦ ἁγίου Νικολαίου.²⁰⁸ Не

может быть, чтоб его не существовало в Ивере да в Ватопеде. В известных мне ватиканском и синайском списках есть неотстраняемые противоречия (хотя и немногие). Притом же последний без конца. Надобно отыскать совершенно полное житие святителя Сионского (а теперь — Барского) без всякой поправки, подчистки и «разуры» в его хронологии. Вся надежда моя в этом случае на Афон и на Вас, книгодче и книготворче-отче.

Испрашиваю св. молитв великих старцев Ваших и от всего сердца их приветствую с новым порядком вещей в дорогой обители. Знакомых в ней у меня так мало, что и поклониться некому, кроме Вас, боголюбивейший отче, что я при сем и исполняю в полноте братского чувства.

Антонин.

ПИСЬМА К МОНАХАМ ВИССАРИОНУ (КАРТАМЫШЕВУ) И МАРТИРИЮ (ВОЛЧАНСКОМУ)

Афины

9 августа 1856 г.²⁰⁹

Добрые отцы мои!

Как вы живете? Я все утешал себя мыслию, что из Оропо побываю к Вам, но не удалось. Вчера, отправляясь сюда, намеревался написать к Вам, но отложил с тем, чтобы написать сегодня отсюда, где чаял найти какие-нибудь свежие известия. Какие же нашел здесь известия? Письмо Михайла Петровича²¹⁰ от четвертого августа, всполошившее мою душу. Что теперь у Вас делается, и в уме не сложу. Что бы, впрочем, ни случилось, нимало не смущайтесь духом. Живите по-прежнему, питаясь бытием и хлебом. Я чрез нашего г. консула просил доброго г. Вальсамаки снабжать Вас нужным под мою ответственность и даже отправить Вас в Афины, когда придет время. А когда придет оно? Бог один знает. Я вторично просил о Вас Миссию, и Миссия писала в министерство. Что делать, любезные мои? Терпение. Вам же не привыкать к нему.

Что сказать Николаю Андреевичу и Михайлу Петровичу? Можете легко поверить, что не нахожу слов. Если еще жив сердечный Николай, надобно везти его в Афины в случае, если болезнь по-прежнему трудна, если же он в Каристо и лечится с успехом, то разумеется лучше ему оставаться там. Если же... О, если же он отошел к Господу, то, братья мои, нам ничего не осталось более делать, как только молиться о нем, а Михайлу Петровичу немедленно с имуществом его возвратиться в Афины.

Что вы ничего не написали мне в Оропо? Я бы непременно, отложивши все, приехал к Вам... Подожди я вчера два часа и не выезжай из Оропо,

письмо Михайла Петровича, вчера посланное ко мне, застало бы меня, и я во что бы то ни стало приехал бы к Вам... Чудно, как иногда запутываются и переплетаются дела наши!

Ваш искренний
архимандрит Антонин.

Напишите мне немедленно, что у Вас сделалось, делается и будет делаться. Как горько! Бедный Николай!

Афины

30 августа 1856 г.

Добрые и любезные отцы мои!

Радуюсь душевно, что вы считаете себя довольными в своей пустыне. Не унывайте. Я надеюсь, что скоро придет назначение Ваше. По словам г. секретаря миссии Неклюдова²¹¹, дело Ваше при его отъезде из Петербурга (около месяца назад тому) было уже в Синоде, и ожидаемо было решение сего на оное. Министерство никаких препятствий не нашло к Вашему назначению с своей стороны. Св. Синод обыкновенно не противоречит министерству. Итак живите себе да поживайте в ожидании благоприятных известий отсюда.

Я вымолил для Вас в Миссии сто драхм; из них шесть издержал на пол-ока чаю, семь дал о. Прокопию на башмаки, десять ему же сегодня дал на закупку для Вас вина, пятьдесят посылаю Вам, а остальные двадцать семь вышлю на выезд Вам из пустыни в Афины. Что вы издержите на пищу и другие потребности на островах, после уплатите доброму и почтенному г. Вальсамаки. По желанию Вашему посылаю Вам свою зрительную трубку. Она приближает предметы в тридцать раз. Следовательно вы можете гулять с помощью ее по большому острову, не имея нужды ехать туда. Можете и на небо смотреть по ночам.

Бедный страдалец Николай²¹² плох. Встанет ли, Бог знает.

Поклонитесь от меня г. Димитрию Вальсамаки, а равно и брату его Спиридону. Бог с Вами.

Ваш усердный слуга
архимандрит Антонин.

+

Афон

17 сентября 1859 г.²¹³

Благодать и мир от Господа нашего Иисуса Христа братьям св. Никодима.

Благодарю за утешение, доставленное мне Вашими добрыми письмами, и радуюсь Вашему благоденственному и мирному житию, о чем всегда молил и молю Бога.

Молитвами Вашими я пребываю благополучно на Святой Горе. Чуть не всю уже ее объехал и высмотрел. Был и на вершине горы и служил литургию в церкви Св. Преображения двадцать четвертого августа. При спуске чуть не лишился жизни. Бог оставил мне ее еще на покаяние. Нередко служу то в Русике, то в Серае, утешаясь русским пением, воистину умирительным, а равно и монастырским чином, каких нельзя не пожелать и нашей смиренной обители. Насматриваюсь и на здешнюю несравненную природу, которую только во сне можно увидеть жителю афинскому. Учусь и монашеской жизни, коей столько здесь дивных и самых разнообразных примеров. Одним словом, стараюсь обратить себе в пользу свое святогорство.

Не успел возвратиться к Вам с этим пароходом. Постараюсь однако же ускорить свое прибытие. Хочется уже увидеть и свою Троицу²¹⁴.

Помолитесь о Вашем Антонине.

Поклоны отцам Феодориту, Геннадию и Мелетию.

Халки

10 августа 1861 г.

Преподобнейший и любезнейший о. Виссарион!

Немало Вы порадовали меня письмом своим. Я давно и с нетерпением ждал утверждения за Вами первостатейного оклада жалованья. Радуюсь за Вас и желал бы от души, чтобы и все вообще оклады служащих при светлой церкви Св. Троицы были первостатейные.

Письмо Ваше нашло меня на островах, называемых принцевыми. Вот уже недели две живу здесь в Халкинском богословском училище и купаюсь в море старых рукописных книг, из которого едва ли выплыву еще через две недели. Занятие пришлось крепко по душе. Это лучше ракушек, о которых также нередко вспоминаю с удовольствием немалым. Приходит и уходит все на свете, унося с собою мало-помалу жизнь. Остается только в душе память Петалуса, Пороса, Дафнии²¹⁵ и столько других мест, и перед глазами несколько стереоскопических видов, воскрешающих в сердце столько радостных впечатлений, уже давно-давно унесенных временем.

Не имею возможности писать Вам много. Пароход не ждет. Насчет Анатолии мое решение таково. Если вы с о. Мартирием поручитесь, что предполагаемую поправку не снесет еще раз дождем, то я готов дать на нее сто рублей серебром, как уже и писал (а не сто драхм, как писали Вы), которые рано или поздно непременно вышлю Вам или о. Мартирию в руки или в посольство, как найду удобнее. Но признаюсь, я не надеюсь, чтобы Анатолию можно было поправить. Разве Вы придумаете какие-нибудь особенные, совершенно новые средства. Постарайтесь найти их.

Кланяюсь о. Мартирию. То-то теперь чай купается один себе на тризинском Босфоре²¹⁶ за всех нас! Я раза два-три искупался у себя в Буюкдере, но

нажил зубную боль, отчего и не купаюсь более. Зато баню не перестаю по временам топить и париться лавровыми вениками. Удивительно. Никто мне не напишет, что стало с моей афинской баней? Существует ли еще она, или уже поросло былием место ее? Поклонитесь о Мелетию, Афанасию Яковлевичу с супругою, Василию Григорьевичу, Михаилу, Николе и всему околотку, а всего более — любезному и приснопамятному Никодиму.

Ваш покорнейший слуга и недостойный богомолец
Антонин.

И о. Геннадию.

Давно уж мне не писал кур. Мимико. Как он живет? Переведен ли в высший класс?

Преподобнейшие и боголюбивые отцы мои!²¹⁷
Мир Вам.

Простите, что я пишу Вам и редко, и мало. Ей, времени нет. Отрывки от дела беспрестанные. Для примера расскажу, как прошел, например, нынешний день. Только что я, кончив утреню с часами, напился чаю и присел к столику, чтобы писать письмо, докладывают, что какие-то два монаха желают видеть меня. Это были два святогорца из Симопетры, проживающие здесь по делам своим. Я все думал, что у них есть какое-нибудь дело до меня. Оказалось, что они хотели только «видеть мое светлое лицо». Еще они сидели у меня, как пришел о. Паисий, который, помните, жил с о. Геннадием в Патиссии. Он теперь занимает приход в окрестностях Константинополя и иногда навещает меня по старой памяти. Едва он оставил меня (даже еще не оставил, а только пошел на террасу взглянуть на Константинополь), уже, слышу, в прихожей раздается чье-то кашлянье. Это был старый папа Мефодий, за каким-то делом взобравшийся из Галата в Перу и по обычаю пришедший ко мне справиться о моем здоровье. Было уже за полдень, когда мы расстались с ним, переговорив в сотый раз о том же самом. Я сейчас было кинулся к столику, чтобы взяться за перо. Не тут-то было. В двери: стук, стук! Является один знакомый архиерей, тоже зашедший ко мне мимоходом, чтобы поговорить о погоде и о прочем. Утомился я приемом и уже не в силах был взяться за дело. А тут и Жорж является с докладом: *va' façade, páter*.²¹⁸ Было уже почти пять часов. Вот так проходят здесь дни мои! То же самое, что и в Афинах. Несмотря на строгость привратников дворцовых, комнаты мои находятся в постоянной осаде от множества посетителей и всякого рода просителей.

Благодарю Вас душевно, о. Виссарион, за старые монеты. Давно уже я не имел удовольствия повозиться с любезным старьем. Пользуясь предложением Вашим, я оставляю их все для себя. Деньги же за них постараюсь

выслать с первым удобным случаем. По почте высылать хлопотливо. Что касается до золотых монет, то не трудитесь высылать их. Золотых я не собираю. Куда мне с моим пустым кошельком тянуться за ними! При том же то, что Вам выдают за Константина и Елену, вовсе не есть святые Константин и Елена, а так называемые константины, т.е. монеты XIII и XIV века.

Итак Вы надеетесь, что Анатолия воскреснет. Но когда? В воскресение мертвых? Что-то мне сомнительно, чтобы Вам дали на нее денег из казны. Казна теперь крепко поотощала. Впрочем, буду радоваться от всей души, если удастся поправить сад. Как бы хотелось поработать с Вами около него. Посадили бы Вы два-три финика около большей стерны. Там они сидели некогда. Что же? Скушали Вы прошлым летом хоть одну ягоду виноградную? Не пропали ли маленькие кипарисы?

Нехороши Ваши дела греческие. Нечего сказать. Но Вам-то что до них? Поезжайте себе летом вместе с о. архимандритом на Петалийские острова и собирайте ракушки, не боясь никого на свете. О, если бы я мог подъехать к Вам? Но — об этом и думать нельзя. У меня здесь пропасть археологической работы. Может быть летом я тоже выеду куда-нибудь из Константинополя. Хочется побывать в Хиосе и в Патмосе.

Написали Вы что-то об Агапии. Я тоже слышал, что он был в Сире. Где же он теперь находится и что подделывает. Отчего он оставил своего друга Искандера?²¹⁹ На каком положении после отъезда Александра Петровича остался любезный старец и патисиарх о. Геннадий? Напишу ему когда-нибудь. Пусть не сердится, а молится обо мне. Представлялись ли вы к новому посланнику, и как он принял Вас? Понравилась ли ему наша церковь? Пописывайте мне иногда на досуге. Письма Ваши доставляют мне большое утешение. Читая их, точно возвращаюсь в Афины. Не удосуживаюсь все еще напечатать Вам афонских видов для стереоскопа. Что делать?

Ὑπομονή.²²⁰ Простите. Ваш преданный слуга и недостойный богомалец Антонин.

Константинополь

26 января 1862 г.

Отче святой!

Вот Вам для Анатолии сто рублей серебряных. Стройтесь с Божией помощью.

Если легко приобретать древние монеты, приобретите для меня драхм на сто. Здесь редко попадаются и притом очень дороги.

Кланяйтесь о. Мартирию и всему братству.

Простите. Не имею времени писать более.

Ваш архимандрит Антонин.

Секретно.
(О. Виссариону)²²¹

Постарайтесь под какими-нибудь предложениями развязаться совершенно с «Пересветом»²²². Вам ни в каком случае не полезно принимать у себя светскую молодежь. Даже просто желая похвалить Вас, любезные собеседники могут повредить Вам. Здесь в лицо мне деланы были отзывы о Вас обоих как об истинных монахах, а позаочь выставляли Вас самыми завзятыми кутилами. Видите, что за народ это. Даже с о. Митрофаном будьте посерьезнее...

Одним словом: кое общение горнцу к котли? Сей приразится, и той сокрушится... Ни угощения вином, ни смехотворство, ни обращение «нараспашку» не должны быть в келье Вашей, особенно не должны быть карты. Вы живете под ежеминутным наблюдением людей и ангелов...

Аминь.

+

Не найдете ли возможности из денег, которые еще Вами не издержаны на Анатолию,²²³ дать к празднику Димитрию рублей двадцать серебром? Чуть мы получим свои векселя, я немедленно возвращу Вам этот долг вместе с сорока пятью драхмами о. Мартирия.

Константинополь

30 марта 1862 г.²²⁴

Преподобнейшие и любезные отцы и братья.
Господь с Вами!

Утешает меня немало Ваша забота об Анатолии. Поддерживайте ее елико можете. Столько забот, трудов и денег положено уже в нее. Было бы грешно оставить ее после всего этого. К сожалению, я не в состоянии помочь Вам более. Того и гляди, что опять попаду в долги, с которыми не расставался в Афинах. И то уже начинаю прибегать к разным икономическим изворотам, напоминающим тяжкие минувшие времена. Худое дело безденежье.

Сто пятьдесят восемь антик получены с благодарностию. Все деньги за них (пятьдесят рублей серебром) уплачены Александру Филимоновичу. Из присланных для просмотра я купил четыре византийских золотых и тринадцать серебряных. Из них за одну золотую (о. Виссариона) деньги уплачены, равно как и за тринадцать серебряных. За остальные же три золотые вышлю деньги, лишь только получим жалованье, которого ожидаем с следующим парохомом, т.е. в великий понедельник. Потерпите.

А затем и простите. Уже давно первый час ночи. А мне еще нужно написать два письма.

Ваш покорнейший слуга и недостойный богомолец
Антонин.

Ключ сей передайте о. архимандриту. Он от церковной кассы и есть запасной. Я недавно открыл его у себя.

Не можете ли вы прислать мне самый точный и беспорочный оттиск на сургуче церковной печати Никодимовой?

Константинополь

4 мая 1862 г.

Боголюбивейшие отцы!
Мир Вам.

Замедлил я уведомить Вас о деле античном. С Ильей Егоровичем я послал о. Мартирию три рубля серебром за двенадцать антик по выбору из числа серебряных. За три же золотых обещал вскорости выслать причитающиеся сорок пять драхм. За антики о. Виссариона уплачено мною Александру Филимоновичу пятьдесят рублей серебром да за одну золотую Илье Егоровичу пятнадцать драхм.

Согласно с обещанием я теперь высылаю о. Мартирию должные сорок пять драхм. Двадцать рублей серебром потрудитесь передать Димитрию Михайловичу или взять себе, если Вы уже прежде дали ему к Пасхе, как я просил Вас о том. Из остальных денег семь рублей передайте ему же для уплаты моего долга фотографу, а два рубля и семьдесят пять копеек пусть пойдут на коляску Вашу до Пирея, если агентство австрийское в Пирее, а не в Афинах.

Димитрий передаст Вам тетради и портреты для отсылки мне. Пожалуйста, попросите Ивана Константиновича²²⁵ отправить их в здешнее консульство за казенною печатью. Если же окажется, что за это нужно деньги платить, то попросите его отправить с каким-нибудь случаем. Ему без сомнения известно бывает о множестве случаев. Еще бы лучше попросить доброго князя отправить ко мне пакет.

Бедненький Василий Григорьевич²²⁶ упокоился! Жаль мне его очень. Опишите мне кончину и похороны его. А также писните и о покойном о. Галагане²²⁷. Пошли напасти на дом наш!

Я живу на прежнем положении. Перебираюсь на днях в Буюкдере.

А что делает злополучная Анатолия? Я писал о ней князю. Он обещался призреть на нее.

Простите и не оставляйте меня молитвами и письмами своими.

Ваш преданный слуга
Антонин.

Поклонитесь от меня Афанасию Яковлевичу²²⁸. Как сократилось братство Ваше!

Михайлу и Николе, Ламбру и Люю поклон²²⁹.

Уведомьте о судьбе о. Феодорита Ктены.

Константинополь

Май 1862 г.²³⁰

Преподобнейший и во Христе возлюбленный о. Виссарион!

Приношу Вам благодарность за добрые и обстоятельные письма Ваши. Не нахожусь, что Вам сказать по поводу Ваших жалений о духовном рассеянии, испытываемом Вами посреди волнуемой суеты афинской жизни. Что делать? Крепитесь во всю меру сил своих, памятуя свои обеты и свой грядущий час смертный. Конечно менее искушений монаху там, где его окружает сонм людей единомысленных и, так сказать, единообетных, и где волей-неволей он входит в совершенный порядок жизни. Но ведь есть же столько монахов, живущих поодиночке и несущих такой подвиг, какого не встретить и в киновии. Что препятствует и Вам быть посреди городского шума пустынножителем? Тем больше заслуг Вам и наград от Господа, если Вы собственным усилием добьетесь венца подвижнического. Вспомните первые минуты своей решимости быть монахом. Не думалось ли Вам тогда, что достаточно для Вас одного Господа Иисуса Христа, чтобы иметь с собою полный монастырь, куда бы Вы ни пошли, и где бы Вы ни жили? Живите же в сем невидимом монастыре неисходно, несмотря ни на что. И чего недостает Вам для этой жизни? У Вас есть прекрасная церковь, в которой можете невозбранно проводить целые дни. У Вас есть пустыня, в которую можете удаляться ежедневно, бродя по полям Элисейским до самого Имиттоса. У Вас есть как бы свой скит, в котором можете заниматься рукоделием сколько душе угодно. Вы обеспечены в средствах жизни и не имеете повода на каждый час думать, что ямы или пиемы, или во что одждемся. У Вас наконец есть и столько потребная иноку взаимная поддержка. Вас двое. Выбросьте из головы погибельную мысль о немирстве, умирите каждый себя и оба — друг друга, и живите со Христом и для Христа. Ужели Вы забыли утешительное слово Господне: ибо же ести два или три, собранныи во имя мое, ту есмь посреде их?

В министерстве и Св. Синоде крепко не любят перемещений. Это я заметил, когда был в Петербурге. Не диво потому, что желание о. Мартирия оставить свое место не понравилось там. Не понравилось, конечно, и Ваше желание. От нас, монахов, все ожидают терпения и безропотного послушания, особенно же, когда занимаемые нами места считаются важными и весьма почетными. Вы, право, не цените своих должностей.

Их ищут теперь люди с полным академическим образованием, даже занимающие профессорские места. Но положим, что Вы, по монашеству, мало льститесь честями и выгодами. Уважьте же тех, которые имели доброе желание доставить Вам честь и выгоду. Так, братия мои! Полно Вам вляяться всяким приходящим помыслом. Ведь вы мужи совершенные, а не дети малые.

О. архимандрит Леонид еще доселе не выехал из России, и я не мог с ним ни говорить, ни видеться. Но, как слышно, он набрал уже к себе всех своих, и рекомендация моя тут ни к чему не послужит.

Чем более поносит и бесчестит меня Агапий, тем мне лучше. Повредить мне он решительно не может. Уповаю же, что безумная вражда его против меня послужит мне во спасение. Я радуюсь, что он нашел себе хоть какой-нибудь угол и кусок хлеба. Может быть когда-нибудь образумится.

О Геннадию кланяюсь до сырой земли. Его Паисий сделан уже архимандритом и настоятельствует церквию в селе Пиргос, Деркской епархии. Пора бы уже и самому старцу быть каким-нибудь депютом.²³¹

Господь с Вами. Ваш усердный доброжелатель и недостойный богомolec Антонин.

Доставитель сего г. Аргиропуло возвратится в Константинополь прежде Пасхи. С ним можно послать сюда весь Акрополь.

Константинополь

27 июня 1862 г.²³²

Отцы преподобнейшие и возлюбленные!

Здравствуйте и спасайтесь. Получил портреты Ваши и благодарю Вас за оные от души. Радуюсь хорошим известиям об Анатолии. Но боюсь, как бы от последнего дождя не случилось с нею снова то же, что уже было много раз.

Завтра ожидаем к себе принца Ольденбургского. Ради сего я спешу отправиться в Буюкдере и не имею времени писать к Вам много.

Прошу поклониться всей Никодимовой братии²³³, равно и патисийскому старцу.

Есмь Ваш неизменный доброжелатель и богомolec и слуга преданный Антонин.

Агапий в Иерусалиме поступил в иезуиты. Подписывается: священник братства Иисусова.

Передайте прилагаемое при сем письмо о. архимандриту Ктене²³⁴.

Константинополь

14 сентября 1862 г.

Преподобнейший и боголюбивейший о. Виссарион!

Благодарю Вас за то, что навещаете меня письмами своими. Я не перестаю думать об Афинах. Все происходящее в них меня весьма занимает, в частности же то, что касается любезного и незабвенного Никодима и Калаганова дома. Часто смотрю на фотографические виды Афин и переносюсь к Вам, переводя в памяти прожитые десять лет, лучшие в моей скитальческой жизни.

Радуюсь, что Вы здоровы и благодушны. Так и надобно монаху жить — за все воздавать хвалу Богу и стараться быть довольным тем, что Он посылает, предоставляя будущность свою на распоряжение божественного промысла. Поверьте, не стоит хлопотать ни из-за чести, ни из-за денег. Главнейшее благо земли есть здоровье. Если с ним соединено безбедное содержание, то человек счастлив. Чаше помышляйте о смерти. Мысль о ней гонит от души половину ненужных забот житейских. Ведь все, решительно все покинешь в могиле и сравниешься и с самими царями, и с последними бедняками! О чем же хлопочет потому человек, а особенно монах?.. Благодушествуйте, отцы, и молитесь.

Не нарадуюсь слухам о поправке Анатолии. Жаль, если и эти капитальные работы не пойдут впрок. Я думаю, что расчистка русла не принесет пользы. С первым сильным дождем его занесет опять камнями. Подрядная цена в самом деле весьма низка. Едва ли потому работа будет добросовестная и постройка прочная. Что говорит о производимых работах мастро-Яни?

Была ли более вода в пещере? Аллея малых кипарисов как идет? Не засохли ли? Что же вы сделаете с воротами? Уж не лучше ли б было обе стены возвесть и соединить мостом, а русло оставить свободным? Тогда было бы два сада, из коих один можно было со временем продать, чтоб увеличить другой?

Антики пришлите. Я посмотрю. Только золотых я ведь не покупаю.

Алексея Михайловича Кумани²³⁵ здесь ждем семнадцатого числа с русским пароходом из Одессы.

К Вам, как пишут из Питера, певчим назначен какой-то кончивший курс в тамошней семинарии. Отчего один едет, а не трое по штату, не знаю.

Скажите Люю спасибо за подарок. Пускай фотограф снимет с него и с Ламбра по портрету небольшому, я заплачу деньги за работу.

Афанасия Яковлевича поздравляю с чином *κὶ εἰ τὰ ἀνώτερα!*...²³⁶ Не отыщет ли он у кого-нибудь в Афинах один экземпляр «Седмицы страстей Христовых»? Весьма бы одолжил, если бы нашел и выслал мне. Простите. Господь с Вами ныне и присно и вовеки.

Антонин.

Поклонитесь почтеннейшему о. Феодориту Ктене. Что он, получил ли прежнее место? Также и другим отцам поклон.

Константинополь
«многая лета» имениннику.
+

25 октября 1862 г.

Преподобнейшие и боголюбивейшие отцы!
Спасайтесь!

Что-то вы подельваете теперь посреди стольких и толиких перемен политических, разразившихся над любезною Грециею. Мы тут не надивимся тому, что делается у Вас. Желал бы я взглянуть на бесцарственные Афины. Опустел сосед наш дворец! Не играет уж верно и музыка по утрам, не катается добрая хозяйка по саду, а вечером барабан не возвещает городу выезд их величеств в прогулку!

До каких дней вы дожили! То-то небожь перепугались в ночь под двенадцатое число! Напишите, пожалуйста, как вы провели смутное время, и как теперь проводите? Здесь тоже три дня — пятницу, субботу и воскресенье минувшие немало было шуму праздничного у греков, но все обошлось благополучно.

Итак поправка Анатолии кончена! Радуюсь этому весьма, καὶ εὐχομαι εἰ πολλαὰ τὰ ἔτη.²³⁷ Как же с воротами-то поступили? Навешали опять двери дощаные или поставили решетки, или оставили совсем открытым все русло? После стольких пакостей, сделанных Анатолии Илиссом, я, признаться, уже мало верю в ее будущность. По очистке русла что случилось с посаженными в нем ивками?

Благодарю Вас за антики, о Виссариион. Простите, что некоторые возвращаю Вам. Птоломеев у меня своих есть четыре. А подделка острова Тасо не имеет цены. Я удержал одну из них — ту, на которой изображены о Κίριος Λιούης, ради курьезу. Более интересны для меня монеты собственно элладские и, в частности, афинские. Помнится мне, Илья Егорович (которому нижайший поклон) говорил, что у Вас есть афинская дидрахма, которой у меня недостает. Я так думал, что Вы пришлете ее мне. А Вы и поскупились! Согласно с объявленною Вами ценою, соблаговолите получить за удержанные мною монеты из посылаемых при сем пятидесяти пяти карбованцев сколько причитается, остальное же количество потрудитесь передать Д.М. Мангелю, отделивши для Люя три целковых за присланный им мне подарок и объявивши ему, чтобы он впредь не трудился присылать мне ничего. Деньги у меня приготовлены были еще тогда, как отправлялся отсюда Ваш новый певец, но мы с ним разошлись в день отправки его, и деньги остались таким образом при мне. Не знаю, ходят ли у Вас рубли наши. Здесь на них вышел запрет. О Ваших же драмах здесь и помину нет. Ухитритесь как-нибудь прислать мне два-три хороших оттиска на сургуче Вашей церковной печати. Мы хотим сделать здесь свою по образцу Вашей.

Простите. Мир Вам, и Господь да будет присно с Вами.

Ваш недостойный богомолец и слуга покорный
Антонин.

Константинополь

26 декабря 1862 г.

Преподобнейшие отцы и во Христе братия!

Мир Вам и радость о Дусе Святе. Поздравляю Вас с праздником и желаю беспечально проводить святые дни, не смущаясь никакими коловратностями мира сего. Много теперь у Вас нового, чего бы и в голову не пришло года два-три назад тому. Зато, чай, жить-то весело! Ежедневно увидишь или услышишь какую-нибудь диковинку. Только уж и не надоела ли постоянная перемена лиц и действий? Ведь хорошего понемножку, говорит наша поговорка.

Итак неблагодарная Анатолия еще раз посмеялась усилиям Вашим спасти ее от конечного разорения! Что же теперь делать с нею? Я решительно не придумаю. Жаль столько трудов наших, но кажется неизбежно проститься с надеждою, чтоб из них вышло что-нибудь путное. Сколько и как бы ни строили стен и загородей в русле реки, рано или поздно их непременно разнесет. Признаюсь, я никак не ожидал таких неудач, когда хлопотал о приобретении сада для церкви. Все мне говорили, что первое разрушение его произошло от огромного скопления воды в дукесинном саду при постройке моста. А дело-то видно было иначе. Сад размыла просто дождевая вода. На столько потраченных напрасно денег можно бы было прикупить, огородить и засадить всю площадь, что позади домика, до другого ручья. Земля продавалась по пятьдесят лепт пиха. А теперь, когда нет ни денег, ни надежды защитить сад от новой беды, что остается делать? Решительно не придумаю.

От старых монет я никогда непрочь, только вот беда-то какая — денег у меня стало совсем мало. При том же я все еще не оставляю мысли съездить летом в свою Сибирь для свидания с престарелыми родителями. Где же взять средств для совершения такого дальнего пути? В крайней бережливости и в заеме с процентами денег у немилосердых банкиров. Вот почему я думаю удержаться до осени от всяких растрачений нужной копейки. А там, по возвращении из поездки, что Бог даст.

Снимок на сургуче церковной печати никодимовской я получил в трех экземплярах. К сожалению слепки не совсем удачные вышли у Вас. Сургуч был слишком горячий, когда вы печатали.

Как поживает патиссийский старец (которому смиренно кланяюсь) в своей епархии? Умирились ли дела между его церковью и прихожанами Св. Луки? А сосед Ваш, Королевский сад, как себе живет-может? Смотрит ли кто за ним? Михайлу Мироновичу кланяюсь и благодарю за добрую память. Пусть он скажет страстотерпцу Филиппу, что никакой церкви мы здесь не строим, ибо и негде, и не на что строить.

Желаю счастливого нового года и нового здоровья.

Ваш недостойный богомолец

Антонин.

1863 г.²³⁸

Здравствуйте и спасайтесь, боголюбивый отче!

Желаю и Вам в Новый Год возможного земного благополучия и приумножения терпения, содевающего искусство, в котором заключается непосрамляющее упование. Что Вам все хочется бежать с своего места, которое так хорошо приспособлено к какому хотите подвигу? Я боюсь, чтобы Вы когда-нибудь не пожалели, что искали оставить Афины и тихого Никодима. Впрочем сами возраст имате...

Благодарю за портретец. Но я ожидал, что Вы пришлете мне с почтеннейшим о. Варлаамом мою фотографическую машину, что находится на руках у фотографа, которую я спрашивал у него, и которую он приготовил к отправке, ожидая только благоприятного для того случая. А что лучше случая, каковой представлял для того поезд сюда Петра Гавриловича? Очень жаль, что Вы не воспользовались им. Теперь другого подобного не скоро дожدهшься.

Прехвальные антики Ваши Вы напрасно также не прислали сюда с о. Варлаамом для прогляда. Их бы не убыло во всяком случае. А несомненно, что я, увлекшись, приобрел бы их. Посылаю Вам при сем две лиры султанские. Отсчитайте на них столько антик (медных), сколько найдете достойным, и пришлите мне. О случаях к тому можно осведомляться у г. портъера или у Ильи Егоровича. Машину же мог бы г. фотограф переслать и с французским или другим, каким угодно, пароходом. Не многого будет стоить пересылка.

Ни посылки, ни писем в Россию здешняя почта бесплатно не принимает. Письмо Ваше к г. Скуридину я отправляю сегодня. Другое письмо Ваше в Старый Оскол могло бы совершенно пропасть, если бы не попало случайно в мои руки. Вперед не посылайте писем через Константинополь, а через Триест, если есть возможность.

В Иерусалим я теперь вовсе не думаю ехать. Да и в Россию-то еще не знаю, как придется. Если министерство не оставит за мною полного оклада жалованья за все время моего отсутствия, я не могу двинуться отсюда.

Третью лиру передайте в собственность Ламбры, Люя, Михаила Миرونвича и Николы. Пусть они разделят ее и выпьют ризицину, пожелав мне и себе доброго новолетия.

Мир Вам и недостойное благословение.

Антонин.

Афанасию Яковлевичу приношу благодарность за «Седмицу» и за хлопоты о поиске греческих газет. Последние я нашел здесь, вследствие сего он может не беспокоиться более насчет их.

На досуге перепишите для меня из сущих у Афанасия Яковлевича тетрадок нотных погребальное «непорочнии в путь» — все три статьи.

Потрудитесь передать по принадлежности посылаемые с о. Варлаамом мною письма, книги и пр.

Антонин.

А Ламбру скажите, что в шубах в Афинах жарко ходить. Он же такой толстый...

Константинополь

7 марта 1863 г.

Преподобнейший отче!

Письмо Ваше от девятнадцатого февраля пришло в Константинополь только в прошедший понедельник (четвертого марта), а потому извините, что запоздал с ответом. Да и что отвечать Вам, право, не знаю. Вы, привыкшие странствовать, не любите сидеть на одном месте. Держать Вас где бы то ни было силою было бы смешно и несподручно. Вам ведь уже известно, как я смотрю на святогорское так называемое немирничание. Доброму иноку придет в голову мысль, что у него нет в душе мира. Вместо того, чтобы отогнать от себя искушение, постаравшись урезонить себя, что мир так же можно приобретать и водворять в себе, как все другое на свете, что можно терпением и размышлением так сказать привязать его к себе навеки, малодушный брат впадает в уныние и чем более думает о немирничании, тем более немирствует. Так и вы, отцы любезные, сидя в келье, ежедневно помышляете о том, как бы бежать из нее, невесть куда. Забыли Вы примеры великих иноков египетских, из коих один, смущаемый помыслом бегства, лег поперек порога своей кельи, высунув ноги на улицу, и говорил: «идите же, когда Вам непременно хочется, а я не пойду», а другой, насыпав свою сумку песком, ходил несколько дней кругом своей кельи, томя смущаемое помыслом тело, пока не возжелал мирного покоя своего затишного приюта.

Не могу я быть советником в Вашем деле. Прибытие Ваше в Афины я счел указанием Божиим в судьбе Вашей, и потому дерзнул взять на себя распоряжение ею. Теперь же — другие дела, ибо — другие обстоятельства. Теперь вы уже не беспаспортные скитальцы, а признанные Св. Синодом иноки и состоите на государственной службе. Рассуждайте поэтому сами и распоряжайтесь судьбою своею, как знаете.

Отпуск брать трудно. Министерство с неохотою занимается подобными делами. Да и жалованье отправляющемуся в отпуск прекращается. Попытайтесь, и увидите, что легче совсем уволиться, нежели получить отпуск. В Иерусалиме вы также не останетесь ни навсегда, ни надолго. В этом я уверен. Потому во всяком случае я думаю, лучше бы уж Вам не разлучаться, а ехать куда-нибудь опять вместе, если уже неизбежно ехать.

Антики я получил исправно. Они точно не худы. Таких я, пожалуй, еще бы прикупил. Хотелось бы также иметь Оттоновы талер, драхму и полдрахмы. А также если бы попались две-три древние драхмы афинские (и вообще мелкое серебро афинское древних времен). За присылку машины весьма Вам благодарен. При случае доставьте и ноги. Желая Вам непостыдно совершить течение поста.

Ваш преданный слуга и богомолец
Антонин.

Также и Ивану Стефановичу передайте нижайший поклон и благодарность за память. Итак бедная Анатолия обрекается на вечное запустение!..

Поклонитесь от меня почтеннейшему о. Варлааму и добрейшему Петру Гавриловичу, которого весьма благодарю за сведения и за портретец.

Константинополь

10 апреля 1863 г.

Преподобнейший о. Виссарион!
Христос воскрес!

И письмо Ваше, и древние монеты, и треножник, и все прочее получил я исправно. Благодарю Вас за присылку их.

Завтра с Божиею помощью отправляюсь в Россию. Теперь погружен в страшные хлопоты и едва имею время написать Вам эти пять-шесть строк.

Напрасно Вы не написали, чего стоят присланные Вами монеты. Теперь я право не знаю, как и поступить тут. Решился послать Вам двадцать карповолов. Возьмите из них столько, сколько придется за монеты. Затем шесть драхм отдайте фотографу, согласно с его счетом. Что останется за всем сим, передайте Мимику²³⁹ — на книги и рубахи, и прочие потребности.

И простите!

Помолитесь у Св. Никодима о моем благополучном пути и попросите молитв обо мне у доброго, любезного и почтенного о. Феодорита Ктены.

Поклонитесь и о. Геннадию, и всем знакомым.

Мир Вам.

Ваш недостойный богомолец
Антонин.

Если случится какая-нибудь экстренная нужда во мне, напишите ко мне в Петербург в Александро-Невскую Лавру. Там я верно пробуду до половины мая или и несколько и более.

Константинополь

17 ноября 1863 г.

Преподобнейшие и во Христе возлюбленные отцы всечестные!
Мир Вам.

Как вы поживаете и что поделяваете? Давно уже я не слышал приветного голоса Вашего. Выбывши из Константинополя весною, я возвратился сюда только в прошлом месяце. Наездился и находился по матушке родной земле досыта. Равно и насмотрелся на своих присных настолько, чтобы теперь только сидеть да благодарить Бога. Весь долгий путь мой обстоял благополучно. Гостил недели по три в Петербурге и Москве. Остальное же время все провел то в гостье дома, то в дороге. Вперед ехал через Европу Дунаем на Вену, где встретился с нашим о. Мелетием, посещавшим тамошний университет и наострившимся по-немецки так, что оставалось дивиться. Больше во всем пути моем не встретил никого, кто бы Вам был знаком, исключая разве бывшего нашего иеродиакона о. Анфима, оканчивавшего тогда курс в санкт-петербургской академии, уже иеромонаха, с которым вместе мы и служили на Вознесение в академической церкви.

По возвращении я узнал, что здесь у меня был афонский гость. Жаль, что не случилось увидаться. Хотелось бы мне отплатить Вам визит этот, но как и когда это будет и будет ли, Господь весть. После такого долговременного отпуска мне теперь и думать нельзя о новых разъездах. А поистине желалось бы еще раз взглянуть на Афины и на Никодима и дохнуть чистейшим воздухом окрестных гор. Как Вы, право, счастливы, что имеете возможность ежедневно гулять по полям! Для меня прошло это блаженное время невозвратно.

Что сделалось с Анатолией? Жорж говорит, что она снова поправлена. Если это правда, то радостям моим конца нет. Я весьма жалел о ее бедствиях, стоивших мне много труда, горя и денег.

Приносят ли Вам еще старые монеты? У меня опять появляется охота собирать их. Доселе приобретенные почти все (за немногим исключением) отправлены по весне в Россию в дар нашим духовным академиям. По преимуществу меня занимает мелкое старое серебро афинское, как то драхмы, полдрахмы и оволы²⁴⁰.

Уж не раз я Вас спрашивал: жив ли мой треножник из-под телескопа? Если, паче чаяния, он доселе еще не пошел на дрова, то обяжите, сделайте милость, перешлите его ко мне, завернувши в солому, с каким-нибудь пароходом, а еще лучше, если бы его доставил мне какой-нибудь попутчик. Пересылка с хлопотами — на мой счет.

Продолжается ли у Вас утро-вечерняя ежедневная служба в церкви? Посещал ли нашу церковь новый король? Звонил ли ему наш Никодим при его въезде в столицу? Нет ли каких новостей вообще, относящихся к нашей церкви? Хотелось бы достать надгробное слово Питтаки.

Почтеннейшему Афанасию Яковлевичу с супругою свидетельствую почтение и поклон, а у о. Геннадия патиссийского прошу святых молитв. Как-то поживает любезный старец с своею Св. Зоною? Поклон и всем прочим, иже в дому суть.

Не оставляйте в молитвах Ваших
Антонина.

PS. 26 ноября 1863 г.

Получил письмо Ваше, почтеннейший о. Виссарион, и весьма Вам за оное благодарен. Вижу из него, что Вы все не оставляете намерения уйти из Афин. Что это за нелюбовь у людей к Греции, о которой я постоянно помышляю с сочувствием и жалением? Зная Ваше желание выбыть из Афин, я все поджидал будущего нашего архимандрита иерусалимского о. Леонида, чтобы рекомендовать ему Вас (если можно и обоих) в иеродиаконь к тамошней нашей церкви. К сожалению слышу теперь, что он, в Петербурге живя, набирает для своей Миссии сам много своих людей. И вероятно приедет в Иерусалим уже с полным подбором иноков.

Итак Анатолия поправлена только с одного конца? Жаль сердечную, а помочь нечем.

Еще раз — простите.
Антонин.

Константинополь

4 декабря 1863 г.

Преподобнейший отче! Спасайтесь!

Разошлись мы с Вами письмами и посылками. Я ведь давно уже готов был явиться с своим рукописанием в Афины, да все меня задерживал о. Иеремия, уже целый месяц еженедельно отправлявшийся в Афины и все еще привитающий в Царе-граде. Полагаю, что завтра его святыня верно уже выедет к Вам, и да возрадуется сердце Ламброво!

Благодарю Вас за присылку древних монет. Из них я медные все оставил за собою. А серебряных не мог взять всех, потому что некоторые из них находятся в десяти и более экземплярах (например, коринфские или сикионские драхмы, динарии Домициана и др.) и для меня оказываются совершенно излишними. Я воспользовался Вашим позволением делать из них выбор и взял себе двенадцать с тринадцатою крошечною. А из девяти больших ни одна мне особенно не приглянулась.

За приобретенные мною монеты я заплатил подателю письма Вашего (через Димитрия Г. Кумани) три турецких червонца, составляющие по Вашему курсу, если не ошибаюсь, семьдесят пять драхм. Пятьдесят драхм — за медные монеты, двадцать четыре драхмы за двенадцать серебряных и одну драхму за малютку, которая пусть за это не прогневается.

Засим прощайте и благополучно поживайте. Иду к всенощной. Завтра служим по одному усопшему. О. Мартирию кланяюсь. Что-то он совсем замолк? Ваш покорнейший слуга Антонин.

Посылаемые при сем книги потрудитесь передать г. доктору А. Зографу.

Пера

1 июня 1864 г.

Преподобнейший и любезнейший о. Виссарион!
Здравствуйте и спасайтесь!

Едва мы тут дождались своего далекозалежного странника. Зато и наговорились с ним досыта о любезных Афинах. Рассказ его о своей гостьбе под кровом столько памятного дома исполнил меня истинной радости. Точно я сам побывал на своем староселье. Счастливец о. Гавриил! Он даже отслужил (и не раз) в возлюбленном, паче всех селений Иаковлих, Никодиме, над которым да будет присное благоволение Божие, в утешение его старого служителя!

Нуте-с? Вот проехали и оба начальника нашей Духовной Миссии в Иерусалиме, бывший и настоящий. С последним я говорил и о Вас, отцы преподобнейшие. К сожалению он столько взял с собою из России народа, что теперь при нем нет решительно никакого места. А иметь-то при себе Вас, добрых монахов, он и очень бы непрочь. Он сам — оптинский монах и желает, чтобы при нем были тоже монахи. Теперь ему предстоит еще разделаться с прежним клиром иерусалимским, из которого едва ли кто останется на месте. Диаконом при нем прежний Арсений из петербургской академии. Иеромонахи также новые. А о. Вениамин поступит за штат, если захочет оставаться в Иерусалиме. О. архимандрит отъезжая сказал, что он непременно будет иметь Вас в виду.

Что-то Ваша поездка, о. Виссарион, пошла в долгий ящик? Ведь вот уже и июнь настал. Жаль, что Вам не пришло прежде на мысль прямо просить в своей миссии увольнения на двадцать девять дней и потом, живя дома, просрочить (по болезни) еще месяца два. Так и я сделал. В Петербурге мне сказали, что увольнение на четыре месяца дается только с высочайшего разрешения, а такое дело весьма трудно. Нельзя ли еще теперь поступить Вам таким образом? Попросите добрейшего князя своего, во уважение преполовляющего уже лета, пустить Вас с обыкновенным паспортом двадцатидевятидневным. Не сомневайтесь, что никто не будет осведомляться потом, сколько времени Вы действительно провели в отпуску. Попытайтесь-ка умолить свое снисходительное начальство.

Весьма Вам благодарен за старые монеты. От медных я никогда не откажусь. Для серебряных же и золотых опустевший во дни минувшей поездки карман мой неудобь открывается. Благодарю за присылку фото-

графических рамок. Жаль, что не прислали ящика. Несмотря на его невзрачность, он мне нужен — по той причине, что как раз приспособлен к машине. Не преминьте захватить его с собою, когда поедете, а то и прежде найдите случай переслать.

Прошу святых молитв Ваших.

Господь да будет с Вами!

Картинки сии уже наклейте сами. Одну из них передайте о Мартирию.

Ваш недостойный богомолец

Антонин.

Живем все мы уже в Буюкдере с двадцатого мая.

Июнь 1864 г.²⁴¹

Дорогие мои и любезные отцы святые!

Благодарю Вас за дружеское письмо Ваше, летевшее, не вем какими судьбами, от Афин до Константинополя целый месяц. Радуюсь, что вы здоровы, благополучно и благодушно проходите службу свою Богу и отечеству. Не унывайте, пожалуйста, стойте и крепитесь! Ведь не перед кем другим, как только перед Господом Иисусом Христом стоите. Умоляю Вас оставить святогорские мысли о немирности как бы чем-то непреодолимым и не от нас зависящем. Тот, у кого постоянно перед умственными очами видится Господь — его ценитель и судия и воздаятель, а из памяти никогда не выходит гроб, не имеет причин быть немирным. Чем ему смущаться? Он служит Богу, а не людям. Люди для него должны быть все равны — ни добры, ни худы, ни ласковы, ни строги, а просто — братья и сослужители пред Богом. Поверьте, все люди и хороши, и худы. Смотрите равнодушно и на доброту их, и на худость их. До тех пор, пока другой не мешает Вам исполнять Ваши святые обеты пред Богом, с ним непременно можно ужиться и даже поладить. Хорошо мы жили вместе, но ужели из того, что теперь не вместе, следует жить худо? Нет. Мне тоже прискорбно, что я один себе теперь читаю ежедневную службу, но разве мы прежде друг для друга правили ее? Разве служили себе, а не Богу? А Бог и теперь — все тот же, повсюду с нами. Но Вам, по-видимому, приходит на мысль: доколе же жить в Афинах? И что вы там выслужите. Вопросы эти, отцы мои, принадлежат миру, а не нам, монахам. Не набивайтесь на высшие места и звания. Есть всему свой черед. Агапий хотел согнать меня и быть архимандритом. Блудная гордость ввела его в неискусен ум творити неподобная... Имейте мне веру, смешно и богопротивно искать того, что Господь даст как награду своим рабам благим и верным. Но вы скажете, что не из желания чего-нибудь высшего вы рветесь из Афин, а потому, что, будучи монахами, хотите жить в монастыре. Я верю и не сомневаюсь нисколько, что

вы достаточно заправлены духом иноческим на Святой Горе, чтобы носить с собой монастырь повсюду, где бы вы ни были. Держитесь один за другого и оба вместе — за Господа-помощника и не смущайтесь ничем. Рассмотрите с самым строгим вниманием, что Вас побуждает переменить место, и спросите свою совесть иноческую, одобрит ли она Ваше бегство с места, которого вы искали как чести себе и на котором еще не успели высказать Господу всю полноту глубоко благодарного сердца.

Так я думаю. Вы, думающие по-видимому иначе, имеете ли впереди себя какую-нибудь определенную цель? Куда вы желаете переместиться из Афин? Напишите мне о Ваших намерениях. В России, конечно, много места, но спокойствие также не везде есть, и даже с большим трудом сыскивается. Не хотите ли опять на Святую Гору? Там, конечно, Вас примут с охотой, но в другой раз уж едва ли выпустят из рук. Во всяком случае, прежде, чем решитесь подавать прошение об увольнении, известите меня о своих намерениях.

Что делаете с садом? Напишите подробно, что от него уцелело. Осталась ли пристройка, что за воротами? Уцелела ли стенка, что идет вдоль пещер? Что бы вы сделали с ста рублями, если бы оные упали Вам с неба? И можно ли поручиться, что сии сто не пойдут вослед десяти тысячам драхм? Я уже спрашивал обо всем этом Михаила Мангеля, но он не соблагоизволил ответить мне.

Посажены ли кипарисы кругом колокольни? Не завял ли финик? Ездите ли вы по-прежнему в горы по монастырям? Куда поедете на лето? Что поделывает добрейший Василий Григорьевич²⁴²? Жив ли Мелидонис?²⁴³ Не прильпнул ли язык к гортани у О. Геннадия? Когда, как и отчего скончался о Λεων?²⁴⁴ А мой Азор уже лает в Одессе у своих Афендииков. Что поделывает Луй?

Вот сколько вопросов, на которые Вам придется отвечать.

Поздравляю с днем ангела о. Виссариона. Чуть удосужусь, начну печатать афинские фотографии и пришлю Вам от всех по единому экземпляру.

Ваш покорнейший слуга и недостойный богомолец

Антонин.

Константинополь

28 декабря 1864 г.

Преподобнейший и во Христе Господе возлюбленнейший о. Виссарион.
С Новым годом.

Душевно радуюсь, что Вы благополучно совершили свое желанное путешествие, подобру-поздорову возвратились к своему месту и с любовью встретили свои любезные Афины. То-то повидали свету Божьего! Даже на Европу взглянули. Как-то Вы по ней проехали с одним знанием русского и греческого языка? Небось немало встречалось и затруднений на станциях и в гостиницах. Меня так по Германии руководил о. Мелетий, наострившийся хоть куда по-немецки и по-всячески говорить. Вот Вы повидались с

ним в Петербурге. Каким же он Вам там показался? Доволен ли Россией и академией? Мне так не написал ни одной строчки из Петербурга. Долго я совсем и не знал, что с ним сделалось. Этаким злой! Не сказал ли он Вам, куда поступил на должность о. Анфим (бывший наш афинский). О Калисперо же я ничего подобного не слышал и как бы сомневаюсь в справедливости того, что сообщает о нем в Афины о. Мелетий.

Спасибо Вам великое за доставление рукописи в киевскую академию и за известие о том. О получении посылки оттуда никто до сих пор не позаботился уведомить меня. Видно уже дел слишком много у людей тамошних. Спасибо и за вести о житье-бытье одесского учителя. Я недавно послал ему порядочный инструмент для упражнения в музыке. Только не знаю, дошел ли он по назначению. Не так давно мне возвратили одно из адресованных к нему отсюда писем с заметкою, что его не нашли в Одессе по данному адресу, а адрес он сам же сообщил мне.

Ну что же? Теперь после поездки домой успокоился ли дух Ваш, и находите ли, что в тихой и мирной жизни афинской есть много привлекательного и даже такого, чего поискать и в России? Я по крайней мере с своей стороны всячески желаю, чтобы прикрепили к Афинам и даже поседели в них. То же самое желать надобно и для о. Мартирия. Где тепло и сытно, да притом же и привольно да еще и почетно, там нужно ухватиться обеими руками за место. Особенно же это рекомендуется нам, монахам, для которых отечество и родина весь мир Божий.

Вздыхаю я вместе с Вами над участию Анатолии. Видно, неблагословенное Богом место. Сколько погибло в ней трудов и денег! Вот за нее, пожалуй, можно сделать мне упрек, яко человеку, презревшему указания многолетнего опыта. А то почтеннейший Афанасий Яковлевич ставит мне в вину, что я будто бы убил на открытие церковных подземелий девять тысяч драм, чем и навлек на прекрасную церковь Вашу неизбежную в будущем гибель от сырости, точно сырости бы не было в подземельях, если бы они не были открыты. А ты, человек Божий, трудивыйся толико над возобновлением церкви, взял бы лучше да настоял, перед кем следует, о вычерпании воды через сделанные нарочно для того отверстия.

Что осталось от Анатолии? Ужели все четыре стены снесло? А дом? А пещера с площадкою? А ***²⁴⁵? Бываете ли Вы когда-нибудь там? Живет ли еще какой-нибудь страж? Жаль. Жаль!

Видели ль Вы своего знакомого старого, Ивана Алексеевича? Где теперь о. Прокопий? На Афоне все обстоит благополучно. У нас здесь тоже. Мы все живем по-старому. Снегу еще не видали. Погода дождливая. Впрочем двадцать пятого и двадцать шестого числа было чудесное ведро.

Простите. Господь с Вами!

Ваш преданный слуга

Антонин.

Из лиры сей дайте на Новый год по шесть драхм Ламбру, Люю, Николе и Мелидону. Что затем останется, всяко принадлежит тому же Ламбру, ὡς ἀρχηγῷ τῆς πάσης κατωμεριᾶς.²⁴⁶

Константинополь

24 января 1865 г.

Преподобнейший отче!

Поздравляю Вас с Новым годом. Счастливо Вам жить да живота наживать.

По желанию Вашему спешу ответить Вам на последнее письмо Ваше, хотя решительно не знаю, что сказать Вам относительно различных предположений Ваших. Вы же сами уверены, что о. архимандрит Ваш не согласится, чтобы кто-нибудь из Вас занял иеродиаконское при нем место. А его согласие или несогласие в этом деле имеет, конечно, значительную важность. Кроме того, если бы Вас не было двое, легче было решить дело. Ибо достаточно было бы, чтобы посланник предъявил перед Св. Синодом желание иметь своего певчего иеродиаконом. Теперь же, когда Вас двое, и оба с одинаковыми правами на высшее место, как поступить должна миссия? Предпочсть одного из Вас другому значило бы с ее стороны обидеть которого-нибудь из Вас и, кроме того, поселить между Вами неудовольствие и раздор, ибо и вы, несмотря на Ваш ангельский образ, люди есте. Итак, что же Вам делать. Право, не знаю и не придумаю — что. Подайте совокупное прошение посланнику, прописавши в нем, что просите одного из Вас определить на упразднившееся место иеродиакона посольской церкви — того, кого высшее начальство изберет по своему благоусмотрению. Правда, что подобное прошение будет в своем роде немалый курьез и, пожалуй, возбудит смех, но может быть что-нибудь и выйдет из него. Искать же одному которому-нибудь из Вас места тайными путями не советую. Для Вас всего дороже должно быть соединяющее Вас братское чувство.

Теперь насчет предположения Вашего быть при церкви одному иеромонаху, а другому иеродиаконом, оставаясь на вакансии псаломщиков, скажу Вам, что это несбыточное дело, несмотря на то, что о. Порфирий находил его возможным. Подобное обстоятельство могло б быть только в каком-нибудь монастыре, да разве еще в Иерусалимской миссии, а при посольских церквях, состоящих в ведомстве министерства иностранных дел, трудно думать, чтобы оно состоялось, даже при самой усиленной рекомендации, а Ваш о. настоятель согласится ли хлопотать за Вас, да и просто — потерпит ли, чтобы при нем был иеромонах? Я думаю, что о подобном предположении не стоит и думать.

Племяннику покойного о. Геннадия скажите, что он напрасно обращается ко мне с письмами и требует моих советов и ответов. С какой стати я буду мешаться в чужие дела и притом еще дела — родственников, грызущихся между собою?

Злой о. Мелетий совершенно напрасно прогневался на меня. Я выехал из Петербурга только тогда, когда получил торжественное заверение князя Урусова, что его вызовут из Берлина в петербургскую академию, по оставленному мною адресу. Отчего потом забыли о нем, это уже не мое дело.

Димитрия Михайловича уведомяте, что письмо его и ящик с старыми монетами получены мною двадцать второго числа.

И у нас тоже стоит тепло. Снегу до сих пор еще не видали.

Афанасию Яковлевичу (с поклоном) скажите, что церковный Пролог действительно мною был выдан кому-то (г. Персияни, Неклюдову, Вальянову, Озерову — теперь уже не припомню), и если его нет у Вас налицо, то я повинен возвратить его церковной библиотеке.

Прошу святых молитв Ваших.

Антонин.

Константинополь

14 апреля 1865 г.

Преподобнейший отче!

Христос воскрес!

Благодарю Вас за неоставление памяти и письмами. Радуюсь, что Вы здоровы и благодушны. Теперь, повидавшись с родными и насмотревшись на родные места, Вам можно жить спокойно, по мере сил и по размерам должности служа Господу Богу. Я тоже после свидания со всем, что дорого сердцу, как будто крепче прежнего осел на своем месте. За все, что посылает Господь в утешение наше, надобно быть довольным. Насмотрелся я на дорогие образы родивших меня и простился с ними, зная, что в последний раз видел их. То, что казалось тогда неизбежным, вот начинает превращаться в действительность, и увы! самую печальную. С нового года вдруг повеял ветер смерти на любезнейший дом отчий. Тринадцатого февраля скончался брат мой, священник Николай, занимавший уже лет восемь батюшкино место. Был в полном расцвете лет. После него осталось в дому еще пять человек недужных, коих большею частию он один и поддерживал, так как знал немного медицину. Молодая вдова страдает чахоткою. Один из малых сирот не лучше ее. Родитель мой почти всю зиму лежал в постеле. Матушка не много была лучше его. Одним словом дом: стал больницею. Нечего было ожидать впереди хорошего. И точно, в Лазареву субботу я получил горестную телеграмму о кончине любезнейшего родителя...

Теперь нахожусь в большом горе. Потеря батюшки невознаградима для меня ничем на земле сей. Помолитесь у престола Живоначальной Троицы о покое в Бозе почившего. Он очень был занят некогда церковию Вашею и любил ее, как свою собственную, выстроенную его сорокалетними трудами.

Имя его Иоанн, а братцево, как я уже сказал выше, Николай. Горько расставаться с радостями, да нечего делать! Придет расстаться и со всем миром.

В нашей Иерусалимской миссии дела пошли, как говорят, навыворот. Предстоит одно из двух, или о. архимандрит тамошний оставит свое место, или все его сослуживцы возвратятся в Россию, и будет произведен набор новых. Предположивши последнее, я желал бы знать, какие Ваши мысли об Иерусалиме (т.е. вместе и о. Мартирия)? Предпочитаете ли вы его Афинам, имея в виду те же самые певческие места, с надеждою может быть производства на высшую степень иеродиаконства, так как в Иерусалиме это дело возможное, а в Афинах, как видно, невозможное, или по крайней мере весьма маловероятное, и — даже может быть — на степень священства, так как там есть две вакансии иеромонашеские, легко открывающиеся и закрывающиеся. Рассуждая об этом, не опускайте впрочем из виду и того, что, оставляя Афины, вы выйдете уже из ведомства министерства иностранных дел и поступите как бы на частную службу, и кроме того больше, чем теперь, будете зависеть от личности своего будущего начальника.

Недоброй памяти о. Агапий чудотворит в Америке. Начинает теперь подбиваться к нашему Св. Синоду, не думая, вероятно, вовсе о том, что он лишен последним своего священного сана (иеродиаконского). Любопытно бы мне узнать, точно ли митрополит Афинский и Синод Элладский благословили его ехать в Америку и даже снабдили *για τὰ συστατικὰ ὑράγματα*?²⁴⁷ Также любопытно знать и то, служил ли он когда-нибудь в пределах Греции как священник (например в Пендельском монастыре?).

В каком положении теперь находятся церковные подземелья? Ушла ли из них вода?

Поклонитесь от меня Афанасию Яковлевичу и Ламбро—Люю.

Николе скажите пожалуйста, что я, к великому моему сожалению, ни с которой стороны не могу помочь ему. Не знаком я здесь ни с кем, чтобы мочь кому-нибудь рекомендовать его дело, а сам лично не в состоянии оказать ему значительную помощь.

Прошу святых молитв Ваших.

Ваш покорнейший слуга и богомолец недостойный
Антонин.

Ужели о. Феодорит (Ктена) доселе не сделан архиереем?

Константинополь

16 августа 1865 г.

Преподобнейшие и любезнейшие отцы!

Благодарю Вас за добрые письма Ваши и еще раз — за минувшее гостеприимство. Знаю, что ввели мы Вас таки в немалый убыток и поистожили

Ваши и без того не туго набитые кошель, да как же было быть-то? Друг друга тяготы носите, сказано в Божественном Писании, и тако исполните закон Христов, что вы и сделали.

По Вашему поручению, о Виссарион, я послал в минувший вторник в Одессу семьдесят рублей денег. Пятьдесят из них в Старый Оскол и двадцать — в Белгород. Не нашлось пятирублевой бумажки, чтобы послать сестре Вашей двадцать пять рублей, за что и извините. Еще не получил почтовых квитанций и потому не могу представить Вам счета всех истраченных на предмет сей денег.

Опоздали Вы с своим наказом не покупать музыкального ящика. Он куплен (за двести восемьдесят пиастров) и отправлен к Вам с о. Аполлосом. Прошу не прогневаться за то, что поусердствовал исполнить и устно и письменно переданные мне Вами желания Ваши.

Поспрошу еще охотников до старых монет. Может быть за радужную бумажку и можно будет сбыть их какому-нибудь русачку. Мне же самому уввы! купить их решительно не на что. В отсутствие мое тут Бог весть какими судьбами случилось одно пакостное обстоятельство, которое будет стоить мне целого десятка радужек... И не спрашивайте! Ну его совсем!

Спросите у доброго Иосифа, как называется белое сладкое вино, что мы пили за столом у о. архимандрита, где его доставать можно и почем?

Писал три раза уже... Будем ждать. В начале сентября уезжаю на время в Иерусалим. Письма всякого рода будут пересылать мне отсюда туда. Ни портрет, ни письмо Ваши не застали уже здесь о. Акакия. Димитрию Михайловичу с родными поклон. Сестра его жива. Холера было точила на нее зубы, да муж заступился. Простите. Поклонитесь Афанасию Яковлевичу²⁴⁸ с супругою и всему дому Вашему.

Антонин.

Не забудьте про старую надпись на полу церкви бывшего монастыря св. Иоанна, что прямо против дома Вашего на горе. Я просил Вас побывать там когда-нибудь хоть с Димитрием Мангелем и списать *πανομοιότυπο*-вскую²⁴⁹ надпись. Нужно отчистить сперва от навоза плитку мраморную, на которой она написана. Отыскать же самую плитку легко. Она почти на самой середине церкви.

Иерусалим

7 октября 1865 г.

Преподобнейшие и любезнейшие мои отцы!

С прошлою почтою получил я из Константинополя благую весточку о том, что ходатайство мое о Вас перед Св. Синодом и министерством получило желанный конец, и что отцу Виссариону досталось константинопольское

иеродиаконское, а о. Мартирию вероятно придется ехать сюда в Иерусалим. Поздравляю Вас от всего сердца с успехом дела Вашего. Радуюсь и за Вас, и за себя, и за то место, которое Вы, без сомнения, украсите своею добродетельною жизнью. На первых порах прошу Вас, дайте клятвенное слово служить Господу Богу до конца жизни на том месте, на котором вы поставляетесь промыслом, от Него одного ожидая перемены своей службы и навеки отрехшись от пагубной мысли о немирствии, как о чем-то независимо от воли человека приходящем в душу и овладевающим ею. Немирство Ваше значит не смотреть за собою, опуститься совсем, отдаться в волю всякой похоти и прихоти. Немирствование выдуманно на Святой Горе тем неутомимым работником, у которого, по одному видению, на хребте спинном не осталось ни одного волоса от переноски немирствующих с Афона в мир. Вот что. Итак, да не услышится веками от Вас, добрых иноков, желания уйти с своего места, какое бы оно ни было, — отселе и вперед. На этом порешим.

В представлении моем о Вас я писал, что рукоположение Ваше в иеродиакона может быть совершено в Константинополе. Вероятно так оно и будет, по крайней мере относительно о. Виссариона. Жаль, что это должно случиться в мое отсутствие. Отца же Мартирия, конечно, посланник отправит сюда за рукоположением. Пусть будет то, что должно быть.

Я Вас, помню, извещал о том, что отправляюсь вскорости в Иерусалим. Действительно отправился первого числа сентября на австрийском пароходе и прибыл сюда одиннадцатого числа того же месяца. Переезд совершен был благополучно. Даже карантинных остановок нигде нам не встретилось. Прибыл сюда как раз к началу Божьей кары холеры, только что отбывши таковую же в Царе-граде. Что делать! Видно уже так суждено проводить дни жизни своей в страхе. До сих пор все как будто болезнь шла здесь усиливаясь. Теперь умирает от восьми до двенадцати человек в день. Наши постройки от лютой немочи доселе Бог хранил. По причине той же холеры поклонников у нас теперь почти совсем нет, и огромные здания пустуют. Ах, отцы, как хорошо теперь Миссии нашей жить в Иерусалиме! Совершенно отдельный русский мир, затишье и довольство примерные. Уповаю, что отселе общий мир надолго не будет нарушен здесь ничем... Радуюсь наперед за о. Мартирия. Не теряю надежды, что тут устроится может быть вскоре нечто вроде полной иноческой обители. На места Ваши уже подали прошение отсюда двое певчих — оба окончившие семинарский курс учения — бас и тенор. Один из них знает музыку, как свои пять пальцев, ибо был несколько лет в хоре варшавского архиерея. Порадуйте этим почтеннейшего Афанасия Яковлевича (ему же поклон со всем домом).

Конечно Вам дадут на переезд из Афин к месту нового назначения Вашего какие-нибудь подъемные и прогонные деньги. Если же встретите отказ в том по каким-нибудь обстоятельствам, перенесите это великодушно. Бог милостив. На новой должности своей не умрете с голоду.

NB. Здесь, впрочем, меньший оклад жалованья против константинопольского. Что делать! Совершенного равенства нигде на свете нет.

Простите. Господь с Вами.

Ваш покорнейший слуга и недостойный богомолец

Антонин.

О. Виссарион, дайте из должных мне денег старому Мангелю двести драхм. Остальные же, сколько причтется, передайте госпоже Вальяновой. И будем квиты.

Ответьте мне немедленно о положении дел Ваших прямо в Иерусалим с австрийскою или французскою почтою. Да захватите, пожалуйста, с собою в Константинополь телескопный треножник.

Иерусалим

9 декабря 1865 г.

Преподобнейшие и любезнейшие отцы мои.

Не получая ниоткуда никакого известия о деле Вашем, ищу хотя беседу с Вами утешить себя. А я все было думал, что к Рождеству Христову мы уже где-нибудь, здесь или в Константинополе, будем служить вместе с Вами у одного престола Господня. Видно приходится терпеть и ждать. Что ж? и это монашеское дело, да к тому же и привычное уже.

Я тоже, сверх чаяния, зажился здесь не на шутку. Вот уже доживаю третий месяц, и Бог весть, сколько еще проживу. Не диво, если и совсем останусь тут. Я уж как будто и приготовился к сему. Привыкши переезжать с места на место, я не найду особенно трудным еще раз обзавестись наново своим домом. Да кстати, тут и обзаводиться не приходится. Все тут заведено и приготовлено. Переезжай и живи, как дома! В течение трех сих месяцев я уже так освоился здесь со всем, как будто и век жил тут. С тех пор, как вы были в Иерусалиме, тут столько произошло перемен, что во многом нельзя узнать Святого Града. Наши русские постройки одни составляют как бы целый город с примкнувшим к ним поселением. Теперь нам, русским, можно жить здесь со всем удобством и со всем довольством. Я уверен, что о. Мартирий не пожалеет, если переедет сюда, ни об Афинах, ни об Афоне. Дай Бог, чтобы это случилось поскорее.

Чуть вы получите прямое и официальное известие о своем переводе из Афин, немедленно известите меня о том с французскою или австрийскою почтою. Кому выпадет доля ехать в Иерусалим, тот пусть плывет сюда прямо на австрийском пароходе, не заезжая в Константинополь. В пути придется быть около десяти дней. Прибывши же в Яффу, пусть известит меня о том по телеграфу. В Яффе у нас есть свой поклоннический приют, в котором и можно (и даже должно) остановиться. Есть там и наш

консульский агент г. Фотий Яковлевич Самури²⁵⁰, к которому и следует адресоваться прямо, как к пирейскому Таволарию.²⁵¹ В Яффе он известен просто под именем Фотия.

Захватите с собою из Афин, пожалуйста, штук двадцать или тридцать перечного дерева из Ботанического сада для рассадки здесь при заведени-ях наших, обвязавши корни их с землею вместе холстиной и взмачивая во время переезда водою.

Не имею времени более писать и шлю Вам свой поклон с недостойным благословением.

Антонин.

Димитрию Михайловичу *πολλὰ προσκυνήματα*. Ἐχε, φίλε, ὑπομονήν!²⁵² Если при отъезде у которого-нибудь из Вас останется на лишке пятьдесят драхм, дайте ему их на пряники. Я же рассчитаюсь с Вами при первом свидании.

Афанасию Яковлевичу с супругою свидетельствую, низжайший по-клон. Усерднейше прошу его собрать сведения о том, что стоило стенное расписание афинского собора. Мастером сих дел был, сколько мне пом-нится, г. Константин Припопуло. Сведения эти мне весьма бы хотелось иметь.

Илье Егоровичу и всем старым знакомым усерднейше кланяюсь.

Об Иване Стефановиче говорил в Константинополе г. Эбергарду²⁵³, но он сказал, что не имеет в виду никакого вакантного места. Здесь тоже лю-дей больше, чем мест.

Иерусалим

3 марта 1866 г.

Любезнейшие мои и преподобнейшие отцы!

Мир Вам и спасение души.

Давно бы я написал Вам что-нибудь, если бы знал хоть что-нибудь о Вас новенькое. Понять не могу, что там делается в Петербурге. Со дня пе-реселения моего сюда я не получил оттуда ровно ничего, относящегося к делу Вашему и моему собственному. От меня и не ожидайте никаких ве-стей. Сижу я в таком далеком захолустье, что всякая новость неизбежно должна дойти до меня по крайней мере двумя неделями позже, чем дойдет до Вас. Я от Вас и из Константинополя обыкновенно жду себе вестей. Спа-сибо Вам и за ту, которую сообщили в последнем письме от пятнадцатого февраля относительно сделанного из Св. Синода о. архимандриту Вашему запроса о двух здешних певчих, просившихся в Афины на места Ваши. По крайней мере я теперь вижу, что на представления мои стали обращать там надлежащее внимание. Я не сомневаюсь более, что вы не останетесь

в Афинах. В противном случае прошения здешних певчих были бы оставлены без внимания, и о. архимандрита Вашего не тревожили бы запросом. Естественно также думать теперь, что Вас переместят, согласно представлению моему, либо одного в Царьград, а другого в Иерусалим, либо обоих в Иерусалим, ибо я в проекте своем относительно здешней миссии писал в Св. Синод, что здесь необходимы два иеродиакона для служения не только праздничного, но и ежедневного. На что согласится Св. Синод, не знаю и угадать не берусь. Вам, разумеется, надобно иметь еще какой-нибудь месяц терпения, к которому Вам уже не привыкать стать. Видно, по крайней мере, что дело Ваше точно начало двигаться. О. Акакий своим преждевременным уведомлением смутил и Вас, и меня. Вероятно тогда, как он писал в первый раз из Петербурга, дело Ваше только что передано было с частных рук на синодальное рассмотрение. Тот же самый о. Акакий потом писал в Константинополь (в декабре, кажется), что Синод занят разбором Вашего афонского монастыря, которое, как известно, у нас то признается, то нет, смотря по обстоятельствам... Вам, я знаю, не нравится, что у нас так смотрят на афонский постриг, но когда вы припомните, какое там безначалие, на Святой Горе Афонской, по келлиям, то отдадите справедливость заботливым мерам нашего правительства... Еще повторюсь: терпение! Все как-нибудь уладится. Относительно певчих Белавина и Козубского надобно сказать, что их же самых и о. архимандрит Леонид просит себе у Св. Синода для константинопольской церкви, сбывая с рук своих сюда Зубарева и Полиевктова. Может быть и запрос к Вашему о. архимандриту делается именно потому, что не знают там, на какое из двух представлений согласиться. Вернее всего, что певцы сии займут места Ваши — к утешению богопочтеннейшего Афанасия Яковлевича. И также кажется верно, что константинопольские не перейдут сюда, ибо я просил сюда если не монахов, то послушников, чтобы дать миссии вид монастыря. Вскоро дело решится.

Приношу глубокую благодарность Ивану Стефановичу за любезное писемце и за хлопоты по осведомлениям. Нельзя ли мне доставить еще одно сведение? На афинском кладбище есть колодец с насосом, приводимым в движение ручным колесом. Нам бы нужны здесь подобные машины. Итак не потрудитесь ли Вы спросить: откуда выписана кладбищенская машина и за сколько франков? Может быть на ней самой есть метка фабриканта и указание места фабрики.

Я болен был с половины декабря по первое февраля. Теперь, слава Богу, здоров. Снегу не видали. Дождей было мало, а ветров много. Жить здесь хорошо и привольно.

Чуть получите что, напишите по австрийской почте.

Прошу молитв Ваших.

Антонин.

Иерусалим

Май 1866 г.²⁵⁴

Честнейшие и преподобнейшие отцы мои!
Христос воскрес!

И рад бы я Вас утешить каким-нибудь добрым известием, да где его взять? Надоело уже повторять одно и то же, что надо иметь терпение, да другого ведь сказать нечего. Итак: терпение и терпение! Терпения имама потребу.

Из пересланного мне Вами письма о. Мелетия уже было видно, что Ваше дело затягивается, что Св. Синод намерен рассматривать оное (после шести месяцев!), что, значит, до тех пор не было сделано ничего. Это весьма неутешительно. И что тут рассматривать? Люди занимают столько лет певческие места. Можно бы, кажется, прямо по одному представлению покончить все дело. Мне тут начинает казаться намеренная оттяжка дела, как бы прямое нежелание решить его так, как было представлено... Дай Бог, чтобы я ошибался в том! как бы то ни было, уж если решились рассматривать, то все же ближе теперь такой или другой конец дела Вашего. Что им действительно занялись теперь, у меня есть на руках неоспоримое доказательство того. Константинопольское посольство в конце минувшего месяца уведомлено Азиатским департаментом, что «Св. Синод для окончательного постановления по означенному ходатайству (т.е. моему представлению об одном из Вас на иеродиаконскую в Константинополе вакансию) находит необходимым иметь предварительное удостоверение о принятии означенным монахом (т.е. Виссарионом) пострижения на Афоне».²⁵⁵ Хорошее в этом я вижу то, что если бы там не хотели вовсе Вашего назначения на новые места, то и не спрашивали бы о Ваших документах, а просто бы отказали. Посольство требует теперь у меня свидетельства Вашего пострига на Афоне, о. Виссарион! Мне кажется, что раз уже мы требовали из Русика такое свидетельство. Не знаю, у кого оно хранится на руках. Не было ли отослано в Синод или министерство. Во всяком случае я уже написал в Русик, чтобы Вам обоим вместе выслали в Афины по всей законности составленный документ о Вашем постриге. Письмо мое дойдет до Святой Горы не ранее половины мая месяца. Вы же получите требуемое свидетельство в конце того месяца. Затем порядок требует, чтобы вы прислали оное мне сюда, а я отправил бы в посольство, посольство в министерство, министерство — в Синод. Пройдут таким образом еще, пожалуй, два месяца...

Лучше сделайте так. По получении письма сего немедленно напишите о. Иерониму с солунскою почтою письмо, в котором известите его, что Св. Синод желает иметь свидетельство о Вашем (Виссариона и Мартирия) постриге, и попросите оказать милость выслать Вам таковое, присовокупивши, что я, с своей стороны, как Вам известно, уже просил начальство монастыря о том же. Получивши такое свидетельство, вы попросите свое посольство сделать с него для Вас копию, а подлинник отправьте (через

посольство) к обер-прокурору Св. Синода, графу Димитрию Андреевичу Толстому, при письме такого рода: «Сиятельнейший граф! По приказанию о. архимандрита Антонина честь имеем препроводить при сем к Вашему сиятельству для представления Святейшему Синоду выданное нам от начальства русского монастыря на Афоне Св. Великомученика Пантелеймона свидетельство о нашем монашеском постриге в 185... г. Вашего сиятельства милостивейшего государя покорнейшие слуги, монахи Виссарион и Мартирий». Но пожалуйста, перепишите письмо Ваше без малейшей грамматической ошибки. К сожалению, столько времени состоя на певческих местах, вы не позаботились заняться грамматикой и пишете так, что увы мне! Если бы оказалось, что у Вас есть прежде выданные свидетельства Русика о Вашем монашестве, то можно, засвидетельствовав оные в посольстве, немедленно послать их к прокурору, чтобы ускорить дело, не дожидаясь нового свидетельства из Русика.

«Пересвет» стоял в Яффе от пятнадцатого до двадцать шестого апреля. Сюда приходили две смены офицеров и команды. О. Митрофан доставил мне лукумья, варенье и семена. Примите великое спасибо за дары.

Иерусалим

26 мая 1866 г.

Преподобнейшие отцы мои и во Христе Иисусе братья!

Получил двадцать первого числа текущего месяца письмо Ваше с русиковскими свидетельствами и, согласно с желанием Вашим, спешу ответить Вам. Конечно, в том виде, как они есть, свидетельства те лучше не выдавать без крайней нужды за прямые документы Вашего пострига на Афоне. В них сказано, что Вам хотя дается позволение выйти из Русика, но не дается позволение уйти с Афона. К этому — чего доброго? — пожалуй придерутся в Петербурге. Итак, вы благоразумно поступили, что не отправили свидетельств к г. обер-прокурору.

Я сам не вижу причины, почему бы Русик затруднился дать Вам заверение в Вашем постриге. Но памяты ли в Русике кому-нибудь обстоятельства Вашего пострижения, т.е. год, месяц и день его, имя постригавшего, имя принимавшего от пострига и проч.? Если увидите, что ожидаемая бумага составлена как следует, оставивши у себя копию с нее, засвидетельствованную в посольстве, пошлите ее в подлиннике г. обер-прокурору, попросивши канцелярию дать Вам расписку в получении и отправке документа. Мне же во всяком случае пришлите копию с него. Порядок требует, впрочем, чтобы не прямо, сами от себя, относились к прокурору, а просили только посольство свое препроводить к г. обер-прокурору документ Ваш по его требованию. Но так как посольство Ваше посылает обыкновенно свои официальные бумаги через константинопольскую миссию,

то не лучше ли Вам попросить князя переслать Ваш документ к константинопольскому посланнику при письме Вашем к последнему такого рода: (от одного о. Виссариона)

«...Ваше превосходительство! Передавая волю Вашего превосходительства, о. архимандрит Антонин писал мне представить Вам свидетельство моего пострижения в монашество на Св. Горе Афонской. Какое свидетельство, выданное мне от начальства Русского афонского монастыря Св. великомученика Пантелеймона [совместно с монахом и спостриженцем моим Мартирием], честь имею представить при сем Вашему превосходительству для употребления согласно с Вашим благоусмотрением.

Вашего превосходительства милостивейшего государя покорнейший слуга монах Виссарион».

Слова, стоящие в [] только в таком случае должны быть в письме, если из Русика пришлют обоим Вам одно свидетельство. Если же получите каждый отдельную бумагу, то свидетельство о. Мартирия не должно быть послано (ибо требуется пока одно о. Виссариона), и слов оных не должно быть в письме. Попросите Ивана Стефановича переписать хорошо и безошибочно бумагу.

У нас с восьмого по двадцать четвертое мая свирепствовала саранча и пожрала все, что было зеленого на лице земли. Предвидится страшная нищета в крае, да, пожалуй, и опять холера. Есть известие, что страшная болезнь уже появилась в Суэце и Тивериаде.

Простите. Ваш недостойный богомолец
Антонин.

Иерусалим

18 августа 1866 г.

Преподобнейшие и любезнейшие отцы!

Знаю, что вы ожидаете от меня письма. Вот оно — письмо. Но толку от него все-таки нет никакого. Дела наши все пребывают в том же виде, в каком были и много месяцев назад тому. Полагаю, что причиной всему этому застою есть здешняя путаница. До тех пор, пока не решится так или иначе судьба здешней Духовной Миссии, думаю, что и Ваше назначение не пойдет вперед. Но пора уже судьбе оной решиться. Далее августа, по всей вероятности, дело не затянется. Давно уже ходят здесь слухи, что начальником миссии здешней назначается преосвященнейший Порфирий. Чуть это состоится, все дела — Ваши и наши — кончатся вдруг. Имейте потому еще терпение на несколько дней или недель. Мне собственно ни о каком деле никто ниоткуда ничего не написал в течение всего этого лета, и я не менее Вашего жду с каждою почтою что-нибудь узнать и все остаюсь не при чем. Пишете вы, что Вам до того надоело жить в Афинах, что даже на певческую вакансию вы соглашаетесь переместиться в Иерусалим, и что такое реше-

ние да будет мне известно. Хорошо и это, но все-таки дело в том, что я-то сам тут ничего не значу. Живу и начальствую тут временно, и потому никому ничего обещать не могу. Вся эта тьма развеется вдруг от одного указа синодального, и тогда известно будет, что с кем воспоследует.

Вероятно вы теперь уже получили нужные свидетельства со Святой Горы. Замедление в высылке их объясняется так. Я писал о них в Русик на имя о. Азарии и послал письмо в апреле с одним здешним поклонником с Афона. Поклонник сей (послушник серайский) неизвестно что сделал с письмом моим. Только о. Азария оно не получил. В бытность свою в Константинополе в июле месяце он говорил, что и не слышал ничего о бумагах, нужных для афонских отцов. Двадцать шестого числа июля он возвратился в свою обитель и конечно не замедлил выслать Вам оттуда нужные документы.

С половины июня до половины июля я прожил в Яффе, купаясь в море по совету врачей. В конце июля съездил в Назарет, на Фавор и на Тиверидское море. А вы выезжали ли куда-нибудь на лето? Хоть на петалийские острова? Или — в Порос, где мы в старые времена проводили жаркое время.

Антики о. Мартирия лежат в Константинополе. Весьма жалею я, что не выслал их в свое время обратно в Афины. Охотников на них в наши безденежные времена едва ли можно ожидать.

Простите. Пожалуйста не скучайте. У монаха везде своя родина и свой дом.

Ваш слуга и богомолец

Антонин.

Иерусалим

14 сентября 1866 г.

+

Все еще ничего нового нет, и ниоткуда ничего не слышно. Теперь перестали ходить сюда и пароходы наши, Бог весть по какой причине. Не получаем потому ни писем, ни газет, ни посылок, и что делается на Руси святой, совершенно не знаем. Худо забиться в такой уголок, откуда ничего не видно и не слышно.

О. Азария известил меня, что свидетельства о пострижении Вашем на Афоне Вам уже высланы. Вероятно вы не замедлите услать их в Петербург, согласно с данным Вам наставлением. Дай Бог им принести ожидаемый плод! Здоровье мое в том же положении. Простите!

Ваш недостойный богомолец

Антонин.

Перламутовый образ сей передайте Димитрию Михайловичу на венецное благословение. Что-то раненько задумал ясный сокол связать себя нелегкими узам. Еще и учения своего не покончил. Видно действует по пословице: когда кипит, тогда и вари.

Маленькую икону передайте с поклоном Ивану Стефановичу. А крошечную связку крестиков и иконочек — мастро Филиппу.

Иерусалим

1 декабря 1866 г.

Преподобнейшие и любезнейшие отцы!

Вот уже и вторая зима наступила, а дело наше не подвинулось вперед по видимому ни на один шаг. Достойно удивления это. Я решительно не получал ниоткуда известия о том, что делают и что думают в Петербурге. Большая часть слухов клонится к тому, что я не возвращусь более в Константинополь, и что о. архимандрит Леонид останется там на моем месте. Если это сбудется, то я не знаю, не встретится ли затруднения в определении Вас, о. Виссарион, на иеродиаконское место в Константинополе. Ибо весьма может статься, что о. Леонид захочет иметь при себе кого-нибудь своего. Говорю это так — по одной досаде, без всякого верного основания к тому. В случае, если бы пришлось мне действительно остаться здесь, и если бы определение Вас в Константинополь встретило затруднение, в таком случае я буду просить Вас обоих сюда иеродиаконами. Наконец если бы и в этом было отказано, и иеродиакона сюда прямо прислали из России, то, с позволения Вашего, я вызову Вас сюда хоть в качестве певчих. Мне весьма хочется устроить здесь при Миссии род монастыря с тою разницею, что все братство будет жить на жалованье. Удастся это или нет, ничего не знаю. Но и певчими будучи, вы все же будете получать, надеюсь, не меньше содержание, чем какое получаете теперь. Одним словом, отложите пока попечение о будущем и делайте свое дело в нерушимом спокойствии духа. Если нам в Афинах не удалось устроить иноческую обитель, то может быть она устроится здесь. Иное совсем дело, если меня не оставят ни здесь, ни в Константинополе, а угонят куда-нибудь в Россию. Тогда новые, конечно, откроются соображения. А пока Вам крепко надобно держаться за свои теперешние штатные места.

Писал я и во второй раз на Афон, прося выслать Вам нужные документы — и уже не через Салонику, а через Константинополь. Странно, как могли пропасть прежде высланные.

Уведомьте, пожалуйста, сестру Вашу, что Вы живы и здоровы и процветаете душевне и телесне.

У нас начались дожди и туманы. Место здешнее очень похоже на Вашу Грецию, и Вам не нужно будет привыкать к нему.

Какой это ящик с книгами на мое имя вывезла «Тамань» из Пирея Вашего? Кто посылает их мне и зачем? Он получен в Константинополе и А.М.Зубарев спрашивает меня, что делать с ним.

Простите! Господь с Вами.

Ваш Антонин.

Один из просившихся в Афины певчих здешних перепрашивается уже в Константинополь, потеряв терпение и надежду быть в Афинах.

Иерусалим

16 марта 1867 г.

Преподобнейшие и любезнейшие отцы мои!

Но что же я напишу Вам? Жалуетесь вы, что я совсем забыл Вас. Вы, конечно, хорошо знаете, что не забыл, но что же мне делать, когда не о чем писать? И прежние Ваши монашеские свидетельства (данные Вам при отбытии с Святой Горы), и копия со вторичного свидетельства получены мною здесь и хранятся у меня. Радуюсь, что наконец требуемые бумаги посланы Вами в Петербург. Но сей Петербург молчит хуже меня. Жду от него какого-нибудь распоряжения более года уже и ничего не дождусь. Даже слухов никаких нет. В декабре получено было, правда, в Константинополе известие из Петербурга о скором возвращении моем туда и о назначении сюда настоящего начальника Миссии. Но слух этот был весьма ненадежный, так что я не мог решительно положиться на него. И точно. Вот прошло уже более двух месяцев, а все еще он не подтвердился ничем. Слышно, что Св. Синод наш ждет еще нового письма от Патриарха здешнего, и только дождавшись его, решится на что-нибудь. А когда все это будет, Господь один знает.

Что же будем делать? Сидеть да у моря погоды ждать. Видите, как я заехал сюда на два или три месяца, а сижу уже столько времени без книг, без бумаг, без платья наконец, сижу да Бога хвалю. То же делайте и вы. Бежать на какие-нибудь горы, хотя бы и святые, не советую Вам. Бежать только тогда позволительно, когда погонят с места, а до этого, надеюсь, вы никогда не доживете. Раз уже бежали вы в горы, да сами же убедились, что оттуда уже никуда пути нет. Теперь надобно стараться о том, чтобы поправить дело. А уж если несмотря на все старания оно не поправится, то, нечего делать, надо будет лезть туда, где окажется дыра, как это и сделал о. Максим свято-ильинский. Одним словом: терпение и ожидание и хваление Бога за все и о всем! Иноки есмы. Не имамы града пребывающего.

Часто ли видаетесь вы с Дмитрием Михайловичем? Ходит ли он к Вам? Бываете ли вы у него? Как он поживает? Продолжает ли учиться в университете или уже совсем предался семейной жизни?

Что подельывает старый Мелидонис? Усидел ли в Афинах или отправился воевать в свое отечество? Жив ли Кирилл Яковлевич?²⁵⁶ Не слышно ли чего-нибудь в Афинах о пресловутом Агапии? У него ведь много друзей осталось в Афинах, и верно списываются. У нас здесь до сих пор еще выпадают дожди. Обещается хороший урожай, если только не налетит опять в мае или июне из Аравии саранча. Живем пока благополучно. Поклонни-

ков набралось уже более шестисот. Одних духовных около двадцати пяти человек. Собираются сюда и какие-то два (на покое живущие) архиерея.

Достопочтеннейшему Афанасию Яковлевичу шлю низжайший поклон. Молю его переписать для меня и выслать сюда похоронное «непорочнии в путь...» на три статьи. Не возьмет ли он также на себя труд осведомиться (напр. у г. Мамука), есть ли в продаже великая карта Греции, изданная французами кажется в 1854–1859 годах, только знаю, что после войны. Помню, она продавалась в министерстве (каком — не знаю) по пятьдесят франков. Мне бы очень хотелось приобрести ее. Прежнюю картою я не удовлетворяюсь.

Простите. Господь с Вами.

Ваш слуга покорный

Антонин.

Иерусалим

18 мая 1867 г.

Преподобнейшие и возлюбленные о Господе Иисусе отцы!

Мир Вам и благодать от Господа. Спасибо за нередкие весточки. Весьма занимает меня все, что деется в любезных Афинах. Пописывайте и впредь ради разбавления скуки и коротания времени. У Вас же теперь начинается новая жизнь, пожалуй даже и завидная для многих русских, сущих за границей. Когда будет жить в Афинах русская королева²⁵⁷, Вам будет честь да место и красна ложка. Афанасий Яковлевич, думаю, уже стряхивает пыль со всех своих старых и новых нот, чтобы достойно встретить дорогую гостью и будущую хозяйку Афин. То-то запоете и зачитаете! Не захотите, пожалуй, и в Иерусалим ехать.

А о сем ехании доселе нет ниоткуда никакой вести. Я уже перестал и удивляться и даже ожидать чего-нибудь. Пусть уже что случится, случится неожиданно. А ведь когда-нибудь будет же конец. В Константинополе тоже ничего не знают. Певчие здешние, просившиеся в Афины, давно уже перепросились в Константинополь (на места Заклинского и Полиевктова). Но ни в Афины, ни в Константинополь нет им пути. Не вы одни таким образом не знаете, что и подумать о судьбе своей. Что будешь делать? *Ὑπομονή*.²⁵⁸

Крестов больших в продаже нет. Самые большие нашел в шесть вершков вышиною. Большой запрестольный крест надобно заказывать, и он будет стоить дорого. Я не решился высылать Вам кресты малые и жду от Вас уведомлений по сему предмету. Едва ли генерал-адмирал будет дожидаться, пока состоится дело это. По газетам видно, что ему приказано возвратиться в Кронштадт. И что такое запрестольный крест? Здесь готовят только напрестольные.

Если встретите где-нибудь Димитрия Михайловича, скажите ему, чтобы фотографических видов Афин мне не высылал. У меня их много. А пусть лучше пришлет портрет своей супруги. Когда удосужусь, буду писать ему.

Для развлечения посылаю Вам несколько своедельных фотографий. Наклейте их сами.

Постройки наши начинают пустовать. Первый пароход (на Фоминой) унес их до пятисот человек, но пострадал на пути, говорят, жестоко. Сведений положительных еще не имеем о случившемся.

Простите. Господь с Вами.

Ваш усердный слуга

Антонин.

Празднуется ли еще св. Никодиму в неделю св. жен-мироносиц? И как празднуется Троица?

Иерусалим

23 июня 1867 г.

Преподобнейший и о Христе Иисусе возлюбленный о. Виссарион.

Кто это там Вам налыгает разные истории из Петербурга? Не верьте Вы разным сплетням. Кому какая нужда писать на Вас в Синод? Если это делал бы кто-нибудь с намерением не пустить Вас из Афин, то расчет ли это вместе с тем и клеветать на Вас. Впрочем, мне бы хотелось узнать что-нибудь поподробнее об этой интриге против Вас, если в том, что пишет г. Лебедев, есть хоть доля малейшая правды. Не смущайтесь пока ничем. Я уже писал Вам, что дело Ваше связывается с здешним делом. Вся эта затянутая история должна вдруг решиться. Теперь, с назначением в Иерусалим нового консула, может быть и Св. Синод поторопится решить, кому из нас где и как оставаться или перебираться. Ни в Константинополь, ни сюда ведь еще никто не назначен диаконствовать. Итак дело, значит, остается, как было и в начале моего представления о Вас. Будем ожидать терпеливо исхода его.

Ничего здесь нет нового, кроме прибытия нового и выбытия старого консула. Когда хотите разведать что-нибудь о Иерусалиме, повидайтесь с сим старым, отправляющимся через Ваши Афины в Корфу, куда он назначен генеральным консулом.

Больше похоже на то, что меня оставят здесь, а о. Леонида — в Константинополе. Странная судьба моя — меняться местами с своими предместниками и преемниками.

Из прилагаемых при сем четок черные потрудитесь отдать с поклоном г-же Вальяновой, а желтые оставьте для своего употребления.

Червонец, заключающийся в письме сем, передайте приснопамятному Ламбру.

Будьте здоровы и благодушны. Я недавно прихворнул и, будучи больным, в сотый раз убедился, что самое дорогое благо жизни есть здоровье. Все прочее, право, не стоит того, чтобы слишком заниматься и тревожиться им.

Ваш недостойный богомолец

Антонин.

С прошедшими именинами.

Иерусалим

21 сентября 1867 г.

Преподобнейший и о Господе возлюбленный о. Виссарион.

Двенадцатого числа текущего месяца прибыли из Константинополя в Иерусалим г. Погодин и Иван Михайлович Добротворский²⁵⁹. Последний передал мне письмо Ваше и коробочку с антиками. Благодарю Вас усердно за любезный подарок. Все, что у меня собрано античного, осталось в Константинополе вместе с книгами и большею частию имущества, и здесь ничего нет в этом роде. Присланные Вами вещицы будут потому красоваться одни на месте, предназначенном для подобного рода украшений.

(188) По-прежнему не имею ниоткуда никакого нового известия о деле нашем. Перестал уже и дивиться сему, да почти перестал уже и думать о нем. Советую и Вам ухватиться за ту же философию равнодушия. Ведь ничего не поделаешь, сколько ни горячись, ни сердись, ни унывай! Лучше махнуть на все рукой и жить день за день, благодаря Господа за мирное и благополучное существование.

Я думал, что с новыми штатами заграничных церквей русских увеличится и оклад жалованья афинских певчих. Теперь Иван Михайлович говорит, что вы остаетесь на прежнем положении. Таковы уж Ваши бесталанные Афины. Сколько я в свое время ни хлопотал о прибавке, на все отвечали совершенным молчанием.

Вчера мы проводили гостей своих. Теперь они в Яффе и вероятно завтра на австрийском пароходе отправятся в Александрию, откуда г. Погодин отправится домой в Россию, а Иван Михайлович возвратится к Вам около половины октября месяца. С ним я посылаю Вам: 1) масличное яйцо. Скорлупа его принадлежит Вам, а желток с белком передайте, кому надписано; 2) масличную табакерку для Афанасия Яковлевича; 3) бусы для госпожи Ангелики Мангель, которые передайте мужу с писемцом сим и 4) пять видов стереоскопических собственной плохой работы. О моем житье-бытье здешнем перескажет Вам все, что есть любопытного, сам очевидец его, каковых дай нам Бог как можно больше.

Жалею я, что Вы все сидите дома. Этак можно совсем закиснуть. Но отчего же Вы не просились на какой-нибудь месяц в Порос или в Петали для поправления или укрепления здоровья купанием? А здесь вот и выехать-то некуда. В Яффе так душно и многолюдно, что нет никакого удовольствия ехать туда. Все же другие окрестности иерусалимские — пустыня мертвая и палящая.

Сегодня у нас происходит торжество освящения работ по вновь проводимой колесной дороге между Иерусалимом и Яффою. Многие сомневаются в успехе этого дела. В числе их, пожалуй, и я.

Простите и не малодушествуйте. Кто здоров и имеет верный хлеб, тот уже счастливец. Памятайте об этом.

Ваш преданный слуга и недостойный богомолец
Антонин.

Нелестное спасибо почтеннейшему Афанасию Яковлевичу за ноты.
Выпоем их по всем правилам.

Яффа

18 октября 1867 г.

Возлюбленнейший о Господе о. Виссарион.

Болен лихорадкою и едва могу держать перо. Посылаю Вам при сем сто франков, согласно Вашему желанию. Ни мыслить, ни писать не способен. Простите.

Ваш преданный слуга
Антонин.

Иерусалим

25 января 1868 г.

Преподобнейшие и добрейшие мои отцы!

Желаю Вам в новый год всякого блага душевного и телесного. Любезное письмо Ваше, о. Виссарион, я читал с величайшим удовольствием. Все, что вы пишете в нем о благочестивейшей поистине королеве греческой, исполняет сердце высоким удовольствием. Дождалась наконец Греция того, чего чаяла столько лет и столетий! Господь да благословит царствующую чету всеми благословениями земли и неба. Как я порадовался, узнавши, что Ее Величество не забывает и нашего Никодима. А хвалит ли она его? Хвалит ли Ваше служение и Ваше пение? Августейшему родителю ее, помню, не понравилось наше, изрядное по нашему мнению, пение хоральное, и он приказал в следующее служение петь уже без мальчиков.²⁶⁰ Что, как таким же духом и царствующая дочь нашего строгого судии и ценителя одушевлена? Перенесете вы такой, так сказать, афронт от ее величества? Но я не воображаю сего. Думаю напротив, что вот-вот вы запоете в самом беломраморном дворце свое умилительное Ἐλεον Εἰρήνης²⁶¹ и проч. Занимательно теперь жить Вам в Афинах. Юная царица не даст задремать Вам, и будете держать ухо остро. Когда нечасто придет или даже придет к Вам молиться. Если Никола еще продолжает звонить утром и вечером, то, чего доброго!, ее величество вдруг может пожаловать к Вам и на несуществующую вечерню. То-то же!

Ну те-с? Итак дело Ваше, судя по словам письма Вашего, не только попало в «долгий ящик», но кажется и исчезло в нем! Чудные дела там делаются! То извещают (о. Акакий), что почти все кончено, то вместо конца приступа-

ют только к началу, т.е. требуют документов о постриге монашеском. То, наконец, говорят Вам, что перевесть Вас из Афин никак нельзя! Ума, право, не приложу во всей этой истории. Г. Зубарев, помню, извещал меня, что в Константинополь просится бывший римский диакон, и что посол наш константинопольский на то согласен. А мне из Константинополя никто не пишет о том ни одного слова. Я оставался обнадежен тем, что сам же посол делал (в 1865 г.) представление о переводе одного из Вас диаконом к посольской церкви. Но видно плохая надежда на дипломатов вообще и в частности! Да и то правда, сколько же лет оставаться посольской церкви без диакона? Посол, вероятно, отчаялся дожидаться чего-нибудь от Св. Синода и ухватился за первый представившийся ему случай иметь диакона, если правда то, что писал г. Зубарев. Обо мне уже больше никто и не помышляет, и никто ни о чем меня не спрашивает, а что пишу отсюда, то читают, по-видимому, одни мыши. Так-то вышли дела наши. Вот уже около двух с половиною лет живу здесь и нахожусь совершенно в том же положении, в каком был в первый день своего сюда приезда. Здесь тоже диакона нет, а обходимся кое-как то поклонниками, то греками. Сколько раз ни писал о сем предмете куда следует, все было напрасно. Никакого ниоткуда ответа или отзыва не получил. В последний раз писал в половине прошлого месяца и еще раз просил, чтобы одного из Вас определили диаконом в Константинополь, а другого — сюда. К сожалению я совершенно уверен, что и все-таки ничего не будет. Что еще остается делать, ей, не знаю. Ждать терпеливо того, что будет, и смиренно подчиняться тому, что случится? Видно уж так! Во всяком случае — держаться за то место, которое есть, и не кидаться на неизвестное. Бедные мои бывшие певчие Полиевктов и Зубарев оба теперь остались без мест и пока что найдут, натерпяся вдоволь. Сам о. Акакий, говорят, тоже не в завидном положении... Итак совет мой: сидеть смирно на затишном и покойном месте и ожидать всего от одного Бога, которому вы верно и усердно служите.

Мы схоронили здесь знаменитого в поклонническом мире «святого Петра», т.е. преосвященнейшего митрополита Мелетия²⁶², известного, конечно, Вам. На его место еще никто не определен. Зима стоит здесь, вообще говоря, теплая. Редко видели бурную и дождливую погоду. Снега и в глаза не видали. Через час я иду с братиею в лавру Св. Саввы. Будем там служить на память преподобного Ксенофонта и дружины его. Узнав о нашем намерении, и Патриарх будет туда же. Вот как мы живем тут да поживаем. Прошу святых молитв Ваших.

Ваш покорнейший слуга и недостойный богомолец
Антонин.

Давно уже нужно было возвратить Вам документы Ваши. Копия с последнего отзыва Русика о Вас осталась у меня, на случай какого-нибудь запроса из Св. Синода.

Иерусалим

11 апреля 1868 г.

Достопочтеннейшие и любезнейшие отцы!
Христос воскрес.

Ничего нового не имею сообщить Вам и пишу только желая поздравить Вас с праздником Воскресения Христова. Воображая себе светлый праздник в светлых Афинах среди пресветлого храма нашего, умиляюсь душою и если не завидую Вам, то ублажаю Вас, служащих Господу в таком прекрасном месте. Вам оно, конечно, уже надоело, но несмотря на то, оно все-таки есть одно из самых спокойных, веселых, честных и для доброго монаха не непригодных мест, напрасно искомых и ловимых многими и многими у нас в Питере и Москве. Поверьте, что пишу это вовсе не сочиняя и не ища утешить Вас в обманутой надежде выбраться из Афин. Вижу, что до некоторого времени не суждено быть сему и убеждаюсь вполне, что трудно есть противу рожна прати... Вчера мне написали из Константинополя, что туда уже прибыл новый иеродиакон (бывший некогда в Риме). Следовательно ни одного из Вас Синод не намерен выпустить из Афин, конечно по рекомендации кого-нибудь сильнейшего обоих Вас вместе и со мною третьим. Что же делать теперь? Ничего, как только подчиниться воле начальства и вместе, конечно, воле Божией, и ждать впереди какой-нибудь перемены, когда это угодно будет Богу. Теперь же Вам и жить-то гораздо веселее стало, да почему знать, может быть и для будущего Вашего больше пользы в том, если вы послужите еще время некоторое в Афинах на глазах ее величества. Без сомнения, она знает Вас теперь уже и лично и при случае может замолвить за Вас такое слово, которое Вам будет полезнее всех наших неудавшихся представлений... Не скучайте потому, делайте свое дело в полноте благой совести и — не теряйте времени понапрасну, выучитесь совершенно правильно писать по-русски, чтобы Вас все знали за людей грамотных, которым одним в настоящее время доступны видные заграничные места. Выучитесь также, пожалуйста, и по-гречески не только говорить, но и писать. В таких знатоках греческого языка весьма нуждается Русская Церковь, и не сомневайтесь, что тогда Вас попросят занять место, в котором теперь как будто отказывают. Между тем и правила афонского не оставляйте и всячески удаляйтесь от ненужных знакомств (с моряками например и другими). Кроме нареканий ни к чему не поведут они.

С первого воскресения Великого поста гостил у нас в Иерусалиме Пресвященнейший Александр, бывший архангельский, а потом полтавский архиерей. Вчера мы проводили его обратно домой. Намерение его таково: в субботу отправится из Яффы в Каифу, а оттуда проедет в Назарет, на Фавор и на Тивериадское море. Потом спустится в Александрию египетскую и оттуда поднимется в Грецию, и будет у Вас в Афинах (м.б. к Вознесению), а за-

тем проедет через Афон в Царьград и домой. Итак приготовьтесь встретить его, а Афанасий Яковлевич (которому *Χριστός ἀνέστη*²⁶³ и поклон) пусть разучит самолучшее «Да возрадуется». Владыка большой охотник служить. Вы же угостите его баней с пивом и свезите его в Дафни и в Кесарьяни.

Тяжело мне от мысли, что антики о. Мартирия напрасно лежат в Константинополе. А исправить дела не могу. Говорят, по смерти о. Гавриила и ключа от моего секретного шкафа не могут отыскать.

Простите. Господь да будет присно с Вами.

Слуга и недостойный богомolec Ваш

Антонин.

Иерусалим

27 июля 1868 г.

С праздником.

Преподобнейшие и возлюбленнейшие отцы и братья.

Спасайтесь о Господе.

Правда, что давно не писал Вам, но и вы, кажется, не отстаёте от меня в лености. У Вас есть о чем писать мне, а я что напишу Вам нового или занимательного? Видите, есть таким образом разница в моем и Вашем молчании. Вот и теперь я решительно не знаю, чем наполнить даже эту самую страницу? Все уже писано и переписано. Ничего нового со мною не произошло, да едва ли и произойдет что-нибудь. А Вам грешно не написать мне было ранее о гостьбе у Вас русского архиерея и о прочем. Теперь же особенно, когда гостит в Афинах столько русских высоких особ, Вам уже и вовсе непростительно будет забыть обо мне. Итак пописывайте, не ленясь.

В следующее воскресенье (четвертого августа) думаю на время отлучиться из Иерусалима. Может быть, занесенный волнами морскими, доплыву и до Царяграда. Наскучило все сидеть на одном месте. Кстати, пароход есть свой русский и гуляет себе, так сказать, даром. Сяду на него и поплыву, куда глаза глядят. Сотворите молитву о благополучном плавании и восвосяи возвращении.

И простите. Писать более некогда. И почта не ждет (четыре часа уже), и колокол зовет уже к вечерне.

Ваш недостойный богомolec и слуга покорный

Антонин.

А все-таки не могу удержаться, чтобы не передать Вам, дорогие мои иноки, того, что мне недавно передал о Вас один старый монах, видевший Вас с двадцать пятого апреля по двадцать пятое мая. Тяжело мне повторить слова его, но что делать? Вот они: «Певчие, Вам известные, ведут себя нетрезво и нечестно...». Слышите, возлюбленные! Знаю, что старый

оний судия и многих других судит так же строго и немилостиво. Но все же его голос может быть услышан далеко-далеко от Афин и от Иерусалима. Сообразите, как и что показалось ему в Вас нечестным. И о последующем напишите мне, неизменному Вашему доброжелателю.

Можете написать мне в Константинополь, адресуя прямо в посольство. Если меня и не будет там, мне перешлют письмо Ваше с первым пароходом.

Константинополь

18 сентября 1868 г.

Преподобнейший и во Христе Иисусе возлюбленный о. Виссарион.

Получив Ваше последнее письмо, спешу ответить на него, пользуясь досугом нескольких минут моей цареградской вакации. Доживаю последние дни ее. В следующую среду с Божиею помощью возвращаюсь в свой Иерусалим. Нагостился на староселье. Думал было сначала забрать с собою все свои книги, да уверение г. посла, что может быть скоро и совсем возвращусь сюда, остановило меня в сей решимости. А возвращусь ли, это один Господь Бог ведает. Посол просил о сем министерство, да от министерства не все зависит. Во всяком случае дело уже скоро должно решиться.

Великого старца, который делал о Вас, любезные отцы, известный отзыв, я, сверх чаяния, застал еще здесь²⁶⁴. Двадцатого числа августа он служил в посольской церкви в последний раз и двадцать второго отправился в Одессу. О своем пребывании в Афинах он не рассказывал мне лично почти ничего. Только раз упомянул вскользь, что в одну ночь над головою его происходила там пирушка, приличная более светским людям, чем монахам, но что он об этом мне говорит по секрету и никому другому не сказал и не скажет о ней ни слова... Между тем о. архимандрит Леонид уже знает о ней во всей подробности. Не сомневаюсь, что словоохотливый старец разблаговестит о своем секрете и по всему свету... Что делать? Сочтите случай этот напастью. По словам владычным о. архимандрит Ваш говорил ему, что теперь вы живете еще слава Богу, а что до него было, так и сказать нельзя!

Думал-думал, что сделать с антиками Вашими, добрейший о. Мартирий, да ничего не придумал кроме того, чтобы возвратить Вам их назад. Покупателей на них не сыскивается сколько-нибудь подходящих ценою. Говорят, что много есть монет одинаковых (по восьми и даже по десяти), что редко кому нужно. Да и цену вообще находят высокою. Поодиночке кое-какие монеты могли быть проданы, но как знать цену каждой из них? Для себя же взять мне решительно не приходится. Давно уже я разлюбил это убыточное дело. Купи, а потом подари куда-нибудь или кому-нибудь — что за радость? Жалею о Вас, что Вы попали на этот ловитвенный вражий крючок. Кроме разорения ничего не ожидает впереди любителя древних вещей. Сознывая, впрочем, себя волей-неволей виновным в том, что столько времени продержал Ваши антики

в своем ящике, я в утешение Ваше присовокупил к ним одного Наполеона. Примите благосклонно сего француза.

Дело мое остается все в том же положении, а Ваше, значит, надобно считать поконченным, т.е. оставленным без движения! Зато вы теперь стали в некотором смысле придворными певчими. Это стоит чего-нибудь. Только благодарность Вам идет, как видно, не очень щедро. Хоть бы Афанасию Яковлевичу (кланяюсь низко) дали за то Сотира. Ведь не догадается ее величество.

Простите. Мир Вам. Прошу молитв Ваших в напутие себе.

Ваш преданный слуга и недостойный богомолец
Антонин.

Иерусалим

25 июля 1869 г.

Преподобнейший и любезнейший о. Виссарийон.

По желанию Вашему спешу ответить Вам с первою же почтою. Вы все допрашиваетесь, как Вам быть и что теперь делать. Свое мнение я уже высказал Вам в прежнем письме своем. Мне кажется, что, выпросившись в Россию, всего прямее и естественнее и отправиться в Россию, а не на Афон опять. Временно погостить там, пожалуй, можно, но ведь можно и опять остаться там на неопределенное время, а после, раскаявшись, пожелаете уйти с него, но в Россию уже не пустят Вас. Если не ранее, как к весне, намереваетесь во всяком случае прибыть в Россию, то мне кажется, выгоднее Вам пробывать зимние месяцы в тех же самых Афинах, получая жалованье, нежели проживать в Русике, например, выжидая из чужих рук хлеб-соль. Предполагаю при этом, что в Афинах места Ваши пока будут оставаться свободными. Из Афин можете прямо спуститься в Александрию и в Яффу, где, оставивши свои чемоданы, прилететь и на святые горы наши. Прибывши сюда, увидите сами, есть ли какая возможность остаться Вам тут или нет. Я не в состоянии ничего пообещать Вам тут. Ибо есть иные распорядители у Миссии, которые не слушают меня и даже вовсе не спрашивают.

По желанию Димитрия Михайловича < Мангеля > можете передать ему вещей на сто драхм и деньги получить здесь с меня или где и как прикажете.

Простите. Господь с Вами. Афанасию Яковлевичу буду отвечать, чуть удосужусь от скопившихся дел.

Ваш преданный слуга и богомолец
Антонин.

В дополнение к колоколенным надписям хотелось бы знать, какого числа и месяца происходила закладка колокольни? Не замечено ли у кого-нибудь там из наших?

Публикация К.А. Ваха, при участии А.А. Турилова и Л.А. Герд.

- ¹ См. например: «У монаха везде своя родина и свой дом». Письма архимандрита Антонина (Капустина) со Святой Земли / Вступ. статья, публ. и примеч. Т.А. Богдановой // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Вып. 1. Ч. 1. Иерусалим, 2012. С. 141–184; Киев и Киевская Духовная Академия в жизни архимандрита Антонина (Капустина) // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Вып. 2. Ч. 1. Иерусалим, 2015. Passim (Переписка с прот. Серафимом Серафимовым, прот. Димитрием Разумовским, письма Антонина к еп. Макарию (Булгакову) и архиеп. Иннокентию (Борисову), письма Феофана Затворника Антонину); Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. 1865–1893 / Подготовка текста и комментарии О.В. Анисимова и К.А. Ваха. М., 2014; Россия в Святой Земле: Документы и материалы / Изд. подготовил Н.Н. Лисовой. М., 2015. Т.1, 2016. Т. 2. Passim (более 150 писем Антонина и к нему).
- ² Документ № А2831
- ³ Письма Антонина с небольшим комментарием помещены в 10 томе. См.: Письма выдающихся церковных и светских деятелей России старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон. 2015. С. 261–394.
- ⁴ *Дмитриевский А.А.* Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В.И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) // *Vizantinorussica*. М., 1995. № 1.
- ⁵ *Помета:* Отвечено 26 апреля 1860 г.
- ⁶ Пребывание Антонина на Афоне продолжалось с 27 июля по 19 октября 1859 г. Он осматривал Святую Гору совместно с П.И. Севастьяновым и принял активное участие в работе его экспедиции. Результатом этой поездки стала серия очерков о Антонина: «Заметки поклонника Святой Горы», начатые на Афоне в 1859 г. и оконченные в Константинополе 16 мая 1862 г. (ТКДА 1860–1863; Отд. отт. Киев, 1864; 2-е изд. М: Индрик, 2013).
- ⁷ Антонин имеет ввиду дело диакона посольской церкви в Афинах Агапия, продолжавшееся затем много лет подряд. Начало этой истории описано в Дневнике самим Антонином 10 января 1860 г.
- ⁸ Целую десницу моего почтенного и возлюбленного старца (греч.)
- ⁹ *Помета:* Отвечено 18.XII.1873 г.
- ¹⁰ Капустин Платон Иванович (1815–1890) — старший брат о. Антонина, который был наиболее близок с ним по духу, образованию и интересам. Окончил Пермскую духовную семинарию и Московскую духовную академию (1840). Профессор Тобольской семинарии (1840). Профессор философии, а затем математики и физики в Московской духовной академии (1842), где основал первый физический кабинет. В 1850 г. женился на родственнице митрополита Московского Филарета (Дроздова) и был рукоположен им во священника в церкви Рождества Богородицы в Бутырках. Позднее служил в церкви мч. Никиты на Басманной. Состоял в разное время: благочинным, членом попечительства о бедных духовного звания, членом комитета по преобразованию духовно-учебной части, смотрителем дома Филаретовского девичьего училища, учителем математики и физики в этом училище, законоучителем московской 2-й женской гимназии, членом духовно-цензурного комитета. Переменив несколько приходов, с

марта 1886 г. до кончины состоял, в сане протоиерея, настоятелем церкви св. апостолов Петра и Павла на Басманной. В Москве пользовался широкой известностью как священник, писатель, математик и астроном. Состоял членом нескольких ученых обществ и учреждений. За труды по организации политехнической выставки в 1872 г. и за изобретенный им уравнительный маятник и другие приборы получил почетный адрес второй категории от комитета выставки. Погребен на Пятницком кладбище в Москве у алтаря церкви Живоначальной Троицы.

- 11 О первом пребывании на Афоне см. выше. Второй раз Антонин посетил Святую Гору 15–19 марта 1863 г. со специальной миссией: проверить заявление Симонида о том, что он подделал Синайский кодекс Библии будучи на Афоне в Руссике еще в 1840-х годах.
- 12 Сушкин Василий Иванович, брат архимандрита Макария (Сушкина), купец первой гильдии, родом из Тулы, посетил Иерусалим 8–28 мая 1873. Согласно данным о. Антонина он пожертвовал на нужды Русской Духовной Миссии в Иерусалиме 1100 руб. См. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891 / Изд. подгот. Р.Б. Бутова. М: Индрик, 2010. С. 176. На эти средства Антонин приобрел в Иерихоне земельный участок с садом, где, позднее, построил дом для русских паломников, посещающих Иордан.
- 13 В 1873 году на Афон из Константинополя прибыл представитель афинского Синода архиепископ Сироса Ликургос. Он прямо призывал греков к крестовому походу против славян. Патриарх Константинопольский Анфим, со своей стороны, посчитал необходимым отправить на место комиссию, коей было поручено изучить обстановку и доложить о мерах, которые следовало принять для защиты греческих интересов на Святой Горе. Деятельность архиепископа Ликурга и патриаршей комиссии, фоном для которой служила беспрецедентная антирусская информационная кампания в греческих газетах, взрастила семена розни и собрала плоды. Внутренняя борьба между греками и русскими разделила Русский монастырь св. Пантелеимона. В греческой печати на этом основании даже вполне серьезно заговорили о греко-русской схизме и предстоящем осуждении русских по примеру болгар.
- 14 Т.е. Антонин имеет ввиду что от древней истории монастыря о. Азария должен перейти к новой современной истории, которая характеризуется обострившимися отношениями между русскими и греками.
- 15 Дай ему Бог здоровья (букв.: Да здравствует!) (греч.)
- 16 *Помета*: Ответчено 3 апреля 1875 г.
- 17 Виссарион (Картамышев Василий Павлович, 1823–1895), иеродиакон — родился в г. Старый Оскол Курской губернии в крестьянской (по другим данным в купеческой) семье. Поступил в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне в 1850 г. Пострижен в мантию 28.02.1853 г. Певчий русской посольской церкви в Афинах (1856–1869). Иеродиакон Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1870–1895). Рукоположен в сан иеродиакона Патриархом Иерусалимским Кириллом (1870). См. *Архимандрит Антонин (Капустин)*. Дневник. Год 1881 / Изд. подгот. Н.Н. Лисовой и Р.Б. Бутова. М: Индрик, 2011. С. 231; *Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне*. Св. Гора Афон, 2013. С. 92.

- ¹⁸ Елагин Николай Васильевич (1817–1891) — духовный писатель, цензор, окончил кадетский корпус (1836), с 1840 г. чиновник министерства народного просвещения, с 1848 г. цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета, с 1857 г. чиновник особых поручений при Главном управлении цензуры. Совершил паломничество в Иерусалим в 1857 г. (Зеленина Я.Э., Белик Ж.Г. Первые русские храмы в Иерусалиме. Троицкий собор и церковь мученицы Александры. М., 2011. С. 30, 35).
- ¹⁹ Схимонах Савва — грек, карейский келлиот, один из духовников греческого братства Пантелеимонова монастыря, не принадлежал к братии Русика, но жил в обители. Был одним из главных идеологов греческо-русских споров, обострившихся в 1874 г. Под давлением греческого населения Русика и других афонских обителей игумен Русика Герасим провозгласил о. Савву своим преемником.
- ²⁰ Имеется ввиду Иерусалимский Патриарх Прокопий, занявший Иерусалимский престол после незаконного низложения иерусалимским Синодом Патриарха Кирилла в 1872 г., и вынужденный добровольно отказаться от него в 1874 г.
- ²¹ «Турция» (фр.) Имеется ввиду одна из константинопольских газет.
- ²² Имеется ввиду одна из константинопольских газет.
- ²³ Да будет (греч.)
- ²⁴ Митрополит Пелусийский Амфилохий (1820–1902), родился и умер на о. Патмос. Принял монашеский постриг в монастыре Св. Пантелеимона, был рукоположен в иеромонахи и принадлежал к братии Русика в течение 18 лет. В 1859–1860 гг. он общался с П.И. Севастьяновым, работавшим на Афоне, кроме всего прочего, копировавшим древние рукописи в библиотеках святогорских монастырей. Возможно, именно эта деятельность привлекла внимание Амфилохия к тому, какую ценность представляют для ученых копии греческих рукописей. При поддержке Севастьянова в 1860 г. он был поставлен в игумены монастыря Кутлумуш, где однако не был принят греческой братией обители и возвратился в монастырь Св. Пантелеимона. Амфилохий покинул Русскую обитель в 1863 г. и затем был хиротонисан на кафедру Пелусийской епархии Александрийской Церкви. Эти годы жизни владыки Амфилохия известны нам хуже всего. Александрийскую кафедру занимал тогда Патриарх Иаков II Пакостас (1861–1865) родом с Патмоса, который, вероятно, способствовал возвышению Амфилохия. Во время смуты и церковных беспорядков при патриаршестве Никанора (1866–1869) он оставался в Египте, но вынужден был уехать при восшествии на патриарший престол Нила (1869–1870). С 1869 года Амфилохий жил на родине на о. Патмос. Во время Пантелеимонова процесса 1874–1875 гг. владыка Амфилохий писал Константинопольскому Патриарху, выступая в защиту прав русских монахов перед греками. Позднее он вновь оказался замешан в греческую интригу против о. Иеронима, которая открылась как раз перед приездом владыки Амфилохия в Пантелеимонов монастырь в 1880 г. Митрополит Амфилохий прожил в монастыре до Пасхи 1881 г. и пользовался неизменной моральной и материальной поддержкой Русика. Далее, по-видимому, он оказался в Александрии, откуда был изгнан и запрещен Патриархом Софронием IV (1870–1899) и его преемником Фотием (1900–1925), которые не сняли запрещение, несмотря на неоднократные просьбы самого митрополита Амфилохия. Обстоятельства его запрещения и лишения

кафедры не ясны. С 1883 г. митрополит Амфилохий поселился на Патмосе, в монастыре Св. Иоанна Богослова, духовником которого, как и всего острова, был брат владыки Амфилохия Никодим. Проживая на Патмосе, владыка поддерживал переписку с Пантелеимоновым монастырем и, в частности, с библиотекарем обители о. Матфеем, для которого владыка переписывал греческие рукописи. См.: *Вах К.А.* К биографии переписчика греческих рукописей митрополита Амфилохия // ПОΛΥΙΣΤΩΡ. Scripta slavica Magio Capaldo dicata / Отв. ред. Кристиано Дидди. М., 2015. С. 347–350.

- ²⁵ Анфим VI (1782–1877) — Патриарх Константинопольский, занимал престол трижды: в 1845–1848, 1853–1855, 1871–1873 гг. Был известен своими антиславянскими и антироссийскими взглядами, особенно ярко проявившимися в период Крымской войны. Надежда Антонина на умеренную позицию Патриарха Анфима в болгарском вопросе, скорее всего, отражает позицию посла в Константинополе Н.П. Игнатъева в конце 1871 г. Игнатъев добился смещения прежнего Патриарха Григория VI и сам рекомендовал Анфима на Патриаршую кафедру. Свидание Игнатъева с ним на Афоне в монастыре Эсфигмен, позволяет предположить наличие каких-то предварительных договоренностей между ними. В 60-х гг. XIX в. Анфим не делал резких заявлений против болгарских архиереев и сразу после избрания предпринял шаги в русле договоренностей с Игнатъевым, предполагавшие эволюционный и постепенный путь создания самостоятельного болгарского церковного управления на канонической основе. Он соглашался включить в состав Болгарского экзархата 12 епархий в Румелии, Фракии и Македонии, но действовал крайне осмотрительно, стараясь ни в чем не ущемлять интересы кириархической Церкви. Со стороны греческой партии избрание Патриарха Анфима совершилось на волне антиболгарской истерики. Это не до конца учитывал Игнатъев. Как показали события, любой греческий Патриарх Вселенской Церкви в данных условиях был обречен рано или поздно занять антиболгарскую позицию. Так произошло и в случае с Патриархом Анфимом. После самовольного провозглашения самостоятельности Болгарской Церкви, состоявшегося 11 мая 1872 г., Патриарх Анфим провел Собор в Константинополе, осудивший болгар как схизматиков за филетизм (привнесение национального принципа в православие). Он способствовал действиям иерусалимского греческого синода против Иерусалимского Патриарха Кирилла II, лишившего его сана и объявившего схизматиком из-за нежелания последнего подписать акты Константинопольского собора, обвинявшие болгар в расколе. Но неспособность Патриарха пресечь деятельность Болгарского экзархата (в том числе и в самом Константинополе, где была резиденция болгарского экзарха) в свою очередь вызвала недовольство крайней греческой партии, что вынудило Патриарха 20 сентября 1873 г. заявить о своей отставке.
- ²⁶ Митрополит Пентапольский Нил жил на Афоне с момента приезда до самой кончины 12 ноября 1887 года. С 31 марта 1869 года становится местоблюстителем Александрийского Патриаршего Престола. 2 апреля 1869 года избран Патриархом Александрийским. Патриарх Константинопольский Григорий VI потребовал, чтобы он отказался от кафедры, так как его избрание состоялось без согласия Константинопольской Церкви, которой Нил, как монах монастыря Эсфигмен, должен был подчиняться. Нил ответил отказом. Благодаря действиям русского посла графа Игнатъева и поддержке

Патриарха Антиохийского Иерофея и Патриарха Иерусалимского Кирилла II, удалось отстоять Александрийского Предстоятеля. Однако каирская и александрийская греческие общины отказались назначать Нила; египетское правительство потребовало избрания другого Патриарха, и Нил 28 октября 1870 года признал свою отставку, после чего уехал на Афон и жил до самой смерти в Русике. Совершал рукоположения в русском монастыре. Внезапно скончался в январе 1889 г. См.: *Петрунина О. Е., Вах К. А.* Слабоумие Александрийского Патриарха Никанора (1866–1869): правда или вымысел? // Каптеревские чтения. М., 2014. Вып. 12. С. 82–97.

²⁷ *Помета:* Ответчено 1875 г. 16 августа.

²⁸ Настоятель Русика схиархимандрит игумен Герасим преставился 10 мая 1875 г. После его кончины 20 мая игуменом был избран схиархимандрит Макарий (Сушкин) но официально утвержден был лишь 26 сентября 1875 г.

²⁹ *Помета:* 27 декабря 1875 г. О. архим. Антонина.

³⁰ *Помета:* ответчено.

³¹ На время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. все члены Русской Духовной Миссии в Иерусалиме вынуждены были покинуть палестину и находились в Афинах.

³² Сикофантия — донос, доносительство, от др.греч. «сикофант» — доносящий о вывозе (сушеных) смокв из Аттики.

³³ *Помета:* С о. Виссарионом две книги — 2 сентября и ответчено.

³⁴ Непщевати — думать, полагать, рассуждать (ц-сл.), в данном случае со значением укора.

³⁵ Да будет. Аминь (греч.)

³⁶ *Помета:* 7 июня.

³⁷ Николай Александрович Иларионов — дипломат, консул в Иерусалиме (1876–1880), до назначения в Иерусалим служил консулом в Солуне, был дружен со старцами Русика о. Иеронимом и о. Макарием, после удаления из Иерусалима в следствие конфликта с Антонином служил консулом в Смирне и опять в Солуне, где был последовательным и наиболее активным защитником прав русских мнахов на Афоне. Информация о его пострижении на Святой Горе после выхода в отставку не находит подтверждения. Его кнфликт с Антонином начался до русско-турецкой войны в конце 1876 г. Его причиной стало нежелание Антонина признавать власть консула на территории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и согласовывать с ним свои действия. После окончания войны Иларионов еще до своего возвращения в Иерусалим поставил перед руководством МИД вопрос об изменении статуса начальника Миссии. Вопрос был передан в Палестинскую комиссию для экспертного заключения Б.П. Мансурова, который напомнив о многочисленных предложениях самого Антонина о преобразовании Миссии в Иерусалиме в русский монастырь, предложил преобразовать Миссию. понзив статус ее наальника до уровня настоятеля русских церквей в Палестине. По установившейся традиции считается, что уже принятое решение было отменено в результате ходатайства императрицы Марии Александровны.

³⁸ Афанасий Федорович Чернышев — журналист, спиритуалист, паломник в Иерусалиме, впервые посетил Святую Землю в 1875 г. «Странная личность! — записал о Чернышове о. Антонин. — Не признает себя более спиритом, а верит в духов ме-

диумных и в переселение душ и считает себя непоколебимо православным. В глазах свет недобрый...» (*Архимандрит Антонин (Капустин)*. Дневник. Год 1875. Запись за 18 июля. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1127. Л. 205об.). После русско-турецкой войны вновь приехал в Иерусалим, где близко сошелся с новым иерусалимским консулом Н.А. Иларионовым. Чернышов стал автором пародийной книги-памфлета: «Пейс-паша и его консорты. Мозаики, камеи и миниатюры из любопытных раскопок в трущобах Святой Земли» (СПб., 1881. Под псевдонимом Ю. Добрынин).

³⁹ *Помета*: Ответчено 17 июня.

⁴⁰ *Антонин (Капустин), архим.* Поездка по Румелии. СПб., 1879. Позднее в свет вышла вторая часть этих путевых заметок: *Он же*. Из Румелии. СПб., 1886.

⁴¹ Двухтомные путевые заметки архим. Антонина о поездках по Европейской Турции (Румелии) в 1865 г. получило высокую оценку российских и южнославянских историков и филологов. См.: *Сырку П.А.* Рец. // ЖМНП, 1880. Ч. 209 (июнь). С. 382–429; Ч. 210 (июль). С. 171–215; *Новаковић С.* Српске старине по Македоније. Белешке са путовања архимандрита Антонина од год. 1865 // Гласник Српске Краљевске академије. Београд, 1891. Књ. 9.

⁴² Эккл. 12.12

⁴³ Речь идет о книге о. Антонина *Круг подвижных праздников Церкви*. Собрание слов, бесед и поучений. Ч. 1. Киев.: Тип. Ф. Гликсберга, 1850. [4] 402 с. (2-е изд., испр. Проповеднический круг подвижных праздников Церкви. Слова и беседы на воскресные, праздничные и другие, особенно чувствуемые дни постной и цветной триоди. Ч. 1–2. М.: Тип. Бахметьева, 1867). В Киеве Антонин выпустил первую часть задуманного им сборника, включавшую 20 поучений. Издание 1850 г. стало библиографической редкостью и отсутствовало даже в библиотеке Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

⁴⁴ *Помета*: 7 августа.

⁴⁵ Григорий Георгиевич Покровский — паломник в Иерусалиме.

⁴⁶ Антонин имеет в виду архимандрита Леонида (Кавелина), бывшего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1864–1865), на смену которому в Святой Град был прислан Антонин.

⁴⁷ Сказание о св. Афонской горе игумена Русского Пантелеймонова монастыря Иоакима и иных святогорских старцев: Из сборника Синодальной б-ки, № 272, конца XVII в. / Сообщил иг. Леонид. СПб., 1882 (ПДП. Вып. 30).

⁴⁸ *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему: Исследование двух памятников древней русской письменности XI в. СПб., 1881 (ПДПИ, № 34)

⁴⁹ *Помета*: А.Антонина. 14 мая 1884 г.

⁵⁰ Во время посещения Иерусалима великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами и великим князем Константином Константиновичем в мае 1881 года, о. Антонин получил от них на нужды Миссии 10 000 франков. «Умолил давече Их Высочества, — записал Антонин, — дозволить мне употребить их наполеоны на вывод второго этажа на Иерихонском приюте. Чуть ли не показалось им это обидным». Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881 / Изд. подгот. Н.Н. Лисовой и Р.Б. Бутова. М.: Индрик, 2011. С. 101.

- ⁵¹ Резанцев Александр Васильевич (?-1889), соликамский купец, почетный мировой судья. Трижды посетил Святую Землю, активно помогал о. Антонину. Памятником его благотворительности в Иерусалиме остается огромный колокол на колокольне Русская свеча в Елеонском Вознесенском монастыре.
- ⁵² Антонин имеет ввиду духовника Русика старца Иеронима (Соломенцова), скончавшегося 14 ноября 1885 г.
- ⁵³ Свет Христов просвещает всех (греч.)
- ⁵⁴ Осколков. О нем см. ниже.
- ⁵⁵ Гирс Александр Александрович (1850–1923), российский дипломат, консул в Египте, управляющий консульством в Иерусалиме (август 1885 — март 1886).
- ⁵⁶ Бухаров Дмитрий Николаевич, российский дипломат, консул в Иерусалиме (1885–1888)
- ⁵⁷ Имеется ввиду Н.А. Иларионов. О нем см. выше.
- ⁵⁸ Парфений (Нарциссов Пармен Тимофеевич; 1831–1909) — иеромонах, член Русской Духовной Миссии в Иерусалиме с 3 июля 1881 г, ближайший помощник о. Антонина, отвечал за обустройство участков на Елеоне. С 1906 г. игумен. Убит грабителями в своем доме на Елеоне в ночь на 15 января 1909 г. Похоронен возле Вознесенской церкви с внешней стороны на против места погребения о. Антонина.
- ⁵⁹ Упомянутая беседа состоялась во время второго посещения Антонином Святой Горы в 1863 г. Рассказ о. еронима сохранился в Дневнике Антонина от 16 марта 1863 г. «Потом до одиннадцати часов сидел у о. Иеронима, слушая его полную интереса духовную беседу, и между прочим его рассказ о том, как он чувственно видел беса — в образе арапа с пламеневшим лицом. Прежде чем лечь спать, он сел на постель (еще будучи в России, в одном монастыре), и по обычаю переводил в памяти события дня. Вдруг помysl говорит ему: бес идет. Он поднял глаза и видит вдали за стеною арапа. К удивлению, он не испугался видения, а стал смотреть на явившегося прямо и мужественно. Бес стал приближаться, и по мере приближения лицо его стало краснеть. Наконец он настолько приблизился, что очутился уже по сю сторону стены. Духовидец вздрогнул, встал с постели и выступил навстречу грозному видению и, сделав крестное знамение, громко сказал: именем господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе: исчезни. Затем перед глазами его осталась одна стена. Дивный случай! Ради одного сего рассказа стоило мне приехать на Афон. И много другого рассказал мне почтенный старец. Достоин и праведно занимает пост духовника и вождя иноков. Исповедался и я у его святыни».
- ⁶⁰ *Помета*: О.Матфею. Антонина. Отвечено 18/29.VII.1886.
- ⁶¹ *Леонид (Кавелин), архимандрит*. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Ч. 1–2. М., 1885.
- ⁶² Т.е. производства стекольного завода в г. Гусь Хрустальный, принадлежавшего известному фабриканту и меценату Ю. Мальцеву.
- ⁶³ Александр Захарович Осколков (1834–1919?) — дворянин, участник Крымской войны, художник-самоучка, путешественник. В 1878 г. совершил паломничество на Афон. В 1885 г. посетил Иерусалим (31 января — 19 апреля) где сблизился с о. Антонином; в Святом Граде занимался иконописанием и фотографией, составил план всех русских

владений на Елеоне и проект росписи купола церкви Вознесения. В 1885–1889 г. послушник в Пантелеимоновом монастыре на Афоне; 22 февраля пострижен в рясофор с именем Алексий. В 1892 г. о. Антонин пригласил о. Алексея в Яффу для росписи церкви св. апостола Петра и праведной Тавифы, но этот проект не состоялся. Подробнее см.: Русский Афонский отчетник XIX–XX веков. Т. 1. Святая Гора Афон, 2012. С. 679–686

⁶⁴ П.И. Севастьянов

⁶⁵ Грановский Михаил Феофанович (1833–1906) — студент Императорской Академии художеств, участник афонской экспедиции П.И. Севастьянова 1859–1860 гг, где с ним познакомился о. Антонин. Закончил Императорскую Академию художеств в 1863 г., получил звание свободного художника. В 1863–1864 гг. работал в Иерусалиме помощником главного строителя Русских построек архитектора М.И. Эппингера. После завершения строительных работ и создания Палестинской комиссии для управления иерусалимскими приютами стал сотрудником Палестинской комиссии. В результате отъезда из Иерусалима архитектора Эппингера в 1865 г. занял должность архитектора на Русских постройках. Руководил работами по завершению строительства Троицкого собора (1870–1872). В 1871 г. по его проекту устроена крытая паперть и осуществлялась программа росписи (*Зеленина Я.Э., Белик Ж.Г.* Первые русские храмы в Иерусалиме. Троицкий собор и церковь мученицы Александры. История создания. Художественное убранство. — М., 2011. С. 88–93).

⁶⁶ Олесницкий Аким Алексеевич (1842–1907) — археолог, исследователь Святой Земли, четырежды посетил Иерусалим: в 1873–1874, 1886, 1889 и 1891 гг.

⁶⁷ Паисий (Балабанов Василий Филиппович; 1832–1907), схиархимандрит Пантелеимонова монастыря, настоятель подворья в Константинополе, участник абиссинской экспедиции Н. И. Ашинова (1889). См.: Русский Афонский отчетник XIX–XX веков. Святая Гора Афон, 2012. С. 243–246.

⁶⁸ А.З. Осколкова.

⁶⁹ Иван Иванович Стахеев (1805–1885), елабужский купец, благотворитель.

⁷⁰ *Карандашом черновик ответа:* Смирнейше благодарю Вас за присланные с разных древних документов обители нашей копии, которые переданы достопочтенному о. Матфею (книгоядцу по Вашему признанию этого имени о. Агапию), который рассмотрел у себя в библиотеке и найдя что-либо утраченным, поступит по Вашему указанию.

⁷¹ *Помета:* 15 марта.

⁷² Христос посреде нас (греч.)

⁷³ Т. е. св. Макария Египетского

⁷⁴ Творение рук (греч.)

⁷⁵ Греческая транслитерация русского слова «благодарю».

⁷⁶ *Помета:* отвечено.

⁷⁷ Патриарх Иоаким III дважды занимал Константинопольскую кафедру: в 1878–1884 и 1901–1912 гг. Чуждый националистических пристрастий, искренне расположенный к России, Иоаким III, еще будучи Фессалоникийским митрополитом, поддерживал русских монахов на Афоне. В марте 1884 года Иоаким III был вынужден подать в от-

ставку, которая была с сожалением воспринята как греками в Турции, так и в России. Через три года, в 1887 году, он поселился на Афоне в келлии Милопотамон, принадлежащей Великой Лавре. Пребывая на Св. Горе, он по-прежнему живо интересовался происходящими там событиями и особенно положением русского монашества. Именно его посредничеству обязано мирное разрешение многих спорных вопросов. Деятельность Иоакима III была известна российским властям. 11 февраля 1887 г. обер-прокурор К.П. Победоносцев в письме к игумену Макарию (Сушкину) прямо просил его принять Патриарха в обители в случае его приезда на Святую Гору и поддержать во всем. Переезд патриарха из Константинополя на Афон состоялся на специально нанятом для этого игуменом Макарием пароходе. Патриарх жил на Афоне до 1901 г., активно участвуя в устроении монастырской жизни Святой Горы.

⁷⁸ *Помета*: Ответчено 16.VI.1889.

⁷⁹ *Помета*: Ответчено 18 ноября 1890 г. Послано новое издание «Афонский патерик» в 2-х частях. «Жизнь Божией Матери»

⁸⁰ Так в тексте.

⁸¹ Архимандрит Мефодий (Матфей Петрович Холмский; 1831–1906), в 1894–1906 гг. настоятель Никандровой пустыни под Псковом.

⁸² *Помета*: 1862 разглагольствие.

⁸³ Добровольное послушание (греч.)

⁸⁴ «Человеку свойственно ошибаться» (лат).

⁸⁵ А.Б. Лобанову-Ростовскому, в 1860–1863 гг. исполнявшему должность российского посланника в Константинополе.

⁸⁶ Листок с текстом, вероятно был вложен в одно из писем. Определить точнее не представляется возможным.

⁸⁷ Эта часть письма опубликована: *Дмитриевский А.А.* Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В.И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) // *Byzantinorussica*. М., 1995. № 1. С. 178.

⁸⁸ Письмо без даты. Возможно было вложено в другое письмо, адресованное старцам обители.

⁸⁹ Монастырь Святого Павла, поддерживая в Протате Руссик по многим острым вопросам просил о разрешении сборов в России; разрешение Синода по разным причинам долго не поступало. Отцы просят Антонина похлопотать о том же разрешении для монастыря Григориат.

⁹⁰ Житие св. Василия Нового. Судя из дальнейшего, речь идет о списке славянского перевода.

⁹¹ «Прения с еретиком Ерваном свт. Григентия (в слав. традиции — Григория), еп. Химьяра («Омиритского»).

⁹² *Дмитриевский А.А.* Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В.И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) // *Byzantinorussica*. М., 1995. № 1. С. 179–180.

⁹³ Там же. С. 178.

⁹⁴ Т.е. пароходом.

⁹⁵ *Помета*: 1862. Благодарение и вновь прошение старых книг. Старую Кормчую нашу показать ему.

- ⁹⁶ По европейскому летоисчислению 1500 — 1650 гг.
- ⁹⁷ Цитата (место издаия) из выходных данных книги.
- ⁹⁸ Т.е. — не считайте денег. «Карбовалы» — то же, что «карбованцы» (укр.) — рубли, память о годах обучения Антонина в Киеве.
- ⁹⁹ Последний абзац письма опубликован. *Дмитриевский А.А.* Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В.И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) // *Byzantinorussica*. М., 1995. № 1. С. 176.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 188.
- ¹⁰¹ Я забыл ...ошибаться свойственно человеку, святой отче (лат.)
- ¹⁰² Письмо без даты, возможно было вожено в общий конверт с письмом к старцам Русика. *Помета*: Вопрос о Симонидисе. Ответчено июля 17.
- ¹⁰³ Знаменитый господин Константин Симонидис (греч.)
- ¹⁰⁴ Константин фон Тишендорф (1815–1874), немецкий библеист, собиратель рукописей. Архимандрит Порфирий (Успенский) первый обнаружил на Синае древнейший кодекс Библии, но не понял его значения. Тишендорф первым сообщил о нем миру и в дальнейшем выступил с инициативой приобретения его для России. В 1859 г. на средства русского правительства и при личном участии великого князя Константина Николаевича он отправился в монастырь Св. Екатерины, получил рукопись и привез ее в Петербург. Затем подготовил издание и опубликовал кодекс в Лейпциге в 1862 г. с посвящением императору Александру II. Вслед за этим известный греческий авантюрист Константин Симонидис объявил, что рукопись еще в 1839 г. была подделана им самим на Афоне. В 1863 г. Синод поручил Антонину проверить — действительно ли Симонидис мог подделать кодекс.
- ¹⁰⁵ Эта часть письма опубликована *Дмитриевский А.А.* Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В.И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) // *Byzantinorussica*. М., 1995. № 1. С. 174–175.
- ¹⁰⁶ Абзац опубликован. Там же. С. 177.
- ¹⁰⁷ Абзац опубликован. Там же. С. 188.
- ¹⁰⁸ Абзац опубликован. Там же. С. 178–179.
- ¹⁰⁹ Несколько карповолов, т. е. рублей (греч.)
- ¹¹⁰ Абзац опубликован. Там же. С. 179.
- ¹¹¹ Толкование изобразительного искусства (греч.)
- ¹¹² Речь идет о второй поездке Антонина на Афон в марте 1863 г.
- ¹¹³ Н.П. Игнатьев.
- ¹¹⁴ Великий Часослов.
- ¹¹⁵ Абзац опубликован. *Дмитриевский А.А.* Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В.И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) // *Byzantinorussica*. М., 1995. № 1. С. 185.
- ¹¹⁶ «М(-рь) Руссико основан, как сказано в русском сборнике г. Погодина, Ярославом великим князем киевским. Действительно, его древность восходит до первой половины XI столетия (см. сборник г-на Погодина № 94 (239 тож), где сказание старца Исая в XVI ст. и архим. Феофана в XVII ст.)» — *Григорович В.И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. 2-е изд. М., 1877 (репринт — София, 1978). С. 70.

- ¹¹⁷ Я, некий Варикстис, вроде монах Иосиф (или Васил...) подписал (греч.).
- ¹¹⁸ Данное постановление (греч.).
- ¹¹⁹ Подписано мной, Протом ... подписано тем, кто подле меня, Прота (греч.)
- ¹²⁰ Данное постановление я подписал. Это сделано честнейшим кафигуменом Русов обители Фессалоникийца, подписано бывшим до меня Протом (греч.).
- ¹²¹ См. омолог Пантелеймонова монастыря № 10, где по-славянски подписан «Прот Святой Горы Афона. Смиранный Дорофей. Инд. 4-го, года 6874 (1366)». Он очень мог протствовать и в 1372 году, когда могла явиться и самая скрепа.
- ¹²² Подписывает и некто, состоящий при мне (греч.).
- ¹²³ Для большей надежности (греч.)
- ¹²⁴ Протом, который был прежде меня ... мной, протом (греч.)
- ¹²⁵ Бывший Прот Св. Горы (греч.)
- ¹²⁶ Для полной (греч.).
- ¹²⁷ Мной (греч.)
- ¹²⁸ Святое послушание (греч.)
- ¹²⁹ Речь идет об акте 980 г. из архива Зографского м-ря, посвященном продаже афонского монастырька Св. Апостолов (см., например: *Иванов Й.* Български старини из Македония. 2-е изд. София, 1931 (репринт — 1971). С. 527–535. Однако подпись зографского игумена Макария на нем (снимок см. там же. С. 529) датируется (вопреки мнению Иванова) по палеографическим признакам не ранее конца XIII в., более вероятно датировка первой пол. — сер. XIV в.
- ¹³⁰ Т.е. дефектные, с гуртиком, обрезанным (либо опиленным) ростовщиками-евреями. Уместно вспомнить мечту банкира — волшебный напильник, фигурирующий в рассказе Э.-Т.А. Гофмана «Выбор невесты», при работе которым состояние гуртиков чудесным образом улучшается.
- ¹³¹ *Помета*: Гласа второго: Нетрену, необычну..... Песнь шестая: Глас... глагол ..... един бо еси нашего спасения виновен (В службе на 17 января)..... $\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma \gamma\alpha\rho \epsilon\iota \tau\eta\varsigma \eta\mu\acute{o}\nu \sigma\omega\tau\eta\rho\iota\alpha\varsigma \alpha\iota\tau\iota\omicron\varsigma$. В каноне на Сретение Господне в четвертой песни в последнем тропаре оный — виновен по-гречески $\alpha\iota\tau\iota\omicron\varsigma$ тоже.
- ¹³² Изречения старцев ... [Сборник] Евергетинского монастыря (?) (греч.)
- ¹³³ Ясно (греч.)
- ¹³⁴ Там находится и келлия Святого Иоанна Дамаскина. Там он написал Достойно есть яко воистину... а также октоих (греч.)
- ¹³⁵ Нового священику (греч.)
- ¹³⁶ Павел Иванович Савваитов (1815–1895), историк, славист, археолог.
- ¹³⁷ Слово неразборчиво
- ¹³⁸ Воскомастичная живопись (греч.).
- ¹³⁹ Живопись по стеклу (греч.).
- ¹⁴⁰ Речь идет, вероятно, о предании, возникшем в XIX в., согласно которому основатель русского монашества прп. Антоний Печерский подвизался в Эсфигменском монастыре, тогда как в житии святого речь идет об Афоне вообще (см.: *Антонин (Капустин), архимандрит.* Заметки паломника Святой Горы. М., 2013. С. 245–247).

- ¹⁴¹ В высшей степени (лат.)
- ¹⁴² Монастыря (греч.)
- ¹⁴³ Полновесных стаменов с изображением солнца и луны (греч.)
- ¹⁴⁴ «Трагос» (греч.: «Козлиная шкура (кожа)». См.: Антонин (Капустин), архимандрит. Заметки поклонника Святой Горы. М., 2013. С. 64.
- ¹⁴⁵ Консул (греч.)
- ¹⁴⁶ Название келлии, где Архангелом Гавриилом была дана песнь «Достойно есть». Буквально — петь, воспевать (греч.)
- ¹⁴⁷ Имеющему разум — достаточно (лат.)
- ¹⁴⁸ Т.е., выполненные в технике энкаустики, основанной на использовании горячих восковых красок. Применение этой техники для настенных росписей, насколько известно, не засвидетельствовано.
- ¹⁴⁹ Письмо без даты, датировка сделана на основании косвенных данных. См. письмо к о. Азарии от 12 апреля 1869 г.
- ¹⁵⁰ Вероятно, речь идет о книгах И.П. Сахарова «Путешествия русских людей по Святой земле» (СПб., 1839. Ч. 1–2) и многотомных «Сказаниях русского народа» (СПб., 1849).
- ¹⁵¹ «Черниговский» в данном случае в переносном смысле — тук с книгами преосв. Филарета (Гумилевского), архиеп. Черниговского (см. ниже).
- ¹⁵² *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский*. История Русской церкви. 2-е изд. М., 1850–1851. Т. 1–3.
- ¹⁵³ Хорошо — (лат.)
- ¹⁵⁴ *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский*. Обзор русской духовной литературы. 2-е изд. Харьков, 1859–1861. Кн. 1–2.
- ¹⁵⁵ Очень хорошо (греч.)
- ¹⁵⁶ *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский*. Святые южных славян. Чернигов, 1863. — А.Т
- ¹⁵⁷ *Филарет (Гумилевский), митр. Черниговский*. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно: Опыт описания жизни их. Чернигов, 1861–1864. Т. 1–8 (2-е изд. — 1865). — А.Т
- ¹⁵⁸ Имеется в виду библейский сон фараона о тучных и тощих коровах, истолкованный Иосифом Прекрасным (Быт: 41,1–32).
- ¹⁵⁹ Теперь, что будем делать? (греч.)
- ¹⁶⁰ *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский*. Святые южных славян. Чернигов, 1863.
- ¹⁶¹ *Филарет (Гумилевский), митр. Черниговский*. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно: Опыт описания жизни их. Чернигов, 1861–1864. Т. 1–8 (2-е изд. — 1865).
- ¹⁶² Анонима «Сведения о Иерусалиме» (греч.)
- ¹⁶³ Там находится келлия Св. Иоанна Дамаскина. Там он написал «Достойно есть, яко воистину...» и Октоих (греч.)
- ¹⁶⁴ «Указание» есть творение Вениамина иромонаха (греч.)
- ¹⁶⁵ Другое житие Св. Николая (греч.)
- ¹⁶⁶ Во дни оны благоволил Господь, чтобы Писания были переписаны по порядку (греч.)
- ¹⁶⁷ Сборника Константинопольского филологического общества (греч.)

- ¹⁶⁸ *Помета*: Патриарховец, т.е. иеромонах патриаршего дома (вышесказанная монограмма).
- ¹⁶⁹ Достойно есть (греч.)
- ¹⁷⁰ Имеется в виду потийский царь Митридат VI Евпатор, по преданию отличавшийся исключительной памятью
- ¹⁷¹ Антонин напрасно сомневается в правильности передачи имен русских царей — формы вполне соответствуют нормам кон. XVI — перв. пол. XVII вв., употреблявшимся в грамотах.
- ¹⁷² Перевод стихотворения см.: *Иванов С.А.* В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М., 2011. С. 505–506.
- ¹⁷³ Т.е. изложение жития героя-змееборца Михаила Воина Болгарского (память 22 ноября) в изданной в Чернигове книге архиеп. Филарета (Гумилевского). См. примеч. 169. За основу здесь взята болгарская проложная повесть нач. XIII в.
- ¹⁷⁴ Т.е., по похвальному слову Михаилу Воину св. Евфимия, патр. Тырновского (1375–1393), известному в 4 славяно-молдавских списках XV–XVII вв. О каком втором похвальном слове Евфимия идет речь в письме — неясно (всего их сохранилось 4).
- ¹⁷⁵ Относительно первого наиболее обоснованной в настоящее время представляется версия, что речь идет о византийском императоре Михаиле VI Пафлагоне (1034–1041) или Михаиле VII Дуке (1071–1078). Значительно менее вероятно, что имеется в виду болгарский князь (не царь) Борис-Михаил (852–889). См.: *Иванова К.* Литературни наблюдения върху два похвални слова от Евтимий Тырновски // Старобългарска литература. София, 1983. Кн. 14. С. 10–24; Старобългарска литература и книжнина през XIII в. / Под ред. на И. Божилов и С. Кожухаров. София, 1987. С. 213–214; Патриарх Евтимий. Съчинения / Съст. К. Иванова. София, 1990. С. 283. Кало-Ян (Калоян) — болгарский царь из династии Асеней (1197–1207), при котором мощи Михаила Воина в 1205 г. были перенесены из г. Потука в Тырнов. Неясно, почему архим. Антонин предполагает видеть в нем последнего тырновского царя Иоанна Шишмана (1371–1393), возможно, потому, что он был современником патр. Евфимия.
- ¹⁷⁶ Другое житие (греч.)
- ¹⁷⁷ Истории Св. Горы (греч.)
- ¹⁷⁸ Христос Воскресе! (греч.)
- ¹⁷⁹ В отношении единосущного (греч.)
- ¹⁸⁰ Сборника (греч.)
- ¹⁸¹ Подобной (греч.)
- ¹⁸² Капитон Иванович Невоструев (1815–1872) — известный русский филолог и археограф, соавтор А.В. Горского по описанию славянских рукописей Московской Синодальной б-ки (см. о нем: *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь.* М., 1979. С. 248; *Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Указатель.* М., 1986. Т. 1. Вып. 2. С. 153–159).
- ¹⁸³ Другое житие (греч.)
- ¹⁸⁴ Большой пробел (лат.)
- ¹⁸⁵ Иеромонах Константин (в миру Кирилл Политанский) — священномученик, родился в России, окончил Киево-могилянскую академию. С 1733 г. священник при рос-

сийской посольской церкви в Константинополе. Во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. уехал из Константинополя на Афон, откуда совершил паломничество в Иерусалим. После окончания войны вернулся в Константинополь на прежнее место службы. По неизвестным обстоятельствам внезапно перешел в ислам, был обласкан султаном, но затем, так же внезапно публично отрекся от Магомета и был немедленно убит турками. Мученическая кончина его совершилась 26 декабря 1748 г. Житие священномученика Константина было написано на Афоне иеромонахом Ионой, одним из учеников прп. Акакия Кавсокаливита. См.: История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен до 1735 года / Серия: Русский Афон XIX–XX веков. Святая Гора Афон, 2015. С. 578–580.

¹⁸⁶ Григорович, Виктор Иванович (1815–1876), выдающийся русский славист, один из создателей отечественного славяноведения как самостоятельной научной дисциплины, в описываемое время профессор Новороссийского (в Одессе) университета (подробнее о нем см.: Славяноведение в дореволюционной России... С. 131–134; Рукописные собрания... М., 1983. Т. 1. Вып. 1. С. 161–178; Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 102–104). В 1844–1845 гг. первым из русских светских исследователей совершил путешествие на Афон, о чем по возвращении написал книгу (*Григорович В.И. Очерк путешествия по Европейской Турции*. Казань, 1848; 2-е изд.: М., 1877 (репринт: София, 1978); см. также: Донесения В.И. Григоровича о его путешествии по славянским землям. Казань, 1915). СобираТЕЛЬские методы В.И. Григоровича (присущие, впрочем, не одному ему, а скорее характеризующие нравы эпохи) постоянно вызывали у архим. Антонина, отличавшегося (как видно и из его писем) чрезвычайной щепетильностью в вопросах приобретения древностей (и в том числе рукописей) крайнее возмущение (см.: Заметки поклонника... С. 52, 273, 331, 361, и др.).

¹⁸⁷ Речь идет о так называемой Драгановой Минее (или Зографском Трефологии), болгарской Минее праздничной с проложными житиями кон. XIII — нач. XIV в. (Афон, Зограф, Слав. 54), из которой В.И. Григорович извлек ряд листов (8?), в частности, со службой Константину-Кириллу Философу (6 л.), местонахождение которых в настоящее время неизвестно (в 1890-х гг. находились в Свято-Пантелеимоновом монастыре).

¹⁸⁸ Речь идет, вероятно (учитывая утрату начала кодекса), о сербском пергаменном Евангелии начала XIV в. (Афон, Б-ка Свято-Пантелеимонова монастыря, Слав. 2), переписанном, как можно судить по почерку, одним из лучших каллиграфов своего времени, дьяком Георгием Радославом.

¹⁸⁹ Речь идет об одной из древнейших славянских рукописей, глаголическом Мариинском Евангелии тетр XI в. (РГБ, собр. В.И. Григоровича (ф. 87), № 6 / М.1689). Название кодекса получил по Мариинскому скиту (Ксилургу), где он был найден согласно официальной версии. Она явно вызывает у архим. Антонина сомнение, однако своего мнения по данному вопросу он не сообщает.

¹⁹⁰ *Помета*: отвечено 1871 г. Мая 11. Беседа о книге преп. Евфимия и о Трагосе. 1871.

¹⁹¹ Нужно нам всем приходящим (греч.)

¹⁹² Следует всем к нам приходящим (греч.)

- ¹⁹³ Парфений (Агеев), автор знаменитого «Странствия инока Парфения...» изданного в России в четырех книгах двумя изданиями в 1855 и 1856 гг.
- ¹⁹⁴ *Помета*: Письмо о монетах и кое-что есть деловое. 1871.
- ¹⁹⁵ Другое житие (греч.)
- ¹⁹⁶ Савваитов, Павел Иванович (1815–1895) — историк, археолог, археограф, профессор СПбДА.
- ¹⁹⁷ Не вполне понятно. Букв. «Царская оффицина»
- ¹⁹⁸ Т.е. рукописях (греч.). Афонский монастырь Св. Павла, бывший до сер. 18 в. сербским, обладал замечательным собранием славянских рукописей, в описываемый период бывшим по крайней мере третьим по значению на Афоне, после Хиландаря и Зографа. В нач. 20 в. (1908?) оно полностью погибло при пожаре монастырской библиотеки, уцелели лишь рукописи, проданные до того в другие монастыри (например, Св. Пантелеймона, Дохиар) и отрывки, вывезенные на протяжении сер. 19 — нач. 20 вв. учеными коллекционерами. О собрании в 19 в. писали еп. Порфирий (Успенский), В.И. Григорович и сам архим. Антонин. Наиболее полная (хотя и далеко не исчерпывающая) характеристика коллекции дана в статье архим. Леонида (Кавелина) «Славяно-сербские книгохранилища на Святой Афонской горе, в монастырях Хиландаре и Святом Павле» (ЧОИДР, 1875. Кн. С. Кн. 1. С. 50–80). См. также: *Пузовић Љ*. Библиотека манастира Светог Павла на Светој Гори. // Читалиште: Научни часопис за теорију и праксу библиотекарства. 2014. Бр. 25 (ноябрь). С. 45–53.
- ¹⁹⁹ Во время последней экспедиции П.И. Севастьянова на Афон в 1859–1860 гг., проходившей под эгидой и в интересах Императорской Академии художеств и Священного Синода появился проект передачи в дар Русской Церкви всех славянских рукописей из библиотеки монастыря Святого Павла. Антонин, совместно с П.И. Севастьяновым составил их каталог. См.: НИОР РГБ. Ф. 269. Оп. 1. Карт. 6. Д. 6.
- ²⁰⁰ Письмо без даты.
- ²⁰¹ Надежным образом (греч.)
- ²⁰² Житие (греч.)
- ²⁰³ Александр Дмитриевич Ушинский (псевдоним — *Неизвестный*) — журналист, писатель, церковно-общественный деятель. Занимался вопросами народного образования и духовного воспитания. Опубликовал ряд очерков о русском паломничестве в Иерусалиме; рассматривал деятельность архимандрита Антонина и Русской Духовной Миссии с негативной стороны, но при этом предлагал реальные пути решения существовавших, по его мнению, проблем. В.Н. Хитрово, писал о его работах: «Весьма интересные статьи. Хотя выводы о наших поклонниках по двум-трем примерам нельзя признавать, по моему мнению, вполне верными. Меры, предлагаемые г. Ушинским, для устройства наших поклонников в Палестине, весьма рациональны и удобны в их применении» (*Хитрово В.Н.* Палестина и Синай. Библиографический указатель русских книг и статей о святых местах Востока, преимущественно палестинских и синайских. СПб., 1876. С. 95). Статьи Ушинского См: *Ушинский А.Д.* Взгляд на русское поклонничество в Палестине как на религиозно-нравственную школу народного образования // Церковно-общественный вестник. 1874. № 90–94, 113. Перепеч. Русские ведомо-

- сти. 1874. № 175; *Ушинский А.Д.* Темная сторона русского поклонничества в Палестине // Церковно-общественный вестник. 1874. № 146–147; *Ушинский А.Д.* Интересы Русской Церкви и поклонничества в Палестине // Церковно-общественный вестник. 1875. № 118; *Ушинский А.Д.* О деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, на основании заявлений, сделанных архим. Антонином // Церковно-общественный вестник. 1876. № 17–18. В 1880-х гг. жил в Киеве. Сохранились письма А.Д. Ушинского к С.И. Пономареву в 1883 г. (РГАЛИ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 320).
- ²⁰⁴ Все прочие (лат.).
- ²⁰⁵ По возможному нельзя делать вывод о действительном (лат.).
- ²⁰⁶ Дланью, и мы поможем. (греч.)
- ²⁰⁷ Дланью, и мы уйдем (греч.)
- ²⁰⁸ Другого жития Св. Николая (греч.)
- ²⁰⁹ Датировка письма отсутствует. Дата установлена на основании данных дневника о. Антонина. Речь идет о письме, присланном в Афины с Петалийских островов об опасной болезни певчего Н.А. Мирославского, которое Антонин получил в Афинах по возвращении с отдыха в Оропо и на которое он сразу ответил.
- ²¹⁰ Михаил Петрович Томилин, певчий посольской церкви в Афинах.
- ²¹¹ Василий Сергеевич Неклюдов (1818–1880) — 1-й секретарь русской дипломатической миссии в Афинах. Впоследствии председатель Комиссии о перестройке Благовещенского собора в Москве, управляющий императорскими московскими театрами, состоял при Министерстве императорского двора.
- ²¹² Николай Андреевич Мирославский — певчий русской посольской церкви в Афинах. Скончался в 1856 г.
- ²¹³ *Помета*: Письмо со Святой Горы единственное.
- ²¹⁴ Т.е. посольскую церковь св. Троицы в Афинах
- ²¹⁵ Места в Греции, где о. Антонин неоднократно бывал. Петалийские острова, о. Порос. Дафни—монастырь к югу от Афин, который он исследовал вместе с П. И. Севастьяновым в 1859 г.
- ²¹⁶ Тризинский Босфор. Тризина—место на Пелопоннесе, куда о. Антонин совершил археологическую поездку и впоследствии описал ее в статье.
- ²¹⁷ Датировка письма отсутствует.
- ²¹⁸ Отче, пойдёмте кушать (греч.)
- ²¹⁹ Т.е. Герцена, у которого бывший диакон посольской церкви в Афинах Агапий состоял корреспондентом.
- ²²⁰ Терпение (греч.)
- ²²¹ Письмо без даты.
- ²²² «Пересвет» — фрегат в Пирее, прикомандированный в распоряжение российского посольства в Афинах.
- ²²³ Анатолия — небольшое имение близ Афин в Иллисии приобретенное зографским иеромонахом Анатолием на имя монастыря Зограф в период своего служения в должности настоятеля русской посольской церкви в Афинах (1838–1843). В 1847 г. иеромонах Анатолий вернулся на Афон в Зографский монастырь, и в 1848 г. скончался. Впослед-

ствии участок был передан Зографом в дар русскому правительству. О. Антонин особенно полюбил это имение («Анатолия») и вложил большие средства в реконструкцию дома и устройство там небольшой церкви.

- ²²⁴ Датировка письма отсутствует. Дата установлена по Дневнику о. Антонина. 24 марта в Константинополь из Афин прибыл Александр Филимонович Суворов с монетами для о. Антонина. После их разбора и изучения Антонин «писал в Афины письма до самого белого света» 30 марта.
- ²²⁵ Иван Константинович Папаригопуло — грек, вероятно российский подданный, служащий русского посольства в Афинах.
- ²²⁶ Вас Григорьевич Галенко, певчий русской посольской церкви в Афинах.
- ²²⁷ Архимандрит Георгий Калаган, дом которого был арендован для проживания притча русской посольской церкви в Афинах.
- ²²⁸ Мостинскому.
- ²²⁹ Анонин перечисляет своих домочадцев и слуг в Афинах.
- ²³⁰ Датировка отсутствует. На письме сделана помета «Май. 1862».
- ²³¹ Владыкой (греч.)
- ²³² Датировка отсутствует. Дата установлена по Дневнику о. Антонина.
- ²³³ Т.е. клиру русской посольской церкви в Афинах.
- ²³⁴ Феодорит Ктенас (Папа Ктена) — афинский священник, позднее ахимандрит, близкий знакомый о. Антонина в период его службы настоятелем посольской церкви в Афинах.
- ²³⁵ Алексей Михайлович Кумани (1832, по другим данным 1835, — после 1891) — по происхождению грек, служил советником посольства в Константинополе, затем секретарем посольства в Париже, генеральным консулом в Париже (1876–1880), дипломатическим агентом и генеральным консулом в Болгарии (1880–1881), генеральным консулом в Кадиксе (1882–1883), Марселе (1883–1886), посланником в Китае (1886–1890).
- ²³⁶ И да получит еще более высокий (греч.)
- ²³⁷ И желаю ей многая лета (греч.)
- ²³⁸ Дата и место отсутствуют. Год «1863» проставлен карандашом.
- ²³⁹ Мимико—Диитрий Мангель, воспитанник о. Антонина
- ²⁴⁰ Т. е. обол.
- ²⁴¹ Датировка основана на карандашной помете и местонахождении письма в архивной папке.
- ²⁴² Галенко.
- ²⁴³ Мелидони-Дандоло Георгий (капетан Фотья), врач в Афинах, лечивший Антонина.
- ²⁴⁴ Лев (греч.)
- ²⁴⁵ Слово неразборчиво.
- ²⁴⁶ Как командиру всей нижней области (греч.)
- ²⁴⁷ Рекомендательными грамотами (греч.)
- ²⁴⁸ Афанасий Яковлевич Мостинский, регент хора русской посольской церкви в Афинах
- ²⁴⁹ Подобную (греч.)
- ²⁵⁰ Самури Фотий Яковлевич — драгоман русского вице-консула в Яффе. В письме к Н.П. Игнатьеву от 12 августа 1866 г. Антонин просил отметить его службу: «Отличный

этот человек 29 лет уже состоит в службе нашей и не имел счастья привлечь на себя ничье благовольтельное внимание... Призрите на него милостиво Вы, человеколюбивейший Николай Павлович!». См.: Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. 1865–1893 / Издание подготовили К. Вах и О. Анисимов — М. 2014. С. 73.

²⁵¹ Российский консульский агент в Пирее.

²⁵² Много поклонов. Имей, друже, терпение! (греч.)

²⁵³ Август Иванович Эбегард, консул в Сире, затем на Пелопоннесе.

²⁵⁴ Датировка отсутствует. Дата определена по упоминаемым в письме реалиям и Дневнику о. Антонина. Можно предположить, что точная дата письма 25 мая 1866 г.

²⁵⁵ Цитата из письма Н.П. Игнатьева к Антонину от 6 апреля 1866 г.

²⁵⁶ Брат А.Я. Мостинского.

²⁵⁷ Бракосочетание короля Греции Георга I с дочерью великого князя Константина Николаевича Ольгою состоялась 15/27 октября 1867 г. в Петербурге.

²⁵⁸ Терпение (греч.)

²⁵⁹ Иван Михайлович Добротворский — церковный историк и археограф. В 1865 г. по собственному прошению уволен со службы в учебных заведениях по ведомству Синода и Министерства народного просвещения и отправлен в научную командировку в Германию, Грецию, Египет, Палестину и Константинополь. В 1868 г. занял место экстраординарного профессора по кафедре Церковной истории Казанского университета.

²⁶⁰ Имеется ввиду посещение Афин великим князем Константином Николаевичем в 1859 г.

²⁶¹ Милость мира (греч.)

²⁶² Высокопреосвященный Мелетий, митрополит Петры Аравийской, наместник Патриарха Иерусалимского, до начала 1860-х гг. фактически был одним из руководителей Синода Иерусалимской Церкви, один из самых любимых русскими паломниками греческих архиереев, называвших его «Святой Петр» и «Архиерей Света», поскольку именно он в течение почти полувека совершал обряд получения Святого Огня в храме Воскресения в Великую Субботу. Имя его было хорошо известно в России как среди простого народа, так и среди высшей столичной аристократии, с которыми он состоял в переписке и в духовном общении. Скончался 26.12.1867 г. на 83-м году жизни и похоронен на православном Сионском кладбище в Иерусалиме. *Соловьев П.* Блаженной памяти Мелетий, митрополит Петры Аравийской. [СПб.], 1869; Преосвященный Мелетий, наместник Иерусалимского Патриарха, митрополит Петры Аравийской // *Антонин (Капустин), архимандрит.* Из Иерусалима. Статьи. Очерки. Корреспонденции. 1866–1891 / Изд. подготовила Р.Б. Бутова. М.: Индрик, 2010. С. 371–373.

²⁶³ Христос воскрес! (греч.)

²⁶⁴ Имеется ввиду епископ Полтавский и Переяславский Александр (Павлович). В 1868 г. он совершил паломничество в Иерусалим и на Афон, посетил Грецию и Константинополь. Антонин прибыл в Константинополь из Иерусалима 17 августа. 18 августа состоялась его беседа с владыкой об афинских делах, а 19 августа епископ Александр отбыл в Россию.

К ИСТОРИИ РУССКО-АФОНСКИХ СВЯЗЕЙ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

**(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ
МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА И А.Н. МУРАВЬЕВА)***

И.Ю. Смирнова

В середине XIX в. Афон оказался в центре внимания дипломатических кругов Великобритании и России. Поводом к тому послужили события 1848–1849 гг., повлекшие вмешательство России в дела на Балканах, что спровоцировало обострение военно-политической ситуации в ближневосточном регионе. Внимание, которое начал проявлять дипломатический и синодальный Петербург к Святой Горе в конце 1849 — начале 1850 г., не могло не насторожить британских дипломатов, видевших своей основной задачей препятствовать сближению Элладской Церкви с Константинопольским Патриархатом, сеять вражду между Греческой и Русской Церквями, не допускать активизации российского присутствия на Святой Горе. В этой связи союз Православных Церквей, единство православного монашества, в том числе на Афоне, служили важным фактором политической стабильности на Христианском Востоке и являлось предметом особой заботы дипломатов церковных, в том числе таких известных своим участием в делах Православного Востока деятелей как митрополит Московский Филарет (Дроздов) и А.Н. Муравьев.

Отношение митрополита Филарета к Афону определяли две составляющие — понимание положения Православия на Православном Востоке и уважение к монашескому подвижничеству.

Не выезжавший за пределы Москвы и Петербурга, Филарет был, однако, хорошо осведомлен во всем, что происходило во всей православной ойкумене, в том числе на Святой Горе. Как члену Св. Синода ему была известна синодальная переписка по вопросам положения русского монашества на Афоне. Источниками информации для него также становились те светские и церковные лица, которые путешествовали по Востоку или исполняли церковное или дипломатическое служение.

Среди них прежде всего следует назвать иеромонаха Аникиту, в миру князя Сергея (Ширинского-Шихматова), совершившего в 1834–1836 гг.

путешествие по Востоку, а в 1837 г. назначенного настоятелем посольской церкви в Афины. Летом (в июне-июле) 1834 г. по пути в Святую Землю иеромонах Аникита прибыл на Афон.

Что же представлял собой Святой Афон в то время и каким видел его святитель со слов русских путешественников?

«Пантелеимонов монастырь, или Русик, как его тогда называли, в это время находился в критическом состоянии, — писал о. Аникита. — Протат Святой Горы даже обращался к Константинопольскому Патриарху с просьбой, дабы навсегда вычеркнуть эту историческую обитель из списка афонских монастырей и землю его разделить между другими греческими монастырями. При этом афонские власти позабыли об узаконенной еще в 1626 году неизменности количества монастырей, которое должно равняться двадцати, и ни при каких обстоятельствах это число не могло быть нарушено. Видимо дела этого монастыря были настолько плохи, что для этого случая считалось возможным сделать исключение»¹.

Греческое восстание 1821 г. и последующее десятилетие привело Афон в крайнее запустение:

«Горькие следы оставило оно по всему Афону: большая часть братии разбежалась; иверцы и ватопедцы, хотя и не оставляли своих обителей, но были под непрерывным страхом смерти, потому что султан Махмут хотел казнить всех за возмущение. Рождение нынешнего султана Абдул-Меджида изменило гнев на милость, но гарнизоны турецкие, поставленные внутри монастырей для охранения их от морских разбойников, были хуже пиратов. Они требовали себе денег, и братия принуждена была продать и заложить лучшие вещи, снять ризы с икон, чтобы удовлетворить их жадности; а между тем нельзя было выйти за ограду, потому что разбойники грабили по всему полуострову»².

Лишь Адрианопольский мир, заключенный между Россией и Портой в 1829 г. восстановил спокойствие на Святой Горе, когда «мало по малу начал водворяться порядок и возвратилась братия»³.

По просьбе греческих монахов Пантелеимонова монастыря, «доведенных до крайности долгами и нищетой», иеромонах Аникита привел к ним 25 иноков, «в основном из малороссов Ильинского скита», дал им деньги на строительство храма в честь новопрославленного святителя Митрофания Воронежского, а сам отбыл в Святую Землю. Вернувшись на Афон он нашел начатое дело в совершенно расстроенном состоянии: приведенные им монахи не смогли ужиться с греками, и о. Аникита вынужден был вывести их из Пантелеимонова монастыря обратно в Ильинский скит⁴. Причиной нестроений послужили напряженные отношения между русской и греческой братией. В изложении Парфения (Аггеева), еще «до отъезда князя [в Иерусалим] стало между братией расстройство: русские — разный сброд — под началом жить не привычны, да и духовник такой же.

Русские греков уважать и слушаться не стали, но стали противоречить, еще к тому же страшать, что монастырь наш, русский, а начальник у нас князь: мы вас выгоним. Отчего греки, вся братия, смутились, и начались повседневные скорби и искушения»⁵.

Но были и другая причина. По словам Парфения, «греков Русского монастыря более побудили на изгнание князя греки прочих монастырей, потому что стали понимать, что ежели русские вселятся в монастырь, то у всех монастырей свою землю отберут, а наипаче, ежели будет жить князь. Греки Русика не могли понять сего; только один игумен Герасим это все понимал, но воля была не его»⁶.

И в дальнейшем так называемое панэллинское движение, националистическое по сути и политическое по форме, в той или иной мере будет сохраняться на протяжении всей дальнейшей истории афонского монашества.

В 1840-е гг., ставшие «временем тишины и относительного покоя», возрос поток паломников на Афон, а вместе с ним и приток пожертвований на афонские монастыри. Националистические отношения со стороны греков, проявившие себя отчасти уже в 1830-е гг., на время затихли, чему отчасти способствовало посещение Афона великим князем Константином Николаевичем в июле 1845 г.⁷ Оно «на время притормозило этот процесс и придало русскому афонскому монашеству новый импульс: теперь оно приобрело очевидное для всех покровительство Российского Императорского Дома»⁸. При осмотре Пантелеимонова монастыря, где тогда было две общины: русская и греческая, великий князь принципиально уделил внимание первой, что несомненно оказало ее братии моральную поддержку на непростом этапе становления русской общины. Великий князь отмечал в дневнике, что «в монастыре Русикон есть в числе братии до 30 русских и также в Ильинском ските только одни русские»⁹.

В конце сентября, по пути в Петербург, великий князь посетил Москву, где состоялась его встреча с митрополитом Филаретом. Владыка писал об этом архимандриту Антонию: «28 дня нецеремониально встретил я в Успенском соборе великого князя Константина Николаевича и сопровождал в Архангельский и Благовещенский. Что нецеремониально, это не от меня зависело. Государь Наследник в добром здравии, а Константину Николаевичу, кажется, можно пожелать более крепкого здоровья, чтобы оно лучше служило являемой им деятельности и любознательности»¹⁰. Текст письма позволяет допустить, что митрополит Филарет имел возможность расспросить великого князя о морском путешествии по святым местам Востока и Афона.

К числу постоянных и наиболее информированных собеседников и корреспондентов московского святителя по делам Востока относился Андрей Николаевич Муравьев, епитроп, или поверенный в делах, трех Патриархатов — Иерусалимского, Антиохийского и Александрийского. В августе 1849 г., от-

правляясь в Святую Землю, Муравьев посетил Святую Гору, в сопровождении десяти человек из российской дипломатической миссии в Константинополе и их гостей. Как можно судить по письму Муравьева к митрополиту Филарету, вошедшему в изданные им «Письма с Востока», путешествие на Афон членов русской дипломатической миссии запланировано не было:

«Немало затруднений стоило мне это странствие. Я не хотел ехать обычною дорогою чрез Салонику, потому что, кроме продолжительного плавания, предстояло еще оттоле четыре дня трудного пути по горам и неприятно было бы мне плыть мимо самого Афона, не имея возможности выйти на священный берег. Пароходы не останавливаются у Св. Горы по недостатку хорошей пристани, а плавание на купеческом судне из Царьграда бывает продолжительно при неблагоприятном ветре. Нашелся, наконец, счастливый для меня и чрезвычайно приятный случай: посланник наш пожелал посетить Святую Гору, и русский пароход повез вместе с ним архимандрита и многих членов нашего посольства на Афон»¹¹.

«Счастливый случай» заключался в том, что Муравьев своим желанием попасть на Афон сумел «заразить» посланника Титова, который позже признавался Муравьеву: «Афонская поездка оставила во мне глубокое воспоминание; примите подобающую вам долю живой благодарности за удовольствие, доставленное мне Вашим сопутствием: без Вас я, может быть и даже вероятно, отложил бы это странствие до греческих календ¹²; следовательно, Вы отчасти виновник отрады, мною в нем найденной»¹³.

Такого количества людей да еще на «русском пароходе» на Афоне не было, пожалуй, со времен посещения великого князя Константина Николаевича. «Несколько старцев-иноков [Лавры св. Афанасия] сидели у святых ворот; давно уже виделся им в море фрегат наш, и они любопытствовали о приезжих. Увидев архимандрита нашего посольства, все встали и дружелюбно его приветствовали, равно как и всех нас, хотя заметно было на их лицах некоторое недоумение»¹⁴.

Посланник со свитой путешествовали по афонским монастырям «в строгом incognito» (предположительно, в составе группы, помимо князя П.А. Вяземского, были члены команды фрегата во главе с Е.В. Путятиным. По крайней мере, известно, что в том же составе путешественники позже посетили Иерусалим, чем вызвали озабоченность британского консула Дж. Финна, который 12 июля 1850 г. извещал лорда Пальмерстона, что «в течении первых четырех месяцев [года] прибыли [в Святой Град]: князь А. Ливен, граф П. Бутурлин, А. Муравьев, князь Вяземский. Два последних являются камергерами Императорского Двора. Кроме того среди них был адмирал флота, чье имя я не запомнил (очевидно, речь идет о Е.В. Путятине. — И.С.)»¹⁵.

Характерно, что дипломатическое «инкогнито» не осталось тайной для афонского начальства: когда русские возвратились из Ватопеда в Серай, к ним, по словам Муравьева, «пришла вся Карей, т. е. назирь, или еписта-

ты, с представителями всех афонских монастырей при почетной страже албанцев, и ага турецкий, живущий в Протате для наблюдения за тишиною Горы Афонской. Давно уже со времен Патриархов, своих основателей, смиренная келлия Серайская не видела у себя столь блистательного собрания; довольно затруднительно было принимать вместе власти христианские и магометанские. Мы обещали на следующее утро в свою очередь посетить Протат»¹⁶.

Здесь необходимо остановиться на той роли, которую играл Афон в середине XIX в. не только как средоточие православного монашества, но и как составляющая европейской политической системы. В политическом отношении Афон принадлежал Османской империи, но к середине столетия связь с властями была малоощутима, и в 1849 г. Муравьев уже мог писать о «неограниченном спокойствии со стороны турок» после Адрианопольского мира. «На Святой Горе вам не придет на мысль, что вы находитесь посреди Турецкой державы, ибо ничтожный ага не представляет собою никакой власти и что даже смешно, просит себе поручений у отцов соборных во дни рамазана, чтобы иметь право, путешествуя по их делам, не соблюдать своего поста. Паша солунский не заботится о горе Афонской, и если бы иноки не прибегали к турецким судам в своих тяжбах, можно сказать, что кроме платежа обычной дани или харача, не было бы у них и следа владычества Оттоманского»¹⁷.

Мало влияния имел на Афон и Патриарх Константинопольский. «Патриарха Вселенского, — писал Муравьев, — признают иноки афонские своим архиепископом и так поминают его в церквах; но если бы не обращались к нему в тяжebных делах и по управлению своими имуществами, то власть Патриаршая имела бы на них мало влияния; для сношений с мeтохами в княжествах необходимо свидетельство Патриарха избираемым на то лицам, и в случае новых учреждений или вопросов догматических должно необходимо искать у него разрешения духовного: таковы отношения между первосвятительским престолом Церкви Восточной и хранилищем православного иночества»¹⁸.

Тем не менее, накануне Крымской войны Афон оказался в поле зрения британской дипломатии, опасавшейся роста русского влияния на афонское монашество. О том, что полуостров не был изолирован от геополитических процессов на Балканах, свидетельствует, в частности письмо Филарета к Муравьеву от 14 июня 1848 г. в ответ на сообщение последнего о намерении посетить Афон. «Чтобы дать мнение о двух планах путешествия, Вами предполагаемого, — писал митрополит, — надобно пророчествовать: а я сего дара не имею. Во Франции видны две партии: худая и злая. Теперь на седалищах власти держится более худая; а злая старается ее столкнуть. Если это не удастся, может продолжиться в Европе время, не беспокойнее нынешнего; а если удастся, нынешний дым и смрад может

обратиться в пожар, и на Вашу путническую милость в Константинополе, в Афоне, в Греции могут упасть головы»¹⁹.

Позже, в преддверии восстановления дипломатических отношений между Россией и Портой, митрополит Филарет писал Муравьеву, только что покинувшему Афон и направлявшемуся в Палестину, отказавшись от поездки в Египет из опасения войны²⁰: «Впрочем политический туман, которого Вы опасаетесь, кажется, рассеялся». Действия британской дипломатии московский архипастырь оценивал с духовных позиций: «Не думают бедные англичане, что их земная политика может поставить против них небесную»²¹.

На Афоне Муравьев нашел не только противостояние греческого иночества русскому, но и распри между русскими и малороссами — то есть то же, с чем столкнулся иеромонах Аникита в середине 1830-х гг. Уже в первом письме от 9 августа 1849 г. «из совершенного уединения на высотах восточного склона Афонской Горы, в нашем малом скиту Серая» Муравьев отметил особое положение Серайской келлии, устроенной Патриархом Афанасием (Пателларием; 1597–1654): «Скит сей мало известен в России, ибо учредился недавно в 1830 году и зависит от Ватопеда, но он весь русский и благочестие в нем русское». Его основатели, старцы Виссарион и Варсонофий, — по словам Муравьева, «люди простые и добрые; они были ученики Серапиона на Белых берегах и пошли в Афон, где учредили братство из своих учеников, весьма согласное и замечательное как единственно чистое русское». (Здесь идет речь о двух русских монахах — Виссарионе и Варсонофии, постриженниках Белобережской пустыни Орловской губернии).

«Келлия его пришла в совершенное запустение во время общего упадка горы Афонской после восстания греческого; но в 1841 году два выходца русские из Брянской пустыни Белых берегов, Виссарион и Варсануфий, взяли на себя полуобрушенные келлии патриаршие от обители Ватопедской и мало по малу образовалась около них община монашеская, которая хотя и не имеет еще самостоятельных прав отдельного скита, однако не уступает другим в благочинии церковном. Впрочем, таких келлий, больших или меньших, ... здесь множество в Кареи, до двухсот; только Серай господствует над всеми и вероятно со временем будет обителью, когда получит собственную печать от Ватопеда, подобно как другой скит наш Илии Пророка получил ее от Пантократора; но Серай может быть нам ближе к сердцу, потому что в нем нет никакой примеси греческой или болгарской»²².

С первых дней пребывания на Афоне Муравьев выступает в своем обычном качестве ходатая о помощи, расценивая сам факт материальной поддержки из России как видимую связь между греческим и российским православием. И как завелось, рассчитывает прежде всего на митрополита Филарета. Он просит об облачении для преосвященного Каллиника²³, проживавшего на покое в Серайской келлии, «ибо он сего заслуживает, не богатое, но прочное»; о диаконском стихаре для Серайского скита.

Рассчитывая на безотказность Филарета, Муравьев успел пообещать для главной церкви скита в честь Антония Великого «12 праздников в иконостасе по золотому грунту; всего два яруса, и первый отличного московского письма, и во второй надобно праздники». Посылая при письме меру для икон, Муравьев обращается к митрополиту: «Сделайте милость, поспешите прислать... надобно поддержать сию обитель чисто русскую». Причиной поспешности была все та же национальная нетерпимость афонских монахов, основанная на межэтнических различиях, вызывавших непримиримое соперничество в отношениях между монахами: «У Св. Илии, — отмечал Муравьев, — все хохлы — злые малороссияне, зовущие нас раскольниками и не позволяющие русским у них жить, а в русском, так называемом монастыре наши смешаны с греками и отчасти заимствуют их обычаи»²⁴.

«Как это жаль, — писал в ответ Филарет, — что царство монахов, разделится на ся; и не только между греками и русскими, но и между малороссиянами и великороссиянами нет единства! Вы бы напомнили им слово Господне о царстве разделившемся на ся». В этой связи недоумение митрополита Филарета вызывало то, что русские монахи отдавали предпочтение Афону: «И чего же там ищут старцы, Виссарион и Варсонофий?»²⁵ Вызывало сомнение у Филарета и административно-политическое управление афонскими монастырями: «Хотя Афон называют царством монахов, но не назвал бы я Карею столицею Афона, а разве станом турецкого станного пристава»²⁶.

По просьбе старцев, Муравьев ходатайствовал перед российским консульством в Константинополе и перед Св. Синодом о содействии учреждению вместо Серайской келлии Андреевского скита. И уже 13 октября 1849 г. российский посланник в Константинополе В.П. Титов писал Муравьеву в Константинополь: «Я забыл поздравить Вас с успешным превращением Серайской келлии в Андреевский скит»²⁷, а в январе следующего года сообщил, что отправляет в Петербург «прошение о дозволении послать в Россию с кружкой для сбора в пользу нового Андреевского скита»²⁸.

Можно только удивляться тому, насколько быстро устроилось это дело — позже Муравьев признавался в существовании «препятствий со стороны греков», несмотря на которые ему удалось содействовать своим посредничеством «как в обители Ватопеда, от которой зависела сия келлия, так и в Карее, центре управления Афонского, и у самого Патриарха Вселенского Анфима»²⁹.

Митрополит Филарет не отказывал Муравьеву в просьбах, которые следовали одна за другой. Как вспоминал сам Андрей Николаевич, «испрошены были мною у владыки иконы: св. Андрея Первозванного для русского скита, устроившегося при мне на Афоне, и другая св. Петра Митрополита с лампадою на память того дня, когда устроилось общежитие в бытность мою в болгарской обители Зографа, также на Святой Горе. Омофор же и палица для епископа Москониссийского Каллиника»³⁰.

В ответ на письма с Афона, митрополит Филарет писал 27 сентября 1849 г.: «Ваше требование икон исполнить желаю: не знаю, как успею. Не умею заниматься сим делом, и когда они приготовятся, не прекратится ли мореплавание? Займусь сим, сколько могу»³¹. 9 ноября он сообщал Муравьеву: «Поручения Ваши, по возможности, исполняются, а угодил ли Вам не знаю. Даете мне между прочим дела, которых я не мастер. Будьте снисходительны»³².

Филарет, который, по признанию Муравьева, не отказывал ему «ни в одной просьбе о пожертвованиях», входил во все детали, одновременно заботясь о качестве работ и о сроках доставки, учитывая приближение периода морских бурь в зимнее время³³.

Помимо перечисленных священных предметов в Константинополь, помимо икон и церковной утвари для Иерусалима, Патмоса, Родоса, Бейрута, только в октябре 1850 г. для доставления на Афон было отправлено «два ящика с сосудами, воздухами, покровом на раку св. Афанасия» и образ Пресвятой Троицы. Все это изготавливалось по поручению митрополита Филарета и, как писал Муравьев, «может свидетельствовать о его щедрости и всегдашней готовности помогать убогой своей братии в нуждах церковных»³⁴.

Посещение Афона высокопоставленными российскими дипломатами в компании с Муравьевым, состоявшееся спустя несколько лет после визита на Афон великого князя Константина Николаевича в 1845 г., открывало новые возможности для Русского Афона. Итогом «паломничества» стало успешное превращение Серайской келлии, принадлежавшей Ватопедскому монастырю, в Андреевский скит, в Муравьев получил статус ктитора скита, названного в честь его святого покровителя. Открывались и новые перспективы материальной помощи афонским монастырям — как русским, так и греческим. Значительную сумму завещала «для раздачи поровну всем [афонским] монастырям»³⁵ графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская³⁶, а в самом начале 1850 г. Титов направил в МИД прошение «о дозволении послать в Россию с кружкой для сбора в пользу нового Андреевского скита»³⁷. В Россию за сбором пожертвований были присланы сборщики от обители св. Пантелеимона — иеромонах Серафим (Веснин), впоследствии иеросхимонах Сергей³⁸, и его спутник слепой монах Григорий³⁹.

К афонскому делу подключили великого князя Константина Николаевича. На его имя через русского посланника было передано прошение братии Пантелеимонова монастыря «о даровании оной подворья в Москве по примеру прочих восточных восточных и афонских монастырей». Синод, по рассмотрении афонского прошения, в указе от 30 ноября 1849 г. отмечал, что «Его Императорское Высочество, принимая участие в просьбе братии обители св. Пантелеимона, которую удостоил своим посещением во время путешествия в Константинополь»⁴⁰, поручил двора своего г. управляющему сообщить об этом его сиятельству г. обер-прокурору и просить, не

найдено ли будет возможным назначить для подворья обители св. Пантелеимона находящуюся в Москве праздную и без прихода церковь св. преподобного Сергия или какую-либо другую из праздных церквей, приписанных к другим»⁴¹.

«Здесь теперь идет дело об обращении Сергиевской церкви, по указанию Вашему, в подворье Русского на Афоне монастыря», — сообщал Филарет Муравьеву в письме от 1 марта 1850 г. По распоряжению Синода митрополит Филарет поручил Консистории дать свое заключение. Несмотря на несогласие прихожан на уступку церкви под подворье, Консистория приняла решение, «с благодетельной целью оказать вспомоществование Русской обители, находящейся в стране отдаленной, чуждой по народу и правительству» и сообщить, что «со стороны московского епархиального начальства препятствий не оказывается»⁴².

Митрополит Филарет, направляя мнение Консистории в Св. Синод, не возражая против ее заключения, высказал мнение, которое находил «требующими внимания и предусмотрительного соображения Св. Синода». Прежде всего он отмечал, что «при многолетнем наблюдении не встречалось случая, чтобы кто-либо просил увольнения на всегданнее пребывание в Афонском Русском монастыре, и вследствие сего находился бы там с благословения церковного и с законного разрешения гражданского начальства».

Филарета тревожило нелегитимное пребывание на Афоне русских иноков, которые «обыкновенно же берут увольнение для временного посещения святых мест и потом остаются в Афонской горе произвольно, без благословения духовного и без разрешения гражданского начальства; и светские, без увольнения от своих обществ»⁴³.

Пользуясь более вольными, чем в России, законами для афонского монашества, выходцы из России, оказываясь на Афоне «с просроченными видами и, следственно, не в законном положении» и «без трехлетнего наблюдаемого в российском духовном управлении искусства, получают в афонских монастырях монашество и степени священства».

В связи с предполагаемым открытием в Москве Афонского подворья митрополит Филарет предполагал, что при назначении этих монахов для служения на подворье, «в допущении их встретится затруднение» как незаконно отлучившихся из русских епархий, постриженных в монашество и возведенных в священный сан. Предвидел святитель и возможный соблазн для определенного круга лиц из русского монашества: «Появление и постоянное в Москве пребывание (водворение) людей, без увольнения от своих званий и без трехлетнего искусства в Афоне постриженных и посвященных, может увлекать и других на сей легкий путь произвола с пути порядка и закона, соблюдаемого в России духовным и гражданским начальством»⁴⁴.

Учитывая замечания московского архипастыря, Святейший Синод определением от 28 марта — 26 июня 1850 г. признал неудобным ходатай-

ствовать об учреждении в Москве подворья Пантелеимонова монастыря на Афонской горе, как принимая во внимание мнение митрополита Филарета, так и по той причине, что «доселе подворья в России жаловались одним Патриархам по уважению к их иерархическому значению и для соблюдения, чрез их посредство, единства и общения в Восточно-Кафолической Православной Церкви»⁴⁵. Впоследствии Филарет писал Муравьеву, что «возражать на причину, представленную Св. Синодом было бы неблагоприятно со стороны подчиненного»⁴⁶.

В то время, когда Филарет размышлял об иностранных подворьях, которые «и прежде, и недавно, много причинили неприятностей», афонские сборщики иеромонах Серафим и слепой Григорий «поссорились, и стрелы один против другого пускают в Москву». Причиной ссоры стало недовольство из-за распределения между ними тиража изданных «Писем Святогорца». Распря между русскими афонитами расставила точки над *i* и окончательно убедило святителя в правильности принятого решения⁴⁷.

Филарету предстояло объясниться с Муравьевым, для которого вопрос русского присутствия на Афоне был принципиально важен. «Вот новая беда, — уже в Петербург писал ему митрополит Филарет 21 ноября 1850 г. — Я в опасности, которую Вы можете уменьшить, а не совсем отвратить, — в опасности, что Вы будете мною недовольны более, нежели когда-либо»⁴⁸. И действительно, как признавался позже Муравьев, ему «было очень больно, что по неудовольствиям, возникшим между Святогорцем и его сотрудником, митрополит переменял свое решение дать им подворье в Москве»⁴⁹.

Позже московский святитель признавался, что «не раскаивается в утверждении мнения Консистории и викария как должном». В том его поддержал и иеромонах Серафим, признававший пользу от устройства афонского подворья «очень сомнительною». В качестве аргумента Филарет приводил тот факт, что «афонские, прожив в России год для сбора пособий, возвращаются в Афон с привычками, по которым затруднятся там жить, и даже выходят оттуда». Это наводило на мысль о вреде для иночества от пребывания в большом городе: «Не больше ли опасаться должно от тех, которые проживали бы пять лет в Москве на подворье? И может быть, не худо, что дано время обдумать, надобно ли искать вещественной выгоды с опасностью духовного урона?»⁵⁰

Несогласие с Муравьевым по поводу подворья для Пантелеимонова монастыря в Москве вызвало размышления о сути монашества, афонского и русского. По поводу сравнения странствующих афонских монахов с паломниками к святым местам — проблема, с которой и спустя десятилетия сталкивалось российское священноначалие, — митрополит Филарет писал Муравьеву в одном из писем:

«Вы говорите, что если укорять русских иноков, ищущих безмолвия на Афоне, то надобно укорять и иерусалимских богомольцев. Заключение

сие признаю совершенно несправедливым. Поклоняться святым местам совсем не то, что менять русский монастырь на афонский. При том я не укоряю и тех, которые делают сие последнее: я указал только неудобства и столкновение с законами, когда русские, под именем афонских, приходят в Россию. Иное дело идти на Афон для безмолвия, а иное — после удаления на Афон для безмолвия, с именем афонского безмолвника идти жить в молву московскую на подворье»⁵¹.

Здесь речь шла уже о принципах иноческой жизни, отношение к которым у святителя оставалось неизменно требовательным и отклонения от которых он обличал весьма сурово. Так, безжалостной критике подверглось письмо Святогорца, где тот, по словам Филарета, «говорит как “о истинно важной и занимательной вещи” о части роскошной боевой палатки Наполеона, которая в Эсфигмене служит завесом, отделяющим притвор церковный от главного соборного святилища. На ней изображены (простите, что, дабы сказать правду, оскорблю чистоту бумаги и Вашего взора) Минерва, Юнона, Купидон, Юпитер и Ганимед». По поводу этого письма Филарет писал Муравьеву: «Думаю, это достойно Вашей ревности, чтобы написать к Святейшему Патриарху, дабы он вразумил и Эсфигменцев и Серафима, которому, если те допустили сию нелепость, не следовало распространять соблазн». Далее следовала отповедь «вольному монашеству, афонскому и русскому, в Афоне» из-за слов иеросхимонаха Сергия, который, по выражению Филарета, «хвалится “аскетической совестью”». «Не растолкуете ли Вы мне, — писал митрополит, — что такое аскетическая совесть, и как с нею согласить вышеписанные имена, которых не хочу написать в другой раз? Мне известна другая совесть, которая говорит: не помяну же имен их устнама моима»⁵².

И все-таки Муравьеву удалось добиться «Высочайшего разрешения по благословению Святейшего Синода» на проезд в Россию иеромонаха новоучрежденного Андреевского скита Феодорита для сбора милостыни в пользу обители, и вновь, по установившемуся обычаю и «по благосклонному дозволению» митрополита Филарета, основным местом сбора пожертвований стала первопрестольная столица⁵³.

Но вместе с официально дозволенными сборщиками начался сбор милостыни нелегально приезжавшими в Россию афонскими монахами. Так, по словам Муравьева, «были здесь два незаконных сборщика для устройства какого-то нового скита» от болгарского монастыря Зографа. «Кажется, обитель Зографская довольно богата, чтобы не нуждаться в сборе; да и какая нужда в устройстве этого нового скита?» — удивлялся Муравьев в письме к иеромонаху Серафиму. В том же письме он сообщал, что «недавно пойманы были здесь два человека со сборною книгою, выданною им из Русского монастыря за подписью игумена Герасима⁵⁴ и духовника Иеронима⁵⁵. Сборщиков посадили в тюрьму, а книгу и дело о том послали в Святейший Синод»⁵⁶.

Незаконный сбор денег на заграничные обители с неизбежностью должен был вызвать негативную ответную реакцию российских официальных синодальных и дипломатических кругов, так как по российским законам «без высочайшего соизволения никто в России не может собирать на иностранные монастыри и что для этого нет другой дороги как чрез посланника в Константинополе». «Вы можете сами судить, — разъяснял Муравьев, — какой это произвело соблазн и какие из этого могут произойти последствия. Удивительно мне, что так могли поступать у Вас в монастыре!»

Столкнувшись с готовностью святоторцев видеть в России источник доходов, Муравьев, сознавая свою причастность к пробуждению интереса к Афону, просил предупредить «всех на Афоне и русских и греков быть осторожнее», чтобы не вредили репутации своих обителей и афонского монашества в целом. «Праздно шатающиеся из России постригаются без отчетно и потом выпрашивают себе такого рода письма, чтобы свободнее опять скитаться, не в пользу обители, а в пользу собственную и с большим вредом для тех, которые так неосторожно посылают»⁵⁷.

Получив предупреждение о последствиях сбора средств на афонские обители, если он не оформлен по всем правилам, монастырское начальство попыталось действовать через русского посредника на Афоне, игумена Андреевского скита Виссариона, обретшего в Петербурге сильное покровительство в лице А.Н. Муравьева. На запрос Виссариона о возможности прислать сборщиков от Ватопеда и Ксенофонта, а также об успехах сбора на Андреевский скит, Муравьев отвечал письмом от 7 февраля 1852 г., прося сообщить его ответ «лично, как в обители Ватопедской, так и в Ксенофской»⁵⁸.

Муравьев писал, что доволен «действиями и осторожностью отца Федорита», но что тот не нуждается в помощнике, который только «его стеснит», тем более сбор шел хуже, чем рассчитывали (речь шла о диаконе, которого ватопедские отцы предлагали прислать ему в помощь, снабдив его святыми мощами). «Старцы ватопедские полагают, что он, под моим влиянием, соберет миллионы в России, и потому лакомятся получить хотя третью часть в свою обитель, чрез присылку диакона со святыми мощами. Но миллионы не собираются; Ваш посланный отправил Вам из Москвы, кажется, около тысячи рублей серебром и теперь посылает опять столько же, и это в течение полугода; кажется, небольшая пожива!»⁵⁹ Неудобно было вновь испрашивать Высочайшее соизволение, да и Ватопед отнюдь нельзя было отнести к бедным обителям, напротив, по мнению Муравьева, «даже почитается богатейшею на Святой Горе и имеет земли в Княжествах; как же для нее просить сбор милостыни?»

По поводу другого сборщика, эсфигменского игумена Агафангела, сделавшего «успешный сбор», Муравьев замечал, что «он произвел много соблазна», кроме того «сверх срока оставался долго в России, и духовное

начальство не осталось им довольно». Успех его объяснялся всеобщим уважением к Афону: «Народ жертвует много, полагая, что это для всей горы Афонской, и не разумея, что там 20 монастырей»⁶⁰.

В начале 1850 г. в России одновременно находились сборщики из Ильинского и Андреевского скитов, из Эсфигмена, и это помимо «епископов, посланных от Патриархов Александрийского и Антиохийского, и игумена из Трeбизонда». В связи с этим, отвечая игумену Виссариону, который, по-видимому, стал посредником и ходатаем перед российскими властями о дозволении сбора и другим обителям, в том числе Ксенофону, Муравьев писал, что «неудобно просить дозволения для новых сборщиков из Ксенофской обители». Но учитывая, что «обитель бедная» и, что весьма важно, общежительная, допускал, что Синод может разрешить ей прислать сборщика как общежительной обители, так так «у нас в России на это смотрят»⁶¹.

Помогая афонским монастырям, ходатайствуя за них пред Св. Синодом, Муравьев выдвигал и свои условия. Так, узнав, что Протат потребовал изменить печать Андреевского скита, уменьшив ее в размере и «выкинув даже слово Ново-русский», Муравьев, как во всех других случаях, когда сталкивался с несправедливостью в отношении России, написал о. Виссариону: «Если Вы это сделаете, то я от Вас отступлюсь; мне странно, что греческие старцы могут от Вас сего требовать! — Не явная ли это неблагодарность России, от которой постоянно требуют милостыни? И как дерзают вновь колебать утвержденное однажды Патриархом и собственным их собором?»⁶²

Сведения, полученные московским святителем из писем Муравьева, безусловно сказались на его видении проблематики русского монашества на Афоне. И его отношение с годами оставалось не менее критическим.

По окончании Крымской войны, когда российский МИД, Морское министерство с созданным им РОПИТОм с привлечением церковных дипломатов обратились к выработке концепции русского присутствия на Православном Востоке, в том числе на Афонской Горе, где выходцы из России исчислялись сотнями, Филарет, имевший изрядный опыт в снабжении афонских обителей иконами, облачением, предметами церковной утвари, тем не менее ставил под вопрос необходимость оказания финансовой помощи афонским монастырям. Так, по поводу полученных от архимандрита Порфирия (Успенского) сведений с Афона, о том, что настоятель Эсфигмена высказывал пожелание «иметь русскую братию и служение на славянском языке», Филарет высказался с несвойственной ему резкостью:

«Это едва ли есть что либо иное, как разве спекуляция, чтобы более приобретать русских денег, которых он уже много вытащил, и частью незаконною хитростию. Надобно ли способствовать тому, чтобы от нас увлекали набожных людей, которые нужны нам самим, и которых на Афоне не на что употребить?»⁶³

Вообще весь тон донесения наводит на мысль, что раздражение святителя было вызвано не только сообщением об Афоне, но и словами Патриарха Иерусалимского Кирилла по поводу назначения в Иерусалим русского епископа: «Нам больно такое пренебрежение достоинством православного Патриарха. Но что делать! Пусть бьют нас по голове! Внезапное посольство русского епископа во Иерусалим привело всех нас в смущение»⁶⁴.

Митрополит Филарет напомнил о том, что и без того было хорошо известно Блаженнейшему Кириллу, а именно, что «в сношении о нем с турецким правительством русская иерархия не виновата, ибо действовало по своему усмотрению министерство иностранных дел», упомянул он и о бесчисленных вливаниях русских денег в иерусалимский бюджет:

«Хорошо ли Патриарх Иерусалимский протестует против посольства русского епископа в Иерусалим, после того, как сам Иерусалимский Патриарх [Афанасий] послал архиепископа в Россию? Это ясно. Разница только та, что Мелитопольский привез в Иерусалим русские деньги, а архиепископ Фаворский не привез в Россию иерусалимских денег, а из России вывез около полумиллиона русских, по тогдашнему счету»⁶⁵.

Досталось и Порфирию, который «ничего не сказал в защиту [епископа] Мелитопольского»: «Архимандрит Порфирий обрадовался случаю сказать слово против своих недоброжелателей и не приметил, что не оказал себя ни доброжелателем Мелитопольского, ни доброжелателем Российской Иерархии»⁶⁶.

И теперь, усматривая такое же отношение к русской помощи со стороны афонского начальства, Филарет явно не желал потворствовать притязаниям греков на участие России в решении материальных проблем Афона, предлагая поразмыслить, «не нужна ли осторожность, чтобы не слишком расширять путь афонским к русским деньгам?»⁶⁷ Для «осторожности» были и другие причины — с Афона все чаще доходили вести о неблагоприятном влиянии русского иночества на принятый там уклад хозяйственной и духовной жизни. «Некоторые замечают, — писал Филарет в том же донесении, — что усиление русской стихии в Афоне изменяет его и вредит ему. Там была монашеская простота: теперь распространяется богатство и излишества удобств жизни. Богатые оклады на иконах, сделанные на русские деньги, с одной стороны, возбуждают зависть и усилия монастырей, не имеющих оных, с другой стороны — угрожают грабежом от турок. Так, зимою грелись маленьким огоньком в нетопленной комнате: теперь русские выписали печников, устроили печи и истребляют афонские леса на множество построек и на дрова»⁶⁸.

Митрополит Филарет и впоследствии не изменил свое отношение к Афону, чему можно привести множество примеров. Собранные деньги, в большом количестве выносимые из России, шли не по назначению, богатое убранство храмов и окладов на иконы, по мнению святителя, «для благочестия не нуж-

но, и в Афоне не уместно, потому что может привлечь корыстолюбие турок и грабеж»⁶⁹. Не мог не отметить он и все более широкого оттока русских людей из России на Афон, и не всегда по благовидным причинам: «То, что русские идут в Афон иногда не по правильным побуждениям (как, например, потому, что там скорее можно получить монашество и священство) и влекут туда русские капиталы на покупку келлий и скитов и на свое содержание, не заслуживает поощрения. Сии люди могли бы в России найти себе духовное наставление и спасение, а некоторые и принести пользу»⁷⁰.

Впечатление от пребывания в Москве афонских сборщиков неблагоприятно сказывалось на согласии Филарета, а вслед за ним и Св. Синода, склонять к пожертвованиям московских благотворителей даже, казалось бы, в самых необходимых случаях. Так, после пожара в Иверском монастыре, случившемся в декабре 1865 г.⁷¹ игумен и братия монастыря просили митрополита Филарета ходатайствовать перед Св. Синодом о дозволении «придти одному из архимандритов с двумя иеромонахами в богохранимую империю для сбора милостыни». Но наряду с сообщением о просьбе иверских монахов, святитель поделился своими соображениями, «что присылка архимандрита и двух иеромонахов представляется излишнею и неблагоприятною: так, от сего, по прежним примерам, надлежит ожидать, что они, взяв из Иверского монастыря какую-либо святыню, будут с нею усиленно входить в дома для совершения молебствий не всегда к удовольствию хозяев и не с должным уважением к святыне, становящейся чрез сие орудие хозяйственных видов»⁷².

Из приведенных материалов можно видеть, что позиция московского архипастыря в отношении к афонским монастырям складывалась из его продолжительного знакомства с практикой восточной иерархии и наблюдений за сборами пожертвований представителями греческого монашества. Несмотря на согласие Филарета на устройство в Москве различных подворий, на готовность к щедрым пожертвованиям со стороны московской паствы, время показало, что это не решало материальных проблем Восточных Церквей, не приходилось рассчитывать и на ответную признательность. Все это вызывало понятный скепсис и в отношении афонских обителей, где по-прежнему остро стояла проблема русско-греческих отношений, ввиду «набиравшего обороты националистического по сути и политического по своей форме движения панэллинизма, открыто проявившегося на Святой Горе после Крымской войны»⁷³.

В вопросах материальной помощи афонским монастырям позиции митрополита Филарета и А.Н. Муравьева существенно расходятся. Несмотря на прохладное отношение митрополита Филарета к финансированию афонских проектов, а отчасти и вопреки ему, Андреевский скит превратился в один из крупнейших русских монастырей на Святой Горе. Муравьев оставался ктиторм скита с 1849 г. до своей кончины в 1874 г. Благодаря

его посредничеству бывшая Серайская келлия, получившая статус скита, насчитывала к концу XIX в. около 800 монахов. До настоящего времени на полу трапезной, в крипте собора Андрея Первозванного сохранилась памятная доска с надписью: «Его Сиятельство, Камергер Двора Его Императорского Величества, Граф* Андрей Николаевич Муравьев, Ктитор сего Скита, собственноручно произвел вторую, дополнительную**, закладку сего святого храма на сем же месте 20-го мая 1874 г.».

И все же, говоря об отношении митрополита Филарета к Афону и афонскому монашеству, нельзя не отметить внимание святителя к укладу духовной жизни на Афоне и прежде всего к преемственности традиции созерцательной жизни.

В первых же письмах к Муравьеву на Афон, митрополит писал: «На Афоне бывали созерцатели. Встретили ль Вы там ныне?»⁷⁴ Тот же вопрос звучит и в следующем письме святителя: «Преподобен ли Афон? Жалки ли Афины? Зрит ли на небо афинский столпник⁷⁵? — Надеюсь, о сем что-нибудь от Вас услышать»⁷⁶. И Муравьев старательно собирал сведения об афонских подвижниках, чтобы поделиться ими с Филаретом.

«Вы желаете знать, есть ли созерцатели на Афоне? Доселе я видел одного, который славится по всей горе: Венедикт, родом из грузин, долго был стражем св. иконы Иверской в ее обители и теперь уединился в виду монастыря на одиноком холме, где Патриарх Григорий, пострадавший в Царьграде, устроил себе малую келлию с церковью св. Пророка Илии. Он сходит в монастырь весьма редко, в большие праздники, и потому я должен был испросить позволение его посетить. Жизнь его самая строгая, пища — хлеб и вода, но лице его так румяно, как будто бы он был во цвете лет, хотя уже ему около семидесяти. При нем один ученик, также из грузин, который приносит ему пищу, иногда же он оставляет его и живет в монастыре.

Есть другой отшельник, его родич и приятель, Иларион, который живет на высокой горе близ Дионисиатской обители, и я надеюсь его там видеть. Итак, представителями святости афонской два грузина: это замечательно! Такой род жизни в диком уединении, с одним лишь учеником, у нас редкий, вовсе не кажется чем-либо важным для святогорцев...

...Отец Виссарион сказывал мне, что его старец, умерший недавно, лет около ста, родом из болгар, проживал долго в так называемом Лаке, или ущелье, в скиту, принадлежавшем обители св. Павла. Он сподобился получить власть над духами нечистыми...»⁷⁷.

По инициативе митрополита Филарета издавались письма и записки русских путешественников, духовных лиц и афонских монахов, знакомившие с афонскими монастырями и монашеской жизнью на Афоне. Так, после кончины иеромонаха Аникиты (Ширинского-Шихматова)*, святитель Филарет, прочитав его путевые заметки, написал его братьям в письме от 27 сентября 1837 г.: «Вам, как наследникам его, предложил бы я еще одно

утешение и попечение: собрать, буде можно, и обратить в общее употребление и пользу записки его путешествия и обозрения мест, на которые и издаляча, и очами других взирать сладостно и назидательно»⁷⁸.

Издатель путевых заметок о Аникиты священник Василий Жмакин писал в 1890 г., что их выходом в свет «осуществляется желание святителя Филарета, высказанное им еще пятьдесят три года назад»⁷⁹.

Позже, благодаря Филарету и по его благословию, будут опубликованы «Письма Святогорца» — о. Сергия (Веснина), «Письма с Востока», в том числе с Афона, А.Н. Муравьева, адресованные лично к митрополиту Московскому, «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской» инока Парфения (Агеева)⁸⁰ (1856), который, по благословию митрополита Филарета в августе 1854 г. был определен в Гефсиманский скит, в январе 1855 г. был рукоположен святителем Филаретом во иеродиакона и иеромонаха, впоследствии возглавлял Гуслицкий монастырь как миссионерский центр среди старообрядцев, а последние годы жизни провел в Гефсиманском скиту и Троице-Сергиевой Лавре.

Митрополит Филарет содействовал тому, чтобы афонская богослужбная традиция привилась в российских монастырях. В начале 1840-х гг. им был отредактирован и подготовлен для утверждения Синодом богослужбный устав, составленный игуменом Филаретом (Данилевским) по чиноположению Святой Афонской Горы для Уфимского Благовещенского монастыря⁸¹.

Древний устав был введен в скитах Троице-Сергиевской лавры и в Николо-Угрешском монастыре. В 1863 г. с благословения митрополита Филарета игумен Митрофания (Розен) ввела во Владычнем монастыре «древние строгие правила пустынного общежития, из которых многие взяты с Афонской горы»⁸². Уставом древних монастырей руководствовались многие русские обители — Глинская, Оптиная, Святогорская и другие пустыни. «Из женских обителей древний устав строго соблюдается в монастырях Горицком, Серпуховском Владычнем и др.»⁸³.

Неизменный интерес проявлял святитель к афонской архитектуре, рукописям, песнопениям, иконописи, свидетельства чему сохранились в его письмах и отзывах⁸⁴. И тогда становится понятен основной «нерв» филаретовского отношения к Афону.

Митрополит Филарет смотрел на Афон сквозь призму византийской духовной традиции Святой Горы, освященной веками и подвигом афонского иночества. И потому ему казались чуждыми, привнесенными извне, современные реалии Афона — местнические, межнациональные националистические распри, русофобские настроения в монашеской среде, отсутствие терпимости между бывшими российскими подданными, карьерные интересы, проявлявшиеся среди монахов — по существу духовные болез-

ни, которые скорее нуждались во врачевании, чем в поощрении присылкой огромного количества русских денег, чему митрополит не считал нужным потворствовать. Суровая требовательность Филарета проистекала из уважения к истории и культуре Афона, которое проявлялось в его внимании к уставу, иконографии, архитектуре, — то есть к византийской традиции в целом, продолжателем которой являлся и сам московский святитель.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕПИСКА А.Н. МУРАВЬЕВА И ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО ПО АФОНСКИМ ДЕЛАМ

1. Письмо А.Н. Муравьева к митрополиту Московскому Филарету.
Русский скит на Афонской горе. 9 августа 1849 г.

Теперь, преосвященнейший владыко, я пишу Вам несколько строк из совершенного уединения на высотах восточного склона Афонской горы, в нашем малом скиту Серая, который основан тут близ Кареи, столицы Афонской, Патриархом Св. Афанасием Пателларием⁸⁵ и его преемником Серафимом⁸⁶, почивающими в Лубнах у нас. Скит сей мало известен в России, ибо учредился недавно в 1830 году и зависит от Ватопеда, но он весь русский и благочестие в нем русское. Место очаровательно. Из моей малой келлии открывается все море и голая вершина Афона и местный скат горы к морю, весь покрытый келлиями разных обителей.

Здесь я остаюсь говеть, а накануне Успения спущусь с горы опять в Иверскую обитель на праздник, который там будет великолепен. Сегодня я оттуда приехал (расстояние 1,5 часа), еще ничего хорошего не видал, ибо нас собралось 10 человек путешественников из Царьграда; взяли пароход посольства, но буря заставила нас воротиться почти в виду Афона опять к Дарданеллам; тогда мы взяли оттуда бриг военный, ожидавший там нужного ветра и думали доехать; вдруг сделалась такая тишина, опять в виду Афона, что уже лодками доехали до Св. Горы и ночевали в Лавре Св. Афанасия, а оттоле утром ... в Иверский, а сегодня я отпустил моих спутников в Ватопед, а сам поехал сюда и жду их вечером.

Завтра они все уедут в другие монастыри западного берега и сядут вечером на корабль, чему я весьма рад, ибо трудно путешествовать такой толпой и совестно: между ними нельзя отличить русского от немца и скупость неимоверная, так что совестно, хотя меж ними есть и князья, и старшие чиновники миссии нашей, и архимандрит Софония⁸⁷, которого я услал бы далеко, далеко во внутрь России. О, как роняют здесь наше имя и потом хотят, чтобы нас любили и уважали.

Я еще думаю, если Господь позволит, остаться здесь на Афоне пять недель до 15 сентября, путешествуя по всем монастырям; но Вам уже писать будет не с кем, после сей оказии... Лавру я мало видел, но она чудная и сохранилась совершенно, в Иверском все ломают и думают удивить новизною; я уговорил братию не ломать древней колокольни с чудотворной на стене иконой, а трапезу всю бывшую со фресками лучшей живописи X века уже сломали, осталась одна стена — варвары ужасны и гордятся своим полуобразованием московским, ибо есть подворье в Москве. Утешительна только икона наша родная Иверская.

Старцы Виссарион и Варсонофий⁸⁸ того скита, где я живу, люди простые и добрые; они были ученики Серапиона⁸⁹ на Белых берегах (что теперь игумен в нрзб монастыре) и пошли в Афон, где учредили братство из своих учеников, весьма согласное и замечательное как единственно чистое русское. Подле них и нас архиерей Каллиник⁹⁰, об облачении коего Вас просил Зыков*, пожалуйста пришлите; ибо он сего заслуживает, не богатое, но прочное; также нужен в скит сей диаконский стихарь. Еще я обещал им в их главную церковь великого Антония 12 праздников в иконостасе по золотому грунту; всего два яруса, и первый отличного московского письма, и во второй надобно праздники: посылаю при сем меру; сделайте милость, поспешите прислать на мое имя в посольство, так чтобы до нового года я их получил в Царьграде, и отправил прежде моего путешествия в Иерусалим, сюда на Афон. Иконы не велики и легко послать их. Надеюсь на Вашу милость: надобно поддержать сию обитель чисто русскую; ибо у Св. Илии все хохлы злые малороссияне, зовущие нас раскольниками и не позволяющие русским у них жить, а в русском, так называемом монастыре наши смешаны с греками и отчасти заимствуют их обычаи. <...>

НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед.хр. 32. Л. 212–213 об.

2. Письмо Филарета, митрополита Московского, к А.Н. Муравьеву.
Москва, 27 сентября 1849 г.

От дома Пресвятой Троицы, молитвами Пресвятой Богородицы и преподобного Сергия, Божие благословение Анд[рею] Николаевичу.

Письмо Ваше афонское от 9 августа получил я в Лавре в навечерии памяти преподобного Сергия; и в Лавре сие пишу.

Неприятную мысль подает мне то, что Вы до сих пор не упоминаете ни об одном письме моем. Я писал их несколько. Неужели ни одного еще не получили? Уведомьте, сколько получите и от которых дней, чтобы я знал, все ли дошли.

Благословен запрещающий ветру и морю, что позволил ветру поиграть только путем Вашего корабля, с охранением корабля и плавающих.

Как это жаль, что царство монахов, разделился на ся, и не только между греками и русскими, но и между малороссиянами и великороссиянами нет единства! Вы бы напомнили им слово Господне о царстве разделившемся на ся. И чего же там ищут старцы, Виссарион и Варсонофий? Разве не можно было им составить общежитие в России? Пойму их стремление, есть ли узнаю от Вас, что там есть старцы, которых любовь не тесна, чтобы вместить и греков и русских.

Хотя же Афон называют царством монахов: но не назвал бы я Кареею столицей Афона, а разве станом турецкого становаго пристава.

Для чего Вы не сказываете, епископ ли Каллиник или что другое? Если епископ, и пошлетса ему саккос архиерейский, будет ли это в порядке?

Ваше требование икон исполнить желаю; не знаю, как успею. Не умею заниматься сим делом, и когда они приготовятся, не прекратится ли мореплавание? Займусь сим, сколько могу.

Примечание А.Н. Муравьева: Старцы Виссарион и Варсонофий, выходцы Белобережской пустыни (Орловской губернии), водворились на Афоне в так называемой Серайской Патриаршей келлии и желали устроить собственно Русский скит; несмотря на препятствия со стороны греков, мне удалось им в том помочь моим посредничеством, как в обители Ватопеда, от которой зависела сия келлия, так и в Карее, центре управления Афонского, и у самого Патриарха Вселенского Анфима.

Каллиник был епископ небольшого острова, Москонисийского, живший на покое в келлии Афонской. Я попросил митрополита выслать ему облачение, не упомянув епископ ли он или архиепископ, ибо в последнем случае на саккосе должны быть две полосы в виде епитрахили, для отличия его сана.

3. Письмо Филарета, митрополита Московского, к А.Н. Муравьеву. Москва, 9 ноября 1849 г.

Плавающему и путешествующему, Андрею Николаевичу, Ангела мирна, наставника и хранителя у Господа просим.

Благодарю за обильные письма, и радуюсь, что так много можете писать в походе. Посылаю Вам третью книжку повременного издания Московской д[уховной] академии и по 10 экземпляров статей: *Храм Св. Софии* и *Никея*. Помышляю послать больше: но надобно ли? При том тяжесть посылки мне представляется неудобством.

Поручения Ваши, по возможности, исполняются, а угодил ли Вам не знаю. Даете мне между прочим дела, которых я не мастер. Будьте снисходительны. Полное облачение преосвященному Каллинику послано чрез Н.С. Зыкова.

Когда заказывал 12 икон праздников: предложены были от художников два условия, или писать разными руками, и написать к январю, или одною хорошею рукою к апрелю. Мне представилось, что первое будет хуже, и едва ли выиграно будет время, потому что в январе, может быть, мороз не пустит посылку в море. Потому избрано последнее.

Икона Св. Андрея Первозванного заказана в Лавре.

Икона Св. Петра заказана в Москве, и с ризою, и будет готова чрез несколько недель.

Серебряная позлащенная лампадка куплена. Теперь вырезают на ней надпись.

Два омофора и палица готовы.

Не знаю, как устроить пересылку. <...>

Примечание А.Н. Муравьева: Испрошены были мною у владыки иконы: Св. Андрея Первозванного для Русского скита, устроившегося при мне на Афоне, и другая св. Петра митрополита с лампадою на память того дня, когда устроилось общежитие, в бытность мою в болгарской обители Зографа, также на Св. Горе. Омофор же и палица для епископа Москониссийского Каллиника.

4. Письмо Филарета, митрополита Московского, к А.Н. Муравьеву.
Москва, 1 марта 1850 г.

Андрей Николаевич, мир и велия милость Божия! Да не мала будет и Ваша милость к ближнему.

Сегодня во сне видел я Вас возвратившимся и обрадовался, и в то же время сказал: вот беда, что Вы нашли меня очень виноватым в долгом молчании. Видите, что и во сне я помню вину мою, а так долго не умею исправиться. Есть ли то, что и от Вас долго не имею писем, делается в наказание мне: то принимаю оное, как праведное. Только да довлеет уже сего Вашему правосудию: да придет милость, чтобы сказать мне о Вас добрую весть.

С тех пор, как молчу, имел я не раз не только по несколько дней немощи, но и не мало дней по делам и обстоятельствам трудных.

Требуемые Вами лампада и облачения чрез Константинопольское посольство к Вам посланы. Работа икон приближается к тому, чтобы можно было послать. Одно не сделано: покров на гробницу Св. Апостола Андрея. В монастырях не нашлось кто бы вышил шелком лик его, как Вы желали. Думаю отложить о сем заботу до Вашего возвращения. И облачения как дойдут к месту назначения? Не достанутся ли в добычу англичанам, которые берут все греческие суда? Об этом будет Ваша забота.

Здесь теперь идет дело об обращении Сергиевской церкви, по указанию Вашему, в подворье Русского на Афоне монастыря. Надобно поперечить

прихожанам, которые находят церковь нужною себе. И легко ли устроить подворье, если посмотреть на пример преосвященного Илиопольского⁹¹, который, купив дом для Антиохийского подворья, до сих пор не может заплатить долга и третий месяц живет в Петербурге на Троицком подворье без пользы для своих дел?

Примечание А.Н. Муравьева: По сим письмам можно судить о щедрости Владыки к Церквам Востока. Он не отказывал мне ни в одной просьбе о пожертвованиях, и заботился об устройстве подворьев в Москве для патриарших и иных обителей. Для Руссика на Святой Горе совсем было устроилось дело о подворье, но внезапная распря в Москве между представителями сей обители, автором Святогорских писем и слепцом, его спутником, все расстроила.

5. Мнение Филарета, митрополита Московского, об устройении в Москве подворья Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Москва, 2 марта 1850 г.

Соглашаясь с мнением консистории (об оказании вспомоществования Русской обители св. Пантелеймона, что на Афоне — в стране отдаленной, чуждой по народу и правительству), с сим вместе нахожу требующими внимания и предусмотрительного соображения Св. Синода следующие обстоятельства:

1) Чтобы образовать при Сергиевской церкви (что в Крапивках, приписной к Григорие-Богословской, на Большой Дмитровке) подворье (Пантелеймонова монастыря), надобно построить дом. что сие не легко исполнить, видно из примера новоучрежденного Антиохийского подворья, для которого дом куплен (что много дешевле построения нового), но преосвященный митрополит Илиопольский (Неофит) не находит способов уплатить долг продавцам дома.

2) При многолетнем наблюдении не встречалось случая, чтобы кто-либо просил увольнения на всегданнее пребывание в Афонском русском монастыре и в следствие сего находился бы там с благословения церковного и с законного разрешения гражданского начальства; обыкновенно же берут увольнение для временного посещения святых мест, и потом остаются в Афонской Горе произвольно, без благословения духовного и без разрешения гражданского начальства; и светские, без увольнения от своих обществ и без трехлетнего наблюдаемого в российском духовном управлении искуса, получают в афонских монастырях монашество и степени священства. Из письма братии Афонского Русского монастыря от 11 октября 1846 года видно, что русских в нем до 40 человек и что они, по собственному их выра-

жению, «с просроченными видами» и, следовательно, не в законном положении. Если такие люди назначены будут от Русского Афонского монастыря на учреждаемое в Москве подворье, то в допущении их встретится затруднение. Если между ими будут отлучившиеся из русских епархий в монашестве и в священстве, то они будут подлежать суждению по 3 правилу Антиохийского собора*. А если будут отлучившиеся из России в мирском звании и получившие в Афоне монашество и священство, то они будут подлежать суждению, по указу Св. Синода 1774 года, апреля 11 дня, в котором изображено: постригающихся за границею и по пострижении в Россию выходящих монашества лишать и оставлять их, на основании объявленного от Правительствующего Сената 1762 г., декабря 14 дня указа, в ведомстве светских команд. Появление и постоянное в Москве пребывание (водворение) людей, без увольнения от своих званий и без трехлетнего искуса в Афоне постриженных и посвященных, может увлекать и других на сей легкий путь произвола с пути порядка и закона, соблюдаемого в России духовным и гражданским начальством.

Примечание: Св. Синод, по изъясненному в указе оногo (от 22 ноября) причинам, ходатайствовать о Всемилостивейшем пожаловании подворья в Москве Русской обители св. Пантелеймона, что на Афоне, признал неудобным.

6. Письмо Филарета, митрополита Московского, к А.Н. Муравьеву. Москва, 21 ноября 1850 г.

Сей час получил я письмо Ваше, возлюбленный Андрей Николаевич, и прежде чтения уже доволен. <...> Но вот новая беда. Я в опасности, которую Вы можете уменьшить, а не совсем отвратить, — в опасности, что Вы будете мною недовольны более, нежели когда-либо.

О подворье для Афона [Московская Синодальная] Консистория дала отрицательное мнение. Я послал дело к викарию⁹²: он согласился с Консисториею. Обратясь к указу Св. Синода, нахожу, что из двух или трех моих недоумений, предлагаемые деньги разрешают только одно и, что еще затруднительнее, Св. Синод присовокупил свою причину отказа. Возражать на причину представленную Св. Синодом было бы не благообразно со стороны подчиненного.

Я задумался, и дело лежало у меня. Думаю и то, что в Москве есть уже пять или шесть разных духовных ведомств кроме епархиального, и что иностранные подворья и прежде, и недавно, много причинили неприятностей. Как нарочно к сему же времени иеромонах Афонский Серафим⁹³ и Григорий слепой поссорились, и стрелы один против другого пускают в Москву. Серафим говорит, что Григорий удерживает в свое распоряжение много экземпляров написанных Серафимом книг. Григорий говорит:

я отдал Афону четыре тысячи экземпляров: неужели не могу взять в свое распоряжение еще две тысячи? Григорий прибавляет, что Серафим схимонах поселился в Москве в доме, где живут женщина и девица, женщина — бывшая в монастыре и вышедшая, девица — ясновидящая, магнетизируемая первою, и что Серафим слушает провещения ясновидящей. Когда сие и подобное не раз дошло до меня, сомнения мои увеличились, и я сегодня утвердил решение Консистории и велел возвратить Серафиму деньги. Очень виню себя в том, что по худой моей памяти не сообразил содержания Синодального указа, прежде нежели согласился принять Ваше письмо. Погневайтесь, но не до конца.

Сделайте милость не продолжите Вашего на меня негодования до 30 дня* и в сей день с миром вспомните, что я, хотя и виноватый (ибо и виновных признающихся милосердый Господь не отвергает), молю Его благословить Вам новое лето и многия лета.

Примечание А.Н. Муравьева: <...> Мне было очень больно, что по неудовольствиям возникшим между Святогорцем и его сотрудником, митрополит [Филарет] переменял свое решение дать им подворье в Москве, когда уже и церковь была избрана, и деньги 10 тыс. приняты были от святогорца Серафима для устройства этой церкви. Я не мог не высказать моей скорби владыке, тем более, что русская, можно сказать, обитель Св. Пантелеймона на Афоне, где 200 греков и 150 русских, убедительно меня просила об этом подворье и доселе весьма в оном нуждается.

7. Письмо Филарета, митрополита Московского, к А.Н. Муравьеву.
Москва, 14 декабря 1850 г.

Милостивый государь Андрей Николаевич!

Поздравил я Вас со днем Вашего Ангела и, помнится, дважды, и не имею ответа, как бывало. С продолжением времени вероятнее становилось, что Ваше молчание есть выражение гнева за решение дела о предполагаемом Афонском подворье. До нынешнего дня думал я о сем спокойно, а ныне, узнав о письме Вашем к иеромонаху Серафиму, удостоверился в том, и печален. Теперь мой долг исполнить требуемое словом Евангелия: аще брат твой имать нечто на тя, иди, и смирися с братом твоим. Иду, и искренно прошу от Вас прощения в том, что необдуманно принял от Вас письмо, и начал дело, которое не должно было достигнуть желаемого конца; и что сделался для Вас причиною неприятных чувствований, признаваясь впрочем с тою же искренностью, что и теперь не раскаиваюсь в утверждении мнения Консистории и викария, как должном.

В сем отношении успокоивает меня сам иеромонах Серафим, который пользу предполагаемого подворья признает очень сомнительною и еще прежде, после Синодального отказа, говорил о сем Ивану Акимовичу

[Мальцеву⁹⁴]. Он говорит, что афонские, прожив в России год для сбора пособий, возвращаются в Афон с привычками, по которым затруднятся там жить и даже выходят оттуда; не больше ли опасаться должно от тех, которые проживали бы пять лет в Москве на подворье? И так может быть, не худо, что дано время обдумать, надобно ли искать вещественной выгоды, с опасностью духовного урона?

Довольно будет для меня скорби, что случай, о котором скорблю, был; уменьшите оную тем, что он миновал.

Сказать ли, что для души Вашей хорошо простить, и что в молчании, может быть, меньше мира, нежели в выговоре? — Не хочу оскорблять Вас мыслию, будто нужно Вам о сем напоминать.

Мир Божий Вам призываю. <...>

Примечание А.Н. Муравьева: Я писал извинительное письмо Серафиму Святогорцу в том, что не исполнил данного мною обещания ему и обители Руссика, об устройстве подворья в Москве, полагая, что он крайне огорчен возвращением ему собранных им денег для сего предмета. Владыка, узнав об этом письме, со своей стороны огорчился, но изъявил много смирения в отношении меня; это меня глубоко тронуло, хотя и я также не изменил своего мнения о необходимости подворья для Руссика. Словопрепятия по сему вопросу продолжились и в следующих письмах.

8. Письмо А.Н. Муравьева к иеромонаху Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне Серафиму (Веснину). Москва, б.д. [1850].

Честнейший отец Серафим!

Я несколько замедлил на письмо Ваше, странствуя по России; теперь уже возвратясь в Москву, имел еще необходимость писать к Вам и по собственному Вашему делу. Недавно пойманы были здесь два человека со сборною книгою, выданною им из Русского монастыря за подписью игумена Герасима и духовника Иеронима. Сборщиков посадили в тюрьму, а книгу и дело о том послали в Святейший Синод.

Вы можете сами судить, какой это произвело соблазн и какие из этого могут произойти последствия.

Удивительно мне, что так могли поступать у Вас в монастыре! Греки могут не знать наших законов, но русским должно быть известно, что без высочайшего соизволения никто в России не может собирать на иностранные монастыри и что для этого нет другой дороги как чрез посланника в Константинополе. Вот как Ваши Афонские обители сами себе вредят; так что может когда-нибудь случиться, что от таких незаконных сборов могут запреститься и законные.

Скажите от меня и в Зографе отцу игумену с братиею, что и от них недавно были здесь два незаконных сборщика для устройства какого-то

нового скита на Черном Вире. Быть может, и они уже взяты полицией. Кажется, обитель Зографская довольно богата, чтобы не нуждаться в сборе; да и какая нужда в устройстве этого нового Скита?

Праздно шатающиеся из России постригаются безотчетно и потом выпрашивают себе такого рода письма, чтобы свободнее опять скитаться, не в пользу обители, а в пользу собственную, и с большим вредом для тех, которые так неосторожно посылают.

Попросите всех на Афоне и русских и греков быть осторожнее. Я говорю это, любя Святую Гору.

Скажу теперь касательно той келлии, которую просил я, чтобы ваша обитель продала новому скиту св. апостола Андрея. Скажу Вам, что слишком замысловаты и затруднительны купля и перепродажа иных основных келлий, какие Вы мне советуете предпринять чрез посредство архиепископа Кишиневского и живущих в Бессарабии епитропов Ватопедских. Не хотите продать всей келлии, то уступите, по крайней мере такой участок земли, чтобы <...> (нет окончания)

НИОР РГБ. Ф. 188. Картон 3. Ед. хр. 38. Л. 1–1об.

9. Письмо А.Н. Муравьева к митрополиту Московскому Филарету. Москва, 11 июля 1851 г.

Высокопреосвященнейший владыко, милостивый архипастырь!

По благосклонному дозволению Вашему, поручаю милостивому покровительству Вашего Высокопреосвященства иеромонаха Феодорита⁹⁵ с Афонской Горы, о котором говорил я Вам, из скита Св. Апостола Андрея Первозванного, приехавшего в Россию с Высочайшего разрешения по благословению Святейшего Синода для сбора милостыни в пользу вновь устроенной русской обители на Св. Горе. Вы были так благосклонны, что обещали поместить его у себя в Лавре в упраздненной обители архимандрита Кессарийского или где будет возможность, а потому я принял смелость прямо направить его к Вам, в надежде, что Вы не откажетесь призреть сего скромного и благочестивого представителя иночества русского на Афоне.

Поручая себя святым молитвам Вашим, остаюсь с глубочайшим уважением...

НИОР РГБ. Ф. 188. Картон 3. Ед. хр. 32. Л. 248–248 об.

10. Письмо А.Н. Муравьева к игумену скита св. апостола Андрея Первозванного Виссариону (Толмачеву). Санкт-Петербург, 7 февраля 1852 г.

Честнейший отец игумен!

Поспешаю отвечать на два письма Ваши и благодарить Вас и все Ваше братство скитское за постоянную обо мне память.

Теперь буду отвечать на Ваши вопросы и прошу Вас сообщить лично, как в обители Ватопедской, так и в Ксенофской, потому что мне трудно писать по-гречески, Вы же можете перевести им словесно мое письмо.

Прежде всего поблагодарите почтенного старца митрополита Григория за его отеческое письмо и скажите, что я весьма доволен, что мог ему доставить хотя малое утешение присылкою панагии, нося которую да воспоминает меня в своих молитвах.

Действиями и осторожностью отца Феодорита я вполне доволен и полагаю, что ему вовсе не нужно теперь сотрудника, который только его стеснит. Старцы Ватопедские полагают, что он, под моим влиянием, соберет миллионы в России, и потому лакомятся получить хотя третью часть в свою обитель чрез присылку диакона со святыми мощами. Но миллионы не собираются; Ваш посланный отправил Вам из Москвы, кажется, около тысячи рублей серебром и теперь посылает опять столько же, и это в течение полугода; кажется, небольшая пожива! Да как еще станете делиться, то пойдут ссоры. Если бы Вы подумали о том при самом начале, то можно бы было прислать двух, а теперь надобно опять особенно докладывать Царю, и это неудобно. К тому же Ватопедская обитель, кажется, не из бедных, она даже почитается богатейшею на Св[ятой] Горе и имеет земли в Княжествах; как же для нее просить сбор милостыни?

Знаю, что всех смущает успешный сбор игумена Есфигменского Агафангела, но да будет Вам ведомо, что он произвел много соблазна, учащая своим посещением в домах и неприличным поведением одного грека, которого он должен был взять себе в переводчики и который потом подавал на него жалобы. Игумен сверх срока оставался долго в России, и духовное начальство не осталось им довольно, хотя народ жертвует много, полагая, что это для всей Горы Афонской, и не разумея, что там 20 монастырей.

И теперь у нас есть еще сборщики, из скита пророка Или и Ваш, кроме епископов, посланных от Патриархов Александрийского⁹⁶ и Антиохийского⁹⁷, и игумена из Трeбизонда. Следственно, неудобно просить дозволения для новых сборщиков из Ксенофской обители. Впрочем, ее прошения [находятся] в Св. Синоде, и хорошо, если разрешат, потому что обитель бедная и, что весьма важно, общежительная, а у нас в России на это смотрят.

Кланяйтесь старцам ксенофским и скажите, что справлюсь, в каком положении дело, но только отвечать за успех не могу; пусть просят еще посланника.

Сделайте одолжение, внушите всем обителям, чтобы не посылали самозванных сборщиков без разрешения со своими листами, за что недавно некоторые сборщики посажены были в тюрьму.

Слышал еще будто требуют от Вас, чтобы переменили свою печать и сделали бы ее поменьше, выкинув даже слово Ново-русской. Если Вы это сделаете, то я от Вас отступлюсь; мне странно, что греческие старцы могут от Вас сего требовать! — Не явная ли это неблагодарность России,

от которой постоянно требуют милостыни? И как дерзают вновь колебать утвержденное однажды Патриархом и собственным их Собором?

Простите, поручая себя молитвам Вашим и приветствуя все братство обители, с душевною преданностию имею честь быть...

НИОР РГБ. Ф. 188. Картон 2. Ед. хр. 11. Л. 3–4об.

11. Письмо А.Н.Муравьева к иеросхимонаху Иерониму (Соломенцову), духовнику Пантелеимонова монастыря на Афоне. Москва, 13 июля 1856 г.

Честнейший отец Иероним!

После многих лет обращаюсь с просьбой моею в надежде, что Вы еще не забыли дружеских наших отношений на Афоне. Вы знаете участие, какое я принимаю, как ктитор, в Русском скиту Андрея Первозванного. Теперь этот скит обстраивается и ему надо несколько аршин земли для проведения южной стены.

Неужели Вы, как русский, откажете русским в такой безделице, отговариваясь тем, что тут проведена ваша вода? — Ее можно несколько отстранить или провести желобами под стены, а если не будет уступлена земля сия, то совершенно будет искажен внешний вид скита. Если же Вы откажете, то это будет видимый знак нерасположения Вашего, как к устроенному мною скиту, так и лично ко мне.

Пред войною⁹⁸ я просил Вас также о уступке скиту келлии святого Василия, прилегающей к нему, и дело почти было решено, но почему расстроилось неизвестно. Если, быть может, есть люди, неблагорасположенные к скиту, которые стараются это дело испортить, то позвольте Вам напомнить, что мое усердие ко всей Афонской Горе и к Русику заслуживают более внимания, нежели их речи. Быть может, мое влияние по делам афонским несколько поважнее сих советников и не надобно им пренебрегать.

Прошу Вас передать мое глубочайшее почтение старцу игумену Герасиму и просить его от моего лица о том же, как и уступке нескольких аршин для провода стены скита, так и о продаже кельи святого Василия, если это возможно исполнить.

Примите уверение в душевном уважении Вашего покорнейшего слуги.
НИОР РГБ. Ф. 188. Картон 3. Ед. хр. 9. Л. 1–1об.

12. Письмо А.Н.Муравьева к игумену Виссариону (Толмачеву). Б.м., б.д.

Честнейший отец Виссарион!

Исполняя желание Ваше, писал я в Русик духовнику Иерониму, прося его о уступке земли под стену и самой кельи, если это возможно. Надеюсь, что он исполнит мою просьбу, а Вы старайтесь сойтись в цене, касательно кельи.

Между тем, и Вы со своей стороны будьте внимательны к старцу Вашему, духовнику Нифонту и не дайте ему в одиночестве и сиротстве умереть в пустынной келлии из-за каких-нибудь рублей, потому что этим Вы лично меня оскорбляете. Да и прилично ли, чтобы русские ссорились между собою из интереса?

Феодорит хорошо исполняет возложенную на него обязанность, но теперь думать о часовне еще не время. Также нечего заботиться вперед о правах на игуменство в скиту, а надобно стараться привести в устройство то, что начато. Все это я Вам говорю по участию, которое в вас принимаю и в котором Вы, конечно, уверены.

Поручая себя молитвам Вашим, остаюсь преданным Вам...

НИОР РГБ. Ф. 188. Картон 3. Ед. хр. 9. Л. 2.

13. Отзыв митрополита Филарета на записку Б.П. Мансурова⁹⁹ о положении дела создания на Востоке русских богоугодных заведений. Москва, 11 мая 1859 г.

<...> XIV. О поддержании афонских монастырей забота едва ли нужна и не обещает пользы. Сии монастыри много выносят из России денег посредством своих сборщиков не по истинной нужде, и значительную часть сих денег заведомо оставляют в руках сборщиков. В некоторые монастыри делают на русские деньги сребропозлащенные оклады на иконы, что для благочестия не нужно и в Афоне не уместно, потому что может привлечь корыстолюбие турок и грабеж.

И то, что русские идут в Афон, иногда не по правильным побуждениям (как, например, потому, что там скорее можно получить монашество и священство) и влекут туда русские капиталы на покупку келлий и скитов, и на свое содержание, не заслуживает поощрения. Сии люди могли бы в России найти себе духовное наставление и спасение, а некоторые и принести пользу.

Опубл.: Выписки и замечания митрополита Филарета на записку о положении дела создания на Востоке русских богоугодных заведений д.с.с. Мансурова. Москва, 11 мая 1859 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1886. Т. IV. С. 413.

14. Донесение Филарета, митрополита Московского, Св. Синоду. Москва, 15 марта 1866 г.

Афонского Иверского монастыря игумен Иларион с братиею от 4 января сего года пишут ко мне следующее: «12 дня прошлого месяца пожар,

начавшийся в гостинице монастыря, где имеют приют поклонники, истребил некогда славный и прекрасный монастырь Иверский. В следствие сего несчастья, отцы, жившие здесь, остались без пищи и крова во время зимней стужи и не имеют где главу подклонить, потому что пожару, начавшемуся вдруг, помогал северный ветер, дувший целую ночь и день. Поэтому нельзя было спасти ничего, даже самого необходимого; этот пожар во мгновение ока охватил монастырь с четырех сторон и истребил все, что можно, кроме соборного древнего храма честного Предтечи и молитвенницы⁸ Вратарницы с иконой, носящей сие имя». Посему просят меня исходатайствовать от Св[ятейшего] Всероссийского Синода дозволения — придти одному из архимандритов с двумя иеромонахами в Богохранимую империю для сбора милостыни.

Полагая, что для испрошения разрешения прислать доверенных для сбора милостыни, должны они сами обратиться с просьбой к Св. Синоду, должным признаю однако же довести сие до сведения Св. Синода, и присовокупить, что присылка архимандрита и двух иеромонахов представляется излишнею и неблагоприятною, так как от сего, по прежним примерам, надлежит ожидать, что они, взяв из Иверского монастыря какую-либо святыню, будут с нею усиленно входить в дома для совершения молебствий, не всегда к удовольствию хозяев и не с должным уважением к святыне, становящейся чрез сие орудие хозяйственных видов».

Опубл.: Душеполезное чтение. 1885. С. 516.

- ¹ Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. М., 2009. С. 7.
- ² Муравьев А.Н. Письма с Востока. Ч. 1. М., 2005. С. 97.
- ³ Там же.
- ⁴ Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. М., 2009. С. 7–8.
- ⁵ Там же. С. 156.
- ⁶ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской инока Парфения. Ч. II. С. 218–222.
- ⁷ Великий князь Константин Николаевич пробыл на Афоне с 16 по 18 июля 1845 г.
- ⁸ Первое Августейшее паломничество на Афон Великого Князя Константина Николаевича в 1845 году // <http://legitimist.ru/sight/history/2016/pervoe-avgustejshee-palomnichestvo-na-afon.html?view=print>.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Письмо митрополита Антония к архимандриту Антонию (Медведеву). Москва, 1 октября 1845 г. // Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. СТСЛ, 2007.Т. 1. С. 370.
- ¹¹ Муравьев А.Н. Письма с Востока. Ч. 1. М., 2005. С. 81.

- ¹² По свидетельству римского историка Светония, выражение «до греческих календ» (лат. *Ad calendas graecas*) было одним из любимых выражений римского императора Августа (63 до н.э. — 14 н.э.), который упочтреблял его, когда речь заходила о неплательщиках налогов и неисправных должниках. Дело в том, что у римлян в первый день каждого месяца, который назывался календами, было принято выплачивать все налоги и делать все платежи по финансовым обязательствам. Поскольку у греков понятия календ не было, выражение «отложить платеж до греческих календ» значило то, что должник вовсе не собирается возвращать деньги.
- ¹³ Письмо В.П. Титова к А.Н. Муравьеву. Буюкдере, 19 августа 1849 г. // НИОР РГБ. Ф.188. К. 9. Ед. хр. 58. Л. 5–6 об.
- ¹⁴ Муравьев А.Н. Письма с Востока. Ч. 1. М., 2005. С. 84.
- ¹⁵ Отношение консула Дж. Финна к лорду Г. Пальмерстону. Иерусалим, 10 июля 1850 г. // FO 226/104.
- ¹⁶ Муравьев А.Н. Письма с Востока. Ч. 1. М., 2005. С. 99–100.
- ¹⁷ Там же. С. 104–105.
- ¹⁸ Там же. С. 105.
- ¹⁹ Письмо митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву от 14 июня 1848 г. // Письма к А.Н. М[уравьеву]. Киев, 1869. С. 276–277.
- ²⁰ Примечание А.Н. Муравьева к письму митрополита Филарета от 26 ноября 1849 г.: «Я решился не ехать в Египет, чтобы сократить свое путешествие, из опасения могущей открыться войны, и поехал из Греции прямо в Палестину» (Письма к А.Н. М[уравьеву]. Там же. С. 319).
- ²¹ Письмо митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву. Москва, 26 ноября 1849 г. // Письма к А.Н. М[уравьеву]. Там же. С. 315.
- ²² Муравьев А.Н. Письма с Востока. Ч. 1. М., 2005. С. 79.
- ²³ Патриарх Александрийский Каллиник (1858–1861). Во время путешествия А. Н. Муравьева по Востоку (1849–1850) епископ Москонисийский Каллиник, будучи на покое, жил на Афоне; позже был митрополитом Фессалоникийским; в 1858 г. избран Патриархом Александрийским, но вскоре был вынужден отказаться от престола из-за недовольства клира и народа его управлением. † 1889 в Митилене.
- ²⁴ Письмо А.Н. Муравьева к митрополиту Филарету. Русский скит на Афонской горе, 9 августа 1849. // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 32. Л. 212–213 об.
- ²⁵ Письмо митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву от 27 сентября 1849 г. // Письма к А.Н. М[уравьеву]. Киев, 1869. С. 314–315.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Письмо В. П. Титова к А.Н. Муравьеву. Буюкдере, 13/25 октября 1849 г. // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 9. Ед. хр. 58. Л. 10 об.
- ²⁸ Письмо В. П. Титова к А.Н. Муравьеву. Пера, 14 января 1850 г. // Там же. Л. 13–14.
- ²⁹ Примечание А.Н. Муравьева к письму митрополита Московского Филарета от 27 сентября 1849 г. // Письма к А.Н. М[уравьеву]. Киев, 1869. С. 315.
- ³⁰ Там же. С. 318.
- ³¹ Письмо митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву. Москва, 27 сентября 1849 г. // Там же. С. 315.

- ³² Там же. С. 316–317.
- ³³ Там же. С. 317.
- ³⁴ Примечание А.Н. Муравьева к письму митрополита Московского Филарета от 27 ноября 1850 г. // Там же. С. 348.
- ³⁵ Письмо В. П. Титова к А. Н. Муравьеву. Пера, 19 ноября 1849 г. // НИОР РГБ. Ф.188. К. 9. Ед. хр. 58. Л. 12об.
- ³⁶ Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (в монашестве — Агния; 1785–1848), графиня, камер-фрейлина Двора Е. И. В. Унаследовав огромное состояние своего отца, графа А. Г. Орлова, занималась широкой церковной благотворительностью.
- ³⁷ Письмо В. П. Титова к А. Н. Муравьеву. Пера, 14 января 1850 г. // НИОР РГБ. Ф.188. К. 9. Ед. хр. 58. Л. 14.
- ³⁸ Иеросхимонах Сергей Святогорец (в миру — Симеон Веснин, в монашестве — Серафим; 1814–1853). В августе 1839 г. принял монашеский постриг; в июле 1840 г. собрался в паломничество к святым местам Палестины и на Афон, но вынужден был вернуться из-за турецко-египетской войны; в июле 1843 г. повторно отпущен на Восток; в октябре 1843 г. прибыл на Святую Гору, где принят в число братии Русика; 23.03.1844 принял схиму; с сентября 1844 г. в течение семи месяцев странствовал по святым местам Палестины; возвратившись в Русик, посвятил себя литературным трудам; в 1847 г. приехал в Россию для подготовки к печати «Писем Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской», первая часть которых была издана в Петербурге в 1849 г., вторая — в 1850 г. Во время пребывания в Москве (первая пол. 1850 г.) и Петербурге (вторая пол. 1850 г. — нач. 1851 г.) им были собраны значительные пожертвования на русскую афонскую обитель. В марте 1851 г. вернулся на Афон.
- ³⁹ Насельник Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря Григорий приехал вместе с иеромонахом Серафимом (Весниным) в Россию для сбора пожертвований на нужды обители.
- ⁴⁰ В период с мая по октябрь 1845 г. великий князь Константин Николаевич совершил большое морское путешествие, во время которого побывал в Константинополе, посетил острова греческого архипелага, Афон (где великий князь провел три дня — с 16 по 18 июля), Крым и Кавказ (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 663. Л. 13–14 об.).
- ⁴¹ Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду по поводу ходатайства обители св. Пантелеимона на Афоне о разрешении иметь подворье в Москве. Москва, 9 марта 1850 г. // Собрание мнений и отзывов Филарет, митрополита Московского. Т. Доп. СПб., 1887. С. 289.
- ⁴² Там же. С. 290.
- ⁴³ Там же. С. 291.
- ⁴⁴ Мнение митрополита Филарета от 1 марта 1850 г. // Душеполезное чтение. 1880. С. 377–378.
- ⁴⁵ Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду. Москва, 9 марта 1850 г. // Собрание мнений и отзывов Филарет, митрополита Московского. Т. Доп. СПб., 1887. С. 292.
- ⁴⁶ Письмо митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву от 21 ноября 1850 г. // Письма к А.Н. М[уравьеву]. Киев, 1869. С. 346.

- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 Примечание А.Н. Муравьева к письму митрополита Московского Филарета от 27 ноября 1850 г. // Там же. С. 347.
- 50 Письмо митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву от 14 декабря 1850 г. // Там же. С. 349–350.
- 51 Письмо митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву от 28 декабря 1850 г. // Там же. С. 352.
- 52 Письмо митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву от 12 июля 1853 г. // Там же. С. 425–426.
- 53 Письмо А.Н. Муравьева к митрополиту Филарету. Москва, 11 июля 1851 г. // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 32. Л. 248–248об.
- 54 Архимандрит Герасим Афонский (ок. 1770–1772 — 1875), игумен Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Род. в Македонии. Монашеский постриг принял ок. 1790 г. С 1821 г. исполнял обязанности игумена, хотя из-за Греческого восстания официальное утверждение его в этой должности состоялось в 1832/33 г. Считал необходимым присутствие в обители русской братии и поддерживал русских монахов. В первой пол. 1870-х гг. дал благословение на раздел монастыря с греками.
- 55 Иеросхимонах Иероним (в миру Иван Павлович Соломенцов; 1805–1885), ктитор и духовник Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря. Придя на Афон в 1836 г., принял монашеский постриг на Святой Горе Афон; приобрел келлию во имя прор. Божия Илии; осенью 1840 г. перешел в Свято-Пантелеимонов монастырь; в ноябре того же года был рукоположен во иеромонаха и назначен духовником обители; в 1841 г. принял схиму.
- 56 Письмо А.Н. Муравьева к иеромонаху Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне Серафиму. Москва. Б.д. [1850] // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 38. Л. 1–1об.
- 57 Там же.
- 58 Письмо А.Н. Муравьева к игумену скита св. апостола Андрея Первозванного Виссариону. С.-Петербург, 7 февраля 1852 г. // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 2. Ед. хр. 11. Л. 3–4об.
- 59 Там же.
- 60 Там же.
- 61 Там же.
- 62 Там же.
- 63 Заметки митр. Филарета, по прочтении двух писем бывшего на Востоке архимандрита Порфирия. 7–8 сентября 1858 г. // Собрание мнений и отзывов Филарет, митрополита Московского. Т. Доп. СПб., 1887. С. 456–457.
- 64 Там же. С. 455.
- 65 Заметки митр. Филарета, по прочтении двух писем бывшего на Востоке архимандрита Порфирия. 7–8 сентября 1858 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. Доп. СПб., 1887. С. 456.
- 66 Там же. С. 455–457.

- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Выписки и замечания митрополита Филарета на записку о положении дела создания на Востоке русских богоугодных заведений д.с.с. Мансурова. 11 мая 1859 г. // Там же. Т. IV. М., 1886. С. 413.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Донесение митрополита московского Филарета Св. Синоду. Москва, 15 марта 1866 г. // Душеполезное чтение. 1885. С. 516.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Первое Августейшее паломничество на Афон Великого Князя Константина Николаевича в 1845 году // <http://legitimist.ru/sight/history/2016/pervoe-avgustejsheepalomnichestvo-na-afon.html?view=print>.
- ⁷⁴ Письмо митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву от 12 августа 1849 г. // Письма к А.Н. М[уравьеву]. Киев, 1869. С. 307.
- ⁷⁵ В примечании к письму святителя Филарета от 13 сентября 1849 г. Муравьев писал: «Владыка упоминает о столпнике Афинском, ибо еще недавно спасался там такого рода молитвенник, на одном из уединенных столбов храма Юпитера Олимпийского» (Там же. С. 314).
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Муравьев А.Н. Письма с Востока. Ч. 1. М., 2005. С. 109–110.
- ⁷⁸ Цит. по: Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. М., 2009. С. 13.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Иеросхимонах Парфений (Аггеев; 1807–1878), основатель и строитель Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря, духовный писатель. Автор сочинений: «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской инока Парфения», «О Промысле Божиим», «Обличение ответов в защиту австрийского священства», «Вертоград духовный» и др.
- ⁸¹ Письмо к архимандриту Антонию (Медведеву). Москва, 12 июня 1842 г. // Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма преподобному Антонию. СТСЛ, 2007. Т. 1. С. 268.
- ⁸² Андреев В.Н. Жизнь и деятельность баронессы Розен, в монашестве игумении Митрофании. СПб., 1876. С. 88.
- ⁸³ Там же. С. 96–97.
- ⁸⁴ Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма преподобному Антонию. СТСЛ, 2007. Т. 3. С. 93, 95.
- ⁸⁵ Святитель Афанасий III Цареградский, Лубенский чудотворец (Пателларий, 1597–1654), Патриарх Константинопольский (1634, 1635 и 1652).
- ⁸⁶ Серафим I, Патриарх Константинопольский (март/апрель 1733 — октябрь 1734).
- ⁸⁷ Софония (Сокольский; 1799–1877), архиепископ Туркестанский. Настоятель церквей при российских дипломатических миссиях в Константинополе (1848–1853), Риме (1855–1860) и Эривани (1861–1863). 28.02.1868 хиротонисан во епископа Новомиргородского, викария Херсонской епархии; с 12.11.1871 — епископ (с 16.09.1877 — архиепископ) Туркестанский и Ташкентский.

- ⁸⁸ Иеросхимонах Варсонофий (Вавилов; 1797–1850) и иеросхимонах Виссарий (Толмачев; 1808–1862) — выходцы из Белобережской пустыни, основатели Белобережского скита при афонском монастыре Ватопед, первым игуменом которого был избран о. Виссарий. В 1841 г. приобрели в собственность келлию Серай, положив тем начало устройению Свято-Андреевского скита на Афоне.
- ⁸⁹ Иеросхимонах Серапион, в 1820-е гг. был насельником Брянской Белобережской Иоанно-Предтеченской пустыни, в 1845–1857 гг. — игумен Одринско-Николаевской пустыни в Орловской губ.
- ⁹⁰ Патриарх Александрийский Каллиник (Кипариссис; 1800–1889). Во время путешествия А. Н. Муравьева по Востоку (1849–1850) епископ Москонисийский Каллиник, будучи на покое, жил на Афоне; позже был митрополитом Фессалоникийским; в 1858 г. избран Патриархом Александрийским, но в 1861 г. был вынужден отказаться от престола из-за недовольства клира и народа его управлением.
- ⁹¹ Преподобный Илиопольский ТС «Неофит, митрополит Илиопольский» \f «А» \l 1 Неофит был прислан в Москву от Александрийского Патриарха для сбора пожертвований. В сентябре 1842 г. архидиакон Неофит был рукоположен во епископа Илиополя и Ливана. Консул К. М. Базили писал о нем А. Н. Муравьеву 15.09.1842: «Он природный араб из Алепа, и, может быть, приличнее, чтобы араб был представителем Сирийской Церкви. Если он приобькнет к обхождению, надеюсь, что он понравится. Могу ручаться в том, что имеет доброе сердце, здравый ум, хотя не слишком образованный, и бескорыстное рвение к своей Церкви» (ОР РГБ. Ф. 188, карт. 4, ед. хр. 30, л. 29). За время его пребывания в России на собранные им деньги было устроено Антиохийское подворье в Москве (1848). † 3.12.1853 в Москве.
- ⁹² Митрополит Филофей (Успенский; 1808–1882). 18.12.1849 рукоположен во епископа Дмитровского, викария Московской епархии; с 19.08.1853 епископ Костромской и Галицкий; с 15.02.1857 епископ Тверской; с 23.04.1861 архиепископ; с 5.05.1876 митрополит Киевский и Галицкий.
- ⁹³ Иеросхимонах Сергей Святогорец (в миру — Симеон Веснин, в монашестве — Серафим; 1814–1853). Род. в семье дьячка в Вятской губ. Окончил Вятскую Духовную семинарию (1834); после женитьбы рукоположен во священника; после смерти жены (1835) и дочери (1837) определен казначеем и управляющим Орловским Спасским монастырем. В августе 1839 г. принял монашеский постриг; в июле 1840 г. собрался в паломничество к святым местам Палестины и на Афон, но вынужден был вернуться из-за турецко-египетского конфликта. В октябре 1843 г. прибыл на Святую Гору, где принят в число братии Русика; 23.03.1844 принял схиму; с сентября 1844 г. в течение семи месяцев странствовал по святым местам Палестины; возвратившись в Русик, посвятил себя литературным трудам; в 1847 г. приехал в Россию для подготовки к печати «Писем Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской», первая часть которых была издана в Петербурге в 1849 г., вторая — в 1850 г. Во время пребывания в Москве (первая пол. 1850 г.) и Петербурге (вторая пол. 1850 г. — нач. 1851 г.) им были собраны значительные пожертвования на русскую афонскую обитель. В марте 1851 г. вернулся на Афон. В знак признательности за его труды в пользу монастыря

для о. Сергия была устроена отдельная келлия недалеко от обители — Космодамиановская пустынь, где он проводил строгую подвижническую жизнь.

- ⁹⁴ Мальцов (Мальцев) Иван Акимович (1774–1853), крупный промышленник и землевладелец. Ему принадлежали хрустальные и чугунолитейные заводы, текстильные фабрики и виноградники в Крыму. Женат (1806) на Капитолине Михайловне Пушкиной († 1853). Пользовался постоянным уважением и расположением митрополита Филарета. А. Н. Муравьев говорил о нем: «Се воистину израильтянин, в нем же лъсти нет» (Ин. 1, 47). В 1837 г. И.А. Мальцев приобрел в Петербурге на Моховой двухэтажный каменный дом с большим садом, где часто устраивались званые обеды.
- ⁹⁵ Архимандрит Феодорит (в миру Федор Крестовников; 1822–1887), один из первых насельников Серая, принятый в братию в 1842 г. С 6.06.1862 г., после кончины о. Виссариона, утвержден игуменом скита.
- ⁹⁶ Патриарх Александрийский Иерофей II (1847–1857). При Патриархе Иерофее I (1825–1845) был главным епитропом Патриархии. В 1847 г. избран клиром и народом на Александрийскую кафедру. В апреле 1850 г. обратился к императору Николаю I и Св. Синоду, прося материальной помощи на восстановление храмов и монастырей бедного Александрийского Патриархата. В 1851 г. последовало Высочайшее разрешение прислать в Россию епископа от Александрийского престола для сбора пожертвований. В 1855 г. при участии митрополита Московского Филарета в Москве было устроено Александрийское подворье, ставшее главным источником денежных средств на нужды Александрийской Церкви.
- ⁹⁷ Патриарх Антиохийский Иерофей (ок. 1800–1885). Образование получил в Иерусалиме в Святогробском монастыре, там же принял монашеский постриг и рукоположен в священнический сан; с 1832 г. — архиепископ Фаворский. В 1833–1839 гг. находился в России для сбора пожертвований; в 1838 г. был назначен преемником Патриарха Иерусалимского Афанасия V и в 1839 г. вернулся в Константинополь, где было место постоянного пребывания Патриархов Иерусалимских. С 1850 г. — Патриарх Антиохийский.
- ⁹⁸ Имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг.
- ⁹⁹ Мансуров Борис Павлович (1826–1910), палестиновед, сенатор (1865), член Гос. Совета (1872). В ноябре 1856 г. был командирован в Палестину для приобретения первых русских участков в Иерусалиме, положивших начало Русской Палестине. С 1860 г. — управляющий делами Палестинского Комитета, после 1864 г. — управляющий делами Палестинской Комиссии.

ЗАПИСКА ОБ ИКОНОПИСАНИИ АФОНСКОМ*

А.Н. Муравьев

Публикуемая ниже записка известного церковного деятеля, писателя и историка Андрея Николаевича Муравьева «Об иконописании Афонском», адресованная обер-прокурору Св. Синода графу Н.А. Протасову, находится в Российском государственном историческом архиве, в фонде канцелярии Св. Синода (РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 414. Л. 2–6об.). Год написания Записки не указан, но можно предположить, что она написана 17 марта 1850 г., когда Андрей Николаевич, под впечатлением увиденного на Афоне, старался привлечь внимание духовной власти к византийскому иконописному наследию, еще сохранившемуся в Афонских монастырях. К сожалению, сопроводительное письмо к записке (Л. 1–1об.), представляющее автограф автора, транскрибировать пока не удалось.

Лейтмотивом записки стала мысль о необходимости сохранения иконописных изображений, с которыми Муравьев познакомился на Востоке и которые подвергались опасности быть безвозвратно утраченными. С другой стороны изучение русскими художниками древнего византийского иконописания, традиции которого сохранялись на Афоне, и повсеместное усвоение византийских технических приемов и художественных принципов иконописцами в России должны были по замыслу автора укрепить православные византийские корни как в Российской империи так и на Христианском Востоке. «Итак мы должны взаимно учиться на Святой Горе и передать ей свое искусство, заимствовав древнее, научить новому или, лучше сказать, следует и нам и ей возвратиться к древнему, тогда ее художники приобретут от наших прежнюю красоту очерков, а наши от них искусство составлять краски для свежей извести <...> Присовокуплю еще, что это будет истинною услугою Церкви Православной, если чрез посредство посланных художников на Святую Гору восстановится опять разобщенная связь

---

* Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов № 14-01-00419 и № 15-61-01005.

между древнею византийскою и новейшею школою нашей живописи, которая должна необходимо отбросить все западное, возвратиться к прежнему благолепному своему началу для достойного украшения наших храмов». Эта мысль возникла у него при первых же посещениях афонских обителей, и для сохранения византийского наследия, по мнению автора Записки, следовало командировать на Афон русского иконописца: «Художник наш непременно должен списать верные снимки со всех лучших икон и фресков, доколе не истребило их время и невежество».

Своей тревогой Муравьев поделился прежде всего с московским митрополитом Филаретом, в письмах к которому красочно описывал все им увиденное на Востоке. Уже в одном из первых писем к митрополиту Московскому Филарету с Афона, где подробно описано состояние древних фресок в храмах Иверского монастыря и Протата¹, Муравьев поделился горьким впечатлением, вызванным состоянием церковной живописи в афонских храмах: «В Иверском все ломают и думают удивить новизною; я уговорил братию не ломать древней колокольни с чудотворной на стене иконой, а трапезу всю бывшую со фресками лучшей живописи X века уже сломали, осталась одна стена — варвары ужасны и гордятся своим полуобразованием московским, ибо есть подворье в Москве. Утешительна только икона наша родная Иверская»².

Позже Муравьев сообщил, что «весьма изящная живопись», которой были расписаны стены иверского собора и трапезной в XVII в. усердием Асетана, князя Мухранского из рода Багратионов, «уничтожена теперь при последнем обновлении; уцелели только портеры ктиторов, Радула и Асетана, в привратной церкви. <...> Остатки прежней живописи еще видны в преддверии малой церкви Вратарницы, куда доселе не достигла рука обновителей, старающих все старое как бы недостойное их новейшего вкуса»³.

Муравьев пытался убедить епитропов «пощадить древнюю колокольню... и снять по крайней мере богатые фрески с остатков трапезы», а также сохранить «прекрасные иконы на вратах, Успения и Покрова, и уцелевшую живопись притвора церкви Вратарницы». Но, несмотря на обещания греков послушаться его совета, Андрей Николаевич сомневался, что они сдержат данное ему слово, «потому что не понимают достоинства древности»⁴.

Впечатление от фресок Мануила Панселина, сохранившихся в соборе Протата, несмотря на его ветхость и не уступавших по мастерству и колориту творениям выдающихся мастеров Италии, было столь велико, что, по мнению Муравьева, «сюда [на Афон], а не в Рим должны ехать учиться живописцы наши, если хотят постигнуть, что такое есть настоящая зография церковная, и обрести подлинники священных изображений Спасителя и святых»⁵. Более того, Муравьев видел превосходство византийской живописи, которая «скромнее осанкою фигур» в отличие от итальянской, где «многое искажено языческою примесью». Свое мнение писатель высказал и в письме к Филарету, и в записке, адресованной обер-прокурору.

Признаваясь Филарету, что «не понимает, как до сих пор никто не срисовал сии чудные лики, которые ежедневно разрушает время и рука обновителей, сбивающих фрески для новой неискусной живописи», Муравьев даже принял меры, чтобы «снять верные копии для подражания в России» с двух архангелов на фреске «Успение Пресвятой Богородицы» на западной стене соборного храма Протата⁶.

Задача, которую стремился достигнуть Муравьев, обращаясь к обер-прокурору Св. Синода, заключалась в том, чтобы организовать приезд на Афон русских иконописцев, которые не только скопировали бы шедевры древнего иконописания, но и овладели бы приемами греческой церковной живописи. С этим же он обращался к московскому митрополиту, и потому содержание публикуемой записки во многом повторяет письмо Муравьева к митрополиту Филарету от 13–14 августа.

С тем же предложением еще осенью 1849 г. Муравьев обратился и к российскому посланнику в Константинополе В.П. Титову⁷, который сопровождал ему в первые дни пребывания на Святой Горе и потому с воодушевлением откликнулся на просьбу Муравьева: «Мысль Ваша о живописце для снятия фресков и прочего на Афоне прекрасна. Я пишу к Лутковскому дабы подкрепить и от моего имени и рекомендовать для этой работы находящегося теперь в Греции одного из трех мушкетеров, нам содействовавших: Горностаев малый ловкий и весьма талантливый». Подходя к решению вопроса прагматически, посланник писал, что «сплавить на Афон» русского мастера из Греции «будет скорее, легче и дешевле, чем выбирать, даже и отыскивать дальнего охотника на Севере»⁸.

Возможно, следствием записки Муравьева стала поездка на Афон П.И. Севастьянова. Он посетил Святую Гору с целью разыскания наиболее ценных памятников христианского искусства в 1851 и 1852 гг. Дальнейшей его деятельности помешала Крымская война, но сразу же после ее завершения Севастьянов отправился в Париж, где занялся изучением фотографии специально, чтобы использовать возможности нового искусства для своих археологических работ на Святой Горе. В 1857 г. Севастьянов вновь отправляется на Афон, где копирует и фотографирует памятники византийского книжного и монументального искусства. Выставка того, что ему удалось собрать на Афоне, произвела сенсацию в России. В 1858 г. уже Св. Синод выступает с предложением по отправке на Святую Гору новой экспедиции под руководством Севастьянова. Высшей точкой в истории афонских исследований Севастьянова стала новая совместная экспедиция Св. Синода и Императорской академии художеств, состоявшаяся в 1859–1860 гг. Этой экспедиции были поставлены в общем те же самые «основные» задачи, которые почти за 10 лет до этого были сформулированы А.Н. Муравьевым.

ЗАПИСКА

Милостивый государь, граф Николай Александрович.

Если кто хочет изучить зодчество византийское и особенно древнее искусство иконописания, утраченное нами, потому что искажено примесью западного, то нигде лучше не может он достигнуть сей благой цели, как на Святой Горе Афонской. Сия монашеская область со своими 20 монастырями, 10 скитами и 50 келлиями, рассеянными по целой горе, где обитает до 5000 иноков, есть как бы отрывок империи Византийской, уцелевшей со всеми своими древнейшими обычаями от времен Комнинов и Палеологов. Там сохранилось преемственно предание древней иконописи не только в драгоценных иконах и фресках, но и в самой школе, существующей со времен славного живописца Панселина⁹ в центре Святой Горы на Карее близ Протата или правительственного собрания старцев афонских. Разумеется, это не есть настоящая школа, но несколько старых иноков, занимающихся живописью, передают втайне избранным ученикам свою науку писать по свежей извести и составлять особые для того краски, неповреждаемые временем; тайна сия отчасти забыта или утрачена в Европе, но в свою очередь утратилось на Афоне искусство рисования, хотя и сохранились прекрасные образцы на стенах обителей.

Итак, мы должны взаимно учиться на Святой Горе и передать ей свое искусство, заимствовав древнее, научить новому или, лучше сказать, следует и нам и ей возвратиться к древнему, тогда ее художники приобретут от наших прежнюю красоту очерков, а наши от них искусство составлять краски для свежей извести. Есть о том рукописная книга XV в., которая теперь переводится в Троицкой Лавре; в ней подробно изложено не только как составлять краски, но и как должно изображать лики святых и где писать их на стенах храмов.

Подлинник сей книги писан в 1454 году на Святой Горе Дионисием¹⁰, учеником Панселина, и теперь печатается в Афинах на греческом; на французский же переведена она, но неправильно, несколько лет тому назад живописцем Дидероном в его археологии иконной Запада и Востока¹¹. Упомянув о Панселине, надобно сказать, кто был сей Рафаил¹² живописи византийской, ее *полнолуние* по греческому значению сего имени. Три Панселина славились на Востоке: один, почти баснословный, жил действительно в V веке в царствование императора Феодосия Младшего¹³, но от сего едва ли остались какие-либо памятники.

Второй, самый именитый, был воспитанник Аполлониевой школы живописи на острове Архипелага Симе, что близ Родоса, оттоле перешел в Царьград, где сделался учителем школы византийской и, наконец, постригся на Святой Горе в монастыре Ватопедском, где и скончался в 1070 году; он расписал обитель Ватопедскую и Протат или соборную церковь

Карей и Лавру св. Афанасия, с помощью ученика своего Феофана. От него осталось много икон, которые слывут Панселиновыми, хотя некоторые были поновлены.

Третий Панселин был уроженец солунский и процветал в долгое царствование Андроника Старшего¹⁴, сына Михаила Палеолога¹⁵, в XIII–XIV веках; а так как сей государь обновил Ватопед, где сам скончался иноком, Протат и другие обители, опустошенные набегом каталонцев, то Панселин по гениальным очеркам соименного ему живописца обновил их стенную живопись.

Лучшим же его произведением и едва ли не верхом искусства византийского сохранились отчасти стенная живопись монастыря Пантократора на Святой Горе, который был основан в его время родом Комнинов. К несчастью, три года тому назад невежество братии сей обители уничтожило большую часть чудной живописи, по совету молдаванских иконописцев, которые взялись заново расписать всю церковь, поврежденную от времени.

Однако случившиеся путешественники спасли некоторые фрески и в числе их знаменитый Триморфион во весь рост в преддверии храма, т.е. Господа, сидящего на престоле, между Богоматерью и Предтечею, а внутри храма Успение Пречистой Девы удивительного письма и лики Предтечи, Иоанна Богослова, мучеников и преподобных, которые доселе могут служить образцами. Одну отбитую фреску спящего Господа в младенческом возрасте я собрал и привез с собою.

В XV и XVI веке процвела новая школа живописи иконной на острове Кандии, вероятно, по сношению с западными художниками во время владычества венецианского, и художники критские прославились на Святой Горе, когда господа Молдавии и Валахии начали ревновать об обветшавших ее обителях. Они старались, однако, подражать Панселинам и удерживать их очерки, где случалось обновлять письмо древнее. Памятниками их художества стала трапеза Лавры св. Афанасия и несколько уцелевших остатков недавно сломанной трапезы иверской; часть трапезы хиландарской, две паперти соборные в Ивере и Ватопеде и весь монастырь Дионисиат; остальное было истреблено недавними грубыми иконописцами.

По сим указаниям можно видеть, где должно собственно искать древних образцов на Святой Горе, и тамошние иноки-живописцы сами тщательно их укажут. Лучшее все в Пантократоре, где необходимо списать Триморфион и Успение, и в Протате, где драгоценны колоссальные лики святых (я только снял очерки с некоторых сквозь прозрачную бумагу).

Тут собственно можно получить тот идеальный лик Господа, которого у нас давно домогаются. Всех изящнее Пантократорский, но и в Ивере любопытно предание, будто сам Господь явился во сне отшельнику, желавшему видеть его образ и велел идти в обитель Иверскую, где настоящий лик его начертан в преддверии.

Сказав о предметах изучения, упомяну и о средствах к достижению сей цели, весьма легких. Путешествие до Константинополя удобно по сообщению пароходному. Из Царьграда два дня плавания до Салоники, и уже оттоле предстоит более трудный четырехдневный путь, по горам на Афоне, но часто монашествующие ездят на Святую Гору и прямо морем, не заходя в Салонику, на наемных судах. В центре Святой Горы, близ самой Кареи, где школа живописи, учрежден недавно новый скит, собственно Русский Св. апостола Андрея Первозванного, игумен коего, о. Виссарион, с любовью примет нашего художника, познакомит со всеми живописцами и не только будет содержать у себя во все время пребывания на Святой Горе, но даже сопутствовать по монастырям, если представится надобность.

Художник наш непременно должен списать верные снимки со всех лучших икон и фресков, доколе не истребило их время и невежество, не позволяя себе отступать ни в чем от подлинника. Кроме фресков в Лавре, Ватопеде и других обителях, есть там иконы V и VI веков, писанные на холсте и дарованные им от императоров. Так, например, в Ватопеде хранятся складни императрицы Феодоры¹⁶, царствовавшей в половине IX века, но икона, конечно, современна Юстиниану¹⁷, и много есть других подобных.

Между тем в бытность мою на Афоне, один молодой живописец, подающий хорошие надежды, просил меня убедительно, чтобы дозволено было ему приехать доучиться в Россию (я позабыл имя его, но игумен скита Русского [Виссарион (Толмачев)] знает его лично). Нужно воспользоваться сим случаем что бы через него изучить тайну составления красок, скрываемую довольно тщательно, и иметь его сотрудником в списывании фресков афонских. Да и сам его учитель, старец почтенный (Макарий, если не ошибаюсь) поможет в этом, когда увидит, что ученика его берут в Россию; научившись же, он может быть в свою очередь полезен на Святой Горе, где весьма соблазняются нашими новыми иконами и даже называют их языческими и такое мнение о нашей живописи не выгодно для нас на Востоке.

Вообще обнаженные формы и напряженное положение св. угодников Божиих, заимствованные нами с Запада, не соответствуют тому высокому понятию о духовной чистоте и бесстрастии вечного покоя, в каком привыкла Восточная Церковь представлять себе избранников Божиих, а потому все они, какого бы возраста или звания ни были — воины или мученики, старцы, юноши или девы — изображаются на древних иконах в спокойном виде, с орудиями только своих мучений, а не в минуту страдания, как пишут на Западе для эффекта.

Оттого и нет собственно картин на Востоке в церковной живописи, а большею частью одинокие фигуры, не составляющие картины, хотя иногда и несколько лиц вместе, исключая только двенадцатых праздников; но и тут условлены все очерки, и нет ни малейшего отступления от древних подлинников, так как лица некоторых святых и апостолов сохрани-

лись, по преданию даже в виде портретов, подобно как у нас святители Митрофан¹⁸ и Димитрий Ростовский¹⁹. Присовокуплю еще, что это будет истинною услугою Церкви Православной, если чрез посредство посланных художников на Святую Гору восстановится опять разобщенная связь между древнею византийскою и новейшею школою нашей живописи, которая должна необходимо отбросить все западное, возвратиться к прежнему благолепному своему началу для достойного украшения наших храмов.

- ¹ См.: *Муравьев А.Н.* Письма с Востока. Ч. 1. М., 2005. С. 77–115.
- ² Письмо А.Н. Муравьева к митрополиту Московскому Филарету. Русский скит на Афонской горе. 9 августа 1849 г. // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед. хр. 32. Л. 212–213 об.
- ³ Письмо А.Н. Муравьева к митрополиту Московскому Филарету. Серай, 10 августа 1849 г. // *Муравьев А.Н.* Письма с Востока. Ч. 1. М., 2005. С. 94.
- ⁴ Там же. С. 96.
- ⁵ Письмо А.Н. Муравьева к митрополиту Московскому Филарету. Серай, 13–14 августа 1849 г. // Там же. С. 111.
- ⁶ Там же. С. 114.
- ⁷ Титов Владимир Павлович (1801–1891), дипломат. С 24 апреля 1843 г. посланник и полномочный министр в Константинополе; в 1853 г. отозван в связи с разрывом дипломатических отношений.
- ⁸ Письмо В.П. Титова к А. Н. Муравьеву. Буюкдере, 3 октября 1849 г. // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 9. Ед. хр. 58. Л. 7–8 об.
- ⁹ Мануил Панселин (кон. XIII — нач. XIV вв.) — византийский живописец и иконописец. Афонская традиция связывает с его именем роспись Успенского собора Протата в Карее (1310), фрески в храмах афонских монастырей Ватопед (1313), Пантократора, Великой Лавры, а также базилики Святого Димитрия в Салониках.
- ¹⁰ Речь идет о иеромонахе и живописце Дионисии Фурноаграфиоте (ок. 1670–после 1744). В его книге «Ерминия, или наставление в живописном искусстве», написанной в 1730–1733 гг., помимо наставлений и указаний по иконописи, содержатся основные сведения о македонской школе живописи, одним из ведущих представителей которой был Панселин. «Ерминия» Дионисия, как и предшествовавшие ей Анонимная Ерминия 1566 г. и Ерминия Даниила 1674 г., были переведены и опубликованы на русском языке в «Трудах Киевской Духовной Академии» епископом Порфирием (Успенским) в 1867–1868 гг.
- ¹¹ Имеются в виду французский археолог и искусствовед Адольф Наполеон Дидрон (1806—1867) и его книга «Руководство к изучению христианской иконографии, православной и латинской» (*Manuel d'icographie chrétienne, grecque et latine.* Paris, 1845).
- ¹² Муравьев имеет в виду великого итальянского живописца и архитектора эпохи Возрождения Санти (Санцио) Рафаэля (1483–1520).
- ¹³ Феодосий II, император Восточной Римской империи с 402 г., сначала как соправитель своего отца Аркадия, а после его смерти в 408 г. единолично до 450 г.

-
- ¹⁴ Андроник III Палеолог (1296–1341), сын Михаила IX Палеолога; византийский император (1328–1341).
- ¹⁵ Михаил IX Палеолог (1277–1320), византийский император (1294–1320).
- ¹⁶ Св. Феодора I (ок. 815–867), супруга византийского императора Феофила иконоборца; византийская императрица (842–856), регент при сыне Михаиле III (856–866). По ее инициативе в 843 г. Константинополе был созван церковный Собор, на котором было восстановлено иконопочитание.
- ¹⁷ Юстиниан I (482–565), византийский император (527–565). Его супруга (с 525 г.) императрица Феодора (500–548) оказала большое влияние на религиозную и политическую жизнь Византийской империи сер. VI в.
- ¹⁸ Святитель Митрофан Воронежский (в миру Михаил, в схиме Макарий; 1623–1793), епископ Воронежский. Причислен к лику святых Русской Православной Церкви 25 июня 1832 г.
- ¹⁹ Святитель Дмитрий Ростовский (Туптало; 1651–1709), митрополит Ростовский и Ярославский в 1702–1709 гг. Причислен к лику святых Русской Православной Церкви 22 апреля 1757 г.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЕКТА

ПАМЯТНИКИ ХРИСТИАНСТВА в Нижней и Средней Нубии

Негуд Хасан Башир

Во второй половине VI–VIII вв. Нобадос (Нижняя Нубия между I и III нильскими порогами) была христианской страной с церквями во всех значительных поселениях.

В частности это подтверждается найденными захоронениями. Изменилась форма могил, вместе с умершим в могилу теперь не клали бытовые вещи. В VII в. в Нижней Нубии строятся вместительные соборы коптской архитектуры, ярким примером которых является величественный собор в Фарасе¹. В некоторых случаях под христианские церкви перестраиваются ранее возведенные языческие храмы, пример этому церковь в Примисе (Каср Ибриме), переделанная из святилища Изиды и др. В них служили епископы, рукоположенные в Египте из числа монахов-коптов. Опубликованные Гриффитом планы трех открытых им в Фарасе церквей², а также планы церквей, опубликованные М. Сомерсом Кларком³, наглядно демонстрируют, как их строители использовали разработки христианских архитекторов.

Все нубийские церкви имели продолговатую форму. Главный неф в них был обрамлен боковыми пределами с апсидальным алтарем в восточном конце и ризницами. В притворах большинство церквей имели небольшие угловые комнаты (в северо-западном и юго-западном углах, тогда как вход в здание располагался в северной и южной стене. Такие же особенности планировки характерны для эфиопских церквей и не встречаются в египетских коптских церквях. Также после 850 г. появилась такая уникальная черта нубийских церквей как узкий проход позади апсиды, соединявший две алтарные комнаты.⁴ По не совсем ясным причинам нубийские церкви были небольших размеров. В середине XIII в. появилась церковь упрощенной формы без алтарной комнаты, восточного прохода и даже западной угловой комнаты⁵. Возможно, это свидетельствовало о том, что

здание церкви использовалось только духовенством, тогда как сами службы проводились на улице. В пользу этого довода могут свидетельствовать в частности климатические особенности данной местности — редкие осадки и круглогодично высокая дневная температура.

Доказательства существования христианства в Нубии до 540 г.⁶ археологи получили еще в середине прошлого века, когда польская археологическая экспедиция под руководством проф. Казимира Михайловского приступила в 1960 г.⁷ к регулярным археологическим раскопкам в Фарасе.⁸ Проникновение христианства в эти места не удивляет. Жители Нижней Нубии поддерживали постоянные контакты с Египтом, а в Филе — на границе Египта с Нубии, уже в начале IV в. существовало епископство. В любом случае изменения в погребальных обычаях указывают на быстрое принятие христианства не только правящим классом, но и простыми людьми Нубии во второй половине VI в.⁹

Многочисленные документы, свидетельствующие о христианстве в Нубии, были найдены в рамках программы по спасению древних памятников в период строительства Ассуанской плотины.¹⁰ Так, в Каср Ибриме (Примисе) египетская археологическая экспедиция нашла около 90 документов христианского периода.¹¹ В 1965 г. экспедиция под руководством У. Адамса обнаружила здесь написанный на коптском и арабском языках документ о рукоположении епископа Тимофея в 1088 г., подписанный патриархом Гавриилом.¹²

В Каср Ибрим археологическая экспедиция Кембриджского университета в 1972 г. нашла многие документы христианского периода на коже, пергаменте, папирусе и бумаге на греческом, коптском, старонубийском и арабском языках.¹³ Документы на коптском языке соответствуют христианскому периоду в Нубии с V по XV вв.¹⁴ Для церковных служб в нубийских церквях использовались книги на греческом языке: Библия, литургические тексты и собрания проповедей. Старонубийский и греческий языки сосуществовали в Нубии еще с дохристианского периода, арабский же язык стал использоваться здесь с VII в.

На могильных плитах в Каср Ибриме также было обнаружено множество эпитафий. Прежде всего, это написанные на греческом языке эпитафии на 9 стеллах, посвященные епископам X–XII вв. Они контрастируют с аналогичными эпитафиями епископам, обнаруженными в Фарасе, где надписи на коптском и греческом языке идут параллельно.¹⁵

Ранние нубийские церкви были декорированы фресками. Часть этих росписей сохранилась до наших дней — прежде всего благодаря тому, что один собор и пять обычных церквей оказались занесены песками еще до окончания христианского периода и не стали жертвами вандализма в XVI в.¹⁶

Росписи осуществлялись на протяжении нескольких сотен лет. Более ранние фрески выглядят более простыми, у них более блеклые краски, а

фигуры святых выглядят более массивными. Фрески более позднего периода соответствует нубийскому стилю, для них использованы более яркие краски и многочисленные витееватые детали в росписи одежды, крыльев и других элементов. Лики святых также больше соответствуют реальным человеческим лицам, а нубийские епископы и цари изображены темнокожими.¹⁷ Однако уже к концу христианского периода церковные росписи вновь вернулись к упрощенному стилю, когда для них использовались главным образом желтый, белый и синий цвет.

Самое большое количество нубийских фресок сохранилось на стенах большого христианского собора в Фарасе. Здесь под тремя слоями обнаружено 169 фресок религиозной и исторической тематики¹⁸, написанных в соответствии с канонами коптской церкви. Около половины из этих фресок удалось восстановить.

В росписях фресок прослеживаются черты восточного влияния. Особенно хорошо это заметно на фреске с изображением архангела Михаила и трех отроков в печи огненной», где на юношах надета парфянская одежда, известная по скульптурам в Пальмире III в., в дальнейшем стиль этой одежды сохранялся в Сасанидской Персии, что могло также служить примером сасанидского влияния на нубийское искусство.¹⁹

Особое внимание исследователей привлекли фрески с изображением Богородицы с младенцем и архангела Михаила из капеллы епископа Иоанна. Возможно, это Нубийская царица со своей святой покровительницей, Богородицею²⁰. Позднее также в северном пределе собора был найден восхитительный фрагмент изображения Святой Анны (получившей название «Монна Лиза из Фараса»).²¹ Половина сохранившегося купола апсиды собора сдержит лик Иисуса Вседержителя (Пантократора). Еще одна фреска из северного предела изображает Архангела Михаила и голову Христа в окружении символов четырех евангелистов.²² Кроме того, на стенах Собора удалось идентифицировать более 400 надписей или граффити на греческом, коптском и старонубийском языках, в том числе обнаруженный на стене юго-восточного кафедрального притвора список 28 епископов Фараса от начала появления епископата в Пахорасе (Фарасе) и до XII в.. В «списке епископов» указывалась продолжительность епископского правления, но без привязки к исторической датировке. Однако даты смерти отдельных епископов (епископ Иоанн, ум. 1006 г., епископ Петрос, ум. 1062 г.), указанные на их могильных камнях позволили восстановить этот пробел. Эти епископы занимали соответственно 22 и 24 места в списке, что позволило предполагать время появления первого христианского епископа в этих местах.²³ Различные фрагменты рукописей примерно того же периода — по-видимому остатки соборной библиотеки, в том числе фрагменты Евангелия от Иоанна, Послания Коринфянам и Откровения были найдены археологической экспедицией Кембриджского университета в Каср Ибриме.

Росписи гончарных изделий, найденные в Фарасе, также имеют черты восточного влияния.²⁴ При этом контрастируют между собой изделия, изготовленные в период Балланы, имеющие достаточно простой орнамент, и изделия христианского периода с более частой и сложной системой декора, яркими цветами и разнообразными мотивами, включая изображения животных, птиц и рыб в дополнение к абстрактным фигурам. Аналогичные элементы декора встречаются в христианских церквях того периода. При этом следует отметить, что речь здесь идет не о повседневной глиняной посуде, а о так называемых парадных изделиях. К сожалению, нет никаких данных для того, что бы можно было предполагать, что нубийские монастыри являлись центрами коммерческого производства по аналогии с некоторыми египетскими и европейскими монастырями. Однако, скорее всего, каждый монастырь занимался производством различных видов ремесленных товаров, необходимых самими служителям, и есть доказательства, что продукты, по крайней мере, в некоторых случаях вывозились за пределы монастырских стен. Вероятно, керамическое производство в Фарасе началось в расположенном там монастыре. Возможно, через какое-то время здания, где производились гончарные изделия, перестали иметь какую-либо религиозную функцию, а доход от их производства просто переходила одной из многочисленных церквей Фараса, здешнего монастыря или ближайшего монастыря Каср-эль-Визз.²⁵ Это может объяснить близкие параллели между классическими христианскими росписями керамики и церковным убранством.

Следует также отметить, что гончары Фараса того времени специализировались на производстве амфор, которые могли применяться только для вина. Какой-либо информации о производстве вина в средневековой Нубии у нас нет. Тем не менее арабские писатели и упоминают о виноградниках, особенно в южной части Нижней Нубии. Товарное виноградарство подразумевает значительное количество совместных общественных усилий, что связывало это производство обычно с монастырями (в Египте и в Европе). Поэтому априори существует вероятность того, что виноградники Нубии находились под контролем монастырей, особенно если предположить, что они размещались в районе, где эти монастыри были сосредоточены.

***

Памятниками средневековой христианской нубийской цивилизации являются ее большие и малые города с соборами и монастырями²⁶. Крупнейший из них — Старая Донгола — расположен на восточном берегу Нила между III и IV порогами²⁷. В VI в. этот город был столицей царства Мукурра. Объединение Муккуры и северного царства Нобадия (около VII в.) превратило Донголу в столицу Нубии.²⁸ Другие города Мукурры: Кулубнарти и Восточная Сиерра, — были меньше по площади и населе-

нию, но и в них существовали христианские церкви. Так в Сьерре при археологических раскопках открыты остатки четырех церквей XI в., а также отдельные христианские захоронения и памятники. Раскопки непосредственно в Старой Донголе и на прилегающих к ней территориях (всего около 150 га) ведутся Польской археологической экспедицией Варшавского университета начиная с 1964 г.²⁹

С V по XIV вв. Старая Донгола развивалась как город, расположенный на высоком берегу Нила и опоясанный крепостной стеной, с дворцом VII в. и главным собором. В непосредственной близости от города были построены Свято-Троицкий монастырь (XI–XIII вв.) и несколько отдельно стоящих церквей. В эпоху арабских завоеваний неподалеку была сооружена мечеть.³⁰ К востоку от мечети также найдены крупные мусульманские кладбища с могилами шейхов характерной конической формы (известной как *qubbab*)³¹. Это были большие здания из красного кирпича и камня с резными элементами архитектурного декора (капитулы колонн, перемычки, терракотовые оконные решетки), а также храмовые росписи³², лучше всего сохранившиеся в Свято-Троицком монастыре.³³ В монастыре и церквях вне его были обнаружены многочисленные надписи на греческом, коптском и старых нубийских языках. Эти эпитафии, литургические тексты, остраконы и граффити содержат значительную информацию. Кроме того, в местах раскопок было обнаружено большое количество артефактов бытового назначения (в целом или фрагментарном виде) — сосуды, масляные лампы, фрагменты чаш и большое количество, как правило, частично расплавленных обломков судов из голубого и зеленоватого стекла³⁴ — возможно, это было браком стекольного производства, находившегося поблизости от церквей. Находки датируются примерно 550–650 гг.³⁵ и дают немало для изучения развития христианской цивилизации средневековой Нубии.

К сожалению, самое обширное и самое южное из христианских государств Судана — Алва со столицей Соба (окрестности современного Хартума) — меньше всего изучено в археологическом отношении³⁶. Раскопки Шейни открыли остатки домов из красного кирпича, осколки керамики³⁷. В XIX–XX вв. троительство тройного города Хартум-Омдурман-Северный Хартум и превращение его в мегаполис сопровождалось уничтожением остатков древней и средневековой Собы. При этом было открыто некоторое количество произведений художественных ремесел, но еще больше погибло. Будем надеяться, что многое прояснят раскопки ближних и дальних провинций обширного царства Алва.

¹ Gartkiewicz P. M. Some remarks on the building history of the Cathedral of Faras // *Nubian Letter*. The Hague, 1983. № 1. P. 21–39.

² See Griffith, *Liverpool Annals*, XIII, 77.

- ³ Mileham Geoffrey S. Churches in Lower Nubia. University Museum: Philadelphia. 1910; Somers Clarke, Christian Antiquities in the Nile Valley, Oxford. 1912.
- ⁴ Adams William Y. Medieval Nubia Another Golden Age. // Expedition: Jan 1, 1993; 35,2 Periodicals Archive online. P.34.
- ⁵ Wlodzimierz Godlewski. Pachoras the Cathedrals of Aetios, Paulos and Petros the Architecture. Warsaw. 2006. P. 19–30
- ⁶ Plumley J M, “The Christian Period in Nubia as represented on the Site of Qasr Ibrim”, Nubia, Recentes Recherches, ed. K Michalowski (Warsaw, 1975), 101–110.
- ⁷ Arkadiusz Klimowicz and Patrycja Klimowicz., The socio-Political of Polish Archaeological discoveries in Faras, Sudan. // European Archaeology Abroad. Global Settings, Comparatives. Edited by. Sjoerd J. van der Linde, Monique H. van den Dries, Nathan Schanger & Corijanne G. Slappendel. Leiden: Sidestone Press, 2012. P. 287
- ⁸ Stefan Jakobielski. 35 Years of Polish Excavations at Old Dongola. // Dongola-Studien. Warszawa. 2001. P. 1
- ⁹ Paul Bowers. Nubian Christianity: The Neglected Heritage. // Africa Journal of Evangelical Theology IV.1 (1985) 3–23. P. 6.
- ¹⁰ Adam Lajtar, Jacques van der Vliet. The Coptic and Greek Inscriptions from Qasr Ibrim: Announcing A Forthcoming Publication. // Between the Cataracts. (Proceedings of the 11th Conference of Nubian Studies. Warsaw University, 27 August-2 September 2006). Polish Archaeology in the Mediterranean Supplement Series volume 2 part 2, fasc. 2. Warsaw. 2010. P. 713.
- ¹¹ Adam Lajtar, Jacques van der Vliet. The Coptic and Greek Inscriptions from Qasr Ibrim: Announcing A Forthcoming Publication. // Between the Cataracts. Vol. 2. Part 2, fasc. 2. Warsaw. 2010. P. 713.
- ¹² 420 حـفـصـم 2002 ةبـتـكـم “ةسـيـنـكـلـا خـيـرـاتـى فـةسـيـفـنـلـا ةـدـيـرـخـلـا” سـرـوـذـيـسـيـا فـقـسـالـا (Епископ Aisizwors “Драгоценная Жемчужина в истории Церкви”. 2002 г. P. 420. (на арабском языке).
- ¹³ Joost L. Hagen. A City that is set on a hill cannot be hid'. Progress report on the Coptic Manuscripts from Qasr Ibrim // Between the Cataracts. Vol. 2. Part 2, fasc. 2. Warsaw. 2010. P. 719–720. В настоящее время они представлены в Британском музее, Египетском музее (Каир), Коптском музее (Каир) и в Нубийском музее (Асуан): Joost L. Hagen. A City that is set on a hill cannot be hid'. Progress report on the Coptic Manuscripts from Qasr Ibrim // Between the Cataracts. Vol. 2. Part 2, fasc. 2. Warsaw. 2010. P. 720.
- ¹⁴ Joost L. Hagen. A City that is set on a hill cannot be hid'. Progress report on the Coptic Manuscripts from Qasr Ibrim // Between the Cataracts. Vol. 2. Part 2, fasc. 2. Warsaw. 2010. P. 721.
- ¹⁵ Joost L. Hagen. A City that is set on a hill cannot be hid'. Progress report on the Coptic Manuscripts from Qasr Ibrim // Between the Cataracts. Vol. 2. Part 2, fasc. 2. Warsaw. 2010. P. 724–725
- ¹⁶ Adams William Y. Medieval Nubia Another Golden Age. // Expedition: Jan 1, 1993; 35,2 Periodicals Archive online. P. 35
- ¹⁷ Bozena Mierzejewska. Intercessio Perpetua the Nubians and their Heavenly Allies in Painting. // Between the Cataracts. Vol. 2. Part 2, fasc. 2. Warsaw. 2010. P. 653–669

- ¹⁸ Michalowski K. The Chronology is discussed // *Kush*, XII. 1964. P. 195–207.: Чуть более пятидесяти из них в настоящее время выставлены в Национальном музее в Варшаве, остальные можно увидеть в Национальном музее в Хартуме.: *Ibid.* P. 295–297.
- ¹⁹ Arkadiusz Klimowicz and Patrycja Klimowicz., The socio-Political of Polish Archaeological discoveries in Faras, Sudan. // *European Archaeology Abroad. Global Settings, Comparatives.* Edited by. Sjoerd J. van der Linde, Monique H. van den Dries, Nathan Schanger & Corijanne G. Slappendel. Leiden: Sidestone Press, 2012. P. 297
- ²⁰ Michalowski. The Chronology is discussed . // *Kush*, XII. 1964. P. 295; Hintze F., Hintze U. *Civilizations of the Old Sudan. Kerma. Kush. Christian Nubia.* German.: Leipzig, 1968. P. 138; Bo ena Mierzejewska. *Intercessio Perpetua the Nubians and their Heavenly Allies in Painting.* // Bo ena Mierzejewska. *Intercessio Perpetua the Nubians and their Heavenly Allies in Painting.* // *Between the Cataracts. Vol. 2. Part 2, fasc. 2.* Warsaw. 2010. P. 661.
- ²¹ Hintze F., Hintze U. *Civilizations of the Old Sudan. Kerma. Kush. Christian Nubia.* German.: Leipzig, 1968. P. 139; Arkadiusz Klimowicz and Patrycja Klimowicz., The socio-Political of Polish Archaeological discoveries in Faras, Sudan. // *European Archaeology Abroad. Global Settings, Comparatives.* Edited by. Sjoerd J. van der Linde, Monique H. van den Dries, Nathan Schanger & Corijanne G. Slappendel. Leiden: Sidestone Press, 2012. P. 296
- ²² Hintze F., Hintze U. *Civilizations of the Old Sudan. Kerma. Kush. Christian Nubia.* German.: Leipzig, 1968. P. 144
- ²³ Shinne P. L, Shinne M., *New Light on Medieval Nubia.* // *Journal of African History*, VI, 3. 1965. P. 269
- ²⁴ Shinne P. L, Shinne M., *New Light on Medieval Nubia.* // *Journal of African History*, VI, 3. 1965. P. 267, 269
- ²⁵ Adams, William *Nubia, corridor to Africa.* Yewdale.1927. P. 503
- ²⁶ Przemyslaw M. Gartkiewicz. *The Cathedral in Old Dongola and its Antecedents.* // *Nubia I. Dongola 2.* Warszawa. 1990.; Stefan Jakobielski. *35 Years of Polish Excavations at Old Dongola.* // *Dongola-Studien.* Warszawa. 2001.; *Polskie Wykopaliska w Starej Dongoli. Polish Excavations at Old Dongola.* Muzeum Narodowe w Warszawie. National Museum in Warsaw. 2006.; Wlodzimierz Godlewski. *Pachoras the Cathedrals of Aetios, Paulos and Petros the Architecture.* Warsaw. 2006.
- ²⁷ Adams William Y. *Medieval Nubia Another Golden Age.* // *Expedition: Jan 1, 1993; 35,2 Periodicals Archive online.* P. 32. Уже в XIX в. название Донгола также получила расположенная в 100 км к северу от Старой Донголы столица северной провинции Судана.
- ²⁸ *Polskie Wykopaliska w Starej Dongoli. Polish Excavations at Old Dongola.* Muzeum Narodowe w Warszawie. National Museum in Warsaw. 2006. P. 9; Adams William Y. *Medieval Nubia Another Golden Age.* // *Expedition: Jan 1, 1993; 35,2 Periodicals Archive online* p. 32; Welsby Derek A. *The Medieval Kingdoms of Nubia: Pagans, Christians an Muslims along the Middle Nile.*// *Journal of Near Eastern Studies.* Vol. 63 No.3. London: British Museum Press, 2004. P. 226
- ²⁹ Stefan Jakobielski. *35 Years of Polish Excavations at Old Dongola.* // *Dongola-Studien.* Warszawa. 2001. P. 1

- ³⁰ Przemyslaw M. Gartkiewicz. The Cathedral in Old Dongola and its Antecedents. // Nubia I. Dongola 2. Warszawa. 1990. P. 21–28.
- ³¹ Отношениям Нубии с Халифатом освещены в работах Ю. М. Кобищанова. У. Адамса, Д. А. Уэсли.: Кобищанов Ю. М К вопросу о социально-экономических отношениях в средневековой Нубии / Социальные структуры доколониальной Африки (сборник). М., 1970. С. 92–132; Кобищанов Ю. М. и др. Очерки истории исламской цивилизации. Т. 1. М., 2008. С. 110 сл., 117 сл., 776–786; т. 2. М., 2008. С. 549. Adams, William Nubia, corridor to Africa. Yewdale. 1927. P. 436; Polskie Wykopaliska w Starej Dongoli. Polish Excavations at Old Dongola. Muzeum Narodowe w Warszawie. National Museum in Warsaw. 2006. P. 14–15; Welsby Derek A. The Medieval Kingdoms of Nubia: Pagans, Christians an Muslims along the Middle Nile. // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 63 No.3. London: British Museum Press, 2004. P. 226.
- ³² Malgorzata Martens-Czarnecka. Two Unique Painting in the Monastery on Kom H in Old Dongola. // Between the Cataracts. Vol. 2. Part 2, fasc. 2. Warsaw. 2010. P. 711
- ³³ Polskie Wykopaliska w Starej Dongoli. Polish Excavations at Old Dongola. Muzeum Narodowe w Warszawie. National Museum in Warsaw. 2006. P. 15
- ³⁴ Przemyslaw M. Gartkiewicz. The Cathedral in Old Dongola and its Antecedents. // Nubia I. Dongola 2. Warszawa. 1990. P. 38
- ³⁵ Jakobielski Stefan, Kush XVI, P. 4
- ³⁶ Paul Bowers. Nubian Christianity: The Neglected Heritage. // Africa Journal of Evangelical Theology iv.1 (1985). P. 6; Based on reevaluation of the evidence by P M Holt, “A Sudanese Historical Legend: the Funj Conquest of Suba” BSOAS xxiii (1960) 1– 17; Welsby Derek A. The Medieval Kingdoms of Nubia: Pagans, Christians an Muslims along the Middle Nile. // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 63 No.3. London: British Museum Press, 2004. P. 227; Derek A. Welsby. Soba East. // Sudan Ancient Treasures. London. [ed.] Welsby D. and Anderson R. J. London.: British Museum, 2004. P.227–237.
- ³⁷ Derek A. Welsby. Soba East. // Sudan Ancient Treasures. London. [ed.] Welsby D. and Anderson R. J. London.: British Museum, 2004. P.227–237

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Историк Святой Земли: к 70-летию Н.Н. Лисового

С.Ю. Житенёв, Л.Г.Калинина

Исполнилось 70 лет Николаю Лисовому — известному ученому, автору выдающихся трудов в области истории России, Русской Церкви и отечественной культуры, русского присутствия на Ближнем Востоке. Николай Николаевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, автор около 400 научных и научно-популярных работ в том числе 15 монографий. На стыке истории Церкви и истории дипломатии Лисовым и его учениками создается новое актуальное и перспективное направление исследований — православное востоковедение, т.е. наука о Православном Востоке.

Николай Николаевич ведет также большую общественную работу. Он является заместителем председателя Научного совета РАН «Роль религий в истории», членом Экспертного совета Макариевского Фонда, член редколлегии ежегодника «Религии мира», ответственный редактор «Православного Палестинского Сборника». Лисовой ведет большую работу по популяризации исторических знаний: выступает по радио и телевидению. Не одно поколение слушателей помнит его увлекательные лекции в Политехническом музее, Государственном историческом музее, Палестинском Обществе. Неслучайно на одном из церковных сайтов Лисового назвали «московским златоустом». Мы помним его и как замечательного ведущего ежедневной передачи «Православный календарь» на телеканале «Россия» в 1997–1998, автора радио-бесед «Ветка Палестины», постоянного гостя передачи «Русское слово», которое ведет на «Народном радио» инокиня Ольга Гобзева. На канале «Спас» регулярно демонстрируется телевизионного исторический телелекторий Лисового «Откуда есть пошла Русская Земля» (более 50 серий, студия «Радость моя»).

Юбилей Н.Н. Лисового прошел по Москве, можно сказать, «волной», волнуя и вовлекая сотрудников различных научных и общественных организаций.

Председатель Императорского Православного Палестинского общества С.В. Степашин устроил 24 октября торжественный прием в честь юбиляра в особняке ИППО на улице Забелина.

«Мы сегодня с Вами собрались для того, чтобы торжественно отметить в родном кругу соратников и друзей знаменательную дату — 70-летие со Дня рождения Николая Николаевича Лисового, — сказал в своем приветствии Сергей Вадимович Степашин. — Николай Николаевич является признанным хранителем традиций и самым авторитетным специалистом по истории нашего Общества. В 1974 г. он вступил в Российское Палестинское Общество при АН СССР, в 1989 г. Николай Николаевич был избран членом совета Общества, в составе которого бесменно работает до настоящего времени, с 1995 г. — заместитель Председателя Общества.

Наш юбиляр известен в России и за рубежом как один из виднейших учёных, занимающихся историей русско-иерусалимских духовных, политических и гуманитарных связей, историческим и современным состоянием Святой Земли. В 1992 г. он стал одним из инициаторов возвращению Обществу исторического названия — Императорское Православное Палестинское Общество. Научные занятия историей русско-палестинских связей всегда осуществлялись Николаем Николаевичем в широком контексте его трудов по истории Русской Православной Церкви и отечественной богословской мысли. Количество его научных публикаций давно перевалило за 400 наименований!

Хочу обратить Ваше внимание на то, что все наиболее важные издательские проекты ИППО за последние двадцать пять лет связаны с неустанной просветительской деятельностью Н.Н. Лисового. С середины 1990-х гг. он практически возглавил редакцию «Православного Палестинского Сборника», привлекая в качестве авторов многих известных и начинающих специалистов по самым различным аспектам научных исследований, связанных с историей и современным состоянием ближневосточной проблематики. За последние двадцать пять лет им были организованы десятки научных конференций нашего Общества по широкому спектру актуальных проблем и вопросов. Николай Николаевич обладает уникальным даром слова, известен как талантливый поэт, публицист, автор сценариев и ведущий телевизионных фильмов».

От имени Совета Председатель Палестинского Общества пожелал юбиляру многих лет жизни, здоровья, радости, любви и творческих успехов.

Выступивший на приеме заместитель министра иностранных дел М.Л. Богданов подчеркнул актуальность 40-летней работы Н.Н. Лисового в этой старейшей неправительственной организации не только в научном

плане, но и в практическом — с точки зрения использования его знаний в продолжающейся борьбе за возвращение России нашего национального достояния в Святой Земле. Изданные им шесть томов документов по русскому церковному и дипломатическому присутствию на Ближнем Востоке, стали настольными для российских дипломатов и представителей Русской Церкви в странах региона.

К юбилею также обратились с искренними словами приветствия и поздравления: руководитель Научной секции ИППО, председатель Научного совета РАН «Роль религий в истории» А.В. Назаренко, заведующий Сектором межрелигиозных контактов ОВЦС Московского Патриархата диакон Димитрий Сафонов; ветераны ИППО — возглавлявший Общество в труднейшие девяностые годы О.Г. Пересыпкин, сопредседатель Российского комитета солидарности с народами Ливии и Сирии О.И. Фомин, почетный член ИППО, председатель Ассоциации российских дипломатов МИД РФ П.С. Акопов. Выступили также ученики Н.Н. Лисового — ученый секретарь Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН И.Ю. Смирнова, секретарь Московского областного отделения ИППО Р.Б. Бутова, главный редактор издательства «Индрик» К.А. Вах.

На другой день Николая Николаевича тепло поздравили друзья и коллеги в родном Центре истории религии и Церкви. «Такие ученые украшают наш институт», — сказал, обращаясь к нему, Ю.А. Петров, директор Института российской истории РАН, где уже почти четверть века трудится юбиляр. К знаменательной дате вышла новая монография Лисового «Церковь, Империя, культура: очерки синодального периода», а институт издал сборник научных трудов в честь его 70-летия, собранный его друзьями и учениками. В адресе, врученном в этот день юбиляру, говорится: «В Вашем лице мы чествуем признанного специалиста по истории России, Русской Православной Церкви, русской исторической и богословской наук. Размах Вашего творчества впечатляет: около 500 научных и научно-популярных работ, в том числе 15 монографий. В них нашли отражение Ваши исследования в самых разных областях исторической науки: источниковедении, археологии, церковной истории, теологии, истории языка и литературы России и Византии и стран Православного Востока. Наиболее значителен Ваш вклад в изучение истории Святой Земли и российско-ближневосточных связей. Благодаря Вашей инициативе, деятельности составителя и комментатора систематически издается серия «Библиотека Русской Палестины», в которой публикуются классические труды в области отечественного палестиноведения. Ваши труды, научный авторитет, а также такие личные черты как отзывчивость и обаяние помогли вырастить плеяду молодых историков».

«Странствия Одиссея» — так назывался творческий вечер поэта, историка, философа Николая Лисового, собравший любителей поэзии

26 октября в Большом зале Центрального Дома литераторов. Вечере, который ярко и умело вела известная киноактриса, а ныне инокиня Ольга Гобзева, приняли участие поэты, историки и литературоведы — друзья и соратники по литературному цеху. Подарком юбиляру и всем собравшимся стали песни на стихи Н.Н. Лисового, исполненные талантливым священником-бардом Евгением Тремаскиным, а также церковные песнопения и народные песни в исполнении Московского академического камерного хора под управлением Сергея Желудкова.

Торжества в честь юбилея продолжились торжественным вечером в Доме русского зарубежья им. А.Н. Солженицына. Открыл вечер заместитель Председателя ИППО С.Л. Байдаков, который тепло поздравил Николая Николаевича и огласил обращение в адрес юбиляра от Председателя ИППО С.В. Степашина. «Уважаемый Николай Николаевич! От имени Совета Общества от всей души поздравляю Вас с 70-летием со Дня рождения! Ваша уникальная научная и общественная деятельность, которую Вы ведёте в рамках ИППО, снискала Вам искреннее уважение и широкую известность не только среди членов Общества, но и в широких кругах отечественной творческой интеллигенции! Николай Николаевич, широко известна Ваша постоянная и неустанная научно-просветительская деятельность, которую Вы ведёте в печатных и электронных средствах массовой информации по популяризации истории и современной жизни Русской Палестины, деятельности ИППО, его основателей и выдающихся деятелей. В этот замечательный день разрешите пожелать Вам многих лет жизни, здоровья, радости, любви и творческих успехов в его многогранной научной и общественной деятельности!»

В начале вечера был показан фильм о Н.Н. Лисовом, который подготовил к юбилею действительный член ИППО, известный кинорежиссёр, член Академии Российского телевидения Игорь Калядин. Торжественный вечер вели Р.Б. Бутова, секретарь Московского областного отделения ИППО, и С.Ю. Житенёв, заместитель руководителя Научной секции Общества, которые кратко описали собравшимся в зале многогранную деятельность юбиляра. С.Ю. Житенёв представил юбилейный сборник «Церковь в истории России. Сборник 11. К 70-летию Николая Николаевича Лисового».

С дружескими поздравлениями выступили директор Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына, член Совета Московского отделения ИППО В.А. Москвин, заместитель Председателя Отдела внешних церковных связей МП протоиерей Николай Балашов, президент Международного общественного фонда единства православных народов В.А. Алексеев, председатель Наблюдательного совета Фонда «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» А.В. Громова, первый вице-предво-

дитель Российского Дворянского Собрания А.Ю. Королёв-Перелешин, заведующий канцелярией Главы Дома Романовых великой княгини Марии Владимировны А.Н. Закатов. Приветствие на древнегреческом языке прозвучало из уст Маргариты Чернышевой — председателя Комиссии по лексикологии при Международном комитете славистов.

В адресе, зачитанном председателем Московского областного отделения ИППО Ю.П. Смирновым, говорилось: «Ваша научная мысль неизменно устремлена к истории Святой Руси и Святой Земли, неразрывно слившихся в сознании нашего народа. Верный сын Русской Православной Церкви, Вы соединили национально-русское имперское сознание со вселенской природой Православия. Мы счастливы тем, что трудимся с Вами рука об руку в Императорском Православном Палестинском Обществе, для которого Вы — не просто один из руководителей, но и вдохновитель и идеолог».

Также были оглашены поздравления Н.Н. Лисовому, которые были направлены по почте от митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского и представителя России при Государстве Палестина А.Н. Рудакова.

Н.Н. Лисовой искренне поблагодарил всех выступавших и собравшихся на вечер в его честь, а также выразил надежду на продолжение совместной работы на благо и развитие Императорского Православного Палестинского Общества.

В завершение торжественного вечера состоялся концерт московских артистов Ларисы Шияновой и Кирилла Головлёва, которые исполнили отрывки из классических оперных произведений, русские народные песни и романсы.

В связи с юбилеем Н.Н.Лисовой был удостоен наград и грамот. Палестинское Общество отметило его высшей своей наградой — почётным знаком ордена преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл II наградил орденом Святого равноапостольного Владимира второй степени, великая княгиня Мария Владимировна — орденом Святой Анны второй степени. В грамоте великой княгини на имя юбиляра говорится: «В воздаяние заслуг перед Отечеством и Русской Православной Церковью и во свидетельство особого нашего благоволения всемилостивейше возвели заместителя председателя ИППО, доктора исторических наук Н.Н. Лисового в достоинство кавлера императорского ордена Святой Анны в ознаменование чего мы собственноручно подписали и вручили сему кавалеру настоящую грамоту на право ношения орденского знака второй степени. Дана в Мадриде 23 сентября/6 октября 2016 года, в XXV лето восприятия нами прав и обязанностей августейших предков наших — императоров всероссийских». От Союза писателей России юбиляру была вручена золотая медаль имени В.М. Шукшина, от общества «Радонеж» — серебряная медаль преподобного Сергия Радонежского.

ПАМЯТИ ПОЧИВШИХ

ОЛЬГА БОРИСОВНА ФРОЛОВА

12 июля 2015 г. на 90-м году жизни скончалась О.Б. Фролова, известная русская арабистка, одна из последних учениц академика И.Ю. Крачковского.

Почти четверть века, с 1975 по 1998 г., она руководила Кафедрой арабской филологии Восточного факультета СПбГУ, и это было время стабильной и плодотворной работы кафедры, на которой в те годы царила неизменно спокойная и деловая атмосфера. Такой настрой умело поддерживала Ольга Борисовна, стремясь сохранить все то, что было основано ее славными учителями — И.Ю.Крачковским, В.А.Крачковской, В.И.Беляевым. Ольга Борисовна не создала своей семьи, что было нередким для женщин военного поколения, и все свои силы, все нерастратенное тепло своей души, всю свойственную ей доброжелательность отдала коллегам, друзьям и ученикам, той кафедре, на которую она пришла в 1945 г. еще юной абитуриенткой, и беззаветному служению науке.

Ольга Борисовна вела такие важные курсы как «Введение в арабскую филологию», чтение средневековых исторических и географических текстов, Коран (комментированное чтение и перевод) и целый ряд специальных курсов, некоторые из них на арабском языке. Большой популярностью пользуются до сих пор созданные ею в 70–80-х гг. учебные пособия «Мы говорим по-арабски» и «Учебник арабского диалектного языка Египта», выдержавшие несколько изданий. Особое место в преподавательской деятельности О.Б.Фроловой занимали курс и семинар «Описание арабских рукописей», начатые еще В.И.Беляевым и ею продолженные. Этот курс был уникальным для университетов России и республик, входивших тогда в состав Советского Союза, и совершенно необходимым для подготовки работников богатейших рукописных хранилищ нашей страны и за рубежом.

Преподавательская активность Ольги Борисовны не ограничивалась Россией. Четыре учебных года (1959–1963) она преподавала в Каирском

университете «Айн Шемс» и возглавляла в нем секцию русского языка; в 1979/80 г. читала курс по истории русской арабистики в Хартумском университете (Судан). В обоих этих университетах о ней вспоминают с уважением и благодарностью.

С разнообразной учебно-педагогической деятельностью Ольги Борисовны была связана и ее научная работа. Началась она с аспирантской подготовки по традиционной для петербургской арабистики теме: исследования арабских источников по истории нашей страны. Помимо защищенной в 1954 г. кандидатской диссертации о летописи Ибн аль-Асира (XIII в.), работа над этой темой нашла отражение и позже, в статьях 60–70-х гг.: «Описание Каспийского моря в “Космографии” аль-Казвини», «Топонимы Средней Азии в “Словаре стран” Йакута» и ряд других.

Но в конце 50-х гг. в ее научных интересах происходит крутой поворот к новой, еще только начинающей заявлять о себе проблеме структурного исследования арабского языка с целью создания алгоритмов машинного перевода с арабского языка на русский и с русского на арабский. Однако это оказалось лишь временным увлечением: настоящая любовь, ее собственная тема в науке, также связанная с интересом к современным задачам, появилась после путешествия в Египет и знакомства с жизнью и бытом арабов — египетская народная поэзия, изучение фольклора. Этим занятиям, помимо соприкосновения с живым египетским материалом, весьма способствовала научная подготовка, полученная ею в Ленинграде, — глубокое знание классической арабской поэтической традиции. Так появилась большая серия статей, в числе которых «Египетская народная поэма о Юрии Гагарине», «Антифеодальная египетская поэма Нагиба Сурура», «Маввали Юсуфа аль-Магриби» и другие, вошедшие позже в ее итоговый сборник «С перелетными птицами в Африку» (2008).

Среди этих статей особую ценность представляет работа «Египетские народные песни о любви», написанная на материале хранящейся в Библиотеке Восточного факультета рукописи из коллекции А.О.Мухлинского. Работа Ольги Борисовны содержит факсимильный текст песен, их транскрипцию, перевод и краткое исследование. Итоги ее разысканий и раздумий были частично подведены в докторской диссертации «Египетская поэзия на народно-разговорном языке. Новые материалы и современные направления развития», успешно защищенной в 1975 г. За этим последовала монография «Поэтическая лексика арабской лирики. Арабские поэты и народная поэзия» (1984), в которой прослеживаются общие направления функционирования специальной поэтической лексики в песенном фольклоре, в средневековой и современной арабской лирике. Монография с исправлениями и дополнениями вышла вторым изданием в 2012 г.

С этой большой любовью Ольги Борисовны была связана другая, не меньшая по силе и значению — арабские рукописи. От исследования ма-

нускриптов, содержащих материалы по арабской народной поэзии, Ольга Борисовна перешла к систематическому изучению всей рукописной коллекции Восточного факультета, что сочеталось с проводимым ею семинаром по описанию рукописей. Университетская коллекция не привлекала до тех пор особо пристального внимания ученых, поскольку она содержит в основном позднесредневековые рукописи. Но именно это обстоятельство — неизученность данной коллекции — притянуло к себе Ольгу Борисовну. Она была убеждена, что позднюю эпоху в истории арабской культуры не следует считать, как это принято даже в арабском мире, периодом полного упадка, что созданные тогда культурные ценности (в значительной части своей связанные с народной литературой) заслуживают самого серьезного изучения. Эту мысль она развивает в целой серии статей и докладов. Подготовленный ею каталог факультетского собрания («Арабские рукописи восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета», 1996) — труд, отмеченный первой университетской премией, имеет огромное значение для мировой арабистики.

Исследовательской работе профессора О.Б.Фроловой неизменно сопутствовала переводческая деятельность: ей принадлежит большое количество переводов арабских классиков XX в. — Мухаммеда Хусейна Хайкаля, Махмуда Теймура, Нагиба Махфуза и др.

В 2004 г. за научные и педагогические заслуги О.Б.Фроловой было присвоено звание почетного профессора СПбГУ. Ее ученые труды (а их более 300) широко известны в арабских странах и на Западе. Она возглавляла ассоциацию гуманитарного сотрудничества с арабскими странами, являлась членом Императорского Православного Палестинского общества, членом Европейского союза арабистов и исламоведов, участвовала в работе Комитета солидарности со странами Азии и Африки. К медали «За оборону Ленинграда», полученной за учебу и труд во время блокады, в последние годы добавились медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2й степени и «Медаль И.Ю.Крачковского» — за научные заслуги.

Друзья Ольги Борисовны в России, в странах Запада и Арабского Востока, которые ценили не только ее научные и преподавательские заслуги, но и человеческое обаяние, деликатность, доброжелательность, были глубоко опечалены ее уходом из жизни.

Профессор А. А. Долинина.

Научное издание

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 112

Ответственный редактор
д.и.н. Н.Н. Лисовой

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: market@indrik.ru
or by tel./fax: +7 495 938-01-00

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
26,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6